

'Planesrunner is chock-full of awesome!'

Pablo Bacigalupi, award-winning author of *Ship Breaker*

PLANES RUNNER

EVERNESS BOOK I

IAN McDONALD

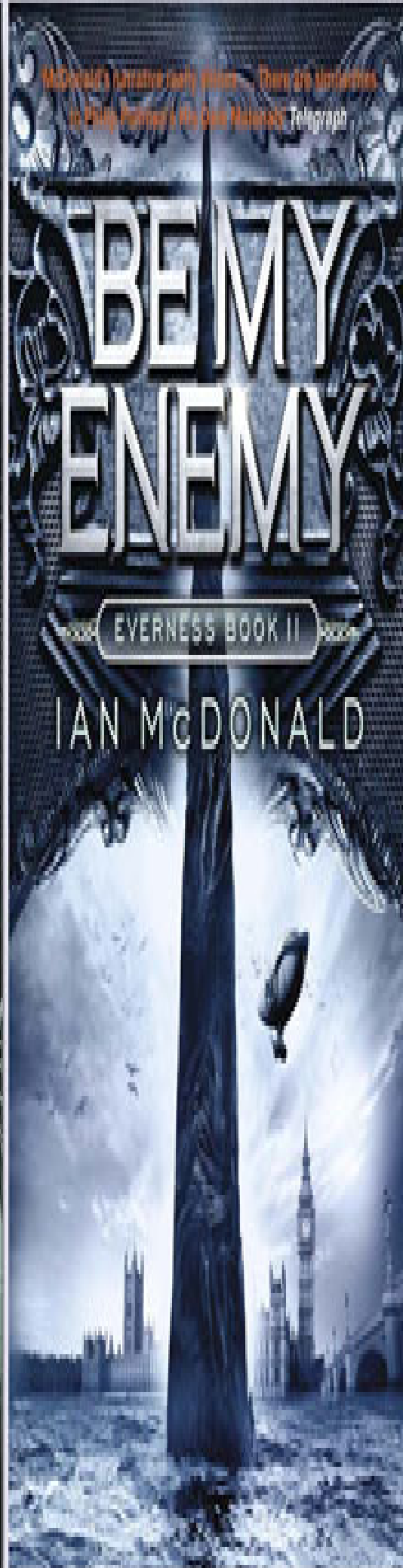

*McDonald's narrative really shines... There are similarities
to Philip Pullman's *His Dark Materials** Telegraph

BEMY ENEMY

EVERNESS BOOK II

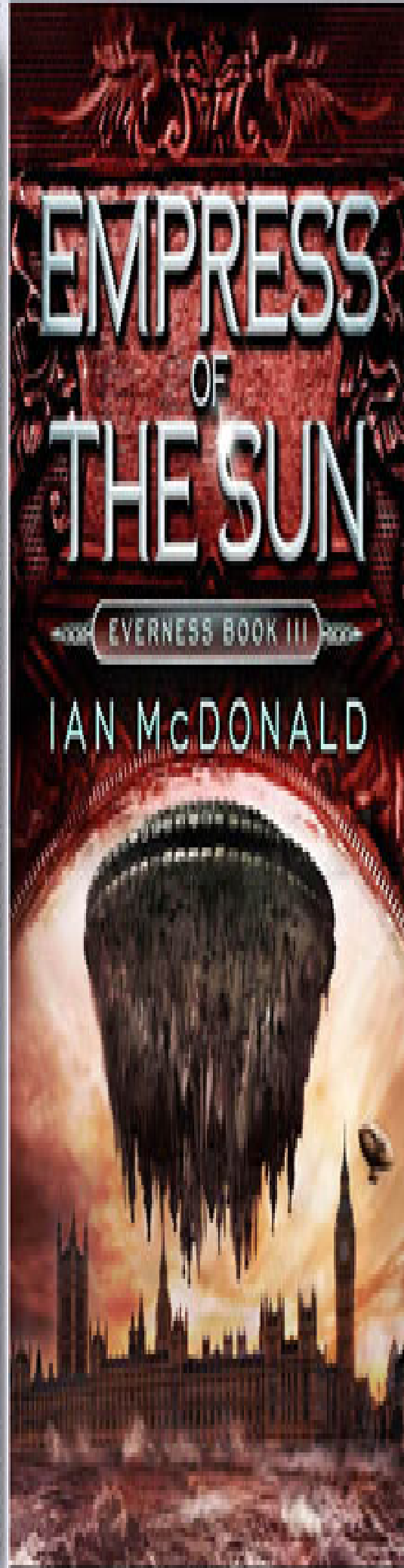
IAN McDONALD

EMPRESS OF THE SUN

EVERNESS BOOK III

IAN McDONALD

Annotation

СТРАННИК МЕЖДУ МИРАМИ (Planesrunner)

Теория параллельных Вселенных была популярна во все времена. Однако, только отцу Эверетта Сингха удалось доказать, что наша Земля существует как минимум в десяти вариантах.

Теория так и осталась бы теорией, если бы отец юного Эверетта внезапно не исчез, а в его планшетнике не появился загадочный «Инфундибулум» — своеобразная карта параллельных Вселенных.

И теперь уж юному Эверетту не до теорий! Ведь на практике приходится, что есть сил, уходить от преследователей, которые ради этой карты готовы пойти на все. Эверетт решает совершить прыжок в параллельный мир, чтобы отыскать своего отца, а заодно и ответы на все вопросы!

БУДЬ МОИМ ВРАГОМ (Be My Enemy)

Продолжение истории Эверетта Сингха, пытающегося найти отца во множестве параллельных Вселенных. Завоевав любовь Сен и ее матери — капитана «Эверенесса», Эверетт отправляется в три разные вселенные, чтобы спасти свою семью. В одной вселенной из них мир предстает ледяной пустыней; во второй — мир во всем похож на наш с одним только отличием — инопланетяне живут на Луне и активно обмениваются технологиями с землянами. В третьей вселенной Эверетт попадает в Лондон, остатки населения которого ведут неравную борьбу с сошедшими с ума наномашинами. В каждом мире Эверетту предстоит сделать трудный выбор, но он еще не знает, что самый злейший его враг — он сам...

ИМПЕРАТРИЦА СОЛНЦА (Empress of the Sun)

В третьей книге цикла «Эвернесс» приключения Эверетта Сингха и команды дирижабля «Эвернесс» продолжают. Герои попадают на диск Алдерсона — параллельный мир, населенный разумными динозаврами, которые вынашивают планы по захвату других миров Пленитуды.

Эверетт Л Сингх, принеся с собой на Землю-10 страшную угрозу в лице Нано, в одиночку сражается с захватчиками, заводит

нового друга, влюбляется и пытается стать защитой семье Эверетта Сингха. В это время Шарлотта Вильер продолжает плести интриги, мечтая захватить власть в Пленитуде и похитить Инфундибулум.

- [Йен Макдональд](#)
 - [СТРАННИК МЕЖДУ МИРАМИ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [Глоссарий](#)
 - [БУДЬ МОИМ ВРАГОМ](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [ГЛОССАРИЙ:](#)

○ [ИМПЕРАТРИЦА СОЛНЦА](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [СВЕТ!](#)
- [ГЛОССАРИЙ ПАЛАРИ](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Йен Макдональд
ЭВЕРНЕСС

СТРАННИК МЕЖДУ МИРАМИ

Машина была черная. Корпус черный, бампер черный, колеса черные и стекла тоже черные. Дождь оседал на блестящей поверхности черными маслянистыми каплями. Черный автомобиль в ночной тьме. Эверетт Сингх застегнул молнию до самого подбородка и натянул капюшон, наблюдая, как черная машина ползет вверх по склону вплотную за его отцом, всю налегающим на педали. Вечер был самый неподходящий для велосипедных прогулок. Деревья раскачивались, махая ветвями на ветру. Ветер — враг велосипедиста. Новогодние украшения на фасаде Института современного искусства дергались и громыхали. Эверетт давно заметил: каждый год, как только городской совет Стоук-Ньюингтона развесит на улицах фонарики к зимним праздникам, обязательно поднимется буря и все их посрывает. Он отправил городскому руководству письмо по электронной почте с советом вешать фонарики на неделю позже. Они даже не ответили! Буря и в этом году налетела, как обычно, — вдоль Хай-стрит валялись сорванные ветром украшения.^[1] Эверетт Сингх всегда обращал внимание на такие вещи: совпадения, взаимосвязи и закономерности.

Потому и автомобиль заметил. Вместо того, чтобы раздраженно обогнать медлительного велосипедиста, черная машина сбросила скорость и упорно следовала за ним. Лондонские машины так себя не ведут, особенно в холодный дождливый вечер понедельника, поднимаясь вверх по Мэллу за десять дней до Рождества. Папа, конечно, ни сном ни духом. Когда Теджендра садился на велосипед, он уже ничего вокруг не видел. Он увлекся велосипедной ездой вскоре после развода. Говорил, что это прекрасный способ передвижения, быстрый, экологичный и помогает держаться в хорошей спортивной форме. Эверетт рассказал об этом на сайте Divorcedads.com. Форум был создан с самыми благими намерениями — чтобы «дети могли обсудить в Интернете тяжелые переживания, связанные с разводом родителей». А дети превратили отведенное им сетевое пространство в клуб для разговоров о дурацком поведении отцов. Постоянные посетители форума единодушно объявили, что для разведенного папы

вполне типично купить роскошный двухподвесочный маунтинбайк за четыре тысячи фунтов и ездить на нем по таким дорогам, где днем с огнем не найдешь пригорка выше, чем «лежащий полицейский». Участник с ником Удавка полубопытствовал, почему было не купить «Порше», как все. «Потому что мой папа — не такой, как все», — ответил Эверетт.

Другие отцы дают сыновьям имена знаменитых футболистов, или родственников, или тех, кто выступает по телевидению, а Теджендра назвал сына в честь ученого-физика. Другие после футбольного матча ведут сыновей в пиццерию, а Теджендра устраивал в своей новой квартирке «вечера кулинарных изысков». После каждого матча любимой команды «Тоттенхэм Хотспур» на своем поле они с Эвереттом устраивали пир по рецептам разных стран. Теджендра любил тайскую кухню, Эверетту хорошо удавалась мексиканская. Другие отцы водили сыновей на лазерный пейнтбол, занимались с ними картингом или серфингом, а Теджендра брал с собой Эверетта в Институт современного искусства, на лекции о нанотехнологиях, фрикономике и о том, что будет, когда иссякнут природные запасы нефти. Эверетту нравилось. По крайней мере, не скучно.

И вот сейчас Теджендра жал на педали, нагнув голову от ветра и дождя, сверкая флуоресцентной лайкрой, светодиодным проблесковым маячком и отражателями, а за ним на малой скорости следовал здоровенный черный автомобиль немецкого производства. Отцы-индусы не должны носить лайкру, подумал Эверетт и замахал рукой. Продернутые в манжеты гибкие светящиеся шнуры выписывали в воздухе замысловатые сияющие кривые. Теджендра заметил, помахал в ответ, велосипед немедленно завихлял, Теджендра был совершенно бездарным велосипедистом. Встречный ветер чуть не погнал его назад, в сторону Конститушн-хилл. Почему эта машина никак его не обгонит? Ползет не быстрее десяти километров в час. Ага, ускорилась! Взревев мотором, обошла велосипедиста и остановилась, преградив ему путь. Теджендра вывернул руль и затормозил, чуть не сверзившись при этом на землю.

— Папа! — закричал Эверетт.

Из машины вышли трое в длинных темных пальто. Теджендра попытался заорать на них. Неизвестные действовали быстро и уверенно. Один завернул Теджендре руку за спину, второй толкнул его

в машину, на заднее сиденье. Третий поднял и швырнул в багажник упавший велосипед. Хлопнули дверцы. Черный автомобиль тронулся с места. Очень уверенно и очень быстро. Эверетт так и стоял, ошарашенный, забыв опустить руку, не зная, верить ли своим глазам. Черный автомобиль, набирая скорость, ехал прямо на него. Эверетт отскочил под колонны, украшающие фасад Института современного искусства, и вытащил из кармана телефон. Автомобиль промчался мимо. Желтым светящимся пятном в заднем окне мелькнул Теджендра. Эверетт шагнул к обочине и сделал снимок, второй, третий, четвертый. Он снимал, пока черная машина не затерялась в потоке транспорта, огибающего памятник королеве Виктории.

Нужно что-то делать... А Эверетт не мог сдвинуться с места. Наверное, так и проявляется шок. Посттравматический синдром. Столько всякого-разного можно было бы сделать. Эверетт представил себе, как бежит во весь дух за уносящимся вдаль черным автомобилем, под дождем, в час пик, по оживленному Мэллу. Никогда в жизни не догнать. Машина уже слишком далеко, а город велик. Никаких сил не хватит. Можно остановить такси и сказать водителю, чтобы следовал за той машиной. Теджендра как-то говорил, что каждый таксист мечтает поучаствовать в погоне. Ну допустим, он сумеет выследить черный автомобиль в потоке лондонского транспорта, и что дальше? Что он сделает один против троих здоровенных мужчин, которые подняли его отца, как котенка? Супергерои бывают только в комиксах. Можно броситься к прохожим, что спешат на лекцию по нанотехнологиям, укрывшись зонтами и подняв воротники: «Вы видели, что произошло? Видели?» Можно спросить дежурных в форменных рубашках у входа в музей. Только ничего они не видели. Они заняты своей работой: посетителей встречают.

Столько неправильных действий, как найти одно-единственное верное? В конце концов, Эверетт все-таки придумал, что делать. Он нажал три кнопки на мобильном телефоне.

— Алло, полиция? Меня зовут Эверетт Сингх. Я сейчас на Мэлле, около Института современного искусства. Моего папу похитили.

В полицейском участке воняло. Там недавно сделали ремонт, и запах промышленной особо стойкой краски пропитал буквально все, от входной двери до комнаты для допросов. От крепкого аромата потом неделю не избавишься. У Эверетта уже слегка кружилась голова. Впрочем, это могло быть и от мигающих ламп дневного света, слишком жарких батарей, от пересушенного кондиционером воздуха, от стула с выпуклой окантовкой, которая врезалась под коленями, нарушая кровообращение, так что ноги уже покалывали тысячи невидимых иголок. От любой из десятка причин, о которых в полиции не задумываются и которые выводят из равновесия обычных людей.

— Простите, можно воды?

— Конечно, Эверетт.

Полицейских было двое — мужчина и женщина. Говорила в основном женщина, инспектор по делам несовершеннолетних. Она старалась держаться дружелюбно, чтобы не напугать подростка. На вид ей было лет около тридцати; пухленькая крашеная блондинка с искусственно выпрямленными волосами, отчего лицо казалось чересчур большим. «Она похожа на переодетого комика, играющего роль женщины-полицейского», — подумал Эверетт. Названное ею имя он сразу забыл. Эверетт вообще плохо запоминал имена. Ли, Леанна, Леона? Представилась бы лучше по фамилии.

Мужчина, который вел протокол, был полной противоположностью Ли-Леанне-Леоне. Впалые щеки и усы, как у полицейских в фильмах семидесятых годов — Теджендра часто их смотрел по телеканалу «Дэйв-ТВ». У полицейского было усталое лицо, словно его уже ничто не в силах удивить, но нужно быть на всякий случай готовым — вдруг мир еще подбросит ему сюрприз. Звался он сержант Миллиган. Эверетту это понравилось. Хотя на его просьбу откликнулась Ли-Леанна-Леона, воду из кулера в дальнем углу комнаты принес Усатый Миллиган.

— Итак, Эверетт, вы с папой собирались в Институт современного искусства?

Она произнесла это так, словно более противоестественного места и не придумаешь, куда отец мог бы повести своего сына. Издевательство над ребенком, да и только.

— Это все папины идеи, — сказала мама.

Сразу после полиции Эверетт позвонил домой. Разговор получился тяжелый. Сначала мама ему не поверила. Чтобы человека похитили прямо посреди улицы, в понедельник вечером, в самый час пик, за десять дней до Рождества? Так не бывает. Эверетт все придумал, ребенку не хватает родительского внимания.

— Мам, я видел, как его увезли!

Он нарочно это говорит, ей назло. Эверетт, я все понимаю, ты винишь меня за то, что папа ушел. Он не вернется, нужно это принять и жить дальше. Вести хозяйство, заботиться о семье. Я знаю, тебе нелегко. Думаешь, я не переживаю?

— Мама, послушай, не в переживаниях дело. Я сам видел, как его схватили посреди Мэлла и затолкали в большую черную машину, «Ауди». Вместе с велосипедом.

Совсем плохо стало, когда он сказал, что находится в полицейском участке района Белгравия. Мамин голос зазвучал сдавленно и отрывисто — как всегда, когда ей хотелось, чтобы сын ощутил угрызения совести. Стыдно-то как! Неужели он совсем себя не уважает? Ничем не лучше мальчишек Вирди — они не вылезают из полицейского участка. Одному Богу известно, где среди ночи искать адвоката. Может быть, Милоша... К нему всегда можно обратиться за помощью.

— Мама! Мам, послушай. Не нужно адвоката. Я просто хочу подать заявление, вот и все. Только без тебя ничего нельзя сделать.

Мама полтора часа добиралась от Стоуки, а потом еще час ушел на ворчание по поводу парковки, и платы за въезд в центр города, и что пришлось завезти Викторию-Роуз к миссис Сингх. Эта старая ворона, бабка Аджит, вечно забивает малышке голову всякими глупостями. А в полиции краской воняет!

Когда мама приехала, Эверетт сидел на банкетке, просматривал Фейсбук на смартфоне и жевал купленный в автомате батончик «Твикс». Дежурный полицейский принес ему стаканчик кофе. Как Эверетт и ожидал, кофе был дрянной. Лора Сингх присела рядом и начала быстро-быстро шептать на ухо — не ровен час, дежурный

услышит. Она уверяла Эверетта, что совсем его не винит. Это все отец виноват. Вполне в его духе — втравил сына в неприятности, а самого и след простыл.

— Мама...

— Миссис Сингх?

— Брейден.

Когда она начала себя называть девичьей фамилией?.. Инспектор по делам несовершеннолетних Ли-Леанна-Леона, представившись, повела их по каким-то коридорам со свежеевыкрашенными, словно вспотевшими стенами, в провонявшую краской комнату для допросов.

— Мы с папой ходим на лекции в Институт современного искусства, — начал Эверетт, уперевшись ладонями в стол и глядя в глаза Ли-Леанне-Леоне. — Экспериментальная экономика, технологическая сингулярность, нанотехнологии — передний край науки и техники. У них и нобелевские лауреаты выступают.

Глаза Ли-Леанны-Леоны остекленели, зато Усатый Миллиган, как заметил Эверетт, записал у себя в блокноте слово «нанотехнологии» без орфографических ошибок.

— Эверетт, это замечательно, что у тебя есть возможность по-прежнему общаться с отцом. Мальчику необходимо мужское влияние. Итак, твой отец должен был встретить тебя возле Института после работы.

— Папа собирался приехать на велосипеде из Имперского колледжа.

— Он — ученый, — вмешалась мама.

Она каждый раз встречала, успевая с ответом раньше Эверетта, словно боялась, вдруг он ляпнет что-нибудь не то, и тогда полиция мигом вызовет социальных работников, и Эверетта с младшей сестренкой Викторией-Роуз заберут в детский дом.

— Физик-теоретик, — сказал Эверетт.

Усатый Миллиган изогнул одну бровь. Эверетт всю жизнь мечтал так научиться.

— Какой раздел физики? — спросил Миллиган.

У Ли-Леанны-Леоны гневно раздулись ноздри. Вести беседу с подростком полагалось ей.

— Квантовая теория. Теория множественности миров, созданная Хью Эвереттом. Меня в честь него называли: Эверетт Сингх. Ну, знаете,

мультиверсум, параллельные вселенные и так далее.

Усатый Миллиган записал в блокноте рядом со словом «физик» — «не ядерщик».

— Что значит «не ядерщик»? — спросил Эверетт.

Усатый Миллиган заметно смутился.

— Ну, ты же знаешь, какая сейчас обстановка в мире. Если бы твой папа был физиком-ядерщиком, могли быть проблемы.

— То есть, если бы он мог построить атомную бомбу?

— Приходится учитывать любую возможную угрозу.

— А если он не строит атомные бомбы, а просто занимается квантовой физикой и ни для кого не представляет угрозы, то он уже пустое место?

— Эверетт! — зашипела Лора.

Но Эверетт разозлился. Ему надоело, что его не принимают всерьез. Хоть в полицейском участке, хоть в школьном компьютерном классе, всегда одно и то же — давайте поржем над ботаном! А он ничего такого не хотел, просто собирался пойти с папой на лекцию. Конечно, бессмысленно ждать от мира справедливости, но можно ведь изредка дать человеку вздохнуть!

— А вы знаете, в чем состоит теория множественности миров? — спросил Эверетт, подавшись вперед. Те, кто сидел за этим столом до него, изрисовали облупившуюся пластиковую поверхность звездочками, завитушками, кубиками и названиями футбольных команд. — Каждое, даже самое мельчайшее событие создает развилку. Есть одна вселенная, где это событие произошло, и есть другая, где его не случилось. Каждую секунду, каждую тысячную долю секунды от нашей вселенной отщепляются новые миры. Для каждого события в истории существует своя вселенная — совсем рядом, вплотную к нашей. — Эверетт провел пальцем черту в воздухе. — Миллиарды вселенных. Самых разных. Это не чьи-то выдумки, а настоящая научная теория. Основательная, вполне вещественная, как и вся физика. Вы считаете, это все ерунда, мелочи? А по-моему, ничего важнее и быть не может.

— Эверетт, все это очень интересно...

У Ли-Леанны-Леоны была кружка с изображением жирного кота, валяющегося кверху пузом и махающего лапками. Кот говорил: «Чаю хотю!»

— Эверетт, не отвлекай людей от работы, — сказала Лора. — Всякие заумные теории им ни к чему.

— Была же какая-то причина, почему его похитили, — сказал Эверетт.

— Это мы и пытаемся выяснить, — сказала Ли-Леанна-Леона. — Кто-нибудь видел ту машину и троих мужчин?

Эверетт сник. Инспектор по делам несовершеннолетних отыскала клапан, через который вся его злость мгновенно испарилась.

— Нет, — прошептал Эверетт Сингх.

— Что, не слышу?

— Я сказал: нет.

Надо было поговорить с сотрудниками Института, с людьми, пришедшими на лекцию, с собачниками и любителями бега трусцой под дождем: «Видели? Вы это видели?» Вот только подобные умные мысли не приходят в голову, когда твоего папу вдруг стаскивают с велосипеда и швыряют на заднее сиденье большой черной «Ауди».

— У меня в мобильнике есть фотографии! — встрепнулся Эверетт. — Могу показать!

Несколько движений пальца — и вот они на экране. Щелк, щелк: снимки сменяют друг друга. Безумные ракурсы, размытые огни фар. Если не знать заранее, нипочем не догадаешься, что здесь заснято похищение. Полицейских фотографии оставили равнодушными. Эверетт задержался на одном четком снимке, где видна была внутренность машины, попавшей в свет фар встречного автомобиля.

— Видите вот это желтое в середине заднего окошка? Это мой папа!

Эверетт прокрутил изображение, чтобы в центре оказался номерной знак, и увеличил картинку. Крошечная камера мобильного давала отвратное разрешение, но при максимальном зуме удалось кое-как разобрать цифры и буквы.

— Номер можно проверить!

— Можно прогнать снимок через программу улучшения изображений, — заметил сержант Миллиган.

— Оставь у нас мобильник, — сказала Ли-Леанна-Леона. — Всего на пару дней.

— Не хочу, — сказал Эверетт.

— Пусть забирают, — сказала Лора. — Отдай им телефон, и тогда нас отпустят. Бог знает, что там бабуля Аджит наговорила Виктории-Роуз.

Ли-Леанне-Леоне она сказала по-взрослому:

— Мальчишка столько времени проводит на сайтах, посвященных теории заговоров, просто кошмар! Хоть бы их запретили.

— Я вам дам карту памяти. — Эверетт подцепил ногтем крохотный квадратик, выковыривая его из гнезда. — Здесь все фотографии.

Он положил карту памяти на стол. Никто не шелохнулся.

— Вы мне не верите?

— Давайте, я ее приберу. — Усатый Миллиган сунул карту памяти в пластиковый зип-пакет и застегнул молнию.

— Мы попросили бы вас принять кое-какие меры предосторожности, — сказала Ли-Леанна-Леона. — Просто на всякий случай. Если вы действительно хотите нам помочь, не рассказывайте никому об этой истории, пожалуйста! Не пишите о ней в Твиттере или в Фейсбуке. Если кто-нибудь к вам обратится или объявится сам мистер Сингх...

— Доктор Сингх, — поправил Эверетт.

— Как скажешь. Будь то сам доктор Сингх или кто-нибудь еще, немедленно обращайтесь к нам. Что бы они ни говорили. Если похищение совершено ради выкупа, родственникам всегда ставят условие: не обращаться в полицию. Не слушайте, сразу звоните нам!

— Ради выкупа? Господи боже! Что с нас взять? — ужаснулась Лора. — Мы не богаты, еле сводим концы с концами. Нам не из чего платить выкуп!

— Если, — произнес Эверетт. — Вы сказали — «если похищение совершено ради выкупа». А для чего еще похищают людей?

— Перечислить? — спросил Усатый Миллиган. — Пожалуйста, только тебе от этого легче не станет. Есть разновидность похищений, которую мы называем «ловушка на тигра»: например, у служащего банка берут в заложники близкого человека и требуют открыть сейф с наличными. Затем, бывает, людей крадут для обмена заложниками. Еще — ради информации. Врачей порой похищают, чтобы заштопать какого-нибудь громилу, подстреленного во время бандитских разборок. Еще один вид киднеппинга — экспресс-похищение. Человека держат

где-нибудь на квартире и каждый день привозят к банкомату, заставляя снять определенную сумму денег, обычно — дневной лимит. Похищения, сынок, — это бизнес, причем процветающий. А иногда люди просто исчезают. Был — и нету. Без вести пропавшие. Их больше всего. — Усатый Миллиган поднял вверх шариковую ручку и посмотрел Эверетту в глаза. — А теперь, сынок, изложи все, как было, и вы с мамой можете ехать домой, а уж мы отыщем твоего папочку.

Эверетт откинулся на спинку стула и глубоко вдохнул насыщенный краской воздух.

— Ну, значит, после школы я поехал в Лондон. Мы договорились встретиться с папой...

Лора молчала, пока они ехали по шоссе А-10, через Далстон и вдоль Хай-стрит, главной улицы Сток-Ньюингтона. Ни единого слова, только постукивала пальцами по рулю и чуть слышно подпевала «Дорожному радио», безбожно перевирая слова, пока Эверетту не захотелось врезать кулаком по кнопкам радиоприемника. Любую другую программу, лишь бы в ней звучало хоть немного драйва, ритма и жизни! Лишь бы не слышать, как мама коверкает тексты песен.

— Вот она! Вопит одна! Королева танцпола опять больна!

«Не так!» — исходил бессильной злостью Эверетт.

— Земля вызывает, ответьте, Мао Цзэдун...

«Майор Том! — едва не кричал Эверетт. — Майор Том, майор Том, майор Том!!! Неужели трудно запомнить?» Песня написана сорок лет назад, а Эверетт знает ее лучше мамы.

К тому времени, как они доехали до Эверкрич-роуд, где нужно было забрать Викторию-Роуз, Эверетт понял, в чем дело. Так у Лоры выражалась злость. Он всего раз в жизни видел маму в таком гневе. В тот день Эверетт, придя с тренировки по футболу, обратил внимание, что в доме горят все огни, двери всех комнат распахнуты, радио орет на полную громкость, а мама в кухне яростно драит пол, распевая под звуки известной поп-группы «Гёрлз Элауд»:

— О, о, о, дергай меня за юбку!..

— Мам, что ты делаешь?

— У нас не кухня, а настоящий свинарник. Здесь воняет. Гадость! В кухне не должно вонять. Между плитками набилась всякая дрянь. И не смей пачкать мытые полы своими мерзкими бутсами!

Эверетт поспешно стянул с себя футбольные ботинки. Бетонный порожек охлаждал ноги в носках.

— Мам, ты хорошо себя чувствуешь?

— Отлично, просто замечательно.

— Ты уверена?

— Уверена, уверена.

— Ты уже третий раз моешь этот кусок пола.

— Ничего не третий.

— Третий, точно.

— А если даже и третий, что с того? Пол грязный, его надо вымыть. В какой помойке мы живем... Не хватает сил привести все в порядок. Ну почему у меня ни на что не хватает сил?!

— Мам, у тебя все нормально?

— Да, все прекрасно. Понял? Могу повторить. Все. Прекрасно. Лучше некуда. Заладил одно и то же. Конечно, у меня все в норме, а куда я денусь. Кто-то же должен, и это всегда я. Да замолчи ты, наконец, замолчи, замолчи, сколько можно! — заорала она на радиоприемник.

Хлопнула по выключателю, а потом просто выдрала вилку из розетки.

Эверетту было неловко, стыдно и страшно. Как будто стены привычного, уютного и предсказуемого мира вдруг стали прозрачными и сквозь них видны силуэты громадных, жутких чудовищ.

— Эверетт, прости, — сказала мама. — Понимаешь, мы с папой... Он сегодня не придет... В общем, мы решили, что нам будет лучше на время расстаться. Не знаю, надолго ли. Может быть, навсегда...

Вот так, стоя в одних носках на холодном пороге черного хода, Эверетт Сингх узнал, что знакомая с самого рождения семейная жизнь закончилась. Он застыл у двери, в школьном пиджаке поверх спортивной формы, с бутсами в руках. Мама сжимала швабру, а по радио надрывались «Гёрлз Элауд». На самом деле, все закончилось давным-давно, понял вдруг Эверетт. Родители много лет ему врал.

С тех пор прошло девять месяцев, две недели и три дня. Эверетт надеялся, что никогда больше не увидит маму в таком состоянии. И вот опять.

Бабушка Сингх научила Викторию-Роуз пенджабской песенке, которую малышка и распевала громко и фальшиво, пока Лора устраивала ее на заднем сиденье и пристегивала ремень безопасности.

Лора включила «Пойте с нами».

— А споем нашу любимую песенку, Ви-Эр? Нашу хорошую песенку? Давай?

Они пели вдвоем, так же громко и фальшиво, всю дорогу через Южный Тоттенхэм и Стэмфорд-Хилл.

«Не надо меня наказывать, — думал Эверетт. — Я не виноват. И никто не виноват. Просто тебе нужен громоотвод, чтобы выплеснуть

свою злость. А я тут, под рукой. Я всегда под рукой».

Теперь он понимал, зачем мама коверкает слова. Придумать собственные слова — значит, получить власть. Хотя бы над дурацкой песенкой.

Эверетт мысленно еще раз повторил свой рассказ в полиции. Усатый Миллиган зачитал протокол вслух:

— «Вечером пятнадцатого декабря, примерно без четверти шесть, я стоял у входа в Институт современного искусства. Ровно в шесть мы должны были встретиться с моим отцом, доктором Теджендрой Сингхом, и пойти на лекцию о новейших направлениях развития нанотехнологий. Я увидел, как папа приближается на велосипеде по Мэллу со стороны штаб-квартиры Королевской конной гвардии. Он ехал с работы, из Имперского колледжа. На нем была очень яркая, узнаваемая одежда для велосипедной езды. Я заметил, что за ним следует черный автомобиль с затемненными стеклами, немецкой марки — возможно, „Ауди“. Автомобиль двигался необычно медленно, а мой отец не обращал на него внимания. Метрах в ста от меня автомобиль внезапно прибавил скорость, обогнал отца и преградил ему дорогу, вынуждая остановиться. Из транспортного средства появились трое мужчин»...

— Просто — вышли из машины, — сказал Эверетт.

— «Из транспортного средства появились трое мужчин, — продолжал читать Миллиган. — Двое схватили моего отца и втолкнули его на заднее сиденье. Третий убрал велосипед в багажник. Затем автомобиль направился дальше по Мэллу, в направлении Констительюшн-хилл. Я сделал ряд снимков на мобильный телефон, однако не пытался звать на помощь или окликнуть кого-нибудь из прохожих».

— Записано верно? — спросила Ли-Леанна-Леона.

— Да, вроде.

Звучало все это ужасно неубедительно. Ни свидетелей, ни улики, только слова Эверетта и нечеткие фотографии, на которых, если смотреть беспристрастно, может быть изображено все что угодно.

— С твоих слов записано верно, Эверетт?

— Да.

— Распишись вот здесь. Нажимай посильнее. Нужно, чтобы подпись была видна еще на двух копиях.

У себя в комнате, в своем личном пространстве, вдали от шума и криков, Эверетт открыл «Доктора Квантума». Теджендра подарил ему планшетник на прошлый день рождения. Хороший был подарок, лучше и не придумаешь. Слишком хороший для его возраста — Эверетт был тогда еще ребенком. Лора тут же запретила брать компьютер в школу, даже один-единственный раз, чтобы похвастаться. В кои-то веки Эверетт не стал спорить. Он хорошо соображал, и у него была быстрая реакция — никто не ждал такой от известного на всю школу заучки. Не зря его взяли вратарем в Красную футбольную команду.

Так, открываем почту. Тема: «похищение на Мэлле». Пара движений пальцем, и вот перед ним папка с изображениями. Эверетт развел пальцы в стороны, как птица раскрывает крылья. Увеличенная фотография заняла весь экран. Еще раз — и вот на экране при сильном увеличении ярко-желтое пятнышко на заднем сиденье автомобиля. Теджендра, это точно он! Еще чуть-чуть, и можно было бы прочесть логотип «Assos» на ветровке.

Правила выживания в двадцать первом веке: ни в коем случае не отдавай полицейским единственный экземпляр фотографии.

В дверь позвонили. Эверетт, изучая снимок буквально пиксель за пикселем, слышал звонок вполуха. В дом постоянно звонят, пытаются впарить разные товары, не обращая внимания на табличку с вежливой надписью: «Мы не покупаем у разносчиков». Затем в прихожей раздались шаги и голоса. Шаркающие по дощатому полу ботинки и негромкий голос с ирландским акцентом. Пол Маккейб. Эверетт чуть-чуть приоткрыл дверь своей комнаты.

Пол Маккейб стоял посреди прихожей, слегка сутулясь, в дождевике, каких не носят уже лет сорок, похожий в нем на дешевого частного сыщика. Он вечно ежился, горбился, как будто был в чем-то виноват. Даже в собственном кабинете в Имперском колледже он казался не на месте, как будто забрел случайно в восьмидесятых и с тех пор ждет, когда кто-нибудь из начальства обнаружит, что он самозванец, и выгонит вон. Голос у него был мягкий и нерешительный, словно заранее извиняющийся. Разговаривая с Лорой, он, должно быть, услышал, как открылась дверь, — оглянулся и посмотрел прямо на Эверетта.

— Эверетт, ну здравствуй, здравствуй! Как себя чувствуешь? Хорошо? Славно, славно. Кошмарная история, ужас, ужас. Искренне желаю наилучшего исхода. Звонили из полиции. В отделе все страшно расстроены, страшно. Колетта в отчаянии, просто в отчаянии.

Теперь уже не сбежишь. Эверетт, ребенок физика, вырос среди лабораторий и лекционных залов, исписанных формулами досок и сложного исследовательского оборудования с волнующими воображение желтыми наклейками: «Лазеры! Радиация! Наночастицы!». Сотрудники отдела были ему как родные, а Пол Маккейб, папин начальник, — как чересчур жизнерадостный дядюшка, за которого всегда немного неловко.

Пол Маккейб поджал губы, словно пробуя на вкус малосъедобные слова.

— Вообще говоря, Эверетт, я пришел к тебе.

В гостиной Пол Маккейб тоже выглядел неуютно. Так и не сняв плаща, он уселся на середине дивана, сложив руки на коленях. Лора пошла заварить чай, чего никогда не делала после девяти. Держалась на кофеине. В комнате было полутемно, горели только настольные лампы, да мигающая гирлянда на рождественской елке бросала на ученого безумные отсветы.

— Эверетт, мне звонили из полиции насчет твоего отца. Невероятно, просто невероятно. В центре Лондона, середь бела дня! То есть... В общем, ты понимаешь, что я хочу сказать. Невероятно, в голове не укладывается! В наше время, и чтобы ни на одну камеру видеонаблюдения не попало... Мы же — страна всеохватывающего контроля.

— Я успел сфотографировать машину. На снимке видно номера.

Пол Маккейб сел прямее.

— В самом деле? Правда?

Он похож на суриката, подумал Эверетт.

— Молодец! Это уже какая-то зацепка.

— А о чем полицейские вас спрашивали?

Лора придвинула к дивану журнальный столик и поставила на него кружку с чаем. От плитки «Кит-Ката» гость отмахнулся.

— Спасибо, спасибо, от шоколада у меня ужасная мигрень. Просто ужасная. О чем спрашивали? Да так, обычная рутина. Что, где,

когда, не был ли твой папа сильно перегружен по работе, не замечали ли мы у него в последнее время, э-э... необычного поведения.

— А замечали?

Пол Маккейб смущенно развел руками.

— Эверетт, ты же меня знаешь. Мне всегда последнему становится известно то, что происходит в отделе. Впрочем, я бы спросил тебя о том же, если можно.

— В смысле?

— Ты не замечал в последнее время, чтобы папа вел себя... не совсем обычно?

Эверетт представил себе Теджендру, мысленно перебирая воспоминания. Мгновенными снимками: субботние вечера, воскресные утра... Внезапные паузы в разговорах по скайпу, когда вдруг оказывалось, что Эверетт говорит в пустоту — Теджендра то ли отвлекся, то ли отошел от компьютера. Момент на стадионе Уайт-харт-лейн, когда папа хмурился, читая сообщение на айфоне, и пропустил великолепный гол Денни Роуза. Или еще тот раз, когда они собирались в галерею Тейт Модерн на вернисаж выставки Марка Ротко, и папа проехал на велосипеде мимо Эверетта, в упор его не заметив. Мгновения, обрывки, стоп-кадры, на которых Теджендра словно бы перемещался в какой-то другой мир. И общая нить, объединяющая все эти странности.

— Знаете эксперимент с двумя щелями?

— Что-что?

— Классический эксперимент, так папа сказал. Доказывающий квантовую природу реальности. Вначале задаем себе вопрос, что такое свет — частица или волна? Свет и тень, все очень просто. А если присмотреться внимательнее, оказывается, что не частица или волна — и то, и другое сразу. Или ни то, ни другое. Папа очень хотел, чтобы я в этом разобрался, по-настоящему понял, как такое получается. Он мне много раз объяснял. Дело не в том, что частица проходит через две щели одновременно: она проходит через одну щель в нашей вселенной, а через вторую — в другой.

— Эверетт, когда был этот разговор?

Пол Маккейб держал кружку обеими руками, глядя поверх нее, словно хитрая птица. Потом отпил чай.

— В самом начале учебного года. То есть мы с ним всегда разговариваем о всяких физических вопросах, но тут ему вдруг очень сильно понадобилось, чтобы я вник. Может, оттого, что десятый класс... И знаете что? Я действительно вник. Разобрался, как это происходит. Я понял теорию множественности миров.

— Эверетт, ты ведь знаешь, что говорил Ричард Фейнман...

— «Я думаю, что смело могу утверждать: никто не понимает квантовую механику».

Эверетт выдержал взгляд Пола Маккейба. Ученый отвел глаза. С ним невозможно было разговаривать напрямую. Эверетт не раз наблюдал его на работе, видел, как тот общается со своими сотрудниками. Тут подсказка, там намек, здесь многозначительный взгляд.

— А если я понимаю?

— В таком случае ты был бы величайшим физиком своего поколения, — ответил Пол Маккейб. — Да и всех вообще поколений, пожалуй. — Он поставил кружку на стол так плавно, что поверхность чая даже не дрогнула, и решительно хлопнул себя по коленкам. — Я, пожалуй, пойду. Что хотел сказать — ужасная история, ужасная. В отделе все вам желают, чтобы она разрешилась наилучшим образом, наилучшим. Неизвестность — вот что хуже всего. Да, хуже всего. Уверен, все как-нибудь уладится. — Он встал, одернул плащ, который так и не снял. — Спасибо, Лора. Если понадобится помощь...

У входной двери Пол Маккейб обернулся. За его спиной почти горизонтально хлестали серебристые струи дождя. Погода к ночи совсем испортилась.

— Ах да, Эверетт, еще одно. Папа тебе в последнее время ничего не давал?

— Чего, например?

— Например, флешку, или диск с данными, или, может, просто файлы пересылал?

— Вроде нет.

— Точно?

— Точно.

Эверетт спиной чувствовал мамино присутствие. Холодный ветер с улицы прошелся по комнате, пошевелил рождественские открытки и вдруг сбросил их на пол.

— Что ж, если ты уверен... — Маккейб поднял воротник плаща. — Бр-р! Мерзкая погодка. Эверетт, если что-нибудь получишь от отца, дай мне знать, пожалуйста. Даже если тебе это покажется бессмыслицей, нам, возможно, что-нибудь скажет. Сообщишь мне, хорошо? Спасибо! Спокойной ночи, Лора.

Борясь с ветром, он захлопнул за собой входную дверь.

— И зачем приходил? — удивилась Лора. — Станный он человек, я всегда так считала.

«Затем и приходил, — подумал Эверетт. — Ради двух вопросов, которые задал напоследок. Остальное — всего лишь игра в вежливость».

Чай остался почти нетронутым.

Почему Эверетт прохлопал звуковой сигнал Дропбокса: старался опознать негромкий голос Маккейба у входной двери. Он вообще в последнее время нечасто пользовался файлообменником — в школе с этим стали осторожничать после того, как Аарон Ли получил грозное письмо от юристов «Виаккома». Однако сейчас на панели инструментов внизу экрана светилась и подпрыгивала кнопка вызова. Какой-то файл дожидался загрузки. Эверетт, проведя пальцем по экрану, открывал свой ящик файлообмена, базирующийся на сервере в Исландии.

— Эверетт! — Лора, когда сердилась, всегда ставила ударение на последнем слоге его имени, повышая голос к концу. — Свет погаси! Завтра в школу вставать!

— Ладно, мам!

Подумаешь, выключить свет и нырнуть под одеяло — читать прекрасно можно и при собственном свете экрана. Совсем как в детстве, когда Эверетт устраивал из одеяла палатку, натянув его на поставленный боком, словно настоящая книжка, неуклюжий старый ноут и, поменяв дисплей на вертикальный, смотрел потихоньку «Доктор Кто». Особенно уютно было зимними вечерами, когда снег с дождем, как сегодня, хлестал в окна, а водопроводные трубы гремели на ветру. Тогда под одеялом возникал свой обособленный мир — мир Эверетта.

В Дропбоксе обнаружилась всего одна папка: «Инфундибулум». Никакой информации об отправителе. Дата: сегодняшний вечер, восемь часов. В это время Эверетт в полицейском участке разговаривал с Ли-Леанной-Леоной и Усатым Миллиганом. Размер файла: тридцать гигабайт. Эверетт осторожно открыл папку, готовый в любой момент дать задний ход, если на него вдруг выскочит какая-нибудь компьютеропожирающая гадость. В посылке оказались папка данных, исполняемый файл и текстовая записка. На вирус непохоже — они обычно маскируются под игру или обновление. Самая большая доступная им хитрость — притвориться антивирусом. А тут просто откровенный экзешник. Эверетт подключил хитрую программку, которую выменял у Аббаса в школе, отслеживающую айпи-адреса. По

адресу можно определить, кто прислал файлы. Программка результата не дала: адрес каким-то образом сделали анонимным. Наверное, использовали нечто вроде шведского сайта iPredator, который кодирует айпи-адреса, скрывая их от посторонних глаз. Это становится интересным!

Делать нечего — Эверетт щелкнул по кнопке загрузки. Ему не предложили обычный выбор: сохранить или выполнить. Сразу после загрузки началась инсталляция. Обезумевший экран в мгновение ока наполнился десятками зеленых прогресс-баров. Распаковывались все новые иконки и меню, данные загружались так быстро, как только позволяли беспроводная связь и пропускная способность домашней сети.

— Ничего себе! — сказал Эверетт, не успевая нажимать на закрывающие крестики — программа работала слишком быстро.

Прямо-таки цельнометаллическая атака на «Доктора Квантума».

— Эверетт! Все еще сидишь за компьютером?

Молчи. Не признавайся.

Эверетт еще раз попробовал перехватить стремительно разворачивающиеся панели инсталляции. На каждую отловленную, загнанную к краю экрана и принудительно закрытую открывалась одна новая. Потом экран погас.

— Только не это, — прошептал Эверетт в ужасе, что действительно убил свой верный компьютер.

«Доктор Квантум», мигнув, перезагрузился. Посреди рабочего стола красовалась новая иконка. Белый тюльпан. Инфундибулум.

Эверетт протяжно выдохнул.

— Что ты такое? — прошептал он, дважды щелкнув по иконке.

Тюльпан расцвел, раскрываясь цифровыми лепестками. Экран пошел сияющими прозрачными полотнищами. Они завивались, переплетаясь друг с другом, подобно неспешному морскому прибою, разбрасывая пригоршни серебристых пикселей. Изменчивые, текучие. Только начнешь улавливать закономерность, как полотнища преобразуются во что-нибудь новое и непредсказуемое. Эверетту мерещились стрекозиные крылья, странные медузы, прозрачные лепестки цветов, облака межзвездного газа, как на снимках с телескопа Хаббла, призраки и тени призраков. Ему вспомнились мерцающие занавеси северного сияния в ночном небе Арктики. Вдруг в центре

экрана появился координатный крестик. Тонкие, как волосок, линии шли в трех направлениях: слева направо, сверху вниз, вперед-назад. У края окошка возникла крошечная панель инструментов. Эверетт выбрал увеличительное стекло и прибавил масштаб по горизонтальной оси. Картина при любом масштабе оставалась прежней: сияющие полотнища, подобные не то ангельским крыльям, не то мерцающим щупальцам космических богов. Еще крупнее — без изменений. Сколь мелко ни дробился узор, он всякий раз оказывался составлен из тех же сияющих полотнищ.

Эверетт видел такое раньше, когда был совсем маленьким. Он открыл на домашнем компьютере одну программу, потому что ему понравилось название: «Матика». То ли книга заклинаний, то ли портал в волшебную страну. Перед ним и в самом деле открылся портал, только не в волшебную страну, а в вечность. Черная штукавина, похожая на жука, в центре экрана, окруженная разноцветными кругами и завитушками, называлась «множество Мандельброта». Он и сам мог запрограммировать такую — это совсем не трудно. Разноцветные завитки, расходящиеся от жука, пестрели черными точками. Эверетт навелся на одну из точек, и при увеличении оказалось, что это такой же черный жучок, со своими кругами, ответвлениями и черными крапинками, которые, в свою очередь, оказывались жукообразными фигурками, с кругами и завитушками по краям, а крапинки на завитушках тоже оказывались жуками... Ночью ему приснился кошмарный сон. Эверетт падал в черный провал посреди множества Мандельброта, а вокруг бушевала разноцветная буря, и открывались все новые провалы, все новые и новые множества Мандельброта.

— Сколько так продолжается? — спросил он папу.

— До бесконечности. Предела нет.

Сейчас перед ним было не множество Мандельброта, а какое-то другое, хоть и созданное при помощи той же самой программы «Матика». Теджендра всегда использовал ее при работе над своими теориями о строении Вселенной. Значит, это...

— Инфундибулум, — прошептал Эверетт.

Свет от экрана освещал его лицо под одеялом, а за окном завывала декабрьская непогода. Эверетт вспомнил, где слышал это слово раньше.

Теджендра совсем недавно пристрастился к сериалу «Доктор Кто». Вступил в ряды его приверженцев после того, как переселился в отдельную квартиру, где Лора не стояла над душой, осуждающе вздыхая: ладно, дети смотрят эту ерунду, но чтобы взрослый мужчина... После субботнего матча или прогулки Эверетт с папой садились посмотреть новую серию, пока на плите дозревал очередной кулинарный шедевр.

— Эта телефонная будка обладает свойством инфундибулярности, — сказал как-то Теджендра. — Изнутри она больше, чем снаружи. В математике такое встречается сплошь и рядом. По-настоящему надо бы сделать, чтобы, чем дальше вглубь, тем становилось больше. Так гораздо интереснее. Внутри телефонной будки была бы другая, поменьше, а изнутри она будет еще больше той, первой, а в ней еще одна будка, которая внутри еще больше, и так далее. Когда дойдешь до центра, он должен быть меньше электрона, зато изнутри — больше всей видимой Вселенной.

Инфундибулум. Чем глубже в него погружаешься, тем он становится больше. У Эверетта не осталось сомнений в том, кто прислал ему загадочный файл. Равно как и в том, к чему именно относился прощальный вопрос Пола Маккейба, заданный как бы мимоходом — а на самом деле только из-за этого ученый и приезжал.

Вдруг Эверетта охватил страх, застыл тяжелым комом в животе. Пол Маккейб знает про Инфундибулум и хочет им завладеть! А знает ли он, что это такое? Для Эверетта Инфундибулум — всего лишь причудливая математическая конструкция, которую отец прислал ему, и никому больше, а для Пола Маккейба это нечто настолько важное, что ради него стоит тащиться полтора часа по пригородным дорогам, лишь бы вернуть свой вопрос. Выходит, он пока не имеет к этой штуке доступа? Теджендра не показал ее собственному начальнику? Значит, отец доверил ее только сыну?

Эверетт щелчком закрыл окно, в котором гипнотически колыхались призрачные полотнища, и вернулся к файлоомбеннику. Файлы были получены в восемь часов вечера. Черная «Ауди» увезла Теджендру в шесть. Уж наверное, похитители не вручили ему ноутбук со словами: «Извини, мы совсем забыли! Загрузи, пожалуйста, свой мудреный математический файл».

Вспомнился текст сопроводительной записки. Четыре слова: «Только для тебя, Эверетт». Ни имени, ни подписи, ни «здравствуй», ни «до свиданья». «Только для тебя, Эверетт».

Мысли, гипотезы, подозрения нахлынули бурлящим потоком. Хорошо знакомое состояние, когда думаешь не думая, когда мысли разбегаются, словно хорьки из мешка. Это с ним случалось, когда в книге или в каком-нибудь блоге попадется на глаза необычная строчка, или реальный мир чем-нибудь удивит в вечной пробке на главной улице Стоук-Ньюингтона, или стая жаворонков, пролетая над Хакни-Маршиз, сложится в удивительный узор. Тогда мысли взрываются подобием фейерверка, и начинаешь лучше понимать, как устроен мир.

Видимо, Теджендра заранее поставил файл на автоматическую загрузку. Но он не мог знать, что именно сегодня его похитят. Значит, держал его как страховку. Если в определенное время суток не ввести пароль, папка под названием «Инфундибулум» отправится по назначенному адресу. Папа хотел передать ее Эверетту. Не Лоре, не папиному другу Винни, тоже завсегдатаю стадиона Уайт-харт-лейн, даже не Колетт. И не Полу Маккейбу. Значит, он чего-то опасался. Похищения? Или чего-нибудь еще хуже? Хотя бы мысли перестали мельтешить в голове, нашептывая то, чего не хочется слышать, показывая то, о чем не хочется думать. Когда отец заготовил эту папку? Как давно он живет в страхе, боясь тех людей в черном автомобиле? Неужели все началось еще до развода? Все новые родительские тайны...

— Не ядерщик, — пробормотал Эверетт. — Если он не создает атомные бомбы, значит, никому не нужен. Ага, как бы не так.

Спальня казалась огромной и очень темной, вокруг мерещились враги. Светящиеся шнуры в рукавах превратили висящую на двери куртку в адского робота-убийцу. Впервые за очень долгое время Эверетту стало страшно в темноте. Из каждого угла смотрели глаза. Под кроватью затаились чудовища. Может, сейчас на улице стоит черный автомобиль, и оттуда кто-то сканирует его комнату, перехватывая каждое нажатие клавиши, каждую операцию «Доктора Квантума». Сегодня точно не заснешь! Эверетт дождался, пока погаснет узкая полоска света под дверью маминой комнаты, вылез из кровати и на цыпочках спустился по лестнице. Он знал наизусть особо скрипучие ступеньки. «Доктора Квантума» он крепко прижимал к

груди, чувствуя, что никогда в жизни не сможет с ним расстаться. Даже открывая холодильник в поисках сыра и йогурта, Эверетт одним глазом поглядывал на планшетник на кухонном столе. Снова прижав его к себе, включил на «Экс-боксе» игру «Зов чести. Секретные операции». Никак не получалось сосредоточиться, реакции были замедленными, как у папы обычно. Проигрывая раз за разом, он все играл и играл, а его все убивали и убивали.

Когда Лора спустилась утром вниз, Эверетт спал на диване, прижавшись щекой к «Доктору Квантуму». Тихо гудел «Экс-бокс», рождественская елка сверкала огнями.

Полицейские явились к завтраку. На мордашке Виктории-Роуз красовались молочные усы и коричневая борода от шоколадных хлопьев. По радио бодро тараторил Крис Эванс. У Эверетта в голове еще было мутно со сна, и все же он сразу понял, что на пороге полицейские, еще прежде, чем раздался бодрый двойной звонок. Слишком близко друг к другу маячили за стеклом их силуэты в свете уличного фонаря: один высокий, мужской, другой пониже, женский. Так стоят сотрудники полиции и миссионеры-мормоны.

Эверетт выскреб из коробочки последние остатки маргарина «Флора» и намазал на гренки. Искусственное масло с пониженной жирностью, подтаивая, распадалось на отдельные шарики жира и воды.

— Ну и холодина! — сказал Усатый Миллиган. — Ночью, наверное, давление полезло вверх. Когда повезете мальчика в школу, советую выехать на полчаса пораньше. Может, еще и дождемся снега на Рождество. Это что, кофе? Не поделитесь?

Эверетт налил ему кофе в кружку с символикой футбольной команды «Тоттэнхем Хотспур». Ли-Леанна-Леона уселась за стол напротив Эверетта.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Эверетт. — Вы его нашли?

Виктория-Роуз насупилась, глядя на больших людей в темной одежде, которые принесли в дом холод. Малышка в любую минуту могла разреваться. Лора тоже села, пристроившись за пакетами овсяных хлопьев, чтобы не было так видно ее майку-алкоголичку и вытянутые на коленках тренировочные брюки.

— Мне очень жаль, Эверетт, — сказала Ли-Леанна-Леона, постукивая ногой по полу.

Эверетт оценивающе рассматривал ее скупую улыбку и прищуренные поросычьи глазки. «Как же ты меня на самом деле ненавидишь», — подумал он.

Лора убавила громкость радиоприемника.

— Мы посмотрели фотографии, которые ты нам оставил, — сказал Усатый Миллиган. — Это у вас гренки? Слушайте, а вы не

могли бы поджарить еще пару ломтиков?

Лора встала и сунула в тостер два куска цельно-зернового хлеба.

— Белого не найдется? — спросил Усатый Миллиган.

— В нашем доме предпочитают здоровую пищу, — сказала Лора.

— Вы мне ее вернете? — спросил Эверетт.

— Что? — спросил Миллиган, отхлебывая кофе.

— Карту памяти.

Ли-Леанна-Леона выложила на стол целлофановый пакетик и придвинула его к Эверетту.

— Мы уже скачали оттуда все, что нужно. Твои снимки прогнали через программу улучшения изображений. Хочешь посмотреть распечатки?

Она положила на стол кейс, потеснив кофеварку и пакет с молоком. Достала большую глянцевую фотографию номерного знака.

— Мы проверили номер. Владелец автомобиля — некий мистер Пол Стефанидис из Хаунсло. Занимается поставками продуктов с Кипра в рестораны и небольшие продовольственные магазины.

— И что?

— Вряд ли торговец средиземноморской бакалеей стал бы похищать твоего отца.

— Номера могли подделать.

— Эверетт, это машина мистера Стефанидиса. У него черная «Ауди». Вчера он проезжал по Мэллу как раз в указанное тобой время. Направлялся на обед общества «Бизнес-форум Лондон-Кипр».

— То есть вы хотите сказать, что я все выдумал?

Гренки выскочили из тостера. Все сидящие за столом дернулись от неожиданного звука. Лора поставила тарелку с гренками перед сержантом Миллиганом.

— А, замечательно! Маслица нету? Знаю, что вредно, но у маргарина такой противный химический привкус...

— В нашем доме придерживаются низкохолестериновой диеты, — сказала Лора.

Миллиган принялся намазывать гренки маргарином из только что открытой коробочки.

Ли-Леанна-Леона выложила на стол перед Эвереттом еще одну фотографию. Это был последний снимок — тот самый, где в заднем

окне виднелись три силуэта. Три темноволосых затылка, три пары плеч, все в темном.

— Неправильно! Папа был в специальном велосипедном костюме. В ярко-желтой куртке, чтобы издали было видно даже во время дождя.

— Понимаешь, Эверетт, мы много работаем с любительскими снимками. Часто их делают второпях, на ходу, с мобильных телефонов, при плохом освещении и неблагоприятных погодных условиях, не успев навести фокус или правильно откадрировать фотографию. Ты не представляешь, как часто люди утверждают, что на снимке одно, а после обработки специалистами выясняется, что там совершенно другое.

— Вы изменили снимок!

— Эверетт, какое разрешение у твоего мобильного?

— Четыре мегапикселя. И четырехкратный цифровой зум.

— Ты снимал с увеличением.

— Конечно, с увеличением!

— При этом шел дождь.

— Ну да, и что?

Ли-Леанна-Леона указала пальцем на овальное пятнышко у правого края фотографии. Нижняя часть овала слегка подсвечивалась золотисто-желтым.

— На объективе — капля дождя.

— Да, я и сказал, что был дождь.

Эверетт уже понимал, к чему они ведут. Деваться было некуда. Его только что поймали на кухонном столе, в присутствии мамы и младшей сестренки. Сейчас его снимок разберут по пикселям.

— Эверетт, скажи, какого оттенка свет у уличных фонарей?

— Желтого. Там стоят натриевые лампы.

— Таким образом, вполне возможно, что еще одна капля на объективе отразила свет уличного фонаря, в результате чего на фотографии возникло желтое пятно.

— Вы изменили снимок!

— Вот оригинал.

Женщина-полицейский положила на стол очередную распечатку. При сильном увеличении была видна зернистость рисунка. На фоне спины Теджендры явно и несомненно выделялась большая капля,

переливающаяся желтыми отсветами. «Этого не было! — подумал Эверетт. — Вы ее подрисовали!»

— Я ничего не придумывал! Зачем бы мне фотографировать какую-то постороннюю машину?

— Вы нас извините, миссис Брейден, но семейные проблемы иногда толкают подростков на странные поступки, — сказал Миллиган.

У него на усах висели крошки.

— Мисс Брейден! — резко поправила Лора.

Она была вне себя от унижения. Полицейские в ее собственной кухне назвали ее сына лжецом и выдумщиком и к тому же видели ее в майке-алкоголичке и заношенных трениках, а ее дочь — всю перемазанную шоколадом.

— И у нас не проблемная семья!

— В общем, этот вопрос мы прояснили, — объявила Ли-Леанна-Леона, сгребая со стола фотографии. — Однако дело о пропаже твоего отца, Эверетт, пока не закрыто. Мы продолжаем поиски.

Инспектор по делам несовершеннолетних встала, за ней поднялся и Усатый Миллиган, поспешно отложив второй ломтик поджаренного хлеба.

— Спасибо за гренки и кофе! Лучшее начало дня!

Лора проводила их до двери. Уже рассвело, и Эверетт разглядел, что они уселись в «Шкоду». Экономия средств в полиции, наглядный пример.

Пока Лора закрывала дверь, Эверетт убежал к себе в комнату и вставил в планшетник карту памяти.

— Эверетт! — донесся из прихожей злой и напряженный мамин голос.

— Одну минуту!

— Никаких минут! Спускайся сейчас же!

— Я занят...

Он вывел на экран снимок с карты памяти, которую вернули полицейские, и такой же, отправленный самому себе из полицейского участка.

— Не знаю, чем ты занят, и знать не хочу. Иди сюда, нужно поговорить.

— Сейчас!

Эверетт разместил два изображения рядом, подогнал размер.

— Эверетт, нам нужно поговорить! Ви-Эр уже расстраивается!

Когда мама сердилась, она понижала голос и начинала говорить с интонациями Опры Уинфри. «Классический случай пассивно-агрессивного поведения», как выражались на сайте Divorcedads.com.

— Эверетт, ко мне на кухню заявили двое полицейских, потребовали гренки с маслом и обозвали нас проблемной семьей. Может, кто-нибудь мне все-таки объяснит, что происходит?

Эверетт развел в стороны большой и указательный пальцы, увеличивая снимки на экране. Топ-топ, скрип-скрип... Четвертая ступенька на лестнице. Мама поднимается на второй этаж.

— Эверетт...

Вот оно! Эверетт выскочил из комнаты и перехватил маму на площадке, выставив перед собой «Доктора Квантума».

— Я не врал!

— Эверетт...

— Я знаю, что я сфотографировал! Смотри, я отправил себе копию, когда отдавал полицейским чип. Вот оригинал, здесь нет никакой дождевой капли. Вот папина спина, вот его затылок! А каплю они сами пририсовали.

— Эверетт, что ты такое говоришь? Я ничего не понимаю.

— Мам, полицейские нас обманули. Они соврали про фотографии и, наверное, про бакалейщика с Кипра тоже. Врали нам в глаза и еще внушали тебе, будто это я говорю неправду.

Лора, прикрыв ладонью рот, опустилась на ступеньку и привалилась к перилам.

— Господи, в голове не укладывается...

Эверетт пристроился рядом на ковре и тоже прислонился к перилам. Возникло такое чувство, словно у его сердца отвалилось дно, и все хорошее, что там было, — доверие, радость, надежность, — все посыпалось в пропасть сомнений. Даже гренки с маргарином и утреннее радио теперь отравлены.

— Дай, посмотрю поближе!

Эверетт передал маме планшетник. Она обвела пальцем контур изображения.

— Но почему?!

— Не знаю.

Спрашивать надо не «почему», а «что дальше». Эверетт, задав себе такой вопрос, логическим путем пришел к совершенно жутким выводам. Возможно, Ли-Леанна-Леона и Усатый Миллиган действительно не знают, кто увез Теджендру. Возможно, они даже сами верят тому, что по чьей-то указке впаривали Сингхам, сидя у них на кухне, — но вот люди, приказавшие поместить на снимок дождевую каплю, знают. Люди, у которых есть возможность давать указания полицейским. А еще они знают, что, когда Теджендра вернется, вся их ложь раскроется. А значит, Теджендра не должен вернуться. С каждым шагом рассуждений Эверетт словно поднимался на новый уровень, откуда видно еще дальше. Перестать бы замечать закономерности и логические связи! Если бы можно было перестать думать... Но не думать он не мог — иначе он бы не был Эвереттом Сингхом. Вот этого-то и не знали люди, похитившие Теджендру и приказавшие полицейским врать. В этом их ошибка.

— Я найду его.

— Эверетт, солнышко, не надо!

— Найду.

— Эверетт, не лезь в это дело!

— Найду, я сказал!

Виктория-Роуз, выбравшись из детского стульчика, доковыляла до лестницы. Мама с Эвиттом, как она называла старшего брата, сидели рядышком на площадке. Услышав, что Эверетт говорит на повышенных тонах, малышка заплакала.

— Роза, лапочка моя, иду, иду! — Лора зашептала на ухо Эверетту, отчеканивая каждое слово: — Не лезь! Понял меня? Это тебе не игрушки. Не знаю, куда он пропал, не знаю, почему он пропал, понятия не имею, что дальше будет, знаю одно: мне очень, очень страшно, и я ужасно боюсь, что, если ты начнешь задавать неудобные вопросы и обвинять во лжи кого надо и кого не надо, ты тоже пропадешь.

— Так ты мне веришь?

— Не знаю, чему верить, просто мне очень страшно, милый.

Виктория-Роуз уже ревела вовсю. Лора побежала к ней. Эверетт видел, как вздрагивают мамины плечи, и вдруг понял, что она тоже плачет — плачет о нем.

Эверетт видел, куда полетит мяч, еще когда Йоланди, пройдя по левой стороне поля, сделала красивый пас Рюну, обретавшемуся в самом центре, посреди пустого пространства. Эфрон попытался выйти наперерез, но за три дня непрерывных дождей поле превратилось в болото, и Эфрон бултыхался в нем, словно морж. При росте и весе, какие полагаются центральному защитнику, он совсем не обладал необходимым мастерством. Рюн легко его обошел и выскочил к воротам. Когда он ударил, Эверетт уже взвился в воздух. Верхний левый угол. Ударом кулака Эверетт отправил мяч Анушке, державшейся позади других игроков. Та помчалась через поле, а защитники Золотых пошлепали вдогонку по мокрой траве. Шустрая девчонка эта Анушка! Мяч порхал у ворот Золотой команды, выписывая зигзаги без особых шансов на гол, а Эверетт подпрыгивал, хлопая руками во вратарских перчатках, чтобы хоть немного согреться. Прозвучал финальный свисток. Участники матча потянулись в раздевалку под струями ледяного дождя.

— Ненавижу тебя, Эверетт Сингх! — сказал Рюн, выйдя из душа и выковыривая воду из ушей уголком полотенца.

— Куда тебе со мной тягаться, — ответил Эверетт, стараясь не смотреть на него, свежего и сияющего после душа. — Мне кунг-фу помогает. Ты перед тем, как пробить по мячу, всегда оглядываешься по сторонам, а потом чуть-чуть отклоняешься назад. Каждый раз, без исключений. На этом я тебя и подлавливаю.

— А если я перестану так делать?

— Будешь делать что-нибудь другое, и я все равно замечу. Я же тебя хорошо знаю.

Рюн Спинетти, лучший бомбардир Золотой команды, за те два года, что Эверетт играл в Красной, не смог забить ни одного гола. При этом он был самым давним и самым близким другом Эверетта. Вот так: враги в футболе, лучшие друзья по увлечению компьютерами. Золотая команда. Красная команда. Синяя команда. Сиреневая команда. Что это вообще за название такое для футбольной команды: «Сиреневая»? Наверное, на фабрике, где шьют спортивную форму,

скопились излишки сиреневой материи, которую никак не удавалось продать. Дурацкие названия и насквозь фальшивые матчи, в которых нет главного, что придает смысл состязанию — истории, традиций, общей верности команде. Всего того, что вызывает восторженный рев зрителей по субботам на стадионе Уайт-харт-лейн.

Раздевалку наполнило шипенье дезодорантов-аэрозолей марки «Линкс». Эверетт категорически отказывался принимать душ на людях. До дома всего пять минут по усыпанной какашками аллее, известной под названием «Собачья радость», а потом через тенистое кладбище Эбни-Парк. Эверетт привычно натянул поверх вратарской формы школьный пиджак, а сверху по случаю зимней погоды набросил куртку-дутик и прямо в шиповках потопал домой, где его ждали душ и дэт-метал на водонепроницаемом МПЗ-плейере. Роскошь! И главное, без посторонних. Только Эверетт и каскады горячей воды. Он мог очень долго просидеть так, спрятавшись от всех в тепле и плеске бегущих струй. Лора спрашивала, чем он там занимается столько времени. Ответ: ничем. Думает обо всем и ни о чем. Ждет, когда мысли придут сами.

— Пока!

Эверетт всегда первым выскакивал за дверь.

— Эй, Эверетт! — окликнул Аббас. — Будешь, значит, опять просиживать по четвергам с Биомассой?

Биомасса — миссис Пэкхем — работала школьным психологом. После развода родителей Эверетт целых три месяца таскался по четвергам к ней в кабинет вместо последнего урока. Зато с полным правом пропускал историю религии.

— Да ну, придумаю еще какую-нибудь лапшу ей на уши навешать.

Не приходилось надеяться, что исчезновение Теджендры удастся сохранить в тайне от общественности. Твиттер, Фейсбук, электронная почта — новость облетела школу рано утром, еще до прихода Эверетта. Одноклассникам хватило ума воздержаться от идиотских шуточек, якобы его папа сбежал с другой женщиной, а то и с другим мужчиной. Спортивным сложением Эверетт не отличался, но все видели, на какие вспышки черной злобы он способен, если как следует раздражить, хотя так же быстро и успокаивается. В школе его не особо любили, но уважали. Задирать Эверетта Сингха — себе дороже.

Когда он сворачивал с Собачьей радости на дорожку, ведущую к кладбищу, пришла эсэмэска: «Муз Ест Истор. Как только, так сразу». Эверетт пустился бегом. Дождь пятнал лица статуй над викторианскими могилами.

Назовите это, если угодно, распознаванием закономерностей, или вратарским чутьем, или какой-нибудь хитрой квантовой заумью. Просто что-то такое было в обогнавшем Эверетта «Рено Меган». Слишком медленно автомобиль двигался по Ректори-роуд, слишком хорошо были одеты дама за рулем и мужчина рядом с ней, слишком прямо они сидели и слишком задержали взгляд на остановке семьдесят третьего автобуса. У Эверетта уже выработался нюх на подозрительные машины. «Рено» свернул к Гибсон-гарденз. Эверетт смотрел ему вслед и задохнулся, увидев, как нос автомобиля высунулся из-за белого фургончика, припаркованного у двойной желтой линии на углу. Значит, «Рено» через переулок выехал на Тортволд-роуд. Ну точно, его ищут! И как нагло действуют, у всех на глазах!

Автомобиль вынужден был вместе с другими остановиться у пешеходного перехода, на котором молоденькая сотрудница собачьего питомника переводила десяток мелких собачонок на поводках.

Эверетт краем глаза наблюдал за «Рено». Мужчина на пассажирском сиденье был бритоголовый, с резко очерченными скулами. Костюм сидел на нем как с чужого плеча. У женщины-водителя было молодое лицо с темными, очень старыми глазами. Белокурые кудри волной спадали на плечи. Она была похожа на рок-звезду. Руки, затянутые в перчатки, лежали на руле, нетерпеливо постукивая пальцами. Девушка в ветровке с логотипом собачьего приюта «Милые пёсики» никак не могла распутать поводки своих непослушных подопечных. Светофор, мигнув, сменил красный свет на зеленый. «Рено» плавно тронулся с места. Где же автобус? Вечно он опаздывает в это время. Водитель сидит себе на конечной и решает sudoku. Его отлично видно через небольшую треугольную лужайку, где в Стоук-Ньюингтоне выгуливают собак.

— Да сколько можно, чтоб его! — высказалась пуэрториканка на остановке.

У ее ног стояло с десяток оранжевых фирменных сумок «Сейнсбери».

Водитель на конечной сложил газету. Автобус отъехал от тротуара, не спеша свернул на Нортволд-роуд, и как раз подоспел «Рено». Рок-звезда за рулем увидела Эверетта, но тут мебельный фургон прямо перед ней, заметив свободное местечко для парковки, остановился, как вкопанный, и пронзительно засигналил. Поток машин, постоянно мчащихся по оживленной Ректори-роуд, увлек «Рено» в противоположном направлении. Автобус номер семьдесят три приблизился к остановке. Эверетт рванулся к дверям, отпихнув тетеньку с кучей покупок.

— Извините, простите, — бормотал он, пробиваясь к заднему сиденью.

Позади автобуса скопилась очередь из машин, а впереди, соответственно, образовался просвет, куда не замедлил шмыгнуть «Рено». Эверетт пригнулся. Потом осторожно выглянул и увидел, что Блондинка-рок-звезда внимательно рассматривает автобус. Затем «Рено» проехал мимо. Автобус тронулся. Эверетт выглянул в залитое дождем заднее окно. «Рено» разворачивался прямо посреди дороги. Машины вокруг отчаянно гудели, водители грузовиков орали и махали кулаками.

«Рено» буквально прилип к семьдесят третьему автобусу, упорно следуя за ним по Альбион-роуд и по длиннющей Эссекс-роуд. Остановка, снова тронулись, опять остановка. Двери открываются, двери закрываются. Предупреждающий звонок, механический голос зачитывает названия. На следующей выходите?.. Автобус двигался по северо-восточному Лондону, а «Рено» так и тащился за ним, то отставая на три-четыре машины, то едва не впритирку. Несколько раз Эверетт видел, что «Рено» уходит вперед, но через минуту легкое покалывание, словно к затылку приставили острое ножа, говорило о том, что преследователи опять за спиной. Маршрут автобуса нетрудно проследить по карте на компьютере. Они ждут, на какой остановке Эверетт сойдет.

Автобус со скрипом спустился по Аппер-стрит и вырулил на Пентонвиль-роуд, а там, покинув основной поток машин, переместился на отведенную для общественного транспорта полосу. У Эверетта отлегло от сердца, но, оглянувшись, он снова увидел неотступный «Рено». А ведь по этой полосе разрешается ездить только

такси и полиции. И еще велосипедистам. Значит, его преследуют полицейские — или те, кто отдает приказы полицейским.

«Рено» сел автобусу на хвост. Оторваться от погони необходимо до того, как они прибудут к Музею естественной истории. Эверетт вытащил мобильник, отключил вспышку и сделал пятнадцать снимков машины, пассажира и дамы-водителя, сохраняющей ледяное спокойствие. Автобус пробился через перекресток у вокзала Кингс-Кросс, где вечно царит хаос. Неразбериха людей и машин, легкий доступ к самым разным видам транспорта. Хорошее место, чтобы затеряться. Эверетт вскочил и нажал на кнопку. Автобус подъехал к остановке напротив вокзалов. Рядом высился готический Сент-Панкрас, а приземистый Кингс-Кросс разместился чуть дальше, в стороне от городского шума. Выбравшись из автобуса. Эверетт побежал сломя голову наперерез идущему транспорту. Грузовики и легковушки тормозили на полном ходу, ревели гудки, водители грозили кулаками и что-то выкрикивали, беззвучно разеваая рты за ветровым стеклом. Вильнув, промчался парень на мопеде, через плечо осыпав Эверетта сочной руганью.

Эверетт остановился, только добравшись до островка безопасности. Бритоголовый-в-деловом-костюме выпрыгнул из машины и рванулся в погоню. Крошечный «джи-виз» притормозил у самых его ботинок. Бритоголовый злобно зыркнул на женщину за рулем, ухватил автомобильчик за бампер и приподнял, так что передние колеса оторвались от земли. Когда он снова грохнул автомобильчик на землю, тот жалобно заскрипел всеми своими составными частями. Пока шла эта возня, успел смениться свет на светофоре. Эверетт бросился к вокзалу Кингс-Кросс и нырнул в метро, расталкивая толпу локтями.

Эверетт выхватил из кошелька проездной и лишь в последний момент осознал опасность. По карточке его легко выследить. «Глостер-роуд» — остановка, где находятся и Музей естественной истории, и Имперский колледж. Преследователи сразу сообразят, с кем он собрался встретиться и почему. А покупать билет в автомате — слишком долго, там вечно торчат растерянные туристы, с трудом разбирая инструкцию и нажимая на все кнопки подряд. Эверетт оглянулся. Бритоголовый стоял на лестнице, обзревая переполненный вестибюль метро. Эверетт сбросил с плеча школьный рюкзак и

притерся поближе к туристам. Куртка его ничем не отличалась от прочих, а вот желтые футбольные шорты и еще более желтые термоколготки под ними выдадут его с первого взгляда. Эверетт опустил пониже рюкзак, прикрывая ноги. Радостные туристы получили наконец свои билеты. Эверетт, подойдя к автомату, принялся нажимать на кнопки. До чего же медленно! Поездка в одну сторону? Да. Выберите способ оплаты. Наличными. Нужна квитанция? Нет, спасибо. Ну давай, давай же! Билет и сдача со звоном посыпались в металлический лоток.

Впереди замаячили воротца. Не бежать! Тогда сразу заметят. Слиться с толпой. Автомат просканировал билетик, и створки, звякнув, открылись. Эверетт обернулся. Всего лишь на мгновение он встретился взглядом с Бритоголовым, но на это мгновение в вестибюле станции метро «Кингс-Кросс» как будто никого не осталось, кроме них двоих. Бритоголовый рванул вниз по ступенькам, разметывая в стороны толпу. Ему наперерез бросился работник лондонской транспортной службы в форменной кепке и оранжевом жилете. Бритоголовый отмел его с дороги и с разбегу перемахнул через воротца. Эверетт побежал. Впереди виднелся эскалатор, крутой и смертоносный, словно трамплин. Эверетт сделал глубокий вдох и помчался вниз по движущейся лестнице.

— Извините, извините! — кричал он на бегу.

Пассажиры жались к поручню; те, кто шел вниз по свободной стороне, отскакивали, пропуская психованного мальчишку. Крутые, предательские, бесконечные ступеньки. Поймал ритм — держи. Беги, не оглядывайся. Оглянешься — собьется с шага, рухнешь и покатишься вниз, пересчитаешь острые края ступеней до самого низа. Рюкзак тяжело бился о плечо. За спиной нарастала какая-то суматоха. Не оглядываться!

Эскалатор выплюнул Эверетта на платформу кольцевой линии. Теперь можно и назад посмотреть. Бритоголовый в деловом костюме ломился по эскалатору, словно игрок в регби, сметая все на своем пути.

Дуновение теплого воздуха. Вой и грохот подъезжающего поезда. По кольцевой — не самый удобный маршрут, но если идти на линию, ведущую к Пиккадилли, Бритоголовый перехватит его в лабиринте лестниц и переходов. Эверетт вскочил в вагон, когда двери уже

закрывались. Через мгновение подоспевший Бритоголовый заколотил кулаками в стекло. «Не откроются! — подумал Эверетт. — Кто бы ты ни был, ради тебя их не откроют!» Бритоголовый, прижав ладони к стеклу, уставился прямо на Эверетта, вцепившегося в поручень. Поезд тронулся. Эверетт помахал рукой: «Пока! Ушел я от тебя».

К Музею естественной истории Эверетт добрался за десять минут до закрытия. Сотрудники музея долго ворчали по поводу шиповок. Колетта Харт ждала его рядом со скелетом динозавра. На этой неделе волосы у нее были фиолетовыми.

— Эверетт, ты как, в норме?

Он показал ей слайд-шоу, отснятое в автобусе: «Рено», Бритоголовый в деловом костюме, Блондинка-рок-звезда.

— Знаешь этих людей?

— Дама явно перестаралась с косметикой в стиле восьмидесятых, — заметила Колетта. — А он похож на второстепенного персонажа из «Гранд-тефт-авто». Нет, Эверетт, увы — я их впервые вижу.

Когда Эверетт Сингх познакомился с Колеттой Харт, она его напугала до полусмерти. Высокая и тощая, как жердь, с металлом в бровях и крашеными розовыми волосами, уложенными при помощи геля в прическу, как у героини какого-нибудь аниме.

— Это у вас на спине татуировка такая, череп и кости? — спросил он.

А она наклонилась к нему с высоты своего огромного роста, еще увеличенного сапогами на толстенной платформе, и прошептала на ухо:

— Я — королева пиратов Ист-Чима.

И подмигнула.

Эверетту было тогда шесть лет. Все происходило на заднем дворе у Теджендры, который пригласил своих коллег на барбекю по случаю летнего воскресенья.

Когда Колетта подмигнула, Эверетт мгновенно успокоился, поняв, что все будет хорошо. Они сразу подружились. Колетта Харт в то время только-только поступила в магистратуру. А восемь лет спустя продолжала приходить на традиционные барбекю уже как научный работник, коллега Теджендры. Теперь сережки для бровей и сапоги на платформе служили только для походов в клубы с экзотическими и

рисковыми, по мнению Эверетта, названиями, а цвет волос менялся всего лишь раз в месяц, а не раз в неделю — зато череп и кости по-прежнему красовались в районе поясницы. Колетта на вечные времена так и осталась пиратской королевой из отдела квантовой физики. Эверетт еще утром послал ей эсэмэску, пока плелся в школу под проливным дождем через кладбище Эбни-Парк. «Приходил П. Мкк. Думал, у меня что-то есть. Спасай!»

— Они пытались за мной проследить, когда я сюда шел, — сказал Эверетт. — Наверное, ждали около школы. Они не знали, что я пойду домой прямо из физкультурной раздевалки.

— Мне нравится, как ты выразился: «пытались», — усмехнулась Колетта Харт.

По залам разнеслось объявление: музей, кафе и сувенирные прилавки закрываются через пять минут.

Пять минут.

— Ну так как?

— Что — как?

— Есть у тебя это «что-то»?

Эверетт вытащил из рюкзака «Доктора Квантума» и включил. Потом активировал иконку «Инфундибулум». Колетта наклонилась посмотреть поближе и еле слышно выругалась.

— Закрой немедленно!

— Это то, что им нужно, да? Об этом Маккейб говорил?

Эверетт выключил планшетник и снова запихнул его в рюкзак.

— Да.

Впервые в жизни он услышал страх в голосе Колетты.

— Не здесь, Эверетт. Пойдем.

Смешавшись с последними посетителями, они неспешным шагом вышли из музея. На улице Колетта сразу закурила. Другие посетители раскрывали зонтики и поднимали воротники, горбясь от ветра и дождя.

— Ты голодный? Пойдем куда-нибудь, поедим. Ты к суши нормально относишься? Я знаю хорошее местечко, совсем недалеко к западу.

— Ага! Да тут «Мама» совсем рядом.

Тоже вполне хорошее место. Эверетт бывал там с папой и Колеттой и прочно усвоил основные правила суши. Правило номер один: не брать еду с конвейера. На вид-то она красивая, да только

неизвестно, сколько времени эти симпатичные пластиковые упаковки здесь крутятся. Правило номер два: васаби и соевый соус идут к рыбе, но ни в коем случае не к рису.

— Слишком близко, Эверетт. Не хотелось бы наткнуться на любимых коллег.

Пока поймали такси, оба промокли насквозь. Уютный семейный ресторанчик располагался чуть в стороне от Тоттенхэм-Корт-роуд. В отдельных кабинках можно было спокойно поговорить. Эверетту пришлось оставить бутсы у входа. Он сидел на циновке, скрестив ноги по-турецки и постепенно обсыхая.

— Так, ну давай, посмотрим.

Эверетт вывел на экран программу «Инфундибулум» и передал Колетте планшетник. В кабинке было полутемно, движущиеся по экрану полотнища бросали на лицо Колетты причудливые отсветы.

— И как, есть у меня «что-то»?

— У тебя не просто «что-то». — Колетта положила «Доктора Квантума» на низенький столик в японском стиле. — У тебя тут всё.

Принесли суши — аккуратные, плотные, рис блестящий, кусочки рыбы не тусклые. Хорошие суши. Эверетт палочками смешал васаби с соевым соусом.

В нише стояла статуэтка кошки, манеки-неко, с поднятой левой лапкой. Правая лапка приманивает Деньги, левая — посетителей.

Колетта снова заговорила.

— Мы с Полом и с твоим папой участвовали в долгосрочном проекте. Цель проекта — получить экспериментальные данные, подтверждающие существование параллельных вселенных.

— Это все я знаю. — Эверетт обмакнул кусочек морского окуня в соус.

— Нет, Эверетт, ты не все знаешь.

Эверетт мгновенно ошетинился. Все, ну буквально все считают себя вправе высказывать свое мнение о нем. А его мнение кто-нибудь спрашивал?

— Папа рассказывал мне теорию. Я решаю уравнения квантовых полей лучше, чем наш учитель физики. Он, по-моему, даже не рубит, что это за уравнения.

— Очень может быть, что ты их решаешь лучше меня, но ты не слушаешь, о чем я говорю. Я сказала: «экспериментальные данные».

— Доказательства.

— Физические доказательства. Так вот, они у тебя на планшетнике.

Эверетт владел палочками для еды не хуже, чем мастера из монастыря Шаолинь — своим оружием. Он умел есть ими сырые водоросли и даже скользкую лапшу. Он никогда не ронял еду. А сейчас уронил. Палочки скрестились, и комочек риса шлепнулся на тарелку.

— У тебя здесь, по сути, адресная книга вселенных. Я не знала, что твой папа дал ей имя. Инфундибулум... Здесь указано точное местоположение известных нам параллельных вселенных. Не всех — все на твоём компьютере не поместятся.

— А много вы уже открыли?

— Десять в восьмидесятой степени.

Эверетт был знаком с математической системой обозначений. Его друзья-умельцы расширили встроенную память «Доктора Квантума» до одного терабайта. Десять в двенадцатой степени байтов информации. Если отвлечься от мира компьютеров, это число записывается как единица с двенадцатью нулями. Тысяча миллиардов. Такое число худо-бедно можно себе представить. А десять в восьмидесятой — единица с восемьдесятю нулями — уже не поддается воображению. Никаких квадрильонов миллиардов не хватит. У Эверетта екнуло под ложечкой, голова закружилась. Он словно вновь провалился в бесконечно разворачивающееся множество Мандельброта. Огромные, волнующие, пугающие числа.

— И все это нашел папа?

— Твой папа работает над этим значительно дольше, чем ты думаешь.

Эверетт вспомнил лето — оно казалось бесконечно далеким от холодной темной зимы на излете года. Другой мир. Школьные и университетские каникулы приблизительно совпадают. По соглашению о разводе, Эверетт мог проводить целые недели в папиной новой квартирке в Кентиш-Тауне. По вечерам они гуляли по Хемпстед-хит до Парламент-Хилла и, затерявшись среди любителей бега трусцой и воздушных змеев, смотрели сверху на Лондон. У Эверетта было отчетливое ощущение, что Теджендра видит какой-то другой город, попавший сюда из иной вселенной. На обратном пути по темным улицам папа говорил без перерыва — слова перекипали через

край, обгоняя друг друга. Он рассказывал о мирах, близких к нам, как собственное дыхание, и в то же время дальше самых далеких звезд. Иные из этих миров похожи на наш до такой степени, что и там Теджендра с Эвереттом гуляют по Хайгету, отличающемуся лишь самой крохотной деталью: вот в этом доме по телевизору сейчас смотрят Рассела Бренда, а не Рики Джервейса. А есть и непохожие миры, в некоторых еще даже не возникла жизнь, не образовались звезды и планеты. Папа говорил так живо и убедительно, что Эверетт невольно оглядывался — ему слышалось, что те, другие Эверетты шепотом окликают его по имени.

— Я знал! — сказал Эверетт. — Я знал!

— Он часто мне говорил, что ты талантливее его, — отозвалась Колетта. — Ему приходилось выводить умозаключения, а ты просто видел. Он все отдал тебе, Эверетт. Множественная вселенная — в твоих руках, вот на этом планшетнике. Вопрос в том, что со всем этим делать. По сути, тут просто графики волновой функции. С таким же успехом можно изучать Лондон, имея в своем распоряжении справочник, где указаны только имена людей вместе с их адресами и номерами телефона. Есть Сингхи, которые живут в доме 43 по Родинг-роуд, а есть Сингхи с Ормонд-плейс и с улицы Королевы Елизаветы, но по справочнику невозможно определить, живут они в восточной или западной части Лондона, к югу или к северу от Темзы и как до них добраться. По адресу невозможно узнать, какой у них дом — роскошный особняк или наркопритон. Понимаешь, к чему я, Эверетт?

— Мама говорит, мы теперь не Сингхи, а Брейдены.

— Никакой ты не Брейден.

— Конечно, нет. Не был никогда и не собираюсь.

— Давай я тебе пива куплю?

— Мне больше нравится «Кирин», чем «Саппоро».

— Я пошутила! Ешь свои суши.

Эверетт взялся за онигири. Рис был приготовлен правильно, как раз с нужной пропорцией уксуса, зерна круглые, не слишком клейкие, но и не разваливаются. Колетта гоняла по тарелке ломтик маринованного имбиря. Потом отложила палочки крест-накрест.

— Эверетт, папа не упоминал при тебе такую штуку под названием «портал Гейзенберга»?

— Теоретически это точка, в которой параллельные вселенные соприкасаются и можно перейти из одной в другую. Нечто вроде «кротовой норы» между мирами.

— А что, если такие точки существуют не только в теории?

Официантка принесла крохотный чугунный чайничек и разлила по чашкам чай — горячий, душистый и прозрачный. Вся отделка ресторана, уютная кабинка и обжигающий чай наконец-то согрели промерзшего до костей Эверетта. Колетта положила перед ним на стол флешку.

— Если об этом узнают, не приведи Господи, меня посадят под замок, а ключ выбросят. Держи, Эверетт. Просмотри внимательно, а потом позвони мне.

Эверетт убрал флешку во внутренний карман, поближе к сердцу. Карман застегнул на молнию и все равно не мог отделаться от чувства, что флешка светится сквозь ткань и всем видна. Пока Колетта расплачивалась, он допил вмиг ставший безвкусным чай. Золотистая манеко-неко махала лапкой — вверх-вниз, вверх-вниз. Эверетт зашнуровал бутсы и, гремя шипами о мостовую, шагнул в ночную тьму.

Дверь дома номер сорок три по Родинг-роуд стояла нараспашку.

— Мам?

Возможно, она всего лишь вышла в магазин на минуточку или забежала к соседям, Маккаллохам, одолжить степлер или передать посылку. Но Лора после развода всегда тщательно запирала дверь, даже если отходила не дальше чем на два шага от дома. К тому же по вторникам она водила Викторию-Роуз на плавание, а возвращались они не раньше восьми. По вторникам Эверетт отпирал дверь своим ключом и шарил по кухне в поисках еды. Так было заведено.

По коридору разлетелись рекламные листки от пиццерий и фирм по установке пластиковых окон. Ковровая дорожка намокла от дождя. Дверь явно простояла открытой несколько часов.

Значит, не мама. От живота к сердцу поднялась ледяная волна. Наконец, справившись с собой, Эверетт осторожно шагнул вперед. Дверь гостиной тоже была открыта. Может быть, неизвестные люди еще в доме. Эверетт вытянул шею. В гостиной царил полный разгром. Все ящики из комода вывернуты на пол, DVD-диски кто-то вытряхнул из коробок и раскидал по комнате. Журналы валяются подбитыми птицами. Диван и кресла опрокинуты, подушки разбросаны отдельно от наволочек. Рождественская елка лежит на боку. Гирлянда мигает огнями, как сумасшедшая. Осколки хрупких стеклянных игрушек втоптали в ковер. С подарков сорвали обертки. Эверетт выхватил мобильник и позвонил в полицию, а потом Лоре. Она долго не брала трубку — он уже решил, что не ответит.

— Эверетт, зайка, там в холодильнике, в миске, чили с курицей...

— Мам! Когда пойдете домой, оставь лучше Викторию-Роуз у бебе Аджит.

— Что такое? Что случилось?

— У нас кто-то побывал.

Мама примчалась, когда полицейские уже осматривали место преступления. Это были местные полицейские, в форме, но они тоже приехали на «Шкоде». Мама застыла на пороге гостиной, в ужасе прижав ладони ко рту. Женщина-полицейский тут же подступила к ней

с вопросами. Она не отставала от Лоры, пока та поднималась по лестнице к себе в спальню. Там у Лоры вырвался тихий стон. Эверетт не знал, что человеческое горло способно издавать такие звуки.

— Боже, ох, нет! Господи, что же... Я никогда это не отмою. Я не смогу больше здесь спать! Просто не смогу! Все перерыли, испоганили. Нам нужно переехать.

Эверетт ее понял, когда заглянул в свою комнату. Все казалось испачканным, грязным. Одежда, обувь, простыни, книги, коробки с проводами и старыми игрушками, машинки и футбольные журналы, и плакаты, сорванные со стен... Все переворошили, перещупали, все измазали своей вонью. Эверетта затошнило.

— Выбросить это все, немедленно! Не могу рядом с этим находиться! — повторяла Лора. — За что? Что мы такое сделали?

«Не мы, — подумал Эверетт. — Я. Что же я сделал? Что у меня хранится?»

Он крепко прижимал к груди школьный рюкзак. В рюкзаке был спрятан планшетник, а в планшетнике — Инфундибулум. От флешки, которую дала Колетта, исходило тепло — хотя это, конечно, ему только мерещилось.

На площадку поднялся еще один полицейский.

— Да уж, порылись тут знатно! Явно что-то искали. Обычно подростки просто врываются в дом, хватают, что попадется под руку, и убегают. А тут работали вдумчиво. Замок на входной двери взломан. Не знаю, что сделали с сигнализацией — на дисплее так и мелькают какие-то буквы и цифры. Действовали обстоятельно, не спеша.

Женщина-полицейский обняла Лору за плечи.

— Дорогая моя, вам есть, у кого сегодня переночевать?

— У свекрови, она сейчас приглядывает за моей дочерью.

— Мам, я попрошусь к Рюну.

— Эверетт...

— У него есть свободная койка, а у бебе Аджит мы все не поместимся. Мама Рюна не рассердится.

— Ты уверен?

Эверетт только сию минуту принял решение, но он не колебался, потому что знал совершенно точно, кто сегодня явится к бабушке Аджит, смущенно переминаясь с ноги на ногу, со своими угрожающе-вкрадчивыми интонациями, и своими искренними соболезнованиями,

и с неизменным: «Чем мы можем помочь? Да, кстати, от папы не приходило никаких сообщений по электронной почте или, может быть, файлов? Точно не приходило?»

— Все нормально. Я попрошу маму Рюна тебе позвонить. Да я и сам позвоню. Иди, не беспокойся.

Полицейские подождали, пока Лора позвонит слесарю с просьбой починить замок и отыщет в разгромленной спальне вещи для ночевки, а потом подбросили Эверетта к дому Рюна. Как и думал Эверетт, «Шкода» оказалась дрянной машиной.

Кухня в доме Рюна была полной противоположностью кухне в доме Эверетта. Мама Рюна поддерживала порядок и идеальную чистоту, и к тому же здесь имелся папа. Эверетт и Рюн Спинетти были знакомы с первого класса, и все это время Эверетт видел мистера Спинетти не иначе как смеющимся. Тот в любую минуту готов был закатиться хохотом. Как-то смеялся чуть ли не до слез над собственными кошками: одна сидела в картонной коробке посреди кухни, другая расхаживала вокруг, и обе то и дело принимались лупцевать друг друга передними лапами. Теджендра никогда не веселился так спонтанно и непосредственно; ему все надо было продумать и осмыслить. Правда, над разоренным домом Эверетта и Джон Спинетти посмеяться не смог.

— Наш дом для тебя открыт! Живи, сколько понадобится.

Мама Рюна крикнула из глубин необъятной кухни:

— Если твоей маме помощь нужна, так мы всегда! Ужас какой, не приведи Господи!

Она перекрестилась и прикусила костяшки пальцев.

— Рюн, ты установил тот монитор с высоким разрешением? — спросил Эверетт.

В пятом классе Эверетт Сингх и Рюн Спинетти, опознав друг друга по фразе из «Трансформеров», поняли, что не одиноки во Вселенной. Их дружба расцвела у дисплея. Компьютерные маньяки — могучее племя.

— Все готово.

— Я хочу кое-что посмотреть.

Они отправились в комнату Рюна, прихватив с собою чай и сказочное печенье миссис Спинетти. В старших классах интересы приятелей постепенно переместились от виртуального мира к реальному, а конкретно — к футболу. Однако у Рюна стол был по-прежнему завален старыми дисплеями, USB-портами и медиаридерами. Все это барахло потеснил новый здоровенный монитор. Пока Рюн закрывал Фейсбук и «Ворлд оф Варкрафт», Эверетт извлек из кармана флешку и воткнул ее в свободный слот.

— Что это? — поинтересовался Рюн.

— Не знаю.

Эверетт открыл оглавление. Видеофайлы, формат рюновскому компьютеру не знаком. Эверетт искал в сети, откопал подходящий плеер и тут же его установил.

— Эй, эй! Может, на нем полно гнусных русских вирусов...

Эверетт открыл первый видеоклип. В уголке обозначены дата и время съемки: шестнадцатое января, 11.12.

— Смотри, твой папа!

С ним Колетта и Пол Маккейб, еще несколько знакомых сотрудников отдела и какие-то совершенно непонятные люди. Помещения такого Эверетт в университете тоже не видел: длинная комната без окон, с низким потолком. Крышу поддерживали металлические колонны. Под потолком тянулись ровными линиями трубки дневного света, включенные через две на третью, отчего освещение получалось тусклым, тошнотворно-сероватым. Похоже на подземный гараж или бункер. Может, это вообще не в университете? По кругу расставлены столы с ноутбуками и жидкокристаллическими мониторами. Галогенные настольные лампы освещают руки на клавиатуре и лица, обращенные в экран. В тени у стен смутно виднеются шкафообразные предметы примерно в рост человека. Эверетту мучительно хотелось развернуть видеокамеру, навести фокус на эти темные массивные штуковины.

По полу тянулись кабели. Через просветы между столами все они сходились к металлической плите в центре круга, метра три в высоту и примерно полтора — в ширину. Глубину оценить было сложно. Эверетт предположил — примерно в длину его руки до локтя. Каждый квадратный сантиметр поверхности покрывали провода, кабели и какие-то трубки. Бок о бок были наклеены предупреждающие наклейки, от треугольных «Осторожно, лазер!» до «Внимание, риск обморожения!». Посередине плиты виднелось отверстие. Не очень большое, с теннисный мячик. По краям отверстия дымился, испаряясь, сжиженный газ.

— Наверное, это кольцо из сверхпроводящей керамики, — сказал Эверетт.

Рюн в таких вещах разбирался.

— Круто! — восхитился он.

— Не то слово.

Вокруг плиты были установлены тарелки параболических радиоантенн. Между ними расхаживал незнакомый техник, фокусируя антенны на отверстиях в металлической плите. Кабели от тарелок вели к прибору, напоминающему радиоприемник. Ряд напольных динамиков питался от единого усилителя.

Теджендра заговорил. В записи его голос казался искусственным и дребезжащим.

— Начинаем эксперимент номер восемь по передаче радиочастот! Прошу отсчет для портала, начиная с двадцати. По моему сигналу: три, два, один. Начинаем отсчет!

На столах ожили компьютерные экраны. Побежали цифры: 00:20, 00:19... Экспериментаторы не сводили с экранов глаз.

— Мощность — сто процентов, — сказала Колетта.

Пол Маккейб нацепил наушники. 00:08. Маккейб постучал по микрофону. 00:05, мелькали цифры. 00:00. И тут отверстие в центре металлической плиты превратилось в круг слепящего света.

— Вот это да... — выдохнул Рюн.

Белый диск по яркости забивал все остальные источники света в помещении, отбрасывая длинные тени между колоннами. Лица наблюдателей словно выцвели.

— Портал Гейзенберга открыт, — объявила Колетта. — Установлен межвселенский контакт с Землей-2. Профессор Маккейб?

Пол Маккейб кашлянул, прочищая горло, и заговорил тонким, чуть дрожащим голосом:

— Алло, это физический факультет Имперского колледжа в Лондоне.

В динамиках потрескивало.

— Земля-2, Земля-2, говорит Имперский колледж в Лондоне, факультет физики!

Голос Маккейба окреп, стал увереннее. По-прежнему треск в динамиках. Эверетт ощущал напряжение, как будто сам находился в той комнате.

Пол Маккейб повторил в третий раз:

— Земля-2, Земля-2, говорит Имперский колледж в Лондоне!

Вдруг сквозь треск прорвался голос — мужской, с сильным акцентом. Слов Эверетт не понимал, хотя временами они казались

почти знакомыми. Испанский, португальский? Нет, ни один из европейских языков, скорее напоминает пенджабский, на котором бебе Аджит болтает со своим сыном, папой Эверетта. Или, может, арабский? Впрочем, его уже не было слышно: комната взорвалась ликованием. Все кричали «ура», хлопали, обнимались. Колетта повисла у Теджендры на шее, Пол Маккейб с жаром тряс его руку. Мужчины хлопали друг друга по спине. С оглушительным звуком вылетали пробки из бутылок шампанского. Бокалы сверкали в лучах света из иной вселенной. Видео закончилось.

Рюн набросился на Эверетта с вопросами.

— Что это было, что мы такое видели, кто там выступал?

Эверетт уже открыл второй клип. Место действия то же и те же декорации: комната, компьютеры, тарелки антенн, металлическая плита с дырой, по краям дыры испаряется жидкий азот. Дата: неделю спустя после первой записи. И действующие лица те же. За исключением...

— Это что, Дэвид Камерон?

— А вон тот тип — министр высшего образования и науки, — отозвался Эверетт.

Имя он забыл. Министры так часто меняются, и все на одно лицо.

— Мы установили радиосвязь с Землей-2, — объявил Пол Маккейб масляным голосом, источающим почтение к присутствующим политикам. — Теджендра, начинайте отсчет, пожалуйста.

Теджендра молча нажал на кнопку, и на экранах замелькали секунды. Эверетт видел, что отец нехотя следует приказам. Когда Теджендра злился или расстраивался, он всегда хранил мертвое молчание и двигался медленно, как будто под водой, где малейший звук или резкое движение может привлечь акул. Эверетт понимал его состояние. Из области науки они вдруг перешли в область политики. Экспериментом теперь управляли другие.

00:00. Комнату вновь залил свет иной вселенной.

— Алло, Земля-2! Алло! Говорит профессор Пол Маккейб из Имперского колледжа в Лондоне!

В ответ сразу раздался прежний голос — тот же, что в предыдущем клипе, только сейчас он говорил по-английски с каким-то странным, смутно знакомым акцентом.

— Алло, Пол, алло, Имперский! Говорит Ибрим Ходж Керрим из Палаты тысячи миров.

— Ибрим, мы рады вас слышать! Сегодня нам оказал честь своим присутствием наш премьер-министр, мистер Камерон.

— Дар приносит честь дарителю. Рядом со мной — его превосходительство Саид Гусейн Эльтебир, из Павильона блаженств.

— О чем это он? — спросил Рюн.

— Я думаю, это их премьер-министр, — шепотом ответил Эверетт.

— Чей? — тоже шепотом поинтересовался Рюн.

На экране премьер-министр надел наушники.

— Алло? — произнес он неуверенно. — Алло? Мистер Эльтебир?

— Да простится мне такая смелость, — вновь прозвучал из-за сияющего диска странный певучий голос. — Его превосходительство не получил лингвоимплантов. Если позволите, я буду переводить.

Раздался другой голос, более низкий. Он говорил на том же языке, который был в первом клипе. Ибрим Ходж Керрим синхронно переводил.

— Его превосходительство приветствует своего достойнейшего коллегу из иной вселенной от имени всех народов, населяющих Пленитуду известных миров.

Премьер-министр Камерон на мгновение растерялся, но тут же взял себя в руки и начал отвечать:

— Благодарю за любезные слова, ваше превосходительство...

Тут видео внезапно закончилось.

— Это какое-то кино или что? — спросил Рюн. — Там правда был премьер-министр или просто под него загримировали?

— Правда министр. Это не кино. Все на самом деле.

— Что на самом деле? — спросил Рюн.

Эверетт уже открывал третий видеоклип. Друзья ахнули в один голос.

Они находились высоко в небе, а под ними раскинулся город. В лучах солнца сверкали купола — высокие и приземистые, купола из белого алебаstra или крытые красной терракотовой плиткой, выложенные цветными изразцами, серебром или чистым золотом. Купола громоздились одни над другими, целые каскады куполов и множество крошечных куполов, выстроившихся рядами и квадратами.

Купола по сотне метров в поперечнике и в сотню метров высотой, увенчанные золотым полумесяцем, купола, плоские как блюдечки или в форме луковицы. На заднем плане высились башни — тонкие карандаши минаретов и километровые небоскребы, больше похожие не на здания, а на скульптуры, кружево стекла и титана, казалось бы, слишком тонкое и хрупкое, чтобы выдержать свой собственный вес, а между тем стоят же, теснясь отдельными рощицами, словно деревья в лесу. Угол обзора изменился. Должно быть, видеокамера установлена на каком-нибудь беспилотнике, подумал Эверетт. Теперь внизу можно было разглядеть широкие проспекты и тенистые бульвары. Камера, снижаясь, нырнула между рядами высоких домов — этажи нависали друг над другом. Улицу обрамляли глубокие аркады — укрытие от палящего солнца, намного жарче того, что светит над Стоук-Ньюингтоном. То и дело камера на мгновение выхватывала прохожих, неспешно шагающих в тени: мужчины в элегантных костюмах с воротниками-стойками в индийском стиле и женщины в разноцветных узорчатых пышных платьях с рукавами-буф. Видимо, на улице полагалось носить головные уборы: круглые шапочки, цветные фески и разнообразнейшие тюрбаны для мужчин, белые кружевные накидки для женщин. Эти накидки крепились к своеобразным кокошникам, слегка напоминающим нимб. Миг — и камера снова взмыла вверх, мимо балконов с чугунными решетками, и выскочила из-под нависающего карниза. В глубине жилых кварталов скрывались закрытые со всех сторон дворики и сады. Здесь плескались фонтаны, блестели влажной зеленью папоротники и декоративные деревья, сверкали обрызганные водой изразцы. Камера поднялась еще выше, в самое небо. Облака и панорама неведомого города. Эверетту почудилось, что он видит заходящий на посадку самолет, потом блеснула серебром река, и на экране возник обширный портовый комплекс на противоположном городу берегу реки. Среди громоздких сухогрузов и танкеров сновали катера на подводных крыльях и маленькие юркие паромы. Буксиры, лавируя, заводили в доки большие корабли. Камера двигалась над каналами и пристанями, подъемными кранами и пакгаузами, сделала поворот над нефтеперерабатывающим заводом с цистернами и трубами. Эверетт пытался прочесть надписи на цистернах десятиметровыми буквами, но алфавит был ему незнаком. Похоже на арабский — сплошные петли и завитушки.

Камера отъехала чуть дальше. Эверетт еще раз окинул взглядом завод и понял, что никакой это не завод, а нефтеналивной терминал. Громадные танкеры у причалов заполняли свои емкости сырой нефтью. Значит, здесь добывают нефть. Камера поднималась все выше, и Эверетт вдруг узнал очертания реки. Плавная излучина с южной стороны, потом длинный прямой участок, идущий с востока на запад, резкий изгиб к югу и вновь к северу, огибая узкий зеленый мыс.

— Темза, — чуть слышно прошептал Эверетт. — Это Лондон! Или его аналог в параллельной вселенной.

Камера спланировала к длинному языку Собачьего острова. В этом Лондоне здесь зеленел парк, сверкали словно по линейке расчерченные пруды и фонтаны. Между ровными, как на параде, рядами деревьев и аккуратно подстриженных живых изгородей серебристым геометрическим узором пролегали каналы. Кое-где виднелись сводчатые павильоны и беседки с кровлей в форме морской раковины. Среди всего этого благолепия, в самом центре искусственного озера поднимался великолепный дворец. Грандиозные своды с колоннадами венчал огромный золоченый купол. Над ним развевался белоснежный флаг с изображением двух соединенных красных полумесяцев, обращенных спинами друг к другу.

Дальше в записи, видимо, был вырезан кусок. На экране без перехода возникла прежняя комната с колоннами. Двое зрителей снова ахнули. Исчезла металлическая плита с глазком в другую вселенную. На ее месте появилось массивное металлическое кольцо, метра три в диаметре, оплетенное кабелями и обвешанное предупреждающими знаками. В слабоосвещенных углах угадывалась еще какая-то новая аппаратура. От резко вспыхнувшего света заболели глаза — отверстие кольца превратилось в сплошной сияющий круг. Из этого сияния выплыл силуэт, напоминающий насекомое с тонкими суставчатыми лапками. Грань между мирами потускнела и погасла. Прошла пара секунд, пока видеокамера подстраивалась под изменившееся освещение, а потом Эверетт и Рюн смогли разглядеть зависший в воздухе белый пластиковый разведывательный дрон с четырехлопастным винтом. Аппарат выдвинул шасси и приземлился перед большим кольцом.

— Они его прислали оттуда, — прошептал Рюн. — Только откуда — оттуда?

— Останови! — приказал Эверетт.

Камеру, похоже, отложили, не выключив, и она продолжала бесцельно снимать экран одного из компьютеров. Рюн мгновенно двинул мышкой.

— Глянь! — Эверетт коснулся экрана. — Смотри, что в этом окне!

На первый взгляд — самый обычный снимок Земли со спутника: континентальная Европа, характерной формы Скандинавский полуостров, выступающая береговая линия Франции, квадрат Испании с Португалией.

— Вот Ирландия, а Англия-то где?

Дания на месте, и Голландия тоже. Ирландия, как полагается, в Атлантическом океане. А между ними — ничего, кроме воды. Британия располагалась на тысячу миль южнее, в сотне километров от берегов Португалии и Марокко, словно стала на якорь у самого устья Средиземного моря.

— Это Англия? — изумился Рюн.

«Да, и мы только что видели ее столицу», — подумал Эверетт. Фотографии, очевидно, сделаны дроном, который только что у них на глазах вернулся с той, параллельной Земли, и так уж небрежно видеокамеру положили именно перед этим экраном, и, конечно, совершенно случайно забыли ее выключить... По фотографиям нетрудно в общих чертах воссоздать тамошнюю историю. Римляне обнаружили остров на самом краю обитаемой вселенной. Завоевали его, насадили свой язык и свою культуру, а потом вернулись домой. Им на смену пришли мавры, воинство ислама, и вот они-то остались надолго. Построили сильную страну с развитой цивилизацией. В этом мире никогда не было Англии. «Аль-Бурак» — сказал голос по радио. Что это — столица той, другой Британии? И еще один вывод можно сделать из грубо отредактированной записи и специфического расположения камеры в конце — кто вел съемку и зачем?

— Какое время указано?

— Пятое, двенадцатое, четырнадцать тридцать два.

Одиннадцать дней назад. За десять дней до того, как Теджендру похитили возле Музея современного искусства. Он хотел показать все это Эверетту, точно так же, как хотел передать ему Инфундибулум. Заранее подготовил свое наследство. Он знал, что ему грозит опасность.

Эверетт открыл последнюю видеозапись. Поворот камеры — и на экране возник прекрасно начищенный коричневый ботинок с незавязанным шнурком, вид сверху. Две руки, появившись в кадре, начали завязывать узел. Смуглые, изящные руки. Белесый шрам на втором суставе правого мизинца. Конец записи.

— Что-что? — сказал Рюн. — Прокрути еще раз!

Эверетт снова нажал «Просмотр».

— Какой-то тип зашнуровывает ботинок...

«Не какой-то, — подумал Эверетт. — И не тип. Я знаю этот шрам. Он — от электроножа для разделки мяса, появился три года назад на празднике Дивали. Только папа всем говорит, что шрам от лазера, потому что это круче. Папин шрам, его смуглые руки с длинными пальцами, его ботинки. Только зачем было это снимать? Зачем добавлять такую запись в папку? Какой-то тип зашнуровывает ботинок...»

Внезапно открылась дверь, и полумрак комнаты, освещенной только экраном компьютера, пересекла яркая черта. Эверетт и Рюн вздрогнули от неожиданности.

— Сразу видно — совесть нечиста! — усмехнулась мама Рюна. — Что вы там смотрите? Рюн, если ты опять нашел способ обойти защиту, совсем лишишься Интернета! Вы уже поели? Давайте сюда тарелки и кружки, я их на ночь заброшу в посудомоечную машину. Рюн Спинетти, я в твоей комнате нашла пару кружек с вот таким слоем плесени!

Мальчишки молча передали ей посуду. Выдохнули, только когда дверь снова закрылась.

— Это все реально! — сказал Рюн.

— Реальней не бывает, — отозвался Эверетт.

Эверетт позвонил из древнего телефона-автомата на углу. Мобильнику он больше не доверял. Мало ли кто может подслушать. Мало ли, кто подсматривает из-за каждой двери, из-за каждой стены. В каждой встречной машине прячется соглядатай. Дисплей телефона-автомата был заляпан чем-то липким и красным, в будке воняло мочой и еще неизвестно чем.

— Колетта, я посмотрел. — Он не стал упоминать Рюна. Так проще. Вот, уже накапливается вранье. — Надо встретиться.

На Пьяцце в Ковент-Гардене было пасмурно, поливал дождь, ветер вырывал из рук зонт, зато здесь даже в такую мерзкую погоду с утра былолюдно. Дождь разогнал уличных артистов, зато обычные лондонцы оказались куда упорней. Горбясь под зонтиками, подняв воротники и надвинув на лицо капюшоны, они шагали вперед наперекор стихиям, нагруженные тяжелыми сумками с рождественской символикой. «Я видел другой Лондон, где не бывает дождя, где ветер не срывает новогодние украшения и на улицах не видно праздничной суеты», — думал Эверетт, глядя в окно кофейни «Коста-кофе» на двух женщин, мирно попивающих кофе. Интересно, существуете ли вы в том мире? Там вы тоже дружите, ходите вместе за покупками?

Эверетт подул на свой «капучино», отгоняя пену. Они с Колеттой сидели за столиком под стеклянной крышей рынка.

— Мы открыли порталы Гейзенберга в девять параллельных вселенных, — сказала Колетта Харт, зачерпывая ложечкой взбитые сливки. — В нашей терминологии они называются «проекциями». Ту, с которой мы первой установили контакт, называют «Земля-2». Ты ее видел в записи: мусульманская Британия у самого Гибралтарского пролива. Обычно именно с ней прежде всего вступают в контакт другие вселенные. По развитию науки и техники она опережает нас на семьдесят пять — сто лет. Технология порталов у них давно освоена. Проблема в том, что раньше они могли непосредственно перемещаться только в одну проекцию — ту, которую мы называем «Земля-3». В этой

вселенной тоже довольно рано освоили технологию порталов Гейзенберга.

В 1995 году с Землей-2 и Землей-3 вступила в контакт еще одна вселенная, Земля-4, где независимо возникла технология порталов. Земля-2 и Земля-3 сильно отличаются от нашей Земли, а вот Земля-4 с ней практически во всем совпадает. На Земле-2 существует теория, что Земля-4 и наша Земля-10 входят в недавно отделившуюся группу параллельных вселенных. Если окажешься на Земле-4, не сразу и догадаешься, что ты не в своем родном мире. Даже погода у них, возможно, такая же, как здесь. Там есть и я, и ты, но имеются и отличия. Ал Гор там президент Соединенных Штатов, избран уже на второй срок, у них не было теракта одиннадцатого сентября, в Англии премьер министр — Майкл Портилло. Да, и еще у них что-то случилось с Луной, только они не говорят, что.

— А мой папа? — спросил Эверетт.

Колетта поморщилась.

— Давай начнем с трех «П». О проекциях ты уже знаешь. Запомни еще два термина: Пленитуда и Паноплия. Пленитуда известных миров — это союз вселенных, наладивших контакт друг с другом. До сих пор было девять известных миров, наш — десятый. События развиваются очень быстро, и я уже не на переднем крае — процесс взяли под контроль политики. Во всяком случае, к нам прибывают дипломаты Пленитуды. Среди них Ибрим Ходж Керрим с Земли-2 — ты его слышал в записи. Еще женщина с Земли-3 и ее коллега-мужчина с Земли-4. Я уже не знаю, что происходит, сплошная высокая политика. Мы со своей стороны назначили для переговоров одного министра, есть еще представитель ЕЭС и посол Соединенных Штатов. Также участвуют русские, китайцы, Индия. Можно считать, что Пленитуда — нечто вроде ООН для параллельных вселенных.

— Десять миров... Это даже не капля в море.

— Все остальные параллельные вселенные составляют Паноплию. Мультиверсум: там куча всего — другие проекции, другие миры. Возможно, другие Пленитуды, еще и побольше нашей. Возможно, менее дружелюбные. Возможно, совсем даже не дружелюбные. По слухам, кое-кому хотелось бы, чтобы Пленитуда была похожа не столько на ООН, сколько на оборонительный союз.

— Значит, мы — Земля-10, — проговорил Эверетт. — На Земле-2, Земле-3 и Земле-4 портал Гейзенберга открыли уже давно. А на Земле-1?

— Вот это вопрос. Все помалкивают — а может, просто мне не говорят.

— Папа все еще в нашем мире? — спросил Эверетт.

Колетта слегка растерялась от его прямоты.

— Не знаю. Может быть, и нет.

Эверетт знал, какой вопрос должен задать следующим.

— Он прошел через портал добровольно или его заставили?

Колетта глубоко вздохнула. Положила ладони на стол.

— Ну ладно. Перед своим исчезновением он говорил о каком-то открытии.

— Инфундибулум.

— До сих пор параллельные миры находили друг друга с помощью порталов Гейзенберга. Вроде того, как радиостанции настраиваются на одну волну. Каждый раз место назначения точно известно. Однако открыть портал можно в любую из миллиардов параллельных вселенных. Беда в том, что ты не знаешь, где выйдешь из портала. Можно оказаться на глубине пяти миль под землей или на высоте пятидесяти тысяч футов в воздухе. Можно оказаться замурованным в стену, можно вывалиться из портала прямо перед носом у голодного саблезубого тигра или у разъяренного тираннозавра — или их отдаленных потомков, какими те стали за сто миллионов лет эволюции. А то вдруг окажешься на земле, пережившей ядерную катастрофу и сплошь покрытой радиоактивным стеклом. Ничего нельзя сказать заранее. Это как с GPS-навигатором: чтобы узнать, куда едешь, нужна карта.

— Папа нашел карту.

— По крайней мере, что-то он нашел. Так он мне сказал.

— Когда?

— За три дня до того, как исчез.

Эверетт помнил ту пятницу. Сначала они созвонились, договорились, где встретиться перед матчем и что готовить в субботу вечером. Еще обсудили, что в понедельник в Музее современного искусства будет интересная лекция о нанотехнологиях. И все это время, и позже, когда они сидели на своих обычных местах на трибуне

рядом с Винни, и когда Эверетт готовил свой фирменный соус чили с шоколадом, Теджендра открывал порталы в параллельные вселенные, общался с учеными и министрами других Земель и искал ключи к десяти в восьмидесятой степени миров.

— Он еще кому-нибудь об этом рассказывал?

— Да.

— Полу Маккейбу, — без вопросительной интонации сказал Эверетт.

— Да.

Эверетта пробрала дрожь. Холод пронизывал до костей — въедливый холод межмирового пространства. Холодный мир, в котором никому нельзя доверять. Все эти прохожие, бредущие под дождем, уличные артисты, все-таки собравшиеся выступать на площади, несмотря на непогоду, все они могут быть врагами, шпионами, двойными агентами из параллельной вселенной. Всего за три дня мир Эверетта преобразился — вобрал в себя миллиарды новых миров и рассыпался на атомы страха и подозрительности. Неужели больше уже никогда не согреться?

— Его похитили, рассчитывая отнять у него Инфундибулум.

— Тот, кто возьмет под контроль Инфундибулум, сможет контролировать и Пленитуду, и Паноплию. Счет идет уже не на десятки, а на десятки тысяч миров. Десятки миллионов. Можно построить целую империю.

— Но у папы нет при себе Инфундибулума.

— Нет.

— Он у меня.

— Да. И я думаю, папа зря тебе его передал. Эверетт, ты теперь никогда не будешь в безопасности. Так же, как и твоя мама, сестра, бабушка и дедушка, дяди, тети и прочие родственники — те, что в Британии, и те, что в Индии. Твои друзья и я. Эти люди ни перед чем не остановятся и не отступятся. В твоих руках — самый ценный артефакт множественной вселенной.

Уличные артисты закончили подготовку к выступлению. Бросая вызов стихиям, они выписывали на моноциклах круги по мокрой брусчатке и жонглировали горящими факелами.

Таймер на кухонной плите в доме Рюна показывал 03:45. Мама Эверетта не ладила с любыми устройствами, отмеряющими время. Только Эверетт ей все настроит — часа не пройдет, мама как-нибудь да ухитрится напроць сбить настройки. А у мамы Рюна все синхронизировано: плита, цифровой радиоприемник, микроволновка, секунда в секунду.

Холодильник гудел так громко, что, казалось, разбудит весь дом. Эверетт, спотыкаясь и налетая на предметы, выбрался из спальни, а пока он крался вниз по лестнице, каждая ступенька скрипела, но Спинетти — шумное семейство, никто и не проснулся. Эверетт налил себе сока из холодильника и при свете десятка цифровых часов открыл «Доктора Квантума».

Коснулся пальцем иконки Инфундибулума. Одно движение — и вся папка отправится в корзину. Исчезнет из всех вселенных разом. Эверетт не сомневался, что этот экземпляр — единственный. У него уже сложилась теория. Папа что-то разглядел среди мерцающих облаков данных и создал на этой основе ключ, открывающий портал в любой мир Паноплии. Точно и надежно. Из-за этого папу и похитили. Он боялся чего-то подобного, и потому спрятал результат своей гениальной догадки. Неужели он думал, что они так и успокоятся? Колетта права — пока существует Инфундибулум, Эверетт не будет в безопасности, а с ним его друзья и родные. Избавиться от программы, и дело с концом. Палец Эверетта замер над иконкой.

Надо бы ее удалить. Ну правда, надо. Обязательно нужно.

Эверетт дважды коснулся экрана, и перед ним возникли сияющие полотнища множественной вселенной. Теджендра мог бы и сам удалить программу. Так было бы вернее. А он прислал ее Эверетту, зная, что ставит под удар свою семью. Теджендра, как всякий истинный пенджабец, был прежде всего отцом. Для него семья — это все. Значит, здесь не просто данные. Что-то еще скрывается среди туманных миров Паноплии.

Эверетт чувствовал, как проекции порхают вокруг него стайкой зимних скворцов. Призрачные миры... Иные города, иные кухни. И

только в этой одной сидит Эверетт Сингх, держа в руках ключ от всех прочих вселенных. Он протянул руку, открыл Инфундибулум и ухватил в горсть сколько поместилось миров. Повертел цифровые облака вправо-влево, закрутил, переплел сверкающими лентами кода, разделил надвое и бросился в разрыв реальности — бездонную пропасть, полную ослепительного света. Вселенные вверху, внизу, спереди и сзади, со всех сторон. «Что ты здесь увидел, папа?»

Бесконечные числа, бесконечные вселенные. Здесь можно кружиться веками и так и не заметить, что же связывает один код с другим.

Связывает!

Смуглые руки и начищенные до блеска коричневые ботинки. Теджендра держал свою обувь в идеальном порядке. Болтающиеся концы шнурка и руки, связывающие их узлом. Зачем мне это показали — недоумевал Эверетт, сидя у экрана в комнате Рюна. Параллельные вселенные, чуждые пейзажи, альтернативная география, а потом вдруг человек завязывает шнурки от ботинок. Само собой, это зашифрованное послание.

Узел — это линия, образующая петли в трех измерениях. Узлами занимается особый раздел математики: топология, наука о телах и поверхностях, а также о том, как с виду совершенно различные объекты могут трансформироваться друг в друга. Три — наименьшее число измерений, позволяющее завязать узел. Одномерное пространство — это прямая. Там просто негде обернуть линию вокруг себя и пропустить свободный конец через петлю. Вперед-назад, и больше никаких направлений. Двумерное пространство — круг на плоскости. Можно изогнуть линию, соединив концы, но пропустить один под другим все равно не получится, так что узел завязать опять-таки нельзя. Есть направления вперед-назад, вправо-влево, не хватает направления вверх-вниз. Чтобы завязать узел, необходимо как минимум три измерения — вперед-назад, вправо-влево, вверх-вниз. Однако измерений может быть и больше. Лишь бы была дополнительная размерность, чтобы через нее протащить свободный конец шнура.

Эверетт всегда умел думать более чем трехмерными образами. Папа изумлялся, а Эверетт не мог объяснить, как это у него получается. Обычно люди годами, десятилетиями учатся мысленно

выходить за пределы трех измерений. «Я просто это вижу», — говорил Эверетт. Точно так же, как он видел закономерности и связи между вещами, казалось бы, совсем не связанными между собой. Точно так же во время школьных матчей он видел, что сейчас Йоланди отпасует мяч вон туда, а Рюн пробьет в правый нижний угол. Одно измерение, два, три, четыре... Пять, шесть, семь — кто больше?

Эверетт коснулся экрана, выцепил кусочек Инфундибулума, повертел туда-сюда, посмотрел под разными углами. Потянул — фрагмент превратился в длинную цепочку кода. Прибавив увеличение, Эверетт разглядел, что коды, начинающиеся с одинаковой последовательности символов, объединяются в пучки, а вот между соседними пучками никакой закономерности разглядеть не удавалось. Эверетт скопировал первые девять цифр кода и задал по ним поиск. Среди колеблющихся занавесей высветились несколько пучков кода. Эверетт подсоединил выбранную вначале нить к ближайшему кластеру. Зацепилась! Порядок из хаоса. Эверетт выполнил быстрое сохранение и стал искать глазами следующий участок похожего кода. Есть! А на той петле, что у него только что образовалась, тоже нашлись аналогичные участки. Пропускаем шнурок в петлю... Получается узел.

Первые узлы давались трудно. Эверетт так напряженно вглядывался в экран, что заболели глаза. Снова и снова он смаргивал невнятицу символов и чисел. Чтобы отвлечься, смотрел на неяркие спокойные огоньки таймеров в темной кухне. Четыре тридцать восемь. Постепенно, с ростом числа узлов, Эверетт начал лучше понимать, что он ищет. Начали проясняться закономерности. Под его руками узлы связывали между собой реальности. Эверетт засмеялся. Все сходится! И совсем не трудно. Просто удивительно, до чего легко! Его пальцы металась по экрану, подхватывая все новые и новые участки Инфундибулума, нащупывали точки связи и соединяли их, протягивая нить через размерность более высокого порядка. Провести сверху, потом подсунуть снизу и в обратную сторону...

Эверетт выпрямился. Посмотрел на экран. Вот она, множественная вселенная. Но картина еще не полна. Осталось одно последнее преобразование. Эверетт дал максимальное увеличение, подцепил участки с одинаковым кодом — теперь это у него получалось интуитивно — и провел математическое преобразование, связывающее

их в единый узел. Узел, состоящий из узлов. Чем глубже в него погружаешься, тем сложнее узлы. Внутри больше, чем снаружи. Инфундибулум.

Эверетт встал. За окном прогремел по Родинг-роуд последний молочный фургон. Шесть часов семь минут. Скоро проснутся хозяева дома. Эверетт налил себе еще сока и окинул взглядом творение рук своих. Что же он такое сделал? Взял точки данных и сплел из них карту — не плоскую, не двумерную и даже не свернутую в трехмерный цилиндр. Семимерную карту, завязанную узлом. Карта — самое ценное во всех мирах. Эверетт ее сделал. И ни одна живая душа в этом доме, на этой улице, никто из его родных и друзей, даже суперкомпьютерный маньяк Рюн не может оценить его достижение.

Эверетт провел рукой по экрану, сворачивая Инфундибулум в клубок. Можно так, а можно вот этак — любым способом, как захочу. Я могу отыскать любую точку в любом из миров. Эти нити — не просто случайные обрывки кода. Все они что-то значат.

— Папа, что я должен со всем этим сделать? — спросил он вслух.

И не успев задать вопрос, сам понял ответ. Колетта сказала, что Теджендру, скорее всего, утащили в другую вселенную. В какую? Как работает портал Гейзенберга? По принципу резонанса. По сходству участков кода. Нужно соединить вместе карту и портал.

— Приходи за мной, вот что ты хотел сказать, — прошептал Эверетт.

Потрескивали батареи центрального отопления. Что-то гудело в трубах. Эверетт не замечал, до чего он замерз. Его сковал холод междумирья.

Эверетт включил скайп. Вызванный номер ответил не сразу.

— Эверетт? Как ты рано.

— Профессор Маккейб, помните, вы сказали позвонить, если получу что-нибудь от папы? Ну вот, я получил. Наверное, вам надо это увидеть.

Разбуженная ни свет ни заря, Блондинка-рок-звезда не стала от этого выглядеть менее элегантно. Равно как и менее смертоносной. Да, наверное, суперзлодеи вроде нее вообще никогда не спят. Она сменила «Рено» на «Мерседес-Бенц» S-класса. Изящное решение, ведь необходимость маскироваться, сливаясь с общей массой, уже отпала. А Бритоголовый-в-деловом-костюме по-прежнему смотрелся гангстером. Шоферская фуражка придавала ему неожиданно глуповатый вид. Бритоголовый завел машину на неиспользуемую стоянку возле кофейни и открыл заднюю дверцу. Сегодня он был одет как настоящий шофер: кожаные брюки, куртка со стоячим воротником и краги — словом, полный комплект. Из машины показалась ножка, обутая в черную туфельку на высоком каблуке, затем другая. Блондинка-рок-звезда была высокого роста, а двигалась, как оброненный в воду шарф из золотистого шелка. Узкая юбка доходила ей до середины икры, приталенный жакет расширялся в плечах и на бедрах. На голове у нее под лихим углом сидела крошечная шляпка-«таблетка» с клочком вуали. Один ее вид мог сразить насмерть.

«А у меня зато есть вещь, которая тебе очень нужна», — подумал Эверетт.

Пока она шла к столу Эверетта, все посетители кафе провожали ее взглядами: и студенты-прогульщики, и стильные завсегдатаи кофейни, и припанкованные подростки, и парень с «Макинтошем», строчивший сценарий будущего гениального фильма с прицелом на «Оскар».

Губы Блондинки сверкали ярко-алым.

— Эверетт...

— Вот он я.

Эверетт встал. В семье Теджендры придавали большое значение хорошим манерам, но он и без того не смог бы сидеть в ее присутствии. Эту женщину окружала атмосфера властности. Ее губы изогнулись в сдержанной улыбке.

— Я — Шарлотта Вильерс, пленипотенциар вселенной, которую принято называть Земля-3. Нам нужно кое-что обсудить. Поговорим в

машине? — Она чуть заметно наклонила голову в сторону «Мерседеса» и шофера.

Эверетт порадовался, что после утреннего построения не поленился переодеться в туалете, прежде чем слить с уроков. Такие разговоры невозможно вести в школьной форме.

При виде светящихся трубок в манжетах его куртки Шарлотта Вильерс брезгливо раздула ноздри. Эверетт, подхватив рюкзак, оставил на столе несколько фунтов. Он всю жизнь мечтал это сделать, как в фильмах Тарантино — просто бросить деньги на стол и спокойно уйти.

— Садись рядом со мной, Эверетт, — сказала Шарлотта Вильерс.

Щелкнув, сработала блокировка дверей. Машина тронулась, а у Эверетта вся храбрость разом куда-то пропала. Планы, составленные в предрассветных сумерках, выглядят дешевыми и ненадежными при свете дня. Принести Инфундибулум к порталу, а дальше по обстоятельствам. Эверетт всегда гордился тем, что заранее видит, куда полетит мяч. А что, если на этот раз он ошибется? Вдруг ему в кои-то веки встретился сильный противник? Не слабее его самого, а то и сильнее? От страха свело живот. Нет, они не сильнее! Он разобрался, как устроен Инфундибулум, а никто из них не сумел — ни один человек в десяти вселенных. Ни в мавританской Британии на Земле-2, ни в мире-близнеце на Земле-4, где что-то случилось с Луной, ни на Земле-1, о которой не говорят, ни на Земле-3, где родилась изысканная красавица Шарлотта Вильерс. Удалось лишь Эверетту Сингху и его папе Теджендре Сингху.

Шарлотта Вильерс — таких людей можно звать только по имени и фамилии — смотрела в залитое дождем окно машины, презрительно кривя губы при виде прохожих в тяжелых зимних пальто, дутиках с капюшонами и коротеньких курточках, не спасающих от холода пятую точку. «Это мой дом, это мои люди, — думал Эверетт. — Не смей разглядывать их, как какая-нибудь туристка!»

Машина двигалась на север, следуя синим дорожным знакам, указывающим маршрут к шоссе M25.

— Мы не в университет едем?

— Совершенно верно.

Шарлотта Вильерс достала из сумочки пудреницу и посмотрелась в зеркальце. Эверетт заметил блеск вороненой стали, рукоятку

слоновой кости, дуло, покрытое затейливой резьбой. Пистолет. Убедившись, что ее внешность в полном порядке, Шарлотта Вильерс вновь убрала пудреницу и с громким щелчком закрыла сумку. «Специально разыграла сценку, чтобы я увидел твоё оружие», — подумал Эверетт.

Выехав на Лондонское окружное шоссе, Бритоголовый-в-деловом-костюме — теперь, наверное, Бритоголовый-в-шоферской-кепке — смог продемонстрировать возможности машины. Шарлотта Вильерс улыбнулась внезапному скачку скорости. Эверетт видел в передаче «Топ Гир», как тестировали модель S-класса. Он знал и максимальную скорость, и резкое ускорение от нуля до шестидесяти миль в час, и количество лошадиных сил. «Опять смотришь дурацкие передачи для мальчишек? — бушевала Лора. — Лучше бы уроки сделал!» От воспоминания перехватило горло. Она его, наверное, ждет. Приготовила что-нибудь вкусное. Пробует дозвониться. Звонит Рюну. Звонит в полицию. Мама, прости, я должен это сделать!

«Мерседес», превысив все мыслимые ограничения скорости, мчался по внешней полосе. Сверкали фары. Фургоны и «Форды Мондео» шарахались в стороны. Пленипотенциар, полномочный представитель — это вроде посла, только еще круче. Убер-посланник. В те далекие времена, когда еще не было ни телефонов, ни интернета, а письма из одного полушария в другое шли месяцами, полномочный представитель, собственно, и был государством. Соглашение, заключенное с полномочным представителем, будет обязательным к исполнению для его страны. Серьезная вещь — межмировая дипломатия.

Через Дартфордскую переправу и дальше на юг.

— Где вы держите папу?

— Твой отец работает в секретном научно-исследовательском центре.

— Не в нашем мире?

— В некоторых областях ваша наука опережает нашу, в других — наоборот. Явление, которое вы называете «портал Гейзенберга», у нас открыли несколько десятилетий назад. У нас и оборудование, и технология — естественно, мы привозим к себе ученых.

«Значит, он в вашей вселенной», — подумал Эверетт, а вслух сказал:

— Он работает или в тюрьме сидит?

Шарлотта Вильерс вздохнула.

— Мистер Сингх, что за паранойя, драмы плаща и кинжала! Взрослая жизнь не похожа на приключенческие романы. Тема исследования секретная, приходится соблюдать определенные меры безопасности. Все равно как если бы твой отец работал у вас на каком-нибудь заводе по производству ядерного оружия.

Машина свернула на транспортную развязку в форме огромного четырехлистника. С М25 на М20. Судя по указателям, дальше их путь лежал к Ла-Маншу и к тоннелю на континент. Бритоголовый-в-шоферской-кепке гнал «Мерседес», обходя длинную вереницу грузовиков, направляющихся к побережью. В Мейдстоне оставили позади дождь; западный ветер подстегивал преследующие их тучи. Насквозь мокрый пейзаж озаряло зимнее солнце. Дороги уже подсыхали. Лавируя между другими машинами, «Мерседес» выехал на полосу, где двигался транспорт, направляющийся к Евротоннелю.

Эверетт сказал:

— У меня нет с собой паспорта.

— Паспорт не понадобится, — ответила Шарлотта Вильерс.

За полкилометра до контрольного поста машина свернула на служебное шоссе, ведущее вверх из долины, где выезжали из тоннеля грузовики и поезда. Дорога вскарабкалась на вершину мелового холма и нырнула в неглубокую ложбину, огибая полузатопленное поле озимой пшеницы. Борозды были полны воды. Посреди поля виднелся огороженный участок, метров сто в поперечнике. Ни единого здания, ни радиомачты, один только забор. Бритоголовый-в-кепке свернул на узкую дорогу, ведущую через набухшее водой поле к ограде. По дороге явно мало ездили — она была вся в ухабах и рытвинах, края размыло, через трещины в асфальте пробивались травинки и упрямые зимние сорняки. При приближении машины ворота открылись сами собой. Камеры наружного наблюдения поворачивались вслед гостям. Теперь стало видно, что дорога уходит вниз, в бетонный бункер, незаметный со стороны. Открылись тяжелые черные створки, и машина окунулась в темноту. Эверетт оглянулся на скрип — стальные двери медленно закрывались, прямоугольник дневного света становился все уже и наконец исчез совсем. Фары выхватывали по стенам тоннеля неработающие фонари, какие-то трубы, провисшие

кабели, лопасти вентиляторов, металлические двери с выведенными по трафарету потускневшими номерами. Впереди забрезжил свет. Эверетту показалось, что «Мерседес» добирался до него очень долго. Тоннель искажал расстояние и скорость, пространство и время. Мисс Вильерс выпрямилась, подтянула перчатки, еще раз посмотрелась в зеркальце. Пара касаний тюбиком помады — и она уже вновь готова разить наповал.

В освещенном проеме их встречал Пол Маккейб. Вид у него был помятый, как будто он спал прямо в одежде, когда звонок Эверетта его разбудил. Возле него виднелся невысокий человек с оливковой кожей и элегантно подстриженной бородкой, настолько же изящный и ухоженный, насколько Маккейб выглядел затрапезно. На незнакомце был костюм в индийском стиле из серой и кремовой парчи. Рядом стояла Колетта Харт.

«Мерседес», подъехав, затормозил. Из темноты возникла женщина в форме спецназа и открыла дверь. Эверетт заморгал, ослепленный четырьмя рядами прожекторов. Во всяком случае, штурмовую винтовку за спиной у женщины он разглядел.

— Эверетт! Ну здравствуй, здравствуй! — Пол Маккейб с жаром потряс его руку. — Хорошо доехал? Мы послали за тобой самую лучшую машину, как особо важному гостю, да-да. Я сам всего пять минут как добрался. Раненько ты позвонил, знаешь ли.

Шарлотта Вильерс вышла из машины. Эверетту показалось, что Маккейб ей поклонился — чуть заметный наклон головы, и все-таки.

Незнакомец в элегантном костюме прижал руку к сердцу.

— Мистер Сингх, весьма польщен знакомством! Я — Ибрим Ходж Керрим, пленипотенциар Земли-2.

Эверетт еле удержался, чтобы не ляпнуть: «Знаю, я помню ваш акцент — не то испанский, не то марокканский. Я слышал ваш голос по радио и летал над крышами вашего Лондона».

— Очень приятно, мистер Керрим.

Пленипотенциар улыбнулся одной из тех улыбок, что преображают все лицо. У него были блестящие глаза и отличные зубы. «Хорошо бы вам можно было доверять, — подумал Эверетт. — Мне так нужны надежные люди!»

— Как я понял, вы владеете великой драгоценностью, — сказал Ибрим Керрим.

— Да, это карта Паноплии. Я разобрался, как она устроена.

При этих словах Эверетт вокруг пробежал шепоток.

— Замечательное достижение, — сказал Ибрим Керрим. — Вы талантливый отрок.

Эверетт заметил у него за ухом усыпанный драгоценными камушками крючок, как от слухового аппарата. В какой-то из видеозаписей говорилось о лингвоимплантах. Может быть, это украшенице переводит ему с английского?

— Мой папа... — начал Эверетт.

— Необыкновенный человек, необыкновенный! — поспешно перебил Пол Маккейб. — Ему бы премию Филдса! Математика у него в крови.

На мгновение Эверетту показалось, что Маккейб хочет потрепать его по голове. Эверетт бы его ударил, и плевать, что вокруг вооруженные солдаты.

— Я хотела бы воочию убедиться, что это устройство существует, — проговорила Шарлотта Вильерс.

«Знаешь ведь, что оно у меня в рюкзаке!» — подумал Эверетт. Момент был рискованный. Покажешь ей Инфундибулум — запросто отберет. Вокруг люди с ружьями, да и у нее самой известно что в сумочке.

— Лучше я покажу его в действии, — сказал он вслух. — У вас тут есть портал Гейзенберга?

Пол Маккейб с Шарлоттой Вильерс переглянулись. Ибрим Керрим поспешил вмешаться:

— Я бы очень хотел посмотреть. Профессор Маккейб?

— Как пожелаете, господин пленипотенциар.

Некто в черном открыл калитку в стене. Там оказался еще один тоннель, поуже, вырубленный прямо в меловой породе, без всякой отделки. Под потолком тянулись провода, соединяя между собой неоновые светильники. Вдоль стены у самого пола тянулся толстый кабель. Пахло пылью, сыростью и электричеством.

Первыми в тоннель шагнули двое в черном, затем Эверетт с Полом Маккейбом, дальше Колетта Харт. За нею шли оба пленипотенциара, а замыкали шествие еще двое людей в черном. Под ногами хрустели мелкие камешки. Тоннель шел под уклон и замыкался еще одной калиткой. Вдруг Эверетт застыл: от нарастающего гула

задрожали стены, с потолка срывались капли влаги и сыпалась меловая крошка.

— Мы сейчас идем практически параллельно Евротоннелю, — пояснил Пол Маккейб. — Вы не поверите, как близко проложены рельсы. Поразительно, просто поразительно! Вибрация, конечно, досаждают. Чтобы ее погасить, пришлось поставить весь зал портала на рессоры. Зато никаких посторонних глаз и транспорт под боком.

— А это что за тоннель?

— В тысяча девятьсот семьдесят четвертом году, когда тебя, Эверетт, еще и в проекте не было, всерьез планировали построить тоннель под Ла-Маншем. Даже начали пробное бурение. Затраты оказались чрезмерными, и политический климат изменился — словом, работы прекратили. Позже проложенные в то время участки вошли в состав главного тоннеля, а вот вспомогательную штольню законсервировали и забыли. А для нас она подходит идеально — по крайней мере, на первое время, пока мы не познакомили широкую общественность с результатами наших исследований. Кстати, это мне напомнило...

Пол Маккейб приотстал и начал о чем-то шептаться с пленипотенциарами.

Колетта Харт нагнала Эверетта.

«Что ты делаешь?» — спросила она беззвучно, одними губами.

«Есть идея», — тоже одними губами ответил он и тут же произнес вслух, в качестве отвлекающего маневра:

— Совсем как в «Докторе Кто»!

Какой-то спецназовец расхохотался.

Калитка в конце тоннеля запиралась на один из тех замков, которые настраивают на рисунок радужки. Женщина в черном наклонилась к датчику. Лазер просканировал ее глаз, и дверь открылась.

— Я думаю, ты убедишься, Эверетт, насколько ты прав, — объявил Пол Маккейб, переступая порог. — Добро пожаловать к portalу «Земля-10»!

Вспыхнул свет. Сводчатый зал десяти метров в диаметре был вырублен прямо в скале. Вершина свода терялась в темноте над кольцом прожекторов, заливающих ослепительным сиянием предмет в центре зала: металлический блок размером с дом, установленный на

решетчатом полу и весь опутанный проводами. В центре блока зияло сквозное отверстие диаметром три метра. К отверстию вел пандус, а по другую сторону дыры пандуса не было. Толстые кабели расходились от блока с отверстием к поблескивающим в полутьме приборам у стен. Воздух гудел от электричества. Сквозь стальную решетку пола просматривались витки еще каких-то кабелей. Устройство окружал знакомый Эверетту по видеозаписи ряд столов с компьютерами и мониторами.

Ступив на решетку, Эверетт почувствовал, как она пружинит под ногой, и вспомнил слова Маккейба о рессорах. Где-то неподалеку в толще скалы глухо пророкотал поезд; светильники дрогнули, но черный блок в центре зала стоял не шелохнувшись. Это и был портал Гейзенберга. Эверетт, поднявшись по пандусу, коснулся его рукой. Портал был прохладный на ощупь и совершенно неподвижный. Ни малейшей вибрации.

— Мне нужен доступ к вашей системе, — сказал Эверетт.

Шарлотта Вильерс явно хотела возразить и даже рот раскрыла, но Пол Маккейб уже вручил Эверетту небольшой цифровой дисплей.

— Поторопись, коды меняются каждые тридцать секунд.

Эверетт вытащил из рюкзака «Доктора Квантума», включил и сразу нашел беспроводную сеть. Код доступа даже не успел перемениться. Вход! Система безопасности ненадежная — один код открывает все: и сеть, и панель управления порталом, вообще все. Должно быть, Пол Маккейб и пленипотенциары из параллельных вселенных чувствуют себя очень уверенно, окопавшись под землей и окружив себя вооруженными людьми в черном.

— Как работает портал?

— Право же, Эверетт, я не думаю...

— Не вижу причин, почему бы нам не дать молодому джентльмену доступ к управлению порталом, — промолвил Ибрим Керрим.

Пол Маккейб моментально поклонился и отскочил от Эверетта. Колетта стала показывать, как работает интерфейс.

— Все довольно просто, — говорила она, открывая окно с полями ввода. — Всего три параметра: когда, куда и надолго ли. Таймер, по сути, — предохранитель, чтобы не переместиться в уже открытый портал. Мы не знаем, что может произойти в таком случае.

— Я не собираюсь перемещаться между порталами. — Эверетт передвинул панель управления в нижний угол экрана и открыл Инфундибулум.

— Боже мой, — прошептала Колетта.

Мисс Вильерс отпихнула ее в сторону, рванувшись поскорее увидеть карту всех вселенных, изученных и неизученных. Ее лицо в свете экрана приобрело мертвенно-синеватый оттенок. Губы беззвучно шевелились. Шарлотта Вильерс, хмурясь, рассматривала многомерное плетение.

— Топологические узлы третьего порядка в семимерном пространстве, — прошептала она. — Чем дальше вглубь, тем больше масштабы.

Эверетт отдернул «Доктора Квантума» подальше от ее слишком пронизательных глаз и повернулся к portalу. Он установил таймер на пятнадцать секунд, продолжительность сеанса — на пять секунд, а потом прибавил зум, выхватил фрагмент кода из хитросплетений Инфундибулума и перетащил этот фрагмент в поле «Место назначения». Свет в зале потускнел. Послышалось низкое гудение. Портал заиграл огнями, как новогодняя елка. Замигали желтые предупреждающие сигналы. Пол Маккейб склонился над монитором.

— Боже правый! — выдохнул он.

Ибрим Керрим встал рядом с Эвереттом. На экране планшета возникла большая зеленая кнопка с надписью: «ПРЫЖОК».

— Земля-2, — сказал Эверетт. — Ваш мир. Ваш город, точка в пяти милях от портала.

Он ткнул пальцем в кнопку. Отверстие портала засветилось. Присутствующие закрыли руками глаза. Шарлотта Вильерс выхватила из сумочки темные очки с круглыми стеклами и быстро их надела.

Портал был открыт. Через отверстие ворвался ветер иного мира, швырнув на пандус обрывок газеты. По ту сторону отверстия виднелась тенистая аркада — длинный ряд магазинчиков, а за колоннами улица с высокими автомобилями и длинными трамваями. Женщина в длинном платье с пышной юбкой и рукавами-буфф застыла на месте, вытаращив глаза и уронив зонтик. Эверетт помахал ей рукой.

Портал закрылся. Генераторы плавно отключились. Освещение вернулось к прежней яркости. Ибрим Керрим поднял с пола клочок газеты.

— «Ежедневный сплетник» от сегодняшнего числа. Я читал его за утренним кофе.

Эверетт покрутил Инфундибулум и вызвал новую карту. Перетащил код в окно с параметрами. В нижней части экрана поползла красная полоска прогресс-бара: шла перезарядка. Загорелась кнопка с надписью «Прыжок».

— Земля-8, — произнес Эверетт. — Три, два, один...

Вновь помещение залил ослепительный свет. Портал открылся. Эверетт разглядел по ту сторону отверстия купол собора Святого Павла, безобразные здания на Патерностер-роу, похожие на гнилые зубы, а потом из портала хлынула вода. Поток пронесся по пандусу и сбил Эверетта с ног. Керрим, Шарлотта Вильерс и Пол Маккейб попятись к столам с компьютерами. Эверетт высоко поднял «Доктора Квантума», стараясь уберечь его от потопа. Затем портал схлопнулся.

— В той вселенной Лондон полностью затопило в 1972 году, — сказал Пол Маккейб. — Столицу перенесли в Бирмингем.

Эверетт поднялся на ноги. Вода утекала через решетку. На стальных перекладинах дрожали капли, то и дело срываясь вниз.

— Все в порядке, — сказала Колетта, окинув взглядом мониторы. — Ничего существенного не пропало, основные системы функционируют нормально. Портал в рабочем состоянии.

— Поздравляю, а с туфлями что прикажете делать? — прошипела Шарлотта Вильерс.

Эверетт ввел новые координаты. Портал приготовился к новому прыжку между мирами.

— Земля-1, — сказал Эверетт.

— Нет! — Голос Ибрим Керрима наполнил комнату.

Палец Эверетта замер над зеленой кнопкой.

— Нет, юный сэр! Этот мир на карантине. Доступ категорически запрещен навечно!

Эверетт посмотрел на него с вызовом. Керрим не отвел глаз. Эверетт провел рукой по экрану планшета.

— Станьте, дети, станьте в круг... Есть такое слово — «вдруг»...

Он перетащил в окошко управления первый подавшийся фрагмент кода и кулаком надавил на кнопку. Портал открылся. За ним над красными песчаными барханами раскинулось небо цвета индиго.

Низко над горизонтом висела жутковатая огромная луна, размером с поднятую ладонь Эверетта. Из отверстия на пандус просыпалась тонкая струйка песка. Пустыня не была совершенно безжизненной. Что-то шевельнулось на гребне далекого бархана, выделяясь на фоне чудовищной луны. По песчаному склону зигзагами с невероятной скоростью побежала рябь. Спецназовцы шагнули вперед, взяв оружие на изготовку. Поверхность песка вспухла, из-под нее вырвалось что-то темное. Портал закрылся.

— Что это за вселенная? — спросил Ибрим Керрим.

— Не знаю, — ответил Эверетт. — Во всяком случае, географические координаты те же самые, какие я набирал для вашего мира. В этой вселенной на этом месте Лондона нет. Я могу задать любую точку на поверхности Земли... То есть любой Земли во множественной вселенной...

Он в последний раз провернул Инфундибулум и вытянул нужный код.

— Земля-3. Ваш мир, мисс Вильерс.

Снова потускнели лампы, послышалось гудение, и портал открылся. Все увидели длинный сводчатый зал, а в дальнем его конце — панорамное окно со стальным переплетом. За окном нависали тучи, люди в зале выглядели крошечными насекомыми на фоне огромного неба, а по небу плавно двигался летательный аппарат невероятных размеров, словно целая планета.

— Вы необычайно умны, мистер Сингх, — проговорила Шарлотта Вильерс ледяным голосом.

Все разом оглянулись. В руке у нее оказался пистолет, который Эверетт видел в сумочке. Дуло пистолета смотрело прямо на него.

— Довольно демонстрировать фокусы, мы уже насмотрелись! Я забираю Инфундибулум.

— Пленипотенциар, что это значит? — загремел Ибрим Керрим.

Среди всеобщей растерянности Колетта внезапно сорвалась с места и ударила по стволу пистолета, сбивая прицел.

— Беги, Эверетт! Беги!

Эверетт Сингх сунул Инфундибулум под мышку, кивнул на прощанье Коlette — на большее не осталось времени — и рыбкой нырнул в сияющее отверстие.

Портал закрылся.

Было совсем не больно. Эверетт даже удивился — он думал, что перемещение в другую вселенную должно как-то сказаться на организме. Как будто болезненная волна проходит по всему телу от головы до ног, или как будто тебя распыляют на атомы, разбрасывают их по всем вселенным сразу, а потом снова собирают воедино. Или хотя бы легкая тошнота и головокружение! Ничего, как будто из одной комнаты перешел в другую. Ни капельки не больно. А вот приложиться об пол на той стороне — больно, еще как.

Обитатели Земли-3 шарахнулись прочь от неизвестного мальчишки, — откуда он взялся? кто-нибудь видел? — который ни с того ни с сего проехался по плиткам пола. Эверетт встал. В голове у него все гудело. Кольнуло в левом боку. Там внутри, кажется, что-то сдвинулось. Ребро. Нет, не ребро. Пока он поднимался на ноги, портал с Земли-10 закрылся. Через несколько секунд его снова откроют и за Эвереттом пошлют погоню. Где спрятаться? Куда бежать? Эверетт шагнул туда, где только что находился портал. Простая психология: все будут ожидать, что ты продолжишь двигаться в том же направлении, в каком начал.

На ногу больно было ступать, но, по крайней мере, никто на него особо не смотрел. Почти. Надо признаться, одеждой он выделялся. Мужчины в этом мире носили костюмы с акцентированными плечами и широкими лацканами, а брюки подворачивали. Вместо галстука ворот рубашки скрепляли эмалевами брошками в виде разных геометрических фигур. Попадались приталенные пальто. Женщины тоже носили длинные пальто, отороченные мехом, жакеты с осиной талией, юбки-«карандаши» до середины икры. Девочки одевались в леггинсы и длинные куртки с капюшоном, а мальчики — в куртки военного покроя, гольфы и штанишки до колен.

И шляпы. Здесь вселенная шляп. Островерхие «пирожки» с декоративными лентами у мужчин, изящные «таблетки» и «менингитки» у женщин, украшенные кружевными вуальками, лихо сидящие под самыми немыслимыми углами. Девчонки натягивали на голову капюшон, мальчишки — повязывали разноцветные платки,

придававшие им, по мнению Эверетта, слегка разбойничий облик. Твид и саржа, вельвет и трикотаж ручной вязки. Начищенные до блеска ботинки. В этом мире джинсовую ткань еще не изобрели. Эверетт в джинсах и ветровке со светящимися шнурами в рукавах, в удобных кроссовках на толстой подошве и со школьным рюкзаком за спиной выглядел здесь космонавтом. Нет, не космонавтом, бери выше: квантонавтом!

Он в иной вселенной...

По центру изогнутого зала наподобие спинного хребта тянулся ряд билетных касс и грузовых люков, куда носильщики спускали багаж. Толпа была слишком занята своими делами, чтобы долго рассматривать странного мальчишку. Но стоит кому-нибудь вскрикнуть или какому-нибудь малышу показать пальцем, и все изменится. Выше голову. Идти ровным шагом, как будто так и надо. Наружная стена увешана плакатами с рекламой гостиниц, банков и курортных местечек. С потолка через равные промежутки свисают стеклянные видеоэкраны размером с легковой автомобиль, помеченные «Прибытие» и «Отправление». Видимо, тут какой-то вокзал или порт. Аэропорт? Озабоченные пассажиры тащили сумки, мешки и кожаные чемоданы. Эверетт глянул в сторону панорамного окна и замер. От потрясения закружилась голова. Колотье в боку было забыто. К середине выпуклого окна крепилась труба из стекла и металла, метров двадцать длиной, а к концу трубы был пришвартован огромный дирижабль. Его-то Эверетт и видел раньше через портал. Конусообразный нос украшал стилизованный герб с изображениями щитов, львов и единорогов, а ниже виднелась надпись: «Британская заморская служба воздушных сообщений» — и название корабля: «Сэр Бедивер». Под надписями тянулся длинный ряд иллюминаторов. Эверетт от волнения перестал дышать. За стеклом расхаживали люди в форменных фуражках, проверяя состояние механизмов. На Эверетта упала тень. Он задрал голову. Над ним на высоту сотни футов возносилась цилиндрическая конструкция, состоящая из металлических ферм, кабелей, труб и лифтовых шахт. Наверху от цилиндра под углом в сорок пять градусов отходили четыре спицы. От одной только что отвалил дирижабль. Мостик еще не до конца втянулся на место, так же как и трубы, с которых на стеклянную крышу зала шлепались капли воды. Дирижабль в форме приплюснутой

торпеды выглядел куда более изящным и обтекаемым, чем пухлые сардельки, виденные Эвереттом в программе «Дискавери». Двухсотметровый воздушный корабль невероятно легко маневрировал с помощью пропеллеров. Когда он повернулся боком, Эверетт увидел вдоль всего борта ряды иллюминаторов. Оттуда выглядывали люди, махали кому-то внизу. Ниже окон шла надпись большими буквами: «Дойче Кайзерлих Люфтсервис». Дрогнув руль, завертелись лопасти пропеллеров, дирижабль величественно двинулся прочь и пропал из виду.

Эверетт, как зачарованный, протолкался через толпу к выпуклому окну. Когда посмотрел вниз, то чуть не упал — так закружилась голова. Он находился высоко в воздухе — очень высоко. Настолько же ниже него, насколько он сам был ниже верхних доков, располагались еще четыре спицы-причала, а от них до земли расстояния еще столько же. Дирижабли тыкались в причалы, как поросята в сосцы свиноматки. Эверетт подсчитал общую высоту башни: шестьсот метров. Даже на промежуточном уровне он находился выше любого здания в Лондоне. В его родном Лондоне. Снова закружилась голова. Может быть, это последствия перемещения через портал Гейзенберга? Причем не физические даже, а философского порядка. Просто наступает момент, когда что-то тебе подсказывает: ты сейчас так далеко от дома, как никто до тебя за всю историю человечества.

Эверетт окинул взглядом незнакомый Лондон. Ангелы и кирпичные стены, шпили и купола, святые, львы, греческие боги и карнизы творений Кристофера Рена и церкви Николаса Хоксмур — сплошь портлендский камень и фигуры ангелов, что смотрят на людское мельтешение внизу, кутаясь в свои крылья. Суровые утесы электростанций Баттерси и Бэнксайда и даже грозный ликом Университетский колледж — Эверетту всегда представлялось, как Бэтмен слетает с его верхушки. Барочный Готэм — вот архитектура британской столицы на Земле-3. Между куполами и глухими кирпичными монолитами протянулись электрические кабели. На крышах возвышались уродливые столбы-опоры; весь город накрыла паутина проводов. Среди старинных зданий петляла надземная железная дорога, блестели стеклянными кровлями крупные вокзалы. Парков было вроде больше, чем помнил Эверетт, хотя они тоже оказались вдоль и поперек изрезаны линиями надземки. Судя по

приметным зданиям, Эверетт сейчас находился примерно в районе Сэдлерз-уэллс. Отсюда открывался обзор до пятидесяти километров. И тут Эверетт ахнул, наткнувшись взглядом на стену, которая тянулась в обе стороны, насколько хватал глаз. Стена горела — над нею по всей длине поднимались клубы дыма или пара. Эверетт подался вперед, упираясь ладонями в стекло. Нет, не стена — дымовые трубы. Целые километры труб и градирен извергают в атмосферу дым и пар. Наверняка они замыкаются в кольцо, охватывающее весь Лондон.

Из общего гула спешащих на свои рейсы пассажиров выделились громкие голоса. Какая-то суматоха в толпе за излучиной коридора — там, откуда он пришел. Это могло означать только одно. Эверетт, как дурак, слишком долго любовался видами. Бежать! Нет, одернул он себя. Идти спокойным шагом. Вон там — лифты. Одни идут вверх, другие вниз. Только что выгрузились три битком набитых лифта, а кабина, идущая вниз, как нарочно, застряла на верхнем этаже. Ну Давай, давай же!

Дзинь! Ромбик на панели вызова вспыхнул зеленым. Дверцы открылись. Эверетт, извиняясь направо и налево, втиснулся внутрь. Сквозь щель меж закрывающимися дверцами он увидел Шарлотту Вильерс — та пробивалась через толпу, воинственно наклонив голову. Перед ней, расчищая дорогу, шли клином люди в темно-синей форме и в белых шлемах вроде тех, какие носят пожарные. Полицейских сразу узнаешь в любой вселенной. Взгляд Шарлотты Вильерс упал на Эверетта в ту самую секунду, когда закрылись двери. Лифт пошел вниз с такой скоростью, что Эверетту показалось, его желудок ухнул куда-то в пропасть. Прыжок через портал и то было перенести легче. Дзинь! Второй ярус: внутренние рейсы. Дзинь! Первый ярус и выход в город. Поток пассажиров двигался к выходу, где ждали встречающие. Родственники радостно махали руками над головой, люди в деловых костюмах держали плакатики с именами. И вот засада — между толпой встречающих и внешним миром маячили еще люди в темно-синем и в белых шлемах. Они всматривались в лица проходящих мимо, сверяя их с листками бумаги. И поток пассажиров нес Эверетта прямо к ним.

Эверетт шмыгнул в сторону. Вокруг метались носильщики на электротележках, нагруженных багажом. Эверетт проскочил в уборную, закрылся в кабинке и стал продумывать план дальнейших

действий. В уборной хорошо думается. Наверное, потому, что ты здесь один и никто не отвлекает. Эверетт перебрал вещи в рюкзаке — все, что покидал туда утром в спешке, когда его осенила блестящая идея отправиться через портал на поиски отца. Пока семейство Спинетти шумно собиралось в школу и на работу, Эверетт потихоньку стащил разные полезные вещи, какие могут понадобиться человеку в чужой вселенной. Штепсели, переходники, изолента. Карандаши и бумага. Ножик-вилка-ложка. Сетевой тестер и многофункциональная отвертка Рюнова папы. Зажигалка. Спички. Таблетки от головной боли. Фонарик и запасные батарейки к нему. Когда Эверетт вытащил из бокового кармашка два кольца, — венчальное и обручальное, — вновь кольнуло чувство вины. Было бы время, он сбегал бы домой и попросил у мамы кольца. Она постоянно грозила их выбросить — провести торжественный прощальный ритуал или просто отправить по почте в скупку, по телевизору часто показывают объявления: «Мы покупаем золото». А миссис Спинетти, собираясь готовить, снимала оба кольца и вешала их на специальную фарфоровую подставку в виде деревца, около раковины в кухне. Подходи и бери, кто хочет. Поначалу совесть Эверетта не мучила — слишком много всякого другого занимало голову и сердце. А сейчас он разглядывал эти колечки на своей ладони и умирал от раскаяния, представляя, как миссис Спинетти ищет их на подставке, не находит, переворачивает вверх дном весь дом, сердится и плачет, и как ее терзает ужасное ощущение потери. Пара колец тревожила Эверетта куда больше, чем то, что он застрял совсем один в чужой опасной вселенной.

— А что делать... Они мне очень нужны, — пробормотал Эверетт под шум спускаемой воды в соседней кабинке.

Футбольная форма — он и забыл, что пришел в ней из школы в тот день, когда застал дом разгромленным. Наверняка это сделала Шарлотта Вильерс вместе со своим дружкой-мордоворотом. Возможно, ей еще и полицейские помогали: те самые двое, Ли-Леанна-Леона и Усатый Миллиган. Футбольные трусы поверх компрессионных колготок дико выглядят в его родном Лондоне, а здесь такой наряд в самый раз. Обувь, конечно, проблема, но тут уж деваться некуда. Надо было еще бандану спереть.

Быстро и без шума переодеться в кабинке общественного туалета оказалось значительно сложнее, чем Эверетт себе представлял.

Правда, он никогда особо и не пробовал вообразить, как стаскивает с себя джинсы и натягивает спортивную форму, упираясь коленом в коробку с туалетной бумагой, а другую ногу подсунув под трубу, одновременно следя за тем, чтобы содержимое рюкзака не вывалилось на пол и не укатилось под перегородкой в соседнюю кабинку.

Отперев задвижку, Эверетт вымыл руки, разглядывая себя в зеркале. Сойдет. Полицейских у выхода он, конечно, не обманет — Эверетт прозвал их «миссионерами». Когда-то Теджендра показывал ему старую фотографию еще колониальных времен — на ней прадедущка Нариндер, работавший рикшей, вез куда-то белых людей в пробковых шлемах. Да, «миссионеров» Эверетт не рассчитывал обмануть — по крайней мере, не таким способом.

Он двинулся через зал для прибывающих, зажав в руке спичечный коробок и незаметно поглядывая на урны для мусора. В третью по счету кто-то засунул старую газету. Дело одной секунды — чиркнуть спичкой, затолкать незажженный конец спички в коробок, наподобие короткого фитилька, бросить коробок в урну и идти себе дальше. Было слышно, как за спиной жахнул целый коробок спичек. Кто-то закричал. Завыл сигнал пожарной тревоги. Перепуганные пассажиры кинулись врассыпную от полыхающей урны. «Миссионеры» у дверей заоглядывались. Эверетт понимал, что такой примитивной хитростью их тоже не проведешь, но суматоха в зале подарила ему драгоценные секунды. Пользуясь тем, что носильщик отвернулся, Эверетт сдернул с тяжело нагруженной тележки несколько чемоданов, нырнул в образовавшееся углубление и со всех сторон подгрел к себе сумки. Сверху надвинул чемодан и скорчился в норе, обхватив руками колени. Кажется, он просидел так целую вечность, давясь запахом дорогой кожи. Наконец тележка, дернувшись, сдвинулась с места. Когда она начала равномерно подсакивать на плитах мостовой, Эверетт понял, что покинул здание воздушного вокзала. Щелк, щелк, щелк... Стоп! В глаза брызнул дневной свет: носильщик снял верхний чемодан и ошарашенно уставился на Эверетта. А тот, расшвыряв тюки и сумки, соскочил с тележки и кинулся бежать со всех ног, наперерез автомобилям, такси, автобусам или на чем еще ездят в этом Лондоне.

Эверетт мчался из всех сил, куда глаза глядят, лишь бы подальше от погони, пока аэропорт не скрылся из виду — только над крышами

домов высилась металлическая конструкция, вроде сильно увеличенной Эйфелевой башни, с уткнувшимися в нее дирижаблями.

— Пойдешь через три улицы на Кингсвей, там повернешь налево, потом еще раз налево, на Ивлин-стрит, — объяснял таксист на стоянке.

Шестеро водителей, облокотившись о стойку, сжимали в кулаках кружки с чаем. Такси выглядели необычно — обтекаемые каплевидные автомобили с мощной решеткой спереди и широкими обтекателями. Две машины были подключены к зарядному устройству рядом с чайным прилавком.

— У входа ступеньки такие, целая лестница. Не перепутаешь. А хочешь, подвезу?

— Денег нет, — ответил Эверетт. — Да вы же сами сказали — это в двух шагах.

— Ах ты нахал мелкий! — рывкнул таксист, лишь наполовину в шутку.

Видно, в любом Лондоне верна поговорка: если не можешь спросить полицейского, спрашивай таксиста. Удалившись на безопасное расстояние от аэропорта с «миссионерами», Эверетт попытался сориентироваться в незнакомом городе. Между высотными домами лежали улицы-ущелья, узкие и темные. Услышав откуда-то сверху грохот надземки, Эверетт невольно вскинул голову. Вдоль эстакады горели красные и зеленые огоньки семафоров. Над платформами свисали фестоны проводов. А над всем этим — выше только дирижабли — смотрели вниз озаренные солнцем фигуры ангелов, античных богов и мифологических созданий. На улицах бурлило оживленное движение. Эверетт постепенно начал различать здешние автобусы, грузовики, такси и частные машины. Посреди улицы шли трамваи, рассыпая искры, но и автобусы тоже работали на электричестве, поступающем от проводов через гибкие «усы» на контактах-щеточках. Попадались грузовики и легковушки, оснащенные похожими устройствами. На стоянках многие машины подключались к ярко-красным колонкам с выпуклым гербом, как на почтовых ящиках в нашем мире. По наблюдениям Эверетта, такие зарядные столбики встречались через каждые двадцать метров. Все машины, грузовики, автобусы выглядели футуристично и в то же

время старомодно — так в тридцатые годы двадцатого века представляли век двадцать первый. Одно знакомо: на Тэвисток-плейс полным-полно велосипедистов, как и на Тэвисток-плейс в родном Лондоне. А как здесь тихо... Нет привычного несмолкающего рева двигателей внутреннего сгорания, не слышно визга тормозов. Здешний транспорт негромко гудит, мурлычет и шуршит по асфальту резиновыми шинами.

Зато воздух... Дымный, насквозь пропитанный какой-то химией. От него першило в горле и оставался маслянистый привкус на языке. Эверетту казалось, что с каждым вдохом его легкие изнутри покрываются слоем копоти. С ним уже было такое однажды — туманным январским днем в Дели, куда Теджендра его привез погостить к индийским родственникам. Так пахнет смог. Только здешний смог ощущался не так, как выхлопные газы пяти миллионов «марути» и авторикшей. У него был кошмарный едкий сернистый оттенок. Дым, образующийся при сжигании угля.

На углу Эверетт вдруг увидел нечто знакомое: телефонную будку. Не красную, из стекла и металла, какие в нашей вселенной уже начали исчезать с городских улиц, а вычурный пузырь, увенчанный изящным шпилем и украшенный растительным орнаментом из кованого чугуна. В будке обнаружилась металлическая клавиатура, — латунные клавиши за долгие годы отполированы касаниями множества пальцев, — а также телефонная трубка и экран размером со спичечный коробок. Рядом с экраном Эверетт увидел квадратную линзу на шарнире и развернул ее так, чтобы видеть увеличенное изображение. Теперь он смог разглядеть белые буквы на зеленом фоне: «Британские королевские телекоммуникации. Выберите вид услуги. Звонок / Интервеб». Вместо мышки или сенсорной панели под клавиатурой имелся латунный шарик.

— Клевая операционка, — сказал сам себе Эверетт и навел курсор на слово «Интервеб», предположив, что это местный аналог онлайна. «Действуй».

Это Эверетту понравилось. Гораздо энергичней, чем просто «Ввод». Он подтвердил и тут обратил внимание на верхний ряд клавиш: не QWERTY, а PYFGC.

— Ого, здесь у них стандартной считается раскладка Дворака!

Появился новый текст, снова белым по зеленому: «Опустите в щель один шиллинг или вставьте платежную карту Британских королевских телекоммуникаций». Да, было бы слишком хорошо, если бы телефон работал бесплатно.

— Тогда в библиотеку!

Так и получилось, что Эверетт стал расспрашивать таксистов. Три улицы до Кингсвей, поворот налево, еще один. Грейт-Рассел-стрит. Каменные ступени. Библиотека была построена в виде греческого храма. Эверетт не смог вспомнить, что находится на этом месте в его Лондоне — улицы располагались по-другому. Скорее всего, просто магазины. Уж точно ничего настолько величественного, как библиотека имени сэра Джона Слоуна. Массивный треугольный портик поддерживали каменные фигуры женщин в мраморных одеяниях. Они как-то называются... А, да — кариатиды! Каждая кариатида держала в руках раскрытую книгу с вырезанным на каменной обложке названием. Наука. Право. Театр. Медицина. Теология. Риторика. Под взглядами кариатид Эверетт взбежал вверх по ступеням. Внутри все было таким же пугающе-величественным, как и снаружи. Путь через отделанный мрамором вестибюль до консультанта за высокой конторкой казался бесконечным. Консультант был одет в форменный костюм с невероятно затейливой шляпой.

— Скажите, пожалуйста, как пройти в отдел справочной литературы?

— Корпус Ньюитта. Прямо, через отдел периодики. Есть и пить в библиотеке запрещается. Мы закрываемся ровно в пять.

Корпус Ньюитта оказался громадным залом под стеклянной полукруглой крышей. Солнце озаряло читателей, склонившихся над столами. По стенам тянулись стеллажи. На Эверетта оглядывались, хмурия брови: что делает ребенок в отделе словарей и справочников? Эверетт и раньше видел чудаков, которые проводят целые дни в библиотеках, изучая генеалогию и историю. Путешествие в прошлое, которому не видно конца — ведь если оно закончится, жизнь для этих людей потеряет смысл. Точно так же и в этой вселенной. Теджендра говорил: библиотеки дарят нам силу.

— Извините, пожалуйста...

Женщина за стойкой удивленно вскинула глаза. Если бы Эверетт выстрелил в воздух из револьвера, она и то не была бы так поражена.

— Мне нужен телефонный справочник.

Библиотекарша ткнула костлявым пальцем. Эверетт обернулся посмотреть, куда она показывает, и увидел ряды обращенных к нему бледных лиц. Только тут до него дошло: он не видел в этом мире ни одного смуглого лица.

По дороге к стеллажу Эверетт отвлекся, увидев новенькие ровненькие корешки энциклопедии. «Энциклопедия Британии». На этих страницах можно найти подтверждение или опровержение своих теорий и догадок, объяснение всех странностей новой вселенной. На это не уйдет много времени. А в телефонный справочник заглянуть успеется. Любопытство не может ждать.

Том 22, «Нерпа» до «Оригами». Эверетт пристроил тяжелую книгу на подставке и раскрыл. Статьи «Нефть» в энциклопедии не оказалось. Он снял с полки другой том, перелистал. «Масло. См.: растительные масла, подразделы: рапсовое масло, пальмовое масло, оливковое масло; масла животного происхождения, см.: китовый жир, ворвань, китобойный промысел в южной части Атлантического океана». Ни слова о минеральных или нефтяных маслах. Ни слова о нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. С ума сойти — цивилизация с высокоразвитой наукой и техникой, и без нефти! Эверетт видел электрические машины и поезда, видел паутину проводов над Лондоном и невероятные чудесные дирижабли, чувствовал на языке вкус дыма, образующегося при сгорании угля — и вообразил, что в этом мире запасы нефти кончились, ее вычерпали до дна. А оказывается, все еще интереснее! Нефти здесь никогда и не было. Здесь все еще продолжается угольный век. Высокоразвитая техническая цивилизация построена без применения жидкого топлива.

— Стимпанк! Вот это круто! — произнес Эверетт вслух и заработал суровый взгляд какой-то строгой девушки в очках.

Нет, никакой не стимпанк. Постстимпанк. Точнее, электропанк. В жилах этого Лондона течет электричество, меж тем как в родном мире Эверетта сосуды городов наполнены нефтью. Уголь — это само собой, Эверетт до сих пор ощущал, как першит в горле, но наверняка и атомные электростанции, а также энергия воды и ветра. Любые источники, из которых можно выработать электричество.

Эверетт провел пальцем по корешкам энциклопедии. «Эдельвейс» до «Эрл Марчфолд». Электричество. Он жадно просмотрел статью. «В

1789 г. Генри Кавендиш исследовал взаимосвязь между электрическим зарядом и магнетизмом, а в 1790 он построил „магнетическую роторную машину“ с ручным приводом — прототип электрогенератора. Гениальное озарение, что это же устройство, работающее в обратном режиме, может функционировать как мотор, явилось Кавендишу во сне: ему приснилось, что ангел с молнией в руке перевернул ось Ньютоновой вселенной. Впервые промышленное производство электроэнергии началось в 1799 г. в Манчестере, на фабрике Боудена. Генератор, работающий от водяного колеса, давал энергию шестнадцати электрическим ткацким станкам»...

Эверетт покачнулся, как будто страница его ударила по лицу. В голове у него все перевернулось, привычные исторические факты полетели кувырком. Электромотор изобретен раньше парового двигателя! Во вселенной Эверетта Генри Кавендиш не добился сколько-нибудь значительных практических результатов, а в этом мире он создал георгианскую эпоху на основе электричества. Эверетт лихорадочно пробежал глазами статью, перескакивая через строчки. «В 1819 г. сэр Майкл Фарадей изобрел двигатель на электрической тяге... Линии передачи переменного тока... первая полностью электрифицированная железная дорога на постоянном токе, Лондон — Оксфорд, 1830 г.»...

Здесь вообще не было эпохи пара! А эпоха электричества началась в восемнадцатом веке. Уголь давал пар, с помощью которого вырабатывалось электричество, но не было ни паровозов, ни автомобилей с паровым двигателем. И жидкого топлива тоже не было. Все на электричестве. В голове у Эверетта зародилась новая мысль, она ширилась и росла, как цунами. Он снова кинулся к полкам. Два тома: «Кларнет» — «Луизиана» и «Пастораль» — «Порт-Харкорт». Сперва «Космические исследования». Эверетт повел пальцем по строчкам коротенькой статьи. В этом мире люди не побывали на Луне, никто не отправлял автоматизированные зонды на Марс, к спутникам Юпитера и Сатурна или за пределы Солнечной системы, к далеким звездам. Человечество так и не покинуло околоземную орбиту.

«Ага, конечно, вы зато кое-что другое исследовали, так?»

Эверетт раскрыл второй том. «Параллельные вселенные». «Физическое существование множественной вселенной было доказано в 1889 г. на основе принципов поливалентности Эдвина Белла

Коллинза». Эверетт перевернул сразу несколько страниц. «Портал Эйнштейна разработал в теории немецкий квантовый физик Альберт Эйнштейн в 1912 г.»...

В этой вселенной Эйнштейн был квантовым физиком. А своеобразную разновидность теории относительности на двадцать шесть лет раньше открыл какой-то американец. Нашему Эйнштейну это бы жутко не понравилось. Квантовую теорию он называл пугающей.

Эверетт заглянул в середину статьи. «В 1978 г. установлен контакт с Землей-2»...

С бешено бьющимся сердцем Эверетт закрыл книгу. В этом мире портал, открывающий доступ к множественной вселенной, изобрели тридцать три года назад! И все об этом знают — вон, даже в энциклопедии написано.

Еще один-единственный кусочек информации, и он оставит в покое энциклопедию и пойдет к телефонному справочнику, ради которого, собственно, и явился в библиотеку. Даже другой том брать не нужно.

«Пленитуда известных миров — это межмировая организация, осуществляющая контроль за разработкой, созданием, лицензированием и использованием межпроекционного транспортного устройства, известного под названием „портал Эйнштейна“. Данная организация также способствует сотрудничеству между вселенными-участницами в таких областях, как межмировое право, безопасность, торговля, наука, политика и дипломатические отношения...

...Членами-основателями Пленитуды являются Земля-2, Земля-3, Земля-4 и Земля-5. В настоящее время организация насчитывает девять миров-участников».

— Ваши сведения устарели, — прошептал Эверетт. — Уже десять.

...«представители миров-участников поочередно занимают должность Примарха. В течение срока примархата Центральный президиум размещается в штаб-квартире Пленитуды в родном мире Примарха. Для Земли-3 (номер по Официальной классификации Паноплии) штаб-квартира находится в здании Тайрон-тауэр, в лондонском районе Блумсбери, улица Кливленд-стрит».

Чуть ниже нашлась и фотография Тайрон-тауэра: высотное здание со шпилем, узкими стрельчатыми окнами, башенками и мифологическими созданиями, перещеголявшее по «готичности» даже тот небоскреб в стиле барокко, что Эверетт видел из окна воздушного вокзала.

— Там вы его и держите, — прошипел Эверетт. — Я знаю. Знаю! Больше негде!

— Простите, молодой джентльмен?

Эверетт вздрогнул и виновато оглянулся. Над ним склонилась библиотечка. Настольная лампа бросала на ее лицо злое тень.

— Хочу напомнить, что через десять минут мы закрываемся. Десять. Минут.

Эверетт не заметил, как включилась лампа. Так зачитался, что пропустил, как сгустились сумерки за стеклянной крышей и зал справочной литературы мало-помалу опустел. Читатели, научные работники и чудаки разошлись.

«Все самое важное, в конечном счете, берется из книг, — сказал однажды Теджendra. — Убери это из интернета — и останутся одни только мнения».

Однако, десять минут! Телефонная книга Лондона насчитывала семь томов. «Ломбарды, скупка, оценка изделий из золота и иных драгоценных металлов». Может быть, уже поздно? Кто знает, в котором часу закрываются лавки в этом Лондоне. В справочнике по большей части были указаны только названия, адреса и телефоны. Некоторые заведения удостоились отдельной рамочки и пары пояснительных строк. Займы до зарплаты. Низкие процентные ставки. Покупаем золото и ювелирные изделия. Самые выгодные цены. Одно объявление заняло полстраницы. «С деньгами туго? Не дожидаться до полочки? Немедленное погашение долга! Никаких ранних выплат. Невин, финансовые услуги. Удлиненный рабочий день»...

— Четверг!

Эверетт торжествующе вскинул кулак и быстро записал адрес. Потом прошелся вдоль стеллажа до раздела «Картография», взял «Путеводитель по Лондону» Хенсона-Дженсона, отыскал там нужную улицу и вытащил из рюкзака «Доктора Квантума». Ужасно не хотелось расходовать драгоценную батарейку, пока не прояснилась ситуация с местными источниками электроэнергии. Эверетт сделал снимок.

Щелчок прозвучал оглушительно, как будто книга упала с верхней полки. Строгая девушка подняла голову и нахмурилась при виде «Доктора Квантума». Больше в полутемном тихом зале читателей не осталось. Еще один, последний факт из энциклопедии. «Напряжение в электрической сети Великобритании 110 вольт при частоте 60 Герц». Есть! Совсем как в Соединенных Штатах его родного мира. Он рассмотрел розетки на библиотечных столах и прикинул, что с помощью своей многофункциональной отвертки за десять минут переделает адаптер под здешний стандарт.

— Спасибо! — весело крикнул Эверетт библиотекарше, выходя из зала.

На улице было темно и холодно. В ночном воздухе сгущался желтоватый смог. Прохожие поднимали воротники и туже заматывались шарфами. Эверетта пробрала дрожь. Вот бы ему такое пальто! Может быть, когда появятся деньги... Нет, деньги понадобятся на другое, до последнего пенни. От ходьбы согреемся. И пора уже шагать, а то путь неблизкий.

«Финансовые услуги» господина Невина вернее было бы называть попросту ломбардом. Витрина на Лэмбик-лейн служила исключительно чтобы пускать пыль в глаза. Основное помещение «Финансовых услуг» помещалось в захудалом переулке, освещенном только тремя неоновыми шарами у входа: синим, зеленым и красным, которые потрескивали и роняли на булыжную мостовую жирные синие искры. Символ закладной лавки один и тот же в любой вселенной. Окно, выходящее в переулок, покрывали многолетние наслоения копоти. Вымыть окно изнутри было физически невозможно — мешали длинные ряды полок, хранящих сотни заложенных вещей. Эверетт слышал о ломбардах, знал даже, что в Стоуки, недалеко от Стэмфорд-Хилла, имеется ломбард, но сам никогда там не был, и никто из его знакомых тоже. Только в параллельной вселенной довелось ознакомиться. Эверетт знал, как работают ломбарды: оставляешь в залог какой-нибудь ценный предмет, и если вовремя не вернешь долг плюс небольшой процент в виде платы, залог достается владельцу ломбарда и тот имеет право его продать. Вещи на полках никто так и не выкупил. Устройства, напоминающие радиоприемник или древний кассетный магнитофон с подключенными к нему наушниками. Другие устройства, похожие на пишущую машинку с крошечным телеэкраном на месте каретки и увеличительным стеклом на шарнире. Медали, прикрепленные к листам картона. Ювелирные украшения: кольца, ожерелья, броши из слоновой кости и черного гагата. Куклы. Причудливые лампы. Предметы, которые выглядели старинными и очень редкими даже при ограниченных знаниях Эверетта об этом мире. Старые пластинки. Эмалевая коробочка с изображением дирижабля в рамке из британских флагов и с надписью золотом: «Мятные конфеты Эксельсиор». Вдруг из-за полок на Эверетта глянули два внимательных глаза. Невин, владелец ломбарда.

Когда Эверетт открыл дверь, звякнул колокольчик.

Закладчик Невин относился к своей древней профессии серьезно. Одет он был в стильный костюм по местной моде, с широкими лацканами, с гвоздикой в петлице — к вечеру цветок слегка привял. По

мнению Эверетта, более злодейское впечатление производил только Бритоголовый-в-кепке. Все стены в ломбарде были заняты стеклянными ящиками со всевозможными закладами, от электрических мотоциклов до комиксов, от плюшевого медведя до крошечного вышитого сердечка. В этих вещах таился огромный груз горя, так что даже смотреть было тяжело.

Невин вставил в глаз лупу, какие используют часовщики и ювелиры, и принялся рассматривать предложенные новым посетителем предметы.

— В заклад или на продажу?

Вообще-то Эверетт поначалу хотел кольца продать, но если заложить — значит, он когда-нибудь сможет их выкупить, запаковать в конвертик и бросить в почтовый ящик миссис Спинетти. Эверетту не нравилось думать о себе как о воре, сколь бы возвышенны ни были причины.

— Если можно, в заклад.

— Сорок гиней за венчальное кольцо. За обручальное — десятку.

— Десять фунтов? В нем же бриллианты!

— Маркизиты.

Будь в кольце не настоящие бриллианты, Анжела отменила бы свадьбу. Эверетт легко, без нажима провел перстнем по стеклянному прилавку — осталась царапина длиной два сантиметра.

— Бриллианты!

— Ну ладно, умник-разумник. За блестяшки дам тридцать.

— Гиней.

Невин смерил Эверетта взглядом, хотел что-то сказать, но потом передумал и, качая головой, достал книжку бланков для квитанций.

— Сердце у меня мягкое слишком, вот в чем беда. Условия стандартные: тридцать три процента годовых, выкуп залога без дополнительной наценки, срок: полтора месяца. Устраивает, сынок? Распишись тут и тут.

Сам владелец ломбарда расписался красивой металлической авторучкой. Ну конечно, подумал Эверетт, из угля пластмассу не так просто сделать. Он никогда еще не пользовался перьевой ручкой. Она скрипела и царапала бумагу. Подпись походила на сцепившихся лапками раздавленных пауков. Невин оторвал квитанцию по пунктирной линии и отдал Эверетту. Затем на свет явился толстый

кожаный бумажник со множеством кармашков, лоснящийся после долгих лет странствий из кармана в руки и обратно. Невин повертел бумажник и так, и сяк, долго копался в его отделениях и наконец выложил на прилавок банковские билеты и монетки ровной шеренгой, как перед боем. Искры от неисправной неоновой вывески бросали на все жуткие синеватые отсветы. Эверетт протянул руку к деньгам, но Невин быстрым змеиным движением сцапал одну монетку.

— Стекло поцарапано, придется теперь мастера вызывать, чтобы исправил, так?

В дверях Эверетт оглянулся. Невин укладывал в стеклянный ящичек два кольца с продетой сквозь них квитанцией.

«Я за вами вернусь, хоть через сто вселенных!»

Ну вот, деньги в кармане. Пусть и не совсем честно — по крайней мере, он мог на них смотреть и не представлять себе миссис Спинетти оплакивающей потерю. В одном фунте сто пенсов, как дома, но монеты разного достоинства здесь имеют свои названия, как в нашем мире в Штатах. Десять пенсов — шиллинг, двадцать пять — полукрона, пятьдесят — одна крона. Пять пенсов — пятак, а есть еще довольно редкая монетка под названием «флорин» — насколько понял Эверетт, стоимостью в двадцать пенсов.

Деньги в кармане... Надолго их не хватит. А пока Эверетт торчал в ломбарде, улицы совсем опустели. Резкий ветер гнал по улице бумажный мусор, швырял мокрый снег в лицо, продувая насквозь даже спортивный костюм Эверетта. Декабрь во всех вселенных. Эверетт вдруг почувствовал себя страшно одиноким. Чужак в незнакомом мире. Здесь все другое. И домой вернуться нельзя. Невозможно заявить: «Я бросаю игру!», выключить компьютер и отправиться пить чай с овсяным печеньем. Не позвонишь своим: «Приезжайте за мной!» — и машина будет через полчаса. Никто в этом мире не был еще так далеко от дома, как он. Самый одинокий человек во всех мирах... Нет, понял он вдруг, и сердце заколотилось от надежды и страха перед тем, что ему предстоит. Он не один — где-то там, в Тайрон-тауэр, его папа. И все-таки так далеко от дома, и так много нужно сделать, а он ужасно устал. Устал каждой клеточкой, каждой молекулой. Чтобы попасть домой, нужно исполнить задуманное. А план такой шаткий, так много в нем пробелов и слишком многое зависит от везения. Безнадежно! Правда, это

единственный план, у которого есть хотя бы мизерный шанс на успех. С другой стороны, даже такого шанса не будет, если Эверетт замерзнет до смерти, ночуя на чьем-нибудь пороге, или его арестуют за бродяжничество. Он видел по дороге несколько гостиниц: ярко освещенные окна и нарядные люди, собирающиеся праздновать Рождество. В такой переночуешь — и прощай денежки, добытые с таким трудом. Как-то он не продумал, что нужно еще и спать... а прежде того необходимо поесть.

Над головой загрохотал поезд. Интересно, они всю ночь ходят? Что, если купить билет до следующей остановки да так и ездить кругами? Можно подремать под перестук колес. Дома Эверетт несколько раз ездил ночным поездом. Надо думать, в здешнем Лондоне они не менее страшные. В запотевших окнах можно было разглядеть силуэты поздних пассажиров. Люди едут домой — в Барнет и Эрлсфилд, Хэрроу и Уилдстоун, Хакни и Стоук-Ньюингтон. Новая мысль вспыхнула неожиданно, даже дыхание перехватило. Поехать туда... По крайней мере, места знакомые. Пусть улицы называются по-другому, расположены они здесь так же, как там. Возможно, здесь тоже есть дом номер сорок три по Родинг-роуд. А из летней временки на задворках дома номер двадцать получится вполне неплохая зимняя спальня для путешественника между мирами. Возможно, в конце улицы есть и Собачья радость, и садовые участки в конце ее, где стоят сарайчики с инструментами, а также скамеечки и диванчики, которые притащили сюда владельцы, чтобы сделать из своего садика нечто вроде гостиной на свежем воздухе. А если ничего этого нет, — может, найдется викторианское кладбище с мраморной беседкой посередине. Эверетт не боялся мертвецов. Они спят крепко и не храпят.

Рассыпая синие искры, промчался еще один поезд. Эверетт решительно зашагал к неоновому символу надземки: буква «V» в красном круге.

Девочка вошла в поезд у собора Святого Павла. Эверетт на нее и внимания бы не обратил, если бы она не уселась прямо напротив него. Зачем было идти чуть ли не через весь вагон? И так почти все места свободны.

Эверетт как раз изучал карту на экране «Доктора Квантума». Он как можно незаметнее сунул планшетник в рюкзак. Пискнул предупреждающий сигнал, двери закрылись, поезд, набирая ход, помчался по рельсам, огибающим грандиозную в свете прожекторов массу знаменитого собора. Эверетта вдруг скрутила ностальгия. Собор Святого Павла, неизменный вплоть до мельчайших деталей — словно кусочек родного мира, каким-то чудом попавший в эту чужую вселенную.

— Что выпучился?

Эверетт вспыхнул. Девчонка решила, что он ее рассматривает!

— Просто смотрю на собор.

— А раньше его не видел?

— Видел, конечно. Только я правда на собор смотрел, не на тебя.

— На меня, значит, и смотреть не хочется?

А посмотреть было на что, тут не поспоришь. Девочка была, мягко говоря, необычная. Необычная одежда: леггинсы, заправленные в остроносые сапожки на мягкой подошве, куртка военного покроя, а под ней футболка с вырезом до пупа. Необычные волосы: шапка мелких кудряшек белее снега. И лицо необычное. Эверетт в жизни не видел такой бледной кожи, таких льдисто-голубых глаз. Девочка была словно вырезана из льда.

— Извини, если тебе показалось, что я тебя разглядываю.

— Меня не колышет.

Девочка отвернулась, подняв воротник куртки, вытащила из сумки колоду карт и принялась тасовать, беззвучно шевеля губами. В вагоне было тепло, и под мерный стук колес Эверетт впал в почти гипнотическое состояние. Проснувшись, он успел заметить, как девочка отвела глаза — она явно его рассматривала. Вновь отвернувшись, она стала раскладывать карты на не слишком чистом

сиденье. Карты тоже были необычные — похожи на карты Таро, но символы и персонажи, изображенные на них, совсем незнакомые. Готка Эмма, царица школьных эмо-девочек, постоянно таскала с собой карты Таро, притворяясь, будто предсказывает по ним будущее и наводит порчу на всех, кто пишет о ней гадости в Фейсбук. На тех картах были картинки с висельником, с папой римским, с шутом и его собачонкой. Здесь же Эверетт увидел совсем другой бестиарий. Медный человек и человек в трико на моноцикле, жонглирующий мирами. Четырехликий бог и женщина с мечами в обеих руках, увенчанная солнцем. Змея, свернувшаяся восьмеркой — или символом бесконечности — и кусающая себя за хвост. Старик на костылях у двери во тьму. Рука, протянутая над бушующим морем. Девочка раскладывала карты очень аккуратно, что-то шепча про себя. В центре крестообразного узора легла Избушка на ножках, поперек нее — Колесница с лебединой упряжкой.

— Вот опять.

Эверетт вздрогнул.

— Что?

— Опять пучишься.

— Извини! Просто я таких карт никогда не видел.

— Еще бы ты видел. Это мои карты, персональные. Других таких нет. Единственные и неповторимые — «Таро Эвернесс».

— А что ты с ними делаешь?

— Полюбуйтесь на него — мало, что пучится, еще и вопросы спрашивает. Ну, раз спросил, отвечу: я на них смотрю. Чуть-чуть вперед, чуть-чуть назад, чуть-чуть в стороны...

— Вроде гадания?

Глаза девочки оскорбленно расширились. Никогда Эверетт не видел таких светлых глаз. Как будто льдинки.

— При чем тут гадание? Ничего похожего! Сказала же: я не гадаю, я смотрю. Вижу, как все на самом деле — там, в глубине, под всеми и всякими наружностями.

Улыбка преобразила ее — как будто совсем другой человек.

— Хочешь, покажу?

Она сгребла карты в кучу и пересела к Эверетту. Ловко перетасовала. Бебе Аджит вот так же умело обращалась с картами. Бабушка играла в джин-ромми, как сущий демон.

Девочка протянула Эверетту колоду.

— Стукни по ней три раза.

— Волшебные слова говорить надо?

— Нет тут никакого волшебства! Теперьними.

Эверетт снял, разделив колоду на три части — верхнюю положил в середину, среднюю — снизу, а нижнюю — сверху.

— Возьми три верхние карты и выложи в ряд.

Эверетт выложил карты одну за другой, переворачивая их рубашкой вниз. Человек с копьем, окутанный пламенем. Две летящие фигуры над полем пшеницы. Небоскреб с глазом на верхушке. Девушка мотает головой из стороны в сторону — так похоже на пенджабский жест, означающий «почти да», что Эверетт едва не расхохотался. Едва. От ледяной серьезности девочки веяло жутью.

— Позади, внизу и впереди, — объявила она. — Теперь еще три.

Человек тянет тележку, в которой сидит осел. Другой человек погребен в скале и отчаянно бьется, не в силах вырваться. Две сестры с языками, соединенными цепочкой. А когда Эверетт открыл третью карту, глаза девочки изумленно расширились. Она тихонько ахнула и подалась вперед, не отрывая от карт взгляда. Эверетт тоже наклонился, замирая от страха, и вдруг почувствовал, как чуть заметно натянулась лямка рюкзака — он ее обмотал вокруг ноги. Эверетт в последний миг успел поймать «Доктора Квантума», уже исчезавшего под курткой девочки. Девочка вцепилась в планшетник.

— Я заору, что ты меня насилуешь.

Эверетт схватил карты, открыл окошко и высунул руку в отверстие, прямо в поток воздуха. Девочка закричала:

— Нет!!!

— Отдай, — приказал Эверетт.

— А он мне понравился! Такой бона. Подари его мне!

— Отдай, я сказал!

Девочка только крепче стиснула планшетник.

— Не отдам! Я его буду беречь. Где он включается? — Она повертела «Доктора Квантума» в руках. — Ух ты, фантабулоза бона! И такой тоненький, без линзы. Он не из нашего мира.

Эверетт почувствовал, как будто ему в живот вонзилось ледяное копье. Глаза, мозг, сердце свело болью. Он пошатнулся, не в силах удержать равновесие в тряском вагоне.

— Ну вот, опять выпучился, — заметила девочка. — Ровно сиди, оми, а то кувырнешься еще.

Эверетт рухнул на сиденье, словно оглушенный. Девочка осторожно положила рядом «Доктора Квантума».

— Карты давай!

Эверетт положил колоду рядом с планшетником. Рука девочки метнулась к картам стремительно, как змея, и колода тут же исчезла во внутреннем кармане куртки. Эверетт затолкал «Доктора Квантума» в рюкзак и застегнул молнию. Девочка проводила планшетник горящим взглядом.

— Ну ясно же, что не из нашего мира, — сказала она. — У нас таких не делают. Пластмассовый, ага? Настоящая пластмасса... Чудо какое! Где ты его взял? Стырил, небось? Ох, погоди... Поняла! Не только компутатор, ты сам из другого мира! Откуда? Не с Земли-2, они там все такие зуши, прямо сил нет. А ты... В общем, вряд ли. Откуда тогда? Слушай, может, ты этот... нанобийца с Земли-1?

— Что-что с Земли-1?

— Да рассказывают всякое... Говорят, они с виду совсем как мы, а внутри сплошная нанотехнология. Только по глазам видно — если в самый зрачок заглянуть, у них глаза, как у мухи. Хотя, если ты так близко подошел, значит, они уже твой мозг съели.

— Правда?

— Что правда, оми?

— Про Землю-1.

— Не, выдумки просто. На самом деле никто не знает. Ну что, ты с Земли-1?

— Посмотри мне в глаза.

Девочка наклонилась вперед. От нее пахло какими-то пряными духами, как от готки Эммы, и еще чем-то очень земным, мускусным, неуловимым. Слишком взрослым. С виду ей было лет тринадцать. Эверетт плохо умел угадывать возраст девчонок. Несколько секунд она пристально смотрела ему в глаза, потом отвела взгляд.

— Не, я просто так, зуши ради. А если честно, ты откуда?

— С Земли-10.

— Земля-10? Что это, где это? Не слыхала про такую.

— Мы только в этом году, в феврале, установили контакт с Пленитудой. Обменялись пленипотенциарами.

— Не слышала! А, ладно, пусть об этом голова болит у тех, в башне. Нам-то что за дело?

— Есть дело, если ты хочешь своровать мой компьютер.

Девочка смущенно поежилась, но тут же легонько погладила рюкзак Эверетта.

— Ну ведь бона же... У вас там у всех такие игрушки есть?

— Это одна из последних разработок, но, в общем, ничего особенного. У всех есть портативные компьютеры. Или вот... — Эверетт вытащил мобильник, включил. — Сигнал сюда, конечно, не доходит, а вообще-то, это мобильный телефон. Еще на нем всякие приложения имеются, и музыка, и картинки, и то, что у вас, кажется, называют Интервеб... И камера довольно приличная.

Эверетт сфотографировал изумленную Сен и показал ей снимок. Она снова смутилась, даже лицо руками закрыла, а потом взяла телефон в руки, чтобы получше рассмотреть.

— Если провести вот так пальцем, можно увеличить изображение или уменьшить.

Эверетт продемонстрировал, как управлять экраном.

— Бонару-у! — восхитилась она. — Вы круты, Земля-10! Почти как типчики с Земли-4, только у них там вся эта история с Луной... Так, хорошо, я кое-что поняла про твой мир. Техника у вас бона, а школьная форма отвратная. И куда ты направляешься?

Эверетт не ответил. Не настолько он ей доверял.

— Да ладно тебе, оми! Всякие там ученые-бизнесмены и разные другие типы из Пленитуды, когда перемещаются в другую вселенную, ездят на лимузинах с охраной, и прыгольверы у них, все дела. А ты едешь по Трафальгарской линии, одет, как последний лопух и везешь с собой иномирную технику на миллионы динарей. Сам-то хоть знаешь, куда тебе надо, оми?

Эверетт молчал. Поезд въехал в арку прямо в громадном жилом здании. В тоннеле грохот колес и рев мотора стали оглушительными. Вспыхнули дуговые лампы. За окнами вагона мелькали окна квартир — краткие обрывки чужой жизни. Девочка придвинулась ближе.

— Оми, оми! Я, между прочим, считаю остановки. Если на следующей не сойдешь, значит, ты, как и я, едешь до конечной. Поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны. А ты там никогда не бывал. Тебе нужен проводник.

— Почему я должен тебе верить? Ты даже не сказала, как тебя зовут.

Девочка обиженно выпрямилась.

— Ты тоже не назвался, странник между мирами!

— Эверетт. Эверетт Сингх.

— Имя похоже аэриш.

— Пенджабское имя...

— Ну ты вообще ничего не знаешь, да, Эверетт Сингх? Вот посмотри на меня... Нет, скажем по-другому: там есть такие типы, что мигом отнимут твою дилли-долли технику, еще и дурацкие шмотки с тебя снимут, если решат, что за них можно хоть шиллинг выручить, а вместо спасибо вырежут тебе почки. Эверетт Сингх, Эверетт Сингх, ну откуда ты такой взялся?

Поезд со скрежетом остановился у ярко освещенной платформы, построенной внутри жилого дома. Слева и справа, словно утесы, высились ряды этажей с балконами, украшенными кованой чугунной решеткой. Кирпичное ущелье крест-накрест пересекали электрические провода и веревки с развешанным на них бельем. Высоко вверху проходила еще одна линия надземки, под прямым углом к той, где находился Эверетт, а еще выше была стеклянная кровля с чугунным переплетом. Над платформой, хлопая крыльями, носились голуби. Двери открылись, несколько пассажиров вышли, никто не вошел. Кроме Эверетта с девочкой, в вагоне никого не осталось. Прозвучал предупреждающий сигнал, и двери закрылись.

— Эверетт Сингх, следующая остановка — порт Большой Хакни...

— Мне нужно где-нибудь переночевать, — выпалил Эверетт, когда поезд отъехал от станции.

— Само собой. Что ж ты сразу не сказал, оми? Может, я и хотела спереть твою игрушку, но я хоть этого не скрывала, понимаешь? Мне ты можешь доверять, Эверетт Сингх.

Эверетт не вполне соглашался с такой логикой, но место для ночевки было нужно позарез. Поезд, гремя, вырвался из кирпичной пещеры — Эверетт только сейчас сообразил, что там просто множество домов за долгие десятилетия срослись друг с другом в единое целое, город внутри города. У него перехватило дыхание от новой удивительной картины. Дирижабли! Десятки, а может быть,

сотни дирижаблей, уткнувшихся носами в башни-причалы, совсем заслонили мутное от смога ночное небо. Поезд шел по навесным рельсам между землей и сплошным пологом из дирижаблей.

Внизу тянулись приземистые пакгаузы, мелькали погрузочные платформы и обтекаемые электрофургоны. По серебристым рельсам сновали дрезины, а между ними шустро передвигались автопогрузчики, удерживая на своих вилках контейнеры с грузом. У многих дирижаблей снизу были открыты люки: целые секции корпуса опускались вниз на тросах. Одни разгружались, другие принимали на борт контейнеры и палеты с грузом. Вот один закончил погрузку и закрыл люк. Из другого, открытого люка выглянула физиономия, такая же смуглая, как у самого Эверетта. Кругом царили шум и деловитая суматоха. Сверху все это освещали яркие дуговые лампы.

— Родной Хакни! — сказала девочка. — Идем, странничек, здесь нам выходить.

Поезд затормозил под очередной стеклянной кровлей и вытряхнул пассажиров на платформу. В самом деле, конечная. Железная дорога в этом месте проходила над сортировочной станцией. Лязгая и рассыпая искры, внизу проносились товарные поезда и маневровые составы. Пахло молнией и машинным маслом. Эверетт готов был смотреть на это часами, но девочка потащила его за собой по металлическим ступенькам. Они с ней последними прошли через турникет. На улице ветер мгновенно осыпал Эверетту плечи и ноги мокрым снегом.

— Хватит пучиться! — сказала девочка. — Как будто приезжий.

Но Эверетт не мог удержаться, чтобы не глазеть по сторонам. Повсюду кипела работа, и отвлекаться не следовало. Девочка несколько раз выдергивала Эверетта с пути автопогрузчика, надвигавшегося на них с высоко поднятым контейнером, или останавливала, не давая ринуться под колеса маневрового состава. Они перепрыгивали через серебристые рельсы, пробирались между штабелями контейнеров, где тоскливо и пронзительно завывал ветер. Почти бегом преодолевали залитые ледяным дождем и просвистанные ветром улицы, где сияли неоновыми вывесками кофейни и пабы, китайские забегаловки, где подают лапшу, и закусочные, где можно отведать ямайского кэрри. Из освещенных открытых дверей доносились голоса и звуки музыки. Музыка напомнила Эверетту ретросинтипоп восьмидесятых. Вроде той, что обычно заказывают

родители на свадьбах, только с более жестким ритмом. Часто слышалось пение. Из одного паба вместе с ароматом пива и клубами сигаретного дыма вырвались обрывки рождественского хора «Слышишь, ангелы поют». У входа в паб воняло застарелой мочой. Витрину и дверь украшали слегка провисшие рождественские гирлянды, мигая огоньками. Мейр-стрит, вот где они находятся! А сверху застыли у причалов дирижабли, словно листья на огромном дереве.

В одиночку он здесь ни за что не выживет.

Девочка повела его прямо под дирижабли. Дождь лил с них водопадом. Из-под водопада выступили двое мужчин. С их длинных непромокаемых плащей и бесформенных шляп с широкими обвисшими полями текла вода. Темные, почти квадратные силуэты резко выделялись на фоне света изнутри дирижабля. Девочка, увидев их, явно не обрадовалась.

— Где твой кэп? — спросил один утробным низким голосом.

— Я откуда знаю? Сами знаете, она приходит и уходит, как ей вздумается.

— А это что за хмырь с тобой? — У второго незнакомца оказался сильный голландский акцент.

Эверетт незаметно спрятал рюкзак за спину.

— Да вот, веду к нам. Хочу обаять и облапошить, — ответила девочка.

Голландец согнулся пополам от хохота. Утробный в отличие от него веселиться не стал.

— Гляди сюда, палоне. Передай капитану: Иддлер дает ей время до рождественского сочельника, не больше. К тому времени пусть подготовит свои предложения. Поняла? Сочельник — крайний срок.

Двое незнакомцев двинулись дальше и скрылись в глубине порта. Голландец все еще посмеивался.

— Что за Иддлер?

— Иддлер-диддлер, трулялидлер...

Эверетта не обманул легкомысленный тон девочки. Двое громил ее напугали, но она не собиралась ему объяснять, кто такой Иддлер.

— А капитан — это кто?

— Эверетт Сингх, знаешь, почему я ни за что в жизни не стану с тобой лизаться и всякое такое прочее? Потому что ты все время

задаешь вопросы. Вопросы и вопросы, без конца. Капитан, да. Ну, мой капитан. — Она нырнула под завесу падающей воды. — Идем, или здесь ночевать будешь?

Брюхо дирижабля было распахнуто, грузовые платформы, лифты и лебедки спущены на землю. Эверетт прищурился, глядя против света. На носу воздушного корабля, с нижней стороны, было по трафарету выведено название: «Эвернесс».

Девочка назвала свои карты — Таро «Эвернесс».

Сейчас она вскочила на кормовую грузовую платформу, поддержала рукав и щелкнула по приборчику на запястье, вроде наручных часов. Где-то наверху зажужжали моторы. Вниз спустились два троса с приделанными к ним петлями. Девочка ухватила за петлю, в другую просунула ступню и повернула циферблат своих часов-не-часов. Трос потянул ее вверх, к свету.

— Держись крепче, Эверетт Сингх!

Эверетт нацепил рюкзак на плечи, ухватился за движущуюся мимо петлю и повис на одной руке. В следующую секунду он уже нашарил ногой вторую петлю.

— Ты так и не сказала, как тебя зовут! — крикнул он девочке, исчезающей в ослепительном сиянии.

— Сен! — прокричала она в ответ, улыбаясь и глядя на него сверху вниз между подошвами своих сапожек. — Меня зовут Сен, а еще я пилот!

Эверетт почувствовал, как под ним что-то мягко качнулось, и подумал, улыбаясь: ветер качает дирижабль у причала. И тут же сел, вмиг проснувшись каждым нервом и волоском. Я на дирижабле!

Он все вспомнил. Движущийся трос поднял его в раскрытое брюхо воздушного корабля. Эверетт только и мог, что стоять и таращиться по сторонам. Пучиться — ее словечко. Гораздо более ошарашенное, изумленное и одуревшее от потрясения, чем «таращиться». Все в дирижабле было огромно. Грузовые отсеки — огромные, и огромный арочно-сводчатый скелет корабля, тут и там пронизанный отверстиями, через которые оболочка крепилась к ребрам. А всего крупней — подъемные камеры под сводом, вдоль спинного хребта: двойной ряд наполненных газом шаров размером с целый дом, связанных вместе сеткой из прочных тросов и гибких пульсирующих трубок. Внутри корабля было светло и просторно, как в соборе. Нет, неподходящее сравнение. Тут что-то более живое, влажное и дышащее. Легкое, вот что. Он оказался внутри гигантского легкого.

Девочка — Сен, ее звали Сен — ухватила его за резинку футбольных трусов и вытащила на палубу. Эверетт, засмотревшись на окружающие чудеса, еле успел выдернуть руку и ногу из петель, а то бы его уволокло наверх, к подъемным шарам.

— Тут будешь спать, оми. — Сен показала Эверетту уголок между тремя контейнерами. — Я иногда и сама здесь устраиваюсь. В смысле, когда у меня вроде как дежурство, а покемарить хочется. Варда, как уютно.

В углу было нечто вроде гнезда из сетки и оболочки для подъемных шаров. Сен подняла один край и сунула в руки Эверетту. Ткань была мягкая и текучая, он даже испугался, что она проскользнет сквозь пальцы. Осторожно потянул — и ткань, распрямившись, вдруг затвердела, а потом снова обвисла.

— Что это за материал?

— Карбо волокно, из углеродных нанотрубок. На «Эвернесс» все из него сделано. Прочное, как сталь, и легкое, как мечта.

— У нас ничего даже близко похожего нету, — сказал Эверетт.

— Неужели у вас чего-то нет, Эверетт Сингх? — Сен отпрыгнула назад. — Утром за тобой приду. Тебя здесь никто не найдет, ты только не вздумай бродить по кораблю. Лучше дождись меня. Бона ночи!

Сен исчезла, помахав рукой на прощание. Эверетт осторожно улегся на грудку невероятной ткани. Она мягко и упруго поддалась под ним. Эверетт закутался в нее и почувствовал, как наваливается усталость, словно оползень в горах. Отчаянно борясь со сном, он еще сумел обмотать «Доктора Квантума» шелковистой материей, точно муху паутиной, и подгрел его к себе под бок. Не настолько он все-таки доверял Сен. Еще прибежит ночью за иномирной игрушкой.

Вверху нависали громадные шары, наполненные газом. Дирижабль! Настоящий дирижабль в параллельной вселенной. Утром Эверетт проснулся на одной Земле, а сейчас засыпает на другой. На миг он оцепенел от ужаса, а потом провалился в сон.

И вот проснулся, все на том же дирижабле, все в той же параллельной вселенной. Утреннее солнце превратило открытый люк в лужицу сияющего света. Воздух в грузовом отсеке был такой холодный, что от дыхания поднимался пар. Эверетт посмотрел вверх и снова поразился, насколько экономно уложены под потолком шары с газом — это ведь классическая задача в математике. Как они вписываются в промежутки между ребрами шпангоутов, как все в корабле подогнано с учетом их размещения: и верхние мостики, и веревочные лестницы, и тросы, свисающие с верхней оболочки, и лебедки, движущиеся по рельсам высоко вверх. Внезапное шипение выхлопного клапана заставило Эверетта дернуться. Со шпангоутов капала скопившаяся влага. Холод был зверский, но механика завораживала. Эверетт прижал к груди рюкзак с «Доктором Квантумом» и отправился навстречу открытиям. Палуба под ногами представляла собой металлическую решетку, ниже виднелись цистерны с балластом и нечто похожее на батареи, от которых, видимо, работали пропеллеры. Наверное, странно расти в этом мирке, подумал Эверетт. Невероятный мир внутри невероятного мира. Здесь все зыбко, неустойчиво, ничто не прикреплено к земле. Мир, плывущий в небесах по воле ветра. Ему попаласть лестница на главный мостик, что проходил между рядами шаров с газом, наподобие спинного хребта. Ступеньки с виду казались ломкими, как лед, однако легко выдержали

вес Эверетта. Он еще и попрыгал — ступеньки даже не скрипнули. Прочные, как алмаз. Поднявшись на мостик, Эверетт посмотрел вперед и назад вдоль центральной оси корабля. С одной стороны — рубка, с другой — корма. Эверетт не был уверен, что сможет вспомнить, куда направлен нос дирижабля. Он подошел к ближайшему шару с газом. Оболочка шара выпирала сквозь сетку, туго натянутая, как у обычного воздушного шарика. Эверетт потыкал ее пальцем. Оболочка подавалась при касании. Он вдавил палец глубже, и оболочка, мягко растягиваясь, послушно пропустила его. Так в этом мире решили проблемы, из-за которых во вселенной Эверетта вышли из употребления старинные цеппелины, наполненные водородом. Нанокарбоновое волокно, мягкое при небольших нагрузках, становится твердым при сильном воздействии. Проведем опыт! Эверетт отвел назад кулак для удара.

— Ну пра-ально, давай его, со всей силы! — послышался голос с сильнейшим шотландским акцентом. — Ах ты, ворюга, Иддлеров прихвостень!

Эверетт обернулся и едва успел заметить человека в оранжевом комбинезоне и куртке, напоминающей мундир кавалериста, с лицом таким же смуглым, как его собственное. Человек держал в руке какой-то предмет, нацелив его на Эверетта. Раздался негромкий хлопок, и что-то ударило Эверетта в лицо — что-то большое, темное, тяжелое и в то же время мягкое, как носок, набитый лоскутами. Эверетт рухнул на мостик и мгновенно вырубился.

* * *

На Эверетта сверху вниз смотрела женщина. В мужском пальто по моде этого мира — с узкой талией и золотым шитьем на лацканах. Белая рубашка с высоким воротником, светло-коричневые облегающие брюки заправлены в сапоги со множеством ремешков и пряжек. В первую секунду Эверетту показалось, что она лысая, но потом он разглядел, что у нее просто волосы очень коротко острижены — не больше чем на миллиметр от кожи. В левом ухе множество колечек, сверху донизу. Кольца на каждом пальце, даже на больших. На запястьях серебряные браслеты. Кожа чернее ночи и огромные глаза —

но отнюдь не кроткие и не доверчивые. Эти глаза все замечали и все подвергали суду. Сейчас они смотрели на Эверетта со смешанным выражением удивления и презрения.

— Так, что это у нас тут?

Эверетт попытался сесть и тут же вновь повалился на палубу. Все у него болело, до самых костей. В голове было такое ощущение, как будто мозг вбили прямо в череп. Эверетт кое-как приподнялся на локтях и тут разглядел человека в оранжевом комбинезоне. Тот сидел на верхней ступеньке, подобрав колени к груди.

— Вы мне выстрелили прямо в лицо!

— И еще раз выстрелю!

Если судить по акценту — сто процентов Глазго, а по лицу — сто процентов Пенджаб. А предмет, лежавший у него на коленях, в любой культуре не мог считаться ничем иным, как оружием.

— Иддлер уже детей отправляет выполнять для него грязную работу?

Эверетт с трудом перевернулся и обнаружил источник этого нового голоса, на сей раз с американским акцентом. Белый человек с голубыми глазами и резким профилем. Козлиная борода в стиле Дяди Сэма его старила. Полосатые брюки, жаккардовый жилет, ворот сорочки стянут шейным платком. Поверх всего — плащ с пелериной, на голове широкополая шляпа, за ленту шляпы лихо заткнуто перо.

— Что? Кто?

— Как тебя зовут, сынок? — спросила женщина.

Двое мужчин, кажется, слушались ее как начальника.

— Эверетт, — прохрипел он. — Эверетт Сингх. А вы тут еще кто? Женщина широко раскрыла глаза от такой наглости.

— Я *тут еще* Анастасия Сиксмит, и между прочим, я *тут еще* владелица и командир воздушного корабля, на который ты проник с целью саботажа!

— Стойте, стойте, стойте! Никакого я не собирался саботажа...

— Да ну? А это что? — Владелица и командир держала в руках «Доктора Квантума». — Рискну предположить, какой-нибудь новый вид взрывчатки. Подсунуть потихоньку под зарядник, никто и не заметит. — Она показала Эверетту смартфон. — И даже не говори мне, что это не дистанционный пульт управления! — И, проведя большим пальцем по экрану: — О-о, бона! И как только Иддлер доверил всю эту

замечательную технику такому дурачку? Да нет, не трудись отвечать. Мне это неинтересно, все равно мы с тобой сейчас расстанемся. Мистер Шарки, мистер Макхинлит, наш гость уходит.

Пенджабский шотландец поднялся со своего насеста и ухватил Эверетта за правое плечо. Долговязый американец взялся за левое. Вдвоем они поставили Эверетта на ноги.

— Всего хорошего, мистер Сингх, — сказала капитан Анастасия. — Ах да, поскольку эти штучки вам больше не понадобятся, жаль будет, если они пропадут напрасно.

Она помахала смартфоном и планшетником, а потом сунула их за пазуху своего длинного пальто.

— Нет, отдайте! — завопил Эверетт, отчаянно брыкаясь.

Двое мужчин поволокли его прочь. Он упирался, но они были сильнее, а он — ранен и один. Его подтащили к открытому люку. До твердой металлической поверхности внизу было метров десять.

— Вы не можете так сделать!

— К твоему сведению, на своем корабле я могу делать все, что хочу, — ответила капитан Сиксмит. — Говорила ведь, что я здесь владелица и командир, или ты все прослушал? Джентльмены, сделайте такую любезность...

Американец и пенджабский шотландец легко подняли Эверетта над люком.

— И раз... И два... — нараспев произнес Макхинлит.

Из-под свода слетела крошечная белая искорка, трепеща и кувыряясь, и взблескивая в лучах утреннего солнца из открытого люка. Американец Шарки протянул руку и поймал — карту. Белый картонный прямоугольник с каким-то рисунком. Таро «Эвернесс»!

— Сен?

Взвыли моторы. Сен спустилась по тросу, подобная ледяному ангелу.

— Отпустите его! Он бона.

— Да неужели? — Капитан Анастасия показала ей «Доктора Квантума». — Может быть, ты еще и знаешь, для чего служит это устройство?

— Это компутатор такой, — быстро ответила Сен.

Она раскачивалась на конце троса, чуть-чуть не доставая до палубы носками сапожек. Капитан Анастасия вертела в руках

планшетник, стараясь понять, как он работает.

— Извините, мэм, я могу вам показать... — предложил Эверетт.

По кивку капитана американец и пенджабский шотландец поставили Эверетта на палубу, хоть и остались стоять вплотную, не спуская с него глаз. Капитан Анастасия протянула Эверетту планшетник, держа его двумя пальцами, словно боялась измазаться. Эверетт нажал незаметную кнопку выключателя. Когда экран наконец-то засветился, Эверетт прижал большой палец к биометрическому датчику. Капитан Анастасия склонилась над экраном, вглядываясь в иконки на рабочем столе. «Сейчас все решится, — подумал Эверетт. — Эти люди могут мне помочь, а могут вышвырнуть. Нужно, чтобы помогли, но это от меня мало зависит. Остается только говорить правду и ничего кроме правды».

— Занятный компутатор, — произнесла капитан Анастасия.

— Это потому что он не из нашего мира, — объявила Сен. — Иномирная техника!

Вид у нее был очень довольный, а вот Шарки, Макхинлит и капитан Анастасия при словах «иномирная техника» дружно сделали шаг назад.

— Вообще-то, у меня заразных болезней нет, — сказал Эверетт.

— Зато у тебя есть особый статус, — ответила капитан Анастасия. — А у нас — большие неприятности. Сен! Зачем ты сюда привела этого междумирника? А вы, мистер Сингх, зачем шатаетесь в одиночестве в порту без полагающегося вам сопровождения? Где целый взвод кьяппов и клоунов из СБ, и Всевышний знает кого еще?

— Кьяппов?

— «Зная, что закон положен не для праведника, но для незаконных и непокоривых, нечестивых и грешников, развратных и оскверненных, для оскорбителей отца и матери, для человекоубийц», — проговорил американец Шарки.

— Мистер Шарки, я, безусловно, уважаю ваши верования, но сейчас не самое подходящее время цитировать Слово Всевышнего. Кьяппы, мистер Сингх. Полиция. Не бывает в жизни таких ситуаций, которые не могло бы испортить участие полиции. А посему я оказываюсь в сложном положении. Не приходится сомневаться, что кьяппы и спец агенты Службы Безопасности скоро явятся вас искать, а у нас в городе аэриш, видите ли, свои порядки. Кьяппы, приставы,

акцизники тут совсем ни к чему; нам и без них неплохо живется. В то же время я не могу просто взять и выкинуть с корабля такой ценный груз. Сен, накорми гостя завтраком.

Капитан отвернулась и зашагала прочь. Полы пальто развевались у нее за спиной.

— Капитан Сиксмит! — окликнул Эверетт.

Она остановилась, хоть и не оглянулась.

— Вы мне так и не отдали компутатор.

— Да, точно.

Капитан Анастасия бодрым шагом двинулась дальше, звонко щелкая каблуками.

— Спасибо, ма! — крикнула Сен.

Эверетт чуть не переспросил: «Ма?» — но капитан уже небрежно помахала рукой.

— Не благодари! Я еще не решила, как поступить. Мне будет нужно с вами побеседовать, мистер Сингх. Явитесь потом ко мне в каюту. А ты, Сен, добудь ему горячей воды и мыла. Мальчишки воняют; это все из-за гормонов.

Сен сказала:

— Она хозяйка и командир «Эвернесс», а еще она моя мама.

Камбуз был затиснут в крошечное свободное пространство в верхней части корабля, по левому борту. Эверетт боялся, как бы в такой тесноте его не ошпарило раскаленным жиром со сковородки, на которой что-то жарила Сен. Стол и стулья были складные, в воздухе висел синий чад, зато вид из выпуклого иллюминатора открывался потрясающий. Тучи после ночного дождя почти разошлись, и свежий ветер нес с запада новые ряды облаков. Эверетт любил такие дни — ясные, с легким морозцем. По-зимнему низкое солнце бросало яркие блики на горбатые спины дирижаблей. Вот один отвалил от причала и пошел вверх, ловя западный ветер. Лопасты пропеллеров вращались все быстрее. Со стороны Хакни-Маршиз приближался другой, огромный, как собор. По его округлым бокам перебежали тени облаков. «Откуда ты, куда направляешься?» — думал Эверетт. Какой груз достоин того, чтобы его перевозило такое чудо?

Скрежет вилки по сковороде вернул его к действительности. Сен придвинула к нему тарелку с яичницей, почему-то серого цвета. По краям резинистой массы сочилась прозрачная жидкость.

— Ты тут на всех готовишь? — спросил Эверетт.

— Только по особым случаям. Обычно Макхинлит кухарит. Только у него гадость получается.

Эверетт содрогнулся.

— Есть идея. Давай я приготовлю завтрак?

— Они готовить не умеют, — объявила Сен. — Так они устроены.

— В моем мире совсем не так.

— Ну, рискни...

— Ты мне еще спасибо скажешь.

Кухня была такая крохотная, что они с трудом протиснулись мимо друг друга, меняясь местами. И снова Эверетт уловил незнакомый мускусный запах. Почему Сен так пахнет? Что-то очень земное, звериное. Это неправильно!

— Урок первый. — Эверетт выхватил сковороду из раковины. — Ни в коем случае не мой сковородку! При этом ты уничтожаешь естественный слой масла, и еда начинает пригорать. Протирай ее бумажными полотенцами с солью, вот так. Значит, говоришь, она твоя мама?

— Ага, приемыш.

— Приемная.

— Что-что?

— Приемыш — это ты, а она — приемная мама.

— Ты, странничек, давай готовь, а разговоры — мое дело! Ты даже на палари нормально говорить не умеешь.

Эверетт сунул нос в кухонные шкафчики со множеством хитроумных выдвижных ящичков и полочек. Все здесь было устроено компактно, как в автотрейлере. На банках и пакетиках виднелись наклейки с пометками: Египет, Палестина, Марокко. Попадались надписи арабской вязью, и кириллицей, и еще какими-то алфавитами, отдаленно напоминающими хинди, хотя Эверетт таких букв в жизни не видел. Пряностями почти не пользовались, многие пакеты вообще не открывали. Эверетт нюхом отыскал жестянку с испанской копченой паприкой.

— Твоя мама, значит. Капитан, — напомнил Эверетт, вынимая из холодильника куриные яйца. — Кстати, яйца для яичницы должны быть комнатной температуры. Всегда.

— Свалилась я ей на голову. У нее, понимаешь ли, амрийя.

— Что-что?

— Амрийя. Это как обещание, только не ты его даешь, оно само у тебя появляется. Вроде как ты кому-то по гроб жизни обязан, а эти люди так и не забрали долг, а вдруг когда-нибудь явятся и надо будет отдавать.

— Она тебя удочерила из-за этой... амрийи? — Чуть-чуть масла в сковородку, только чтобы смазать дно, и наливаем слегка взбитые яйца. — А родители твои... С ними что-то случилось?

Сен смотрела в окно, и глаза у нее были пустые, словно белый лед.

— Видал? Это «Леди Констанца». Хороший корабль. Видишь герб на носу? Львы, единороги и прочая дребедень. Это означает, что она — почтовый дирижабль. Перевозит почту по специальной лицензии Его

Величества. Анни тоже мечтает о таком гербе. Бонару, еще бы. С таким гербом на носу живешь и горя не знаешь.

Эверетт выложил яичницу на тарелку, слегка посыпал паприкой и поставил перед Сен.

— У меня такого цвета никогда не выходит. — Она подцепила вилкой кусочек и осторожно попробовала.

Эверетт еле удержался от смеха — такой неприкрытый восторг изобразился на лице Сен. За время их знакомства он понял, что Сен никогда не скрывает своих чувств — ни плохих, ни хороших.

— О-о, Эверетт Сингх... Это роскошно! Как у тебя так получается?

— Не добавлять молоко. От молока яичница становится жесткой. Снимать с огня, как только загустеет, и пусть доходит на собственном жару. А потом чуточку испанской копченой паприки для приправы.

Эверетт ел прямо из сковородки, прислонившись к плите. За узким кухонным столом они с Сен оказались бы практически нос к носу.

— Анни — это капитан?

— Не вздумай так ее называть! Только мне можно.

Льдистые глаза Сен вспыхнули злостью. То лед-льдом, а через секунду — гроза.

— Как мне ее называть?

— Мэм, вот как.

— «Леди Констанца», значит, перевозит почту. А вы какие грузы возите?

— Запчасти из Лейпцига, требуху из Праги. Аспарагус из Данцига, кружева из Гааги. Стекло из Осло, шали из Кашмира, водку из Москвы и шелк из Алжира. Возим микросхемы из Сиэтла и варенье из Иерусалима, самоцветы из Джакарты и алмазы из владений «Де Бирс», и порнуху из Ниппона, такую, что ты бы слюнями изошел, Эверетт Сингх. Мы все возим, и живое, и ползучее, и ходячее, и говорящее, и кричающее, и сильно-сильно блестящее. Я везде побывала, Эверетт Сингх. Наш маленький шарик весь кругом облетела.

— У нас тоже есть грузовые самолеты, но совсем не в тех масштабах.

— А-а, видела я их. Они почти во всех мирах, мы вроде как исключение. Все из-за нефти. По-моему, в таком самолете летать беспокойно. Как они вообще не падают?

— Законы физики.

— Неестественно это. Против природы.

— В мире людей почти все против природы. Я тебе скажу, что естественно для природы: гнилые зубы и ранняя смерть от малейшей инфекции. Вот это будет по природе.

— О-о, сурово ты! — Сен широко раскрыла глаза, слушая тираду Эверетта.

— Извини... Просто меня бесит, когда начинают говорить, мол, все, что от природы — то всегда правильно. Природа нас убивает, а наука спасает. Благодаря науке и самолеты не падают, и вот этот дирижабль держится в воздухе.

— Ладно, как скажешь. Наука вообще-то бона. И все равно, не нравятся мне эти штуки с крыльями. Сел в такую, взлетел, промчался над миром, приземлился, вышел... Заходи следующий! Это не дом. Это не...

Эверетт буквально увидел, как Сен в последний миг удержала слово «семья», и видел, что она поняла, что он заметил. Лицо у нее стало пристыженным и сердитым. Потом холодное выражение сменилось любопытным.

— Слушай, Эверетт Сингх, ты — гость на моем корабле. Расскажи про свою семью. Так будет справедливо. Только погоди сперва... — Она подтолкнула к Эверетту опустевшую тарелку. — Там яичница еще осталась?

— Я могу сделать еще. — Не успел Эверетт выговорить эти слова, как его осенила потрясающая идея. — Лучше я кое-что другое сделаю! Для тебя... и капитана. Для твоей мамы.

— Так, если я правильно поняла, люди из Пленитуды похитили вашего отца и переместили его в нашу вселенную. — Капитан Анастасия взяла с тарелки еще кусочек суджи-халвы.

Эверетт, пока готовил завтрак, углядел в недрах кухонных шкафчиков необходимые ингредиенты: манную крупу и розовую воду. Поначалу он о них забыл, а потом восторги Сен подсказали ему, как можно стать не просто бесполезным балластом на борту «Эвернесс». Путь к сердцу лежит через желудок. Вот когда пригодились кулинарные вечера по субботам после матчей! Сен от простой яичницы-болтушки с ума сходит — посмотрим, что она скажет, когда попробует настоящую домашнюю пенджабскую еду. Бабушка Аджит любое событие в семье отмечала самыми невероятными сладостями, грозящими полной потерей зубов. Для Эверетта сочетание манной крупы, розовой воды и сахара могло означать только одно: халва!

Капитан Анастасия благовоспитанно надкусила сладкий кубик.

— Ну вот вы тоже в нашей вселенной. Что собираетесь дальше делать?

— Найти его и спасти.

Анастасия Сиксмит умела выразить целую гамму чувств размером своих глаз. Сейчас они стали огромными от удивления. Эверетту и самому вдруг показалось, что это самая дурацкая идея, какая могла прийти в голову человеку с его уровнем интеллекта.

— Добрался же я сюда, правда?

Капитан Анастасия, расправившись с кубиком, жадно разглядывала оставшуюся на тарелке халву.

— Почему вашего отца похитили?

— Он ученый, физик. Специалист по квантовой физике. Он один из создателей нашего портала Гейзенберга — у вас его называют портал Эйнштейна.

— Я в этом не очень разбираюсь, но у нас есть свои специалисты по работе с порталами — Эйнштейна, Гейзенберга, как ни называй. Ничего плохого не хочу сказать о вашем отце, но, по-моему, наши ученые не хуже ваших, а то и лучше намного. Портал на Землю-2

открыли, когда я была еще маленькая. Мы вас опередили на десятки лет. Мистер Сингх, вы меня не убедили. Попробуйте еще раз. Возможно, вот это освежит вашу память?

Она вытащила из ящика стола «Доктора Квантума» и вдруг застыла, широко раскрыв глаза. Потом прижала палец к губам и вдруг резко стукнула кулаком по деревянной переборке.

— Сен! Прекрати подслушивать!

Капитанская каюта была такой же аккуратной и компактной, как и камбуз. Из стен выдвигались и откидывались самые неожиданные столики, стулья, полочки и ящички. Настенные лампы крепились на медных раздвижных кронштейнах. Эверетт не видел ни кровати, ни свободного пространства, где она могла бы находиться. Наверное, письменный стол убирался в стену, а на его место опускалась койка. Все было безукоризненно чистое. В крошечной каюте пахло сандалом и нафталином. Капитан Сиксмит перевернула планшетник экраном вверх — Эверетту ее движение напомнило, как Сен в поезде переворачивала карты. Каким-то образом капитан Анастасия сумела открыть Инфундибулум. На экране замерцали бесчисленные вселенные.

— Моя дочь — как сорока, постоянно тащит в гнездо что-нибудь блестящее. Ее каюта битком набита разными яркими штучками — и еще плакатами регбистов. Вот эта игрушка — как раз из таких, что ей должны понравиться, но вряд ли ты ее притащил из другого мира ради красивой световой композиции. Что это, звезды?

— Не звезды. Вселенные. Проекции.

Настал момент истины. Сейчас надо было рискнуть. Окажись Эверетт агентом таинственного Иддлера, капитан Сиксмит, не задумываясь, приказала бы выбросить его за борт. А сейчас она сидит и ест халву, приготовленную по рецепту его бабушки. Один раз она уже отняла у него Инфундибулум и точно так же легко может передать планшетник — вместе с самим Эвереттом — Шарлотте Вильерс. Ну что, Эверетт Сингх, доверяешь ты капитану?

— Это карта множественной вселенной. Не только Пленитуды, а всей Паноплии. Вообще всех параллельных вселенных.

Глаза капитана Анастасии раскрылись еще шире.

— Здесь хранятся координаты. С помощью этой программы, если есть портал, можно переместиться в любую точку любой вселенной.

Так я попал к вам. Я не проходил через ваш портал Гейзенберга, а приземлился прямо на вторую палубу воздушного порта в Сэдлерз-уэллс.

— Впечатляющее достижение, мистер Сингх. Не слишком ли ценное имущество для такого молодого человека — простите, сэр, сколько вам лет: тринадцать, четырнадцать?

— Это папа изобрел. Он придумал, как определить координаты, и нашел взаимосвязь между ними. Поэтому его и забрали: думали, что программа у него. А он отдал ее мне. Они его схватили, а данных при нем нет. Он знал, что я разберусь. Я уловил закономерность и переместился в вашу вселенную. Вот, хочу отца вытащить.

Капитан Анастасия двумя пальцами, словно пинцетом, ухватила последний кусочек халвы. Точным движением откусила верхушку сладкого кубика и сощурилась от наслаждения.

— Как вы намерены его вытаскивать?

— Узнаю, где его держат, проберусь туда и... и...

— И будете импровизировать?

— Сюда же я добрался!

— Да, действительно. Вы могли бы сильно упростить себе — и мне — жизнь, если бы попросту отдали им это... устройство.

— Инфундибулум.

— Хорошее имечко. — Капитан Анастасия откусила еще халвы. — Поменяйтесь с ними. У вас есть то, что нужно им, у них есть то, что нужно вам.

— Не могу, — ответил Эверетт.

— Почему же, мистер Сингх?

— Папа сказал — никому не отдавать.

«Только для тебя, Эверетт».

— Сейчас-то он у меня, — сказала капитан Анастасия. — Вы мне его отдали.

— Вы сами взяли. — Эверетт подался вперед, глядя ей прямо в глаза.

— Вы сами взяли, мэм. — Капитан Анастасия проглотила последний кусочек халвы.

— Сдается мне, мистер Сингх, что ваш папа обошелся с вами не лучшим образом. Не спросил, хотите ли вы ввязываться в эту историю. Свалил на вас опасную вещь, предоставил самому докапываться, что

это такое и кому оно нужно, в одиночку сражаться с Пленитудой. Да еще и его вытаскивать. Что вам оставалось? Я бы на вашем месте поступила точно так же. — Она вытерла липкие пальцы о старую квитанцию. — У меня на корабле лишнего места нет, и пассажиров мы не берем. Однако это вот — бона манджарри, мистер Сингх. Вы превосходно готовите — для мужчины. Сен старается, но у нее усидчивости, как у комара. Макхинлит неплохой повар — для главного механика. Мне пригодится кок, а при случае — палубный матрос. Мистер Шарки вас взвесит, а мистер Макхинлит объяснит, что нужно знать, чтобы не убиться при первой же погрузке. От вас требуется, чтобы у меня на столе дважды в день появлялась самая лучшая еда, какая только существует в природе. Ланч — праздник, который всегда с тобой.

— Так я могу остаться?

— Можете работать, мистер Сингх. — Капитан Анастасия постучала в переборку. — Сен! Подбери ему нормальные шмотки.

Но Эверетт не ушел.

Капитан Анастасия вопросительно изогнула бровь:

— Да, мистер Сингх?

— Мой компьютер. Мэм.

Улыбаясь, капитан Анастасия протянула ему «Доктора Квантума».

Вывеска над лавчонкой гласила: «Бона шмотка». Бона: хороший, блестящий, симпатичный, вкусный, — мысленно перевел Эверетт. Шмотки: нарядные шмотки, спортивные шмотки. Сколько у тебя шмоток! В общем, одежда. Одно и то же слово в обоих мирах. Видимо, происходят от одного и того же корня, только здесь это слово принадлежит к особому языку воздухоплавателей: аэриш. А в мире Эверетта аналогичный жаргон ушел под землю, как вода, просочившаяся в почву. Остались всего несколько слов. Понимать аэриш на слух несложно: словарный состав близок к итальянскому. Главное — уловить общий принцип.

С виду магазинчик был вовсе даже не бона. Чуть в стороне от Морнинг-лейн, в тени дирижаблей приютился целый улей улочек и переулочков. Крошечные лавчонки в одно окно укрывались от дождя полотняными навесами, почти смыкавшимися друг с другом посреди улицы. Эверетт всматривался в полумрак за мерцающими неоновыми вывесками: «Фарридж: канатных дел мастер»; «Ледвард и Оболуэй: налоги и акцизы»; «Эйд: оружейник»; «Электрооборудование Рэя»; «Сдобные пышечки и жареные петушки». Судя по мигающим за окнами огонькам, внутренние помещения уходили вглубь значительно дальше, чем позволяла архитектура переулка. Эверетт и Сен медленно пробирались сквозь толпу, от которой валил пар и отчетливо несло машинным маслом и электричеством. Чуть ли не каждый встречный считал нужным поздороваться с Сен, а она каждый раз останавливалась и отвечала на приветствия. Одному просто махнет рукой, с другим обменяется шуткой, отпустит комплимент или пожелает удачи. И каждому она показывала карту из своей колоды «Таро Эвернесс». В ответ собеседники улыбались, или смеялись, или хмурились, или посылали воздушные поцелуи.

Сен мимоходом утащила с жаровни пакет каштанов.

— Эй! — заорал торговец.

Сен выхватила из-за пазухи карту и нахмурилась.

— Вижу, динари получишь. Скоро-скоро!

— Ты и в прошлый раз так говорила! И в позапрошлый, и в позапозапрошлый! Вали отсюда, дармоедка!

Торговец замахнулся пнуть Сен, однако в его ворчанье не было злости. Жаргонные словечки порхали вокруг, подобно птицам, и постепенно у Эверетта сложилось впечатление, что Сен в порту — нечто вроде талисмана. Девочка-чудо, уличная святая, свой собственный ледяной ангел. Если у красавицы дочки капитана Анастасии все хорошо — значит, и всем будет хорошо.

— Сюда!

— Сюда?

На вывеске у входа в полутемную лавчонку половина букв не горела: «БО А Ш ОТК». Одежда внутри висела на дешевых пластмассовых плечиках с наклеенными на них лицами, вырезанными из журналов. Должно быть, таким способом предполагалось создать впечатление, что вещи на ком-то надеты. По мнению Эверетта, фотографии были скорее похожи на ухмыляющиеся засушенные головы. Сен смело проталкивалась внутрь между рядами пиджаков и курток. В магазине было холодно, пахло нафталином, отсыревшей шерстью и тем же странным мускусным запахом, как от Сен. У нее он волновал своей загадочностью, а здесь просто казался навязчивым и слегка жутковатым.

— Хей-хо, дона Мириам! Вот, покупателя к вам привела!

От темноты в дальнем конце помещения отделилась невысокая пухленькая тень. Пройдя вперевалочку между высокими зеркальными шкафами и облупленными манекенами, словно из фильма ужасов, она вышла на свет и оказалась невысокой женщиной с лягушачьим ртом и внимательными черными глазками под буйной копной сидящих кудряшек. Одета она была в гаремные шаровары и серую вязаную кофту. На шее на цепочке висели очки в золотой оправе.

— Этому оми нужно бы позуше что-нибудь подобрать, — сказала Сен.

— Ах, Всевышний! Где ты их только находишь?

Дона Мириам нацепила на нос очки, посмотрела на Эверетта сперва сквозь стекла-полумесяцы, потом поверх, а потом совсем сняла очки, словно сравнивая, есть ли разница.

— Нужно, доркас, ох, нужно! — Хозяйка магазинчика так быстро обернулась к Эверетту, что он аж подпрыгнул. — Багаж-то у тебя есть,

цыпленочек?

Эверетт показал рюкзак, в котором был укрыт «Доктор Квантум». Эверетт не решился оставить планшетник на корабле, но в переулках, где его нещадно толкали со всех сторон, он начал сомневаться, правильно ли поступил.

— Багаж, говорю! Башли, динари. Метцы. Деньги, золотце!

Эверетт открыл бумажник. Сен выдернула всю пачку банкнот сразу и разложила деньги на прилавке.

— Помоги ему, дона Мириам!

— Эй, мне это нужно! — завопил Эверетт.

Дона Мириам уже шуршала банкнотами.

Сен сказала:

— Тебя взяли в команду — значит, будешь получать зарплату.

— Давай со мной, доркас.

Дона Мириам пальцем поманила Эверетта в глубь магазина.

— Стой смирно!

Она прикинула размер на глазок и отправилась за товаром, оставив Эверетта в одиночестве среди примерочных кабинок, темных и зловещих, как гробы. Дона Мириам раздела несколько лысых манекенов и начала стаскивать с верхних ярусов одежду на плечиках, орудуя длинной палкой. Она залезла на стремянку и рылась в застекленных витринах, при этом все время что-то приговаривала, напевала и отбрасывала в сторону половину найденного. Тем временем Сен резвилась в освещенной части лавки и, радостно попискивая, выхватывала полюбоваться то куртку, то пару сапог. Для Эверетта поход в магазин одежды всегда означал одно и то же: стоишь около примерочной, пока остальные получают огромное и совершенно необъяснимое удовольствие, перебирая вещи, которые не собираются покупать.

— Вот, примерь!

Дона Мириам вручила Эверетту целую охапку одежды.

— Это леггинсы! Я такое не ношу.

Дона Мириам поморщилась, глядя на него поверх очков.

— Доркас...

— В моем мире...

— Что-что?

— Он не здешний, — быстро объяснила Сен. — Иностранец.

— А произношение отличное.

— У него мама англичанка, — крикнула Сен.

Эверетт покорно потащил грудку стильного тряпья в примерочный гробик. Переодеваться в нем было почти так же неудобно, как в общественном туалете. А леггинсы в конечном итоге мало отличались от спортивного компрессионного белья. Натягивая рубашку и длинные шорты с карманами в самых неожиданных местах, расправляя лацканы куртки и туго затягивая ремень на талии, Эверетт слушал разговор Сен с хозяйкой лавки.

— И где ж ты откопала этого дилли-долли? Только не ври доне! Может, огли у меня уже не те, что прежде, но даже мне варда, что оми совсем не зо.

— Нельзя рассказывать, доне Мириам, только он очень даже зо.

— Ты аламо, что ли?

— У него бона лакодди и лалли бонару. А диш так вообще фантабулоза. Я успела варда чуть-чуть, пока он мылся в душе.

— А он-то к тебе как? Аламо?

— Нанте.

— Ну и дурень! Слушай, доркас, а может, он вообще насчет полонес не того?

— В смысле, оми-полоне?

— А что, в Хакни всякое бывает.

— Мне нравятся девочки! — подал голос Эверетт. — Ну, так, в общем.

Последовала пауза, а потом два женских голоса одновременно разразились хохотом.

— Еще и парламо палари! — восхитилась доне Мириам.

— Хама саба апане ниджи бхаса'эм,^[2] — объявил Эверетт на хинди, выбираясь из гроба.

— Ну, бона! — Дона Мириам захлопала в ладоши.

— Фантабулоза! — подхватила Сен.

Дона Мириам повернула к Эверетту зеркало, чтобы он мог рассмотреть себя в полный рост. Куртка, похожая на драгунский мундир, с золотым шитьем по воротнику и манжетам, очень шла ему. Свободного покроя шорты со множеством карманов, молний и ремешков могли бы стать гордостью любого байкера. Даже леггинсы,

надетые под шорты, не портили общей картины, поскольку были незаметного серого оттенка. Все в целом смотрелось шикарно.

— Мне бы еще такой, знаете, платок на голову...

Сен и дона Мириам ужаснулись.

— Нет-нет-нет, не надо платка! Это совсем не зо!

— Вот что тебе надо!

Сен сунула ему в руки пару сапог. Сапоги были просто фантабулоза. Не очень высокие, черные, с кучей застежек и еще каких-то финтифлюшек, совершенно злодейские сапоги. Эверетт натянул их на ноги, застегнул все пряжки, затянул шнурки и ремешки и покрутился перед зеркалом.

— А денег хватит?

— В подарок — от меня! — объявила Сен.

Дона Мириам громко кашлянула. Сен медленно обошла вокруг Эверетта, задевая его своим дыханием и рассматривая с ног до головы.

— Ну как? — спросил Эверетт. — Зо?

— Зо, — ответила Сен. — Еще как зо.

Она ухватила его за отвороты воротника и дернула на себя. Эверетту на миг показалось, что Сен его сейчас поцелует, а она вдруг вытащила прямо из воздуха карту и сунула ему за пояс. Дона Мария пожала ему руку и вложила в ладонь тоненькую пачку денег.

— Мягкого тебе воздуха, доброго странствия и попутного ветра!

После душного полумрака в магазине даже темноватый переулок Черчуэлл показался ослепительно ярким. Эверетт шагнул на мостовую во всем великолепии нового наряда. На одно-единственное мгновение Большой Хакни принадлежал ему. Ну, может, не весь порт, а только лабиринт улочек в окрестностях Морнинг-лейн. Ну, может, не весь лабиринт, а только этот переулок. Может, даже не переулок, а всего лишь несколько квадратных сантиметров грязных булыжников, которые занимали подошвы новых сапог. А может, просто собственная шкура. В сущности, это уже немало.

Эверетт вытащил из-за пояса карту. На ней был старомодный черно-белый рисунок — павлин, распутивший хвост, любителю своим отражением в зеркале. Внизу написано: «Гордость». «А разве гордость — это плохо?» — подумал Эверетт. В отсутствие терпких запахов магазинчика доны Мириам стал заметен аромат его костюма —

неподражаемый запах новой одежды. Ценнее любых духов, потому что держится он недолго, всего лишь до первой стирки.

Эверетт вздрогнул, наткнувшись на Сен.

— Эверетт Сингх, ты сможешь бегать в новых сапогах?

— А что?

— Да просто надо бежать. И — раз, два, три!

Сен рванулась с места, как ледяная стрела, спущенная с тетивы.

Эверетт задержался ровно настолько, чтобы подтянуть повыше рюкзак, обычно болтавшийся ниже пояса, и за это время Сен чуть не скрылась из вида. Ну и скорость у этой девчонки! Она оглянулась на бегу, и ее глаза испуганно расширились. Эверетт тоже обернулся и увидел того типа с голландским акцентом, что угрожал ему накануне. Тип приближался так стремительно, что Эверетт уже мог бы по запаху изо рта определить, что тот ел на завтрак. Эверетт крутанулся на каблуках новеньких сапог и кинулся догонять Сен. А где она? Вокруг только незнакомые люди, еле успевающие отскакивать с дороги.

Из темной щели между двумя магазинами высунулась рука и за ворот втащила Эверетта в переулок, такой узкий, что он плечами задевал кирпичные стены с обеих сторон. Сен бежала легко и быстро, словно белая борзая. Она чутьем угадывала каждый поворот, каждый брошенный на дороге ящик или картонную коробку, все до единого склизкие очистки и обертки от конфет. Эверетт поскользнулся на апельсиновой корке и врезался в стену. Оглянулся — громадный голландец надвигался на него, подобно урагану. В тесноте переулка он не стал двигаться медленнее.

— За мной! — крикнула Сен, перемахивая через ящик.

Пропустив мимо себя Эверетта, она обрушила целую стопку коробок, громоздившихся на большом мусорном контейнере. Притормозила, ухватившись за край контейнера, и на всем ходу свернула в открытую дверь — Эверетт этой двери и не заметил бы. Он тоже схватился за контейнер, развернулся на девяносто градусов и бросился вслед за Сен.

Мешки с китайскими надписями, ящики с соевым соусом, коробки с лапшой. Спрессованные блоки вяленой рыбы, твердые, как цемент. Золотая статуэтка манеки-неко, махающая лапкой. Сен, как буря, ворвалась в крохотную чадную кухоньку. Повара, бросив работу, размахивали большими ножами для рубки мяса и что-то орали.

Дальше — через тесный ресторанчик с жестяными столиками и расклеенными по стенам свежими газетами со всего света, где мужчины в длинных пальто и кожаных шапках с висячими ушами удивленно смотрели на них. Всего лишь пара детишек... И они спокойно продолжали поедать лапшу.

Сен и Эверетт выскочили за дверь на оживленную улицу.

— С дороги! — завопила Сен.

Толпа расступилась перед ними. Сен помчалась вперед, словно дикая лань, но и к Эверетту понемногу возвращалась привычная ловкость вратаря. Он догнал Сен и пристроился у нее за плечом. На бегу она искала взглядом лазейки, через которые можно было бы уйти от погони.

— Налево!

Она перепрыгнула через нищего, развалившегося у входа в переулок, где из вентиляционной трубы шел теплый кухонный пар. Эверетт, отстав всего на шаг, тоже перескочил через бородатого старика в пальто, подпоясанном веревкой. За ним через изумленного бродягу перемахнул и голландец. Неплохо он двигался при таком огромном росте.

Впереди показалась глухая кирпичная стена.

— Тупик! — заорал Эверетт.

Сен подскочила вплотную к стене и шлепнула ладонью по выключателю, а потом толкнула Эверетта в сторону. Сверху, из темноты, с грохотом спустилась пожарная лестница.

— Держись крепче, — шепнула Сен.

Голландец надвигался на них.

— Ну, гаденьш, сейчас ты у меня получишь...

Сен ногой выбила щеколду. Вверху раздался лязг металла. Голландец задрал голову и еле успел отпрыгнуть от падающего противовеса. Лестница рывком пошла вверх, унося с собою Сен и Эверетта. Широкое бледное лицо голландца, словно луна, упавшая на землю, быстро уменьшалось, оставаясь далеко позади.

— Прыгай! — крикнула Сен и сама спрыгнула в темноту.

— Но...

Некогда рассуждать! Оттолкнувшись от лестницы, Эверетт тяжело приземлился на невидимую снизу галерейку, идущую вдоль стены здания по правой стороне переулочка.

— Ой!

Эверетт оцарапал коленки и ладони о железную сетку пола. Сен уже умчалась далеко вперед — она словно летела вдоль стены. Не сбавляя шага, она стала подниматься по зигзагообразной лестнице на крышу. Эверетт понесся следом и на самом верху остановился как вкопанный. Прямо над головой — так близко, что, кажется, можно рукой достать — парили в воздухе огромные грузовые дирижабли. Эверетт, медленно поворачиваясь кругом, читал названия и девизы, рассматривал гербы и другие изображения. Чего только не рисовали на корпусе: популярных актеров, драконов и виверн, ангелов, и демонов, и богов, и всевозможные мифологические создания.

— Эй! Не стой столбом! Иддлер всегда посылает своих уродов по двое, потому что они совсем тупые, в одиночку даже собственную задницу не найдут!

Эверетт с трудом оторвался от чудесного зрелища.

— Насмотришься еще. — Сен вдруг заметила кровь у него на запястьях. — О-о, бедные твои руки! Хочешь, поцелую, чтобы не было бо-бо?

Эверетт поспешно спрятал руки под мышками.

— Так что, правда это? — спросила Сен.

— О чем?

— Что ты оми-полоне. Если да, то ничего страшного. Я таких много знаю.

— Я же сказал, мне нравятся девочки.

— Ты сказал: в общем. Может, ты бишный? Тоже ничего такого.

— Мне нравятся девочки, ясно? — сказал Эверетт. — А ты правда подглядывала, когда я мылся?

— Может быть.

— Это нехорошо. Нельзя нарушать личное пространство.

— Оми, на дирижабле нет личного пространства. И воду надо экономить. Надо же мне было проверить, может, ты ее там зря льешь. — Сен улыбнулась. — А ты мускулистый, хоть и возишься с компутаторами.

— Я еще в футбол играю.

— Да ну? Кем?

— Вратарем.

— А-а, тот, другой футбол.

— А какой еще бывает?

— Ну, регби. Вот это мужская игра! А в футбол играют пиджоны и фрутти-мальчики, ага?

— В моем мире — ничего подобного. У нас футбол — игра для пиджонов, в которую играют реальные пацаны, а регби — игра для крутых пацанов, в которую играют пиджоны.

— Не нравится мне твой мир, Эверетт Сингх. Все вы там хлюпки. Ладно, мальчик-зайчик, давай за мной. Не отстань, смотри!

Она побежала по крыше ровными размашистыми скачками. Эверетт не отставал. Он легко поймал ритм. Вверх до конька крыши, вниз по скату с другой стороны, пригибаясь под проводами, сыплющими искры, мимо дымовых труб и вентиляционных отверстий, из которых несло чесноком, имбирем и жареной рыбой. Между кровлями через переулок были переброшены шаткие деревянные мостики. Сен, выросшая в трехмерном мире дирижаблей, где вверх и вниз двигаешься так же естественно, как вправо и влево, перебегала через них, не замедляя шага. Эверетт посмотрел под ноги. Далеко внизу виднелись полотняные навесы и зонтики над прилавками уличного рынка на Морнинг-лейн. Шляпы, макушки... Голову повело, и тут его за руку втащили на очередную крышу.

— Правило первое: не смотри вниз, — сказала Сен. — Пусть ноги сами тебя несут.

Через два квартала им встретился провал между крышами в том месте, где мостик прогнул и развалился.

— Осилишь?

Эверетт прикинул расстояние, вес рюкзака, незнакомую обувь. Два экзамена он уже сдал: в магазинчике «Бона шмотка», когда позволил Сен и доне Мириам одеть его по своему вкусу, и во время погони, когда поверил Сен, что она выведет их из тупика.

— Наверное.

— Бона. Главное, помни...

— Вниз не смотреть.

Сен, словно в замедленной съемке, взлетела над провалом и приземлилась ловко, как мартышка. Настала очередь Эверетта. Крутая крыша не позволяла как следует разбежаться. А если оступишься...

— Пусть ноги сами несут, — пробормотал Эверетт.

Четыре шага. «Доктор Квантум» вовсю колотил его по спине. Эверетт оттолкнулся от края и рванулся вверх. Приземлился он жестко, цепляясь руками и ногами за скользкую крышу. Снизу послышался разъяренный голос уличного торговца, которому падающая черепица порвала навес и попортила товар.

— Неплохо, — сказала Сен.

— Далеко еще? — пропыхтел Эверетт.

— Не. Видишь вон там лестницу? По ней спустимся к Даунз-Арчиз, и мы дома.

Железная лестница зигзагами лепилась к кирпичной стене какого-то склада. Надпись двухметровыми буквами «Овсяные хлопья Бордена» выцвела за долгие годы лондонских дождей. Над улицей проходила линия надземки, с лестницы можно было попасть на платформу, но Сен повела Эверетта дальше. С рельсов капала вода. Над головой прогремел поезд. Сен открыла незаметную калитку, и оттуда им навстречу шагнул человек.

— Ну здравствуйте, — проговорил утробный голос.

Эверетт узнал этого человека — он был вчера с голландцем. Сен напряглась, как будто готовилась боднуть противника головой в живот. Утробный тип, разгадав ее намерение, прищелкнул языком. Его рука дернулась, в ней появился жуткого вида черный пистолет.

— Оп-ля! — произнес другой голос откуда-то сверху.

На платформе надземки, облокотившись о перила, стоял голландец, слегка запыхавшийся, но улыбающийся.

— Надо понимать, ты не передала капитану, о чем тебя просили по-хорошему? — прохрипел Утробный тип. В легких у него kloкотало и булькало. — Ай-яй-яй, непрофессионально это и даже очень невежливо: ты, видно, совсем нашего босса не уважаешь, если его важные сообщения не передаешь. Придется объяснить понятней. Ты, полоне, пойдешь с нами, а ты, оми, скажи капитану Сиксмит: если она хочет снова увидеть любимую доченьку, пусть приходит поговорить к «Рыцарям». И поскорей, а то, глядишь, мы начнем проценты взимать, понял? Ножичком.

— Тронешь меня — сдохнешь! — выплонула Сен.

— «И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали

Мне», — провозгласил новый голос, протяжно выговаривая слова на манер проповедника из южных Штатов.

Утробный тип обернулся. За спиной у него, возникнув неведомо откуда, стоял Шарки, так близко, что от его дыхания шевелились волосы на затылке громилы. Американец отступил на шаг, взметнулись полы плаща, и в хитроумных потайных кармашках блеснул металл. Руки Шарки двигались быстрее мысли. В обеих вдруг оказалось по дробовику с укороченным дулом и рукояткой из слоновой кости. Он движением ствола показал Утробному, чтобы тот отошел в сторону. Утробный скосил глаза на свой пистолет. Шарки укоризненно прищелкнул языком.

— «Поистине, не требует премудрости муж скудоумен».

Он прицелился в голову Утробного типа из обоих обрезов. Утробный сдвинулся в сторону, освобождая проход к калитке. Сен и Эверетт сбежали по лестнице к Шарки.

— А теперь положите оружие, сэр. На ступенечку.

Утробный, подцепив пистолет за спусковую скобу, медленно наклонился и положил его на металлическую ступеньку, не отрывая взгляда от Шарки с дробовиками.

— Отлично, отойдите.

Шарки вздернул вверх один из дробовиков, целясь в голландца на платформе — второй ствол по-прежнему смотрел прямо в лицо Утробному типу.

— Мисс Сен, окажите любезность...

Сен быстро схватила жуткий черный пистолет. С оружием она обращалась очень уверенно. Расстегнув куртку, она сунула пистолет за пазуху и снова застегнулась на все пуговицы, как оно и следует по декабрьской погоде.

— Благодарю вас, джентльмены! — крикнул Шарки. — Более к вам дел не имею. Всего наилучшего!

Он коснулся полей своей шляпы дулом обреза.

— Смотри, доиграешься, со своим выпендрёжным акцентом и со своими библейскими цитатами! Твоя капитанша нам должна. И ты нам должен.

— «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий», — отвечал нараспев Шарки.

Но короткостволки убрал, только когда они добрались до конца переулка, где толпа была гуще.

— Вы всегда носите под плащом два дробовика? — спросил Эверетт.

Он переночевал на дирижабле, совершил прыжок через портал Гейзенберга, странствовал по незнакомому параллельному Лондону, удирал от Шарлотты Вильерс и ее головорезов, но все это меркло по сравнению с такой крутизной.

— Постоянно, сэр. «Потому что дни лукавы. Берегитесь каждый своего друга, и не доверяйте ни одному из своих братьев; ибо всякий брат ставит преткновение другому, и всякий друг разносит клеветы. Я избавлю тебя, и ты не падешь от меча, и душа твоя останется у тебя вместо добычи, потому что ты на Меня возложил упование, сказал Господь».

— Вы всю Библию наизусть знаете? — спросил Эверетт.

— До последней строчки, — вмешалась Сен. — Особенно Ветхий Завет — он такой звучный.

— «Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей», — продекламировал Шарки. — «Выслушайте слово Господа, трепещущие пред словом Его». Псалом 118, стих 105, и Книга пророка Исайи, глава 66, стих 5. Нас не представили друг другу как полагается, сэр. Предыдущая наша встреча, к сожалению, прошла не совсем гладко. Я — Майлз О'Рейли Лафайет Шарки, гражданин Конфедерации Американских Штатов, мастер-весовщик, солдат удачи, авантюрист и джентльмен. Атланта — моя родина, царство небесное — мое упование.

Шарки широким жестом сорвал с головы шляпу. В его длинных волосах серебрились седые пряди, хотя ему было едва ли больше тридцати пяти. Эверетт решительно пожал протянутую руку.

— Эверетт Сингх, сэр. — Манера Шарки оказалась заразной. — Вратарь, математик, путешественник, странник между мирами.

Майлз О'Рейли Лафайет Шарки приподнял левую бровь ровно на миллиметр и поклонился.

— Весьма польщен, сэр.

Подъемный трос возносил Эверетта к внутренним органам «Эвернесс». Внизу, на грузовой палубе, Шарки обсуждал с подрядчиком вопрос о перевозке партии контейнеров в Санкт-Петербург. Вверху, подобно тучам, нависали наполненные газом шары, а еще Сен, уцепившаяся за тот же трос, устремлялась ввысь легко и грациозно, словно ангел. Она посмотрела на Эверетта и улыбнулась. Мыслить в трех измерениях нетрудно, — Инфундибулум требует работы с координатами в семимерном пространстве, — а вот жить в трех измерениях, особенно внутри громадного дирижабля, куда как сложнее. Эверетт понемногу привыкал, и для него уже кратчайший путь между двумя точками часто шел не в обход, а напрямик через пустоту. Он представлял себе, что защищает футбольные ворота размером с океанский лайнер.

Сен спрыгнула на центральный мостик. Эверетт последовал за ней.

Она обещала показать ему корабль перед взвешиванием — вот уже второй раз он слышал это слегка пугающее выражение. Вначале они обошли помещения для команды: «Ну, камбуз ты уже знаешь, капитанскую каюту уже видел». Сен продемонстрировала Эверетту отведенную ему крошечную каюту, — на аэриш это называлось лэтти, — помогла повесить гамак и научила, как в нем устроиться, чтобы гамак не переворачивался. Позволила даже заглянуть в ее собственную лэтти. У Эверетта осталось общее впечатление баночек и тюбиков с косметикой, занимающих все свободные поверхности, разбросанного нижнего белья (ужасно маленького) и постеров с раздетыми до пояса регбистами.

Затем осмотрели сердце корабля — рубку. Она оказалась меньше, чем ожидал Эверетт. Когда все члены команды занимают свои места, там должно быть довольно тесно. Зато вид из обзорного окна во всю стену открывался потрясающий: зимний день в порту, по золотому и лиловому декабрьскому небу медленно проплывают дирижабли, а над горизонтом поднимаются столбы дыма и пара. Эверетт мельком заметил всевозможные приборы: штурвал, колонки управления

горизонтальным и вертикальным рулями, рычаги, управляющие тросами и балластными помпами, нактоуз. За увеличительными стеклами светились экраны компьютеров. На мониторах видеонаблюдения постоянно отображалось, что происходит на любом участке «Эвернесс», внутри и снаружи.

Затем по винтовой лестнице, иногда сгибаясь вдвое, Сен и Эверетт спустились под грузовую палубу к батареям — те стояли рядами так близко друг к другу, что между ними трудно было протиснуться. Батареи были теплые, они негромко гудели, и от них шел волнующий пряный запах электричества. Двигатели «Эвернесс», как и у всех дирижаблей этого класса, работали на электричестве. Здесь, в порту, она подзаряжалась от общей сети, однако при необходимости могла подключаться к любому доступному источнику электроэнергии.

— Если совсем припрет, можно даже заряжаться от грозы, — объяснила Сен. — Правда, с этим все непросто. Чуть ошибешься, и...

Она не договорила и неожиданно смутилась, как будто сказала лишнее.

Эверетт попробовал прикинуть запас энергии, хранящейся в батареях. Здешняя технология обогнала Землю-10 на несколько десятилетий. Батареи, судя по виду, изготавливались из того же карбо волокна, что и обшивка корабля, внутренний корпус и оболочки шаров с газом. Зато компьютеры — нет, компутаторы — такие, какими могли бы они быть в Викторианскую эпоху. Разные миры, разные технологии.

— Теперь идем, покажу тебе ЦТ, — сказала Сен.

— Центр тяжести, — отозвался Эверетт, думая вслух. — Ну конечно, груз и балласт должны равномерно распределяться вокруг центра тяжести, чтобы не разбалансировать корабль.

— Очень умный, да?

— Спасибо, — ответил Эверетт.

Его новые сапоги лязгали о поверхность мостика, сделанного из тонкой, как паутинка, нанокарбоновой сетки. Его вдруг осенило: дирижабль — живой организм. Он, Эверетт, находится внутри громадной машины-кита.

— Расскажи про мистера Шарки.

— А что рассказывать? Он у нас старший помощник и мастер-весовщик.

— Я к тому, что пистолеты у него шикарные.

— Классные, правда? Он тебя очаровал, скажи? Он У нас обаятельный. Этакий южный аристократ, и манеры у него, всегда «сэр» и «мэм», а потом еще как подпустит цитат из Ветхого Завета, и готово — все вокруг валяются, задрав лапки кверху, и просят почесать им пузико. Мастер-весовщик, солдат удачи, авантюрист и джентльмен. Ага, как же! И зовут его совсем не Майлз О'Рейли Лафайет Шарки. И никакой он не джентльмен на самом-то деле. Ну да, Майлз Шарки. Папаша его был преподобный Джаспер Шарки, проповедник и торговец библиями. Со своей передвижной лавочкой объехал Джорджию и все Южные Штаты — поэтому наш Шарки так хорошо знает Слово Всевышнего. А Лафайета и О'Рейли он сам потом добавил. В тех краях легче пробиться, если ты — джентльмен. Шарки всем рассказывает, что застрелил родного отца на дуэли за то, что он ударил по лицу его мать на городском балу в Атланте. А я думаю, он и впрямь пришиб своего старикана, только не из-за любимой мамочки. Небось, старый хрыч накачался мятного джулепа и слишком стал умничать. А Шарки у нас не любит, когда кто-нибудь кажется умнее его. Чуть не весь свет объездил: был и мошенником, и долги выколачивал, и картинами торговал, и ловцом жемчуга был, и телохранителем, барменом и дипломатом. Так он нам говорил, когда мы его подобрали в Константинополе. Нарассказал, будто работал на царскую Россию против Османской империи и на Османскую империю против царской России. По крайней мере, он умел оформить фрахт и торговался как никто. В седьмом году дело было, я тогда была совсем маленькая. Шарки, он хороший, я его люблю, но он уж очень хочет, чтобы его все любили, а это не всегда хорошо.

— В моем мире Османская империя распалась сто лет назад. И Америка у нас одна: Соединенные Штаты.

— Фу, скущица! У нас их три. Есть Конфедерация Американских Штатов, там Шарки родился. Они богато живут. Понимаешь, там сплошь земельные угодья. Никто еще не разорился, покупая землю. Сейчас они выращивают эти, как их, генномодифицированные продукты, и деньги гребут лопатой. Вывели даже какие-то особенные бобы, из которых добывают масло, вроде вашей нефти. Жидкое

топливо. Говорят, из этого выйдет научно-техническая революция. А я думаю, мы слишком далеко ушли в другую сторону, повернуть уже не получится. Все равно как с дирижаблем: для разворота нужен долгий разбег и много свободного пространства. А в Атланте красиво — целая стена из небоскребов, сплошь стекло, и все сверкает в лучах восходящего солнца. Еще есть Соединенные Штаты — это, наверное, как у вас. Они не признают Конфедерацию. Считают, что только они — настоящая Америка. Говорят, они первые и лучшие. Слушай, сто шестьдесят лет прошло, сколько уже можно вспоминать? А по ту сторону Скалистых гор — Амексика. Откололась от Мексики в прошлую гражданскую войну. Вот у них красота! Лос-Анджелес, асьенды, апельсиновые плантации, бассейны и так далее. Я бы там хоть на всю жизнь осталась! Люблю погреться на солнышке. Да, чуть не забыла, есть еще четвертая — Канада.

Сен притопнула ногой, указывая носком сапожка какую-то точку на мостике. Эверетт увидел вделанный в решетку стальной медальон с изображением трех пересекающихся треугольников.

— Центр тяжести, — сказал он, осматриваясь.

Все элементы корпуса, все балки и поперечины словно сходились к этому центру, уравниваясь в одной точке. Эверетт потрогал кружок металла. Ему казалось, что он может удержать весь дирижабль на указательном пальце.

— Подумаешь, ничего особенного, — сказала Сен. — Вот снаружи посмотри!

Она пошла направо по поперечному мостику. Идти приходилось между шарами с газом, упакованными в сетку из карбо волокна.

— А кто такой Иддлер? — спросил Эверетт и прибавил, вспомнив, как Сен ответила в прошлый раз: — Только не надо мне опять дурацких стишков!

— А чем тебе стишок не понравился? Я его сама сочинила.

Все сказанное ею неизменно содержало вопрос или вызов. Это бесило и завораживало.

— Может, просто ответишь?

Сен сжалась над ним.

— Ну, знаешь, везде найдется такой жирный наглый тип, который не то чтобы всем командует, — тогда он слишком бросался бы в глаза, — а так, знает нужных людей, умеет все уладить. А в нашем

деле рано или поздно обязательно случается такое, что нужно улаживать. Анни мне многое рассказывает, о чем ни одной живой душе не сказала бы, даже Шарки. Ну вот, было время, сразу после того, как мы получили этот корабль, и у нее не хватило денег выплатить все налоги. Новый капитан, а кораблик-то бона: ясно дело, банк соглашался дать кредит только под залог «Эвернесс» без права выкупа. Тогда Анни пошла к Иддлеру, и он все уладил. Раз — и все в порядке. Только теперь она должна уже ему, а не банку. Ну и вот, время от времени — не очень часто — он просит ее принять на борт небольшой груз. Специфический такой, и выгружать его надо не в нормальном порту, а где-нибудь в незаметном месте. «Эвернесс» хоть и большая, а я ее могу посадить с точностью до волоска.

— И все бы ничего, но два месяца назад пришли иддлеровские уроды и попросили отвезти груз в Санкт-Петербург. Им же не откажешь, вот она и согласилась, а над Рюгеном нас окликнули с катера дойчландской таможни. Велели остановиться и бросить якорь. А груз, мягко говоря, немаленький. Если таможенники поднимутся на борт, заметят сразу. Удирать нельзя, отстреливаться — тем более. Анни мне и приказала править к Балтийскому морю, будто мы не расслышали. Они уже в третий раз окликают, заходят сверху, чтобы нас к земле прижать, а мы шасть — и над морем, и груз выбросили в воду. Ах, извините, майн капитан, ужасные помехи! Мы, конечно, рады исполнить приказ. Приземлились в Штральзунде, эти поднялись на борт, а у нас все чисто, не подкопаешься.

— Одна беда — не любит Иддлер терять грузы. Требуется компенсации. Наличными. А капитан у нас не из богатой семьи, не то что Галлачелли или хоть Бромли. У этих есть родня с толстыми кошельками, а у нас — ничего, кроме нас самих и «Эвернесс». Тут проблема с кругооборотом денежных масс, так Шарки говорит. Надо, чтобы динари поступали быстрее, чем убывают, а у нас почему-то чаще получается наоборот. Вот Иддлер и прислал своих уродов напомнить про должок.

— Они бы правда стали тебя резать?

— Эти хлюпики? Попробовали бы только! Смотри, Эверетт Сингх, тебе сегодня везет!

Мостик привел их к люку в обшивке дирижабля. Сен выглянула наружу и помахала кому-то невидимому, а потом покрутила какую-то

рукоятку, и крышка люка на кронштейнах открылась внутрь.

— Идем, Эверетт Сингх!

Эверетт вышел на балкончик, изящный и хрупкий, словно паутинный кокон. Преодолев искушение, он посмотрел не вниз, а вперед. В сотне метров от них, носом к причалу, парила в воздухе соседка «Эвернесс». На ее борту — как узнал Эверетт, дирижабли обычно называли в женском роде — виднелся герб в виде трех золотых корон на голубом поле и название: «Леонора-Кристина». Там шла разгрузка; поддоны и контейнеры с грузом спускали на таях из трюма в заботливо подставленные клешни электропогрузчиков. С неба исчезли последние шустрые облачка, ветер утих, воздух был неподвижен и совершенно прозрачен. Дым из неизменных труб шел прямо вверх — словно забор по окружности Лондона. Эверетта пробрал холодок — предвестник зимних морозов. До Рождества оставалось всего шесть дней.

Затем Эверетт посмотрел вдоль дирижабля. Балкончик находился точно посередине. Справа Эверетт увидел гондолы носовых двигателей и стабилизаторы. Выпуклость корпуса не позволяла разглядеть окно рубки и иллюминаторы кают команды. Слева находились кормовые пропеллеры и невероятно изящные стабилизаторы хвостового оперения. «„Эвернесс“, красавица!» — подумал Эверетт, покрепче вцепившись в перила. Это все — настоящее.

— Посмотри вверх, — посоветовала Сен со злобредной улыбкой.

Эверетт от неожиданности чуть не кувырнулся с балкончика, увидев буквально в нескольких сантиметрах от своего лица ухмыляющуюся физиономию Макхинлита. Механик стоял прямо на корпусе дирижабля. Рядом с ним был отогнут квадратный кусок обшивки, примерно метр на метр. Поверх мешковатого оранжевого комбинезона Макхинлит надел нечто вроде сбруи, от которой тянулся трос к поручню, идущему вдоль всего корабля.

Под изумленным взглядом Эверетта Макхинлит вновь уложил квадрат обшивки на место, прикрывая оголенные ребра корабля, а потом провел вдоль всех четырех краев каким-то инструментом, с виду похожим на нож. Там, где прикасался нож, разрез словно срастался, и оболочка становилась целой. Макхинлит заметил под собой Сен и

Эверетта, улыбнулся им и, вытравив трос, легко спрыгнул на балкончик.

— Как вы это сделали? — спросил Эверетт. — Я про обшивку, она же из нанокарбона!

Макхинлит показал ему загадочный инструмент. Это и в самом деле был нож странной искривленной формы. Лезвие по краю казалось чуть размытым, как воздух над дорогой в жару.

— Резак для оболочки, — сказал Макхинлит, любуясь ножом. — Нанокарбон только нанотехнологиями одолеть можно. Хочешь — режет, а хочешь — сшивает, загляденье!

Сложив нож, он сунул его в один из множества карманов.

— Ну как мы, на уровне? — спросила Сен.

— А то! Наша ласточка — лучший корабль в этом городе, считая и вон ту замечательную шведскую пташку, — объявил Макхинлит, отцепляя трос от сбруи.

Говорил он так тихо и с таким сильным акцентом, что Эверетту приходилось напрягаться, чтобы разобрать слова.

— Ну что, готов к взвешиванию?

— Что все только об этом и говорят? Мне уже не по себе становится.

— Да ладно, не трусь! Это же так только, для проформы. — Макхинлит дернул за трос, и высоко наверху заработала лебедка, сматывая снасть, а свою сбрую Макхинлит, выпутавшись из нее, бросил куда-то через плечо. — Пошли, сынок.

На грузовой палубе Эверетт и в самом деле увидел весы, самые настоящие. Два метра высотой, два метра шириной, деревянные, с медными чашками, вроде тех, что держит в руках фигура Правосудия на здании суда Олд-Бейли. На одной чашке весов стояло старомодное кожаное кресло, такое древнее, что кое-где конский волос вылезал через дырки в обивке. На другой чашке стоял противовес — большущий стеклянный цилиндр. Над цилиндром был кран вроде водопроводного, а от крана тянулся шланг, исчезая между контейнерами. Вся команда «Эвернесс» была в сборе — ровно четыре человека. Шарки стоял у весов.

— Прошу садиться, сэр!

Эверетт осторожно забрался в кресло. Чашки весов были заблокированы, так что кресло под ним подалось всего на несколько

миллиметров. Ноги Эверетта болтались в воздухе.

— Минуточку, мистер Шарки! — Капитан Анастасия протянула руку. — Мистер Сингх, вашу торбу, пожалуйста.

Эверетт нехотя отдал ей «Доктора Квантума».

— Все члены команды обязаны взвеситься для точного определения массы тела. Таковы правила. Мистер Шарки!

Шарки повернул рычаг, весы звякнули, и подошвы Эверетта ударились о палубу.

— «Ты взвешен на весах», — злоеце возгласил Шарки и открыл кран.

Из крана в стеклянный цилиндр полилась вода. В тишине слышно было только, как она булькает и плещется в цилиндре. Все лица были очень серьезны. Эверетт почувствовал, что его ноги снова отрываются от палубы. Чашка весов взмыла в воздух, покачалась вверх-вниз, пока Шарки регулировал струю воды из крана, а потом замерла в неподвижности.

— Каков результат, мастер-весовщик? — спросила капитан Анастасия.

Шарки повел пальцем по шкале весов.

— Сто два фунта двенадцать унций балласта, — объявил он.

Раздались аплодисменты. До Эверетта наконец-то дошло. Дирижабль — не воздушный шар, он не может нагревать воздух при подъеме и охлаждать при спуске. Вся подъемная сила дирижабля заключена в тех шарах с газом, что удерживает сетка под куполом. В полете «Эвернесс» находится в состоянии нейтральной плавучести: ее масса равна массе вытесненного ею воздуха. Основы физики: при соблюдении этого условия дирижабль не смещается ни вверх, ни вниз. Вначале при помощи двигателей воздушное судно поднимается на нужную высоту, а там зависает так же прочно, как и на стоянке у причала. Каждый грамм массы, поступающий на борт «Эвернесс», влияет на ее плавучесть. Конечно, тринадцатилетний мальчик не может послужить причиной крушения двухсотметрового дирижабля, и все же его вес необходимо учитывать.

— Сбросьте балласт, мистер Шарки.

— Есть, мэм!

Шарки повернул рычажок, и медное дно цилиндра открылось. Вода хлынула через решетку в полу и с журчаньем утекла в трубу.

Чашка весов с креслом, где сидел Эверетт, с размаху хлопнулась на палубу. Он представил себе, как из дирижабля вытекает тоненькая струйка воды — как будто пописала большая собака.

— Добро пожаловать на «Эвернесс», мистер Сингх!

Капитан Анастасия крепко пожала Эверетту руку.

Глаза ее смотрели прямо и твердо.

— Так, а что у нас сегодня на ужин?

Они уже два дня наблюдали за высоткой. В универмаге «Румбольд и Закс», в кафе, нашелся уютный столик на двоих, за колонной, откуда очень удобно было под прикрытием фикусов наблюдать за входом в Тайрон-тауэр. Тебе все видно, а тебя никто не видит. Сиди хоть целый день, смотри и записывай без помех.

— Тебе все еще мало? — жалобно спросила Сен.

Слежка — занятие совсем не в ее духе. Целый день сидеть, не спуская глаз с противоположной стороны улицы, и делать заметки ей было скучно. Она начинала ерзать, озираться вокруг, а иногда и вовсе отправлялась гулять по магазину: «Шмотки у них тут очень даже бона» — или пыталась втянуть Эверетта в разговор, как раз когда он был занят изучением фотографий, которые только что загрузил с мобильного на «Доктора Квантума».

— Что?

— Чаю хочешь, спрашиваю?

— Я только что пил.

— Я знаю. А еще хочешь?

— Нет, спасибо.

Эверетт с утра выпил столько чаю, что казалось, мочевого пузыря уже задубел. Стоп, не пропустил ли он чего-нибудь важного, то и дело бегая в уборную?

— Точно не хочешь?

— Точно.

— А я еще возьму.

— Возьми.

— А булочку хочешь, бижусенькую?

— Нет! — обозлился Эверетт. — Не надо мне бижусенькой булочки!

Сен сейчас же ощетинилась.

— А я возьму венскую слойку! — объявила она и встала, шумно отодвинув стул.

— Извини, Сен...

Прощала Сен так же легко, как обижалась.

— Точно-точно не хочешь булочку?

Не дожидаясь ответа, она отправилась к прилавку самообслуживания.

Все-таки наблюдательный пункт в кафе на третьем этаже был не самый удачный, хоть отсюда и просматривался вход в высотку. Подыскивая место для слежки за штаб-квартирой Пленитуды, Эверетт быстро углядел идеальный вариант: столик в эркере, в чайной на втором этаже. Ближе к улице, можно лучше рассмотреть лица, и ракурс более удачный, и лучше укрыто от посторонних глаз: покупательницы с полными сумками рождественских подарков и перевязанными ленточкой коробками надежно заслоняют сидящих за столиком. Едва Эверетт успел спрятать «Доктора Квантума», положив на него меню, как к ним подошел официант в белоснежном фартуке и с такой же белоснежной салфеткой на согнутой руке.

— Мне, пожалуйста, кофе, — попросил Эверетт. — Суматранский, если можно.

— Мне чаю, — сказала Сен. — И булочки. Вы не принесете сюда вон то большое блюдо?

— Боюсь, не получится, — ответил официант.

— Простите? — удивился Эверетт.

— Боюсь, не получится. На выход, оба.

— Я хочу заказать кофе!

— На выход, — повторил официант, наклонившись поближе, чтобы его не слышали за соседними столиками. — Таких, как вы, не обслуживаем.

— Что? — спросил Эверетт так громко, что на них начали оглядываться дамы, попивающие свой утренний кофе за соседними столиками.

— То есть не обслуживаете аэриш, — уточнила Сен.

— Покиньте помещение, — сказал официант.

— Так же нельзя! — возмутился Эверетт. — Это расизм! Я хочу поговорить с управляющим.

— Не стоит устраивать скандал, — промолвил официант.

Весь персонал чайной, оставив свои рабочие места, выстроился полукругом в полной готовности прийти на помощь коллеге. Среди них были довольно рослые дядьки. Когда тебя физически

вышвыривают за дверь — это унижительно, а главное, слишком заметно.

— Да называй как хочешь, — сказала Сен. — Я не желаю находиться там, где мне не рады. Пошли отсюда, Эверетт Сингх!

Эверетт сунул «Доктора Квантума» под мышку. Очень хотелось сдернуть со стола скатерть, вывалить на пол серебряный молочник и сахарницу, и вазу с розами, и вилочки-ложечки, украшенные символикой универмага, и опрокинуть аккуратные рождественские елочки с мигающими синими гирляндами. Только это мелкое пакостничество, и ничего этим не добьешься, разве что привлечешь к себе лишнее внимание. И все же по пути к выходу он сторал от унижения и злости, чувствуя, что все на него смотрят. Аэриш!

— Все нормально, это постоянно случается, — сказала Сен, с вызовом тряхнув головой в сторону двух пингвиноподобных официантов в дверях.

— Это ненормально, — выдавил Эверетт сквозь стиснутые зубы.

— Ну, пусть ненормально. Не нам это менять.

— А почему нет? В моем мире изменили.

— Да ну? Молодцы.

— Ты видела его лицо?

— Гаденькие усики.

— У него кожа такого же цвета, как у меня.

— А правда!

Сен искренне удивилась. Она заметила эту деталь, придя утром в кафе, и тут же забыла. «В нашем мире это невозможно», — подумал Эверетт.

— За мной, Эверетт Сингх! На третьем есть кафе-самообслужка. Наверняка оттуда тоже хорошо видно. Им все равно, кто пьет у них чай. — Сен гордо выпрямилась и распустила волосы. — Может, я и отребье, зато первоклассное отребье!

Так и вышло, что Сен с Эвереттом уже два дня занимали столик за колонной в кафе на третьем этаже, и ни одна живая душа их не тревожила — только официантка подходила каждый час унести грязную посуду и робот-уборщик, похожий на помесь крысы и трилобита, шустро пробежал под столом, подеда крошки. Впрочем, робот механический, его нельзя считать живой душой.

Сен поставила на стол чайную чашку и тарелочку с двумя венскими слойками.

— Я для тебя тоже взяла, на всякий случай.

Она шумно отхлебнула чай, потом съела бледную рассыпчатую слойку, держа ее обеими руками, и вытерла рот. Эверетт в жизни не встречал такой сладкоежки. В прошедшие три дня он еле успевал готовить для Сен индийские сладости.

Она посмотрела на оставшуюся слойку.

— Будешь?

Эверетт мотнул головой.

— Вроде мы наснимали почти достаточно.

Он вывел на экран планшетника только что загруженные фотографии. Номер первый: Шарлотта Вильерс, десять снимков за два дня и сегодняшнее утро. Блондинка-суперзвезда одевалась по-зимнему: меховые боа, меховые шапки, теплые пальто и перчатки. Эверетт запустил вывод изображений в режиме слайд-шоу.

— Это Шарлотта Вильерс. Знаешь ее?

— Шляпка бона, — заметила Сен.

— Она — пленипотенциар Земли-3 в нашем мире. Я думаю, это по ее приказу похитили моего папу. Она хочет забрать Инфундибулум. Она умная, очень умная. Только взглянула на «Доктора Квантума» и практически сразу все поняла. Только она, скорее всего, действует не сама по себе. Колетта говорила, что папа думал, в Пленитуде есть целая группа, у которой имеется какой-то особый план. Я пока не знаю, кто они и что им нужно, но вместе с Шарлоттой Вильерс я встретил еще одного человека. Вот он.

Эверетт вывел на экран фотографию, на которой Ибрим Ходж Керрим вылезал из роскошного черного электромобиля. В руке он держал кожаный портфель, на его тюрбане сверкал изысканный драгоценный камень, а лицо было усталое и встревоженное. Дверцу машины придерживал то ли адъютант, то ли секретарь, одетый по моде Земли-3.

— Это Ибрим Ходж Керрим, пленипотенциар Земли-2 в моей вселенной. Я не думаю, что они заодно. Не знаю, почему — просто чувствую, что ему можно доверять.

Эверетт вызвал изображение светловолосого человека в обычном с виду деловом костюме.

— Не знаю, кто это.

Сен нахмурилась.

— Может, он из твоего мира, или с Земли-4, или с Земли-8. Или еще откуда-нибудь. Не везде так хорошо одеваются, как у нас.

— А вот посмотри! — Эверетт открыл изображение Шарлотты Вильерс и поместил его рядом с фотографией неизвестного. — Убери волосы и шляпу. Тебе не кажется, что они похожи?

Сен всмотрелась в экран.

— Вроде того.

— Вроде? Да они как близнецы! Нет, гораздо ближе. Я думаю, он — это она, только из другой вселенной. Или она — это он. Или они оба — разные варианты одного и того же человека.

Сен еще раз посмотрела на снимки и брезгливо скривила губы.

— Не...

— Почему нет?

— Неправильно это. Если они встретятся — разве не будет, типа, взрыв?

— Да нет, с чего бы? Очень может быть, что в этом мире и я где-нибудь есть.

— В Хакни? В Стоуки? Я бы знала, Эверетт Сингх!

Эверетт открыл еще четыре фотографии и расположил их в кружок. Двое мужчин, две женщины.

— Эти люди чаще всего входили и выходили — столько же раз, как Шарлотта Вильерс и Шарль Вильерс.

— Это его имя?

— Я его так называю. По-моему, эти шестеро работают вместе. Они и организовали папино похищение.

— Замечательно, — сказала Сен без особой убежденности. — И что?

— А то, что начинаем второй этап операции. Тут дело немножко сложнее. Мне нужно осмотреть здание изнутри.

— Эверетт Сингх, тебе туда нельзя! Тебя там знают, эта пафосная палоне отправила своих кяппов тебя искать, а ты вдругходишь через парадную дверь: здрасьте! Оглянуться не успеешь, как окажешься вместе со своим папочкой.

— Я утром взял в библиотеке планы всех этажей.

— А, так вот чем ты занимался.

После их изгнания из чайной Эверетт понял, отчего библиотекарша на него косилась — куда суровей, чем в тот первый вечер. Эверетт вырос в многонациональном Хакни, где царило смешение разных культур, и не привык к предрассудкам, с которыми здесь относились к аэриш. Он зашел в отдел архитектуры и вызвал базу данных по лондонским зданиям. Сен пока листала модные журналы, качалась на стуле и напевала себе под нос — достаточно громко, чтобы отвлекать на себя внимание, но не настолько, чтобы их выгнали. Эверетт сфотографировал планы всех этажей Тайрон-тауэр. Громадная высотка в готическом стиле, вонзившаяся в самое сердце Блумсбери, была построена всего двадцать лет назад. На Земле-3 любили богов и химер.

Эверетт убрал с экрана группу заговорщиков и вывел планы вражеской штаб-квартиры. Собрал их в стопочку, один поверх другого, открыл программу работы с изображениями и убрал белый фон, оставив только тонкие линии чертежей: Тайрон-тауэр в разрезе.

— Бона! — оценила Сен.

Еще несколько преобразований, и на экране оказалась трехмерная модель башни. Эверетт коснулся экрана пальцем и помчался по лабиринту схематических коридоров.

— Проблема в том, что...

— Это просто красивые картинки, — сказала Сен. — Мы не знаем, что там на самом деле. Может, вот в этой комнате у них спрятан портал Эйн... Гейзенберга, а может, просто тубзик.

— Поэтому мне и нужно самому посмотреть...

Эверетт вздрогнул от удивления — Сен приложила ему палец к губам.

— Ш-ш, Эверетт Сингх! Посмотреть ему нужно... Я пойду.

— Но ты же...

— Что я, Эверетт Сингх? — Сен умела взглянуть из-под копны белоснежных волос, наклонив голову к плечу и криво улыбаясь, так что слова превращались в бронебойные снаряды. Она была просто неотразима. — Хочешь сказать, аэриш туда не пустят? — Она хлопнула по своей кожаной сумке, которую называла торбой. — Посылка для мистера Тумджамфлипа! Мы постоянно выполняем такие поручения — курьерская служба, возим документы, органы для

больниц. Я буду не первая из наших в этой высотке. Между прочим, нас многие ценят. Спецдоставка! Распишитесь, пожалуйста.

— А если тебя поймают?

— Эверетт Сингх, ну откуда им меня знать?

— Мне нужны фотографии.

— Поделись своей иномирной техникой.

Эверетт открыл мобильник, настроил блютус и камеру. Сен взяла телефон, как будто это живое существо, которое может умереть, если она его уронит.

— Снимки будут сразу пересылаться мне по радиоканалу. Лучше всего включить его, как только войдешь в здание, и пусть работает.

Сен пристегнула телефон к ремню торбы.

— Не слишком на виду? — спросил Эверетт.

— Лучше, чем размахивать им направо и налево. Не забывай, Эверетт Сингх, здесь таких штуквин в глаза не видели. Никто на него и не посмотрит. А мне на что надо смотреть?

— Ищи вот этого человека.

Эверетт пододвинул к Сен «Доктора Квантума». На снимке они с Теджендрой в футболках с символикой любимой команды сидели на Северной трибуне с пирожками в руках. Рты у обоих были раскрыты перед тем, как откусить очередной кусок. Насколько помнил Эверетт, Винни откусил от своего пирожка только после того, как «Шпоры» выиграли у миланского «Интера» в Лиге чемпионов со счетом 3:1. Неожиданно защемило в глазах и горло перехватило.

— В общем, на все смотри. Постарайся пройти как можно дальше.

— Я умею убеждать, — сказала Сен. — Ох, интересно как, прямо дрожь пробирает! Ладно, я пошла.

И все же она медлила. «Тебе страшно, — подумал Эверетт. — Ты вызвалась пойти, потому что ты из тех, кто всегда бросается первым, а теперь вдруг поняла, что это не игра, не погоня по крышам, и Шарки не явятся со своими дробовиками тебя спасать, если что. Ты одна и боишься. Но это ничего. Тут любой испугался бы».

— Эверетт Сингх, выбери карту!

Она разложила карты веером. Эверетт вытянул одну. Сен перевернула ее рубашкой вниз. На рисунке старик на костылях готовился пройти через калитку в каменной стене, ведущую в темноту.

— Врата смерти... Очаровательно!

— Может быть, там не смерть, — сказал Эверетт. — Может, это дверь в другую вселенную.

— Поцелуй меня на удачу, Эверетт Сингх!

Сен выжидательно наклонилась вперед. Эверетт робко коснулся губами ее щеки. Ее нелепые, чудесные волосы лезли в глаза. Кожа у нее была горячая. Что за духи такие, почему они так много разного ему напоминают?

— Вот и ладно, Эверетт Сингх.

Сен исчезла. Эверетт снова уселся за столик у окна и налил себе остывшего кофе. В этой вселенной не умеют делать хороший кофе. Эверетт проверил заряд батареи у планшета — пока нормально. Открыл блютус — ничего. Рано еще. За окном прохожие и машины спешили мимо пугающе величественного входа в Тайрон-тауэр. После ветра и дождя в Лондоне установилась ясная холодная погода. Покупатели, выходящие из универмага с сумками и свертками, явно радовались морозцу. Настоящая рождественская погода! Раскрасневшиеся лица, пар от дыхания, поднятые воротники и туго затянутые шарфы.

Эверетт смотрел на все это сверху, издалека, и вдруг почувствовал ком в груди, здоровенный и твердый, как кулак. словно вся жизнь полетела под откос. Эверетт не сразу нашел название этой отравы: одиночество. Ему полагалось встречать Рождество в иной вселенной. Он сейчас должен бы набивать покупками багажник на стоянке возле торгового центра «Брент-Кросс», веселиться на школьной дискотеке, готовить подарок для папы — что там на сайте Divorcedads.com советуют дарить папам на первое после развода Рождество? Эверетт попытался представить, как мама и Виктория-Роуз встречают праздник без него — и не смог. Они не смогут. Он убил Рождество. Сначала папа, а потом Эверетт, оба исчезли без единого слова. Он не подумал о тех, кого оставляет. Все мысли были только о своем безумном плане, самом разумном из всего, что приходило в голову. Эверетт мечтал о той минуте, когда снова соберет всю семью где-нибудь в безопасном месте, и не подумал о других минутах: когда он не придет домой из школы, когда мама станет звонить ему на мобильник и отправлять эсэмэски, а потом еще и еще, а потом обзванивать его школьных друзей, потом родню и в последнюю очередь — полицию. И снова она

будет в полицейском участке писать заявление о пропавшем человеке, и снова Ли-Леанна-Леона с Усатым Миллиганом явятся к ней на кухню, пить ее чай, поедать ее гренки и выражать ей сочувствие. Эверетт не представлял себе ее, одинокую, испуганную, как она плачет и не может понять, что случилось и кто пропадет следующим.

Он подумал об этом только сейчас, и словно ледяная рука в железной перчатке вырвала ему сердце.

— Прости меня, — прошептал Эверетт.

Краем глаза он заметил движение за окном: Сен, как всегда, ни с чем не считаясь, бросилась через дорогу наперерез идущему транспорту. Вот она поднимается по ступенькам ко входу между каменными львами и колоннами, поддерживающими портик — такой просторный, что там в футбол играть можно. Вот дотрагивается до крохотного приборчика, прицепленного к ремню сумки через плечо. «Не оглядывайся! — мысленно приказал ей Эверетт. — Ты же умница, не оглядывайся!»

Сен прошла через тяжелые вертящиеся двери. На столике ожил «Доктор Квантум». Картинка с примитивной камеры была зернистая, движения на экране — дерганные из-за медленной связи по блютузу. Изображение покачивалось в такт шагам. Время от времени в кадр попадали случайные прохожие — камеры в мобильных, как правило, широкоугольные. Вестибюль казался необъятным.

«Остановись на минутку, пожалуйста!» — подумал Эверетт, глядя в экран.

Сен остановилась, как будто услышала. Начала медленно поворачиваться кругом. Эверетт делал скриншоты. Вестибюль в штаб-квартире Пленитуды поистине эпическими пропорциями напоминал постройки древних: Карнак, Петра, греческий Пантеон, руины Римской империи. Капители колонн не вмещались в кадр, а сами колонны были массивные и высокие, как секвойи. Пол из черного мрамора расстился, подобно безбрежному океану. Вдали виднелись регистрационные стойки. За ними висел транспарант, метров тридцать в ширину — такое же черное, как мрамор, полотнище, и на нем девять серебряных звезд. По одной на каждый мир Пленитуды. «Это вам придется переделать», — подумал Эверетт. Миров-то уже десять.

— Насмотрелся?

Эверетт вздрогнул, услышав голос из динамиков «Доктора Квантума». Видно, Сен сообразила, как включить аудиосвязь.

— Бона полоне! — заорал Эверетт.

Долготерпеливая официантка, убиравшая посуду с соседних столиков, обернулась на его крик.

— Иду дальше.

— Подожди!

Эверетт видел невысокий барьер поперек вестибюля и двух здоровенных охранников в форме. За регистрационными стойками маячил второй ряд охраны. Нельзя рисковать!

Но Сен его не слышала. Изображение снова задержалось — она шла вперед. Секундочку! Эверетт открыл приложение для работы с эсэмэсками и напечатал: «Сен, если получила это сообщение, скажи о'кей». Отправил. Ну заметь! Почувствуй вибрацию на груди, где проходит ремень от сумки. Заметь и посмотри! Он еще раз отправил эсэмэску. «Сен, если получила это сообщение, скажи о'кей». «Сен, если получила это сообщение, скажи о'кей». «Сен, если получила это сообщение, скажи о'кей».

— О'кей.

Есть контакт! И тут Эверетт отвлекся от происходящего в вестибюле, заметив за окном движение. По улице шла длинная вереница детей. Они приблизились ко входу в Тайрон-тауэр и начали подниматься по ступенькам к вращающейся двери. Человек сорок-пятьдесят, идут гуськом, через каждые десять детей — по-взрослому. Все тепло одеты. Очевидно, школьная экскурсия в штаб-квартиру Пленитуды. А почему бы и нет? Эверетт ездил с классом на экскурсии в Парламент и в Гринвичскую обсерваторию. И в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке тоже водят детишек. НАСА демонстрирует школьникам космические ракеты. А тут аналог того и другого: и государственная организация, и достижения науки. Для школьников — не особо интересная поездка. Вот бы увидеть, как кто-нибудь в самом деле отправится через портал Гейзенберга! По крайней мере, не надо торчать на уроках и можно купить карандаши и ластики в сувенирной лавочке. А для Эверетта это шанс.

Он набрал сообщение:

«Идет большая толпа школьников».

— Вижу, — ответила Сен.

«Давай с ними».

Изображение снова дернулось, замелькали румяные от мороза лица, шапки, шарфы, капюшоны и варежки.

«Слишком близко не подходи».

— Эверетт Сингх, не учи ученого.

Школьники двинулись к стойкам регистрации.

«Что они делают???»

— Получают гостевые значки.

Опасность! Кто-нибудь из учителей обязательно заметит, что Сен — посторонняя. А без значка не пропустят внутрь.

«Можешь показать значок?» — набрал Эверетт.

Сен затесалась в толпу школьников, которые старательно цепляли пропуска на карманы и отвороты воротников. Эверетт, шипя сквозь зубы, старался снять значок крупным планом. Они слишком быстро двигались и никак не попадали в кадр. Наконец один значок выплыл прямо на середину экрана. Эверетт быстро взял его в рамку и щелкнул. Готово! За полминуты в программе обработки изображений прибавить резкость, увеличить размер и заменить имя.

«Лови картинку!»

И вот изображение уже на экране смартфона, который у Сен прикреплен к ремешку сумки. Стоит приглядеться получше, обман сразу раскроется, но при беглом взгляде в толпе галдящих школьников сойдет. Сен держалась ближе к хвосту группы и как ни в чем не бывало прошла мимо охранника.

На экране мелькнула женщина в строгом деловом костюме с именным значком и блокнотом — видимо, экскурсовод. Красота! Эверетт выждал, пока группа покинет вестибюль, и отправил Сен сообщение:

«Подойди ближе, чтоб я слышал экскурсовода».

Был последний день посещений перед Рождеством, экскурсовод явно скучала, так же как и школьники, а для Эверетта это был настоящий клад. «Мы с вами находимся в Палате Совета миров. От каждого мира по двадцать советников. Должность Президента занимают поочередно представители всех миров Пленитуды. Вверх по эскалатору, пожалуйста. Следите, чтобы шнурки от обуви не застревали между ступеньками. На этих этажах расположены посольства Девяти известных миров. Каждое посольство занимает

один этаж. Пожалуйста, держитесь за поручни. На этом этаже идет ремонт — здесь будет посольство десятого мира».

Сен поворачивала камеру то вправо, то влево. Эверетт, как заведенный, делал скриншоты и еле удерживался, чтобы не расхохотаться в голос. Всё, ну всё, что только можно было желать! Зал Совета. Посольство Земли-2. Посольство Земли-4. Посольство Земли-5. Палата пленипотенциаров — круглый стол и десять обтянутых черной кожей стульев с высокими спинками. Скрытые в стенах светильники бросали тени на потолок, отделанный деревом. Все вместе напоминало декорации из фильмов о Джеймсе Бонде.

— А сейчас мы подойдем к portalу, — объявила женщина-экскурсовод.

Школьники заволновались. Наконец что-то интересное! А то все комнаты, комнаты. Эверетта комнаты увлекали безумно. В одной из них был заперт его отец.

— На этом этаже находятся двадцать порталов Эйнштейна, — рассказывала экскурсовод, шагая по длинному изогнутому коридору.

Стеклянные окна с внутренней стороны позволяли заглянуть в помещения, где располагались порталы. Сен снова отстала, чтобы Эверетт мог без помех сфотографировать каждое окно, не заслоненное толпой любопытных мальчишек. Здесь все было устроено намного цивилизованней, чем в заброшенном тоннеле под Ла-Маншем. Один изогнутый стол с тремя стульями, а напротив — металлическое кольцо около четырех метров в диаметре, и все. Самое подходящее оформление для врат в иную вселенную.

— Вам повезло! — Голос экскурсовода с трудом прорывался сквозь общий гам. — Сейчас будет осуществляться переход через двенадцатый портал.

Сен, не дожидаясь подсказки, протолкалась вперед и направила камеру мобильного на окно. Эверетт увидел затылки школьников, а за ними — затылки трех техников за компьютерами. Сверкнула яркая вспышка. Портал открылся. Из ослепительного сияния вышел человек в пальто по моде Земли-3. Портал закрылся. Техники за руку поздоровались с прибывшим, проверили его паспорт и дали на подпись какие-то бумаги.

— На ваших глазах произошло плановое перемещение через портал одного из работников нашего посольства на Земле-7, —

объявила экскурсовод таким довольным тоном, словно она только что выполнила сложный фокус. — А теперь за мной!

Школьники отправились дальше. Сен задержалась, чтобы отснять, как дипломат, завершив все формальности, выходит из зала с порталом.

План был ужасен. Дурацкий, невозможный, совершенно бестолковый план. Сен так и сказала Эверетту, когда они еще только начали наблюдение за Тайрон-тауэр.

— Значит, ты разведываешь, где держат твоего папу, проникнешь в здание, заберешь папу, отведешь его к ближайшему порталу Эйн... Гейзенберга, включишь свой Инфундибунди, вернешься домой, прихватишь маму с сестрой, — пока кто-то будет держать для тебя открытый портал, — и опять-таки через Инфундименталку переправишь всю семью в такое место, где Пленитуда вас не найдет никогда в жизни?

— Да, — ответил Эверетт.

— В жизни не слышала такого идиотского плана.

— Можешь придумать лучше?

— Нет.

На самом деле Сен права. План чудовищный, вообще ни на что не похожий. Но он работает! Понемножку, шажок за шажком, все получается. По крайней мере, это разумней, чем тащить Кольцо на гору Судьбы. Эверетт захихикал. Штаб-квартира Пленитуды — его персональная Темная башня.

Экскурсовод начала объяснять, что перед уходом они зайдут в сувенирный магазин.

— Эверетт Сингх, — зашептала Сен. — Я пойду теперь одна погуляю. Варда, что здесь и как.

«Куда пойдешь?» — напечатал Эверетт.

— Вниз, в то новое посольство, которое строят для вашего мира.

«Осторожней там...» — набрал Эверетт и задержал руку над кнопкой отправления. Сен и без его поучений сообразит, что делать.

Она опять приотстала и дождалась, пока последний школьник скроется за изгибом коридора. Детишки были счастливы: они видели, как мелкий сотрудник дипкорпуса вернулся через портал из чужой вселенной. А Сен повернула назад, к лифтам. Эверетт отслеживал ее спуск на компьютерной модели Тайрон-тауэр. Выйдя из кабины, Сен

сразу окунулась в грохот пневматических молотков и электродрелей. Пол коридора устилали куски картонных коробок и мешковины, в воздухе висела густая пыль. Двое рабочих пили чай, сидя на куче гипсокартона.

— Заблудилась, красавица?

— У меня посылка для Алана Пардью.

— Не знаю такого.

— Это двадцать второй?

— А то.

— Я его найду.

Сен прошла мимо рабочих и, как только они отвернулись, шмыгнула в анфиладу комнат. Ремонт здесь был в самом разгаре: с потолка свисали электрические провода без лампочек, на стенах болтались розетки, электропроводка вся еще оставалась на виду. Под готической внешностью скрывался вполне современный небоскреб. Из первой комнаты Сен перешла во вторую, тоже еще не до конца отделанную: только-только настелили паркет, и в покрывающем его слое опилок оставались отпечатки ног Сен. Стены уже были обшиты деревянными панелями, с потолка свисали люстры. Сен принялась вертеться, снимая на мобильник панораму помещения.

— Хорошо видно, Эверетт Сингх?

«Думаешь, он здесь?»

— Удобней всего прятать что-нибудь на самом виду. Так, а что там?

Камера показала занавеску из толстого, полупрозрачного полиэтилена.

— Давай-ка посмотрим.

Сен отвела в сторону пластиковое полотнище и вдруг ахнула:

— Эверетт!

Он и сам видел: в этой части двадцать второго этажа ремонт был полностью завершен. Растения в горшках, картины по стенам, удобные кресла и столики в нишах, мягкий рассеянный свет и пушистый ковер. Хорошего качества журналы, свежие цветы. Словно холл пятизвездочного отеля. Эверетт вдруг заметил, что задерживает дыхание, и заставил себя вдохнуть. Словхватившись, начал сохранять снимки.

Сен подергала дверную ручку. Заперто. Короткий коридор в конце раздваивался. Сен повернула камеру влево, потом вправо. Справа стояла тележка вроде тех, что у горничных в гостиницах. Сен подскочила к ней раньше, чем Эверетт успел набрать эсэмэску. На тележке лежали аккуратно сложенные простыни, одеяла и подушки и кучка туалетных принадлежностей на подносе. На ручке тележки висел серый полотняный мешок для мусора. Камера заглянула в мешок. То, что появилось на экране, выглядело совершенно обыденным — Эверетт даже не сразу сообразил, что именно видит: смятую газету и пластиковую бутылку из-под воды.

Пластик делают из нефти. Пластиковая бутылка — в мире, где нет нефти.

У Эверетта сердце чуть не выскочило из груди. «Газету», — напечатал он. Сен вытащила ее из мешка и развернула перед объективом. «РЕДНАПП ВПЕРВЫЕ ПОСЛЕ ТРАВМЫ ВЫПУСКАЕТ НА ПОЛЕ БЕЙЛА В МАТЧЕ ПРОТИВ ЧЕЛСИ». Статья о «Тоттенхэм Хотспур»! В мире, где популярный в народе спорт — регби. Где самый известный игрок, безусловно, не Гарет Бейл, а тренер, безусловно, не Гарри Реднапп.

Сен перевернула газету. «Дейли телеграф». Теджендра по доброй воле ни за что не стал бы это читать. Он убежденный сторонник «Индепендент». Сен приблизила камеру, чтобы Эверетт мог прочесть дату: двадцать первое декабря. Сегодняшняя.

Сен взялась за ручку двери и начала поворачивать. Эверетт изо всех сил ударил по клавишам.

«Стоять!!!»

Сен замерла, не выпуская дверную ручку.

«Тележка! В комнате кто-то есть».

Сен отступила от двери.

«Уходи, быстро!»

Сен уже двинулась прочь, когда мобильник передал Эверетту звук открывающейся двери. Сен обернулась. Возле тележки стояли двое: невысокая женщина в фартуке и косынке и высокий, худой человек с бритой головой. Несмотря на ужасное качество изображения нельзя было не узнать Громилу-в-деловом-костюме.

— В чем дело? — спросил Громила.

— Посылка для Алана Пардью.

- Как ты сюда попала?
- Рабочие...
- Сюда нельзя.
- Извините.
- Ты не должна здесь находиться.
- Бона. Ухожу. Уже ушла.

«Он точно здесь», — подумал Эверетт. Вывел на экран план Тайрон-тауэр. Двадцать второй этаж, юго-восточный угол. Конец коридора. Папа здесь, за этой дверью. Как будто в гостинице, из которой нельзя выписаться. Пятизвездочная клетка. Специально для него отремонтировали эту часть этажа. Каждое утро доставляют из иной вселенной воду в бутылке и свежий номер «Дейли телеграф». Если бы не тележка, Сен могла бы подсунуть записку под дверь. Да, но без тележки Эверетт никогда бы не узнал, что именно здесь держат Теджендру. «Пап, я знаю, что ты здесь. Я иду к тебе».

— Эй! — вскрикнул Эверетт, заметив краем глаза какое-то движение на экране.

В том конце коридора, куда направлялась Сен, открылась дверь и оттуда вышла женщина — безупречно одетая, в туфлях на высоких каблуках, в высокой меховой шапке и палантине из такого же меха. Рука в серой перчатке, в тон идеально скроенному костюму, сжимала крошечную сумочку. Шарлотта Вильерс.

Сен бодрым шагом прошла мимо. Шарлотта Вильерс не удостоила ее взглядом. Дойдя до еще одной полиэтиленовой занавески, отгораживающей лифтовый холл, Сен оглянулась. Шарлотта Вильерс изучающе смотрела на нее издали и хмурила брови. Потом ее взгляд упал на мобильник, и она вспомнила, где видела такую иномирную технику.

«Ходу, ходу! — набрал Эверетт. — Она знает!»

Сен рванулась вперед. На бегу бросила прощальный взгляд сквозь толстый полупрозрачный пластик. Шарлотта Вильерс неторопливо шла по коридору. Наклонив голову, она как будто что-то говорила себе в воротник.

Впереди висела еще одна пластиковая занавеска. Сен проскочила на другую сторону и чуть не налетела на изумленных рабочих.

- Нашла его, красавица?
- Кого?

— Кому ты посылку несла.

— Нет. Все-таки этаж не тот.

На экране появилось табло лифта. Кабина была слишком далеко.

— А где лестница?

Второй рабочий ткнул большим пальцем через плечо. Эверетт увидел, как распахнулась дверь. На мгновение он заглянул в бездонный провал лестничной клетки, а потом Сен с дикой скоростью помчалась вниз по бетонным ступенькам. Один неверный шаг — она покатится вниз и уже не сможет остановиться. Один пролет, другой, круг за кругом, без конца. Ну и спортивная же девчонка! Эверетт слышал ее дыхание. Вниз, вниз, вниз. Где она сейчас? Эверетт потерял счет поворотам и лестничным площадкам. На дверях виднелись номера, но Сен бежала так быстро, что Эверетт не успевал прочесть. С каждым пройденным этажом на него наваливался страх. Шарлотта Вильерс наверняка предупредила охрану в вестибюле. Там Сен и повяжут. Нужно дать ей знать.

«Внизу тебя ждут», — напечатал он и задержал палец над клавишей. Вниз, вниз... Вдруг ступеньки кончились, а впереди была дверь с надписью «Цокольный этаж». Эверетт отправил сообщение. Сен застыла, уже коснувшись дверной ручки.

— Другой выход есть?

Эверетт и не глядя на план знал, что другого выхода нет. Он мог только предупредить.

«Сен, прости...»

— Ничего. Есть идея, бона.

Сен толкнула дверь и шагнула через порог.

— Не надо! — завопил Эверетт, сидя в уютном кафе через дорогу, где пахло кофе и Рождеством.

Он в ужасе схватился за голову. На экране было хорошо видно охранников у барьера, разделяющего пополам огромный вестибюль. И у выхода еще охрана. Стоят себе в сторонке, поглядывая на выходящих людей. Они прекрасно знают, кого искать. Правда, они смотрели на лифты и на эскалатор, не ожидая, что Сен способна так быстро преодолеть двадцать два лестничных пролета — в этом было ее первое преимущество. А второе состояло в том, что Сен двигалась не в том направлении, как они ожидали. Она шла поперек вестибюля... Куда?

Качающаяся камера показывала только ярко освещенные окна. А потом показался магазинчик сувениров.

— Умница! — восхитился Эверетт.

От радости он готов был обнять сам себя. В магазине все еще толпились школьники. Сен юркнула внутрь, сбросила приметную куртку и затолкала ее в торбу. Уверенно сдернула с витрины вязаную шапку с помпоном и натянула на свои пушистые волосы. Теперь она вполне сливалась с толпой. Эверетт слышал, как учителя собирают детей. Заканчивайте скорее покупки, автобус ждать не будет! Школьники нехотя отвалились от прилавков, учителя подгоняли отставших к выходу. Сен в гуще толпы вышла из магазина, благополучно миновав пост охраны. Люди в строгих костюмах даже не посмотрели на шумную толпу детишек. Через вестибюль, мимо регистрационных стоек, под огромным, во всю стену, черно-серебряным знаменем Пленитуды известных миров и наружу через вращающуюся дверь. Эверетт откинулся на спинку стула, еле переводя дух.

— Все получил, что надо? — спросила Сен в микрофон.

Эверетт отправил ей смайлик с поднятым вверх большим пальцем, а потом напечатал: «Ой, мамочки, я думал, капец тебе».

— Не, — сказала Сен. — Не родился еще тот кяпп, который поймает Сен Сиксмит!

Эверетт уже видел в окно, как она спускается по ступенькам, на ходу натягивая куртку, стаскивает с головы шапку и встряхивает своими замечательными волосами. Подойдя к краю тротуара, она швырнула ворованную шапку под колеса электромобилей. Школьники свернули направо, Сен — налево.

— Эверетт Сингх, собирай барахло, встретимся около стоянки такси на Кливленд-стрит. Надеюсь, у тебя динари еще остались, потому что пешком я домой не пойду.

Сидя в бесшумном электротакси, Сен вся еще кипела азартом приключения. Она то прижималась лицом к стеклу, разглядывая машины и прохожих, то принималась ерзать на сиденье и забрасывать Эверетта вопросами: «Думаешь, они за нами погонятся? Видел, как я от них ушла? Я фантабулоза, скажи? А как, по-твоему, твой папа там? Когда мы пойдем его вызволять? Легко все получилось!»

Эверетт не стал высказывать вслух свои опасения, что все прошло легко, потому что так и было задумано. Враги — до сих пор толком неизвестно, кто они такие и чего добиваются — пока что стремятся к одному: чтобы он принес им Инфундибулум. А он делает именно то, чего от него хотят. Вот, уже и мыслит, как они.

Сен взяла «Доктора Квантума» и повертела планшетник в руках таким хозяйским жестом, что Эверетт моментально напрягся.

— Подумаешь, карта. Что в ней особенного?

— На ней можно найти любое место в любой вселенной. И потом, это не просто карта — это телефонная книга. С ее помощью можно переместиться через портал Гейзенберга в любую другую точку, не обязательно на такой же портал. Знаешь, сколько всего существует вселенных?

— Много? — предположила Сен. — Больше тридцати?

— Их число записывается так: единичка, а потом еще восемьдесят нулей. Только представь, какая сила в этой карте! Во-первых, если ты можешь переместиться в любую точку любой вселенной — значит, можешь попасть в любую точку одной отдельно взятой вселенной. Набираем код и оказываемся на планете, до которой миллиард световых лет! Ну, то есть, оказались бы, если бы у меня была полная версия Инфундибулума, только на нее у моего компьютера мощности не хватит. А может, и ни у одного компьютера не хватит. Нет, ты только представь: любая точка в любой вселенной...

Эверетт много думал об этом у себя в каюте, поздним вечером, когда уже задраены все люки и посуда перемыта. Думал, качаясь в гамаке при слабом свете от экрана, пока «Доктор Квантум» подзаряжался через адаптер, который, ворча, перепаял для него

Макхинлит. Все-таки каждую точку охватить невозможно. Эверетт как-то подсчитал, что во вселенной десять в восьмидесятой степени атомов — вот в этой нашей вселенной... нет, в их вселенной. По коду на атом. Теперь возьмем размер файла, разделим на число возможных вселенных... Лежа в гамаке, натянув одеяло до подбородка и прислушиваясь к скрипам и шорохам огромного дирижабля, Эверетт мысленно орудовал цифрами. Само собой, это не были точные вычисления — так, прикидки, просто чтобы представить себе масштабы. Допустим, есть миллиард вселенных, и мы знаем код для каждой точки в радиусе тысячи километров от портала Гейзенберга в Имперском колледже. Британские острова целиком, большая часть континентальной Европы и кусок Атлантического океана. Все равно громадная территория. Спрятанный в его планшетнике Инфундибулум — пропуск в миллиард альтернативных Британий. А если бы когда-нибудь удалось построить машину, способную поддерживать полную версию программы... У Эверетта даже голова закружилась. Из его крохотной каютки, не намного больше гамака, открывались неисчислимыые бесконечности.

— Я могу набрать код, войти в твою лэтти, убить тебя и вернуться обратно. Никто не узнает, что я это сделал. А можно не убивать, просто забрать тебя с собой. Никто не узнает, куда ты девалась. А еще можно подсунуть вместо тебя двойника из другой вселенной, и тогда вообще никто не узнает, что ты пропала.

— Не, — сказала Сен. — Ты что? Еще одна я? Нанте.

— Ты так думаешь? Десять в восьмидесятой степени вселенных — это очень много. Почти наверняка хоть в одной из них найдется другая Сен Сиксмит. И эта Сен, возможно, по характеру совсем не похожа на тебя. Может, она богатая и знаменитая, а может — бездомная бродяжка. У нее могут найтись очень даже веские причины, чтобы стать тобой.

Сен беспокойно заерзала. Всплеск адреналина понемногу утихал, а от осознания, что ты — совсем не фантабулоза — уникальная личность, какой себя считала, всегда пробирает озноб. Эверетт хорошо помнил, что чувствовал, когда впервые по-настоящему понял — душой и сердцем понял — то, о чем говорил Теджендра. Миллиарды Эвереттов! Такое ощущение, что весь твой мир рухнул. Ты не такой уж особенный. Эверетт постепенно научился с этим жить, убедив себя,

что все другие Эверетты далеко, в недоступных вселенных, он никогда о них даже не узнает и уж тем более не встретится с ними. Исключено, и точка.

Сен подобрала ноги, прижав колени к груди.

— А может, я как раз — одна-единственная? В разных мирах есть другой ты, говоришь? Но есть и такие миры, где нет никаких Эвереттов Сингхов. Там живут другие люди — много-много других людей. И кого-то из этих людей — миллиарды в разных вселенных, а кого-то — всего несколько тысяч, а кого-то сотня или вообще двое-трое. И должны же во всех мирах быть люди, которых только один! Это я и есть. Я знаю, я чувствую! Таких, как я, больше нет. Я — особенная.

Бэмс! На капот грохнулся стул и отлетел в сторону. Таксист резко затормозил, так что Сен бросило вперед, и она ударилась о спинку водительского кресла.

— Вылезай, приехали! — объявил водитель.

Пока Эверетт копался в рюкзаке, набирая нужное количество шиллингов, Сен вылезла из машины и застыла, руки в боки, с раскрытым ртом.

— Фантабулоза!

Улица была полна народом. Точнее, одними мужчинами. Они стояли плотной массой, спиной к такси, и напряженно за чем-то наблюдали. Какие-то волнующие события разворачивались дальше по Мейр-стрит. Все новые и новые мужчины, бросив свои прилавки и электропогрузчики, выскакивали из магазинов и складских помещений, выбегали из таверны «Небесные рыцари». В таверне не осталось ни одного целого оконного стекла. Куски разбитой мебели валялись вперемешку с осколками. Очевидно, заварушка началась именно здесь, а потом выплеснулась на улицу. В воздухе мелькали кулаки с зажатыми в них ножками стульев, летали бутылки и булыжники. Над всем этим стоял неумолчный рев, как на стадионе Уайт-харт-лейн в день розыгрыша кубка.

— Дра-ака! — завопила Сен. — Идем, Эверетт Сингх!

— Эй, а кто мне заплатит за капот? — вмешался водитель.

— Пришлите мне счет! — Сен послала ему воздушный поцелуй и, развернувшись на каблуке, бросилась в гущу событий.

— Вот каждый раз тут так! Зарекался же ездить в этот треклятый аэриш-таун, — бурчал таксист, уезжая.

Эверетт разобрал в общем гуле повторяющиеся нараспев слова: «Ринг! Ринг! Ринг!»

— Что там происходит?

— Ринг! — прокричала Сен в ответ. — На кулачках, без перчаток. И без правил. Драка, Эверетт Сингх! Давай сюда!

Эверетт однажды видел большую уличную драку. Дело нехитрое — стоило им с папой выйти из метро на станции «Вестминстер», чтобы купить билеты на новогоднее светомузыкальное шоу с фейерверками на Темзе, и тут же помимо своей воли они оказались посреди студенческой демонстрации протеста. Десять тысяч рассерженных людей, которые никуда не идут. Полицейские применили свою излюбленную тактику: загнали митингующих в узкую улочку, окружили щитами и верховыми лошадьми, сверху запустили вертолеты и так продержали всех не один час. Это у них называлось «взять в котел». Эверетт знал, для чего нужен котел: в нем варят. Вот и студенты варились-варились, да и закипели. Откуда-то со стороны площади Парламента покатила волна шума. Эверетта с Теджендрой стиснули со всех сторон чужие тела. Где-то что-то делалось, но что и где? Эверетт совершенно растерялся от страха и восторга, чувствуя, что происходит нечто громадное, но не представляя, что именно и далеко ли это, и не обрушится ли на него в любую минуту. Ему случалось попадать в давку на футбольных матчах — здесь было совсем иное, невероятное и ужасающее. На мгновение он разглядел черные щиты и бронежилеты. Над толпой показались голова и плечи конного полицейского, на него сыпался град палок, отломанных от плакатов, с которыми шли демонстранты. Полицейские схватили и уволокли зачинщиков, а Эверетта с Теджендрой и еще десять тысяч человек продержали почти до десяти вечера ипустили только после того, как проверили их документы, а их самих сфотографировали и отправили снимки в полицейскую базу данных.

Сейчас перед ним была портовая драка, а не разгон демонстрации, но Эверетт чуял тот же пороховой запах опасности, ту же неуправляемую стихию. Толпа — волнующая, страшная, непредсказуемая; пламя, способное в любую минуту разгореться

пожаром и пожрать все вокруг. После площади Парламента Эверетт боялся буйства толпы, зная, как оно заразительно.

— Нет, Сен! Могут повредить «Доктора Квантума». Мне нельзя рисковать.

Сен посмотрела на него с презрением и тут же отвлеклась. Рев стал громче, плотное кольцо тел раздалось в стороны и выпустило шатающегося человека. Это был рослый здоровяк. Черные волосы до плеч слиплись от пота, лицо с густыми бровями и бакенбардами побагровело от усилий и было все в синяках. Левый глаз заплыл, из уголков рта сочилась кровь. С пояса свисали обрывки рубашки. Вид у человека был оглушенный, но он явно рвался в бой, озираясь, как будто от каждого встречного ждал нападения, и сжимая кулаки, похожие на пушечные ядра.

— Что, опять рожу начистили, Сет Бромли? — крикнула Сен.

— Не зли его, — сказал Эверетт. — Смотри, какой он большой. Кто такой Сет Бромли?

Из толпы выбрались четверо мужчин с суровыми лицами. Они повели все еще не очухавшегося здоровяка к таверне и усадили перед входом на единственный уцелевший стул. От здоровяка валил пар.

— Кто такой Сет Бромли? Первый фрутти-бой в Хакни! — весело прокричала Сен прямо в лицо здоровяку. — Эй, Сет Бромли, тебя мамочка науськала, да?

Тот вскинулся, злобно сверкая незаплывшим глазом.

— Не смей на мою маму разевать свою грязную пасть, мелкая корабельная крыса!

— Сет Бромли размазня, Сет Бромли размазня! Всегда делает, что мамочка велит! — распевала Сен.

Эверетт уже несколько раз наблюдал словесные атаки Сен, и всегда они заставляли его врасплох. Она умела убить одним словом, неизменно попадая точно в цель. Эверетт никак не мог решить, придумывает она заранее обидные реплики и гадкие стишки, выхватывая их при надобности, как метательные ножи, или, как оса, жалит инстинктивно.

Сет Бромли ткнул в нее пальцем.

— Я с палонес не дерусь!

— Ага, потому что эта палоне тебе как навешает!

— А для тебя я, может, сделаю исключение, мелочь приبلудная...

Он вскочил со стула, занося над головой кулаки. В толпе стали оборачиваться на что-то в задних рядах, потом люди расступились и появился Шарки — в помятой шляпе с повисшим сломанным пером. Других повреждений на нем не было заметно.

— «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих», — сказал он Сету Бромли.

— Шарки, я и сама могу о себе позаботиться! — возмутилась Сен.

— Да неужели, мисс? Если б вы хоть вполовину так умели выпутываться из неприятностей, как умеете в них вляпываться, я бы, может, и поверил. Пойдем отсюда.

— Я хочу посмотреть! Это опять Макхинлит, да?

— Мистер Макхинлит в отличие от вас, донаэтта, способен позаботиться о себе, — отвечивал Шарки.

— А ты что же? — с вызовом спросила Сен. — На тебя непохоже стоять, сложив руки на пузе, когда оскорбляют честь капитана!

— А где была бы моя честь, если б я допустил, чтобы дочке нашего капитана какой-то Бромли попортил хорошенькое личико? — огрызнулся Шарки.

Однако Эверетт видел, что слова Сен попали в цель и американцу не терпится продолжить драку.

— Давай так договоримся: найдите безопасное место и смотрите себе. Только никому не говорите, и я никому не скажу.

Сен торжественно пожала ему руку.

— Договорились!

А потом, схватив за руку Эверетта, потащила его к ближайшему погрузчику для контейнеров. Они вскарабкались по лесенке, ведущей в кабину, и устроились на подножке. Шарки уже сорвался с места и врезался в толпу с криком: «За Данди, Атланту и Святого Пио!» — добавляя в конце пронзительный боевой клич с каким-то лисьим притягиваньем. Эверетт в жизни не слышал, чтобы человеческая глотка издавала такие потусторонние звуки.

— Это старинный клич Конфедерации, — объяснила Сен. — А что такое Данди, я до сих пор не знаю. Или кто.

Сверху, как с галерки, было хорошо видно все представление. Полюбоваться на него сбежались все до единого мужчины Большого Хакни и несколько женщин. Драку окружило толкающееся, орущее кольцо тел, не меньше чем в десять рядов. Пустое пространство в

центре ежесекундно меняло форму — зрители то отступали, то подавались вперед. Шум стоял неопиcуемый. В центре находились трое мужчин. Два из них рослые, темноволосые, слепленные по тому же образцу, что и Сет Бромли, медленно кружили вокруг третьего. Третьим был Макхинлит. Его оранжевый летный комбинезон, расстегнутый до пупа и обвязанный вокруг талии, открывал тело в крови и синяках, блестящее от пота в холодном свете уличных фонарей — зато глаза механика горели. Он держал в поле зрения обоих противников, перебегая взглядом с одного на другого, и сам непрерывно двигался, подскакивал, уворачивался, уходил от ударов. На лице его играла безумная улыбка.

— Налетай, сволочи! Вдвоем на одного нечестно... Я любого из вас отделаю за милую душу, но двоих сразу? Деритесь по-человечески, поганые Бромли!

— Кто они? — спросил Эверетт.

— Альбарн Бромли и Кейр Бромли, — ответила Сен. — Младшенькие братцы Сета. Помоложе и потолще. А Кайл не вышел. Он самый младший в семье, любимчик. А ведь это его бой. Ну как же, красавчик Кайл Бромли ни за что не станет рисковать своим рыльцем на ринге.

Вдруг братья Бромли, не сговариваясь, ринулись на Макхинлита. Он пригнулся, легко проскочил между ними и вновь появился, танцуя, словно мотылек, на другой стороне ринга. Толпа радостно взревела. Эверетт в свое время выдержал сотни подобных боев — на «Экс-боксе», против Рюна, в теплой уютной комнате друга, а не на булыжной мостовой в порту, где иней оседает на волосах, но общий принцип от этого не меняется. Принцип классический: скорость против силы. Эверетт стоял за скорость. Именно так великий Мохаммед Али выигрывал свои лучшие бои в семидесятых, когда бокс — это было круто. Постоянно двигаться, порхая по всему рингу, изматывать противника, пережить самые сильные удары, а потом самому пойти в наступление. Раз-два, и готово. Но братья Бромли были намного крупнее Макхинлита, а он был измотан не меньше. К тому же их было двое.

— Как Макхинлита угораздило в это ввязаться?

— Да он сам и начал! Он как выпьет, всегда драться лезет. Да и когда трезвый тоже. Небось, увидел их у «Небесных рыцерей» и сразу

заявил, что Анни скорее выйдет за земляную крысу, чем за Красавчика Кайла.

— Капитан Анастасия помолвлена?

— Мамаша Бромли так считает, — ответила Сен. — Она уже все за всех решила. Кайл Бромли женится на Анастасии Сиксмит, и тогда «Эвернесс» включают в семейный флот. Все знают, что это лучший корабль в Большом Хакни. Вот радость-то! Одна беда...

— Никто не спросил капитана Анастасию.

— В точку, Эверетт Сингх! Не, они вообще-то спросили. Предложение руки и сердца по всем правилам. Я сама слышала ее ответ. Его и Мамаша Бромли, наверное, слышала у своего Двадцатого второго причала. Эти Бромли считают, они все такие из себя аристократы местные, никто им слова поперек сказать не смеет. Ноблесс оближ, все дела. Оскорбили Кайла — значит, оскорбили всю семейку.

Сен до побелевших костяшек вцепилась в поручень — Макхинлит только что получил под дых. Он упал на одно колено, хватая ртом воздух. Бромли с усмешечками подходили ближе. Тут из толпы зрителей выломился Шарки. В три шага пересек ринг и весьма своевременным пинком отправил Альбарна Бромли на землю. Верзила заорал, перекатился и обнаружил над собой лицо Шарки и смотрящее в упор дуло дробовика.

— «Лук сильных преломляется, а немощные препоясываются силою», — изрек Шарки. — Первая книга Царств, глава вторая, стих четвертый. Давайте биться по-хорошему!

Он держал Альбарна Бромли под прицелом все время, пока Макхинлит разминал шею, вправлял коленные суставы и поводил плечами. Вот Макхинлит снова принял боевую стойку, и толпа вновь заревела. Кейр Бромли кинулся на Макхинлита, тот блокировал хук и, отклонившись, классическим приемом тайского бокса пнул Кейра ногой в ребра. Бромли покачнулся.

— Бей гада! — вопила Сен.

Макхинлит, пользуясь своим преимуществом, начал теснить Кейра. Здоровенный Бромли заслонялся руками и уходил от ударов. Толпа следовала за бойцами, шаг за шагом, провожая каждый удар дружными охами и ахами. Сен со всей силы стучала кулачком по перилам. Эверетту такая кровожадность казалась непонятной и

отвратительной. Конечно, жизнь в Большом Хакни сурова, здесь свои законы — Эверетт в своем смирном лондонском пригороде не знал ничего подобного, и все-таки девчонки не должны любоваться мордобоем. Эверетт в который уже раз задумался о том, как росла Сен. Когда он ее спросил о родителях, она уклонилась от ответа, но он видел, какие у нее были глаза при последних ядовитых словах Сета Бромли. Она бы ему легкие голыми руками вырвала, если бы могла.

— Мы все пропустим!

Драка переместилась под сень пришвартованных дирижаблей, и с подножки подъемного крана ее уже не было видно. Сен за руку потащила Эверетта вниз.

— Давай, пошли!

— Что «пошли», что «пошли»? — ворчал Эверетт и все-таки шел. — Все меня куда-то посылают...

Сен отыскала место с хорошим обзором на галерейке вокруг второго этажа «Таможенного склада Эйчисона и Мура». Ржавый металл поскрипывал под ногами. По улице катился клубок окровавленных тел. И Макхинлит, и Бромли, вдрызг избитые, еле держались на ногах. Зрители продолжали подзадоривать их, хотя сил у противников явно не хватило бы еще на один удар. Эверетту стало противно. В происходящем не было ни чести, ни благородства: просто двое людей калечат друг друга. Ярость и злоба — единственное, что не дает им упасть. Шатаясь, они вывалились из-под корпуса «Леоноры-Кристины» на чистый ночной воздух. Круг зрителей разорвался на мгновение, но тут же перетек и вновь сомкнулся вокруг бойцов. Это было чудовищно.

— Прекратите! — заорал Эверетт.

Он был человек науки и не верил в волшебство, но едва его крик разнесся над толпой, откуда-то сверху обрушилась струя воды, сбив с ног Кейра Бромли и Макхинлита. Они покатались по земле, а струя обратилась на зрителей, мигом разбросав их в разные стороны — так смывают из шланга дохлую мошкарку с ветрового стекла. Кейр Бромли попытался подняться на ноги; струя вернулась и пригвоздила его к булыжной мостовой. Драка, постепенно перемещаясь, оказалась прямо под «Эвернесс». В десяти метрах над схваткой стояла на погрузочной площадке капитан Анастасия с пультом управления в руке, направляя на толпу мощную струю воды из емкостей для балласта.

— А ну, расходитесь! — крикнула она, подгоняя отставших своим водометом. — Постыдились бы! Что подумают ваши жены и подружки? Домой, домой!

Она отключила воду. Только тоненькая струйка еще стекала на корпус дирижабля.

Капитан Анастасия сказала:

— Мистер Бромли, передайте вашей матушке, что мой ответ — прежний. Вы не получите ни меня, ни «Эвернесс». Всего хорошего, сэр! Мистер Макхинлит, мне не нужно ваше заступничество. Вы запятнали честь нашего прекрасного корабля. А вы, мистер Шарки, не думайте, будто я не заметила вашего участия в этом безобразии. Будьте добры явиться на грузовую палубу. У вас ровно две минуты, чтобы привести себя в порядок. Сен и мистер Сингх, к вам это тоже относится. У всех вычиту из зарплаты. Вода для балласта, знаете ли, денег стоит.

Крышка грузового люка коснулась земли. Короткостволки Шарки исчезли под полами плаща. Каким-то образом он ухитрился не попасть под водопад. Даже шляпа его сохранила прежнюю форму, и неведомо откуда появилось новое перо. Кейр Бромли, мокрый насквозь, потащился прочь. Макхинлит, тоже промокший, обхватил себя руками, пытаясь согреться. Жар битвы покинул его, а ночь была холодная и ясная. Макхинлита била дрожь, но он ухмылялся во весь рот. Сен и Эверетт последними поднялись на стальную платформу. Сен подтолкнула Макхинлита плечом, и он подмигнул в ответ. Капитан Анастасия нажала кнопку, управляющую подъемником. Завизжали лебедки, натянулись тросы. Пока маленькая группа поднималась вверх, в огромное брюхо воздушного корабля, капитан Анастасия приказала:

— Мистер Сингх, подайте мне ужин в каюту, когда будет возможность.

Слова звучали сурово, но Эверетту показалось, что она улыбается.

Капитан Анастасия и ее дочь украшали корабль к Рождеству. Эверетт, поглядывая на них в открытую дверь камбуза, в полном соответствии с сезоном готовил горячий шоколад, помешивая его палочкой корицы. В углах и закоулках кухонных шкафчиков ему открывались все новые чудеса.

Сен карабкалась по стремянкам, развешивая фонарики и бумажные гирлянды, а капитан Анастасия подавала ей украшения и указывала, куда их прикреплять. А еще они разговаривали. Разговаривали так, словно их никто не слышит. О Рождестве и о том, какие для кого приготовлены подарки, и какие подарки они купили сами для себя. О погрузке и о том, не устроить ли себе небольшой отпуск после Берлина — рейс предстоял в Берлин. О том, какой это замечательный город и сколько там разных развлечений. О том, что из-за ветреной погоды на корабле ощущается качка, о портовых новостях, о рассказах доны Мириам и прочих сплетнях. Они говорили не как капитан с пилотом и даже не как мама с дочкой, а как две подружки. Эверетту приходилось то и дело напоминать себе, что капитан Анастасия моложе, чем ему показалось вначале — может быть, ей совсем немного за двадцать.

Палочка корицы застыла в воздухе. На Эверетта вдруг обрушилась ностальгия. Он даже ухватился обеими руками за край стола, чтобы не упасть. Глазам стало мокро. Для Сен с капитаном здесь — их дом, их семья. А у него — только закуток с гамаком. Его семья в комнате на двадцать втором этаже Тайрон-тауэр, а еще — в двух километрах отсюда, в другой вселенной. Семья разбита на части. Он сам ее разбил, чтобы снова собрать вместе. Иначе было нельзя, но они-то этого не знают. Теджендре узнать просто неоткуда; ему о мирах известно только то, что позволяет Шарлотта Вильерс. А мама знает только, что двое мужчин в ее жизни пропали в течение недели. Нужно скорее действовать, пока «Эвернесс» не отправилась в Берлин. Рождество — самое время. Все празднуют, бдительность ослаблена. Он уже все продумал. Для каждого на борту «Эвернесс» нашлась задача по его или ее специфическим способностям, и для самого

дирижабля тоже. Только прежде надо прийти к капитану Анастасии в каюту, так, чтобы Сен не подслушивала за перегородкой, и сказать: «Мне нужна ваша помощь». Придется объяснить, что именно требуется, иначе «Эвернесс» не сможет ему помочь. А капитан, ясное дело, ответит: «Ты просишь меня рискнуть своим кораблем, командой и дочерью?» А он сможет сказать только: «Да, прошу». И на такую просьбу даже сам Эверетт себе не ответил бы согласием.

Громко тикали часы. Макхинлит, наказанный вместе с Шарки запретом покидать корабль до самого отлета, вчера занимался закупками гелия через Газовое управление — государственную монополию, поставляющую газ для дирижаблей. Спрашивать надо в ближайшее время. Эверетт боялся этой минуты. Он уже весь извелся. Продолжая размешивать горячий шоколад, он чуть не уронил коричную палочку, внезапно услышав собственное имя.

— Мистер Сингх!

Капитан Анастасия зовет! Эверетт понес ей дымящуюся кружку. По сообщениям Дансфордской метеостанции, над юго-восточной частью Англии установился антициклон, принес с собой ясную, безветренную погоду и резкое падение температуры. Эверетт проспал ночь весь закутанный у себя в гамаке, а утром счищал иней с иллюминатора. Шарки и Макхинлит надели на себя по сто одежек и все равно тряслись от холода за работой. Шарки надзирал за портовыми грузчиками, доставлявшими на борт контейнеры, и при помощи блок-крана равномерно размещал груз относительно центра тяжести дирижабля. Макхинлит под палубой возился с системой распределения электроэнергии, всякими там измерителями напряжения и обводными кабелями, сопровождая свои труды комментариями с характерными интонациями, которые всегда звучали так, словно он ругается. Холод добрался даже до жилых отсеков. Сен была одета в серые шерстяные колготки и просторный свитер, длинные рукава натянула почти до самых пальцев, а шею обмотала шарфом. Единственное теплое место было в камбузе, полном пара. Капитан Анастасия отхлебнула обжигающий шоколад с привкусом корицы и блаженно закрыла глаза.

— Мистер Сингх, ваш шоколад чертовски хорош! Что это в нем такое жгучее добавлено?

— Перец чили, — ответил Эверетт. — Одна щепотка. Я такой пил в одном кафе в Сиэтле.

— Вот вам задание, мистер Сингх. Приближается Рождество, нужно приготовить для команды бона манджарри. У вашей пенджабской бабушки не найдется рецептов индейки? Прогуляйтесь-ка до рынка на Ридли-роуд, гляньте, что там хорошего. И побольше овощей наберите! Сен только дай волю, вообще будет есть одно мясо да сладости.

— Неправда! — возмутилась Сен. — Я люблю овощи! Ну, так, в общем.

— Свежие, зеленые и по сезону, мистер Сингх.

Капитан Анастасия отсчитала несколько купюр из бумажника, похожего на шкатулку фокусника: складывается и так, и этак, а если перевернуть, еще и третьим способом, открывая все новые отделения и кармашки — чем дальше, тем больше. Инфундибулум.

— Если не хватит, для меня у всех торговцев Хакни открыт кредит, но лучше бы все-таки держаться в рамках. Знаете первый закон аэриш?

— «В долг не бери и займы не давай»?^[3] — предположил Эверетт.

— Мудро, мистер Сингх, но нет — все гораздо прозаичней. Наличные правят миром.

* * *

Перья лука-порея, длинные, прямые, пыльного голубовато-зеленого цвета. Темно-зеленая, почти до черноты, итальянская капуста сафой. Картофель — восковой, он лучше сочетается с другими овощами, а мучнистый больше годится для жарки. Эверетт уже прикидывал план обеда. Репчатый лук — без него готовка немыслима. Он перебрал десяток разных видов луковиц, от приплюснутых, словно тюрбан, до совсем крошечных, для маринада, и в конце концов купил два фунта мелких темнокожих польских луковиц — они пахли даже сквозь бумажный пакет.

— Вот эти покрупнее, за ту же цену. — Сен держала бледную испанскую луковицу размером со свой кулак.

— Слишком крупные. Одна вода и никакого аромата. Большие — не обязательно хорошие.

— А по-моему, чем больше, тем лучше!

Корень имбиря. Чеснок. Много чеснока. На Ридли-роуд можно было купить все, что душа пожелает. Каждый день, каждый час Эверетт узнавал что-нибудь новое о жизни Хакни. Вот этот рынок, например, — одно из самых удивительных открытий. Пройти мимо таверны «Небесные рыцари» с заколоченными окнами, потом пробраться через лабиринт газовых труб, арматуры и газгольдеров... Не то удивительно, что рынок, — просто он был один и тот же в обеих известных Эверетту вселенных. В его родном Лондоне весь рынок — полторы улицы ларьков и прилавков, главным образом карибских, против станции «Далстон». В этом Лондоне — настоящий восточный базар, где торговцы всевозможных национальностей и цветов кожи заполнили все арки, кульверты и закоулочки большого железнодорожного узла. Торговля шла и в тоннелях, и в огромных, как собор, сводчатых залах, выстроенных под кирпичными виадуками. Еда и одежда, книги и хитроумные электроприборы, скобяные товары и кухонная утварь, и подозрительно дешевые инструменты. Посуда и хозтовары. Игрушки болтались вдоль прилавков, точно висельники в дни массовых казней, рулоны тканей громоздились высоченными стопками — нижние совсем сплющивались под тяжестью верхних. Женщины неторопливо пили чай за столиками, а над головой то и дело проходили поезда, сотрясая рынок до основания, так что звякали чашки с блюдечками, а капли влаги, просочившись сквозь цементные швы огромных арок, срывались с выросших за долгие годы сталактитов и шлепались на головы покупателей. Здесь обитатели порта встречались с прочими лондонцами, все перемешивались между собой и отчаянно торговались. Городская мода сталкивалась с самыми пиратскими нарядами аэриш, а общепринятый английский и все его вариации — с наречием палари. Эверетт бродил между прилавками, расспрашивал продавцов, перебирал овощи, взвешивал на руке, принюхивался и приглядывался, нет ли какого изъяна, пытался сбить цену и шел дальше.

— Как ты их различаешь? Лук и есть лук, а картошка — это картошка, — жаловалась Сен.

Ей было скучно.

— Ага, а губная помада — губная помада и есть, но ты же с каждого тюбика крышечку снимаешь!

— Это совсем другое. Это шопинг.

— А мы сейчас что делаем?

— Просто еду покупаем. — Сен ненадолго задумалась. — В твоём мире все оми умеют готовить?

— Я бы по-другому спросил: разве в вашем мире ни один оми не умеет готовить? Меня папа научил.

— Ах, папа...

— И что?

— Ничего. Просто... Странные вы.

— А что такого? Базовый навык выживания. А ты лучше умрешь с голоду посреди рынка, потому что не знаешь, что делать с сырыми продуктами?

— Я с голоду не умру, — заявила Сен. — Я обаятельная, все так говорят. Расскажи про своего папу, Эверетт Сингх. Мы вроде как его спасать должны, а я про него знаю только, что он ученый, и его похитили нехорошие злодеи, и он болеет за какую-то пижонскую команду под названием «Тоттенхэм Хотспур». А, и еще он тебя научил готовить.

— Моего папу зовут Теджендра.

— Видишь, ты даже этого не рассказывал!

— Ты тоже не говорила, как зовут твоего папу.

«И вообще молчишь о нем, как кремь, и о других родственниках тоже. Живы они хоть или умерли?»

— Хм... Ну, мы сейчас говорим о твоём папе, — ответила Сен, нисколько не смутившись. — Пойми, если уж я должна участвовать в его спасении, должна же я что-нибудь знать о том, кого мы спасаем!

— У него пенджабское имя. «Сингх» значит «лев». Очень распространенная фамилия в Пенджабе. Пенджаб значит «пять рек», пятиречье. Он находится в северо-западной части Индии. В моём мире часть его территории принадлежит Индии, а часть — Пакистану. Когда Пакистан отделился от Индии, много народу погибло. Миллионы. Совсем плохое было время. Не знаю, что в вашем мире творится в Индии. Папина семья жила в деревне между пятью реками, в самой середине. Они еще до его рождения переехали в Лудхияну. Папа родился в Индии, но уехал оттуда, когда ему было пять лет, поэтому

говорит без акцента. Ну, только если волнуется, немножко акцент слышно. У папы были три брата и две сестры, все они выросли в квартире над азиатским супермаркетом в Уолтемстоу. Получается, восемь ближайших родственников, кроме того парочка незамужних теток и еще дядя недавно женился. И все в одном доме. Понимаешь, в Индии пенджабцы — вроде аэриш. Они постоянно орут, ссорятся, мирятся, то празднуют, то дерутся. Живут на полную громкость. А вот про папу ты бы даже сразу не догадалась, что он пенджабец — он невысокий, худой и всегда о чем-нибудь думает. А вот если на него посмотреть на стадионе Уайт-харт-лейн во время Дерби Северного Лондона... Или когда он говорит о физике — о том, что никто, кроме него, не понимает, а для него это так важно, что он весь как будто светится.

Как тебе рассказать о папиных родственниках? Вот я опишу, как моя бабушка, бебе Аджит, и мои дяди и тети стали бы встречать Рождество. Они всегда его отмечают, хоть и не христиане, потому что пенджабцы обожают праздники. У них тебе не пришлось бы жевать какую-то старую жесткую индюшку. Нет уж, это не настоящая праздничная манджарри. Пир — так пир, как будто король с королевой придут в гости. Бабушка всегда говорит: если уж приглашаешь гостей, принимай их как принцев.

Эверетт окинул взглядом мясные ряды. Пухлые и округлые, словно аппетитная попка, индюшки, гуси с головой, засунутой под длинное костлявое крыло, ломти говядины с пряностями, распространяющие благоухание корицы, нашпигованные чесноком окорока. Вдруг на глаза попались фазаны, развешанные попарно — петухи с курочками.

— Давно ваши фазаны висят?

— По нынешней погоде — дней девять, — отозвался торговец, коренастый жизнерадостный дядька с коротко остриженным седеющим ежиком волос.

Эверетт приподнял одного фазана и понюхал.

— Мы их получаем из поместья лорда Аберкромби, — прибавил торговец.

— Сколько за четыре штуки?

Торговец назвал цену. Эверетт поторговался и сбил немного. Расставшись с частью банкнот, полученных от капитана Анастасии, он

отправился дальше, держа в руках два пакета, из которых торчали длинные, невероятной красоты хвостовые перья.

— А сейчас бебе Аджит спросила бы: что самого роскошного можно приготовить из фазанов? Что-нибудь такое зимнее и прекрасное, прямо по-королевски? Я бы сказал, нечто вроде мург махани, только из фазана, и, может быть, немножко кулинарной позолоты сверху. Блюдо красноватое — значит, нужно к нему что-нибудь зеленое, для контраста. Ну, лук-порей у нас уже есть, и кудрявая капуста. Нужен еще рис для плова, обжаренный в масле и сверкающий, как драгоценные камни, и обязательно хлеб — для пенджабца без хлеба и еда не еда. А еще бебе Аджит сказала бы: к хорошей беседе нужны сладости, и стала бы искать что-нибудь такое, вроде кунжута, и кардамона, и розовой воды, и топленого масла гхи...

За этими разговорами Эверетт шел все дальше в глубь рынка, постепенно наполняя сумки. Выйдя из крытых рядов, они попали в путаницу переулков, выходящих на Далстон-лейн. Здесь были прилавки с тканями и одеждой, здесь продавали шляпы, и головные платки, и теплые шарфы, и целые рулоны ситца с набивным рисунком, шифона, шерстяной материи и тафты.

— Еще одна завершающая подробность, — объявил Эверетт, оглядывая длинный ряд прилавков.

Продавцы, укутанные в толстые пальто и шарфы, в перчатках с обрезанными пальцами, горбились над кружками с чаем.

— Нельзя подавать еду принцу, если стол накрыт как для нищего. Значит, нужна скатерть. Я знаю, на дирижабле всякий лишний вес должен быть оправдан — значит, ищем нечто очень красивое и легкое, как перышко. Вот вроде этого!

Магазинчик, торгующий сари, находился возле самой Сесилия-роуд — там, где пространство рынка переходило в собственно территорию порта. Хозяйка магазина, пожилая тамилка, хрупкая, как птичка, была одета в одно из продающихся у нее сари, с толстой вязаной кофтой и меховыми сапогами. Хозяйка сложила вместе ладони в приветственном жесте. Эверетт ответил тем же.

— Бона! — сказала Сен.

Хозяйка извлекала на свет одно сари за другим. Легчайшая ткань, развернувшись, словно зная, плавно опускалась на руки Эверетта. Сен схватила белоснежное сари с золотой каймой и приложила к себе.

Тамилка показала ей, как обернуть себя материей. Сен в сари долго вертелась перед зеркалом и строила себе рожицы.

— Бонару-у!

В конце концов Эверетт выбрал черное сари с серебряным узором, и оно отправилось в сумку, к другим покупкам. Теперь у них было все, что нужно к Рождеству. Фазаны, итальянская капуста, специи и топленое масло из молока буйволицы, сари и рис басмати. И еще осталось пятнадцать шиллингов.

— Тебе, может, кажется странным: что общего между пенджабским рождественским обедом и моим папой? А это весь он. И я. Ты с ним никогда не встречалась, но, наверное, думаешь, он такой тихий и заумный, и я знаю, ты считаешь, я не настоящий оми, — понятия не имею, кстати, кто такой этот «настоящий оми», — но так уж получилось, что у нас в семье все делается с размахом, будь то рождественское угощение или физика множественной вселенной. Поэтому я и оказался здесь, в вашем мире. Я просто не мог поступить по-другому. Вся моя кровь, до последней капли, требовала этого.

В кои-то веки у Сен не нашлось ехидного комментария. Она кусала губы и отводила глаза, вороша носком сапожка разбросанные по мостовой апельсиновые корки и афишки рождественского представления, а потом заключила Эверетта в пахнущие мускусом и серым шерстяным свитером объятия и крепко-крепко поцеловала в щеку.

— Эверетт Сингх, ты настоящий оми! Ты очень даже 30.

Сен почувствовала, как Эверетт напрягся, и резко оттолкнула его.

— Ты что? Разве я тебе не нравлюсь?

— Там Иддлер.

В своих странствиях по Большому Хакни Эверетт не раз видел издали здешнего крестного отца и потому сразу узнал. Наверняка Иддлер тоже замечал его и Сен, обходя свои владения. Случай с Шарки поумерил его агрессию — слухи в порту расходятся быстро, как эпидемия гриппа. Иддлер затаился на время и затаил обиду. Однако сейчас он не таился — шел смело и открыто. Женщина, идущая рядом, придавала ему храбрости.

— Он не один.

— Его придурки только для смеха.

— Это не ван Флит с Эвансом.

Эверетт узнал имена Утробного типа и Голландца тогда же, когда познакомился с врагом в лицо.

Сен оглянулась.

— Ой, караул...

Возле Иддлера стояла Шарлотта Вильерс — высокая, стройная, в чернобурке, сапогах на высоком каблуке и голубовато-серых перчатках. Ярко-красные губы выделялись на бледном от холода лице, точно у вампира. Рядом с ней Иддлер казался особенно приземистым, будто жаба в скверно пошитом костюме. За спиной Шарлотты Вильерс выстроились с десятков «миссионеров». Их шлемы на улицах Хакни выглядели смешно, зато резиновые дубинки совсем не казались смешными. Шарлотта Вильерс двигалась по Сесилия-стрит решительными шагами, словно никакая сила во вселенной не могла ее остановить. Встречные разбегались, как от цунами.

— Сейчас ты мне скажешь «давай, пошли отсюда», — буркнул Эверетт.

— И скажу. Пошли отсюда!

Сен юркнула за магазинчик, где они купили сари, и там свернула в арку, где хозяйка магазина держала товары. Эверетт побежал следом, волоча сумки с фазанами и прочими покупками. Краем глаза он заметил, что «миссионеры» пустились бегом. Шарлотта Вильерс шла все так же печатая шаг, неторопливо и неумолимо.

Сен проскочила между высоченными, до самого свода арки, металлическими стеллажами. На полках лежали рулоны душистого шелка и муслина. Дверь в глубине вела в коридор с уборными, а оттуда — в чайную. Там отогревались за чаем замерзшие женщины, поглядывая на укрепленный высоко на стене крошечный телевизор с большущей линзой. Выскочив наружу, Сен стала пробираться на Сандрингем-роуд, стараясь держаться позади лавчонок.

— Тут можно пройти насквозь, а эти нас в жизни не найдут, — сказала она, ныряя в кладовку, полную мохнатых, пыльных мотков шерсти.

— Тьфу, пакость! — охнула Сен, выбежав через другую дверь на улицу.

Они оказались на небольшой площади в том месте, где Амхерст-роуд выходит к Далстонскому шлюзу на реке Ли. Позади вода. Вперед, между ними и Андре-стрит — еще «миссионеры», а возглавляет их

таинственный клон Шарлотты Вильерс. Их удивительное сходство было еще заметнее в косых лучах по-зимнему низкого солнца, светившего поверх электромастерских на Амхерст-роуд.

— Ненавижу сюрпризы! — крикнула Сен. — Так, давай сюда!

Она, кажется, знает наизусть все пожарные лестницы в Ист-Энде, подумал Эверетт. Железная лестница спустилась с галерейки третьего этажа пакгауза, с трех сторон замыкающего отводной канал.

На середине подъема Сен остановилась.

— Что ты их тащишь? Бросай все!

— Я больше нигде не найду четырех фазанов за четыре фунта, — ответил Эверетт, вцепившись в сумки.

Сен мотнула пушистой головой, и они стали карабкаться дальше. Двое кяппов осторожно полезли вверх. Лестница скрипела под тяжестью взрослых мужчин. Остальные во главе с человеком, которого Эверетт про себя называл Шарлем Вильерсом, следовали за ними по мостовой.

— Жаль, у вас тут нет веб-сайта под названием «Киноштампы», — пропыхтел Эверетт, цепляясь за перекладину.

— Побереги силы! Мало тебе, что сумки лишние тащишь? — огрызнулась Сен.

— Там собраны разные сюжетные ходы, которые без конца повторяются в фильмах, и в книгах, и в комиксах. Один такой прием называется «Загнать на дерево». Это когда положительные персонажи, убегая от погони, залезают на крышу, и тогда отрицательным остается только окружить их и ждать, пока они спустятся. Как собаки загоняют кошку на дерево.

Теперь и Сен увидела, как из-за угла пакгауза появилась Шарлотта Вильерс со своим отрядом. Иддлер исчез, честно выполнив работу проводника. Он, наверное, был единственным человеком, знающим все закоулки порта не хуже Сен. Шарлотта Вильерс что-то проговорила в воротник, и трое кяппов заняли позицию у второй пожарной лестницы, со стороны Андре-стрит.

— Кошка на дереве, говоришь, мистер Киноштамп? Иди лучше за мной!

Сен влезла на перила, а оттуда через водосточный желоб забралась на крышу. Эверетт последовал за ней, держа одну сумку в зубах, а другую повесив на локоть. Сен показала вперед: между

виадуками рынка виднелся подъемник, пристроенный к стене очередного пакгауза.

— Давай, пошли! — скомандовала Сен.

Подъемник был самый примитивный, какими пользуются кровельщики во время работы: просто платформа и лебедка. Путь к спасению.

— Откуда ты знала? — спросил Эверетт.

— Аэриш всегда смотрят вверх, а земляные крысы — никогда. Это у нас такой секрет.

Заскрипела лебедка. Платформа дернулась, и Сен рванулась вперед, но пока она добежала, подъемник ушел вниз. А внизу стоял Иддлер. Он усмехнулся, глядя на Сен, и шутовским жестом отдал ей честь.

— Киношампы, говоришь? — поддел Эверетт и сразу почувствовал себя мелочным и подлым.

Не дразниться надо, а думать. Выход есть всегда.

Тут подроспела Шарлотта Вильерс со своими кьяппами.

— Спускайтесь, будьте так любезны, — приказала она. — Я за тобой не полезу — как бы каблук не сломать.

— Как она догадалась, что тебя надо искать в городе аэриш? — прошептала Сен.

— Она тебя видела, помнишь, в Тайрон-тауэр? — ответил Эверетт. — Куртка, леггинсы, сапоги и мой мобильник. Не надо быть гением, чтобы сообразить.

— Вы спуститесь, мистер Сингх? — снова крикнула Шарлотта Вильерс.

— Прости, Эверетт, — прошептала Сен.

И тут он услышал шум. Услышал именно в то мгновение, когда беспорядочный топот превратился в размеренный марш. Десятки, сотни портовых жителей, бросив свои дела, вышли на улицу. Эхо их шагов отдавалось от стен виадука, раскатывалось по набережным и причалам, и баржам, ожидающим своей очереди у Далстонского шлюза. В порту не действовали законы города, полиции и таможни. Здесь было свое правосудие, очень жесткое и неформальное по сравнению с обычным судом, но не менее действенное и справедливое. Так повелось с давних времен, когда на окраине благовоспитанного Лондона появился порт для грузовых воздушных перевозок. Два

правопорядка договорились между собой. Договор не был записан на бумаге — всего лишь джентльменское соглашение, но оно строжайше соблюдалось всю сотню лет, что дирижабли парили в небе над сутолокой Хакни. Рынок был буферной зоной, где смешивались лондонцы и аэриш, придерживаясь каждый своих законов. Разделяющая их грань была тонкой и острой, как битое стекло. Шарлотта Вильерс, приведя с собой полицейских, нарушила неписаный закон, и Хакни поднялся на защиту своих прав.

Когда толпа вступила на Площадь Канала, даже ледяная Шарлотта Вильерс на мгновение растерялась. Люди стояли в десять, двадцать рядов, держа наготове бутылки, бочарные клёпки, булыжники и обломки мебели из таверны «Небесные рыцари». Та драка толком не закончилась. Энергия битвы все еще витала на улицах, подобно дыму, и липла на кулаки портовых жителей. Во главе толпы стоял Эд Заварушка — человек, похожий на терьера, поборник профсоюза, адвокат за барной стойкой (даже если эта стойка была разбита в щепки во время конфликта Бромли — «Эвернесс»), Человек, которому до всего есть дело и всегда надо быть в центре событий — ближайший аналог политика в порту Большой Хакни. Крайне плохо умеет держать себя в руках.

— Стоять! — приказала Шарлотта Вильерс.

Толпа остановилась как вкопанная, а у Эда Заварушки отвисла челюсть.

— Ты, палоне, лучше тут не командуй! — заорал Эд. — Тут тебе не что-нибудь, а Хакни!

Толпа одобрительно загудела.

— Тихо! — сказала Шарлотта Вильерс.

И снова толпа послушалась — так властно прозвучал этот голос. Наступила тишина.

Шарлотта Вильерс шагнула вперед и оказалась лицом к лицу с Эдом Заварушкой.

— Не вмешивайтесь! Здесь дело Пленитуды.

— Да хоть самого Всевышнего! Являетесь сюда с кучей кьяппов, как будто так и надо! Здесь не ваша юрисдикция.

— Искренне рекомендую: не препятствуйте проведению операции, — сказала Шарлотта Вильерс.

При слове «операция» в толпе поднялся ропот. Люди потрясали кулаками, размахивали дубинками и булыжниками. Брошенная кем-то бутылка разлетелась вдребезги у самых ног Шарлотты Вильерс. Та даже не вздрогнула. Миг — и затянута в серую перчатку рука уже сжимает пистолет. Не тот изящный, словно ювелирное украшение, которым она грозила Эверетту, а черный, компактный, явно иномирного происхождения.

— Так, пошли насильственные меры! Послушай, палоне! — Эд Заварушка, на полторы головы ниже своей противницы, шагнул к Шарлотте Вильерс, выпятив подбородок и гневно тыча в нее пальцем. — Сейчас я отберу твой игрушечный пистолетик и засуну его...

Раздался пронзительный писк. Заболели уши, как будто их кололи иголкой. Сияющий диск ослепительного света надвинулся на Эда Заварушку, и тот исчез, как не было.

— Ой, Всевышний! — ахнула Сен. — Я думала, на самом деле их не бывает.

— Кого не бывает?

— Прыгольверов. Ой, караул! Ой, Господи!

Эверетт не знал, что такое прыгольвер. Тем временем толпа опомнилась и с грозным звериным ревом двинулась вперед. Шарлотта Вильерс хладнокровно навела на людей свое оружие.

— Я могу установить фокусировку любой ширины, — произнесла она.

Толпа остановилась.

— Где Эд? — прокричал чей-то голос.

Потом другой:

— Верни его сейчас же, стерва!

Шарлотта Вильерс улыбнулась.

— Я не могу его вернуть, если бы даже и хотела. Видите ли, я понятия не имею, куда его забросило.

Из задних рядов толпы полетели палки. Булыжники с треском отскакивали от мостовой у ног Шарлотты Вильерс. Бутылки взрывались, словно гранаты. Однако Шарлотту Вильерс ни разу не задело, и пистолет не дрогнул в ее руке.

— Расходитесь, иначе я буду стрелять. Вы хотите снова увидеть своих детей, своих любимых?

— Что это за штука? — шепотом спросил Эверетт, пригибаясь пониже.

— Она не убивает, просто отправляет тебя куда-нибудь, а обратно уже никак.

Между тем на площади ситуация изменилась. Очередная бутылка, крутясь, пролетела по воздуху и попала Шарлотте Вильерс прямо в лицо. Толпа взревела от радости. Шарлотта Вильерс провела рукой по щеке и с изумлением уставилась на окровавленные пальцы. Полицейские бросились к ней, заслоняя от толпы. Под градом разнообразных предметов отряд оттянулся за угол, на Андре-стрит, откуда они и пришли. Несколько портовых жителей, помоложе и похрабрее, кинулись было в погоню, но, помня о возможностях черного пистолетика, ограничились тем, что издали швыряли камни и улюлюкали вслед отступающему врагу.

— Пошли на «Эвернесс», — сказала Сен и, не дожидаясь подъемника, помчалась по крыше к галерее со стороны канала.

— Я так и не понял, что она сделала, — крикнул Эверетт. — Все-таки, что такое прыгольвер?

Сен замерла на коньке крыши, четким силуэтом на фоне угрюмого зимнего неба.

— Это пленитудское оружие. Считается, гуманное. Оно не убивает, а только перебрасывает свою цель в ту же самую точку в какой-нибудь случайной параллельной вселенной. Пиф-паф, и нет тебя. И вернуться не можешь. Ничего себе «гуманное»... Вселенная-то не одна из Девяти... ох, прошу прощения, Десяти, а вообще любая вселенная, сколько их там есть в твоём компутаторе. Вдруг попадешь в такую, где воздуха нет, или окажешься посреди океана, или где-нибудь во льдах, или там, где война идет, да мало ли еще что. Ну, зато тебя не застрелили, ага.

У Эверетта голова пошла кругом. Они с Сен перебежали на другую сторону крыши, спрыгнули на галерею, оттуда — вниз, на улицу, в портовую сутолоку, и все это время воображение Эверетта лихорадочно работало. Шарлотта Вильерс знает, что он здесь, а от Иддлера знает и на каком корабле, и у какого причала. Сейчас она отступила, но скоро вернется и будет действовать еще хитрее. Она не остановится. В следующий раз явится прямо на «Эвернесс» и отряд захватит помощнее, чтобы ее больше не могли унижить. Ждать больше

нельзя. Надо как можно скорее поговорить с капитаном Анастасией. Иддлер, Бромли, теперь еще и Шарлотта Вильерс со своей тайной организацией — и все по душу капитана Анастасии. Нужно ей объяснить, что она никогда уже не будет в безопасности в Большом Хакни. Берлин! Эверетт слышал, капитан Анастасия говорила Сен о том, как она любит Берлин, как там было весело. Нет, может быть, и Берлин недостаточно далеко. Срочно, очень срочно, раньше, чем планировал, он должен вызволить Теджендру, добраться до портала, захватить Лору и Викторию-Роуз и свалить совсем из Пленитуды. Удрать в такую вселенную, где их не найдут, как будто по ним выстрелили из прыгольвера. Только выбирать не наугад, а заранее все продумать. Очень тщательно. Прыгольвер — что за безумное оружие! На Земле-3, конечно, технология прыжков через портал отработана, но ведь тут — компактный портал Гейзенберга, его можно носить в кармане или в сумочке. Явно нездешнее изобретение. А перемещение всегда случайное или можно его запрограммировать? Что, если подключить прыгольвер к Инфундибулуму? Оружие, способное переместить тебя в любую вселенную? Безумие какое-то! Полный крышеснос. Подумай лучше про капитана Анастасию. Какими словами ей сказать, что ее миру пришел конец?

Эверетт застыл посреди улицы. У него ныли руки и плечи. Почему, в чем дело? Он так погрузился в раздумья, что забыл про сумки с покупками. Продукты для рождественского угощения, которое никто уже не съест. А если их бросить, капитан Анастасия начнет задавать вопросы раньше, чем он успеет придумать убедительные ответы. Ладно, пусть она так и не попробует махани из фазанов, но, может, хоть сари ей понравится.

Эверетт в кухне протирает вымытые кофейные кружки (разномастные и щербатые) и вдруг почувствовал какую-то перемену. Дирижабль качнулся чуть заметно, Эверетт даже равновесия не потерял, и вода в раковине едва плеснула, но Эверетт всем нутром ощущал, что больше не привязан к земле. Он подошел к иллюминатору. Внизу проплывали шиферные крыши пакгаузов, блестели стеклом чердачные окошки. Швартовочная штанга, к которой раньше крепилась «Эвернесс», плавно отошла к основному стволу причала; из труб капала балластная вода. От разъема для подзарядки сыпались искры. Портовый рабочий в оранжевой безрукавке, кожаном шлеме и защитных очках что-то сказал в портативную рацию и помахал дирижаблю рукой. Гондолы двигателей повернулись на своих креплениях. «Эвернесс», продолжая подниматься, выполнила поворот. Она прошла над «Леонорой-Кристиной», все время набирая высоту. В крошечном запотевшем иллюминаторе проплывала панорама порта. Сверху дирижабли, пришвартованные по четыре к причальной башне, казались лепестками диковинного Цветка, а Большой Хакни — целым лугом гигантских Цветов. Линии надземки пролегли серебряными жилками. Крыши без конца и без края; там блеснет ниточка канала, там — переплелись паутиной линии электропередачи. Вот показалась монолитная масса Хаггерстауна. Еще выше стали видны небоскребы Сити, по-гангстерски напирающие на собор Святого Павла, пугая его своей выставкой богов, ангелов и химер, по всей длине Флит-стрит от Стренда до набережной Темзы и правительственных зданий Уайтхолла. Выше всех, неправдоподобно тонкий, словно скриншот из японской компьютерной игры, поднимался шпиль воздушного порта Сэдлерз-уэллс, сплошь увешанный дирижаблями. К западу высились тесными группами высотные здания Блумсбери. Эверетт высмотрел зазубренную стрелу Тайрон-тауэр, и тут его восторг перешел в ужас.

— Нам же нельзя улетать! — заорал он в тесном, как гроб, камбузе. — Нельзя сейчас улетать! Мне же надо... Назад, назад, назад!

Он заколотил кулаками по переборке. Нанокарбоновая перегородка даже не подалась под его ударами, а «Эвернесс»

поднималась все выше, плавно и величественно, словно парить в воздухе — самая естественная вещь на свете. Эверетт уже видел водохранилище, излучину реки у Гринвича и прямой участок, ведущий к устью. Двигатели перешли в режим горизонтального полета. Как же Шарки говорил, что до окончания погрузки еще один день? Они взлетели не по расписанию!

Эверетт выскочил из камбуза на мостик и взлетел по винтовой лестнице, прыгая через две ступеньки. В рубке дверь была открыта, все мониторы светились, дисплеи подмигивали зеленым сквозь увеличительные стекла. При звуке шагов Шарки поднял голову, отвлекаясь от рации. Сен стояла у руля, держа руки на рычагах управления. Капитан Анастасия застыла у выпуклого обзорного окна, сцепив руки за спиной, у ее ног раскинулись луга Хакни-Маршиз и серебристая излучина Темзы.

— Что такое, куда летим? Сейчас нельзя! — с порога завопил Эверетт.

Капитан Анастасия не обернулась, не дрогнула ни единым мускулом, словно и не слышала никаких неуместных выкриков.

— Мистер Шарки, — произнесла она тихо и грозно. — Проводите мистера Сингха в камбуз, а если будет плохо себя вести, заприте его там на все время полета. Мистер Сингх, я допускаю в рубке своего корабля только то, что красиво или полезно. Ваши неподобающие речи нарушают первую часть условия. Предоставляю вам шанс исправиться за счет второй. Горячего шоколаду сюда, и пошустрей.

— Что с ней? Она раньше никогда так не разговаривала, — сказал Эверетт, когда Шарки твердой рукой вывел его из рубки.

Мастер-весовщик помедлил с ответом, пока они не отошли подальше, и даже тогда заговорил, понизив голос:

— «Блуди себя пред лицом Его и слушай гласа Его; не упорствуй против Него, потому что Он не простит греха вашего». О, она и раньше так разговаривала. Не часто, но запоминается надолго. Случалось мне слышать ее такой, и видеть тоже. — Шарки пропустил Эверетта впереди себя в камбуз, вошел сам и закрыл дверь. — Вы уж постарайтесь такого шоколаду сварить, какого в жизни своей не варили, сэр. И я бы тоже выпил чашечку.

Эверетт растопил в кастрюльке шоколад, взбил пышные роскошные сливки, по капле влил сахарный сироп с добавкой жгучего

перца чили. «Эвернесс» упорно поднималась ввысь, над бесконечными доками Сильвертона — геометрический узор верфей, каналов и шлюзов.

— Так куда мы летим?

Шарки пожевал губу.

— Отмель Гудвина, сэр. Гудвиновы пески. «По-прежнему упорно держится слух, что корабль Антонио с богатым грузом потерпел крушение в Узком проливе. Гудвинские пески, — кажется, так оно называется, — роковое место, очень опасная мель, где лежит не один остов большого корабля».^[4]

— Это из Библии?

— Нет, Шекспир. «Венецианский купец». Я и Шекспира знаю, и Мильтона, и «Моби Дика» читал, только стараюсь упоминать об этом пореже. Шекспира цитируют только придурки, фрики и психопаты. Гудвиновы пески, отмель в шести милях от побережья Кента. И там полегло немало воздушных кораблей, как и торговых судов славного Антонио. Говорят, во время отлива из-под воды показываются их остовы, со всеми шпангоутами и обводами, словно громадные скелеты. Туда-то мы и отправимся, друг мой. Когда мисс Сен рассказывала вам о жизни народа аэриш, не упоминала ли она слово «крис»?

— Я слышал про амрийю.

Эверетт налил Шарки в крошечную чашечку густой горячий сладкий шоколад с ноткой жгучего перца. Шарки отпил глоток и блаженно зажмурился.

— Божественный шоколад, вот что я вам скажу, сэр! Что ж, отчасти вы правы — крис немного похож на амрийю. От него тоже нельзя отказаться без урона для чести. Крис — это вызов на дуэль. Поединок воздушных кораблей. На моем веку крис не объявляли ни разу, но Мамаша Бромли, злобная старая гадина, кичится тем, что она одна, душа и сердце Большого Хакни, помнит старые обычаи. Вот и вспомнила этот. Прислала вызов по всем правилам, через своего младшенького. Мастер Кайл Бромли по прозвищу Красавчик. Трижды выкрикнул имя капитана Анастасии, подал свиток, перевязанный тремя красными ленточками, и текст составлен, как полагается: «За многие притеснения, оскорбления и обиды, нанесенные мне от рук, из уст и от сердца владелицы и капитана дирижабля „Эвернесс“, вызываю и объявляю крис капитану Анастасии Сиксмит. Сим обязую

ее дать сатисфакцию владелице и капитану дирижабля „Артур П.“ посредством поединка в воздухе: моя команда против твоей команды, мой корабль против твоего корабля, рука к руке и душа с душой, в месте, от века назначенном, в три часа пополудни. Если же не явится, да пронзят колющие шипы оболочку ее корабля, и да выйдет из него газ, и хребет его переломится, и двигатели его остановятся, и да будет имя его опорочено и опозорено, чтобы потомки бежали от самой тени его». Хорошо сказано, сочно, и в полном соответствии с традициями, надо полагать. Мамаша Бромли — женщина дотошная. Жаль, сыновья не унаследовали ее отваги.

— Когда это случилось?

— Да пока вы с Сен закупали провиант к празднику. Кайл Бромли собственной персоной и с ухмылкой во всю физиономию, поганец такой. Пусть радуется, что у него вообще есть физиономия — братцев-то его мы с Макхинлитом знатно отделали. Правда, выходит, что и на мне есть вина... «За многие притеснения, оскорбления и обиды»... Думаете, вы сейчас увидели, как злится капитан? Глупости, сэр! Посмотрели бы вы, когда этот сопливый гаденыш вручил ей вызов! И это ему-то взять в жены капитана Анастасию?!

— Дуэль дирижаблей... — пробормотал Эверетт, аккуратно наливая горячий шоколад для капитана, и обтер край чашки куском бумажного полотенца.

— Правила очень простые. Или победитель приводит побежденный корабль на буксире в порт, или обломки обоих кораблей остаются лежать на отмели. А уж способы, как достичь результата — целиком и полностью на наше усмотрение. — Шарки одним глотком допил шоколад. — Идем к Анни. Ей понадобится помощь всей команды, и даже ваша, мистер Сингх.

Когда Эверетт, на этот раз скромно, вошел в рубку, капитан Анастасия по-прежнему стояла у окна. И вновь она не оглянулась, только протянула руку. Эверетт вложил в ее руку кружку с горячим шоколадом и отступил назад. Капитан Анастасия сделала глоток. Эверетт услышал, как она вздохнула.

— Мистер Сингх, в вашем мире что-нибудь может с этим сравниться?

«Эвернесс» скользила над замерзшими полями Теймсмида и Эрита, следуя за руслом Темзы. Сейчас они приближались к

Дартфорду, где река прорезала сверкающую серебром брешь в сплошной стене электростанций и дымовых труб. По ту сторону, мерцая на солнце, лежало широкое устье. Дирижабли летают ниже, чем самолеты, и не так быстро. Стандартная высота подъема у них — тысяча метров. Эверетт попытался оценить скорость, глядя, как проплывают внизу поля, деревушки и дороги. Сто пятьдесят — двести километров в час? Он бросил свои попытки, замороженный величественно-неторопливым полетом. Самолеты поднимаются слишком высоко, оттуда не разглядеть подробностей. А из обзорного окна «Эвернесс» можно было увидеть, как мчатся внизу поезда и рельсы блестят в лучах заходящего солнца. По узким деревенским улочкам с трудом протискивались грузовики и легковушки. Из труб поднимался дым — прямой линией, словно прочерченной карандашом в безветренном воздухе. В поле пыхтел трактор с паровым двигателем, чайки летели за плугом, взрезающим промерзшую землю, готовя ее под озимую пшеницу. И тихо... Так тихо! Электрические пропеллеры почти не производили шума. Слышно было, как стучат колеса поезда, и как кричат чайки, и как звонит чугунный колокол деревенской церкви. Так летаешь во сне: поднимешь руки и сразу поднимаешься ввысь. Легче воздуха.

— Нет, мэм, — ответил Эверетт. — Такого у нас нет.

Кажется, капитан Анастасия улыбнулась.

— Мисс Сиксмит!

— Мэм! — откликнулась Сен.

— Полный вперед! Стандартная высота для прохождения Дымового кольца. — И пояснила, обращаясь к Эверетту: — Скверный воздух, мистер Сингх.

— Есть стандартная высота, шесть тысяч футов, мэм. — Сен потянула на себя рычаг высоты.

Не было ощущения, что изменился угол наклона Дирижабля — просто земля ухнула вниз. «Эвернесс» приближалась к частоколу дымовых труб и градирен. С высоты стало видно, что их ряд изгибается с обеих сторон: не черта поперек мира, а круговая стена. «Чтобы не впускать или не выпускать?» — подумал Эверетт. Сен вела корабль сквозь плотный слой оранжевого смога, где смешались дымы из отдельных труб, объединяя свои химикаты. «Эвернесс» потряхивало, когда она попадала в водовороты дыма и горячего

воздуха от градирен. Чашка в руках капитана Анастасии задрезжала о блюдечко. Капитан спокойно сделала еще глоток, словно бросая вызов Эверетту: удержится ли на ногах или схватится рукой за опору. Он посмотрел вниз, в жерла дымовых труб, в разинутые черные пасти охлаждающих башен. «Эвернесс» вновь трянуло, а потом они вдруг выскочили за пределы Дымового кольца.

— Здесь воздух бона, мистер Сингх, — сказала капитан Анастасия.

— Вижу «Артура П.», десятая видеокамера, — подал голос Шарки.

— Экран шесть, будьте так добры, мистер Шарки!

Укрепленный над окном на поворотной консоли монитор замигал, и на экране появился вид с кормовой видеокамеры. К ним приближался большой дирижабль, приплюснутый и хищный, точно акула. На носу был изображен дракон, свернувшийся вокруг шара, увенчанного короной.

— Они нас догоняют, — проговорил Шарки. — Путевая скорость сто восемьдесят пять.

— Прибавить скорость, мисс Сиксмит. «Эвернесс» не будет тащиться за ними, как свинья, которую волокут на ярмарку. Мистер Шарки, докладывайте о любых изменениях скорости «Артура П.».

— Есть, мэм!

Сен плавно подала рукоятку вперед, пока цифры на зеленых увеличенных линзами экранов не сравнялись с теми, что назвал мистер Шарки.

— Девятнадцать минут до пункта назначения, — сообщила она.

Такою Сен Эверетт еще не видел. Она была сосредоточена на управлении кораблем. Никаких шуточек, жаргонных словечек и эффектных поз. Когда она сказала, что занимает в команде место пилота, Эверетт не совсем поверил — Сен любила преувеличивать. А оказалось, она действительно пилот, и притом классный. Она всю себя вкладывала в управление полетом.

Они уже летели над территорией графства Кент. Слева виднелись остров Шеппи и устья рек Медуэй и Темзы, тускло-серые, как холодный чугун. Справа и впереди можно было рассмотреть крестообразный в плане Кентерберийский собор. От его башен по кровлям соседних домов тянулись по-зимнему длинные тени. А прямо

по курсу над горизонтом нависла линия туч, темных, чуть желтоватых по краям, точно застарелый синяк.

— Что это по-вашему, мистер Сингх?

— Я бы сказал, погодный фронт, мэм. Учитывая время года и то, что тучи идут с востока, возможно, будет снег.

— Согласна с вами, мистер Сингх. Мистер Шарки, доложите погодную обстановку! В отличие от ваших а-э-ро-пла-нов, мистер Сингх, мы не можем лететь наперекор стихиям. Хороший капитан умеет использовать ветер, перепады давления, восходящие и нисходящие потоки воздуха.

— Автоматическая метеостанция Сандетти, данные на четырнадцать часов, — произнес Шарки, придерживая рукой наушник, как делают диджеи. — Ветер восточный-северо-восточный, переходящий в северо-северо-восточный, тридцать узлов, снег, видимость сто метров, давление сто пять миллибар и продолжает падать.

— Отлично! — воскликнула, потирая руки, капитан Анастасия. — Мисс Сиксмит, сохраняем прежнее направление и скорость. Высоту снизить до стандартной высоты полета.

Эверетт подошел к окну и уперся руками в стекло, воображая себя носовой фигурой корабля. Вот он летит, подхваченный воздушными потоками, в самое сердце урагана, примчавшегося от голландских берегов... Тучи уже приближались над морем, словно вторая линия горизонта. В воздухе закружились снежинки, на лету превращаясь в ледяную крупу. Холод просачивался внутрь дирижабля. Эверетта пробрала дрожь.

— Что наш противник, мистер Шарки?

— Направление и скорость прежние.

— Мисс Сиксмит, снижайтесь до двухсот метров. Включите автопилот.

Внизу показался курортный городок Дил. Вдоль набережной и живописного мола мигали, качаясь на ветру, китайские фонарики. Собачники, выгуливающие своих питомцев, задирали головы, глядя, как над ними бесшумно проплывает темная масса дирижабля — огромного, как небоскреб, и при этом легче воздуха. Дальше, дальше, над седыми волнами, вспененными ветром. Солнце скрылось за тучами. Вверху, внизу, впереди все серое, в белых крапинках

снежинок. Метель выжидала, свернувшись в клубок, и вдруг набросилась на «Эвернесс», завывая и швыряясь мокрым снегом вперемешку с дождем. «Эвернесс» содрогнулась и отважно двинулась дальше, вглубь снежной бури.

Капитан Анастасия поманила пальцем.

— Сен, мистер Сингх! Вам нужно это видеть. И молитесь Всевышнему, чтобы не привелось увидеть вновь!

Сен, включив автопилот, подошла и стала вместе с матерью и Эвереттом смотреть на бесформенную серую мешанину метели над морем. На оконном стекле по углам скапливался снег. От окна веяло холодом. На темно-сером фоне проступило более светлое пятно — там волны разбивались на отмели и пенились барашками. Вода на мелком месте была чуть зеленоватой. Эверетт видел, как на карте, контуры песчаных мелей. Вот показался более правильный рисунок: здесь из воды выступал каркас корабля, словно скелет динозавра, увязший в песке и окаменевший. В бело-серой круговерти трудно было определить размеры, но вот ветер на миг отодвинул снежный занавес, и Эверетт увидел, что остов огромен — метров сто в длину. Дирижабль разбился здесь давным-давно, и подвижная отмель поглотила его. Рядом проступали сквозь песок очертания другого корабля, чуть дальше лежал третий, впереди виднелись четвертый, пятый... Там, где отмель выходила на поверхность, мертвые корабли были видны еще отчетливее. Мешанина продольных брусьев и шпангоутов; сломанный лонжерон, точно перебитый позвоночник; рядом доски торчат из песка, словно пальцы утопленника, а вокруг них пенится вода; трепещут на ветру обрывки корабельной оболочки. Дальше лежал сплошной песок. Чайки пугались надвигающейся тени дирижабля и взлетали, крича, точно пропащие души. Здесь погибли десятки воздушных кораблей, и их затянуло вечно движущимся песком. Настоящее кладбище.

— Гудвиновы пески, — проговорила капитан Анастасия. — Дуэльная площадка аэриш. Сен, карты!

Сен вытащила из-за пазухи карты «Эвернесс» — она всегда держала их у самого сердца. Капитан Анастасия стасовала колоду, трижды сняла и вернула колоду Сен. Побледневшее лицо Сен ничего не выражало, глаза были мертвые, как разбитые корабли внизу. Она

выложила пять карт крестом на приборной доске и по очереди перевернула их рубашками вниз.

Верхняя карта креста: черепахи тянут морскую раковину, а в ней сидит младенец и радостно улыбается, на замечая, что вдали бушует гроза.

— Дитя в раковине, — сказала Сен. — Невинность и опасность. Неведение не всегда благо. Большой риск.

Все, кто был в рубке, столпились поближе к пульту управления.

Нижняя карта креста: два лебедя с коронами, надетыми на шею и соединенными между собой цепочкой.

— Сванильда и Свангам, — объявила Сен. — Союз на всю жизнь. Лебеди не меняют пару. Если один умрет, второй не проживет долго.

Левая сторона креста: старик с длинной бородой сидит, прижав колени к груди, и смотрит в пространство широко раскрытыми глазами. Вокруг сугробы, старику по шею.

— Страж зимы, — сказала Сен. — Холод. Голод. Нужда. Придет ли весна? В ноябре и феврале карта означает смерть от старости. Это месяцы-убийцы.

Сен открыла карту на правой стороне креста. Человек в костюме восемнадцатого века с широкополой шляпой и короткими панталонами бредет по дороге, уходящей куда-то вдаль. Человек опирается на посох, лицо у него серьезное и целеустремленное. Эверетт уже в который раз принялся гадать, откуда Сен добывает эти карты, кто подсказывает ей имена и толкования.

— Путник на вечерней дороге, — сказала Сен. — Времени мало, а в горах темно, и еще много миль до ночлега. Нелегкий путь.

Сен отогнула уголок последней, центральной карты креста и быстро положила ее на место. Капитан Анастасия бестрепетной рукой перевернула карту. Волк с разинутой пастью пожирает солнце и планеты.

— Время волка, — сказала Сен. — Неудачно легли кости. Плохие побеждают. Солнце съели. Мир на какое-то время отдан силам тьмы, и нет просвета.

— Да будет так, — ответила капитан Анастасия. — Удача — дело наших рук. По местам! Работать надо. Мистер Шарки, что наш противник?

— На мониторах — ничего, мэм. Опять же, в такую погоду собственного хвоста не видно. Радар совсем свихнулся, показывает невесть что.

Капитан Анастасия подняла руку. Мгновенно наступила тишина. Сама капитан застыла, словно изваяние. Эверетт старался не дышать. Очень медленно, как двигается ледник, капитан Анастасия повернулась влево и широко раскрыла глаза.

— Сен! Право руля!

Сен рывком переложила руль, и в тот же миг из снежной пелены возникло что-то огромное, готовое раздавить и проглотить весь мир. Волк, подумал Эверетт. Волк, пожирающий солнце. Нет, хуже: дирижабль. Идет на таран с огромной скоростью.

— Вниз, к земле! — крикнула капитан Анастасия.

Сен вдавила рукоятки до упора.

— Держитесь!

«Эвернесс» резко пошла вниз и вбок. Эверетта швырнуло на оконное стекло. «Эвернесс» вздрогнула во всю свою двухсотметровую длину — «Артур П.» задел ее левый борт. На миг показалось, что вся конструкция сейчас развалится — шары с газом вырвутся на волю и улетят в стратосферу, оболочка отделится, как апельсиновая корка, нос корабля треснет пополам, и Эверетт полетит вниз, туда, где снег, и море, и острые ребра погибших дирижаблей. Тут Сен вывела корабль из-под снегопада на чистое пространство.

«Она как будто услышала, — думал Эверетт, глядя, как капитан Анастасия направляется к переговорному устройству. — Кожей почувствовала какую-то вибрацию в воздухе, какой-то перепад давления. Услышала, как они подходят. Если бы не она»...

— Мистер Макхинлит, доложите о повреждениях.

Голос механика с трудом прорывался сквозь вой ветра в нижней части дирижабля.

— Уроды снесли нам гондолы третьего и пятого пропеллеров!

— Когда сможете снова дать полную мощность?

— Капитан, я не могу дать мощность, когда двигателей нет!

— Есть изображение, — доложил Шарки.

— Выведите на мои экраны.

Картинки были зернистые и размытые, однако на них были видны обломанные крепления, искрящиеся обрывки проводов и безобразные

вмятины, уродующие обтекаемый корпус дирижабля. Каждый потерянный двигатель — как отрубленный палец. Капитан Анастасия помрачнела. Ей удалось сохранить корабль, но потрепало его изрядно.

— Сен, отключить четвертый и шестой пропеллеры! Не то вибрация разнесет корабль на куски. И набрать высоту! Здесь, внизу, нам смерть. Мистер Шарки, попробуйте добиться толку от радара. Я хочу знать, где находится «Артур П.».

— На радаре — ничего. Они как будто исчезли.

— Мистер Шарки, дирижабль не может так просто исчезнуть.

— Я вижу только снег и чаек.

— Дайте изображение на мой экран!

Капитан Анастасия надвинула на экран линзу, пристально всматриваясь в летящие снежинки. «Артур П.» возник словно ниоткуда, прошел впритирку к «Эвернесс» и снова пропал. Грузовой корабль в триста метров длиной! Невозможно! Немыслимо! Пусть обстановка вокруг зловещая, все же никакие сверхъестественные силы здесь не действуют. Эверетта в школе за вратарскую игру считали джедаем, одаренным суперспособностями. Круто, конечно, быть футбольным ниндзя, но на самом деле все это суеверия. Просто он успевал учитывать все возможности, анализировать вероятности... Просто он мыслил в трех и больше измерениях.

— Может, они не сбоку, а сверху? — предположил Эверетт.

Капитан Анастасия широко раскрыла глаза.

— Мистер Шарки, сканирование по вертикали!

Радар запищал, посылая свой луч вверх и вниз, и сейчас же на капитанском мониторе возникла громадная тень «Артура П.». Корабль противника находился прямо над «Эвернесс» и при этом быстро снижался. Они задумали раздавить «Эвернесс», насадить ее на острые ребра разбитых кораблей на отмели!

— Полный вперед! — загредел голос капитана.

Сен ударила по рычагам управления. «Эвернесс» стронулась с места, но она была слишком неповоротлива, да и половина двигателей вышла из строя. Силуэт «Артура П.» надвигался, заполняя экран. Тридцать метров. Нелегко разогнать такую махину, как «Эвернесс». Двадцать метров. Слишком большая инерция. Десять метров. Пропеллеры выбивались из сил, вибрация корпуса отдавалась у Эверетта во всем теле, даже зубы заныли. «Ну давай, — шептал он. —

Давай, давай, ну!» Ушли... Почти ушли. Корабль трянуло. «Эвернесс» застонала всеми своими переборками, каждым карбоволоконцем. Дирижабль накренился. «Артур П.» зацепил руль «Эвернесс» и потащил за собой. Вся хвостовая часть опускалась вниз, а нос задирался кверху. Пустая чашка от горячего шоколада покатила по полу и остановилась, только уткнувшись в стенку. Эверетт схватился за столбик, чтобы не упасть.

— Держитесь, я прибавлю наклон! — крикнула Сен, потянув на себя руль высоты. — Шарки, ты хорошо закрепил груз?

Пропеллеры снова взвыли. «Эвернесс» накренилась сильнее. Линзы-увеличители повисли на кронштейнах. Из переговорной трубки донесся голос Макхинлита:

— Эта девчонка угробит мне корабль!

Сен стиснула зубы, но руль не выпустила. И вдруг хвостовая часть «Эвернесс» выскользнула из-под корабля противника. Они снова оказались на свободе.

— Поворачивай назад, к «Артуру П.»! — приказала капитан Анастасия. — Остановить в пятидесяти метрах от его носа!

— Слушаюсь, мэм!

— Макхинлит!

— Пока летим. Каким чудом, одному Всевышнему ведомо. Дайте мне маленько времени, пока доберусь осмотреть рули.

— Не нужно, мистер Макхинлит.

Сен выровняла «Эвернесс» и развернула ее навстречу «Артуру П.» Капитан Анастасия прижалась лбом к стеклу, всматриваясь в серую муть.

— Кайл Бромли никогда в жизни не смог бы выполнить такой маневр, — проговорила она. — Дона Бромли сама правит. Хочет нас доконать, чтобы наши косточки растащили чайки, кальмары и Гудвиновы пески. Раз ей не удалось захватить «Эвернесс», пусть не достается никому. — Капитан Анастасия снова взялась за переговорную трубку. — Мистер Макхинлит, мы готовы к бою?

— Шуткуете, капитан? Я не знаю, как мы в воздухе-то держимся.

— Видимо, это значит, что ответ отрицательный. Что ж, один раз меня провели и другой провели, но больше вы Анастасию Сиксмит не одурачите. Мистер Шарки, вызовите «Артура П.». Не только Дона Бромли знает традиции.

Сен удерживала «Эвернесс» прямо перед носом «Артура П.», заставляя дирижабль двигаться задом наперед синхронно с противником. Сквозь метель было видно герб в носовой части корабля противника и кусок иллюминатора под ним.

— «Эвернесс», говорит «Артур П», — послышался резкий женский голос.

— Дона Бромли, — отозвалась капитан Анастасия. — Летаете бона.

— Капитан Сиксмит, я бы рада польстить вам в ответ, но, увы, слухи о ваших способностях сильно преувеличены. Не такой жены я хотела для Кайла, — провозгласила мамаша Бромли. — Не жаль будет сбросить вас в грязь — там вам самое место.

Шарки в бешенстве стиснул челюсти. Губы у него дергались.

Капитан Анастасия спокойно ответила:

— Я вызываю вас, дона Бромли. Объявляю при свидетелях, что вызываю вас сразиться один на один, здесь и сейчас.

Шарки вскочил на ноги. Лицо Сен побелело. Эверетт громко ахнул. Он раньше никогда не верил, что люди могут ахать от удивления. Капитан Анастасия жестом приказала всем молчать.

— Крис — старинный обычай, но право на личную сатисфакцию древнее. И насколько я знаю, если вызов сделан, от него нельзя отказаться. Так, дона Бромли?

Последовала долгая пауза, слышен был только треск помех. Эверетту показалось, что он видит какое-то движение в рубке противника.

— Обычай позволяет выставить вместо себя другого бойца. У меня нет привычки драться со старухами. Готова встретиться в поединке с одним из ваших сыновей.

Капитан Анастасия сняла палец с кнопки передатчика.

— Вас убьют! — заорал Шарки.

— Меня учил французскому боксу легендарный мэтр Гастино из Марсея.

— Ну и что? Кайл Бромли, он же... он же...

— Мужчина?

— Да.

— А я женщина, это вы хотите сказать?

— Палонес не должны драться с оми.

— Не люблю я это выражение: «не должны». Мерзкое, пакостное выраженьеце. — Капитан Анастасия снова нажала кнопку передатчика. — Какой будет ваш ответ, дон Бромли?

— Вы прекрасно знаете, что отказаться мы не можем.

Эверетт ясно уловил желчь и злобу в голосе мамыши Бромли и подумал: «Ага, она тебя прищучила! Обыграла в твою же собственную игру, душа и сердце Большого Хакни, хранительница старинных традиций! Нашлась и на тебя традиция. Только вот чего же мы добились?»

— Встретимся через пять минут на борту вашего корабля, — сказала капитан Анастасия. — И я получу сатисфакцию.

Она подала знак Шарки оборвать радиосвязь.

— Конечно, вы правы. Я не могу победить, а они не будут драться честно. Мистер Шарки, мистер Макхинлит, вы меня слышите?

— Ненормальная, — отозвался голос из переговорной трубки. — Но я с вами.

— Недавно вы полезли в драку за мою честь. Мне это было не нужно, зато нужно сейчас. Джентльмены, я иду всего лишь тянуть время. Ваша задача — причинить как можно больше вреда «Артуру П.». Верю, что вы способны на многое. Мистер Сингх!

Эверетт вздрогнул. Его почти загипнотизировал танец снежинок на фоне «Артура П.».

— Мне понадобится каждый боец. Сен, оставайся на посту — ты должна править кораблем. Мистер Сингх, вы вписаны в судовую роль — будете сражаться вместе с другими. Мистер Макхинлит выдаст необходимое снаряжение. Ну что, ты готов, оми?

Два дирижабля застыли в воздухе носами друг к другу на расстоянии десяти метров — еще чуть-чуть, и поцелуются. Пропеллеры тихо вращались, позволяя сохранять неподвижность среди снежного хаоса. Оба корабля выдвинули сходни. Макхинлит и механик с «Артура П.» трудились в поте лица, соединяя их друг с другом. Эверетту сверху казалось, что длинные узкие мостики выглядят дико, как языки бабочек. Макхинлит рысью вернулся на корабль и показал большой палец. Капитан Анастасия, подняв воротник пальто, взялась за переговорную трубку.

— Мисс Сиксмит, «Эвернесс» вся ваша.

— Слушаюсь, мэ-эм... Мам...

Эверетту почудились в голосе Сен слезы. Может, просто связь плохая, да тут еще и вой ветра, врывающегося в дверь и наметающего сугробчики в углах. Капитан Анастасия торопливо вырубилась связь.

— Действуйте, джентльмены! Чтоб чертям жарко стало!

Она повернулась и широкими шагами двинулась по хрупкому мостику над бушующими волнами. Полы пальто хлопали на ветру, а потом налетел снежный вихрь, и ее не стало видно. На приборной доске возле люка загорелся янтарный огонек. Макхинлит большим пальцем надавил на кнопку. Мостик втянулся внутрь дирижабля.

— Готово!

Макхинлит захлопнул и закрепил дверцу.

— Держитесь крепче! — посоветовала Сен по громкой связи. — Может быть тряска.

«Эвернесс» двинулась прочь от «Артура П.». Эверетта качнуло к трапу. Шарки и Макхинлит уже спустились до середины винтовой лестницы, ведущей на грузовую палубу. Эверетта мотнуло, палуба кинулась в лицо, и он в последний миг удержался от падения, вцепившись в поручень. Сен, разворачивая дирижабль, выжимала из руля и двигателей все, на что они были способны. Шарки и Макхинлит уже бежали, громя башмаками, по грузовой палубе. Капитан Анастасия сказала, что может затянуть предварительное обсуждение формальностей не больше, чем на пять минут. За это время Сен

должна привести «Эвернесс» в удобную позицию для высадки десанта. Эверетт снова пошатнулся. Палуба накренилась. Если он сейчас оступится, то покатится по всей длине дирижабля, пока не врежется в рулевой механизм в хвосте. Корабль задрожал — это Сен включила два уцелевших двигателя по правому борту, рискуя вибрацией ради скорости. Запахло озоном от перегруженных электрических цепей. Последний десяток метров до грузового люка Эверетт пробежал зигзагами. Шарки уже вооружился. Макхинлит сунул в руки Эверетту десяток кабельных стяжек и нечто похожее на пистолет с раструбом, как у мушкетона. В раструб была засунута плюшевая игрушка.

— Это бумкер, — сказал Макхинлит. — В тебя как-то уже стреляли из такого. Больно, как сволочь, правда? Зато не пробивает оболочку корабля. Не смертельно.

Дулом пистолета он приподнял полу плаща Шарки — блеснули рукоятки дробовиков. Макхинлит прищелкнул языком.

— Угу, и вот еще такую штучку. — Он протянул Эверетту изящно изогнутую пластмассовую рукоятку резака. — Прежде всего надо туда войти, а потом уж выйти. Сдвигаешь переключатель вверх — режет, вниз — сращивает.

Макхинлит открыл рацию.

— Мы готовы и рвемся в бой!

— Назовите кодовое слово, чтобы я могла вас узнать, когда забирать буду, — сказала Сен.

Шарки с Макхинлитом озадаченно переглянулись.

— «Тоттенхэм Хотспур», — предложил Эверетт.

Сен сказала:

— Мы над «Артуром П.».

— Ну, держись! — отозвался Макхинлит, нажимая на кнопку.

Завизжали лебедки. Палуба под ногами Эверетта дрогнула. В открывшуюся щель задувал ледяной ветер. Трещина раскрылась шире, прямо в пустоту небесной выси. Метель, завывая, раскачивала грузовую платформу. Под ногами виднелся заснеженный корпус «Артура П.».

— «И совершу над ними великое мщение наказаниями яростными», — проговорил Шарки, стоя на качающейся платформе

среди снежных вихрей. — «И узнают, что Я Господь, когда совершу над ними Мое мщение».

— Эту цитату я знаю, — сказал Эверетт. — Она была в «Криминальном чтиве». Фильм такой, в моей вселенной. Так говорил Сэмюэль Л. Джексон перед тем, как убить кого-то.

Шарки ухмыльнулся в ответ. Ветер трепал его волосы, в глазах горел огонь. Сейчас Эверетт готов был поверить в любые зловещие истории, что о нем рассказывали.

— Тридцать секунд, — сказал Макхинлит, поднеся ко рту рацию.

Эверетт крепче ухватился за трос. «Артур П.» был такой огромный, что нос и корма терялись в снежной круговерти. Кривизна корпуса почти не ощущалась, но из-за смерзшегося снега ходить по нему было опасно. Поскользнешься — и полетишь, как на санках, прямо в море. Грузовая платформа мягко стукнулась о карбоволоконную оболочку.

— Оми на месте, — объявил Макхинлит. — Эверетт, давай за мной и постарайся не попасть под выстрел.

Макхинлит размашистой рысью припустил вперед, наклонив голову навстречу ветру. Эверетт оглянулся — грузовая платформа втянулась в люк, «Эвернесс» набрала высоту и, развернувшись, исчезла в серой мгле.

— Э-хой!

Макхинлит включил резак, вспорол оболочку «Артура П.» и ловко вырезал большой квадрат. Отогнув лоскут, он заглянул внутрь.

— Отлично. Всего маленько прыгнуть.

Макхинлит исчез. В сотне метров от них Шарки тоже выкроил себе дыру и нырнул внутрь. Эверетт остался в одиночестве. Он ухватился за край дыры, повис на руках, а потом прыгнул вниз. Ударившись о верхний мостик, согнул колени и перекатился, как учили на занятиях по дзюдо. Макхинлит махнул ему рукой, и они побежали, пригибаясь, к центральному трапу между громадными шарами, наполненными газом. По винтовой лесенке спустились на поперечный мостик. Эверетт почувствовал под ногой какую-то выпуклость. Медная пластинка, обозначающая центр тяжести — самое сердце «Артура П.». Макхинлит показал пальцем вниз. На грузовой палубе расхаживала взад-вперед крошечная фигурка вахтенного в оранжевой безрукавке. Эверетт вытащил бумкер.

— Далеко, не достанешь, — прошептал на ухо Макхинлит. — Снаряд на веревочке, чтобы можно было потом обратно выдернуть. Для экономии. Вот, держи!

Он вытащил пару тросов для спуска. Эверетт просунул руку и ногу в петли и спросил шепотом:

— Как вы думаете, что сейчас делает капитан?

— Дерется, — ответил Макхинлит. — Этот французский кикбоксинг — стильная штука, но я бы не рассчитывал, что она тебя спасет в субботу вечером на Арджил-стрит. Так, пульта к этим тросам у меня нет, будем спускаться в свободном падении. Они на инерционных катушках, так что должно быть не очень сложно. На счет три: раз, два, три!

Оба одновременно перемахнули через поручень. Миг полета, и сразу вступила в действие сила инерции, притормаживая падение. Эверетт плавно спускался в глубины вражеского дирижабля. Заранее сгруппировавшись, он приземлился бесшумно, как кошка, и в два шага достиг укрытия среди грузовых контейнеров. Макхинлит спрятался за контейнером напротив. Оттуда он махнул Эверетту: пора выдвигаться. Короткими перебежками они приближались к вахтенному.

«Прикрой меня!» — беззвучно, одними губами выговорил Макхинлит, и шагнул вперед, оказавшись почти вплотную за спиной у вахтенного.

В носовой части корабля прогремели два выстрела, эхом отдаваясь от переборок и наружных стенок. Вахтенный оглянулся, увидел Макхинлита и в то же мгновение выстрелил. Туго набитый мешочек ударил Макхинлита в живот и, отбросив назад, впечатал его в стенку контейнера. Вахтенный кинулся к нему, чтобы обездвигнуть свою жертву. Тут из-за контейнера выскочил Эверетт, навел на противника раструб бумкера и спустил курок. Мешочек попал вахтенному в лицо, и тот упал. Эверетт быстро пристегнул его руку к поручню кабельной стяжкой, а потом склонился над Макхинлитом, который все еще лежал на полу и никак не мог отдышаться.

— Вы в порядке?

— Нет, пропади всё пропадом, не в порядке я! — Он попытался сесть и тут же оскалился от боли. — Ох, Всевышний, рёбра... Слушай, Эверетт, там Шарки стрельбой увлекся, как будто заново разыгрывает

сражение при Бул-Ране. Значит, придется тебе. Разнеси этого «Артура П.» на кусочки!

— А как? Я не знаю, что делать...

Эверетт растерянно окинул взглядом ряды батарей внизу, грузовые контейнеры вокруг, мостики и шары с газом над головой — и вдруг его осенило. Идею подал попавшийся на глаза электропогрузчик. Эверетт наблюдал за работой Шарки, когда грузили «Эвернесс», и знал, как выбить защелки, удерживающие контейнеры на палубе. Так, а теперь погрузчик. Заводился он легко и без ключа, поскольку предназначался исключительно для работы внутри корабля, где не бывает посторонних. Управлять им было тоже легко и весело. Эверетт отъехал чуть-чуть назад, для разгона.

— Что ты там затеваешь, малец? — заорал Макхинлит, с трудом поднимаясь на ноги.

Эверетт на всем ходу врезался в контейнер. Контейнер сдвинулся на пару сантиметров. Эверетт снова разогнался и ударил еще раз. И еще, и еще — каждый раз добавляя по несколько сантиметров. А больше и не надо. Остальное сделает физика. Вахтенный, очухавшись, кинулся было к электропогрузчику с Эвереттом за рулем, но кабельная стяжка дернула его назад. Вахтенный схватился за рацию. Макхинлит направил на него раструб бумкера.

— А ну, не балуй!

Но Эверетт уже закончил здесь. Он ухватился за трос с петлями и сильно дернул. Высоко под куполом «Артура П.» щелкнула инерционная катушка, переключаясь на режим подъема, и Эверетта потащило вверх. Вслед ему несли крик Макхинлита, оставшегося на грузовой палубе среди незакрепленных контейнеров:

— Смотри у меня, чтоб сработало!

Теперь — вратарское умение точно рассчитать бросок. Пролетая над верхним мостиком, Эверетт прыгнул и аккуратно приземлился на сетку из карбо волокна, как будто только что взял мяч, направленный в правый верхний угол ворот. Сетки — это главное. Сетки, и контейнеры, и вон та малюсенькая плашка, отмечающая центр тяжести.

Опять выстрелы, один за другим, на этот раз ближе к тому месту, где остался Макхинлит. Надо было взять рацию! Ладно, не до того сейчас. Смотри и думай. Соображай в трех и более измерениях. Вон

тот, третий шар с газом, считая от центра тяжести. Эверетт вскарабкался на поручень, подпрыгнул и уцепился за сетку, сдерживающую шары. Просунул левую руку сквозь ячейки сетки, зацепился и, освободив таким образом правую, вытащил резак. Нанокarbon есть нанокarbon — хоть в оболочке дирижабля, хоть в сетке с шарами. Эверетт сдвинул переключатель вверх и одним махом рассек сетку. Образовалась прореха длиной около метра. Огромный шар, на котором Эверетт казался мухой, присевшей на футбольный мяч, закрипел и чуть сместился. Эверетт боком, как краб, полез по сетке и снова резанул позади себя. Еще отполз и еще резанул, и снова, и снова. Шар с газом рвался прочь из сетки, выпирая в месте разреза. Еще пара взмахов ножа... Карбо волокно очень прочное, но и давление газа в шаре огромное. Сетка разорвалась с треском, похожим на ружейный залп. Эверетт завис в тридцати метрах над грузовой палубой, намертво вцепившись в разодранную сетку. Шар вырвался из заточения и, стремясь ввысь, втиснулся между двумя соседними шарами, ближе к носовой части. Всего несколько метров — и этого хватило. Центр тяжести сместился. Нос «Артура П.» задрался кверху. Каких-нибудь один-два градуса, но контейнер, установленный Эвереттом в точно рассчитанной точке, заскользил по палубе и врезался в другой контейнер — тот, у которого Эверетт отстегнул крепления. Второй контейнер, в свою очередь, поехал по палубе. Эверетт наблюдал с высоты, как грузовые контейнеры один за другим сдвигаются с места, подобно лавине. Прикованный к поручню вахтенный ошарашенно смотрел на ползущие мимо тяжеленные ящики. Чем дальше сдвигались контейнеры, тем сильнее нарушалось равновесие и тем выше задирался нос «Артура П.».

Эверетт почувствовал, что сеть дернулась, и вцепился крепче. Медленно, рывками его потащило вверх. Задрав голову, он увидел на мостике Макхинлита. Механик втаскивал наверх обрывок сети и улыбался во весь рот.

— Ну ты даешь, малец! — крикнул он. — Ох, и молоток же!

Эверетт решил, что это означает похвалу. Макхинлит подтащил его повыше, а там уже он сам ухватился за поручень и перелез на мостик. Вокруг все было наклонным.

— Как ребра? — спросил Эверетт.

— Жить буду.

— Еще парочку? — предложил Эверетт.

Запыхавшийся Макхинлит молча кивнул и тоже вытащил резак. Щелкнул переключателем.

— Ты направо, я налево.

Эверетт прополз под освобожденным шаром, — тот заклинился, перегородив мостик, — и снова стал карабкаться по сетке, держа резак в зубах. Глянул в сторону — Макхинлит подцепил резак сетку и резко повел лезвие вниз. Сетка лопнула. Шар с газом вырвался на свободу. За ним последовал шар Эверетта. Огромный дирижабль застонал и содрогнулся. Снизу донесся скрежет металла и оглушительный грохот: контейнеры сдвинулись все разом, срывая защелки и увлекая за собой другие контейнеры, стоявшие ближе к хвосту.

— Хорошо пошло! — заорал Макхинлит.

«Артур П.» завис под углом тридцать градусов.

Эверетт болтался на сетке в полусотне метров над палубой. Подтянувшись, он выбрался на мостик, сейчас больше похожий на лестницу.

— Еще две штуки, — сказал Эверетт.

Макхинлит кивнул. Они стали подниматься по мостику, используя столбики перил как ступеньки. Все мышцы в руках, плечах, запястьях и пальцах Эверетта вопили от боли. Он цеплялся, карабкался, резал. А что еще оставалось? Признать боль и хоть чуть-чуть ослабить напряжение значило — свалиться вниз и разбиться насмерть о стальные ящики. А больно было зверски, как никогда в жизни. Сбрав последние силы, Эверетт вспорол сетку. Под давлением сразу трех шаров сетка лопнула, и Эверетт повис на трехметровом лоскуте. Внизу была пустота — безопасный мостик остался в стороне. Эверетт попробовал раскачаться, но силы закончились. Сейчас пальцы разожмутся. Нельзя разжимать, держаться надо! А дирижабль кренился с каждой секундой сильнее, приближаясь к вертикальному положению. Сорок пять градусов, шестьдесят, восемьдесят...

— Ох ты, черт! — крикнул Макхинлит, цепляясь за перила мостика.

В его голосе звучало неподдельное восхищение. «Артур П.» встал на хвост. Контейнеры с грохотом обрушились вниз, сминая рулевой механизм, срывая напрочь мостики и трапы.

— Макхинлит! — завопил Эверетт. — Не могу...

Тут из-за сбившихся в кучу шаров с газом появился, стремительно спускаясь на тросе, человек в длинном плаще и лихо заломленной шляпе.

— «Из глубины взываю к Тебе, Господи, ибо у Господа милость и многое у него избавление»! — Шарки поравнялся с Эвереттом, ухватился за сетку и начал раскачивать ее. — Держитесь всеми фибрами своего существа, сэр!

С каждым размахом Эверетт оказывался все ближе к мостику.

— Хватайтесь!

Эверетт отпустил одну руку и вцепился в поручень.

— Сшивайте, сшивайте! — подсказал Шарки, и Эверетт мгновенно понял.

Он перекинул свободный конец сетки через поручень, сдвинул переключатель резака вниз и последним усилием запаял петлю. Теперь Эверетт был надежно привязан к мостику, превратившемуся в вертикальный трап. Макхинлит спустился сверху и протянул руку. Эверетт поймал ее, выронив резак. Тот полетел, кувыряясь, на дно гигантского колодца, в который превратился «Артур П.».

— Впечатляет, Эверетт Сингх, — сказал Макхинлит. — Здорово ты отделал их кораблик.

Эверетт спросил у Шарки:

— Вы видели капитана?

— Она сумеет о себе позаботиться.

Шарки высвободил тормозное устройство троса и плавно спустился на поперечный мостик, сейчас лежащий на боку под углом девяносто градусов.

— Уходим, — сказал Макхинлит. — Вниз и на выход.

Спускаться вдоль поручня было несложно, только у Эверетта все мышцы дрожали от усталости и перенапряжения. Расслабляться было рано. Ставим на перекладину одну ногу, потом другую... Перехватываем одной рукой, потом другой... Не смотреть вниз — так сказала Сен, королева крыш старого Хакни. Эверетт стал смотреть по сторонам, разглядывая опрокинутую архитектуру «Артура П.». Шарки дожидался их на поперечном мостике. Макхинлит вытащил рацию.

— «Эвернесс», как слышите? Мы здесь закончили.

— Фантабулоза! — донесся сквозь треск разрядов голос Сен. — Ух, видели бы вы это!

— Мы уж и так насмотрелись, — ответил Макхинлит. — Скажи спасибо мистеру Сингху. Готовы вернуться на базу, ждем на кормовом балконе с правого борта.

Он передал рацию Эверетту, и тот назвал кодовое слово:

— «Тоттенхэм Хотспур».

Все трое медленно двинулись дальше по мостику, осторожно переступая с одной перекладины на другую и придерживаясь руками за верхние столбики перил, чтобы не свалиться вниз, в развалины искалеченной хвостовой части. Макхинлит открыл люк, в который сразу же с воем ворвался ветер, залепив Эверетту глаза снегом.

Балкон тоже стоял вертикально. Страшно было выйти на него — слишком далеко казался поручень от корпуса дирижабля, но тут среди метели возникла «Эвернесс». Эверетт видел Сен в освещенной рубке: ее руки летали над приборной доской, заставляя корабль балансировать на поврежденных двигателях. Ближе, ближе...

Эверетт, ослепнув от снега, из последних сил держался за перила. Его била дрожь, все тело болело, ветер толкал его и дергал со всех сторон. За спиной, словно башня темного властелина, возвышался опрокинутый «Артур П.». Сен подвела «Эвернесс» почти вплотную, постепенно снижая высоту, пока нос корабля не поравнялся с балконом. Из носового люка выдвинулись сходни, на метр не достав до балкона. Ближе не получится. Значит, нужно сделать два прыжка: сперва на перила, а потом еще один, через пустое пространство.

— Давай, Эверетт! — сказал Макхинлит. — Делов-то, смотри!

Он перескочил на перила балкона, а оттуда на сходни и помахал Эверетту рукой.

— «А надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся», — проговорил Шарки.

И Эверетт прыгнул. Поймал поручень, отдышался, собрался с мужеством. Он победил в бою. Он вывел из строя корабль братьев Бромли. Он путешествовал между мирами. Что по сравнению с этим один метр пустоты? Всего лишь воздух. Эверетт перебрался на другую сторону перил, изготовился и прыгнул. Приземлился на сходни мягко,

как кошка. Пара десятков шагов — и он в швартовочном отсеке «Эвернесс».

Когда он вошел в рубку, Сен уже отводила «Эвернесс» от побежденного корабля.

— А капитан?

— Анни в порядке. — Сен кивнула на окно.

Безнадёжно разбалансированный «Артур П.» так и стоял вертикально в воздухе. Сходни торчали из носовой части, словно антенна, а по ним карабкалась фигурка в белой рубашке и светло-коричневых штанах, заправленных в сапоги. Ее стегали и снег, и ураганный ветер, но она упорно подтягивалась по перекладинам. Капитан Анастасия Сиксмит увидела свой корабль и помахала рукой.

— Макхинлит, открой грузовой люк, — сказала Сен в переговорную трубку.

— Есть, мэм! — слышался ответ.

— Слыхал? Мэм! Бонару.

Капитан Анастасия, добравшись до самого верха сходней, выпрямилась, бросая вызов ледяному ветру, и широко раскинула руки, приветствуя свой дирижабль. Сен подала его вперед так легко и плавно, что капитану Анастасии осталось только шагнуть в грузовой отсек.

— Капитан вернулась! — крикнул Шарки, как только она появилась в рубке — исцарапанная, вся в синяках и в окровавленной рубашке.

Сен только что не прыгала от радости.

— Мисс Сиксмит, ваша вахта окончена. Ждите дальнейших приказаний. Мистер Макхинлит, займитесь двигателями. Мистер Шарки, вызовите «Артура П.» и сообщите капитану, что мы берем их на буксир как законную добычу. Эти Бромли задолжали мне пальто. Как минимум. Мистер Сингх, благодарю вас от своего лица, от лица своей дочери и команды. Я у вас в неоплатном долгу.

Снегопад пришел с востока. Он промчался над Кентом, укутал десятисантиметровым белым покровом набережные Дила и башни Кентерберийского собора, города и деревушки Медуэя, запорошил пригородные поезда, везущие офисных работников и государственных служащих к родному очагу. Ветер закручивал снежинки в восходящих потоках воздуха над трубами Дымового кольца, а его передовые отряды посыпали серебром доки Альберта и Собачий остров, обещая Белое Рождество.

«Эвернесс» возвращалась в порт вместе со снегопадом. Она с трудом ковыляла на четырех из восьми двигателей, да еще и тащила за собой тяжелый груз. В полукилометре за кормой маячил призраком в тумане огромный «Артур П.», словно пойманный на удочку небоскреба. Временами он совсем скрывался из виду, и тогда казалось, что буксирные канаты тянутся от «Эвернесс» в никуда. Позор семьи Бромли невозможно было скрыть от радара. Диспетчеры сразу же заметили, что со стороны пролива движется некая аномалия. Новость за считанные секунды разнеслась по всему сообществу воздухоплателей, от Парижа До Копенгагена и от Абердина до Амстердама. Даже надменные пилоты пассажирских лайнеров, которые обычно не снисходят до малопочтенных событий из жизни торгового флота, обсуждали известие и бросали в воздух свои стильные фуражки. Анастасия Сиксмит победила могучих братьев Бромли! Да не просто победила, а сокрушила, унизила, опозорила. В порту готовили торжественную встречу с музыкой и фейерверками. Это будет всем праздникам праздник! Пока механики не вернут дирижабль в горизонтальное положение, «Артур П.» будет болтаться над Хакни, подобно гигантскому восклицательному знаку. По обычаю, команду побежденного корабля принимает на борт победитель. Мамаша Бромли от одной мысли о таком афронте принималась плевать ядом. Они останутся терпеть неудобства на своем перевернутом корабле, и будь все проклято.

Эфир гудел рассказами о подвиге Анастасии Сиксмит, и только она сама не торжествовала. Она сидела у себя в каюте с кружкой

горячего шоколада в руках. Лицо ее было мрачнее снеговой тучи. На смуглой коже проступили еще более темные синяки, ухо было сплошь обклеено ярко-желтыми пластырями — в драке ей вырвали сережку. О своем поединке с Кайлом Бромли капитан Анастасия говорить отказалась наотрез. Сказала только: «Я не посрамила свой корабль». Сам Кайл Бромли уж точно ничего не расскажет. Потерпеть поражение от женщины — самый страшный позор.

Мрачность капитана Анастасии вызвали не раны, видимые и невидимые, и не тяжелые повреждения корабля. Причиной был Эверетт Сингх, который стоял перед капитаном и волновался как никогда в жизни.

— Значит, вашего отца в Тайрон-тауэр держит эта самая мадам Вильерс, — сказала капитан Анастасия.

— Да.

— Пленипотенциар Пленитуды.

— Да.

— У нее практически неограниченные возможности и полномочия.

— Да.

— И прыгольвер.

— Я его своими глазами видел. Спросите Сен.

— Которую вы взяли с собой в Тайрон-тауэр.

— Она сама вызвалась.

— И теперь эта Шарлотта Вильерс проследила вас до корабля и ни перед чем не остановится, чтобы заполучить ваш компутатор. Ваш Инфундибулум.

— Да.

— Итак, я уже увязла в этой истории, хочу я того или нет.

Ответить Эверетту было нечего.

Капитан Анастасия продолжала:

— И теперь вы просите меня рискнуть моим кораблем, моей командой и моей дочерью, чтобы помочь вам освободить отца.

— Да.

— И сбежать вместе с отцом и всей семьей в какую-нибудь отдаленную вселенную, где вы будете жить долго и счастливо, а мы останемся здесь разгребать последствия.

— Да, — сказал Эверетт.

Картина складывалась действительно ужасная.

— Я могла бы тебя сдать. Отвести в Тайрон-тауэр, подойти к охраннику у входа и рассказать, кто ты и что у тебя есть. Тогда мой корабль будет в безопасности, и я буду в безопасности, и Сен будет в безопасности. Что мне мешает это сделать?

— Ничто не мешает.

— Сядьте, мистер Сингх. Я вам расскажу одну историю. Это хорошая история, правдивая.

Эверетт опустил откидной стул у переборки и сел.

— Давным-давно... А может, и не так уж давно, в тридевятом государстве я служила пилотом на дирижабле под названием «Фейрчайлд». Корабль был бона — не хуже любого другого в порту Большой Хакни. Капитаном был Мэтс Густвейт, норвежец во втором поколении. Его родители перебрались в Англию после русско-шведской войны. Мастером-весовщиком была его жена, Корри. Она была очень даже зо; вся семья — аэриш из Хакни, с тех пор, как люди впервые полетели на воздушном шаре. Они были мне как родные. Нет, они и были мне родные. Без семьи человеку плохо. Я сама не здешняя, из западных аэриш. Родилась в порту Большой Бристоль, выросла под звон колоколов церкви Сент-Мэри-Рэдклифф. Видел бы ты, как выстроились корабли, нос к носу, вдоль Парящей гавани — весь Трансатлантический флот. «Квебек», «Бостон», «Атланта», «Майами», «Гавана» и «Каракас», «Ресифи» и «Рио», «Монтевидео» и «Буэнос-Айрес»... Про каждый корабль я знала, откуда он прибыл и кто стоял у руля. Мой папа был пилотом, водил дирижабли в Монтевидео. Мама работала в Газовом управлении, но она тоже была настоящей аэриш. Папа все обещал как-нибудь взять меня с собой, в рейс до Нью-Йорка, или Саванны, или в Сальвадор. А потом он от нас ушел — ну, и я ушла тоже. Мистер Сингх, я знаю, что это такое, когда родной человек вдруг куда-то делся, и ты не знаешь, почему, только чувствуешь, что тебе говорят неправду и, может быть, уже давно. Я ушла, чтобы летать, и не горжусь этим — я просто не могла по-другому.

И вот, через три года я выпускница Скайсейл-хаус — академии пилотов, ищу работу на корабле, по уши в долгах. Я и сейчас еще не со всеми расплатилась. Вакансия пилота — большая редкость. Команда на дирижабле — как семья. Капитан Мэтс как раз потерял пилота, Хью Бом Жезуш его звали. Мать из Хакни, отец из Лиссабона. Хороший

пилот, да только жуткий пьяница. Им в рейс на Дрезден, а Хью уже третий день в запое. Слава Всевышнему, кто-то догадался запереть его в погребе у «Рыцарей» и не выпустил в полет. Он бы точно корабль угробил. Но пилот все-таки нужен, а я тут как тут: здрасьте! Повезло? Да ничего подобного! Человек сам создает свою удачу, мистер Сингх. Увидел случай — лови! Первое взвешивание на всю жизнь запомнила: сто двадцать фунтов и три унции балласта. Встала у руля, и пошли мы в Дрезден резвым ходом.

Так я стала пилотом, мистер Сингх, и собой была хороша — обо мне весь Хакни только и говорил. Каждый норовил мне поставить выпивку, меня хотели все оми до единого, и кое-какие палонес тоже. Веселое было время, и команда отличная. У капитана и Корри была дочка — я думаю, вы догадываетесь, кто. Когда я пришла на корабль, ей было шесть лет, а баловали ее еще хуже, чем сейчас. Уже тогда она могла из любого веревки вить, эта Сен Густвейт — весь Хакни продаст и купит, хоть оптом, хоть в розницу. Дружная была команда. Одно слово — семья.

Два года я с ними отлетала. Вот однажды случился у нас рейс на Саргассы. Вообще мы ходили на Балтику: Дойчландия, Польша, Империя Всея Руси, что там осталось от Скандинавии... А тут подвернулся правительственный контракт: выполнять нужно четко и в сжатые сроки. Их постоянный корабль стоял в ремонте. В почтовом ведомстве к нам присматривались и, видно, решили проверить в деле. А дело было простое: доставить припасы на корабль Королевского географического общества, что занимался исследованиями в Саргассовом море. Прилетели, сбросили груз, улетели. Даже новой погрузки ждать не нужно — домой порожняком.

Отправились мы. Август, погода жаркая и безоблачная. Над Европой установился громадный антициклон. Людям запомнилось чудесное лето. Мы летели в синем небе над синим морем и ни одной тучки не встретили до самой Мадейры. Там подзарядились и двинулись на запад, в открытый океан. Август — время штормов, и если над Европой область повышенного давления, то в центральной Атлантике — пониженного. И не просто пониженного... Три циклона скрутились в один — всем циклонам циклон. Но мы его отслеживали на радаре, и капитан Мэтс прокладывал курс так, чтобы держаться подальше от опасного места. Барометр упал до небывало низкой

отметки, и горизонт почернел от края до края. Ветер крепчал — за двести миль, и то ощущалась качка. Встречный ветер такой силы не одолеть. Мы сбавили высоту и пошли назад, на Мадейру, для подзарядки. Но когда погода разгуляется, иногда она превращается в настоящее чудовище. Это непредсказуемо, и к этому невозможно подготовиться. Шторм все усиливался и усиливался, его подпитывала жара в Саргассовом море, и вдруг началось такое, что никакими словами не передать. Исследовательский корабль спасался бегством, и мы тоже хотели удрать, но электроэнергии не хватило бы на обратную дорогу до Мадейры — мы слишком много потратили, пока шли против ветра. А без энергии, с отключенными пропеллерами шторм смял бы нас, как сухой листик.

И тогда Мэтс принял решение. Ужасное решение, но другого выхода не оставалось. В конечном итоге и решать-то ничего не пришлось. Он приказал мне снова развернуть корабль и идти навстречу буре. Такое нечасто делают, но на каждом дирижабле имеется специальное оборудование, чтобы подзаряжаться от грозы. Я выполнила поворот и повела «Фейрчайлд» в самую сердцевину урагана. — Капитан Анастасия глянула в заляпанный снегом иллюминатор. — Вы думаете, это шторм? Это не шторм. Вот тогда был шторм! Ренфилд, наш механик, поставил ловушки для молний. Я вела корабль прямо в око бури. И вот мы поймали молнию. Когда молния бьет в корабль, он весь окутывается электричеством. Каждый поручень, каждый рычаг или рукоятка сыплют искрами. Волосы встают дыбом. По стеклу бегают огни святого Эльма. Шаровые молнии катаются по палубе. Я держала корабль, держала его прочно, пока он не набрался молний досыта, а когда счетчик показал полный заряд, повернула на Мадейру.

До сих пор не могу отделаться от мысли, что вина на мне, что все случилось из-за того поворота. Ну, этого мы никогда не узнаем. От хребтового молниеуловителя до руля замкнулась дуга — до того раскаленная, что нанокarbon загорелся. Зажечь его трудно, но если уж запылает, жар дает немыслимый и пожирает все на своем пути: оболочку, ребра, сам скелет корабля. Вы, мистер Сингх, не видали, как горит дирижабль, и дай вам Всевышний никогда не увидеть. Вы когда-нибудь наблюдали, как горит дом? Это самое страшное зрелище на свете. Чьи-то надежды, уют — всё, что человек любил и берег, —

исчезает без всякого смысла. У огня нет совести. Так же выглядит и пожар на дирижабле, только в небе, словно пылающий ангел.

— «Фейрчайлд» горел, а мы были над морем, в сотне миль от земли. Корри отправила сигнал бедствия исследовательскому кораблю. Капитан Мэтс передал мне Сен и велел идти с ней в спасательную шлюпку. Покинуть корабль. Ей тогда всего восемь было. И ее родной дом, ее корабль сгорел у нее на глазах.

Огонь шел с хвоста. Я бежала, держа Сен на руках, и видела перед собой сплошную стену белого пламени. Нанокарбон горит жарко, как магний, и сразу весь превращается в сажу — ни золы, ни пепла. Там, где шел огонь, оболочка расплзалась буквально на глазах. Словно какая-то болезнь: оболочка испарялась, и ее уносило ветром. Под ней открывались раскаленные добела ребра и тоже сейчас же исчезали.

— Я не видела, чтобы от корабля отделилась вторая шлюпка. Возможно, у них был безумный план — выпустить гелий, чтобы сбить пламя. Словом, кроме нас, никто с «Фейрчайлда» не спасся. Я с ума сходила от ужаса, пока не раскрылись парашюты, и потом тоже было страшно, потому что сверху сыпались клочья горячей оболочки — зацепи они парашют, нам конец. У меня это и сейчас перед глазами стоит: посреди неба дирижабль в огне, весь светится изнутри, так что ребра насквозь видно. За сотню миль, наверное, можно было заметить, если бы нашлись кроме нас еще полоумные летать в такой шторм. Под конец шары с газом вырвались на свободу. Я смотрела, как они, пылая, уносятся вдаль. Больше от корабля ничто не отделилось. А потом мы плюхнулись на воду, и мне сразу нашлась масса занятий: отцепить парашюты, чтобы не утянули шлюпку в глубину, бросить плавучий якорь и включить аварийный радиомаяк. Мы как-то держались, мотаясь по бурным волнам. Я боюсь океана. Он такой большой, больше всего на свете. Даже огромный дирижабль, вроде «Фейрчайлда», ничто по сравнению с ним. Чиркнули спичкой в темноте, пфф — и нету. А еще океан нас ненавидит. И всегда так было. Ну, может, не то чтобы ненавидит, просто ему наплевать на нас и все наши потуги. В нем нет ничего человеческого. Ветер гнал нас всю ночь. И никого вокруг — только девушка и ребенок в спасательной шлюпке посреди океана.

Станный он, океан. Ничего более непонятного не найдешь на свете. Наверное, потому он так и пугает. Мы заснули, сама уж не знаю,

как, а ураган махнул хвостом и снова умчался на юг, а мы остались болтаться на воде, вроде поплавка. Когда я проснулась, увидела чистое небо, и солнце светило в иллюминатор прямо на меня. А еще я увидела корабль. Но не тот исследовательский корабль Географического общества, который ночью отслеживал мой радиомаяк. Я знаю, в эту часть рассказа вам трудно будет поверить, мистер Сингх, — однако доказательство у вас перед глазами. — Она постучала по столу сбитыми в драке костяшками пальцев. — Не водный, а воздушный корабль виднелся в трех милях к югу от нас на высоте около трехсот метров. Тросы волочились за ним, окунаясь в воду. Двигатели не работали, и на общем канале ничего не было слышно. Просто корабль при полном безветрии. Вот этот корабль, мистер Сингх. «Эвернесс». Можно долго рассказывать, как я зацепила причальный конец, и как поднялась вверх по тросу и не нашла на борту ни души. И как я привела корабль в порт, и о таинствах в Регистрационном агентстве Джейниса и в Комиссии по утилизации бесхозных воздушных судов, и как я в конце концов стала владелицей и капитаном несуществующего корабля. Все это я могла бы рассказать, мистер Сингх, да только незачем. Вам нужно знать одно: я видела, как сгорел «Фейрчайлд», а с ним родители Сен, и в ту минуту я стала ее семьей. Я не суеверна и не особенно религиозна — не больше и не меньше других аэриш, но я всем нутром чувствую, что «Эвернесс» мне дана, чтобы стать домом для Сен.

Сен не рассказывала вам о своей семье. Вы спрашивали, я знаю. Она вам никогда не расскажет, мистер Сингх. Кошмары нам с ней больше не снятся, уже года два, но они всегда где-то рядом. Я делаю, что могу. Я ей не мать — я вообще не мать, но Мэтс и Корри дали мне дом и семью — и я дала все это ей. Я уже говорила, мистер Сингх, плохо человеку без семьи.

— Поэтому я вам помогу. Вы, возможно, слышали, — может быть даже, Сен говорила, — что у меня есть амрийя. На нашем палари — клятва, которую нарушить нельзя. Если и есть такое, то эту клятву я дала себе сама. Долг еще далеко не выплачен. Я решила вам помочь. Корабль и команда в вашем распоряжении. К тому же нужно еще рассчитаться за бедолагу Эда. Мы, аэриш, может, между собой и грыземся, но кто обидит одного из наших — обидит всех. Нужно объяснить мадам Шарлотте Вильерс, что мы не ее слуги. И потом, вы

мне помогли. Вы спасли мой корабль, не то лежать бы нам на Гудвиновых песках. Теперь мой черед.

У Эверетта зазвенело в ушах. Не так, как раньше, когда он излагал капитану Анастасии свою невероятную просьбу. Тогда звенело тоненько-тоненько, как бывает, когда делаешь нечто совершенно обязательное, но что делать ужасно не хочется. Когда слышишь свои слова как будто со стороны, и они тебе ненавистны, и собственный голос ненавистен, и сам ты себе противен. А сейчас звон был совсем другой: такой бывает, когда уже убедишь себя, что тебе откажут, и все твои доводы не могут привести ни к чему, кроме отказа, а тебе вдруг говорят «да». Такое коротенькое слово, ты его сперва и не замечаешь даже, а потом спотыкаешься о него, словно о незаметную трещинку в асфальте, и приходится возвращаться, чтобы проверить, отчего это ты вдруг растянулся. Да. Эверетта шатало. Да. Что-то как будто давило на глаза. Кровь бросилась в лицо. Эверетт подумал, что сейчас заплачет. Она согласилась. Она сказала «да».

— Могли бы и спасибо сказать, мистер Сингх, — заметила капитан Анастасия.

— Спасибо.

— К кому обращаемся?

— Спасибо, мэм.

— На здоровье, мистер Сингх. Ступайте в рубку, сэр. Скажите команде, чтобы все были на рабочих местах. Я скоро подойду, надо сперва малость накраситься. Скоро мы прибываем в Хакни, и клянусь Всевышним, вид у нас будет самый отпадный. Все, брысь отсюда!

— Слушаюсь, мэм!

— Переходим на высоту зоны ожидания, — сказала капитан Анастасия.

— Есть, мэм!

Сен двинула вперед рукоятки набора высоты. «Эвернесс» вознеслась над причальной башней мягко и бесшумно, как молитва над колыбелью. Снегопад, пришедший с востока, и зимние холода загнали обитателей Большого Хакни в дома. Канун Рождества — время, когда люди запирают двери и закрывают ставни, поворачиваясь спиной к внешнему миру. Немногие, кто все-таки выползли на улицу, оглядывались на звук пропеллеров, на легкое движение воздуха от проплывающей вверху массы дирижабля: продавцы каштанов и горячего кофе, духовой оркестр миссии по распространению христианства среди аэриш, исполняющий рождественские гимны у Клэптонского виадука, припозднившиеся гуляки в выходных костюмах под тяжелыми шубами, ранние пьянчуги, бредущие домой из разных забегаловок и наспех отремонтированной таверны «Небесные рыцари». Как бы ни было обыденно это событие, ведь столько воздушных кораблей каждый день взлетали и садились в порту, все же не нашлось бы в Большом Хакни настолько низкой душонки, чтобы не поднять голову и не улыбнуться, когда на тебя набегает тень от дирижабля. Эверетт знал, что ему никогда не надоеет стоять у обзорного окна и смотреть на мир, простирающийся у ног. И никогда он этого не забудет — потому что после сегодняшней ночи это уже никогда не повторится. Он не вернется больше сюда. Нельзя, невозможно. Совсем скоро, меньше чем через час, он увидит своего отца. Эверетт волновался так сильно, что его состояние граничило со страхом. Даже подташнивало чуть-чуть. Кажется, долгие месяцы прошли с тех пор, как он стоял у входа в Институт современного искусства в том, другом Лондоне, а люди Шарлотты Вильерс сбили его отца и забрали его в эту вселенную вместе с велосипедом. По-настоящему прошло чуть больше недели. Так легко перепутать пространство и время: промежуток в несколько дней смешался с расстоянием между мирами. Эверетт разрывался от волнения,

предвкушения и страха, а еще — от чувства потери. Встреча с отцом означает прощание с командой «Эвернесс», с Макхинлитом и Майлзом О'Рейли Лафайетом Шарки, с Сен и Анастасией Сиксмит. Они вернутся на корабль и улетят в какой-нибудь безопасный порт, с которым у Британии нет договора об экстрадиции, а Эверетт с папой отправятся своим путем, странствовать по вселенным, туда, где их никто не найдет. Если бы можно было взять команду «Эвернесс» с собой в Стоук-Ньюингтон! Гораздо проще объяснить Лоре необходимость бегства в иную вселенную, если возле дома висит в воздухе двухсотметровый дирижабль. Однако это невозможно — только странники могут прыгать из одного мира в другой.

Вот Шарки возле рации, один наушник сдвинут на макушку, а под плащом наверняка спрятаны верные коротковолки. Шарки — трепач с манерами джентльмена-южанина и со Словом Божиим на устах. А много ли правды в том, что он о себе рассказывает? Когда ты одинокий изгнанник далеко от дома, остается прикрываться выдумками. Мастер-весовщик, солдат удачи, авантюрист и джентльмен — так он себя назвал, а Эверетт ответил: вратарь, математик, путешественник и странник между мирами. То, что повторяешь много раз, становится правдой.

Макхинлит раскачивается на тресе посреди хрустального неба, высоко над лондонскими шпилями, и хохочет как дьявол, подготавливая хитрые технические трюки, которые позволят им обмануть диспетчерскую Дансфолда. Макхинлит — рожденный в Глазго, но не шотландец, с индийскими генами, но не пенджабец. Аэриш. Ты тот, кем хочешь быть.

Капитан Анастасия: грация, сила и достоинство, даже когда половина уха напрочь оторвана. Стильная, дерзкая, отважная. Она приводила Эверетта в ужас и восторг. Он готов был всю жизнь подавать ей горячий шоколад с добавкой жгучего перца чили. «В вас есть все то, чем я восхищаюсь в людях, — думал Эверетт. — Я бы хотел стать таким, как вы. Я бы хотел быть вами!»

Сен. На нее он не смог посмотреть. Так легко и беспечно ведет она празднично украшенный корабль — во всех уголках рубки подмигивают фонарики. Такая серьезная и сосредоточенная стоит у штурвала, направляя «Эвернесс» над рождественскими огнями Лондона. Ее злость, мгновенно переходящая в улыбку, ее

непосредственность и лукавство, ее гордость, готовая в любой миг обернуться смертельной обидой. Ее радость при виде всего блестящего и красивого.

«Плохо человеку без семьи», — сказала капитан Анастасия. А будет ли его семье хорошо, когда он снова соберет их вместе в какой-нибудь далекой вселенной, достаточно похожей на родной мир, чтобы создать подобие прежней жизни? Та, прежняя жизнь не задалась. Мама с папой расстались. Кто он такой, чтобы заставлять их начать все сначала в чужом незнакомом мире? Неужели они опять разойдутся? И захочет ли Лора убежать с ними? Неужели он добьется только того, что их семья распадется окончательно: мама с Викторией-Роуз в одной вселенной, а они с папой — в другой? Словно чья-то рука стиснула сердце: Эверетт вдруг понял, что за каждый его поступок, за каждое принятое им решение кто-то платит ужасную цену. В боевиках такого не случается. Там никогда не бывает последствий.

— Мистер Шарки, — произнесла капитан Анастасия.

Шарки щелкнул выключателем.

— Дансфорд, диспетчерская, вас вызывает грузовой дирижабль «Эвернесс»!

— Говорит Дансфорд. Вас понял, «Эвернесс».

— Прошу коридор, иду от Большого Хакни до Бристоля.

— Принято. Капитан Анни хочет навестить родню на Рождество?

У диспетчера был нахальный голос всезнайки. На заднем плане слышались веселые выкрики.

Капитан Анастасия придвинула к себе микрофон на раздвижном кронштейне.

— Нет, Дансфорд. В доки для ремонта.

— А в Хакни, что, нельзя отремонтировать? — спросил бесцеремонный диспетчер.

— Там дешевле, — ответила капитан Анастасия.

В диспетчерской развеселились еще пуще. В рубке «Эвернесс» настроение было серьезное. Все нервничали.

Снова раздался голос по радиосвязи:

— Так, «Эвернесс», идите на стандартной полетной высоте первоначальным курсом 268 градусов 12 минут 30 секунд до передачи управления Бристольскому диспетчеру. Кстати, капитан, не знаю, как

вам это удалось, но то, что вы сотворили с «Артуром П.» — это фантабулоза, как у вас говорится.

— Спасибо, Дансфорд. Конец связи. — Капитан Анастасия отключила радио. — Мисс Сиксмит, выполняйте. Двести метров. Мистер Шарки, включите радиолокационный маяк, а то как бы не поцарапать ненароком какой-нибудь шикарный пассажирский лайнер.

Лондонские огни поползли куда-то вбок — «Эвернесс» выполняла поворот, одновременно набирая высоту. Сен играла на пропеллерах, как на музыкальном инструменте. «Эвернесс» легла на курс. Двести метров — высота небоскреба. Эверетт задержал дыхание, глядя, как у самых его ног проходит парад крылатых Викторий, Немезид с мечами-щитами и богинь Правосудия с завязанными глазами и с весами в руках, куполов, крестов и шпилей, и все это присыпано свежим снегом. Улицы сверкали стальным блеском города, впереди высился под снежной шапкой озаренный прожекторами купол Святого Павла, потом показались Флит-стрит и Стрэнд, залитые мерцающим неоновым светом рождественской иллюминации. Можно было разглядеть машины, поезда надземки, пешеходов, пробирающихся через сугробы, реку с шустрыми катерами на подводных крыльях и суденышками на воздушной подушке. Сен легко коснулась рукояток управления, на волосок приблизив «Эвернесс» к изысканным террасам и заснеженным площадям Блумсбери. Яркий свет лился сквозь стеклянный купол Британской библиотеки. Впереди поднималась ввысь Тайрон-тауэр, словно стальная рука; призрачный голубоватый свет прожекторов освещал зубчатые парапеты, горгулий и резные карнизы. С самого верха башни бил в небо узкий луч света.

— Подводи ближе, Сен, — шептала капитан Анастасия. — Полегонечку... Предполагается, что у нас поломка.

Неоновой чертой пролегла Тоттенхэм-Корт-роуд. Дальше к югу виднелся район Сохо — скопление сверкающих огней. Мимо обзорного окна пролетели, искрясь на свету, несколько снежинок и канули в сияние улиц; зима вновь перешла в наступление.

— Мисс Сиксмит, стоп!

Сен рванула на себя рукоятки и со щелчком перевела их в нейтральное положение. «Эвернесс» застыла в полукилометре к востоку от Тайрон-тауэр.

— Мистер Шарки, сообщите об аварии.

— Дансфолд, Дансфолд, говорит грузовой дирижабль «Эвернесс», у нас авария! — сказал Шарки в микрофон. — Упало напряжение в сети. Мы остались без электроэнергии.

— «Эвернесс», вас слышу, — отозвался диспетчер — тот же, что поздравлял капитана Анастасию с победой над братьями Бромли. Сейчас он уже не веселился. — Вы дрейфуете?

— Пока стоим на месте, — ответил Шарки.

— Доложите свои координаты.

Шарки зачитал вслух длинный ряд цифр.

— Спасибо, «Эвернесс». Мы поймали сигнал вашего маяка. Сколько времени займет устранение неполадок?

— Работу сети можно восстановить часа за два, — сказал Шарки.

— Мы разошлем стандартное предупреждение всем воздушным судам. Спасибо, хоть ночь безветренная.

— Мы сообщим, когда восстановим питание. Конец связи.

Капитан Анастасия выждала два вдоха и взялась за переговорную трубку.

— Мистер Макхинлит, у нас все готово. Запускайте дрона. Мистер Шарки, дайте изображение, будьте так любезны.

Под потолком засветились экраны, а Эверетту и с любимого места у окна было отлично видно. Из-под брюха дирижабля вылетел дрон, завис на мгновение в воздухе, а потом Макхинлит направил его к башне. Крошечный разведывательный аппаратик, похожий на какое-то насекомое, предназначался для осмотра труднодоступных участков на корпусе корабля. Для Макхинлита на «Эвернесс» не было недоступных мест, но все-таки дрона он сохранил на всякий случай, потому что любил хитроумные технические штучки. С виду аппарат был очень похож на дрон с видеозаписи, которую Колетта дала Эверетту, — тот, что производил съемку на Земле-2, а потом выскочил из портала: четыре лопасти, суставчатые ноги и ядро с процессором. Функциональный дизайн один и тот же во всех мирах.

За дроном тянулась леска из карбо волокна, тонкая, как волосок, и притом прочнее алмаза. Макхинлит, показывая Эверетту катушку, предупредил, что с ней надо обращаться предельно осторожно. «А то пальцы отхватит, чик — и даже не почувствуешь». Разрешение видеокамер не позволяло увидеть тончайшую нить, но Эверетту

показалось, что она блеснула в луче прожектора — так сверкает паутинка в солнечный день.

Теперь на мониторы поступало изображение с дрона. Макхинлит опустил его пониже, до уровня двадцать второго этажа, и зацепил болтающейся на другом конце лески «кошкой» за плечо суровой женщины-воительницы в шлеме и со щитом.

— Мистер Шарки, мистер Сингх — на грузовую палубу!

Никогда еще голос капитана Анастасии не звучал так торжественно. Эверетт заметался: время пришло, а он не готов! Нужно что-то сказать, попрощаться... Он увидел, что Сен тоже вдруг поняла: пришло время им расстаться навсегда, вот сейчас он сойдет с дирижабля и исчезнет.

— Эверетт Сингх!

Он в жизни не видел такого белого лица, таких льдисто-светлых глаз.

— Сен...

— Я иду с тобой.

— Стоять! — приказала капитан Анастасия.

— Я пойду. Я хочу быть с ним.

Ее куртка была застегнута до самого подбородка, одна перчатка уже натянута, сумка заброшена за плечо.

— Твое место на корабле!

— Нет!

Сен попятилась от приборной доски.

— Мисс Сиксмит, я доверяю вам командование «Эвернесс». Займите свой пост.

Сумка соскользнула с плеча Сен и упала на пол. Сен вернулась к панели управления. Как мать Анастасия ее не остановила бы, но капитана Сен не могла послушаться, даже без прямого приказа. Корабль важнее всего. У Сен были такие глаза, как будто что-то страшное и темное выглянуло из них и пронзило ей сердце. Губы недоумевающе приоткрылись.

— Мистер Сингх!

Держа Эверетта за плечо железной хваткой, капитан Анастасия подтолкнула его к центральному мостику. Он чуть не рванулся из ее рук. Был почти готов сломать ей палец, заорать ей в лицо. Оглянуться на Сен, и чтобы сердце разорвалось прямо тут, на мостике, на фоне

мигающих рождественских фонариков. Один этот взгляд убил бы его душу. Анастасия Сиксмит права — прощаться, так уж разом. А потом Эверетт увидел ее лицо — плотно сжатые губы, влагу в уголках глаз. Дело не в нем. Она дала клятву и должна сберечь свою дочку. Малышку, которую вынесла на руках из горящего «Фейрчайлда». Капитан понимает, что оба они могли бы к ней не вернуться.

Макхинлит, выпуская дрона, опустил грузовой люк на метр. Спрыгнуть было нетрудно, а вот следующий прыжок — в пустоту над оживленной Графтон-плейс — всего несколько дней назад заставил бы Эверетта оцепенеть от страха. С тех пор он успел побегать по крышам, перескакивая с одного дома на другой, качался на обрывке сетки над грудой стальных контейнеров с острыми краями и прыгнул через пустое пространство на узкую полосу нанокарбона. Приземлился он легко. Макхинлит уже пристегнул к леске два комплекта ременной сбруи. Выглядели они жутковато, словно висели в воздухе без всякой опоры. Эверетт потянулся проверить, прочно ли они закреплены. Макхинлит ударил его по руке.

— Не трогай леску! — Он застегнул на Эверетте ремни и сам пристегнулся рядом. — Вот тормоз, вот крепление. Смотри, не перепутай.

— Мистер Макхинлит, я готова, — сказала капитан Анастасия.

Она пристегнулась впереди Эверетта, а самым первым шел Шарки. Макхинлит нажал кнопку на пульте дистанционного управления. Грузовой люк опустился до отказа. Эверетт повис на почти невидимой леске. Темнота за бортом была полна крутящимся снегом. Шарки с боевым кличем Конфедерации скрылся в ночи.

— Вперед, мистер Сингх!

Капитан Анастасия обернулась и улыбнулась Эверетту, затем вскинула руку и через мгновение превратилась в крошечную кукольную фигурку, уносящуюся к готической башне Тайрон-тауэр.

Эверетт коснулся тормоза. Миг — и он мчится по воздуху над ярко освещенной улицей. От холода и скорости захватывало дух. Снег летел в лицо, и Эверетт стирал его замерзшими пальцами. Внизу мелькали крыши, дымовые трубы, электрические столбы, сады и террасы Блумсбери. Вон тот балкон украшен гирляндой с фонариками, там рождественскую елку прикрепили к флагштоку, а здесь на крыше стоят с бокалами в руках мужчина и женщина и смотрят, как идет снег.

Эверетт и его спутники — малюсенькие точки среди хлопьев снега. Он высоко, он невидим, он непобедим. Вокруг гремела симфония Лондона: рокот моторов, сигналы автомобильных гудков, звуки поп-музыки из квартир, грохот поездов, сирены где-то вдали, отдаленный шум пропеллеров «Эвернесс», шорох алмазных подшипников по нанокарбоновой леске... А потом, накатывая волнами все ближе, ближе — звон колоколов со всех колоколен Лондона, приветствие наступающему Рождеству. Эверетт оглянулся — Макхинлит словно парил в воздухе, и на лице его играла безумная улыбка. А дальше среди пляшущих снежинок застыла в небе «Эвернесс». В рубке перемигивались китайские фонарики. Правда ли он увидел темный силуэт у окна или померещилось? Эверетт заставил себя отвернуться и смотреть вперед. Тайрон-тауэр быстро приближалась: изломанная линия парапетов, карнизов и высоких тонких шпилей. Шарки уже спустился на балкон двадцать второго этажа, который Эверетт вычислил в результате разведывательной операции. Капитан Анастасия затормозила и тоже спрыгнула на балкон. Как эту штуку останавливают? Эверетт нажал на кнопку, взвизгнули тормоза. Он повис, чуть покачиваясь и глядя вверх, в строгое лицо каменного ангела-хранителя.

— С дороги! — заорали сзади.

Эверетт нажатием кнопки отстегнул крепление и спрыгнул вниз. Сапоги Макхинлита просвистели у него над головой. Еще пара секунд, и все четверо спасателей столпились на узком балконе. Потрявоженные голуби разлетелись в разные стороны, громко хлопая крыльями.

— Не забыл... сам знаешь что? — спросил Макхинлит.

Эверетт шлепнул ладонью по рюкзаку. Шарки уже успел взломать замок на окне. Все забрались в недостроенный лифтовый холл — Эверетт уже видел его через шпионскую видеокамеру Сен. Правда, картинки на экране «Доктора Квантума» не передавали запахов пыли, цемента, штукатурки и древесины.

— Ведите, мистер Сингх! — сказала капитан Анастасия.

Эверетт вывел на экран снимки Тайрон-тауэр и дал увеличение на двадцать второй этаж. Подняв планшетник повыше, он сравнил фотографию с реальностью.

— Вон за той пластиковой занавеской, — сказал Эверетт.

Он настроил «Доктора Квантума» так, чтобы карта поворачивалась с каждым поворотом коридора.

— Думаешь, будет охрана? — спросил Макхинлит.

Рукой он придерживал карман, в котором недвусмысленно выпирали очертания бумкера.

— Я в прошлый раз не видел охранников, — сказал Эверетт.

Капитан Анастасия вздернула бровь, и он поправился:

— То есть Сен не видела.

Шарки все же запахнул плотнее полы плаща — они двигались тяжело и не сминаясь, как будто внутри были спрятаны стальные стволы.

— Теперь сюда, в этот коридор.

Точь-в-точь как на снимке, только тележки с бельем не хватает.

— Последняя дверь слева.

И вот он на месте, в коридоре двадцать второго этажа, и от отца его отделяет только дверь. И снова все слишком внезапно, он не успел подготовиться.

Капитан Анастасия постучала в дверь согнутым пальцем.

— Доктор Сингх?

Нет ответа.

— «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему», — сказал Шарки.

— Помолчите, мистер Шарки. — Капитан Анастасия еще раз постучала. — Доктор Сингх, я Анастасия Сиксмит, капитан грузового дирижабля «Эвернесс». Со мной ваш сын. Эверетт... — Она кивнула, предлагая ему говорить.

— Папа? — Эверетт прижался к двери щекой. — Папа, ты меня слышишь? Это я, Эверетт. Ты там?

Ни звука, ни шороха. А что, если его там нет? Вдруг его увезли, пока Эверетт закупал еду к празднику, бегал по крышам, воевал с братьями Бромли и строил планы спасения? Неужели он опоздал? Папу могли переправить в более надежное место — может, даже вообще в другую вселенную.

Капитан Анастасия снова постучала.

— Доктор Сингх, рекомендую вам отойти в сторону. Мистер Макхинлит, ломайте дверь!

— Слушаюсь, мэм!

Макхинлит сунул руку в один из своих многочисленных карманов и вытащил какой-то инструмент, держа его осторожно, словно маленькую, но очень ядовитую змею. Он присел на корточки возле дверного замка. Эверетт не мог толком разглядеть устройство — с виду оно казалось простым, всего лишь два плоских лепестка размером с мизинец и толщиной в лист бумаги, сужающиеся на концах. Макхинлит втокнул оба лепестка в щель между дверью и притолокой, над замком — один повыше, другой пониже. Нижний лепесток он пропихнул на другую сторону до конца. Потом из другого кармана достал крючок и просунул его в щель, что-то бормоча себе под нос. Наконец он поймал второй лепесток и вытащил его наружу, на этот раз ниже, чем язычок замка.

— Отойди! — скомандовал он, взял в каждую руку по лепестку и с силой дернул.

Дверь плавно приоткрылась. Макхинлит поднял повыше один лепесток. Второй повис на невидимой леске. Нанокарбон, понял Эверетт.

— Вот почему я тебе говорил — пальцы береги, — сказал Макхинлит.

Язычок замка разрезало пополам.

Капитан Анастасия распахнула дверь. Номер состоял из нескольких комнат. В первой комнате было темно. Смутно угадывались диваны, кресла, письменный стол с компутатором. Еще в комнате был тренажер — велосипед, укрепленный на неподвижной подставке. Шоссейный велосипед марки «Милани», рама полностью изготовлена из карбона, рулевая колонка «Шимано». В прошлый раз Эверетт видел его исчезающим в багажнике «Ауди» на Мэлле. За следующей дверью была освещенная комната, а на пороге стоял человек — черный силуэт на фоне светлого прямоугольника. В руках он держал настольную лампу, явно как оружие.

— Папа? — позвал Эверетт.

Человек поднял руку. Вспыхнул свет, ослепив спасателей. Эверетт кое-как проморгался. Перед ним был невысокий человек, смуглый и кареглазый, хрупкого сложения, подтянутый, не располневший с годами в отличие от многих индийцев. Одет в тренировочные штаны с футболкой, и босиком, как будто только что проснулся и натянул первое, что попало под руку. Он. Ну до того он, полностью,

абсолютно. А потом все мысли вылетели из головы, и Эверетт кинулся к папе.

Теджендра замахнулся лампой, словно дубинкой.

— Не подходи! Я тебя не знаю.

— Это же я, Эверетт!

— Возможно. А который Эверетт? Мой сын?

«Ты не единственный, — говорил Теджендра ясным летним вечером, когда они сидели на вершине Парламент-Хилла и смотрели сверху вниз на разомлевший от жары Лондон. — Тебя много».

— Конечно, твой! — крикнул Эверетт.

— Естественно, ты иначе и не скажешь.

Эверетт сказал Сен, что, по его мнению, Шарлотта Вильерс и блондин в хорошо сшитом костюме — один и тот же человек из параллельных миров. Шарлотта и Шарль. Что им стоит притащить из иной вселенной другого Эверетта Сингха, чтобы одурачить Теджендру? Когда-то очень давно Эверетт пил капучино в своем родном мире, на Пьяцце Ковент-Гардена, шел дождь, и Колетта Харт рассказывала о Земле-4, которая почти в точности похожа на Землю-10, только в политике есть какие-то отличия и что-то у них случилось с луной. В той вселенной вполне может найтись еще один Эверетт Сингх.

— Ну правда!

— Докажи.

«Нужно что-то такое, что знаем только мы с папой».

— Мы собирались в Институт современных искусств на лекцию о нанотехнологиях.

— Это им известно. Там они меня и забрали.

— Второе ноября, Уайт-харт-лейн. Наши выиграли у миланского «Интера» со счетом 3:1. Гарет Бейл забил фантастический гол.

— Тот матч половина Лондона помнит.

— Винни сфотографировал нас на трибуне... С пирогами.

Пауза.

— Еще что-нибудь, — сказал Теджендра.

— Кулинарные вечера! — крикнул Эверетт. — Ты обычно готовишь что-нибудь из тайской кухни.

— Да.

— А я — из мексиканской.

— Какое блюдо?

— Чили.

— Чили с чем?

— С шоколадом.

Чили с шоколадом... Горячий шоколад с перцем чили...

Теджендра выронил лампу.

— Сынок, — сказал он просто. — Прости, я должен был убедиться.

Эверетт не представлял, что говорить, что делать дальше. Может быть, поздороваться? Крепко пожать папе руку? Сказать что-нибудь эффектное, как персонажи компьютерной игры. А может, просто ткнуть кулаком в бок: «Привет, папа!» А потом ему стало наплевать, что полагается и чего не полагается, и он просто обхватил папу руками. Они обнялись, потом отступили в стороны, посмотрели друг на друга и снова обнялись. Эверетт стискивал папу изо всех сил: никогда больше не отпущу! Но такие минуты не могут продолжаться вечно. Все заканчивается, и тогда становится неловко.

— У тебя получилось, — сказал Теджендра. — Программа заработала.

— Инфундибулум, — сказал Эверетт. — Шнурки на ботинках.

Теджендра потрянул головой — старинный пенджабский жест, означающий «да/молодец/хорошо».

— Я так и подумал, что ты догадаешься.

— А если бы не догадался?

— Как-нибудь иначе разобрался бы. Я же тебя знаю. Можно посмотреть?

Эверетт поставил на стол «Доктора Квантума» и щелкнул по иконке с надписью «Инфундибулум». Экран заполнили медленно вращающиеся мерцающие полотнища, связанные в общую сеть — Паноплия всех миров. Теджендра склонился над планшетником. Экран подсвечивал его лицо зеленоватым светом.

— Фрактальные семимерные узлы, — проговорил Теджендра.

Эверетт уже видел раньше в папиных глазах такое выражение — когда тот объяснял ему устройство вселенной. Неважно, понял что-нибудь Эверетт или нет, главное — он уловил отсвет этого огня. Глаза ученого: сейчас Теджендра видел всю огромную вселенную и управляющие ею законы. Чудо из чудес.

— Прекрасно, Эв. Отличная работа, очень красиво!

Красиво в научном смысле. В основе физики лежит красота. Математические законы, описывающие действительность, всегда просты, изящны... Они красивы. Эверетт задыхался от волнения. Не бывает похвалы выше.

— Джентльмены, не хотелось бы вас торопить, — проговорила капитан Анастасия.

Теджендра даже головы не повернул.

— Пап, надо уходить отсюда, — сказал Эверетт. — Нужно добраться до портала.

Все еще далеко не закончено. Нужно добраться до порталов, подключить энергию, переправиться на Родинг-роуд и возникнуть посреди собственного дома в канун Рождества, а Теджендра пока будет держать портал открытым. Забрать Лору и Викторию-Роуз и уже всем вместе переместиться в какой-нибудь далекий мир, где их никогда не найдут.

— Папа!

Теджендра оторвался от планшетника.

— Да, идем. У меня есть управляющие коды — они мне по работе нужны.

И все же он колебался, держа в руках «Доктора Квантума».

— Эверетт, капитан и вы, джентльмены — что бы ни случилось, не отдавайте ей это, иначе она обретет такую мощь, какую вы и представить себе не можете. В Пленитуде есть тайное общество — они называют себя Орденом. В него входят политики, дипломаты, крупные бизнесмены, журналисты, военные, и ученые тоже, и религиозные деятели. Им всем нужен Инфундибулум. Поэтому они забрали меня и хотели заставить, чтобы я заново создал его здесь. Это дало бы им власть над Пленитудой, власть над всей Паноплией. На просторах мультиверсума они нашли нечто — случайно наткнулись и держат свое открытие в тайне, но ясно одно: на нас надвигается что-то огромное. Они утверждают, будто Инфундибулум нужен, чтобы у человечества было преимущество. Они всегда так говорят: все ради нашей безопасности, ради нашего же блага. Эв, что бы ни случилось, она не должна получить Инфундибулум!

Теджендра протянул Эверетту планшетник, и тут в окнах вылетели стекла. Эверетт прикрыл голову руками от летящих

осколков. В разбитые окна прыгали, раскачиваясь на канатах, какие-то черные фигуры. Другие, тоже в черном, ворвались в открытую дверь. В воздухе заплясали лучи лазеров. Макхинлит бросился на пол и, перекатившись, вскочил уже с бумкером на изготовку. Шарки, отстав не больше чем на один удар сердца, потянулся за короткостволками. Его руки замерли в воздухе на полпути к цели. Посередине лба Шарки светилась красная точка лазерного прицела.

— «Как рыбы попадают в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них», — проговорил Шарки, медленно поднимая руки вверх.

Теджендру и команду «Эвернесс» мгновенно взяли в кольцо. Со всех сторон на них смотрели пистолетные дула и красные огоньки лазерных прицелов. Солдаты были одеты в черное, на головы натянуты черные вязаные шапки, и оружие тоже черное. Одна женщина, с выглядывающим из-под шапки белокурым хвостиком, показалась Эверетту знакомой. Вдруг он вспомнил, где ее видел: это была одна из охранниц в заброшенном тоннеле через Ла-Манш еще там, на его родной Земле.

— Кьяппы, — сказал Макхинлит. — Ненавижу.

Капитан Анастасия молчала.

Круг солдат расступился, и в номер вошли двое. Один — низенький, скованнодвигающийся человек в бесформенном пальто и нечищенных ботинках: Пол Маккейб. Вторая — Шарлотта Вильерс. На ней был элегантный костюм с осиной талией и оборкой на одном плече и миниатюрная шляпка с короткой вуалью. Смерть на каблуках, да и только.

— Солдаты, вольно!

Спецназовцы опустили оружие, но по-прежнему держались настороже, готовые в любую секунду броситься в бой.

— Эверетт, Эверетт, — вздохнул Маккейб с таким притворным сожалением в голосе, что хотелось его ударить. — Почему ты не был со мной откровенен? Нужно было довериться мне с самого начала, тогда ничего этого не случилось бы. Идем, я заберу тебя домой.

— Молчать! — рявкнула Шарлотта Вильерс. — Я могла бы объяснить тебе, Эверетт, что твой отец представил нас в совершенно неверном свете. Да, конечно, мы все слышали. Нашему миру грозит

опасность, и вашему тоже, все миры под угрозой. Мы — честные. Мы — хорошие. За нами правда. Но, в сущности, зачем мне беспокоиться? Власть в моих руках. Мне необходимо это устройство. Отдай его мне.

— Нет! — Эверетт прижал «Доктора Квантума» к груди.

— Прекратите, мистер Сингх, мы не в каком-нибудь фильме. Сержант!

Спецназовцы вскинули оружие.

— Сначала женщину. Потом американца, любителя Библии. Пусть выяснит, насколько правдивы слова, которые он все время цитирует.

Все стволы нацелились на капитана Анастасию.

— Мистер Сингх?

— Эверетт, она это сделает, — сказал Пол Маккейб.

— Папа? — спросил Эверетт.

— Эв, отдай.

— Но ты же сказал...

— Она все равно может его забрать в любой момент. Отдай.

Эверетт положил «Доктора Квантума» на пол и подтолкнул его к Шарлотте Вильерс.

— Все-таки прислушались к доводам разума. Благодарю вас. — Шарлотта Вильерс открыла сумочку, и вдруг у нее в руке оказался прыгольвер. — Что ж, хватит с меня семейства Сингх. — Она прицелилась в Эверетта и Теджендру. — Счастливого пути.

Теджендра изо всех сил толкнул Эверетта, и тот распластался на полу. Сверкнула вспышка. Теджендра исчез.

Шарлотта Вильерс завизжала от злости, словно бездомная кошка, у которой отнимают добычу, и навела на Эверетта прыгольвер. Послышался звук вроде механического кашля. Прыгольвер выпал из пальцев Шарлотты Вильерс. Вскрикнув от боли, она схватилась за запястье. На полу рядом с прыгольвером лежал туго набитый плюшевый мешочек. В центре разбитого окна, пристегнутая к тросу, висела Сен с бумкером в руке. Лазерные лучи заметались в воздухе: все спецназовцы разом прицелились в нее. Сен взвизгнула. Пользуясь общей неразберихой, Шарки выхватил короткостволки, Макхинлит поднял свой бумкер, а Эверетт, перекатившись, ухватил прыгольвер и навел его на Шарлотту Вильерс.

— Верните папу!

— Не могу, сами знаете.

Спецназовцы направили лазерные прицелы на команду «Эвернесс». Ситуация сложилась патовая.

— Я выстрелю.

— И что? Я буду жить, хоть и в другой вселенной, а вы все умрете. И устройство все равно достанется нам. Не сходится ваше уравнение.

Теджендра исчез... Теджендра исчез.

Эверетт подобрал с пола «Доктора Квантума» и ткнул в него прыгольвером.

— Не достанется! Вы его никогда не найдете.

— Послушай, Эверетт, я не одобряю подобных... — начал Пол Маккейб.

— Заткнись, фигляр! — оборвала его Шарлотта Вильерс.

— Я правда выстрелю, — сказал Эверетт.

— Верю, что ты на это способен, Эверетт Сингх, — сказала Шарлотта Вильерс.

— Я приготовила тросы! — крикнула Сен из-за окна, снова заталкивая мешочек в раструб бумкера. — Давайте сюда!

— Скажите им, чтобы бросили оружие. — Эверетт держал «Доктора Квантума» в вытянутой руке, нацелив на него прыгольвер.

— Выполняйте, что он говорит, сержант, — приказала Шарлотта Вильерс. — Молодой человек, вы изменили условия уравнения.

Капитан Анастасия толкнула Эверетта к окну, а Шарки прикрывал отступление. Прыгольвер в руке Эверетта казался непомерно тяжелым, как будто вобрал в себя все зло, причиненное с его помощью. Эверетт по-прежнему держал на прицеле планшетник. До сих пор он действовал на чистом адреналине: увидел крутящийся на полу прыгольвер, дотянулся, подхватил и прицелился, все это без участия сознания, на одних вратарских инстинктах. А сейчас его понемногу начинало трясти. Он взял самый главный гол в своей жизни... Нет, самого главного он как раз не достиг: Теджендра исчез. Папа... Только что был здесь, такой настоящий, что и все прочие невероятные события тоже стали реальностью. А потом раз — и пропал. Переместился туда, где его уже никто не найдет. Для Эверетта он умер. И все остальное теперь ненастоящее.

— Руку туда, ногу сюда, — подсказала капитан Анастасия. — Эверетт, ты же умеешь!

Она пристегнула его к тросу пониже Сен. Эверетт все так же сжимал прыгольвер, приставив его к планшетнику, хотя каждая мышца у него кричала от боли.

— Эверетт, я очень сожалею, — сказал Пол Маккейб.

Эверетту его голос показался твяканьем маленькой собачки — из тех, которых так и хочется пнуть. В этой комнате сейчас для него существовал только один человек. Эверетт посмотрел в глаза Шарлотте Вильерс. Глаза у нее были холодные и очень светлые, голубые, как Атлантический океан, и не было в них ни капли жалости. Зато он увидел в них уважение, а следовательно — ненависть. Никто и никогда еще не мог ее превзойти, и за это она станет Эверетту вечным врагом. На край света за ним пойдет, чтобы исправить оплошность.

— Мисс Сиксмит, вам было сказано оставаться на корабле, — рывкнула капитан Анастасия, пристегнувшись.

— А еще вы мне передали командование, — ответила Сен.

— В самом деле. И вы его приняли. Ловко, мисс Сиксмит.

— Мам, я тебя обожаю! — усмехнулась Сен. — Поднимаемся в быстром темпе. Три, два...

Сен нажала кнопку у себя на запястье. Эверетта потащило в окно с такой скоростью, что он чуть не выронил прыгольвер. И снова он летит сквозь ночную тьму и метель. Вверху, словно наколотая на шпиль Тайрон-тауэр, в лучах прожекторов с крыши высоты виднелась «Эвернесс». Внизу на черном готическом фасаде светились желтым разбитые окна гостиничного номера на двадцать втором этаже.

— Папа! — закричал Эверетт в темноту. — Папа! Папа! Папа!

Сен плюхнулась на свое место за приборной доской. Шарки, как обычно, направился к рации. Мониторы передавали с нижней палубы искаженное изображение Макхинлита крупным планом. Он ухмылялся в объектив, показывая поднятые вверх большие пальцы.

Капитан Анастасия склонилась над компутатором, пробежалась по клавишам.

— Примите курс, мисс Сиксмит.

— Слушаюсь, мэм!

Сен передала появившиеся на экране цифры навигационной программе.

— Полный вперед!

Сен до отказа сдвинула рукоятки. «Эвернесс» задрожала всем корпусом. Пропеллеры вгрызались в воздух. Макхинлит еще раньше снял с правого борта один двигатель и переставил на левый борт, вместо одного из двух, поврежденных во время поединка с «Артуром П.». Это была рискованная операция с применением веревок, ремней и тросов. В итоге работали всего шесть пропеллеров из восьми, но «Эвернесс» сохраняла остойчивость, а Макхинлит хвалился, что в случае чего может за пару часов склепать из запчастей новые двигатели. Рассказ о ремонте в Бристольском порту был чистой воды фикцией, ради возможности пересечь центр Лондона и подобраться поближе к Тайрон-тауэр.

— Поднимаемся до уровня облаков. Отключить радар, мистер Шарки, и полное радиомолчание. Уходим по-тихому.

— Придется лететь вслепую — простите мою смелость, мэм.

— Прощаю, мистер Шарки, и принимаю к сведению. Со всех наружных камер изображения на монитор, пожалуйста. Будем держать глаза открытыми. Сен, бона скорость к побережью Дойчландии.

— «А если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму», — пробормотал Шарки.

Сен медленно потянула на себя рукоятку набора высоты. У верхнего края окна в мелькании снежинок показались клочья облаков, а потом «Эвернесс» целиком вошла в серую мглу.

— Мистер Сингх!

Кто его зовет? Голоса и звук шагов доносились до Эверетта словно издалека, все вокруг казалось зыбким, как снеговая туча за окном. Он знал, что находится в рубке дирижабля, что они летят над зимним городом к морю, а потом — в безопасную Дойчландию, соблюдая тишину в эфире и не зажигая опознавательных огней, чтобы скрыться от погони, — но он понятия не имел, как оказался здесь после того, как его пристегнули к тросу высоко над Лондоном. Он знал, что люди вокруг, с трудом воспринимаемые оцепеневшим сознанием, — это хорошо знакомые и дорогие ему люди, они стараются спасти себя и свой корабль. Знал — но не чувствовал, не мог ощущать это как реальность. Его место — не с ними. Он должен быть с папой и мамой, и Викторией-Роуз. Память вновь и вновь возвращала его в комнату на двадцать втором этаже, где стояла Шарлотта Вильерс, решительно расставив ноги и сжимая обеими руками прыгольвер — странное, ни на что не похожее оружие, нацеленное прямо на Эверетта. Он видел, как изгибаются ее ярко-красные губы, когда она нажимает на спуск. Видел ковер на полу гостиничного номера — совсем новенький, еще с пушистыми комочками ворса, но уродливый, как все гостиничные ковры. Вот этот ковер бросается ему в лицо, когда Теджендра отталкивает его с линии выстрела. Мелькает вспышка открывающегося портала. Одного никак не получается уловить — того мгновения, когда Теджендра переходит из состояния «здесь» в состояние «не здесь». Здесь его больше нет и никогда уже не будет. Его вышвырнули в какой-то случайный мир, один из десяти в восьмидесятой степени миров Паноплии.

Снова этот звук... Его имя. Капитан Анастасия окликает его.

— Капитан?

— Мне хотелось бы посмотреть на захваченное вами оружие.

Капитан Анастасия указала Эверетту на пустующий стол главного механика. Макхинлит вечно ходил перемазанный и предпочитал возиться со своими механизмами на безопасном расстоянии от капитана.

Эверетт положил прыгольвер на стол и вытер пальцы о свои шорты. Ему казалось, что он уже не сможет стереть тонкий слой оружейного масла, ввевшийся в кожу, словно татуировка. Хоть бы никогда больше не прикасаться к этой мерзости!

Капитан Анастасия осторожно взяла прыгольвер кончиками пальцев и брезгливо осмотрела. Толстенький компактный пистолетик удобно лег в руку, будто мог изменять форму в зависимости от того, кто его держит. Сверху на нем были два колесика настройки, на рукоятке — кнопка спуска, а сзади порт передачи данных. Все никак не помечены, и нигде ни единой подсказки, как они работают. Короткое толстое дуло заканчивалось небольшой вогнутой нашлепкой вроде блюдца.

— Мистер Сингх... Эверетт, необходима твоя помощь. Мне нужно знать все об этом грешном устройстве. Можешь ты это для меня сделать?

Она посмотрела Эверетту прямо в глаза, словно бросая вызов: посмей только отвернуться! Только посмей отодвинуть капитана в область далекой и размытой нереальности!

— Сделаешь это для меня?

Вдруг накренился пол. Двигатели взвыли. Нос дирижабля задрался кверху. Эверетта швырнуло к открытой двери, он еле успел схватиться за край стола. Прыгольвер заскользил по столешнице. Капитан Анастасия рванулась вперед и перехватила его обеими руками. Нос задрался еще выше. Все, что было не закреплено, посыпалось на пол. Сен изо всех сил тянула на себя ручку управления. Корабль содрогнулся. Все экраны, линзы и переключатели отчаянно задребезжали. Намертво вцепившись в стол, Эверетт увидел за обзорным окном осыпанную снегом спину корабля. Она уже заполнила все стекло, а «Эвернесс» забирала все выше, пытаясь избежать столкновения с дирижаблем, который шел поперечным курсом. Раздался такой лязг, словно волк, пожирающий солнце, сомкнул стальные челюсти. Корабль затрясся всеми своими атомами. Потом Сен двинула ручку управления вперед. Капитан Анастасия, хватаясь за предметы, кое-как добралась до переговорной трубки.

— Что там такое?

— «Инфанта Изабелла», Иберийские воздушные линии 2202, рейс Мадрид — Лондон, — отозвался Шарки. — Прошли так близко, что я разглядел нашивки на рукаве Эль Капитано.

— Выскочили прямо из ниоткуда. — Лицо Сен было белее белого, а голос дрожал, словно в ознобе.

Капитан Анастасия отщелкнула крышку переговорного устройства.

— Мистер Макхинлит, состояние корабля?

Макхинлит на мониторе только руками развел.

— После братцев Бромли, да кьяппов, да Пленитуды, да Гудвиновых песков, да Тайрон-тауэр — что такое на пару сантиметров укороченный руль? Выживем, еще и летать будем.

— Капитан!

Все дружно обернулись к Шарки. Никто ни разу не слышал, чтобы он обращался к Анастасии по званию.

— Теперь о нас знают. Иберийцы сообщили о едва не случившемся столкновении.

Капитан Анастасия поморщилась, прижав ладони к стеклу и глядя за окно, в туман и метель.

— А мы еще даже не вышли из Дымового кольца.

— Капитан, диспетчерская Дансфолда требует назвать себя и зарегистрировать план полета, — доложил Шарки.

— Не отвечайте, мистер Шарки. Сен, скорость и направление без изменений. Раз они все равно знают, где мы, нет смысла тыкаться вслепую в этой мути. Поднимемся повыше.

Сен немедленно исполнила приказ. Снег и туман расступились, будто волны, и «Эвернесс» поднялась в чистое небо над снеговой тучей. У восточного края мира месяц нежился среди пуховых облаков. Сверкали звезды, острые, словно наконечники стрел. Эверетт почувствовал, что небо зовет его сквозь горестное оцепенение. Звезды: самая древняя загадка, великое чудо, на котором построена вся наука. Он подошел к окну. Казалось, дирижабль мчится по бесконечной серебристой равнине. Эверетт смотрел на созвездия. Он знал их все, знал их названия, — имена чудовищ, богов и героев, — но сами созвездия скрывали тайны удивительнее любых легенд. Лунный свет упал ему на лицо. Он вдруг почувствовал, что капитан Анастасия за ним наблюдает.

Шарки придержал ладонью наушник и махнул рукой: тишина в рубке!

— Слышу разговоры на частоте двадцать восемь.

В рубке заперегляды вались.

Эверетт шепотом спросил у Сен:

— Что за частота двадцать восемь?

— Для военных, — ответила она.

— Что ж, если они нас видят, почему бы и нам на них не посмотреть? — сказала капитан Анастасия. — Мистер Шарки, проведите сканирование с полным охватом, только не увлекайтесь. Хотелось бы сохранить легкую загадочность.

Она склонилась над монитором. На лицо легли зеленоватые отсветы от увеличенного линзой дисплея. «Совсем как у Теджендры, когда он смотрел в Инфундибулум, — подумал Эверетт, а потом посмотрел на звезды и дал им клятву: — Я найду его. Через все миры, через все проекции пройду и отыщу. У меня есть Инфундибулум. Паноплия в моих руках. А он — тот человек, который построил портал Гейзенберга. Значит, сможет построить его снова, в каком бы мире ни очутился, были бы только материалы и достаточно развитая технология. Ты еще не победила, Шарлотта Вильерс!»

— Капитан, мэ... — начал Эверетт.

Капитан Анастасия подняла руку: тихо!

— Обнаружено два объекта? — спросила она, хмуро глядя в экран.

— Получается так, мэ, — ответил Шарки. — Идут тем же курсом, что и мы. Небольшие, очень быстрые, у нас на хвосте.

— Пригласим сюда мистера Макхинлита, — сказала капитан Анастасия. — Пусть вспомнит старые навыки, не зря же он служил на флоте Его Величества.

Эверетт спросил Сен:

— Макхинлит служил на флоте?

— Механиком, на «Королевском дубе», — ответила Сен.

Эверетт хотел поинтересоваться, что за «Королевский дуб», но он уже понял, что о дирижаблях, их командах и их обычаях можно расспрашивать бесконечно.

Макхинлит в рубке смотрелся так же дико, как корона на голове у свиньи.

— Так точно, — объявил он, подстраивая линзу и щурясь в зеленый экран. — Два военных катера, без ошибки. Рисунок на локаторе характерный.

— Случалось нам уходить и от катеров, — промолвила капитан Анастасия.

— Нам случилось уходить от дойчландских старых коров из таможни, — поправил Макхинлит. — А тут флотские двадцать вторые — шустрее этих поганцев по сю сторону Атлантики корабля не сыщешь.

— А если добавить еще два мотора?

— Значит, нас догонят не через два часа, а через два с половиной.

Капитан Анастасия вернулась к столу. Эверетт уже несколько минут назад почувствовал дрожь «Эвернесс», пересекавшей невидимые восходящие потоки Дымового кольца, скрытого под пеленой снеговых туч. Он подсчитал в уме: сейчас они должны находиться над заснеженными равнинами Восточной Англии, по направлению восток — северо-восток, и через несколько минут достигнут береговой линии, а там уже начинается немецкое воздушное пространство. Капитан Анастасия, как видно, проделала те же вычисления.

— Мисс Сиксмит, поднимаемся. Десять тысяч метров.

— Мам? Мэм?

— Десять тысяч метров, мисс Сиксмит.

— Это наш потолок, — сказал Макхинлит. — Если давление превысит...

— Я в курсе, мистер Макхинлит. Автоматическая метеостанция Ширнеш сообщает, что северный ветровой поток отклоняется к югу, до пятьдесят первого градуса северной широты. Если мы поймаем это воздушное течение, оно нам прибавит восемьдесят узлов скорости, и тогда мы спокойненько прилетим прямо в глотку Дойчландского залива.

— Лишних восемьдесят узлов, — повторил Макхинлит. — А мы уже и так на пределе.

— Вы согласны с моим мнением, мистер Макхинлит?

— Шансов уцелеть, как у плевка в тайфуне...

— Вы согласны с моим мнением?

— Согласен, мэм.

— Мисс Сиксмит, поднимайтесь до самого потолка.

— «Погибели предшествует гордость, и падению — надменность», — пробормотал Шарки себе под нос.

«Эвернесс» идеально слушалась Сен, лишь слегка взбрыкнула, попав в зону турбулентности, а потом изящно скользнула в быстро

движущийся воздушный поток в верхних слоях атмосферы. Облака остались далеко внизу — Эверетту казалось, что там раскинулась целая страна, населенная народом ночи. Видимость была не меньше трехсот миль в любую сторону. Вон те красно-зеленые искорки, летящие над облачной страной, — сигнальные огни дирижаблей, а сам Эверетт стоит среди звезд. Он заметил, что рядом вдруг оказалась Сен.

— Слушай, а как же... кто же...

— Автопилот. Попадаются бижусенькие воздушные ямки, но машина с ними и без меня справится. Эверетт Сингх, я тут кое-что для тебя сделала...

Она сунула ему в руки картонный прямоугольничек: один из старших арканов Таро «Эвернесс», рубашкой вверх.

— Понимаешь, колода... Она живая. Ей надо расти. Тот, кто перестает расти, начинает умирать. Поэтому она иногда мне говорит, что хочет научиться рассказывать о новом человеке, или о новом приключении, или о новых возможностях, и я делаю для нее новую карту.

— Это моя карта?

Эверетт сделал движение — перевернуть, но Сен быстро перехватила его руку.

— Нет, Эверетт Сингх! Посмотришь, когда нужно будет.

Он сунул карту в боковой карман шорт.

— Нас вызывает один из катеров, — сообщил Шарки.

— Выведите на экран, пожалуйста, — сказала капитан Анастасия.

Все бросились настраивать линзы крошечных дисплеев. Постепенно экраны очистились от помех и стало видно рубку дирижабля. Команда состояла из мужчин со стильными стрижками, одетых в светло-голубые мундиры и береты с красными помпонами. Капитана можно было отличить по форменной фуражке и обильному золотому шитью на мундире.

— Грузовой дирижабль «Эвернесс», говорит дирижабль Его Величества Военно-воздушного флота «Неутомимый», — произнес капитан. — Я капитан Дэвенпорт, хочу поговорить с вашим командиром.

Капитан Анастасия потянула к себе переговорную трубку на раздвижном кронштейне и нажала кнопку.

— Анастасия Сиксмит, капитан «Эвернесс». Что вам надо?

— Капитан Сиксмит, снижайтесь до высоты в одну тысячу метров, выключите двигатели и приготовьтесь принять нас на борт.

Шарки сказал:

— Оба катера вошли в воздушный поток. Они нас нагоняют.

— Вас поняла. — Капитан Анастасия снова нажала кнопку передатчика. — «Неутомимый», у нас зарегистрированное торговое судно, идем коммерческим рейсом в Берлин.

— Вы не обратились к диспетчеру для получения воздушного коридора, нарушили правила воздушно-транспортных сообщений, и, по нашим сведениям, у вас на борту находится техническое устройство, представляющее серьезную угрозу безопасности нашей страны, — проговорил капитан Дэвенпорт.

Он был не первой молодости, подтянутый, хотя и слегка обрюзгший, с гладко зачесанными волосами и строгим, но слегка разочарованным лицом офицера, понимающего, что выше капитана военного катера ему не подняться. Нынешняя операция — самая масштабная за всю его службу.

— Откуда такие сведения?

Перед объективом, заслонив капитана Дэвенпорта, встала Шарлотта Вильерс. Она улыбалась. В изображении с широкоугольной камеры ее красный рот казался огромным и жадным, как у вампира.

— Сведения от меня. Здравствуйте, капитан Сиксмит. Счастливого Рождества. Я вам очень советую подчиниться приказаниям капитана Дэвенпорта. Вы забрали собственность Пленитуды, и мне, как пленипотенциару, поручено ее вернуть. Я нахожусь на борту современного военного корабля, одного из самых быстроходных, а вы — на изувеченной барже, которая, откровенно говоря, видала лучшие дни. В моем распоряжении два взвода морских пехотинцев, а у вас... Ну, мы же видим, кто у вас. Дети, капитан. Дети. Поступите разумно. Нет никакой необходимости все усложнять. Да, кстати, если вам вдруг придет в голову сбежать, рекомендую еще раз воспользоваться радаром.

Шарлотта Вильерс протянула руку и отключила видеокамеру.

— Матерь Божья, Пречистая Дева и блаженный Святой Пио, — негромко проговорил Шарки.

На экранах появилось изображение, переданное радиолокатором. С севера к побережью Норфолка двигалось нечто чудовищное:

исполинский дирижабль в сопровождении шести воздушных судов поменьше. Макхинлит прибавил увеличение и прочитал идентификационный номер.

— Регистрационный номер 101, — объявил Макхинлит, щурясь. — Ну точно, старый знакомый. Дряхлое корыто, «Королевский дуб». Должно быть, патрулировал норвежский берег, высматривал коварных царистов.

— Что такое «Королевский дуб»? — спросил Эверетт.

Макхинлит покрутил латунный трекбол главного коммутатора и нажал несколько клавиш.

— Вот это.

Возникший на экране корабль висел в воздухе над причалами и шлюзами восточного Лондона, и по сравнению с ним доки казались мелкими, словно садовые прудики, а дирижабли выглядели заводными игрушками — из тех, которые могут один раз поплавать в ванне и сразу выходят из строя. Эверетт понял, что перед ним настоящий монстр. Даже тучи рядом с ним казались крошечными. Целый летающий город.

— Если эта картинка не врет, в нем пятьсот... шестьсот метров длины!

— Картинка еще преуменьшает. Две тысячи имперских футов от носа до хвоста, — гордо сказал Макхинлит. — Большая честь — служить на таком. А видишь эти крапинки вокруг на радаре, вроде мошек? Это сторожевые корабли, каждый размером с наш воздушный шарик.

Тридцать пропеллеров. Несколько палуб и командных рубок. Весь ошестинился орудиями и ракетами. По три крыла с обеих сторон, и на каждом крыле по аэроплану, пристроившемуся на рельсовой направляющей как птеродактиль на жердочке: пропеллеры убраны, крылья плотно прижаты к стеклянной кабине.

— Мы не прорвемся к дойчландскому воздушному пространству, истребители нас перехватят на подходе. Подстрелят как миленьких, оглянуться не успеем.

Эверетт нахмурился. За спиной скоростные катера, битком набитые морскими пехотинцами, а с севера идет на перехват крупнейший авианосец Королевского ВВФ с шестью кораблями

эскорта, каждый размером с «Эвернесс». Такая огневая мощь способна превратить их дирижабль в пепел и развеять по ветру, но смысл?

— Капитан Анастасия, можно мне прыгольвер?

Она протянула ему оружие, все еще казавшееся маслянистым, грязным и отвратительным до последнего атома, но Эверетт справился с собой, взял прыгольвер, положил его на верстак Макхинлита и стал рассматривать. Рассматривал долго и пристально. Вглядывался в каждую зазубринку, в каждый изгиб. Понять, как он действует, оказалось нетрудно. Правое колесико регулирует угол охвата: как только Эверетт его покрутил, на экране засветилось изображение в форме веера, показывая, какой участок захватит эффект перемещения. Второе колесико, видимо, относилось к подзарядке: чем быстрее она происходит, тем уже область воздействия. Можно выбрать режим стрельбы: много быстрых выстрелов с малым охватом или всего несколько широкоугольных. Датчик показывал, что прыгольвер полностью заряжен. Из рукоятки Эверетт вытащил прямоугольную обойму. Так и не поняв, что это такое, он затолкал ее обратно. Обойма встала на место с негромким щелчком. Возле кнопки спуска имелся предохранитель в виде кольца. Если его нажать и повернуть, оно фиксируется, кнопка спуска выдвигается из корпуса, да еще и светится. Эверетт поскорее вернул предохранитель в прежнее положение. Порт данных... Эверетт поднес прыгольвер к глазам, разглядывая металлические контакты. Очень похоже на обычный USB-порт. Немного отличаются форма разъема и расположение контактов, но если попросить Макхинлита, он наверняка соорудит работающий USB-шнур. Прыгольвер явно должен подсоединяться к какому-нибудь вычислительному устройству и получать от него информацию. Информацию о чем?

Совпадения, взаимосвязи, закономерности понемногу вставляли на свои места.

— Капитан... — начал Эверетт.

И тут все, кто был в рубке, пригнулись: из-под корпуса показались два небольших белых объекта, летящих с невероятной скоростью. Чиркнув по стеклу, они зависли перед кораблем, удерживая позицию в воздушных потоках.

— Посветите, мистер Шарки, — приказала капитан Анастасия.

Под обзорным окном включились прожекторы, направив лезвия лучей на висящие в воздухе объекты. Это были дроны с дистанционным управлением, и управляли ими виртуозно. Они соблюдали точно выдержанное расстояние друг от друга — десять метров, двигаясь с той же скоростью, что и «Эвернесс».

— Так-так, дамочка Вильерс лично приложила к этому руку, — сказал Макхинлит.

— Мистер Макхинлит, нельзя ли поподробней?

— Вы таких штук не видали. Официально их еще не взяли на вооружение. Я только потому их знаю, что у «Рыцарей» имеется выпивка из старых флотских запасов. Кромсалки, капитан. Отсюда не видно, а на самом деле между ними — нанокарбоновая нить. Вроде той, которой я замок вскрывал, только намного крепче. В общем, вы поняли. Они нам пропеллеры отчекрывают по одному — чик-чик! А потом нашинкуют нас, как польскую колбасу.

— Капитан, можно вас на пару слов? — спросил Шарки.

— Говорите, мистер Шарки.

Кромсалки сохраняли прежнюю позицию относительно корабля.

— Мэм, может, пройдем в вашу каюту?

— Исключено, мистер Шарки.

— Видите ли, то, что я хочу сказать... Скажем так: это не для публичного употребления.

— Исключено, мистер Шарки. Если хотите высказаться, говорите здесь. И побыстрее, время дорого.

— Как прикажете, мэм. — Шарки повернулся на стуле. — Я предлагал побеседовать приватно, все свидетели. Отдайте ей мальчишку. Пусть эта Вильерс забирает его драгоценный компутатор. Все равно нам ее не остановить, так по крайней мере корабль сохраним. Будем и дальше ходить в рейсы, а не прятаться всю жизнь, как какие-нибудь отщепенцы. Капитан, отдайте мальчишку. Спасите корабль!

Шарки посмотрел на каждого по очереди. Долше всего он смотрел в лицо Эверетту. Взгляд у Эверетта был застывший и тусклый, как плевок.

— Я сам им скажу. — Шарки потянулся к рации.

Сен одним прыжком перемахнула через приборную доску, схватила с верстака отвертку и прижала ее к уголку левого глаза

Шарки. Его руки застыли над рукоятками короткостволок.

— Никогда так не говори, — стылым, как зима, голосом процедила Сен и наклонилась близко-близко, словно для поцелуя. — Никогда больше так не делай. Даже не думай такого никогда, подлый предатель! «Эвернесс» — это мы все. Мы семья Эверетта. Кроме семьи, у нас ничего нет.

— Сен, вернись на место! — загремела капитан Анастасия.

Сен медленно убрала отвертку, по-прежнему не отрывая взгляда от Шарки.

— Мисс Сиксмит, не покидайте свой пост! Скорость, курс и высота без изменений. Мистер Шарки, попрошу соблюдать тишину в эфире.

— «Королевский дуб» запустил истребители, — сообщил Макхинлит, нагнувшись к самому экрану радиолокатора.

— Почему? — закричал Эверетт. Разрозненные обрывки мыслей и подозрений слились в одну догадку. — Почему? Прыгольвер все еще у меня. Я могу отправить Инфундибулум в любую произвольную вселенную. Если Шарлотта Вильерс атакует нас, то проиграет. Тогда почему она идет в атаку? Разве только... Разве только она думает, что я этого не сделаю. А почему? Она что-то такое знает и думает, что я тоже знаю. И поэтому Инфундибулум для меня такая же ценность, как для нее. Что же это такое?

— Капитан, через три минуты истребители нас догонят, — сказал Макхинлит.

— Принято к сведению, мистер Макхинлит. Продолжайте, мистер Сингх.

Эверетт сжал прыгольвер в правой руке, а «Доктора Квантума» — в левой.

— Может быть, дело в том, что никто и никогда не соединял их вместе? Прыгольвер плюс Инфундибулум? В прыгольвере есть компьютерный разъем — он служит для обмена данными. Что, если в прыгольвер можно загружать информацию? Он же вроде карманного портала Гейзенберга, а портал я умею программировать. Я так и попал сюда. Если настроить портал, можно отправиться, куда захочешь. Так, а какую информацию можно из него извлечь? Он перемещает свою цель в случайную вселенную. Это квантовый эффект. Квантовые эффекты случайны, но не бессмысленны. Слушайте, слушайте: в

физике есть такая штука, называется «квантовая сцепленность»: связь на квантово-механическом уровне между двумя удаленными друг от друга объектами. Если две частицы оказались сцеплены, — то есть у них совпали квантовые состояния, — то сцепленность сохраняется, даже если эти частицы разделить. Можно отправить одну из них на другой край вселенной, и все, что происходит со второй частицей здесь, на Земле, мгновенно отразится на состоянии удаленной частицы. Они взаимосвязаны. Может быть, когда прыгольвер открывает портал в случайной вселенной, в нем сохраняется память об этом событии? Нужно только ее найти! Может, он задуман вообще не как оружие. Может, это исследовательский инструмент — например, для составления карты Паноплии? Открываем окно в иную вселенную и замеряем координаты. Если так, в нем должны были сохраниться данные о том, куда он отправил папу! Я думаю, так и есть, поэтому Шарлотта Вильерс уверена, что я не уничтожу Инфундибулум. Они мне нужны оба! Информация из прыгольвера необходима, чтобы найти след, а Инфундибулум — чтобы настроить прыгольвер на заданные координаты.

«Эвернесс» достигла края ночи. На востоке над горизонтом пролегла желтая полоска, постепенно переходящая в темно-синий, усыпанный звездами купол неба. Облачный слой расстился сплошным черно-пурпурным ковром. Истребители возникли из рассветного сияния — три двухмоторные машины, поджарые и прожорливые, как небесные акулы. Промчались на бреющем полете над корпусом «Эвернесс», от носа до хвоста, развернулись и пошли на второй заход. Под крыльями выдвинулись орудийные стволы, из-под белого чаячьего брюха показались ракетные установки.

— Вот я о чем, — сказал Шарки. — Отдайте эту штуковину Шарлотте Вильерс, и всем будет хорошо.

— Помолчите, мистер Шарки, — оборвала его капитан Анастасия. — Не всем будет хорошо. Эверетту будет плохо. Мы уже видели, на что способна Шарлотта Вильерс, когда у нее в руках прыгольвер и Инфундибулум. А сейчас она еще сильнее, потому что считает, у мистера Сингха нет выбора и он вынужден ей подчиниться. Мистер Сингх, я не верю в заведомо проигрышные сценарии. По-вашему, это оружие можно запрограммировать?

— Да.

— Вам это под силу?

— Да, я думаю. Точно: да. Только нужно немножко времени.

— Я дам вам время, а вы переправьте нас отсюда. Шарки вскочил на ноги.

— Вы в своем уме?

— Переправьте нас всех, мистер Сингх, — сказала капитан Анастасия.

Истребители вновь промчались мимо «Эвернесс», едва не задев ее, на этот раз от хвоста к носу, и выполнили разворот на фоне восходящего солнца. Кромсалки разошлись в разные стороны. А в самом сердце рассвета черной кляксой виднелся «Королевский дуб» с эскортом.

— Мам? — тоненьким голоском окликнула Сен.

— Мистер Сингх?

Эверетт до предела открутил колесико.

— Я думаю, получится охватить весь корабль.

— Вот радость-то, — сказал Макхинлит.

Эверетт протянул прыгольвер капитану Анастасии. Она покачала головой.

— Нет, мистер Сингх. Это решать вам.

— Они приближаются, — сообщил Макхинлит. Эверетт навел на себя прыгольвер и зажмурился.

Нет, нельзя закрывать глаза, он должен видеть, как откроется портал. Куда переместится «Эвернесс»? Неизвестно. Открыв глаза, он заглянул в черную выемку дула.

Макхинлит начал отсчет:

— Контакт с кромсалками через три, две...

Эверетт нажал на спуск. Мир полыхнул белым, а потом исчез.

Мир вернулся. Он по-прежнему был белым.

И по-прежнему ничуть не больно.

— Мы все еще здесь! — сказал Макхинлит.

— Это вопрос сугубо схоластический, — отозвался Шарки.

— Займитесь радаром, мистер Шарки, — сказала капитан Анастасия. — Я хочу знать, где мы находимся. Мистер Макхинлит, при первой возможности доложите о состоянии корабля — нет ли повреждений. Я ожидала, что перемещение будет более... зрелищным. Мистер Сингх, вы хорошо себя чувствуете?

Прыгольвер выпал из пальцев Эверетта, лязгнув, стукнувшись о палубу, и остался лежать, холодный и неподвижный, как кусок льда.

— На радаре — ничего, в эфире тоже, — сказал Шарки. — Мы тут одни.

— Целые и невредимые, — дополнил Макхинлит, проглядывая изображения с видеокамер внутри корабля и снаружи. — Практически.

— Остановить моторы, — приказала капитан Анастасия.

Сен перекинула все рукоятки в нейтральное положение. Мягкая неотступная вибрация двигателей прекратилась.

— Так, черт побери, где мы?

Вся команда выстроилась у обзорного окна.

— Вот это я понимаю, Белое Рождество! — сказал Макхинлит.

— «От дуновения Божия происходит лед, и поверхность воды сжимается», — проговорил Шарки.

Над ледяным миром занимался рассвет. От горизонта до горизонта раскинулось ледяное море. Торосы и трещины отбрасывали длинные лиловые тени в косых лучах солнца. Даже с высоты было видно, как по замерзшему морю гуляют снежные вихри. Лед, без конца и без края. Эверетту показалось, что невероятный холод просачивается через толстое стекло.

Сен вложила руку ему в ладонь. Пальцы у нее были теплые, в них ощущались жизнь и человечность. Эверетт заглянул в темную воронку прыгольвера и увидел холод, разрушение и хаос.

— Работать надо, — сказала капитан Анастасия. — Но прежде, мистер Сингх, если не ошибаюсь, нас ждут отлично выдержанные фазаны и лучшее манджарри по рецептам Ридли-роуд. Ну-ка, в темпе, сварганьте нам фантабулоза рождественское угощение! Будем праздновать.

— Есть, мэм!

— Только не спеши, Эверетт, сперва соберись с силами.

Эверетт сунул свободную руку в карман и нащупал карту Таро, которую Сен сделала для него. Вытащив карту, он перевернул ее рубашкой вниз. Как и многие другие карты Сен, она была составлена из газетных и журнальных вырезок, аккуратно наклеенных на картон. Из пустого и светлого дверного проема выходил человек в куртке военного покроя и мешковатых шортах. Человек раскинул руки в стороны, ладонями вверх, держа в одной глобус, а в другой — спиральную галактику. Вдали, над нарисованным вручную горизонтом был наклеен крошечный дирижабль. А внизу неуклюжими каракулями Сен вывела название карты:

«Странник между мирами».

Глоссарий

аламо — влюблен, влюблена

амрийя — персональная клятва или обет, которые невозможно нарушить (из цыганского языка)

бизу — маленький (от французского *bijoux* — «драгоценность»; в версии Сен — бижусенький)

бона — хороший

бона ночи — спокойной ночи (от итальянского *buona notte*)

бонару — чудесный, замечательный

варда — смотреть, видеть (диалектное итальянское: *vardare* = *guardare* — смотреть)

дилли-долли — миленький, хорошенький

динари — деньги (вероятно, от итальянского *denaro*)

диш — задница

дона — уважительное обращение к женщине (итал. *donna*, лингва франка — *dona*)

доркас — нежное обращение, «тот, кому ты небезразличен» (*The Dorcas Society*, благотворительное общество дам в XIX в., занимавшихся шитьем одежды для бедных)

зо — быть частью сообщества аэриш («Как по-твоему, он зо?»)

зуши — стильный, нарядный (цыганское: *zhouzho* — аккуратный, чистый)

крис — поединок чести у народа аэриш (из цыганского языка)

кьяпп — полицейский (от итальянского *chiappare* — ловить)

лакодди — тело

лалли — ноги

лэтти — комната или каюта на дирижабле

манджарри — еда (итал. *mangiare* — есть, лингва франка *mangiarìa*)

метцы — деньги (итал. *mezzi* — средства)

нанте — нет (итал. *niente*)

огли — глаза

оми — мужчина, мальчик

оми-палоне — женоподобный мужчина или гей

палоне — женщина, девочка (мн.ч. палонес)

рыльце — лицо

торба — сумка или рюкзак

фантабулоза — сказочно прекрасный, потрясающий

фрутти, фрутти-бой — в порту Большой Хакни слово имеет пренебрежительное значение

цыпленочек — молодой человек, мальчик

БУДЬ МОИМ ВРАГОМ

Автомобиль возник словно из ниоткуда. «Кажется, черный», — в последнюю долю секунды мелькнула мысль. Черный, дорогой и огромный, наверняка немецкий. Тонированные стекла, маслянистые капли дождя на полированной поверхности.

На Рождество школа закрывалась. Утром была игра; косой дождь со снегом чертил футбольное поле. Иногда дождь припускал с такой силой, что приходилось щуриться, чтобы разглядеть ворота противника.

Дождь выстудил его изнутри. Он в одиночестве коротал время на линии ворот, стуча перчатками и время от времени подпрыгивая на месте, чтобы прогнать из костей холод. Футбольная площадка напоминала пашню; заляпанные с головы до пят грязью, Алые и Золотые почти не отличались друг от друга. Мяч не пересекал его половину поля целых десять минут, а сам он вступил в игру лишь на двадцать пятой минуте.

Крики, свисток, вскинутые руки. Он прищурился сквозь дождь. Гол. Вратарь соперника вынул мяч из сетки и запустил на другую половину поля, но голкиперша Алых не слишком старалась — ветер подхватил мяч и унес за пределы площадки. Мистер Армстронг трижды дунул в свисток. Команды Алых и Золотых — впрочем, сейчас обе с равным успехом могли именоваться командой Грязных — побрели в раздевалку. Сегодняшняя победа со счетом три: ноль над единственными серьезными соперниками в кубке Лиги Бон-грин стала решающей, но он устал и хотел одного — побыстрее добраться домой. И кому только пришло в голову устроить матч в последний день перед каникулами?.. Но больше всего донимал холод, холод, холод. Не помогал даже горячий душ. Согреть не могли даже праздничные огни Рождества, Дивали и Хануки.

В душном актовом зале, где директриса, миссис Абрахамс, собрала учеников для поздравлений, его трясло от холода. Он успел забыть, как бывает тепло.

Он вжал голову в плечи и побежал по аллее, прозванной Собачьей радостью, то и дело перепрыгивая через кучки свежего дерьма — и не только собачьего. Свернул на кладбище Эбни-Парк. Викторианские надгробия влажно блестели под дождем. На шеях ангелов топорщились кружевные воротнички инея. Качались ветки, темные тучи бежали по низкому небу.

Остался еще один рождественский подарок, самый трудный. Девчонкам не понять; ни один из его школьных приятелей толком не знал, что дарить матерям на Рождество. Наибольшим успехом пользовались подарочные сертификаты: натуральная косметика, средства для ванны... Матери обожают такие вещицы. Бездумные дары. На это Рождество ему придется выбрать для Лоры что-то особенное, выбрать терпеливо и тщательно. В последний раз, когда они с Колеттой ели в городе суши, он заметил магазинчик, торгующий товарами для йоги. В витрине были выставлены коврики, резиновые мячи, оздоровительные чаи и светлые эластичные топы из хлопка. Тогда он не думал о рождественских подарках. Тогда он вообще ни о чем не думал. Когда человек, вокруг которого крутилась твоя жизнь, погибает, ты не способен думать, а лишь мучительно пытаешься с этим свыкнуться.

Велосипед обошелся в четыре тысячи фунтов. Подарок на сорок первый день рождения. Теджендра подробно расписал ему все технические характеристики: легчайшая карбоновая рама, классический переключатель скоростей Кампаньолы, алюминиевый руль... И все равно, на эти деньги велосипед не выглядел. Услыхав цену, Лора расширила глаза — дело было на отдыхе в Турции, — но Теджендра заверил ее, что купил самый дешевый велосипед в своем классе — цены на модели с карбоновой рамой доходили до восьми тысяч. Ее глаза стали еще шире, когда Лора увидела мужа на шоссе в трико и жилете с отражающими полосками. Мужчина средних лет в флуоресцентной лайкре.

— Ты собираешься так ездить в колледж? — спросила она.

— И даже из колледжа.

Пять месяцев, весну и лето, он держал обещание; Лоре пришлось признать, что муж стал стройнее, энергичнее и лучше спит. Теджендра заявил, что подумывает об участии в стомильной велогонке — физический факультет собирает небольшую команду.

За три дня до соревнований Теджендра встал на светофоре рядом с грузовиком. И попал под колеса. Грузовик поворачивал налево, а Теджендра оказался в том участке обзора, где водитель не мог его видеть. Физик забыл простейшее правило физики, за что и поплатился.

— Я его не заметил, — покаянно твердил водитель грузовика. — Я просто не мог его заметить!

Карбоновую раму раздробило, словно кость. Теджендра умер на месте, в шлеме, жилете и велосипедном трико. «Скорой» потребовалось полчаса, чтобы добраться до места происшествия по утренним пробкам. Даже Луна оказалась бессильна. Там, наверху, они посылали зонды к далеким планетам, открывали ворота в параллельные миры, но не умели оживлять мертвых. А возможно, им просто не было дела до людей.

— Там, наверху, ты будешь перешагивать из одной вселенной в другую, — говорил Теджендра. — Думаю, физику есть чем заняться там, наверху.

Из одной вселенной в другую. От мира — к миру. Из живого — в мертвое. Миры разделял только шаг. Ни предупреждения, ни объяснения. И полная бессмысленность протеста. Был отец — и вот отца не стало.

Его направили к школьному психологу, миссис Пэкхем. На сеансах он валял дурака: прикидывался то мрачным, то тихим, то угрюмым, то буйным. Он не обольщался — психолог немедленно раскусила его уловку, — но изображать из себя бедного сиротку отказывался. Правда — то, что он ощущал в глубине души, невозможность принять случившееся, медленное осознание факта, что ничего не исправить — оскорбляла все, чему учил отец: вселенная есть рациональное, упорядоченное место, подчиняющееся незыблемым законам.

Оставались разговоры с Колеттой, коллегой отца и другом семьи. С неофициальной старшей сестрой или тетушкой. Колетта слушала молча, не предлагая ни советов, ни объяснений, только угощала его хорошими суши и японским чаем — таким горячим, что обжигал вкусовые сосочки на языке.

Отец погиб три месяца назад. Лето закончилось, начался новый учебный год, и вот уже впереди, словно громадная сверкающая люстра, маячило Рождество. После Нового года они начнут жизнь

сначала. Длинными вечерами после коротких зимних дней двинутся дальше.

Итак, подарок, только хороший. Сквозь кладбищенские ворота он заметил нахохлившихся людей на автобусной остановке, вынул телефон: семьдесят третий будет через тридцать восемь секунд. Дождь размывал картинку на экране. Он стряхнул капли. На появившейся карте анимированный автобус неспешно катил по Норсуолд-роуд: новенький, двухэтажный, лавирует между юркими легковушками и белыми фургонами. С тех пор, как емкие батареи с Луны вошли в обиход и дешевый электрический транспорт оказался незаменимым, на дорогах стало гораздо тише. Некогда ревущая Стоук-ньюингтон-хай-стрит теперь нежно урчала.

Он отпрянул, давая дорогу прогулочной коляске с близнецами, и чуть не упал. Приземистая молодая женщина с черными гладкими волосами вскинула глаза.

— Извините, пожалуйста.

В кои-то веки на остановке не было припаркованных в обход правил машин, и автобус уверенно приближался к цели. А теперь бегом. Главное, не выбиться из графика, упустишь этот автобус — прощай, магазины. До пешеходного перехода метров сто, но в потоке машин виден разрыв. Теперь правильно рассчитать относительную скорость. Как в футболе: мяч, линия ворот, корпус. Машины пришли в движение, он бросился между припаркованным «Ситроеном» и старым фургончиком.

И так и не заметил автомобиля, который возник словно ниоткуда. А когда заметил — черный, капли дождя на полированном капоте, — было слишком поздно. Его ударило сильнее, чем когда-либо в жизни, ударило и подбросило в воздух. Автомобиль не остановился, и, падая, он стукнулся о капот, еще сильнее, чем в прошлый раз. Удар отшиб все, кроме зрения и сознания. А потом он упал на дорогу, и этот третий, последний удар вышиб из тела остатки жизни. Черный автомобиль, черный дождь. Чернота.

От черного — к белому. Чистая прохладная белизна. Он рванулся в белизну, словно пловец к поверхности воды...

Он лежал на белой кровати, в белой комнате, на белых простынях, глядя в белый потолок. Задыхаясь, сел. С тех пор, как погиб отец, он

постоянно просыпался среди ночи, не соображая, где он, кто он, чей это дом, комната, постель, чье тело. Впрочем, спустя мгновение разум нагонял чувства. Я в безопасности, я дома. Сегодня все было иначе. Даже если он снова заснет, то уже не проснется в своей постели на Роудинг-роуд. Настоящее реально.

Он поежился, обнял себя руками. Холодно. Мороз пробирал до костей.

Напротив кровати располагалось окно во всю стену. Черное, с проблесками огней, словно стоишь ночью у окна небоскреба и смотришь на другой небоскреб, заполнивший весь обзор. Казалось, что небоскреб загибается внутрь по краям. Какой-то сияющий белый объект промелькнул мимо окна, слишком быстро, чтобы разум осознал его движение. Объект походил на насекомое из пластика и железа, с окнами внутри. Огромными окнами, размером не меньше «Боинга».

Он встрепнулся. Рывок подбросил его вверх, медленно протащил в воздухе и швырнул в стеклянную стену. Он мягко осел на гладкие белые плитки пола. Память возвращалась, от белизны — в черноту, от гладкого пола — на твердый тротуар, от странной летающей машины — к жесткому капоту черного автомобиля.

— Где я?

Он встал. Резкое движение протащило его вперед на полметра. Итак, рассмотрим случившееся с научной точки зрения. На нем были трусы и футболка, белые, как все в этой комнате. Стащив футболку, он смял ее, вытянул руку и разжал ладонь. Футболка, легкая, словно перышко, плавно опустилась на пол.

— Низкая гравитация, ясно.

Подойдя к окну, он прижал ладони к стеклу. Голова закружилась. Никакой это не небоскреб. Комната находилась внутри громадного черного цилиндра. Окно загибалось по краям. На вид цилиндр казался примерно с километр в диаметре. Окна поднимались пролет за пролетом. В самом верху маячил черный диск.

— Бездонная бездна, — прошептал он. — Нет, так не бывает. Невозможно с точки зрения логики. Это инженерное сооружение.

И, кажется, он знал, кто или что творец этого сооружения. Вторая белая насекомоподобная машина взмыла из глубины.

— Я на...

Его пронзил холод. Колени подогнулись. Чтобы не упасть, он оперся ладонями о стекло. И тут его руки и кисти открылись. Квадратные заплатки на тыльной стороне ладоней поднялись на пластиковых распорках. Узкие люки распахнулись в верхней и нижней частях предплечий, что-то вылезло из суставов больших пальцев. Там, внутри него, было нечто, и оно двигалось. Нечто не вполне живое, но и не механическое. Оно раздвигалось, удлинялось, меняло форму. Он видел внутри себя темные полые пространства, заполненные чужаками, которые высывали из его тела клешни, зажимы, манипуляторы и сканеры.

Он заорал.

— Тихо.

Посередине комнаты стояла маленькая пожилая женщина. Она сжала правую руку в кулак, и заплатки на его коже закрылись. Не осталось ни шва, ни шрама.

— Извини, — сказала женщина.

Он не заметил, откуда она появилась. Никто бы не заметил. У женщины было круглое лицо и гладкие волосы, на затылке стянутые в пучок. Морщинки в углах глаз и губ изображали улыбку. Однако она не улыбалась. Ее бледно-серая кожа отливала жемчужным блеском. На женщине было простое платье и очень удобные туфли. Одна рука прикрывала другую, словно в новоизобретенном молитвенном жесте. Внешне женщина напоминала бебе Сингх, но на самом деле была самой знаменитой старушкой в мире. Олицетворением Разума Трина, Воплощением Благожелательного Собеседника Разумных Существ, Наделенных Общностью Взглядов, известной под именем мадам Луны.

— Приветствую тебя, Эверетт Л Сингх, — произнесла она с отчетливым певучим выговором, раздражающе знакомым. — Сегодня восьмой день Рождества, и ты находишься на темной стороне Луны.

Пухлый херувимчик по-ковбойски оседлал дракона: одна рука поднята вверх, другая крепко вцепилась в гриву. Дракон был китайский, гибкий, как горностай. Он беззаботно резвился в небе над городом хрустальных небоскребов. Щекастое личико херувима лучилось радостью. Карта, вращаясь и переворачиваясь, кружила в гулком, размером с собор, внутреннем пространстве дирижабля «Эвернесс», словно одинокая снежинка.

Эверетт Сингх сидел сгорбившись над «Доктором Квантумом», но краем глаза уловил движение и, потянувшись, схватил карту. Круглолицый ангел и дракон — предвестник удачи.

Джубилео.

— Что это значит? — крикнул он в потолок, в пространство между шарами с газом.

— Джубилео?

Что-то отлепилось от серых конструкций из карбо волокна и рванулось к нему Сен Сиксмит нырнула вниз головой с верхнего мостика: подбородок задран вверх, руки раскинуты, словно крылья сокола. На шкивах завизжала веревка. Меньше всего Сен походила на ангела. В метре от головы Эверетта она притормозила.

— Джубилео. Джубили! Джубила! Джубилейшн! Ликование!

Из ее рта шел пар.

— Ты не замерзла?

На Сен, висящей вниз головой, был обтягивающий серый вязаный топ, полосатое трико, светлый меховой жилет и полусапожки. Казалось, она совершенно не замечает холода. Окоченевший и плохо соображающий Эверетт в двух футболках, шортах поверх двух пар трико, двух парах носков и старой полушинели, присвоенной Макхинлитом со времен службы на дирижабле Его величества «Королевский дуб», не находил себе места от холода. Чтобы не снимать вязаных перчаток, Эверетт отрезал кончики пальцев, но холод сочился с ледяного экрана «Доктора Квантума». После часа работы каждый удар по клавиатуре давался с трудом. Эверетт попадал мимо

клавиш и отчаянно боялся, что стужа, проникающая сквозь обшивку дирижабля, так выстудила ему мозги, что он просто не заметит ляпа.

— Я? Я никогда не замерзаю. Просто не сижу на месте — не даю холоду шанса. А вот сидячая умственная работа... Кровь приливает к голове. Общеизвестный факт. От сидения сиднем Эверетт тупеет. И коченеет. Джубилео! А ну-ка поддай жару!

Эверетт поднял карту. Недолго думая, Сен выхватила карту у него из рук, перевернула и одной рукой воткнула в колоду. Ее ловкость изумляла Эверетта. Он умел думать в нескольких измерениях, а Сен умудрялась в них двигаться. Голкиперу полагается быть по-кошачьи стремительным, но Сен была быстрее ветра и молнии. Когда-нибудь она научит его управляться с системой веревок, канатов и блоков дирижабля. Когда-нибудь, когда от его нынешних трудов не будет зависеть судьба «Эвернесс» и ее команды.

Сен грациозно изогнулась в воздухе и легко приземлилась на стол. Ловкое движение пальцев — и карта угодила под погон одолженной Эверетту шинели.

Карты были еще одним языком Сен, вдобавок к английскому и диалекту палари — языку аэриш, сообщества Воздухоплателей.

Некоторые вещи знала только колода «Таро Эвернесс». Сен говорила с ней и через нее. В громадном пустом воздушном корабле Эверетт слышал, как она шепчется с картами. Тут хватало места, чтобы вообразить себя в полном одиночестве. Он даже видел, как она целует карты: порой пылко, порой — с затаенной нежностью, словно лучших друзей. Карты были ее сестрами и братьями, ее Фейсбуком волков и странников, ангелов и королев, херувимов и драконов. А еще Странников между мирами.

Сен нарисовала карту для него: мальчик, жонглируя мирами, шагает в ворота. Она рисовала новые карты, если чувствовала, что их требует колода. Однако она не стала смешивать его карту с остальными. Карта принадлежала Эверетту, чтобы в случае нужды он мог ею воспользоваться. Карта сама подскажет когда.

— Ты бы отдохнул.

— Я вас втравил. Мне и вытаскивать вас отсюда.

— Интересно, как ты собираешься нас вытаскивать, если эти бижу буковки двоятся у тебя в глазах?

Приходилось признать, что Сен права. Эверетт поднялся задолго до того, как рассвет окрасил льды алым, даже до ранней пташки Макхинлита, корабельного механика, и отнес капитану Анастасии Сиксмит завтрак прямо в ее лэtti. Кутаясь в три кофты, хмурая и заспанная, Анастасия в кои-то веки не выказала бурной радости при виде его стряпни. Пусть он Странник между мирами, выдающийся программист и единственное средство побега из этой случайной параллельной вселенной — но он также состоял корабельным поваром. А воздухоплаватели, как не уставала напоминать капитан Анастасия, никогда не откажутся хорошенько подзакусить.

— Макхинлит починил кромсалки. Варда?

Эверетту страшно хотелось взглянуть на дроны. Когда он нажал на курок украденного прыгольвера, перенесся «Эвернесс» в случайный параллельный мир, подальше от Шарлотты Вильерс и Королевского военно-воздушного флота, все оказавшееся внутри Гейзенбергова поля перенеслось туда вместе с дирижаблем. Включая парочку навороченных военных беспилотников с дистанционным управлением, соединенных тончайшей, но невероятно прочной нитью из карбо волокна. С ее помощью дронам ничего не стоило отхватить хвостовое оперение дирижабля или искромсать «Эвернесс» вдоль и поперек, словно рождественского гуся. Отрезанные от базы, беспилотники автоматически перешли в режим свободного полета. Первые два дня в новом мире команде «Эвернесс» было недосуг разглядеть малышей, переместившихся вместе с дирижаблем.

— Не хватало еще оставить эти отличные образцы передовой военно-воздушной технологии снаружи, на милость тем, кто бродит вокруг, — заявил Макхинлит.

До сих пор мысль о том, что снаружи может быть кто-то живой, никому в голову не приходила.

И вместе со старшим помощником Шарки они ринулись в бушующую стихию. Холод там был такой, что пальцы Макхинлита примерзали к железу. Спустя шесть дней корабельный механик разделил беспилотники и переделал их на свой лад.

Сен была уже на середине полета.

— Ты идешь, оми? — обернулась она через плечо.

«Эвернесс» задрожала. Сен схватилась за перила. Эверетт подтолкнул планшетник к безопасному краю стола. Глубокая дрожь

сотрясла дирижабль и всех, кто в нем находился.

Время от времени, хотя «Эвернесс» была надежно пришвартована, дирижабль сильно трясло. Дрожь шла откуда-то снизу, из-под льда.

— Что это? — спросила Сен.

— Откуда мне знать? — ответил Эверетт.

— Ты ж ученый!

— Да, но... — Эверетт вздохнул. Спорить с Сен себе дороже. — Пошли лучше.

— Держу пари, там внизу засело ледяное чудовище, — сказала Сен.

Эверетт хотел было пуститься в рассуждения о научной несостоятельности идеи о существовании гигантского монстра подо льдом, но передумал. Все равно ей ничего не докажешь. Может быть, в тесной уютной норе Макхинлита, где темно и пахнет электричеством, хоть немного теплее?

В Великих льдах (в другом мире — Северное море), в двадцати воздушных милях от Верхней Дойчландии, стоял восьмой день Рождества. В том варианте известной рождественской песенки, которую пели аэриш, поклонник присылал своей милой на восьмой день Рождества восемь ветров. Ветер, ледяной, пронизывающий, студёный, не переставал бесноваться с того мгновения, как Эверетт перенес дирижабль в этот белоснежный мир.

Ветер, словно скребком, царапал корпус. Ветер извлекал из тросов протяжные, будто песни чужеземных китов, стоны. Он терзал все твердые и выступающие части дирижабля, а ледяные пальцы без устали искали, во что вцепиться, что оторвать и разбросать по льду. Ветер трепал «Эвернесс», как собака крысу, пока капитан Анастасия отводила дирижабль на безопасное расстояние. Если теория Эверетта верна, любой прыжок между мирами оставлял след, а ее вовсе не радовала возможная встреча с диверсантами Ордена. Устройство портала Гейзенберга на Земле-3 позволяло не только отследить их перемещение, но и открыть портал прямо на центральном мостике «Эвернесс».

Эверетт готовил на кухне праздничный ужин. Кастрюльки и миски дребезжали, пока он разделявал фазана и заводил тесто для

лепешек наан.

Корабль висел в нескольких метрах над ледяной пустыней. Швартовочные тросы, впившиеся в тридцатитысячелетний лед, удерживали дирижабль под напором титанических воздушных масс с севера. «Эвернесс» скрипела и дрожала на своих якорях.

— А сейчас, — провозгласила капитан Анастасия, — за еду.

Крохотный столик на кухне застелили красно-золотыми и зелеными сари, купленными на Ридли-роуд-маркет в Большом порту Хакни, в пустых кружках зажгли свечи. Шарки разразился внушающей трепет молитвой на грозном наречии Ветхого Завета. Затем Эверетт подал ужин: макни из фазана, рис с шафраном и лепешки наан, которые для пущего эффекта надул, держа на конце вилки над горелкой. Завершали трапезу праздничная халва — любимое блюдо капитана Анастасии — и горячий шоколад со щепоткой перца чили.

Однако пряным ароматам пенджабской кухни было не под силу развеять уныние команды. Упираясь в друг друга коленями и локтями, они молча ели, вскидывая глаза при каждом скрипе оснастки.

За иллюминатором валил снег. Эверетт смотрел в заиндевшее окно и думал: «Мой отец не здесь». Теджендра оттолкнул сына из-под дула прыгольвера Шарлотты Вильерс, и выстрел зашвырнул его в случайную параллельную вселенную. Выстрел Эверетта, уводившего «Эвернесс» из-под прицела истребителей Королевского военно-воздушного флота, также был случаен. Теоретически они могли совершить прыжок в один и тот же мир. Подобная вероятность существовала. Эверетт просчитывал варианты. Подбрось карандаш вверх: какова вероятность того, что он воткнется острием в стол? Крохотная. А теперь проделай эксперимент сотни раз подряд, и тогда, возможно, отец и сын окажутся в одной вселенной. Но даже если шанс есть, все равно шансов нет. Снаружи никому не выжить. В последний раз, когда Эверетт видел отца, на нем были спортивные брюки и футболка. И все же он где-то там... Гони мысль о том, что Теджендра находился на сорок втором этаже Тайрон-тауэр, когда Шарлотта Вильерс выбросила его в такую же точку другой вселенной.

Мир полон чудес — вот первое, чему научил его отец. Они ночевали в палатке на юго-западе Франции, в Дордони, и однажды Теджендра среди ночи поднял с постели заспанного сына и вывел в темноту.

— На что смотреть? — спросил Эверетт, которому не исполнилось и шести.

Отец просто показал рукой вверх. Вдали от городов и дорог небо сияло звездами. Такого количества огней Эверетт не видел ни разу в жизни. Звезды восхищали и пугали. Эверетт смотрел в вечность. Звезды звали, манили, пробуждая в нем что-то, изменяя его изнутри.

— Я хотел, чтобы ты это увидел, — сказал Теджендра. — Когда мне было столько, сколько сейчас тебе, мы часто смотрели на звезды в Батвале. Не опускай глаз, всегда смотри вверх. Суть науки в изумлении.

Сейчас Теджендра не с ним. Его во что бы то ни стало надо отыскать. Во всех мирах наступило Рождество.

Эверетт смотрел, как снег, снежинка за снежинкой, замечает стекло.

Инженерный отсек озаряли синие электрические молнии. Сен постучала по стене.

— А это безопасно?

— Мое мастерство механика держит твою диш в воздухе, а ты боишься каких-то жалких искр? — прорычал Макхинлит с сильным акцентом уроженца Глазго. — Заходи, но трогать ничего не смей, провода под током.

Как и надеялся Эверетт, в каморке было тепло. Пахло перегретой присадкой для сварки и Макхинлитом. Особенно Макхинлитом. Капитан Анастасия перекрыла воду в трубах, отчасти чтобы они не замерзли, отчасти ради сохранения тающих запасов энергии. На восьмой день во льдах команда завоняла. Маскируя запах, Сен сильнее, чем обычно, поливала себя фирменными мускусно-сладкими духами.

Макхинлит сдвинул очки на смуглый лоб и хмуро посмотрел на Эверетта.

— Разве ты не должен вызволять отсюда наши жалкие диш?

— Оми нужен отдых, — вступилась Сен. — Одна-единственная ошибка — и от нас останется пшик, мокрое место. И осколков не соберешь.

Ты не представляешь, насколько права, подумал Эверетт. Пугающе права. Чем глубже он зарывался в Инфундибулум — карту Паноплии, — тем сложнее и изощреннее она оказывалась. Его отец

трудился в невероятной области математики, утонченной и замысловатой. Чем дальше вглубь продвигался Эверетт, тем шире становилось пространство изнутри. Такое впечатление, что размахиваешь кувалдой посреди сверкающих стен тщательно выписанных кодов. Одна ошибка, неверное преобразование — и следующий Гейзенбергов скачок перенесет каждый атом «Эвернесс» и его команды в иную, обособленную вселенную. Умрешь так быстро, что даже не заметишь.

— А ты до сих пор не разобрался с зарядкой? — огрызнулся Эверетт.

Идея была проста. Простота — основной принцип физики. Чем проще, тем вернее, однажды сказал Теджендра. Прыгольвер — карманный портал Гейзенберга — и Инфундибулум — механизм управления — требовалось соединить в программируемое универсальное устройство. Эверетту не стоило труда взломать операционную систему планшета, чтобы подсоединить его к прыгольверу — Макхинлит уж подыскал нужные кабели и переходники, — но прыгольвер использовал язык, отличный от всех известных Эверетту. В его основе лежал универсальный набор нулей и единиц, однако заставить оба языка понять друг друга означало переписать каждую строку кода, цифру за цифрой. Строчка за строчкой Эверетт превращал «Доктора Квантума» в транслятор между двумя компьютерными языками, столь отличными, что они вполне могли происходить из чуждых миров. Эверетт подозревал, что так оно и есть, а значит, его ждал упорный, кропотливый труд, когда холод будет просачиваться сквозь обшивку в кожу пальцев, в кости и мозг.

— Да все давно в ажуре, — осклабился Макхинлит. — Осталось только дать ток. Лучше скажи, что ты думаешь об этих красотках?

Дроны свисали с решетчатого потолка, раскачиваясь от колебаний терзаемого ветром дирижабля. Белые механические букашки с четырьмя лопастями, расправленными, словно крылья стрекозы, над крепко сбитым корпусом. Внутри корпуса находились датчики, средства связи и питание. Макхинлит продел под каждым дроном страховочные ремни и приварил к стойкам лопастей длинные рули. Оставалось пристегнуться, положить руки на руль — и лети куда глаза глядят.

— Понимаю, о чем вы думаете, мистер Сингх. Маленько грубовато и халтурно. Осталось приварить капельку чугуна, и дело сделано. Не успеете пикнуть, как красотка будет парить в воздухе. Просто. Безопасно.

— Бонару, — Сен провела пальцами по запотевшему металлу. — А мне можно?

— Не трожь! Если у нас не хватает энергии для душевых, то уж на то, чтобы тебе погулять в небе, ее и подавно не найдется, палоне.

Поначалу Сен решила надуться, затем передумала, сообразив, что этим корабельного механика не проймешь.

— А они шустрые? — живо спросила она.

— Пришлось учесть весовой коэффициент, — ответил Макхинлит. — Вообще-то они не предназначены для того, чтобы таскать твою диш.

Я спросил бы, насколько хватит заряда батарей, подумал Эверетт. До чего же они с Сен разные.

— Назовем их пчелками, — предложила Сен.

Макхинлит в ужасе уставился на нее.

— Лучше кузнечиками, — сказал Эверетт.

Ляпнул, не думая, название просто слетело с языка. И село идеально. Макхинлит кивнул, про себя примеряя название. В яблочко. Впрочем, этим же выстрелом Эверетт ранил Сен. Она бросила на него яростный взгляд.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что моя диш тут лишняя? — выпалила она, выдернув карту из-под погона его шинели.

Двухсотметровое пространство дирижабля заполнил рев сирены. Макхинлит отбросил сварочный аппарат и выскочил из мастерской. Сен не отставала.

— Что это? — крикнул Эверетт в мерцании аварийных лампочек.

— Общий сбор! — бросила Сен через плечо. — Бегом!

— Только одно может заставить Шарки так трезвонить! — проорал Макхинлит. — Что-то проникло через портал!

Сплошная бесконечная белизна. Ни резких углов, ни видимых соединений между полом и стенами, стенами и потолком. Свет струился отовсюду. Ему казалось, что светится даже его одежда — простая мягкая футболка и мешковатые спортивные штаны. Он поднял руку. На фоне белого сияния кожа выглядела очень смуглой. Видны ли швы там, где его собрали заново? Боли не было. Только холод, холод, затаившийся внутри. Отныне холод его не отпустит.

Мадам Луна заметила движение и обернулась. Она молчала и улыбалась. Ее чувства не поддавались прочтению. Кроме его смуглой кожи, сероватой кожи мадам Луны и вертикального черного круга посередине, все вокруг было белым. Из-за белизны размер комнаты угадывался с трудом. Интересно, до ближайшей стены можно дотянуться рукой или до нее несколько километров? Впрочем, черный круг не так уж мал, наверняка выше человеческого роста.

Центр круга ослепительно вспыхнул, и оттуда вышли двое мужчин в темных пиджаках. У первого были резкие черты лица и вьющиеся белокурые волосы. Во втором Эверетт Л узнал премьер-министра. Шаг, начатый в другом мире, благодаря низкой лунной гравитации протащил их вперед. Премьер запнулся, но тут же с достоинством выпрямился. Мадам Луна шагнула навстречу гостям, кивком головы дав понять Эверетту Л, что он должен последовать за ней. Он уже научился ходить так, чтобы при каждом шаге его не подбрасывало в воздух. Походка напоминала шарканье. Не слишком изящно, зато чувствуешь опору под ногами. Белокурый мужчина ловко управлялся со здешней гравитацией, премьеру, напротив, этот способ передвижения был в диковинку, и при каждом шаге он ненадолго зависал в воздухе.

Белокурый поклонился мадам Луне. Она сложила ладони в жесте, напоминавшем молитву и индийское приветствие намасте одновременно. Затем незнакомец пожал руку Эверетту Л.

— Мистер Сингх, я пленипотенциар Земли-4 в Пленитуде. Меня зовут Шарль Вильерс.

— Рад знакомству.

Затем пришел черед премьера. Его рукопожатие было твердым, взгляд прямым.

— Приятно познакомиться, Эверетт.

— Взаимно, мистер Портилло.

— Премьер-министр хочет поговорить с вами наедине, — сказал Шарль Вильерс.

Мадам Луна опустила голову. Легчайшее движение руки — и в белизне открылась дверь. За ней оказалась маленькая комната для переговоров с мягкой белой скамьей во всю длину помещения. Вслед за премьером Эверетт Л вошел внутрь, и у него захватило дух. Потолком комнаты служил круглый прозрачный купол. За стеклом расстилалась чернота, а в центре, громадная и совсем близкая — протяни руку и сорвешь, — лежала невероятно, непостижимо голубая Земля. Премьер долго разглядывал это сияющее великолепие.

— Разум бунтует, — заметил он. — Мы перестали доверять глазам. Сваливаем все на фотошоп и спецэффекты. Разум бунтует, но тело верит. Тело ощущает лунную гравитацию, и я доверяю своим ощущениям. Тело не лжет. — Он снова поднял глаза. — Говорят, что те, кто смотрел на Землю отсюда — такую маленькую, что можно прикрыть рукой, — никогда уже не видят ее прежней. Они начинают понимать, как мала, как прекрасна и как хрупка наша планета.

Премьер устроился на скамье напротив Эверетта.

— До сих пор не верится. Автомобиль привез меня к Осколку, на лифте я поднялся на шестьдесят пятый этаж, в посольство Пленитуды. Оттуда открывается вид на сорок миль вокруг: Лондонский мост и вокзал, галерея Тэйт и собор Святого Павла. А потом шагнул в ворота — и оказался на Луне и теперь смотрю на Землю с высоты в двести пятьдесят тысяч миль. Мы привыкли к чуду. Вы из поколения, которое с этим выросло, Эверетт. Вы с рождения знали о женщине с Луны. А мне было десять, когда это случилось.

Ничего подобного, думал Эверетт Л. Я из поколения, которое никогда не задавалось вопросом: «Чем ты занимался, когда?..»

Его мама вечно твердила, что если бы он устроился у нее внутри с меньшим комфортом и не был бы так ленив, то родился бы в день гибели принцессы Дианы. Однако Эверетт Л дождался похорон, и Лора получила возможность несколько дней подряд наблюдать за нескончаемой национальной скорбью. Когда выпуск новостей

прервался экстренным сообщением, что немецкий автомобиль разбился в парижском тоннеле и королева сердец мертва, роженицы сгрудились перед экраном в вестибюле, хотя в каждой палате был телевизор с платными каналами. Такие события принято переживать сообща. Чем ты занимался, когда?..

Чем занималась Лора Сингх, когда хоронили принцессу Диану? Тобой, Эверетт Л.

Вопрос: «Чем ты занимался, когда?..» был уместен до Трина. Что ты делал, когда убили президента Кеннеди? Когда высадились на Луну? Когда застрелили Джона Леннона?

Чем ты занимался во время аварии на атомной станции «Три-майл-айленд»? Или когда боевики Ирландской республиканской армии взорвали Маргарет Тэтчер? Или когда Генеральный секретарь ООН объявил, что Земля вступила в контакт с инопланетным разумом, и признал, что это случилось не сейчас, а двадцать лет назад? Когда оказалось, что инопланетяне не в тысячах световых лет, а за соседней дверью, на Луне, и НАСА посылает туда астронавтов, чтобы впервые в истории вступить с пришельцами в контакт. И что пришельцы прибыли в Солнечную систему в далеком тысяча девятьсот шестьдесят третьем, за три месяца до убийства президента Кеннеди.

То, что первый контакт двадцать лет оставался засекреченным, изрядно смущало людей старшего поколения, привыкшим задавать себе пресловутый вопрос. Кто способен в точности вспомнить, что делал двадцать седьмого августа шестьдесят третьего года? Что в тот день случилось особенного? День рождения, первое свидание, банковский праздник, последний погожий денек перед новым учебным годом? А если инопланетяне появились в совершенно непримечательный день, один из многих? Ты сидел за партой, конторским столом, шел за покупками, когда на темной стороне Луны тринский корабль вышел из сна после путешествия длиной в тридцать тысяч лет и обратил внимание на голубую планету внизу.

Жестянка из-под кофе. Тринский зонд размером и формой напоминал жестянку из-под кофе — это все, что было известно. Кофе давно не продают в жестянках, и сейчас уже многие знают, что тринский корабль вовсе не походил на жестянку. Маловато для космического корабля пришельцев, но ровно столько, сколько нужно, ибо сам корабль и был пришельцем. Задолго до того, как зонд

отправился в путь, Трин перешел от биологического интеллекта к машинному. Звезда, с которой стартовал зонд, Эпсилон Эридана, даже не была родной планетой Трина. У них больше не было родины. Зонды стали спорами, перелетающими между мирами, подобно семянам одуванчиков. И каждый содержал все необходимое, чтобы построить новый Трин. Некоторые попадали в плодородные миры, пускали корни, давали всходы и прорастали цивилизациями. Иным было суждено вечно блуждать между звезд, так и не познав тяги гравитации, которая разбудила бы их. Споры были дешевы и многочисленны. Однажды проснувшись в Солнечной системе и потянувшись в поисках материала для воспроизведения, Разум Трина обнаружил нечто новое, доселе не виданное. Разум Трина соприкоснулся с иным, чуждым разумом.

Мир тысяча девятьсот шестьдесят третьего года был миром соперничающих сверхдержав, наполовину вытащивших кинжалы из ножен. Америка и Советский Союз следили друг за другом с помощью спутников, самолетов-шпионов и радаров дальнего обнаружения. Одного нажатия на кнопку хватило бы, чтобы расплавить поверхность планеты. Зонд с Трина заметили как советские, так и американские радары. Обе стороны решили, что соперник нанес удар. Паника нарастала. Пальцы в Кремле и Белом доме дрожали над ядерными кнопками. Мир стоял на грани войны. Но вскоре обе стороны поняли — как несколько раньше понял Трин, — что имеют дело с чем-то доселе не виданным.

Разум Трина осознал, что находится под прицелом, и призадумался. Раздумья были тяжелыми и долгими — для машинного интеллекта. По человеческим меркам они заняли три минуты. После чего Трин заговорил.

Мир тысяча девятьсот шестьдесят третьего года был миром нервным и угрюмым — по сути, подростковым. Все изменилось после знакомства с инопланетным интеллектом. Америка, Советский Союз и остальные постоянные члены Совета Безопасности заключили договор с Разумом Трина. Когда шесть лет спустя Нил Армстронг и Базз Олдрин ступили на поверхность Луны, камера не показала маленькую фигурку пожилой женщины с добрыми глазами и сероватой кожей, которая ждала их. На ней не было скафандра, ее не пугало безвоздушное пространство. Мадам Луна, конструктор Разума Трина,

благоклонно взирала, как астронавты втыкают в лунный грунт звездно-полосатый флаг. Луна уже не принадлежала людям. За шесть лет после подписания договора жестянка из-под кофе обросла репликаторами, фабрикатрами и конструкторами и глубоко зарылась в лунные скалы, раскинув по поверхности щупальца своих технологий. Солнечные коллекторы, словно шампиньоны осенним утром, вылезли из лунного грунта по всему Бассейну Южного полюса — Эйткена — самого глубокого лунного кратера. К тысяча девятьсот восемьдесят третьему году, когда договор предполагалось рассекретить, Разум Трина превратил темную сторону Луны во вселяющий ужас кроличий садок: везде торчали шпильки, зияли провалы, все окутывали коммуникации. Отчасти это напоминало декорации научно-фантастического фильма, отчасти мертвый коралловый риф; тому, что предстало перед глазами землян, точного аналога не было. И так на всем пути вниз, к холодному лунному ядру.

Когда споры Трина пробудились, Лора и Теджендра еще не родились. В 1983-м девятилетняя Лора ходила в школу на Ректорироуд и писала фломастером на пенале «Дюран Дюран» и «Шпандау балет». Теджендра сдавал экзамен повышенной сложности для поступления в Оксфорд, а родители умоляли его подумать о лондонском Имперском колледже — им до смерти не хотелось отпускать сына из дома. Двадцать седьмое августа 1983 года, спустя двадцать лет после того, как Разум Трина едва не развязал ядерную войну. Чем ты занимался, когда?..

Открылся величайший обман. По миру прокатилась волна протестов и возмущений, но вскоре, как водится, заглохла. Люди быстро поняли, что инопланетян, поселившихся на темной стороне Луны, им не видать как своих ушей, и со временем про них забыли. С глаз долой — из сердца вон. Только редкие образцы тринских технологий, доходившие до Земли, порой заставляли их задирать голову вверх и смотреть на полную Луну другими глазами. История остановилась. Вопрос: «Чем ты занимался, когда?..» утратил актуальность.

Все так, думал Эверетт Л. Исторических событий, объединяющих людей, не осталось, но мелкие, частные события еще случались. Что ты делал, когда твой отец погиб в глупой и бессмысленной аварии?

— Я с вами согласен, сэр, — сказал Эверетт Л.

— Не называйте меня «сэр», — ответил премьер-министр. Он замолчал, шевеля губами, словно предварительно проговаривал то, что собирался сказать. Видимо, на вкус слова горчили. — Вам совсем не больно?

— Мне все время холодно.

— Мадам Луна на славу потрудилась.

— Она сказала, что иначе я бы умер. Меня восстановили. — Эверетт обернулся к сияющему шару. От него шел холод. — Мистер Портилло, почему они не спасли моего отца?

— Я знаю о вашей горе, Эверетт. Технологии Трина способны творить удивительные вещи, но чудеса им неподвластны. Они не умеют воскрешать мертвых. — Премьер снова пожевал губами. — Эверетт, тот человек, что пришел со мной, весьма примечателен. Вам известно, кто такой пленипотенциар?

— Посол нашего мира в Пленитуде.

— Правильно. Он гораздо могущественнее меня, но не позволяйте ему так думать. Он попросит вас об одной услуге. Только вы способны справиться с его поручением. Эверетт, я хочу, чтобы вы сделали то, о чем он попросит. Мы нуждаемся в вас. Вас удивят мои слова, но вы — наша единственная надежда. Учтите, Эверетт, правительство вас поддерживает. Мы не оставим вашу мать и сестру, позаботимся о семье вашего отца. Мистер Вильерс предложит вам стать героем. Не только ради блага страны и мира, но и ради блага всех известных миров. Вы согласитесь, Эверетт? Вы сделаете это для нас?

Затылком Эверетт Л ощутил дуновение. Оглянувшись, он увидел, что дверь в комнату, где находился портал, открыта. Мадам Луна и Шарль Вильерс стояли на пороге плечом к плечу. Они ждали. Премьер-министр Портилло потрепал Эверетта Л по плечу и первым вышел из комнаты.

— Умница, — прошептал он. — Я знал, что на вас можно положиться.

— Мир — не один, — сказал Шарль Вильерс.

— ...миров много, я знаю, — кивнул Эверетт Л.

Они стояли на балконе, глядя на огромный провал, который, проснувшись на Луне, Эверетт Л впервые увидел из окна. Мадам Луна

открыла еще одну из дверей, по ее воле появляющихся в самых неожиданных местах, и они вышли на высокий выступ.

У Шарля Вильерс были мягкие черты лица, мягкая кожа и мягкий голос, но Эверетт не собирался принимать эту мягкость за чистую монету.

— Я пленипотенциар нашего мира на Земле-3, с которой недавно установлен контакт. Вы о ней слышали? — спросил Шарль Вильерс.

— Это область исследований, в которой работал мой отец.

— Разумеется, простите. Тогда вы знаете, что Земля-3 весьма схожа с нашим миром, за исключением Разума Трина.

— Я в курсе.

Эверетт Л смотрел на мадам Луну, стоявшую у стены с неизменной улыбкой на лице. Неужели это она сорок два года назад приветствовала на Луне Армстронга и Олдрина, хрупкая женщина, которой нипочем вакуум и радиация? Да полно. Та ли женщина появилась в комнате, где Эверетт проснулся и закричал от ужаса, когда его тело начало открываться? Возможно, Разум Трина создает и уничтожает свои Олицетворения по мере надобности?

— Им не откажешь в способностях, — продолжал Шарль Вильерс. — Они открыли технологию портала без вмешательства Разума Трина. Возможно, мы тоже дошли бы до этого своим умом, но они продвинулись дальше. Им удалось создать то, что оказалось не под силу никому в Пленитуде. Рабочую карту Паноплии. Вы знаете о Паноплии?

— Это все существующие миры, не только те, о которых нам известно.

Именно над этим проектом работал его отец. Впрочем, вряд ли это можно назвать работой. В языке должно быть слово для невероятно тяжелого и одновременно приносящего ни с чем не сравнимое удовольствие труда.

Труда, заставляющего проявить все лучшее, что в вас есть, труда, подводящего вас к самым пределам ваших возможностей. Труда, так захватившего вас, что все остальное кажется незначительным. Труда изматывающего, но безмерно любимого.

Именно так работал Теджендра прошлым летом. Его велосипедные эскапады были лишь одним из проявлений кипучей энергии. В конце летнего семестра, в затишье, наступившем после

того, как студентов распустили на каникулы, ему удалось подобраться к решению проблемы. А потом произошла встреча с грузовиком, свернувшим на светофоре налево...

Что-то в словах Шарля Вильерса заставило Эверетта Л вспомнить прошлое лето, когда отец был еще жив и с головой погружен в математику.

— Вы сказали, рабочую карту?

Шарль Вильерс улыбнулся. Мягкость черт, кожи и голоса этого элегантного, хорошо одетого и ухоженного господина не выдерживала сравнения с мягкостью его улыбки. От этой улыбки Эверетта Л бросало в дрожь.

— Миров много... — начал Эверетт Л.

Шарль Вильерс не продолжил фразу.

«Вы не один...»

— Вас много, — сказал Шарль Вильерс. — Видите ли, Эверетт, на Земле-3 ваш отец завершил свои исследования. Создал рабочую карту Паноплии. С ней и с помощью портала легко переместиться в любой из миров. Не говоря уже о перемещениях внутри одного мира, как попали сюда мы с мистером Портилло.

— Вы говорите о других Теджендрах Сингхах, — промолвил Эверетт Л, — но ни словом не упоминаете о других Эвереттах Л Сингхах!

Шарль Вильерс отпрянул, пораженный гневом, прорвавшимся в его голосе.

— Есть опасность, что карта — Инфундибулум — попадет в плохие руки.

Эверетт Л дрожал от холода, который поднимался из глубины провала. Он был бос, легко одет и ничего не соображал. Отец говорил, что, если чего-то не понимаешь, нужно спрашивать. Откуда взялась на Луне десятикилометровая пропасть? Зачем здесь окна, балконы, самый воздух? Разве мадам Луне, Олицетворению Разума Трина, нужен воздух для дыхания? Или все вокруг — лишь декорации, компьютерная графика, спроецированная в его мозг? Но если Разум Трина способен...

— Попросите Разум Трина дать вам другую карту, — сказал Эверетт Л. — Они ведь опережают нас на тысячи лет. Зачем вы притащили меня сюда? Или создать карту им не по зубам?

Шарль Вильерс встретил его речь мягкими аплодисментами.

— А вы весьма умны, юноша, — заметил он и кивнул в сторону мадам Луны. Она стояла, сложив руки в приветственном благословляющем жесте. — Люди изучают Разум Трина без малого полвека. Их технологии опережают наши не на тысячи лет, а, возможно, на четыреста-пятьсот. Не хочу обидеть мадам Луну, но Трин неравнозначен Разуму Трина. Как бы объяснить...

— Не трудитесь, — сказал Эверетт Л. — Кажется, я понял. Их технологии позволили создать машину, способную воспроизвести их цивилизацию. После чего дальнейшее совершенствование стало бессмысленным. Поэтому они остановились в развитии.

— Умница, Эверетт. Разум Трина не есть разум в привычном нам понимании — у него нет личности. И не должно быть. Его назначение — выполнить поставленную задачу. Поначалу мы думали, что за Трином стоит могучий интеллект, но это предположение оказалось далеким от истины. Трин выстраивает себя бездумно, действуя на основе простых инструкций. Разум Трина больше похож на огромное высокотехнологическое производство — цветок, дерево, — чем на то, что мы называем цивилизацией. Каждый новый Трин — клон самого себя. Он снова и снова самовоспроизводится, не допуская ошибок. И в этом наше преимущество перед ним. Ибо все наши величайшие открытия основаны на ошибочных посылках. Эволюция Трина завершена, а человечество продолжает развитие. Поэтому когда-нибудь мы превзойдем их.

Эверетт Л всматривался в мадам Луну, в ее скрещенные руки, изучал доброе спокойное лицо, глаза, которые теперь — когда он узнал, что стоит за ними — казались ему мертвей мертвого.

— Мы хотим, чтобы вы стали нашим агентом, Эверетт, — сказал Шарль Вильерс. — Секретным агентом. Юным Джеймсом Бондом.

— Кто «мы», мистер Вильерс?

— Пленитуда. Этот мир — наш с вами. Есть силы за пределами известных миров, более могущественные и опасные, чем вы можете себе вообразить. Силы, по сравнению с которым Трин покажется ничтожеством. Но внутри Пленитуды есть и другие силы. Впрочем, я и так сказал больше, чем следовало. Если они захватят контроль над Инфундибулумом, нам не поздоровится. Всем: вашей семье, друзьям, знакомым... Вы нужны нам, Эверетт. Вы — наша последняя надежда.

Он попался. Один, в руках самого могущественного человека в мире, перед которым склонял голову сам премьер-министр. Человека, знающего, что у Эверетта Л есть близкие, знающего, как их найти. Последний аргумент школьных хулиганов: «Только пикни, мы знаем, где ты живешь».

— Что я должен делать?

Шарль Вильерс улыбнулся своей пугающе-мягкой улыбкой.

— Просто будьте собой, Эверетт. Но прежде мадам Луна произведет некоторые... усовершенствования.

Эверетт хотел закричать, однако вокруг него обвилась рука мадам Луны, и он провалился в мягкую серую бесконечность.

Ветер швырял в лицо ледяную крошку. Сен закуталась в шарф до самых бровей, иначе острая крупа содрала бы кожу до кости. Похоже, ветер не собирался с этим мириться: так и норовил найти лазейку, упрямо лез под очки, оттягивал капюшон, рвал шарф. Вдохни этот смертоносный воздух — и в легкие устремятся тысячи крохотных кинжалов. Ветер обрушивался на Сен Сиксмит со всех сторон. Не уступая ему в ярости, Сен направила маленькую летучую машинку вниз, к бесконечной снежной равнине.

Белизна внизу и наверху, спереди и сзади. В непромокаемом защитном костюме с отражающими полосками Сен была единственным цветным пятном посреди нескончаемой белизны. Единственным проблеском жизни. В мифологии аэриш, в колоде «Таро Эвернесс», которую Сен частично унаследовала, частично дорисовывала по мере необходимости, белый был цветом смерти.

— Эге-ге-гей! — прокричала она жалящему ветру и дернула трос привода. Лопасты кузнечика швырнули ее навстречу ветру. Макхинлит обещал при следующей починке сделать механизм отзывчивее, но когда радар Шарки посреди снежной пустыни что-то засек, полетные испытания пришлось проводить в боевом режиме. Машинки прекрасно справлялись, правда, поначалу Сен чуть не врезалась в переборки грузового отсека, а после чуть не сломала шею, когда очередной подледный толчок сотряс дирижабль и ее рука соскользнула с руля. Рычаги отзывались мгновенно и резко, норовя сбросить ее, словно взбесившийся жеребец. Эта резвость не шла ни в какое сравнение с медлительной мягкостью дирижабля. Оседлай дрон и лети хоть на край света. Только не забудь, что в белизне совершенно теряются ориентиры и ничего не стоит, зазевавшись, на полном ходу врезаться в лед.

Сен ощущала себя маленькой и большой одновременно. Она подняла глаза: другой дрон почти терялся на фоне белизны. Легко вообразить, что летишь одна-одинешенька над снежной пустыней. Ошеломляющее чувство обособленности, сродни безумному скольжению надо льдом.

В дирижабле ты отделена от людей, но никогда не бываешь одна. Дирижабль был семьей Сен, ее домом, ее миром. Она часто размышляла, каково это: не чувствовать со всех сторон закругляющейся оболочки, присутствия Макхинлита, Шарки, мамы. Просто быть Сен; не Сен Сиксмит, не Сен с «Эвернесс». Должно быть, ощущение сродни полету надо льдом: быстро, весело, захватывает дух. Яркая точка в центре пустоты. Живо представив себе эту точку, несущуюся в снежном буране, Сен внезапно осознала, что значит остаться одной, без семьи, друзей, дома, мира, как это случилось с Эвереттом. Ничего веселого, ничего захватывающего, просто ужасно! Ни единой родной души вокруг!.. Нет, поправились Сен, у тебя есть я. От этой мысли ее бросило в жар.

Яркая оранжевая точка перемещалась по краю зрения. Разумеется, Сен не одна. В этих местах одиночество означало неминуемую гибель. Сен посмотрела направо. Пилот второго дрона снял руку в толстой перчатке с рычага и знаком велел ей притормозить. Сен недоуменно вскинула ладонь. И снова рука в перчатке велела ей снизиться, побереечь заряд батарей. Макхинлит сомневался, надолго ли их хватит при таком морозе.

— Цифры пляшут, — пожаловался он. — Показывают значения от пяти часов до пяти минут. Мне бы математика...

— Эверетту не до того, — сказала капитан Анастасия.

— А не одолжишь маленько энергии?

Капитан Анастасия расширила глаза. Ни у кого из членов команды не должно возникать сомнений, кто тут главный. Положение с энергией было критическим. Даже пришвартованному дирижаблю требовалось электричество, чтобы противостоять напору ветра. И неизвестно, сколько его понадобится, когда Эверетт откроет портал Гейзенберга. И сколько он провозится, пытаясь заставить прыгольвер и дилли-долли компутатор заговорить на одном языке. Именно поэтому капитан Анастасия глаз не сводила с ваттметра, пока Макхинлит заряжал батареи дронов.

— А ну-ка снижайся, — затрещало в наушнике.

— Ну, мам!

Шутить с Анни было себе дороже. Наушник замолчал. Даже разговоры съедают заряд. Что толку болтать попусту, когда в самый ответственный момент энергии для переговоров может не хватить. Сен

слегка отжала руль и заняла место рядом с капитаном Анастасией. Ледяная пустыня ушла из-под ног и слилась с небом.

Впереди их поджидала полная неизвестность. Радар Шарки не определил ни форму, ни конструкцию объекта; с уверенностью можно было утверждать одно: эта штука огромна, движется очень быстро и в считанные часы окажется под дирижаблем.

— Бывают порталы Эйнш... Гейзенберга таким большим? — спросила капитан Анастасия, когда команда сгрудилась у радара, а свет от монитора через увеличительное стекло окрасил лица зеленым.

— У вас... то есть у нас нет, — ответил Эверетт.

— Эта штука из другой вселенной, — произнес Макхинлит, и тут «Эвернесс» вздрогнул, как опавший лист, и, словно умирающий кит, застонал всеми крепежными тросами.

— Чудовище, — прошептала Сен одними губами.

— Глупости, — бросила капитан Анастасия, снимая напряжение. — Мистер Макхинлит, где ваши летучие козявки? Я намерена варда снаружи. Все лучше, чем сходить с ума тут. Сен, летишь со мной. Мистер Шарки, приглядите за Дирижаблем. Мистер Сингх, займитесь вашими уравнениями.

По крайней мере, теперь капитан была при деле. Взламывать коды, чинить оборудование, следить за радаром — с этим команда прекрасно справлялась без нее. Сен видела, что капитан томится бездельем. Их капитан не любила ни от кого зависеть. Обычно другие зависели от нее.

Они неслись над ледяной пустыней, присоединенные к дронам ненадежными стропами, только вдвоем, она и мама, снова делая работу, с которой никто, кроме них, не справится. Сен покосилась на Анастасию, та кивнула в ответ. Иногда, подумала Сен, мы больше похожи на сестер, чем на мать с дочерью.

Постепенно Сен теряла мать — свою настоящую мать. Первым ушел голос. Она помнила слова, но не интонации. Затем ушла память о руках, о том, какой высокой была Корри, о цвете ее волос. Теперь память стирала лицо. Остались лишь глаза, улыбка и крошечная бриллиантовая пуссета в носу.

Мелочь за мелочью, воспоминание за воспоминанием настоящая мать Сен уходила в небытие. А когда-нибудь исчезнет полностью, обратится пеплом, словно сгоревший в небе «Фейрчайлд».

Глаза защипало. Сен смахнула слезинку. Что-то промелькнуло сбоку. Темная, еле видимая прожилка посреди белизны, двигавшаяся вровень с ней. До объекта могло быть несколько метров или несколько километров. Внезапно внимание Сен привлек другой объект прямо по курсу, там, где ледяная пустыня сливалась с небом. Белое на белом. Объект походил на сверкающий смерч. Белизна вокруг уничтожала расстояние, лишала ориентиров. Чтобы привлечь внимание капитана, Сен махнула рукой и показала вперед. Анастасия подняла большой палец. Они синхронно скользнули выше. Анастасия ткнула перчаткой в Сен, та кивнула, сняла руку с руля и сунула пальцы в носок. Вязаные перчатки делали пальцы неуклюжими. Сен с трудом нашарила то, что искала. Предмет скользил, словно стеклянный.

— Давай же, — прошипела Сен толстым перчаткам, негнувшимся пальцам и ревящему ветру. — Ну наконец-то!

Она вытащила из носка телефон Эверетта. Ей уже приходилось иметь с ним дело во время вылазки в Тайрон-тауэр. Бонару штуковина с Земли-10 и их единственная мобильная камера. Эверетт научил Сен, как ею пользоваться. Тут нажать, чтобы сделать фотографию, тут — чтобы снять видео, а вот зум, ближе, дальше. Автоматическая фокусировка, все просто.

Просто для тебя, Эверетт Сингх. А попробуй-ка сделать пару снимков, болтаясь в воздухе над ледяной пустыней, когда обжигающий ветер дует в лицо, одна рука — на руле, другая, непослушная, словно замороженная треска, жмет на кнопку. Посмотрела бы я на тебя, Эверетт Сингх!

Смерч приближался. Сен разглядела в центре что-то темное. Вот это скорость!

Капитан Анастасия ладонью описала в воздухе круг и ткнула в его центр. Вперед! Зажав в ладони телефон, Сен ринулась вниз.

Внутри вихря что-то пугающе темнело. Судно на воздушной подушке. Сен видела похожие на Темзе — вибрирующие кораблики переправляли на другой берег несчастных, вынужденных просиживать дни напролет в офисах и конторах. Это судно ничуть не напоминало тех малюток. Сто пятьдесят футов вооруженной до зубов смерти на подушке из воздуха и ледяной крошки. Танк, делающий девяносто миль в час. Боевой линкор бескрайнего ледяного океана. У него было не одна, а целых три оружейных башни: две смотрели вперед, третья

прикрывала тылы. Пока Сен сражалась с зумом, в верхней бронированной части открылись люки, оттуда вылезли дула орудий и завращались, ловя Сен в прицел. Клик-клик-клик-клик-клик. Под воздействием турбулентности от огромных лопастей дрон опасно закачался в воздухе. Телефон выскользнул, Сен вскрикнула, но в последнюю секунду успела его подхватить.

Капитан Анастасия укоризненно покачала головой и провела ладонью по горлу. Снимай и удирай. Сен кивнула, выровняла дрон и зашла на второй вираж. Палец в перчатке танцевал на крохотной кнопке. Видео, видео, где же оно? Нашла. Снять махину сзади, теперь приблизить огромную башню. Дула орудий следили за Сен, а она щелкала и щелкала. Скользя между винтами, которым ничего не стоило превратить ее в кровавые брызги на снегу, Сен взвизгивала от удовольствия, радуясь собственной ловкости и находчивости. Сен Сиксмит вам не по зубам!

Напоследок Сен пролетела вдоль командного мостика, задев подошвами антенны, нырнула вниз и, опасно повиснув на стропах, накренилась вбок и щелкнула лица за стеклом. Экипаж был облачен в щеголеватые сюртуки и плотно повязанные тюрбаны. А теперь вверх и не забыть показать неприличный жест, бывший в ходу у аэриш.

— Закончила? — проскрипел в ушах голос Анастасии.

— Еще чуть-чуть.

— А я говорю, закончила. Быстро на корабль. На земле эта штука искромсает нас как немецкую сардельку. Дилли-долли. И где только Шарлотта Вильерс раздобыла эту игрушку? Надо связаться с Шарки, путь готовится к взлету.

— Мам! — взвизгнула Сен.

Что-то промелькнуло по краю зрения. Капитан Анастасия среагировала с быстротой и ловкостью рожденной в Бристоле и воспитанной в Большом порту Хакни воздушной крысы, резким уверенным движением руки направив дрон в сторону от стремительного объекта, возникшего прямо перед ней словно из ниоткуда. На мгновение объект завис в воздухе, а потом с невероятной быстротой устремился на Сен. Она до упора отжала рычаги. Вращающиеся лопасти несущего винта просвистели прямо под ней, чуть не затянув ее защитный костюм. Чтобы выровнять дрон, Сен отпустила рычаги, посылая дрон в свободный полет, и испуганно

оглянулась. Он все еще здесь, в сотне ярдов под нею! Летающий объект напоминал поставленный на попа медный гроб. Верхняя часть представляла собой купол из выступающих ребер. Внутри сидел пилот в кожаном шлеме с микрофоном у рта. В воздухе его держали два пропеллера, справа и слева. Двигатель и топливный бак располагались внизу. Медная кабина была выкрашена в темно-зеленый, цифры и буквы походили на арабскую вязь. Два полумесяца соединялись выгнутыми частями. Внизу боевой линкор на воздушной подушке упрямо продвигался вперед сквозь поднятую им ледяную пургу.

— Удирай! — крикнула капитан Анастасия.

Сен не требовалось повторять дважды. Она что есть силы дернула трос привода и, опасно раскачиваясь на стропах, бросила дрон вперед. Капитан Анастасия пристроилась рядом. Ее голос прогремел в ушах Сен, перекрывая свист ветра, завывание винтов и громохание гирокоптера внизу.

— Шарки. Пусть взлетает.

Не мистер Шарки. Не дирижабль. Куда девался всегдашний капитанский лоск? Только сейчас Сен по-настоящему испугалась.

— Он летит за нами! — крикнула она, оглянувшись.

Пилот развернул кабину, изменив положение лопастей, и теперь неся за ними на устрашающей скорости. Сен не могла оторвать глаз от бешено вращающихся смертоносных винтов.

— По моей команде! — скомандовала капитан Анастасия. — Раз, два, три!

Сен резко вильнула вправо, капитан Анастасия — влево, и гирокоптер, ревя двигателем и гремя лопастями, промчался между ними. Сен посмотрела вверх, посмотрела на капитана. Гирокоптер перешел в свободный полет и снова встал на попа. Из пазов в боках кабины выдвинулись механические кронштейны с иглами на концах.

— О боже, — прошептала Сен.

— Сен, послушай меня, — сказала капитан Анастасия. Ее голос, чистый, словно ледяной клинок, перекрывал и страх, и громохание гирокоптера. — Отдай снимки Эверетту. Никуда не сворачивай. Шарки сам тебя найдет.

Она взмыла вверх, и Сен догадалась: капитан Анастасия избрала тактику птицы, отвлекающей ястреба от гнезда.

— У него бензиновый двигатель. Он дождетсЯ, пока сядут наши батареи. А я выиграю для тебя время.

— Нет, мам!

— Я приказываю, мисс Сиксмит. Смотри не сбейся с курса.

Вскоре капитан Анастасия осталась оранжевой точкой сзади. Сен сверилась с маленьким компасом, который Макхинлит прилепил на боку дрона. Вот и вся навигация. От тряски стрелка дрожала, но уверенно показывала на север. Сен оглянулась. На высшей точке подъема дрон капитана Анастасии застыл, а воздух вокруг него словно заledenел.

— Все будет бона, любовь моя, — протрещало в наушниках Сен. — Никакому ползучему гаду с Земли-2 не перелетать Анастасию Сиксмит.

Затем безумная маленькая машинка ринулась вниз, прямо на гирокоптер. И тот принял бой. Из его боков, словно жвала насекомого, вылезли когтистые отростки и штыри.

— Мама! — крикнула Сен.

Пилот с Земли-2 неплохо разбирался в своем деле. В последнюю секунду гирокоптер нырнул под дрон, чиркнув днищем по льду, выровнялся и снова изготoвился атаковать.

Капитан Анастасия оглянулась через плечо и что было силы дернула трос. Гирокоптер развернулся и погнался за ней. У хрупкого самолетика, усовершенствованного Макхинлитом при помощи сварочного аппарата и пистолета для склеивания, не было шансов против превосходного образчика технологий Земли-2, словно предназначенного для погони. К тому же дрон работал от батареи, а гирокоптер был заправлен бензином.

Сен смотрела, как он уменьшается в размерах на фоне бескрайней белизны. Так вот что значит остаться одной! Как Эверетт. Компас указывал путь в одну сторону, сердце тянуло в другую. Взгляд Сен задержался на красной, размером с кулак, выпуклости на корпусе дрона, рядом с компасом. Леска из карбо волокна, смертоносное оружие дронов, работающих в паре!

— Мам!

— Береги энергию, — отозвалась Анастасия.

— Мам, послушай, у нас есть оружие!

— Немедленно возвращайся к «Эвернесс»!

— Мам, я нашла леску! Против нее никто не выстоит!

На мгновение стало тихо. Молчание нарушал лишь вой ветра и свист метели.

— Жди, сейчас буду.

Им предстоял бой с превосходящим по силе и скорости врагом, но, как это ни глупо, сердце встрепенулось у Сен в груди, а по телу разлилось тепло.

Наконец на границе льдов и неба возникла знакомая оранжевая точка. Ее неотступно преследовал гирокоптер. В одиночку Анастасии ни за что его не одолеть!.. Сен привстала на стропах, дернула рычаг влево и рванулась на подмогу.

— Напополам! — вопила она в шарф, забитый ледяными катышками. — Чтоб ты сдох, подонок, разрежу напополам!

Сен успела рассмотреть только очки и шлем пилота, но уже ненавидела его всей душой. За то, что был быстрее, мощнее и больше. За то, что не остановится и не свернет. За то, что ему нет дела до Сен и ее приемной матери. За то, что для него они — добыча. Затянуть потуже и дернуть! Увидеть, как на лед рухнут его кровавые ошметки!

— Ненавижу тебя!

Анастасия стремительно приближалась. Сен потянула на себя красную катушку, успев ощутить ее тяжесть, и уверенно взяла курс на второй дрон. В запасе был только один бросок.

Щурясь сквозь очки, Сен подняла рукоятку. Ближе, еще ближе. Бросай! Она швырнула рукоятку, Анастасия резко подалась вперед.

Сен едва успела подогнуть колени. Дрон ушел вверх, а ее подошвы едва не задели несущий винт гирокоптера. Нить со скрежетом разматывала катушку. Анастасия крепко сжимала рукоятку. Сен медленно развернулась в воздухе. Анастасия повторила ее маневр. Они больше не были добычей, теперь они сами были охотниками.

Сен понимала, как опасно их грозное оружие: одно неверное движение — и леска из карбо волокна с легкостью перережет и жертву, и охотника. Поэтому дроны какое-то время выравнивали строй на расстоянии в сто ярдов друг от друга. Гирокоптер упрямо висел в воздухе перед ними.

Издав яростный визг, Сен рванулась навстречу врагу, намереваясь перерезать кабину посередине.

— Сен, выше, — прохрипело в наушниках.

Не обращая внимания на предупреждение, Сен рванула трос. Чтоб ты сдох! Ей было все равно, кто он. У врага не было имени и лица, он был лишь винтиком в механизме гирокоптера. Но он хотел убить Сен, и теперь Сен убьет его, а он даже не поймет, что случилось, не успеет осознать, какого дурака свалял, и как умница Сен его переиграла!

— Сен, я сказала, выше. Целься в лопасти.

Гирокоптер приближался. Недавно их разделяло пол неба, и вот они смотрят друг другу глаза в глаза.

— Сен!

Она отлично видела пилота и ясно представила, как его тело медленно распадается на две половины, брызжет кровь, кости и кишки вываливаются на лед. Сен увидела, как убивает человека.

— Нет! — вскрикнула она и резко отвела рычаги.

Кузнечик прыгнул вверх, и натянутая леска аккуратно отхватила несущий винт. Двигатель гирокоптера взвыл. Смертоносный, словно ракета, осколок лопасти со свистом пронесся рядом с Сен. Она успела заметить расширившиеся от ужаса глаза пилота и помахала ему рукой. Затем передняя панель кабины отошла в сторону, пилота выбросило вверх, и над ним раскрылся парашют. Гирокоптер рухнул на лед, полыхнув оранжевым пламенем. Ветер подхватил парашют и отнес в сторону.

— Сматывай катушку, Сен, — приказала Анастасия. — Летим домой, на «Эвернесс».

Ворота светились сине-зеленым неоновым светом. Нырнуть в них — и он на свободе; последний враг рухнул на пол, и между ним и светящимся кругом — никого. Эверетт Л не сознавал, каким чувством заметил противника сзади; слух и зрение были точно ни при чем. Он перекатился по полу и поймал врага в прицел. Пейнтбольный шарик просвистел рядом с ухом и, словно большое зеленое насекомое, шмякнулся о стену лабиринта. Дротик вонзился противнику между глаз, и тот рухнул навзничь. Эверетт Л дважды обвел дулом лабиринт. Никого. Теперь вперед и наружу.

Шарль Вильерс встретил его аплодисментами. Громадное белое пространство съедало слабые сухие хлопки. Рядом стояла женщина, почти неотличимая копия пленипотенциара. Близнецы? Почему-то Эверетт Л решил, что их связывают более близкие отношения. Женщина была одета по моде сороковых годов: узкая юбка, чулки в сеточку, приталенный жакет с широкими плечами и элегантная шляпка с вуалью. Вуаль спадала на глаза, ярко алели губы. Она была с Земли-3 — странной параллельной вселенной, не знающей нефти.

— Мое другое воплощение, Шарлотта Вильерс, — галантно представил ее Шарль Вильерс.

Двойники пугали Эверетта Л до дрожи. Премьер-министр Портилло остерегался даже упоминать о них. Иногда двойники были одного пола, иногда, как в случае с Шарлем и Шарлоттой, разного.

Эверетт Л слышался городских страшилок про двойников: что двойники из разных вселенных способны разделять мысли друг друга, что множество знаменитостей были похищены и заменены двойниками из других миров, что двойникам не суждено встретиться, ибо при встрече они тут же аннигилируют, а взрыв уничтожит все живое в диаметре десяти километров.

Шарлотта Вильерс протянула руку в перчатке. Эверетт Л со щелчком втянул оружие внутрь — люки опустились, не оставив на коже ни шва, ни рубца — и пожал протянутые пальцы. У женщины было крепкое рукопожатие, но теперь, после того, как его тело усовершенствовали при помощи тринских технологий, Эверетту Л

ничего не стоило раздавить ее ладонь, словно бумажного журавлика. Любую ладонь, не только изящную женскую.

Эверетт Л не ощущал чужеродности оружия, которое мадам Луна вживила в его ладони и предплечья, не задумывался о ловкости и подвижности, которую она придала его пальцам. Его не смущали ни быстрота ног, ни острота зрения и слуха, далеко превосходящие обычные параметры, ни странное ощущение, больше всего напоминающее радар в голове. Новые способности стали такими же привычными, как внутренности, сердце и мозг, с которыми он родился. Впрочем, теперь Эверетт Л не доверял даже внутренностям. Если он не мог видеть себя насквозь, это не означало, что мадам Луна не похозяйничала у него внутри. Очевидно, что ни одна часть его тела не осталась неизменной.

— Я потрясена, мистер Сингх, — сказала Шарлотта Вильерс. — Это стало вашей второй натурой. Никакого зазора между мыслью и действием. Скоро вы будете готовы к тому, что вам предстоит.

— Не понимаю, о чем вы, мэм.

Эверетт Л старался не грубить пленипотенциарам. Жал руки, кланялся, обращался «сэр» и «мэм», но в глубине души не доверял Шарлю Вильерсу, не говоря уже о его холодной и надменной женской ипостаси.

— Пейнтбольные шарики, мистер Сингх, какой в них прок? Укол и пятно, которое легко смыть. В реальном мире стреляют свинцом. Готовы ли вы к стрельбе на поражение, мистер Сингх? Никакой краски, никаких холостых патронов. Свинец, горячий свинец. Подходящее испытание для ваших новых способностей.

— Непростая задача, миссис Вильерс.

Даже сквозь вуаль глаза Шарлотты Вильерс смотрели прямо и вызывающе, чего никогда не позволял себе Шарль. Однако Эверетт Л упрямо не отводил взгляда.

— Я не стала бы предлагать такое испытание, если бы не собиралась пройти его вместе с вами. Марш-бросок, мистер Сингх. Выигрывает тот, кто первым доберется до ворот. Никакой страховки. Вы готовы?

— Миссис Вильерс, не хочу вас обидеть, но мои способности были усовершенствованы при помощи тринских технологий.

Шарлотта Вильерс щелкнула замком, извлекая на свет из сумочки маленький револьвер, больше похожий на драгоценную безделушку: ручка из слоновой кости, цветочный орнамент на стволе.

— Чемпионка школы святого Ксаверия 1996 года, победительница чемпионатов Кембриджа по стрельбе из спортивного револьвера среди девушек 1997, 1998 и 1999 годов и всеанглийского женского чемпионата 2000 года, золотая медалистка Имперских игр 2001 года. Шарль, будьте любезны, задайте параметры для двоих.

— Мисс Вильерс, вряд ли...

— Шарль, я не отступлюсь.

Шарль Вильерс подошел к панели управления — черному овалу на белом цилиндре, единственному яркому пятну в белой, как снег, комнате. Белое на белом — цветовая гамма Трина, но, судя по высокой гравитации, учебный комплекс находился не на Луне. Эверетт Л понятия не имел, где именно. Не успел он ступить на порог, как кости потяжелели раз в шесть.

Рука Шарля Вильерса зависла над сенсорной панелью, однако двойник окатила его презрительным взглядом, и пальцы неохотно заплесали над светящимися символами.

За белой стеной, в которой располагался вход в лабиринт, раздалось слабое металлическое жужжание. Пол завибрировал. Эверетт Л уже имел некоторое представление о тринских технологиях: все самое важное скрывалось от глаз под безукоризненно ровными поверхностями.

— Спасибо, дорогой.

Глаза Эверетта Л расширились от удивления, когда Шарлотта Вильерс расстегнула молнию и переступила через упавшую юбку, затем скинула с плеч жакет. Под костюмом оказалось трико и чулки в сеточку. Пленипотенциар была тоща и жилиста, словно гончая.

Сменив лодочки на балетки, которые она вытащила из сумочки, Шарлотта Вильерс отцепила вуаль и передала шляпку двойнику. Затем стянула перчатки, потрянула белокурыми кудряшками и снова метнула грозный взгляд на панель.

— Шарль, я же велела отключить безопасный режим.

Палец коснулся панели. Зажегся красный свет. С двух сторон от входа открылись ворота — черные провалы на белом фоне.

Шарлотта шагнула к правому. Она двигалась словно хищница на охоте, уверенной рукой сжимая револьвер.

— Сыграем, мистер Сингх?

Эверетт Л коротко поклонился и занял позицию перед левыми воротами.

— Как вам будет угодно.

Шарлотта Вильерс улыбнулась.

— Начинайте отсчет, Шарль.

Над воротами зажглись часы: тридцать секунд до начала миссии. Эверетт Л заглянул в себя, ощутил мощь тринской технологии, мысленно коснулся ее, пробуждая к жизни. Сила, быстрота, ловкость. Никаких дротиков с транквилизаторами, никаких защитных полей. Огонь на поражение с обеих сторон.

«Наноснаряды и лазеры к бою», — подумал он и почувствовал, как внутри завибрировало оружие.

Двадцать, десять, пять секунд до старта. Взвыли сирены. Ворота распахнулись. Эверетт Л нырнул внутрь. Шарлотта Вильерс рванулась с места, словно кошка в прыжке.

Когда первый солдат выскочил прямо перед ним в двух шагах от входа, Эверетт Л уже знал: лабиринт изменился. Пригнувшись, он дал очередь из пальцев. Луч разрезал манекен на две дымящиеся половины. Закапал расплавленный пластик, верхняя половина зашаталась и рухнула на пол. Противник даже не успел вытащить оружие.

Эверетт Л упрямо продвигался вперед. Лазеры в пальцах питались энергией тела, и после каждого выстрела холод все глубже забирался под кожу.

Коридор изгибался резким зигзагом. Отличное место для засады: противник мог контролировать подход. Беготня по лабиринту научила Эверетта Л обращать внимание на трещины в металлическом полу — края люков, откуда появлялись солдаты. Он осторожно обогнул угол. Нет, рисковать не стоит, сенсоры засекут его раньше, чем он добежит до укрытия, и на сей раз противник будет стрелять не пейнтбольными шариками.

Из соседнего лабиринта донеслись приглушенные выстрелы. Наверняка стрелял не пластмассовый манекен. На стене зарыбил экран

размером с телевизор, на нем возникла Шарлотта Вильерс. Она вжималась в стену такого же лабиринта, держа револьвер у щеки и выглядывая следующую цель. Эверетт Л не сомневался, что Шарлотта тоже его видит.

Но ты не видишь того, что вижу я, подумал Эверетт Л. Его новые способности позволяли проникнуть в крохотную металлическую щель в полу, почувствовать механизмы — и скрытые, и те, что на виду — и оценить, как они связаны между собой. Глубоко вдохнув, он послал заряд в пальцы и развернулся навстречу врагу. Двое, с разных концов коридора. Он снес им головы одним махом, используя оба лазера. Не прекращая движения и прислушиваясь к выстрелам из-за стены, Эверетт Л пригнулся, уворачиваясь от пуль третьего солдата, стрелявшего из дальнего конца коридора. Не давая врагу возможности прицелиться, Эверетт силой мысли открыл люк в предплечье и выпустил наноснаряд. Оглушительная вспышка сотрясла коридоры лабиринта смерти. Его улучшенный Трином слух приглушил звук.

Ты слышала, Шарлотта Вильерс?

Следующий уровень. Экран на стене тоже был тринским изобретением и перемещался по стене вслед за Эвереттом. Было видно, как Шарлотта Вильерс расправилась с солдатами, потратив на каждого по выстрелу, и теперь по-кошачьи кралась по коридору, умело перезаряжая револьвер.

Следующий отрезок лабиринта представлял собой длинный прямой коридор. Явная ловушка. Эверетт Л просканировал его своим новым органом чувств; теперь он нашел ему имя: дальноркость. Ничего. Выходит, эта ловушка не по зубам его дальноркости. Или обман — в отсутствии обмана. Ты будешь красться по коридору, каждую секунду ожидая нападения, а когда устанешь ждать, тут-то и угодишь в западню. Эверетт Л перезарядил, выставил дула и двинулся вперед. Экран следовал за ним по стене: Шарлотта Вильерс зеркально повторяла его шаги. Его злой двойник.

Коридор внезапно расширился. Именно здесь ждал подвох. Эверетт Л направил всю силу в ноги. Осторожность и огневая мощь хороши, но скорость — это жизнь. И в то же мгновение стены, пол и потолок ощерились дулами. Очередь из левого лазера уложила сразу троих, прицельный выстрел правого разнес оружейные дула в полу,

пока Эверетт летел вперед, уворачиваясь от выстрелов. Наноснаряд, выпущенный из предплечья, уничтожил орудия на потолке.

Эверетт Л не любил использовать наноснаряды, их запас был ограничен, однако выхода не было: противник напирал. Эверетт свернул в следующий коридор, оставив за спиной полыхающее месиво расплавленного пластика и проводки.

Он задыхался и трясся от холода, истратив на лазеры слишком большое количество энергии, а лабиринт все не кончался. Эверетт Л так увлекся стрельбой, что какое-то время не смотрел на плывущий экран. Наконец он поднял глаза: Шарлотта Вильерс спокойно перезаряжала револьвер, на щеке блестела крохотная капля пота.

Часть стены отошла в сторону, открывая еще один коридор. Эверетт упрямо двинулся вперед, сжимая кулаки и чувствуя, как его энергия заряжает лазеры, сконструированные на основе биотехнологий. Туннели пересекались, то и дело меняли направление, и каждый такой туннель охраняли солдаты. Стеновые панели лабиринта произвольно разъезжались и съезжались, открывая то фальшивый коридор, то целую оружейную батарею. Или пол под ногами внезапно разверзлся, и оружейные дула выбрасывали смертоносные железные побеги. И всякий раз, когда он поднимал глаза на экран, Шарлотта Вильерс была рядом, хладнокровная, элегантная и непреклонная. Из ее идеальной прически не выбилось ни одной белокурой пряди.

За собой Эверетт Л оставлял дымящиеся развалины и обгоревший пластик. Его трясло от холода и мутило от голода. Лазеры убивали его так же верно, как могла убить пуля. Они изнутри высасывали тепло, отдавая тело во власть гипотермии с ее коварным шепотом: приляг, отдохни, поспи немного. Но он продолжал закачивать энергию в лазеры, приберегая наноснаряды на крайний случай. Адреналин гнал его вперед, не давая затупиться смертоносным тринским навыкам.

Казалось, прошли часы. Возможно, лабиринт перестраивал себя сам, заставляя петлять, по многу раз проходить одни и те же участки, но всякий раз изменяя их до неузнаваемости. Возможно, учебный полигон и находился на Земле, но сама технология не принадлежала человеческому разуму.

Вдали что-то замерцало. Выход. Эверетт Л остановился, фиксируя тринское зрение на воротах, и тут же вокруг него сомкнулось кольцо

врагов. Пришло время наноснарядов. Эверетт Л скрестил руки на груди и заорал. Ураганный огонь разорвал врагов в клочья. Направив силу в ноги, Эверетт Л рванулся к сияющему неоновому кругу, успевая отстреливать солдат, то и дело преграждавших путь, не дожидаясь, пока их фигуры окончательно материализуются.

Шарлотта Вильерс отставала на три шага. Тринские технологии превратили природные задатки Эверетта Л, слывшего хорошим вратарем, в суперспособности, но Шарлота Вильерс двигалась, как истинная спортсменка. Никакого зазора между ощущением, мыслью и действием, природная интуиция, минимум затрат для достижения максимального результата. Ее крошечный револьвер никогда не давал промашки.

Между Эвереттом Л и воротами не осталось никого, последний бросок — и победа в кармане. Тут что-то подсказало ему: оглянись. Он успел в последнюю секунду — наноснаряд превратил солдата, поднявшегося с пола, в осколки пластика и металла. Эверетт Л поднял глаза на экран — Шарлотта Вильерс со всех ног неслась к мерцающему выходу. За ее спиной с пола вставал солдат, и она его не видела.

Никакого зазора между мыслью и действием. Эверетт Л зафиксировал взгляд на противнике в соседнем лабиринте, навел прицел и выпустил последний наноснаряд. Снаряд вылетел из ворот и, повинаясь мысленному приказу, развернулся и влетел в соседние ворота. Эверетт Л успел заметить на экране расширившиеся от ужаса глаза Шарлотты Вильерс, затем она бросилась на пол. Решила, что я целился в тебя? Ты узнаешь правду через три, две, одну секунду... Взрыв отразился от стен. Шарлотта оглянулась. Ей хватило беглого взгляда, чтобы понять. Она вскочила и бросилась к воротам своего лабиринта, Эверетт Л устремился к своим, но последнее усилие истощило его, и, опередив его на два шага, Шарлотта первой выскочила наружу.

Она стояла рядом со своим двойником, переводя дыхание. Ее чувства с легкостью читались на лице. На нем не было радости, только ненависть. Я спас тебе жизнь, подумал Эверетт Л. Теперь ты у меня в долгу, а ты не любишь быть в долгу. А заодно и меня.

Он мысленно отключил лазеры и закрыл оружейные отверстия, вживленные в тело мадам Луной. Теперь у него был враг.

Серебристый иней лежал на шпангоуте и опалубке из карбо волокна. Изо рта, замерзая на лету, шел пар. Эверетт аккуратно стер ледяные кристаллы с экрана «Доктора Квантума». Одно неверное движение, и прощай, код. Дни кропотливой работы, когда с каждым часом температура падала все ниже — прижимистый Макхинлит пытался сберечь последние крохи энергии, — пойдут насмарку. А ведь он даже не поручится, что код верен, что непослушные пальцы не подвели. Однажды в школе учителю физкультуры пришла в голову мысль устроить футбольный матч в последний учебный день перед рождественскими каникулами. Мокрый снег, принесенный гренландским циклоном, валил почти горизонтально. Через десять минут пальцы так занемели, что Эверетт перестал ощущать ладонями мяч. Подача с ноги или кулаком, бросок корпусом в глубину ворот — все, на что он был способен. Наконец физкультурник смиростивился и дал финальный свисток. Дома под душем Эверетт едва сдерживал слезы, пытаясь разогнуть пальцы под горячими струями воды.

Сейчас было гораздо хуже.

Эверетт подышал на пальцы правой руки, возвращая им подвижность. Наконец-то. Изматывающая, нудная работа, лишенная страстей и озарений, которые примирили бы его с переутомлением и голодом, завершена. Ничего похожего на ту ночь — от нее Эверетта отделяли две вселенные, — когда он превратил Инфундибулум в карту. Теперь он просто преобразовал один код в другой, чтобы заставить Инфундибулум заговорить с прыгольвером. Для настройки нужен еще день или хотя бы несколько часов. У Эверетта было двадцать минут — фора, отделявшая Сен и Анастасию от того, что гналось за ними, чем бы оно ни было. Радар Шарки засек три объекта: два маленьких, один большой и очень быстрый.

Эверетт не верил в бога, поэтому обошелся без молитвы, и верил в удачу — он понимал, что люди обманывают себя, ища скрытый смысл в повседневных мелочах. Поэтому обошелся обычной присказкой бывалого гика.

— Ну, поехали, — буркнул он и нажал на клавишу.

Экран заполнили цифры. Строки сменяли друг друга бесконечно. Неужели заиклилось? Эверетт уже приготовился отменить действие, но внезапно экран почернел, и на нем открылись рабочий стол и диалоговое окно. Установить. Загорелась зеленая кнопка. Эверетт затаил дыхание. Экран снова почернел. Затем Инфундибулум открылся. И вместе с ним открылся его собственный код: контроллер прыжка. Эверетт записал по памяти код на панели управления портала Гейзенберга в своем мире, где портал был спрятан под меловыми отложениями туннеля под Ла-Маншем. Осталось только перетащить его на панель «пункт назначения» и нажать на большую кнопку «прыжок». Интерфейс загрузит код в прыгольвер, который откроет вокруг «Эвернесс» максимальной широкий портал, мгновение — и их здесь не будет.

Лишь с третьей попытки Эверетту удалось перенести код на панель. Кнопка «прыжок» из серой стала зеленой. Он зачарованно смотрел на длинный ряд цифр. Путь домой. Код точки на карте, географически совпадающей с тем местом, где он находился сейчас, только в его мире. Ему не хотелось вопить от радости, не хотелось молотить кулаками по воздуху. Работа выполнена, только и всего. Закутав «Доктора Квантума» в несколько слоев ткани для тепла, он по скользким ступенькам бросился в рубку.

Шарки оторвался от переговорного устройства и заглянул через плечо Эверетту, колдующему над кабелями. Макхинлит оборудовал для Эверетта рабочее место за пультом управления, протянул кабели и установил прыгольвер на опору — оружие, способное выстреливать людей в другие миры.

Эверетт подсоединил «Доктора Квантума», пустил ток и провел рукой по экрану: на нем заскользили сияющие прозрачные полотнища, измерения внутри измерений Инфундибулума.

— «Исчисляет количество звезд; всех их называет именами их», — тихо промолвил Шарки.

Эверетту не нравилось, что старший помощник стоит так близко. С памятного бегства к границам Верхней Дойчландии, когда их преследовали сторожевые корабли и истребители Королевского военно-воздушного флота, Эверетт не доверял Шарки. Тогда Шарки предложил капитану Анастасии выдать его Шарлотте Вильерс. Пожертвовать Инфундибулумом ради спасения дирижабля. Библию ты

цитируешь наизусть, думал Эверетт, но живешь ли ты по ее заповедям?

Шарки поднял голову, подошел к большому обзорному окну, отвел от вмонтированного в потолок монитора увеличительное стекло на кронштейне, приблизил его к окну и, притянув микрофон, сказал:

— Мистер Макхинлит, наши транжирки вернулись.

Дрожь прошла дирижабль, палубу, подошвы ног. За то недолгое время, что Эверетт успел побыть безбилетником, поваром, странником между мирами, а теперь навигатором в путешествиях по вселенным, он научился различать рывки и содрогания «Эвернесс». Этот низкий гул означал, что открыт грузовой люк. Приземления дронов он слышать не мог — слишком легки и проворны были малышки, зато ощутил, как завибрировал мостик под двумя парами быстрых ног. Эверетт, не поднимая глаз, методично подсоединял «Доктора Квантума» к прыгольверу.

— Мистер Шарки! Мистер Макхинлит! — Всегда и везде первое слово оставалось за капитаном Анастасией. Она влетела в рубку, на ходу стягивая перчатки из овчины. — Вверх и подальше от этой штуки!

Тон, которым она отдавала команды, всякий раз заставлял Эверетта подпрыгивать. Он недолюбливал начальство, будь то ненормальные физкультурники, заставлявшие футболистов выходить на поле под проливным дождем, или капитаны грузовых дирижаблей из порта Большой Хакни с Земли-3. Эверетт отвернулся, чтобы капитан не заметила выражения его лица, на котором просияли облегчение и затаенное обожание.

Эверетт с гордостью поглядывал на капитана Анастасию Сиксмит, стоявшую у большого обзорного окна, заложив руки за спину. Сен стянула летный шлем и тряхнула светлой африканской гривой. Ледышки со звоном попадали на пол. По пути к пульту управления она ущипнула Эверетта.

— Я вернулась, Эверетт Сингх. Или ты мне не рад, оми?

Эверетт смутился. Сен была прямолинейной, бестактной и напористой. Она пугала Эверетта из Стоук-ньюингтона и восхищала пенджабского Эверетта. Выбравшись из оранжевого комбинезона, Сен первым делом вытащила из-за пазухи колоду «Таро Эвернесс» и, чмокнув карты, положила их на приборную панель.

— Мистер Сингх! — Капитан Анастасия подошла к Эверетту со смартфоном в руке. На экране застыло расплывчатое изображение адской машины, до зубов вооруженного бронированного судна на воздушной подушке, расписанного сверху донизу полумесяцами Аль-Бурак — аналога Британии на Земле-2. — Вы когда-нибудь видели такое?

— Никогда, мэм.

— И я никогда. Я хочу услышать ваше профессиональное мнение: мы выстоим?

— Нет, мэм, ни единого шанса.

— Согласна. Эта штука будет здесь через десять минут. Благодарю, мистер Сингх. Портал работает?

— Наверное.

Эверетт заметил, что Шарки закатил глаза.

— Мистер Шарки! — воскликнула капитан Анастасия, не отрывая бездонных глаз от Эверетта. — Бросайте все, резак в зубы и живо наружу! Отвяжите нас.

— Но, мэм...

— Я сказала, живо!

Не промолвив ни слова больше, Шарки вышел, однако Эверетт заметил его косой взгляд, опущенные плечи и то, с каким недовольным видом он вытащил резак, с помощью которого аэриш чинили обшивку из карбо волокна.

Притянув микрофон, капитан нажала кнопку переговорного устройства:

— Мистер Макхинлит, у меня два вопроса. Первый: сможем ли мы взлететь? Второй: способны ли мы совершить прыжок?

В напряженной атмосфере рубки акцент уроженца Глазго прозвучал грубо, как лопата.

— Сможем, способны, но не одновременно.

— Меня такой расклад не устраивает, мистер Макхинлит.

— Где я возьму столько энергии? А если бы взял, гондолы двигателей замерзли. Да еще балласт: десять тонн твердого льда. Я вам не волшебник.

— Значит, придется стать им, мистер Макхинлит. — Капитан Анастасия обернулась к Эверетту. — Мистер Сингх, теперь вы. Чем отличается «наверное» от «наверняка»?

— «Наверное» означает, что соединение может не сработать. Мы выстрелим из прыгольвера, но никуда не прыгнем. Или программа не запустится — с тем же результатом. Или станем системным багом и переместимся сразу во все миры. Все атомы — в разные стороны. Бабах! И пикнуть не успеем.

— Второй вопрос: расстояние от «наверное» до «наверняка»?

— Десять, пятнадцать минут.

— Эта махина будет тут через пять. Нам уже повезло, рассчитывать на удачу еще раз было бы самонадеянно. Сен, приготовиться к взлету. Мистер Сингх, поторопитесь.

— Слушаюсь, мэ.

Стоило капитану Анастасии отвернуться к обзорному окну, как Сен вытянула из колоды карту. Заметив взгляд Эверетта, продемонстрировала карту. Ему эта карта еще не встречалась, но он уже не удивлялся, давно заподозрив, что у Сен гораздо больше карт, чем требуется для гадания. Рисунок, выполненный тушью, изображал стайку увенчанных коронами бабочек или мотыльков. Касаясь друг друга концами крылышек, они поднимались к смеющейся Луне. Надпись, выполненная старомодным почерком с завитушками, гласила: «Пыльца на крыльях».

— Что это значит? — спросил Эверетт одними губами.

— Они отправляются в дальнейшее путешествие, но есть ли у них надежда, про то никому неизвестно, — прошептала Сен.

Эверетт успел заметить, что голос Сен, а также ее тон и строение фраз меняются, когда она толкует карты. Интересно, кто научил ее с ними разговаривать?

— Или так: они хотят взлететь, да только не судьба. У карт всегда два значения.

Сен сунула карту в колоду и отвернулась, но по ее напряженной спине и плечам он понял, что Сен встревожена, хотя никогда в этом не признается. По крайней мере, ему — ведь он не аэриш. Сен бывала вздорной и развязной, храброй и проникательной, однако до конца никогда не раскрывалась. Страхи и сомнения она доверяла картам, которые хранила у сердца. Вынужденные жить бок о бок, аэриш выстраивали вокруг своего личного пространства тонкие, но прочные стены.

Эверетту стало грустно. Когда капитан Анастасия спросила его профессиональное мнение, Эверетта переполнила гордость. Его уважали, с его мнением считались. Он был членом команды. Теперь, когда Сен отвернулась от него с видом недотроги, Эверетт понял, что никогда не станет для аэриш по-настоящему своим.

На пульте загорелась зеленая лампочка. Ствол и дуло прыгольвера тоже засветились. Красный стал оранжевым, затем желтым и снова красным. Эверетт понятия не имел, что это значит, но, когда он дотронулся до ствола, тот был теплым и производил впечатление работающего механизма, готового к бою.

Эверетт перетащил адрес в окно контроллера. Кнопка «прыжок» осталась серой. Он чертыхнулся сквозь зубы, заметив уголком глаза в окне, рядом с которым стояла капитан Анастасия, какой-то вихрь.

Дирижабль сильно трянуло. Задрезжали разболтавшиеся детали, с потолка посыпалась пыль и высохшие пауки. Все, кто был в рубке, вперились в окно. «Ничего себе громадина», — подумал Эверетт. Он посмотрел на Сен.

— Это не обман зрения, я видела эту штуку вблизи, — прошептала она одними губами.

Капитан Анастасия спросила в переговорную трубу:

— Мистер Шарки, как продвигается работа?

Голос Шарки прорвался сквозь завывания ветра:

— Еще два, капитан. «Бросает град Свой кусками; перед морозом Его кто устоит».

— Ваши цитаты сейчас ни к месту, мистер Шарки. Немедленно возвращайтесь.

— Их только...

— Продырявьте обшивку, если потребуется, но сейчас же назад, Шарки.

Внутри стремительно несущегося на «Эвернесс» снежного вихря виднелось темное пятно. По мере приближения его контуры становились более четкими, темное пятно превращалось в оцетинившийся лопастями и дулами орудий боевой механизм. Одного лишь не передавала фотография — размеров. Линкор на воздушной подушке. Машина смерти.

Эверетт снова нажал на кнопку. Ничего. Он вернулся в меню начальной установки.

Дирижабль весьма ощутимо тряхнуло.

— Мистер Макхинлит, мне понадобится вся имеющаяся энергия, — бросила в трубку капитан Анастасия и отключила микрофон, чтобы не слушать стенаний корабельного механика. Эверетт успел изучить манеру Макхинлита: тот в ответ на любой приказ принимался ныть и юлить, выдвигая тысячу обоснований его невыполнимости, нелогичности и неразумности, но, в конце концов, делал, как велено.

— Сен, а теперь строго вверх.

— Бона, мэ.

Сен перевела рули в вертикальное положение и до предела сдвинула рычаги.

— Энергия на преде...

— Я в курсе, мисс Сиксмит.

«Эвернесс», криво задирая нос вверх, начала подниматься. Два швартовочных каната крепко держали корму. Эверетт вцепился в планшетник, поехавший по столу. Каждый сантиметр двухсотметрового дирижабля стонал и скрипел.

— Я не могу так работать! — прокричал Эверетт.

Дирижабль снова тряхнула неведомая сила. Внезапно палуба резко накренилась влево, и все, кто был в рубке, повалились на пол. Судя по всему, лопнул правый швартовочный канат. Теперь дирижабль удерживал левый, последний. Вскочив на ноги, Сен бросилась к рулям, пытаясь выровнять дирижабль.

— Половине пропеллеров крышка, а балласт промерз насквозь, — прошипела Сен.

Эверетт осторожно принял горизонтальное положение.

— Давай же, палоне! — воскликнула Сен, орудуя рычагами, как будто играла на музыкальном инструменте.

«Эвернесс» рвался на свободу, словно зверь, попавший в капкан. Включилось главное переговорное устройство.

— Внимание, дирижабль! — произнес голос с акцентом.

Английский для обитателей Земли-2 неродной, вспомнил Эверетт. Там вообще нет английского языка, как нет и англичан. В их жилах течет кровь испанцев и мавров. Пленипотенциар Ибрим Хой Керрим, которого Эверетт считал союзником, выучил английский с помощью

импланта, вживленного в мозг. Людям, обладающим подобными технологиями, ничего не стоило разобраться с каким-то дирижаблем.

— Немедленно приземляйтесь! Вы находитесь под прицелом многочисленных и мощных орудий!

Вы не станете их использовать, подумал Эверетт. Не захотите повредить Инфундибулум. Враги понимали это не хуже него, а значит, их пушки — для отвода глаз, и для «Эвернесс» у них заготовлено что-то еще.

— Мы по-прежнему здесь, мистер Сингх? — спросила капитан Анастасия.

В центре экрана загорелась надпись: «Требуется перезагрузка».

— Я перезагружаю систему.

Мой звездный час, уныло подумал Эверетт. Экран стал черным. Еще один толчок: лопнул последний канат, и «Эвернесс» резко рванулась вверх. Сен взвизгнула. Ее руки порхали над пультом управления, выравнивая и придавая остойчивость корпусу.

— Дирижабль с Земли-3, немедленно снижайтесь!

Капитан Анастасия стояла у обзорного окна и молча смотрела вниз.

— Нам от них не уйти, — сказала Сен.

— Они меня беспокоят меньше всего, — ответила капитан.

Грохот был так ужасен, что перекрыл шум лопастей и скрип корпуса. Казалось, что земля под ними разверзлась. Или миллионы миль стекла разбились в одночасье. Эверетт и Сен кинулись к окну. Дирижабль висел прямо над боевым линкором, а прямо под ним поверхность льдины расходилась извилистыми трещинами.

Эверетт затаил дыхание. Лед с оглушительным грохотом разошелся. Сверху он видел то, чего не мог видеть экипаж линкора: глубокий черный провал, по форме напоминающий молнию и расширявшийся на глазах. Наконец экипаж заметил опасность, но было поздно. Узкая расщелина обратилась пропастью, пропасть — ледяным каньоном. Линкор закачался на самом краю и рухнул вниз.

— О нет, — пробормотала капитан Анастасия, — бедные, бедные люди!

На дне пропасти что-то темнело. А еще оно двигалось!

— Мам, утром я видела... — начала Сен.

— Я тоже, — перебила ее капитан Анастасия.

Никогда раньше Эверетт не слышал у капитана такого голоса. И надеялся, что никогда не услышит впредь.

— Все по местам!

Эверетт усилием воли взял себя в руки. Чем бы ни было древнее зло, разбуженное вибрациями линкора, — оно двигалось.

— Мистер Сингх?

— Я запускаю контроллер.

— Мистер Макхинлит! — проорала капитан Анастасия в переговорное устройство. — Приготовиться к перемещению. Сен, стоп машина. Мистер Сингх, мы в вашей власти.

Инфундибулум открылся. Путь в Мультиверсум.

Координаты дирижабля, которые Эверетт ввел заранее, изменились, когда они поднялись наверх, и даже сейчас «Эвернесс» медленно сносило ветром. Чтобы совершить прыжок, Эверетт должен был привязать их нынешние координаты к координатам места назначения в другом мире, но их местоположение в этом менялось на глазах.

— За Данди, Атланту и святого Пио, — выдохнула Сен. Боевой клич Шарки. В ее голосе не было ни гнева, ни ярости, лишь безграничное изумление. Эверетт поднял глаза от монитора.

Изо льда, куда выше «Эвернесса», взметнулось нечто — глотатель боевых линкоров, разрушитель миров. Червь? Дракон? Ледяной монстр? Чудище было сделано из металла и сморщенной, сожженной солнцем плоти. Тупая морда раскачивалась в небе, с помощью неведомых органов чувств ища и находя добычу. Наконец голова чудовища, покрытая медными иллюминаторами, повернулась к «Эвернесс», раскрылась, словно цветок, усеянный изнутри зубьями и клыками, и замерла. Эверетт узнал в ледяном монстре бурильную установку, землеройную машину, похожую на ту, какими рыли лондонское метро.

— Мистер Сингх... — проговорила капитан Анастасия.

Эверетт перетащил код в контроллер, открыл окно «пункт назначения» и вставил туда код места назначения. Кнопка осталась серой. Нет, не может быть! Серый означал неминуемую гибель. Эверетт посмотрел вверх. Ужасная пасть опускалась все ниже, собираясь поглотить «Эвернесс». Он перевел взгляд на монитор и заметил то, чего не замечал раньше: новое диалоговое окно.

Подтвердить назначение? Принять или отказаться.

Принять.

Сен прокричала что-то на неизвестном ему языке. Капитан Анастасия темной тенью высилась на фоне зубьев, клыков и вращающихся лопастей. Кнопка стала зеленой. Эверетт нажал. Мир вокруг побелел.

— Где мы? — раздался в белизне голос Сен.

Затем белизна сменилась синевой, и в синеве плыли облака, а не торчали железные зубья. Облака не собирались проглатывать их со всеми потрохами. Они были самыми обычными, белыми и пушистыми. Высоко в небе солнечный луч отразился от крыльев самолета.

— Дома, — ответил Эверетт.

Из белизны он попал в непроглядную темень и не сразу вспомнил, что с некоторого времени темнота для него не помеха. С тех пор, как он вернулся с Луны, для Эверетта Л не существовало помех. Воспоминание привело в действие систему улучшения зрения, которую мадам Луна вживила в мозг. Каждую минуту он находил у себя все более невероятные способности. Новые ощущения пугали — все равно, что неожиданно обнаружить себя стоящим на самом краю высоченного небоскреба. Разум Трина открыл двери во все уголки его тела и мозга. Дома на кухне, рядом с фотографией диджея «Radio 2» Криса Эванса и наивной мазней Розы, висел рождественский календарь: двадцать открытых и пять закрытых окошек, за каждым окошком — картинка с сюрпризом. Теперь он и сам был как тот календарь, только за ставнями прятались не заснеженные пейзажи, снегири и волхвы, а суперспособности и инопланетное оружие.

Сумрак рассеялся. Эверетт стоял на металлической решетке в промозглой сырой камере. Портал Гейзенберга со всех сторон окружали компьютеры. По каменному потолку, усеянному лампочками, тянулись провода. Напротив застыли солдаты в черном, мягкие фуражки и твердая сталь. Дула были направлены на него. Интересно, чего они боятся? Эверетт Л ступил на пандус. Дула дрогнули, но не опустились.

Слепящий белый свет озарил лица. Портал Гейзенберга открылся. Эверетт Л быстро понял: покажи им, что ты умеешь, и они никогда об этом не забудут. Система улучшения зрения довела освещение до комфортного уровня. Шарлотта Вильерс вышла из ворот, и свет погас.

— Вольно, — приказала она. Солдаты опустили оружие. Из-за их спин выступил плешивый неряшливый тип в мятом плаще с криво повязанным галстуком.

— Добро пожаловать на Землю-3, Эверетт. — Незнакомец протянул руку, но не спешил жать ладонь. — Глазам не верю, кто бы мог подумать...

— Ради всего святого, Пол, это всего лишь двойник, — бросила Шарлотта Вильерс.

— Да-да, конечно, — засуетился плешивый. — Просто... Простите, Эверетт, я был знаком с вашим отцом, я знал... знаю вашего двойника с пеленок. Я был... близким другом вашей семьи, практически вашим дядюшкой.

— Я вижу вас первый раз в жизни, — сказал Эверетт Л. — Может, в моем мире вы и не работали с отцом и вообще не из университета. Может, там вас и вовсе нет.

Плешивый не стал настаивать.

— Пол Маккейб, — пробормотал он и вяло пожал ему руку. Эверетту Л показалось, что рука дрожит.

За спинами военных Эверетт Л заметил еще одно гражданское лицо, и тут пришла его очередь дрогнуть.

— Колетта?

При звуке его голоса она поморщилась, подняла глаза, и во взгляде Эверетт Л прочел множество взаимоисключающих эмоций. Узнавание и смущение. Воспоминания и нежелание вспоминать. Приязнь и ужас.

— Значит, я должен найти его? — спросил он, стоя у портала еще в своем мире.

— Нет, Эверетт, — покачал головой Шарль Вильерс, — вы должны стать им.

— Идемте, Эверетт, — скомандовала Шарлотта Вильерс, каблуки зацокали по металлу, — хватит пялиться.

Солдаты расступились, Пол Маккейб испуганно отпрянул, давая дорогу. Эверетт Л последовал за Шарлоттой Вильерс. За дверью оказался длинный, вырубленный в скале туннель, лампочки на потолке тревожно мигали. Ничего похожего на белоснежную комнату, откуда совершались перемещения в его мире.

— Где мы?

— Ворота миров номер один, — ответил Пол Маккейб.

Судя по акценту, ты из Северной Ирландии, подумал Эверетт Л, и ты никогда не забудешь моих слов, что в моем мире ты никто.

— Мы ухлопали кучу денег на пиарщиков, которые придумали это название. Глупо, да? Вы находитесь во вспомогательной штольне, ее пробурили в семидесятых годах прошлого века. В вашем мире есть туннель под Ла-Маншем?

— Три, — ответил Эверетт Л, — и все три на магнитной подвеске.

«Хватит изображать доброго дядюшку», — рассердился Эверетт Л и оглянулся через плечо. Колетта шагала сзади. Он поймал ее взгляд — в нем читалась ненависть. Ты не меня ненавидишь, думал Эверетт Л, тот Эверетт дорог тебе, а значит, и я тоже. Ты ненавидишь ее, Шарлотту, и его, Пола Маккейба, а то, что они заставляют тебя делать, ты ненавидишь больше всего на свете.

В конце туннеля, у массивной металлической двери, ждала черная машина, сверкая в флуоресцентном свете, словно ее окатили водой. Эверетт Л помнил этот маслянистый блеск, помнил полированный капот другой машины за мгновение до того, как она выбросила его в другую жизнь. Эверетт прежний и Эверетт нынешний были непохожи, словно два разных человека. Он вздрогнул.

— Замерзли? — спросил Пол Маккейб.

— Теперь я всегда мерзну.

Шарлотта Вильерс уселась рядом с ним на заднее сиденье. Пол Маккейб устроился на переднем. За рулем восседал бритоголовый шофер, настоящий громила из боевика. Теперь я сделаю тебя одной левой, подумал Эверетт Л. Колетта осталась в туннеле. Она не обмолвилась с ним ни словом, но ему показалось, что ее чувства изменились: отвращение и подозрительность уступили место сочувствию и пониманию. В этом мире у него появился союзник.

Горизонт над Саут-Даунс вмиг очистился, словно громадная нетерпеливая рука смахнула с неба снег с дождем. Низкое зимнее солнце обратило мокрую дорогу в сверкающий клинок. Черный автомобиль скользил мимо грузовиков, ждущих у входа в туннель. Все вокруг было таким знакомым — и таким незнакомым.

— Нам нужен агент в его мире, — сказала Шарлотта Вильерс под слепящими лампами учебного полигона Пленитуды. — Кто-то, кто внедрится в его круг, в его семью.

— И этот кто-то — я.

— Мы уже позволили себе слишком много, — вступил в разговор Шарль Вильерс. — Мы не спрашивали вашего согласия, Эверетт, но такой шанс нельзя было упустить.

— Хотите, чтобы я сказал вам спасибо за то, что превратили меня в Робозверетта?

— Зачем же так цинично, Эверетт? Мы спасли вам жизнь.

А теперь я должен отдавать долги, думал Эверетт Л, пока автомобиль вползал в нескончаемый поток машин на окружной дороге, и вспоминал тот разговор.

— Вы должны стать им, Эверетт. Мы внедрим вас в его мир. Мы сочинили легенду, достаточно правдоподобную. Составили досье на его одноклассников, друзей и родных. Разумеется, в нем есть пробелы. Досье поместили в имплант, но, во избежание случайностей, по легенде вы страдаете диссоциативной фугой, избирательной потерей памяти. История с исчезновением отца нанесла непоправимый урон вашей психике.

— Мой отец умер, — сказал Эверетт Л.

— Да-да, извините, Эверетт. Отец вашего двойника. Легенда такова: у вас случилось помрачение рассудка, вы пустились в бега, но отдел по розыску пропавших нашел вас. Вы до сих пор страдаете расстройством памяти. Ваша мать — его мать — в курсе, что полиция везет вас домой.

Эверетт Л молча смотрел в окно. Где-то в районе Эшворда Пол Маккейб прекратил попытки втянуть его в разговор. Шарлотта Вильерс помалкивала. Сидя с прямой спиной, она лишь время от времени смотрелась в зеркальце, поправляя макияж. Тем временем Эверетт Л изучал мир, в который его выпихнули против воли. Разница заключалась в мелочах. Автомобили выглядели похоже, но использовали в качестве топлива продукты нефтепереработки. То же с электростанцией в Дартфорде: клубы дыма означали углеводороды вместо привычного в его мире экологически чистого водорода. Однако эти люди без посторонней помощи изобрели перемещения между мирами и — единственные в Пленитуде — придумали Инфундибулум. Нет, не они. Отец его двойника.

И он, двойник сына, непременно вернется домой. К своим, маме и сестренке.

— Лоре и Розе, — произнес он тогда.

— Роуз, — поправил Шарль Вильерс. — В этом мире вашу сестру зовут Виктори-Роуз. Когда он вернется, вы должны быть там.

— И что я должен делать?

— Как что? Забрать Инфундибулум! — Шарль Вильерс изумился его непонятливости.

— Так вот для чего тринское оружие внутри меня!

— Он связался с настоящими пиратами. Эти злодеи перережут глотку любому, кто встанет у них на пути...

— Хватит, Шарль, — впервые за время разговора вмешалась Шарлотта Вильерс, — у нас не увеселительная прогулка. Эверетт, запомните, он ваш враг, хотя и не подозревает об этом. Он понятия не имеет, какой вред способен принести. Ради нашего общего блага — вашей матери и сестры, его матери и сестры — мы должны забрать у него Инфундибулум. Есть силы, угрожающие всем. Если они доберутся до Инфундибулума раньше нас, всему придет конец. Всей Пленитуде.

Сейчас, вспоминая ее слова, Эверетт Л рассматривал Шарлотту Вильерс, ее тонкие вампирски-алые губы под вуалью. Ты говоришь про силы, угрожающие всей Пленитуде, но не уточняешь, какие именно силы. Зато я знаю, что угрожает маме и Виктори-Розе. Ты и есть настоящая угроза.

За окном мелькали знакомые ландшафты. Труба мусоросжигательного завода в Ливэллей, олимпийский стадион, Уайтхарт-лейн, польский супермаркет «Конок», Стамфорд-хилл, ворота кладбища. Здесь все и случилось. Даже автобусная остановка была на том же месте.

— Стоп.

Пол Маккейб испуганно обернулся на голос молчавшей всю дорогу Шарлотты Вильерс. Машина остановилась. Громила почтительно открыл дверцу, Шарлотта Вильерс шагнула на тротуар.

— Осторожно, Эверетт, хватит и одного раза.

— Зачем вы привезли меня сюда? — спросил он.

Улицу заливал жесткий свет январского заката. Его трясло от холода. Шарлотта Вильерс вынула из сумочки круглые очки от солнца и на миг приподняла вуаль.

— Я хочу рассказать вам о вашем враге, Эверетт. Он умнее вас, гораздо умнее. Его отец изобрел Инфундибулум, но именно сыну удалось превратить Инфундибулум в карту. А вы, Эверетт, всего лишь сырье, подвернувшееся под руку.

Вовсе не ваша неосторожность или судьба толкнула вас под колеса в вашем Хакни. Несчастный случай устроили мы. Нам требовалось разобрать вас на части, чтобы мадам Луна собрала вас снова. Аварию организовать проще, чем похищение. Похищение

ребенка привлечет лишнее внимание. Устроить аварию куда менее хлопотно.

Только не зазнавайтесь, Эверетт. Все эти хлопоты не из-за вас, а из-за него. Из-за него с вами случилось то, что случилось. Из-за него мы вживили в ваше тело тринские механизмы. Из-за него вы здесь. Не из-за себя — из-за него. Помните об этом, когда его встретите.

Шарлотта Вильерс подняла руку в перчатке. Шофер открыл дверцу. Эверетт Л стоял, ослепленный закатным зимним солнцем. Ему казалось, что черный автомобиль снова вышиб из него все: дом, семью, друзей, его внутренний мир, его «я», подростковое осознание своей исключительности — все разлетелось вдребезги и валялось на обочине. Тринские механизмы рванулись наружу. Шарлотта Вильерс спокойно сняла очки и сунула их в сумочку.

«Я спас тебе жизнь, — подумал Эверетт, — а тебе все равно. Все во мне тебе безразлично. За исключением того, что я — его двойник. Я просто тело, внутри которого вживили тринское оружие. Я — аватар».

Ужас и гнев, независимо от его воли, перевели оружие в боевой режим. Эверетту Л захотелось пальнуть по машине из лазера, потом из пушек, обращая покореженный металл в горящий шлак. Но он был здесь, в этом чужом мире, а его мать и сестренка — в другом, и между ними стояли люди Шарлотты Вильерс. Эверетт Л сжал кулаки, мешая ладоням раскрыться.

— Поехали, Эверетт, — сказала Шарлотта Вильерс. — Как же меня раздражает этот отвратительный мирок!

Первого полицейского — сержанта уголовной полиции — звали Миллиган, и он носил усы. Сержант Ус, отметил про себя Эверетт Л. Женщину, инспектора по делам несовершеннолетних, звали Ли, Леанна или Леона. Значит, будешь Ли-Ли, решил Эверетт Л. У него была привычка придумывать имена вещам и людям.

Неважно, что вы совершили; если вы едете в полицейской машине, вы неизбежно ощущаете себя преступником. Автомобиль назывался «Шкода», Эверетт Л никогда не слышал о такой марке. А еще он впервые сидел в автомобиле, заправленном бензином. Пахло странно: едко и страшновато. Немного кружилась голова, испарения застревали в горле. Люди здесь вообще постоянно откашливаются. И как они не задохнутся в этом зловонии?

Первый поворот на Носволд-роуд, второй — на Роудинг-роуд. В нужном месте «Шкода» свернула налево. В животе у Эверетта Л екнуло, но тринские технологии были ни при чем. Те же дома, выкрашенные яркой краской, те же антенны, спутниковые тарелки и свернутые батуты на задних дворах, те же кипарисы и мощные дворики. Только автомобили другие. А вот и дом, его дом. Дверь открыта. Его мама, Лора, стоит на пороге, всматриваясь в дорогу. Она не моя мама, твердил про себя Эверетт Л, не моя. Но на этой Лоре был тот же свитер и леггинсы, те же бусы из крупных круглых бусин и те же браслеты, а на лице застыла тревога. А еще она машинально пристукивала по полу левой пяткой, как делала его настоящая мама, когда волновалась. Внезапно до Эверетта Л дошло: подделкой, пришельцем был он сам. Его замутило. Захотелось выдрать из тела все инопланетные механизмы.

Лора увидела полицейскую машину и поднесла руку ко рту, затем сорвалась с места и побежала. Эверетт Л знал, чего от него ждут, хотя отдал бы все на свете, чтобы этого не делать. Впрочем, выбора не было.

— Остановитесь! — крикнул он.

Сержант Ус удивился, но послушался. Эверетт Л выскочил из машины, не дожидаясь полной остановки машины, и бросился навстречу бегущей женщине. Она радостно и с облегчением махала руками, а он не чувствовал ни радости, ни облегчения. Лора бросилась к нему, обнимая руками, запахами, волосами, теплом тела. Он узнавал ее руки, запах, волосы и тепло. Сердце не лгало: это его мать. Нет, не его.

— Эверетт, мальчик мой! — причитала Лора. Соседи все до одного высыпали на улицу, улыбаясь, аплодируя, поднося платочки к глазам. Эверетт Л знал их всех. Каждого.

— Прости меня, — произнес он фразу из сценария.

Сержант Ус и Ли-Ли вышли из машины. Ли-Ли задирала нос. Сержант Ус явно намеревался произнести что-то официальное, по ситуации, но потом решил повременить.

— Ой, все на нас смотрят, а я даже губы не подкрасила, — засуетилась Лора. — Пошли, Эверетт, пошли в дом.

Все плоские поверхности, не занятые подсвечниками, были уставлены рождественскими открытками. Тут даже пахло, как дома:

кофе и чесноком, сквозь которые пробивался вездесущий аромат туалетного освежителя воздуха. Диван и кресла в гостиной стояли на тех же местах — парадная комната, не какая-нибудь захламленная берлога, куда сгружают старые кожаные диваны, книги, телевизоры и игровые приставки. Здесь тоже висел тот неуловимый запах, который дома навевал мысль о только что выключенном пылесосе. Елка стояла в нише окна, на том же месте, что и в его мире, и выглядела странно голой без привычных новогодних украшений. Дома его мама — его настоящая мама — даже не стала вынимать елку из чулана.

— Зачем, дорогой? — спросила она.

— Потому что он ее ставил. Физик, а не мог заметить сгоревшую лампочку в гирлянде.

Эверетт Л гадал, почему елку не нарядили в этом мире.

— Я прибралась, как могла, — сказала Лора. — И подарки сохранила — те, что остались.

— Мам, ты не против? — Ему хотелось побыстрее добраться до своей комнаты.

— Что? А, извини...

— Это ты меня извини.

Поднявшись по лестнице, он спросил:

— А где Вики... Виктори-Роуз?

— У бебе Аджит. Они придут вечером, когда все уляжется. Вики так рада, что ты вернулся.

«Она радуется всему на свете, — подумал Эверетт Л, — если хоть капельку похожа на мою Вики-Розу. Пакету, застрявшему в ветках дерева, почтальону в шортах, собачьей морде в окне автомобиля».

Он открыл дверь. Со всех стен на него глядели игроки «Тоттенхэм Хотспур». Любимые группы: «Delphic», «Enter Shikari». Меган Фокс в шортах. Маркус Феникс из «Gear of War». Снимки с телескопа Хаббл. Те же самые, на тех же местах. Книги, комиксы, игры — все, что он любил. Эверетт Л откинул крышку ноутбука, система попросила ввести пароль. Эверетт Л ввел свой: сложную комбинацию букв и цифр в верхнем и нижнем регистрах. Сработало. Должно же быть хоть что-то, в чем мы различны! Что-то, что делает его гением, за которым гоняется вся Пленитуда, а меня — его ничтожной копией.

Пароль к почтовому ящику, пароль на Фейсбуке — все совпадало. Новых записей не было — как и у меня, подумал Эверетт Л.

Некоторые комментарии отличались, но кого волнует пустая болтовня. Рюн Спинетти. Знакомое имя, играл в футбольной команде, неплохой нападающий, хотя забивал ему только с пенальти. Он давно переехал — родители развелись или что-то вроде. Они с Рюном никогда не были близки и уж точно не считались лучшими друзьями.

Эверетт Л открыл шкаф. Футболки налево, брюки направо, обувь внизу. Эверетт Л поднял бутсу, взвесил ее на ладони. Бутсу почистили — кто бы сомневался, — однако в этом мире к шипам на подошве прилипло немного грязи и травы. Несуществующий друг и грязная бутса — вот и вся разница.

Эверетт Л зашвырнул бутсой в Гарета Бейла. Шипы продырявили лицо. Эверетт Л рванул плакат со стены, прямо поперек глупой ухмылки высокого нападающего «Хотспур». Та же участь постигла Романа Павлюченко и Денни Роуза. Музыкальные группы, игры, кинозвезды, фотоснимки — все в мелкие клочки. Он не мог их видеть. Музыканты были для него близкими друзьями, он так любил их музыку, так ее понимал, а теперь оказалось, что тот, другой, испытывал к ней такие же чувства. Они предали его, все вместе и каждый в отдельности. Он пинал комиксы ногами, и они разлетались по комнате, словно сухие листья. Затем опрокинул полку с книгами, вывалив на ковер яркие корешки, и принялся давить их ногами, будто ломал хребты умирающим чайкам. Покончив с книгами, взялся за ноутбук и стал яростно молотить им о край стола, пока не превратил в месиво из разноцветных проводов и покореженных плат.

Когда ярость утихла, он обнаружил, что стоит по щиколотку посреди обломков того, что было жизнью того, другого Эверетта. Обломков важных, нужных, любимых вещей, которым никогда уже не стать прежними. Вещей, которые любил тот Эверетт.

Когда-то отец рассказывал ему об энтропии. Разбитое яйцо никогда не станет целым. Сожженной книге не дано вновь обратиться бумагой, покрытой типографской краской. Разодранное в клочья бумажное лицо Гарета Бейла не прыгнет обратно на стену. Но именно невозможность дать задний ход и заставляет вселенную развиваться: вода течет сверху вниз — и никогда наоборот; жар обращается холодом — и никогда иначе; Вселенная замедляет свой бег, уверенно, но медленно, словно часы. В конце не будет ни верха, ни низа, ни жара, ни холода — исчезнет то, что заставляет вещи перетекать друг в

друга, и наступит равновесие. Затем время остановится, ведь больше не будет разницы между вчера и завтра. Физики называют это энтропией. Великая и страшная правда физики: энтропия способствует развитию, но именно благодаря ей все когда-нибудь завершится. Каждую вселенную, известную и неизвестную, ждет один конец. И поскольку между ними не будет разницы, все миры станут одним.

В дверях появилась Лора.

— Эверетт?

Лора выглядела испуганной. Он не хотел ее пугать. Она этого не заслужила.

— Прости.

— Все нормально, Эверетт, все образуется.

— Я ужасно замерз.

— Париж?

— Около сорока миль к северо-северо-западу, — отозвался Шарки. — Вместит ли помост петушиный Франции поля?

— Вы вроде бы говорили, что не цитируете Шекспира, — заметил Эверетт.

В прошлой четверти, когда они проходили «Генриха Пятого», весь класс повели на экскурсию в театр «Глобус». Девчонки были в восторге и на обратном пути в метро и электричке выпендривались и задирали носы, а Эверетту не понравилось смотреть спектакль при дневном свете без крыши над головой.

— Вы меня неправильно поняли, сэр, — отвечивал Шарки. — Я лишь сказал, что Шекспира цитируют одни придурки, фрики и психопаты — выбирайте, кто из них я.

Команда «Эвернесс» обступила зеленый экран радара под линзой-увеличителем. Розовато-желтые снежные облака неслись под порывами северного ветра. Почти обесточенный «Эвернесс» сносило вместе с ними, энергии хватало лишь для того, чтобы удерживать дирижабль на лету.

— Можно посмотреть карту? — спросил Эверетт.

Капитан Анастасия дернула щекой: выполняйте. Карты хранились в вертикальных тубах. Шарки потянул за цепь, размотал рулон и расправил карту на специальном столе, прижав края медными держателями.

— Где мы находимся?

Шарки показал пальцем. Названия городов были те же, но рельеф изменился. На карте кольцо электростанций опоясывало Париж, такое же окружало Лондон. За стеной дымовых труб и охлаждающих башен, печей и паровых турбин, за железнодорожными путями и транспортерными лентами с углем равнину от Парижа до Бельгии, местность — Верхнюю Дойчландию — испещряли карьеры размером с города. Холмы превратились в ямы, леса — в кратеры цвета пепла. Ради угля землю обглодали до кости. Эверетт мысленно пытался сопоставить увиденное на карте с воспоминаниями о давней семейной

поездке в парижский Диснейленд. Они ехали на автомобиле через Евротуннель. Тогда Теджендра с Лорой поссорились еще до терминала в Сангатте, а нежелание выяснять отношения посреди дороги, да еще при детях, привело к тому, что большую часть времени они хмуро молчали.

— Я думаю, мы посредине воздушного коридора на пути к АШДГ, — сказал Эверетт.

— Акроним собственного сочинения, мистер Сингх? — спросила капитан Анастасия.

— Аэропорт имени Шарля де Голля — второй по величине в Европе, связывает Париж, Амстердам и Франкфурт. Это самая загруженная европейская авиалиния. И если ветер не сменит направления, мы зависнем прямо над его главной взлетно-посадочной полосой.

— Откуда ты знаешь? — спросила Сен.

— Я этим увлекаюсь.

— Ты увлекаешься движением воздушных судов?

Сен слегка наклонила голову с выражением, которое свидетельствовало о крайней степени удивления. Словно у нее на глазах, из-под толстого-претолстого слоя ила, со дна глубокого озера на берег вылезло неведомое чудище.

— Спорим, нас уже засекли все радары до самого Берлина, — сказал Эверетт.

Капитан Анастасия расширила глаза.

— Мистер Шарки!

Тот оказался у монитора прежде, чем отзвучал последний слог его имени.

— Небо кишит металлом, — изумленно промолвил Шарки. — Это похоже на ураган из летающих жестянок.

Нестройный хор голосов заполнил пространство «Эвернесс». Эверетт не был силен во французском, но различил гнев и раздражение авиадиспетчеров.

— Парируйте, мистер Шарки, — скомандовала капитан Анастасия. — Судя по всему, они не стесняются в выражениях. — Подтянув к себе микрофон, она обратилась к механику: — Мистер Макхинлит, как дела с энергией?

— Энергии не хватит, чтобы согреть чайку, не то, чтобы шлаться по небу, — последовал ответ. — Прыжок разрядил батареи. При таком ветре нам повезет, если мы не зароемся в землю носом.

— Похоже, ответ отрицательный.

«Вот я дурак, — подумал Эверетт, — забыл, что дирижабль не стоит на месте. Проложил курс без учета времени. Я ведь должен был это предусмотреть, должен был рассчитать точнее!»

— Ты вытащил нас оттуда, — просто сказала Сен. — Без тебя мы бы погибли.

«Опять ты читаешь мои мысли», — изумился Эверетт. Не в первый раз Сен озвучивала то, что было у него на душе. Эверетт верил в рациональную и упорядоченную вселенную. Сен с ее предсказаниями, неожиданными оценками и картами, говорящими с ней на своем языке, сильно подрывала эту веру.

— Французские авиадиспетчеры просят нас назваться, — сказал Шарки.

— Скажите им, что мы цирковой рекламный дирижабль. Оборвались швартовочные тросы, и нас унесло ветром. Пусть оповестят воздушные суда об опасности столкновения.

— «Цирк дю солейль», — сказал Эверетт. — Такой есть в моем мире.

Капитан Анастасия кивнула: выполняйте. Шарки затараторил по-французски с похвальной беглостью и хорошим произношением. Натаскался ли он французскому в дальних странствиях или получил в наследство от той ветви семейства, которая именовалась Лафайеттами? Эверетт меньше чем когда-либо был склонен доверять Шарки и его рассказам.

— Снова авиадиспетчеры, — сообщил Шарки. — Номер не прошел. Они связались с вашим «Цирком дю солейль», или как там его. Цирк на гастролях, никакого дирижабля они не теряли, и скоро здесь будут военные истребители.

— Вот черт, — тихо ругнулась капитан Анастасия. — Должен же быть выход!

Внезапно Эверетта озарило. Решение пришло мгновенно, законченное, не требующее проверок и дополнительных вычислений, как в ту ночь, когда он увидел Инфундибулум, парящий в семимерном

пространстве, и ему осталось лишь придать физическую форму тому, что уже сложилось в голове.

— Мэм, я кое-что придумал.

— Как в прошлый раз? — спросил Шарки.

— Хватит, мистер Шарки, — отрезала капитан Анастасия.

— «Мудрые наследуют славу, а глупые — бесславие», — пробормотал старший помощник.

— Мы спрячемся прямо у них под носом! — выпалил Эверетт. «Выслушайте меня, — хотелось ему крикнуть, — это так просто и так здорово!» — Только придется снова переместиться.

— Обратно во льды я не хочу, — насупилась Сен.

— Нам не обязательно перемещаться в другой мир! Если можно совершить прыжок между мирами, почему бы не переместиться внутри одного мира?

Капитан Анастасия подняла бровь.

— Множественные контакты, — произнес Шарки. — Прямо по курсу.

— Продолжайте, мистер Сингх.

— Мы прыгнем туда, где никто и не подумает нас искать.

— За неимением других вариантов... — начала капитан Анастасия.

— Не хотелось бы мешать всеобщему веселью, но, по-моему, вы оглохли, — прогремел в динамиках голос Макхинлита. — Повторяю, у нас не хватит энергии. Меня хорошо слышно? Энергия на нуле!

— Как бы то ни было, мистер Макхинлит, нам пора уносить ноги.

Эверетт лихорадочно соображал. Идеи с ураганной скоростью проносились в голове. Ураган. Капитан Анастасия рассказала ему, как стала приемной матерью Сен. Это тоже случилось в ненастье, когда, пытаясь укротить молнию, объятый пламенем дирижабль «Фэйрчайлд» рухнул с небес, словно падший ангел.

В ту поездку в Диснейленд, из соображений экономии, семейство Сингх ночевало в палатке. Ночью небеса разверзлись, и за полчаса на северо-западные парижские предместья вылилась месячная норма осадков. Когда мутный поток внес в палатку складные стулья, Теджендра, подхватив спальные мешки, резиновые коврики и Роуз, запихнул все добро в машину. Оставляя лужи на ковре, команда Сингх сняла последнюю свободную комнату в гостинице «Шайенн». Это

случилось в августе, сейчас стоял январь, неподходящее время для гроз. Соображай, Эверетт! Если не молнии, то что? Конечно! Линии электропередачи! Как же он сразу не додумался! Эх, не хватает карты... Но ведь у него есть карта! Она есть у него с тех пор, как он вернулся в свой мир: изображения со спутников, любая информация на кончиках пальцев.

Эверетт включил смартфон. Экран зажегся, на нем появились иконки: сеть, Интернет, 3G, входящее сообщение: «Вы в сети СФР. Вы находитесь в роуминге. Ваш лимит пять мегабайт в день».

Эверетт вошел в приложения, открыл гугл-карты и принялся пальцами растягивать экран. Быстрее, еще быстрее! Париж: кольцо угрюмых пригородов, своим унынием затмевающих дымный круг угольных электростанций, окружавший столицу Франции в другой вселенной. Теперь определить свое местоположение. Эверетт включил джи-пи-эс, представляя, как сигнал летит к кольцу спутников и обратно. На экране загорелся значок. Родной мир Эверетта отыскал его в рубке залетного дирижабля из другой вселенной. А если он проведет пальцем по экрану, то увидит дом на Роуден-роуд, синий батут на заднем дворе, стулья на веранде, мангал, барбекю... С тех пор, как ясным августовским полднем спутник сделал этот снимок, дом ничуть не изменился. Счастливые времена, когда не было ни Паноплий, ни Пленитуд. Ни странников между мирами. Ни Инфундибулума, ни Ордена.

Неожиданная мысль иглой вонзилась в сердце: позвонить домой. Номер есть в записной книжке.

Палец завис над экраном. Звонки наверняка отслеживают. Из-за минутной слабости весь его план пойдет насмарку. Эверетт пролистнул страницу, ощущая физическую боль. Надо позвонить! Сказать, что он жив и здоров. Колетта. Эверетт верил ей, как верил, что элегантный и хрупкий Ибрим Хой Керрим — враг Шарлотты Вильерс и Ордена. Но Колетта слишком близко к Полу Маккейбу и его шайке. Однажды она уже спасла Эверетта, когда Шарлотта Вильерс чуть не помешала ему переместиться на Землю-3. Наверное, с Колетты глаз не спускают. Если она еще в проекте, в колледже, если она еще жива. Рюн. Рюн Спинетти. Лучший друг. Он ведь видел другой мир — на карте памяти, которую Колетта дала Эверетту в тот вечер в

японском ресторане. Отправить ему сообщение? Эверетт задумался. Сколько информации можно вместить в сто шестьдесят символов?

Передай маме: я в порядке. Отец в порядке. Разве это неправда? Технически, теоретически, где-то в случайной вселенной. До связи. Что еще?

— Опять французы, — сообщил Шарки. — Диспетчер аэропорта Шарля де Голля предостерегает нас от вторжения в его воздушное пространство.

— Мистер Сингх?

Отправить. Телефон издал слабый сигнал. К добру или к худу, сообщение ушло. Затем Эверетт снова вызвал на экране карту, приблизил звездочку, обозначающую его местоположение, и прокрутил вперед, куда их сносило ветром.

— Есть!

Все головы повернулись к нему. Эверетт шагнул к большому обзорному окну и настроил увеличитель. Капитан Анастасия встала у него за спиной. Он подвел увеличитель к ней. Темные стекла очков скрывали глаза, но губы капитана Анастасии слегка раздвинулись, и Эверетт услышал легкий вздох — слабое подобие его «есть».

— Мистер Сингх, кажется, вы вновь нас спасаете.

Зафиксировав координаты, капитан Анастасия сняла линзы с кронштейна, отнесла к приборной панели и вбила данные в коммутатор Сен.

— Давай туда, Сен.

— А что там, ма?

— Электричество.

— Скажи ей, пусть сдвинется маленько вперед, да потише, не то задену провода! — голос Макхинлита пробивался сквозь вой ветра в тросах. — Боюсь, что в жареном виде я жестковат.

Корабельный механик, словно живой маятник, висел на конце кабеля с разъемом для зарядки. Пятьюдесятью метрами выше Эверетт смотрел на него через отверстие люка. Под Макхинлитом тянулись провода напряжением в четыре тысячи вольт, а в пятидесяти метрах под ними расстилалась жесткая равнина северной Франции.

Эверетт оторвал левую руку от опоры и взял переговорное устройство. Правая ладонь сжимала рычаг лебедки. Ветер врывался в

люк, норовя забраться под одежду. «Только вниз не смотри», — велела ему Сен, когда они удирали по крышам в Большом порту Хакни. Но что делать, если ты должен смотреть вниз? Держись, парень! Вспомни, как перепрыгнул с поверженного «Артура П.» на посадочный трап «Эвернесс», вспомни, как утер нос этим Бромли! К тому же, при таком ненастье внизу почти ничего не видать. Считай, что никакой земли там нет.

— Сен, вперед, только не гони.

— Бонару.

Сен нежно коснулась рычагов, но рывок чуть не выбросил Эверетта наружу. Он едва не выпустил рычаг лебедки. Макхинлит закачался в небе совсем близко от линии. Если кабель коснется сразу двух проводов, случится короткое замыкание. Двадцать пять киловольт обратят тебя в пепел, даже охнуть не успеешь. Но и позволить Сен протащить Макхинлита дальше нужного места тоже нельзя.

— Полная остановка, Сен.

У воздушных кораблей нет тормозов. Сен могла удерживать дирижабль на месте, давая задний ход, а это требовало времени и пространства, но с ними Эверетт умел управляться, ведь время и пространство относительны.

Бешеные раскачивания Макхинлита затихали. Эверетт помнил про гармоническое колебание. Период колебания маятника всегда занимает одинаковый период времени: размах длинный и быстрый вначале, короткий и медленный в конце. Простой фундаментальный принцип — Теджендра рассказывал ему, что в шестнадцатом веке Галилей, наблюдая в Пизанском соборе за качающейся на цепи лампой, измерил период колебания с помощью ударов собственного пульса. Но мог ли Эверетт вообразить, что когда-нибудь будет наблюдать, как живой человек, раскачивающийся на конце провода, свисающего из трюма постстимпанковского дирижабля на электрической тяге, продемонстрирует ему действие этого принципа?

Макхинлит поднял голову и подмигнул. Оранжевая перчатка поднялась и снова опустилась. Ниже. Не отрывая глаз от механика, Эверетт включил рычаг.

Макхинлит не касался основного кабеля напрямую, оседлав соединенный с ним трос. Подключив конвертор к линии, он должен был подняться наверх и собственноручно завершить операцию. Задача

Эверетта состояла в том, чтобы опустить Макхинлита на расстояние вытянутой руки от проводов.

Оранжевая перчатка похлопывала воздух: ниже, еще ниже. Предательский резкий ветер то относил Макхинлита, то снова швырял его на провода. Ниже. Перчатка замерла. Стоп. Эверетт с силой надавил на кнопку. Макхинлит с трудом отстегнул от пояса стержень в виде крюка. Пальцы в изолирующих перчатках не слушались. Стоит уронить крюк — горячий штырь, как говорили аэриш, — и Макхинлит замкнет цепь собой, получив ощутимый удар током. Эверетт знал физику. По-настоящему цепь замкнется только тогда, когда кабель коснется земли, но и в линиях электропередачи, и в самой «Эвернесс» накопилось достаточно статического электричества. Его заряды различны; когда Макхинлит подсоединит дирижабль к линии, они уравниваются. Еще как уравниваются.

Макхинлит бросил крюк. Недолет. Снова бросил, и снова промах. Третья попытка — и крошечная молния пробежала между крюком и линией электропередачи.

— О нет! — раздался возглас Сен в наушниках. — Он горит, Эверетт, спасай его!

В рубке капитан Анастасия, Сен и Шарки разрывались между трюмом и радаром. Поднятые по тревоге истребители могли показаться каждую секунду.

— Не волнуйся, — сказал Эверетт в переговорное устройство. — Так и должно быть.

Зацепившись за провод, Макхинлит подтянулся, пристегнувшись карабином к силовой линии в четыре сотни киловольт.

Эверетт понимал страхи Сен. Однажды она уже потеряла дом и семью, когда капитану обреченного дирижабля «Фэйрчайлд» пришлось в голову зарядить батареи от неортодоксального источника энергии.

Тем временем Макхинлит продолжал сражаться с разъемом, пытаясь зажать клеммы. Подумать только, полмиллиона вольт, рассуждал Эверетт, но ни механику, ни команде ничего не грозит. Как не грозит птицам, присевшим на провода.

В наушниках раздался голос капитана Анастасии:

— Готовы к зарядке? На радаре Шарки появились аэропланы. На мой вкус, слишком близко.

Эверетт услышал низкое гудение истребителей и бросил взгляд в бездну. Макхинлит поднял два пальца. Эверетт запустил механизм лебедки. Макхинлит отбросил разъем, присосавшийся к проводу, словно медная пиявка, в мгновение ока взлетел наверх, вынырнул из крошечного люка и лихо отстегнул страховочные ремни, одной ногой продолжая висеть над крохотным прямоугольником неба. Неверное движение — и он камнем рухнет вниз. Эверетт был отличным вратарем, умел думать в нескольких измерениях, однако для того, чтобы обрести эту повадку аэриш, привыкших в нескольких измерениях жить, ему потребовались бы годы.

Он не собирался тратить на это годы.

— Настоятельно рекомендую, — подмигнул Макхинлит. — Близкое соседство с линиями электропередачи придает жизни небывалую остроту. У меня до сих пор по всему телу мурашки. Ладно, побежали!

Он поманил Эверетта за собой. Вжав головы в плечи, они протиснулись между рядов батарей, загромождавших грузовой отсек. Дирижабль был на волосок от гибели, и Сен тратила последние ватты, чтобы удерживать его над линией электропередачи. В противоположном углу трюма располагался еще один люк. Здесь хранился второй кабель. В Большом порту Хакни «Эвернесс» просто подключалась к сети с помощью кабелей, становясь огромной розеткой. Заземляющий кабель висел прямо над головами Эверетта и Макхинлита.

— Прежде, чем я нажму на кнопку, скажи, ты уверен? — спросил Макхинлит.

— Во Франции стандартное напряжение в высоковольтных проводах составляет четыреста киловольт. Я смотрел в сети.

Такого выражения в мире Макхинлита не было.

— То есть в Интервебе. Остальное — элементарные расчеты.

— Как раз твои элементарные расчеты меня и смущают.

— Ты же сам говорил, что понижающий трансформатор справится.

— Дилли-долли. И если нас разнесет в щепки, словно колесо Екатерины, винить мне будет некого, кроме себя.

Эверетт хотел было возразить, что с математикой спорить бесполезно, а результат всегда будет верным, если верны исходные

данные, но вой истребителей мешал говорить и дышать, заполняя все окружающее пространство. Эверетту еще не приходилось находиться так близко к работающему турбореактивному двигателю. Звук распорол небо от края до края, вонзившись в самое сердце «Эвернесс».

— Ладно, деваться некуда! — проорал Макхинлит, когда вой моторов французских истребителей стал удаляться, и нажал на кнопку.

Люк открылся, кабель упал вниз. Макхинлит и Эверетт не сводили глаз с квадратного отверстия под ногами.

— Смотри в оба, — сказал Макхинлит, — зрелище будет то еще.

Кабель со скрежетом разматывал катушку, пока не исчез в ослепительной вспышке. Грохот сотряс дирижабль. Оснастка, тросы, каждый сантиметр металла и карбо волокна вспыхнули призрачными огоньками. «Огни святого Эльма», — вспомнил Эверетт. Электрическая дуга выгнулась в пустоте между падающим кабелем и землей. Ток шел, батареи заряжались!

— А теперь дуй в рубку, шпарь свою дилли-долли магию! — рявкнул Макхинлит, натягивая очки.

Сквозь лабиринт батарей Эверетт бросился наверх. Казалось, аккумуляторные ящики гудят и светятся. Кожу покалывало, словно по ней бегали крохотные электрические паучки. В воздухе потянуло озоном — запах, вызывающий в памяти летние ярмарки. Все вокруг ожило, «Эвернесс» словно расправляла плечи после долгого сна.

— Мы обесточили почти весь северо-запад Парижа, — изумленно промолвил Шарки, когда Эверетт вбежал в рубку.

Капитан Анастасия не обернулась.

— Может быть, на сей раз мы уйдем, не хлопая дверью, мистер Сингх? — спросила она.

Эверетт открыл планшетник и запустил Инфундибулум. Сен коротко кивнула ему, сосредоточенно удерживая дирижабль на месте. Ее пальцы бегали по пультам с проворством музыкантши, взгляд скользил от монитора к монитору. Над губой Сен блеснула капелька пота. Эверетту захотелось стереть ее подушечкой пальца. Усилием воли он выбросил из головы эту мысль.

— Нужно кое-что посчитать. Это не простое перемещение из точки в точку. Придется совместить координаты в двух разных мирах.

Он не стал говорить, насколько сложны вычисления, включавшие преобразование Фурье. Его школьный учитель математики даже не

слыхал о таком. Эта операция сопоставляла функции вещественной переменной с другой функцией вещественной переменной.

— Они возвращаются, — доложил Шарки.

Эверетт поднял глаза от экрана, где запустил программу «Матика», с помощью которой проводил вычисления с Инфундибулумом, и успел заметить, как в небе промелькнули серебристые крылья истребителей, идущих на второй заход.

— Нас взяли на мушку.

— У меня все под контролем, — сказал Эверетт. Преобразование Фурье в неевклидовом пространстве... Он ввел координаты «Эвернесс» в этом мире. Результат выскочил мгновенно, но требовалось сопоставить нынешние координаты с координатами цели, причем учесть такие параметры, как кривизна земной поверхности. Ошибешься в одну сторону — и дирижабль окажется выше расчетной высоты и взорвется от перегрузки. Ошибешься в другую... Впрочем, что толку об этом думать? Ты же сам сказал Макхинлиту, что с математикой спорить бесполезно.

Снова вызвав Инфундибулум, Эверетт ввел результат преобразования. Коды Паноплии кружились и вращались. Есть! Эверетт выделил код и скопировал его в окошко контроллера. Приборная панель загорелась зеленым.

— Все готово к прыжку.

— «Он избавляет и спасает, и совершает чудеса и знамения на небе и на земле», — пробормотал Шарки.

Капитан Анастасия спросила в переговорное устройство:

— Вы готовы, мистер Макхинлит?

— И к полету, и к прыжку.

— Мистер Сингх...

— Минуточку! — проорал Макхинлит. — Мне бы вернуть назад кабели!

Капитан Анастасия выругалась про себя.

— Сколько?

— Две минуты.

— Выполняйте. Сен, стоим на месте. Мистер Сингх, по моей команде. Мистер Шарки, как далеко от нас аэропланы?

— Они уже здесь, — промолвил Шарки, и корпус дирижабля вздрогнул, когда три сверкающих истребителя вынырнули из ниоткуда

и пронеслись прямо над ними, злобно завывая моторами. Эверетт невольно пригнулся. Капитан Анастасия осталась стоять у обзорного окна.

— Ах, хороши, — прошептала она.

— Снова диспетчерская, — сказал Шарки. — Либо мы немедленно приземляемся, либо они нас сбивают.

— Кабели на месте, — отрапортовал Макхинлит. — Можем трогаться.

— Эверетт, все в ваших руках.

Он нажал на кнопку.

Не хватает звука, подумал Эверетт. Шума двигателей, как в «Вавилоне-5», когда космический корабль выходит из гиперпространства, или жалобного рыка динозавра, как в «Докторе Кто», когда Тардис дематериализуется. Одна белизна... и вот ты уже в другом мире.

— Ты что-то сказал, Эверетт Сингх? — спросила Сен.

— Нет.

— Странно, я отчетливо слышала.

— Я ничего не говорил.

— Может, и не говорил, но какой-то звук издал.

— Звук?

— Похоже на вууум.

— Что?

— Вум. Только долгий. Вууум.

— Никакого вууума я не издавал.

— Нет, издавал, издавал, издавал!

— Прыжок повредил твой слух. — Эверетту пришлось покривить душой. Он издал звук. Вууууум. Звук, с которым дирижабль перемещается в другой мир через портал Гейзенберга. И хотя Сен надулась, Эверетт заметил, что капитан Анастасия улыбается.

Вууум, прошептал он одними губами.

Снег засыпал город. Поначалу Эверетт не узнал свой Лондон, свой Тоттэнхем, затем тени, очертания и снежная каша сложились в знакомый силуэт. Вот Нортумберленд-роуд, а вот грузовики и платформы Энджел-роуд-стейшн. Мертвое водяное око — Локвудский

резервуар, а это площадь справа от Хай-роуд. По субботам они с отцом часто гуляли по Хай-роуд.

Эверетт притянул монитор и кликнул на камеры фюзеляжа. Прямо под ними расстилались засыпанные снегом трибуны и квадрат зеленого газона.

— Есть! — прошептал Эверетт. Математика не подвела, «Эвернесс» зависла прямо над стадионом.

— Где мы? — спросила Сен.

— Уайт-харт-лейн. — Эверетт ощущал себя могущественным и непобедимым, словно только что заколотил мяч между столбиками ворот вниз.

Сен смотрела вопросительно, и он пояснил:

— «Тоттенхэм хотспур». Единственное место в городе, где никто в нашу сторону и не взглянет. Рекламный дирижабль все время висит над стадионом. Спрячемся на самом виду. А когда они сообразят, нас и след простынет.

— А зачем мы здесь, мистер Сингх? — спросила капитан Анастасия.

— Здесь моя семья, — ответил Эверетт, — я прилетел за ними.

Должно быть такое правило: если в первый день четверти идет снег, занятия отменяются. Нет, значит, нет, не повезло, но если да — законный выходной, еще один день каникул.

Эверетт Л проснулся задолго до того, как странный свет — верный признак того, что снаружи белым-бело — пробился сквозь шторы. Ему не спалось в чужой кровати, где все ямки и выпуклости были теми же, что и в его собственной, но не имели к нему никакого отношения. Мысль о том, что в поисках местечка поудобнее тот Эверетт повернулся бы так же, как сейчас ворочается он, не давала покоя. Поэтому Эверетт Л просто лежал на спине, то уставившись в потолок, то разглядывая светящийся дисплей радиоприемника, пока шторы не превратились в желтовато-серое полотно. Так бывает, когда свет, отразившийся от земли, ярче того, что падает с неба.

Он подошел к окну. Сад, изгородь и крыши покрывал плотный ковер нетронутой белизны. Пока Эверетт Л лежал в чужой постели, в чужом мире, снег, невидимый и неслышный, засыпал землю.

Когда он вышел на улицу, белизна утратила нетронутость: от дверей к калиткам вели следы ботинок, автомобильные колеса оставили на дороге серые ледяные колеи. Снег делал все тайное явным. На Стоук-ньюингтон-хай-стрит внедорожники с запотевшими стеклами, отчаянно газуя, сражались с заносами, превращая снег в черное месиво. Цепочка следов, ведущая через кладбище Эбни-Парк, оканчивалась алым пятном и пучком перьев. Снег соорудил короны и плащи на волосах и плечах каменных ангелов.

Снежки настигли его, когда он пересекал Собачью радость. Два — в спину, один — в голову. Эверетт резко обернулся. Злость пробудила тринские технологии внутри. Появился жар — заряжаясь, вибрировали лазеры. На тыльной стороне подушечек пальцев образовались складки. Он силой мысли заставил их разгладиться.

Как все подростки, Эверетт Л мечтал стать супергероем. Школьным хулиганам не жить, а от ухмыляющихся взрослых мокрого места не останется. Но на свете нет ни суперспособностей, ни супергероев.

Эверетт Л воображал, как подцепит пригоршню снега и сожмет в ладони так сильно, что снежок обратится в лед. Воображал, как бросится в погоню за обидчиками. Они кинутся врассыпную, но им не уйти от его гнева. Начнут кидаться снежками, но его лазеры испарят снег в мгновение ока. Пых-пых-пых. А когда он догонит их, то влепит ледяным снежком промеж глаз. Пусть знают, что связываться с Эвереттом Л Сингхом себе дороже. О нем будет говорить вся школа. Помните того тихоню-компьютерщика, футбольного вратаря? Слыхали, что он устроил?

Нет. Ничего подобного не будет. Первое правило супергероев: скрывать свою истинную сущность.

Из-за кустов раздались крики и смешки.

— Привет, Эверетт, как ты?

— Где пропадал на Рождество?

— Уж точно не здесь, не в этой дыре.

— Все нормально, — прокричал он в сторону кустов.

Никто не ответил. Впрочем, ответа и не требовалось.

Его признали за своего. Здесь, в этом мире, у тебя нет врагов.

Все утро Эверетт Л старался его избегать. После того, как миссис Абрахамс — тот же актовый зал, та же директриса — объявила о начале новой четверти, а известие, что школе хватит топлива, чтобы пережить трехнедельный снегопад, было встречено громкими стонами, он юркнул в толпу и поспешил в класс. Используя новые способности, он сделал так, чтобы между ними оказалось как можно больше людей, и долго не подходил к своему шкафчику. Перемену просидел в библиотеке, попутно выяснив, чем этот мир, в котором Луна была просто Луной, отличается от его родного мира. Премьером оказался не мистер Портилло, а мистер Кэмерон. В экономике наблюдался спад. «Спурс» были в таблице на три позиции ниже. В телешоу «Фактор Х» выиграл тот же жуткий конкурсант. Ни в одной из газет Эверетт Л не встретил ни упоминания о Пленитуде, ни предположения, что этот мир — один из множества параллельных миров.

Раздался звонок. С помощью новых чувств он исследовал школьные коридоры.

Но никакие суперспособности не спасли Эверетта Л на большой перемене. Ежась от холода, он вышел в занесенный снегом школьный

двор. Черный на белом, словно восклицательный знак на странице: теперь не уйти. Рюн Спинетти кинулся к нему прямо по снегу.

— Как ты?

— Нормально.

— Хорошо.

Они стояли, засунув руки в карманы, не глядя друг на друга.

— Значит, все позади?

— Кое-чего я до сих пор не помню.

— Постой, то есть как?

— Почему мне знать?

— А, ну да, конечно.

Ложь далась ему легко. Он вспомнил черную машину, которую Шарлотта Вильерс использовала, чтобы превратить его в свое оружие. То, что он сказал Рюну, не слишком отличалось от правды.

— Какой-то ты не такой.

Сердце Эверетта Л забилося.

— Говорю же, я кое-что забыл. Давай после поговорим?

— Как скажешь. Ты заскочишь?

— Что? Куда?

Первый раз в жизни Эверетт Л с нетерпением ждал звонка к началу следующего урока.

— Ко мне. Мама беспокоится. С чего-то взяла, что ты поможешь ей отыскать какую-то вещицу, кажется, кольцо. Ты получил мою эсэмэску?

— Я потерял телефон.

Рюн нахмурился.

— Я отослал ее сегодня утром.

— Не знаю, где я его оставил, но прошло уже несколько дней.

— Я ведь ответил на твое сообщение!

— Что?

Сердце заколотилось в груди.

Рюн вытащил свой «блэкберри» и вошел в папку сообщений: «Передай маме: я в порядке. Отец в порядке».

— Не помню, чтобы я это посылал.

— Твой номер!

— Я же говорил, что потерял телефон.

— Но число сегодняшнее!

Солги. Быстро придумай что-нибудь. Лучшую ложь в твоей жизни. Солги так убедительно, как не лгал никогда.

— Порой сообщения доходят не сразу.

— Ну, бывает. — Судя по тону Рюна, версия не показалась ему убедительной. — Так что это значит: «Передай маме: я в порядке. Отец в порядке»?

— Да почему мне знать! — Если не прикрикнуть на него, он не отстанет. — Я не помню и не хочу больше об этом говорить!

От неожиданности Рюн отпрянул.

— Прости, пожалуйста! Больше не буду. Так ты придешь?

— Пока.

Прозвенел звонок. Темные фигуры на белом снегу потянулись к дверям.

— Придешь?

— Мне нужно в туалет, — сказал Эверетт Л. — Я тебя догоню.

В кабинке висел табачный дым. В этом мире миссис Абрахам тоже установила в туалетах дымосигнализаторы, а ее воспитанники с не меньшим удовольствием вывели их из строя. Он вытащил телефон, один из тех, что дала ему Шарлотта Вильерс. Палец медлил над кнопкой вызова. Нет, он не в силах слушать гнусавый северо-ирландский акцент Поля Маккейба. Хватит с него и сообщения.

«Он здесь».

Отправить.

Вирусное видео распространилось по школе, когда классы опустели. Ролик перескакивал от телефона к телефону, от планшета к нетбуку, от нетбука — к айпэду.

«Жесть! Всем смотреть!»

В воротах школы ученики слышали сигнал или чувствовали вибрацию и открывали эсэмэски: «Чумовое видео! Глазам не поверишь!» Девочки-харадзюки сгруппировались над маленьким экраном. Эверетт Л. поежился, глядя на их коротенькие юбочки и голые ляжки над гольфами по колено. Он поднял воротник. Закатное небо — темно-синее с желтизной — обещало затяжные холода.

— Эверетт, давай сюда!

Его утренние обидчики прилипли к экрану «блэкберри».

— Это?..

- Что это?
- По-твоему, это по-настоящему?
- Все по-настоящему.
- Не умничай. Я про видео.
- Какое?
- Ты еще не?..
- Я потерял телефон, — буркнул Эверетт Л.

Изображение дергалось, звук прерывался. Над футбольным полем Уайт-харт-лейн нависал дирижабль. Эверетту Л доводилось видеть рекламные дирижабли, но куда им было до этой махины! Дирижабль был длиннее футбольного поля! Пестрые рекламные дирижабли обычно выглядят мешковатыми и потрепанными, а дирижабль-пришелец отличался акульей стройностью. Его единственным украшением был огромный герб, нарисованный на зловещей узкой пасти. К тому же рекламные дирижабли привязывают, а у этого был двигатель. Настоящий воздушный корабль. Эверетт Л знал, что это за дирижабль и откуда он прилетел.

— А я говорю, компьютерная графика, — заявил Аббас, владелец телефона. — Какой-то чувак решил заполучить работу в компании, производящей спецэффекты.

— Ной клянется, что видел собственными глазами, — возразил Уэйн. — Да он до сих пор там висит!

— Какая-то реклама, — замотал головой третий из компании, Нилеш Вирди. — Пусть не «Спурс», может быть, «Найк». Никакого проходу от этой Олимпиады.

Все трое посмотрели на Эверетта Л.

— Что тут думать, — сказал он. — Коммерческий грузовой дирижабль из параллельного мира. В параллельных вселенных дирижабли — обычное дело, а этот взял и проскользнул в щель между мирами. У них там для дирижаблей строят доки.

Аббас, Уэйн и Нилеш смотрели на него, разинув рот.

— Тебе случаем не настучали по башке? — заботливо поинтересовался Аббас.

— Хотите верьте, хотите нет, а я не вру. Оставив приятелей пялиться в экран, Эверетт Л побрел восвояси: «Я сказал правду, но она так неправдоподобна, что вы не поверили. Тот, другой, спрятал

дирижабль у всех под носом в расчете на ту же логику: никто не поверит. А ты умен, Эверетт».

У входа в парк, вдали от тех, кому он лгал, Эверетт Л вытащил мобильный.

При воспоминании о заискивающем тоне Пола Маккейба его передернуло, но на этот раз сообщением не обойтись.

— Привет, Пол. Эверетт Сингх, он вернулся, он здесь.

— Эверетт, не торопись, я запишу.

— Я сам разберусь. — Он отключился и закончил в молчащую трубку: — У нас с ним личные счета.

В Вулидже, где река поворачивает к морю, Эверетт заложил вираж. Внизу белел занесенный снегом купол Арены 02. Они с отцом слушали здесь «Лед зеппелин». В день продаж Теджендра встал ни свет ни заря и обновлял, обновлял, обновлял страницу, пока не добился своего, а потом, в ожидании события, слушал старые альбомы. Эверетту понравился концерт, понравилось смотреть на постаревших меломанов, забывшихся в рок-экстазе. А запах травки сбивал с ног, совсем как на той памятной вечеринке у Аббаса, куда однажды вломилась куча незваного народу и разнесла все вдребезги, причинив ущерб в три тысячи фунтов.

Тогда огромный купол произвел на него странное впечатление; сегодня, в косых лучах январского солнца он выглядел еще чуднее. Снег добавляет таинственности обычным предметам. Снег — новая кожа на костях города.

Впрочем, когда Эверетт пересекал Темзу в направлении Собачьего острова, город казался ему чужим не только из-за снега. Под новой кожей, под костями привычного Лондона Эверетт видел другой, дымный, искрящийся электричеством Лондон Сен, город дирижаблей и каменных ангелов. В том, другом Лондоне, та же Темза цвета графита на фоне белого снега текла в том же направлении и поворачивала под тем же углом. Некоторые улицы и дома повторялись, большинство — нет. А под Лондоном Сен скрывался еще один Лондон, в который Эверетт успел заглянуть на флешке Колетты, — Лондон Ибрим Хой Керрима. В нем Собачий остров не заплотили башни из стекла и металла — в арабском Лондоне на острове раскинулись парки и дворцы, сады и водоемы. Еще был затопленный Лондон, мир, который Эверетт открыл случайно, чуть не залив секретный туннель под Ла-Маншем. А под ними — Лондоны Пленитуды и мириады, мириады, мириады Лондонов Паноплии. Его отец был в одном из этих миров. Пролетая над Блэкуолл-бэзин, Эверетт подумал, что, если хорошенько приглядеться, можно увидеть сквозь множество Лондонов — словно они были из стекла — тот единственный Лондон, куда отправился отец.

«Я приду. Я обещал».

Эверетт оглянулся. Сен в летных очках и отороченной мехом парке, закутавшись в шарф, летела справа. Он поднял руку в перчатке, поманил ее и с силой дернул трос, направляя кузнечика к трем башням Кэнэри-Уорф. За спиной раздался радостный визг Сен, устремившейся вниз вслед за ним. Сердце Эверетта забилося чаще.

Когда они высадились на священное для каждого болельщика поле Уайт-харт-лейн, Сен зажмурилась от яркого солнца, втянула ноздрями воздух и удивленно расширила глаза. Затем вдохнула еще раз, глубже.

— Оми, как вы умудряетесь этим дышать? Куда делся воздух? Его словно нет!

Зато в твоем мире горло дерет при каждом вдохе, усмехнулся про себя Эверетт.

— Что за миизи шум?

Эверетт понял ее не сразу. Полицейская сирена, сирена «Скорой помощи», вой идущего на посадку самолета? Ни то, ни другое, ни третье, а все сразу, и даже больше: скрежет тормозов, гудки автомобилей, автобусов, мотоциклов, грузовиков. Сен слушала дыхание и сердцебиение Лондона, не затихавшего ни днем ни ночью. В ее мире автомобили скользили на мягких шинах, управляемые бесшумным электричеством. Здесь рычание миллионов бензиновых и дизельных двигателей, миллиарды крохотных взрывов углеводорода в цилиндрах сливались в один неумолкающий грохот.

— Летим, я тебе кое-что покажу, — сказал Эверетт, пристегиваясь. На маленьком табло замерли цифры — два часа полетного времени. Поначалу он решил, никуда не сворачивая, отправиться прямо домой и, оставив дронов на кладбище Эбни-Парк, забрать маму и Виктори-Роуз, а потом вызвать «Эвернесс». Капитан Анастасия не позволила взять прыгольвер и «Доктора Квантума», но у него был верный смартфон. Затем Эверетту пришло в голову, что неплохо бы показать Сен свой Лондон.

Эверетт вспомнил непередаваемое ощущение где-то в области солнечного сплетения, когда он осознал, что никто из его мира не забирался так далеко. Все равно, что смотреть на бездонную пропасть под ногами и слушать внутренний голос, который уговаривает сделать шаг вперед. Возбуждение, почти равное восторгу, а еще странное

чувство, для которого он не знал имени, но воображал, что оно похоже на секс.

Эверетту хотелось, чтобы Сен испытала то, что когда-то испытал он. Виктории-Роуз, должно быть, у бебе Аджит, мама — на работе. Есть время, чтобы показать Сен его Лондон.

— За мной, — сказал Эверетт Сингх, впервые звавший кого-то за собой, — до сих пор он лишь шел за кем-то.

Он опустил дрон до уровня крыш и ринулся в просвет между небоскребами. Зимнее солнце отражалось в окнах башен, розовато-белые площади испещряли черные дорожки следов, темнела вода в старых доках. Эверетт с любопытством косился на окна. Интересно, заметили или нет? Удивляются? Спрашивают друг у друга: птица или аэроплан? Нет, ни за что не угадаете — странник между мирами.

А теперь за реку, в сердце города! Справа Лаймхаус и Уоппинг, где пиратов приковывали цепями к причалу и оставляли умирать в волнах прилива. Слева — безобразные башни Рохерита и Бермондси. Прямо под ногами пароходик везет туристов в Гринвич. Эверетт направил кузнечика вниз, почти коснувшись подошвами стеклянной крыши. Несколько смелых туристов, обрадовавшись неожиданному развлечению, высыпали на палубу и показывали на летунов пальцами. Какая-то девочка помахала им рукой. Должно быть, туристы решили, что присутствуют при киносъемке.

Эверетт набрал высоту и теперь шел строго вверх по течению. Полицейский катер оставлял за собой пенистый след, похожий на седые усы. Неповоротливый лихтер тянул груз в сторону моря. Впереди возвышался Тауэрский мост — ворота Лондона. Эверетт оглянулся. Сен летела справа, чуть выше его. Эверетт показал рукой вниз: слабо под мостом? Сен ухмыльнулась и подняла вверх большой палец. Эверетт нырнул в прямоугольник между проезжей частью и пешеходной галереей. Под ногами ревел поток машин, обращая снег в грязное месиво. Теперь город принадлежал ему. Справа, на крышах и башнях Тауэра, громоздились снежные шапки, слева возвышалось стеклянное яйцо Сити-холла. Вдали виднелись радиомачты крейсера «Белфаст»; серые переборки и оружейные стволы скрылись под снегом.

Поезда пересекали реку, январский вечер зажигал окна в домах по Кэнон-стрит. Висячие сады на крыше Кэнон-стрит-стрейшн были

засыпаны снегом. Постепенно включалось уличное освещение: от набережных до острого шпиля небоскреба Осколок на южном берегу.

Вперед, за Саутворкский мост, вдоль ленты пешеходного моста Миллениум. Спортсмены, простые пешеходы и любители живописи, выходящие из галереи Тейт, останавливались, следя за полетом невероятных летучих машинок, со свистом рассекавших воздух у них над головой.

— Эге-ге-гей! — завопила Сен.

Эверетт поднял руку, приветствуя людей на мосту, и свернул направо, к железнодорожной и автомобильной веткам моста Блекфрайрз. Сен вскинула руки в удивленном жесте: куда мы летим? Эверетт показал пальцем. Впереди сиял купол собора Святого Павла.

Дроны взмыли вверх, обходя эстакаду на Куин-Виктория-стрит. Город, засыпанный снегом, казался молчаливее, чем обычно; слякоть заглушала рев моторов и скрежет тормозов. Ребра купола собора Святого Павла с подветренной стороны занесло снегом, у оснований колонн высились сугробы, снег шапками лежал на перилах и балюстрадах.

Эверетт облетел купол, словно чайка, ищущая корма, и легкий, как мысль, приземлился на притолоку верхнего фонаря. Теперь над ним возвышался только громадный золотой крест, а у его ног лежал Лондон.

Взгляд скользил вниз по Ладгейт-хилл, по Флит-стрит, туда, где Лондон становится Вестминстером, затем по Стренду, на запад. Вечер опускался на улицы, крест на куполе вспыхивал в лучах заходящего солнца. Кроме Эверетта, на этой высоте обитала лишь бронзовая богиня Правосудия на куполе Олд-Бейли. Последние закатные лучи золотили ее меч и весы, но слепой статуе было не дано видеть то, что видел Эверетт Сингх с жердочки на куполе.

Лондон был городом огней. Они вспыхивали на растаявшем и снова подмерзшем снегу. Южный берег охраняла башня галереи Тейт-модерн, подсвеченная в самом верху, словно Око Саурана. Поезда, ленты текучего света, пересекали мосты. На юго-западе свет заливал здание Парламента, на другом берегу Темзы сияла огнями карусель.

На востоке торчали мрачная башня банка «НэтВест» и хаос небоскребов банка «Ллойдс». Словно ракета, готовая стартовать к Марсу, взмывал ввысь небоскреб Корнишон. За ним, на другом берегу

реки, строительные краны отмечали площадку, где тянулся к небу небоскреб Осколок. А прямо под ногами Эверетта лежал величайший из лондонских соборов — собор Святого Павла.

Неужели никто из тысяч пешеходов не замечает под куполом ничего странного? Эверетт хотел верить, что такой человек есть. Что на краткий миг ему удастся вселить в душу продрогшего незнакомца, готового нырнуть в автобусную духоту или вонь электрички, надежду на чудо. На то, что этот город еще не растерял своего волшебства.

— Фантабулоза, — раздался шепот из-за спины. Эверетт не видел, как приземлилась Сен. Вцепившись в каменный выступ, она стояла на притолоке над соседним оконным проемом.

— Я хотел сказать спасибо за то, что ты показала мне свой Лондон.

— Тогда мы просто удирали от Иддлера и его прихвостней.

— Нет, не в тот раз. Когда штурмовали Тайрон-тауэр.

Эверетт посмотрел на запад, на столб Телеком-тауэр где-то в Блумсберри. В мире Сен это место занимала штаб-квартира Пленитуды — настоящая Темная башня со спрятанным внутри порталом Гейзенберга.

— Бонару! Было классно! — Сен осеклась. — Прости, Эверетт Сингх.

— За что?

— Твой отец...

— Я найду отца.

У его ног лежал не один Лондон — все Лондоны, все миры. И он был их господином. Его враги многочисленны и коварны, влиятельны и умны, Эверетт не представлял себе и сотой доли их могущества, зато у странника между мирами было то, чего не было у них. Инфундибулум. Теперь Эверетт понял, почему его тянуло на купол собора Святого Павла. Конечно, хотелось порадовать Сен, хотелось доказать себе, что он преодолел страх высоты, но главное: продемонстрировать всем мирам, что он обладает властью. Показать им свою власть.

— Мы заберем маму и Виктори-Роуз.

Это так просто.

— Помнишь, как они нашли нас во льдах? Каждый раз, когда кто-то открывает портал и перемещается, остается след. Нас выследили и

послали вдогонку судно на воздушной подушке. Когда Шарлотта Вильерс выстрелила в отца, след тоже остался. Я не знаю, каков принцип действия прыгольвера, но его создатели должны знать. Я разыщу след, разыщу отца, и мы снова будем вместе.

— А что потом?

— Мы переместимся туда, куда Орден не дотянется, забудем об Инфундибулуме и Гейзенберге, Пленитуде и Паноплии и будем жить долго и счастливо в одном-единственном мире.

— А что будет с нами, Эверетт Сингх? С «Эвернесс», Макхинлитом и Шарки, Анни и мною? Куда денемся мы?

Сияние померкло. Щеки Эверетта вспыхнули, но не от холода, а от смущения.

— Я... я не знаю.

— Прости, что вмешиваюсь, однако в твоём плане есть один бижусенький недостаток. Если каждый прыжок оставляет след, то куда бы ты ни переместился, они последуют за тобой.

Разумеется, Сен права. Она отыскала в плане изъян и не оставила от него камня на камне.

Солнце спряталось за верхней крестовиной, на город опустились сумерки. Эверетт почувствовал, что замерз.

— Но я в тебя верю, Эверетт Сингх, — улыбнулась Сен, словно пытаюсь загладить невольную обиду, — верю, что ты справишься.

Ее простые слова утешили Эверетта. То, что он принял за уверенность в себе, было обыкновенной самонадеянностью. Врагов нельзя недооценивать, за ними стоят силы одиннадцати миров. Впрочем, у него есть преимущество: таинственному Ордену никогда его не догнать. Эверетт чувствовал себя вратарем, которому заранее известна траектория полета мяча.

— Тебе понравился мой Лондон? — спросил Эверетт.

— Он волшебный, Эверетт Сингх.

— Сен, я... помнишь, ты дала мне карту?

Сен заволновалась.

— Что ты с ней сделал? Потерял? Если ты ее потерял...

— Да нет же! — Эверетт похлопал себя по груди. — Она тут.

— У сердца. Дилли-долли.

— Так вот, я тут кое-что записал... для тебя. Держи.

Сен нахмурилась, но наушники взяла.

— Небольшая подборка. Я не мог вручить подарок раньше, наши технологии несовместимы...

Он коснулся кнопки.

Эверетт много дней корпел над плейлистом — отличный способ рассеяться, отвлечься от расшифровки кода. Он знал, что за восприятие математики и музыки отвечают одни и те же части мозга. Физик Ричард Фейнман, кумир Эверетта, был классным бонго-барабанщиком. Составление плейлиста для Сен позволяло держать мозг в тонусе в редкие минуты отдыха. Прислушавшись к тому, что доносилось из пабов воздухоплавателей и гремело из лэтти Сен (энергии расходуется мало-мало, убеждала она остальных, а без музыки ей не жить), Эверетт выбрал восьмидесятые, электро и танцевальный вайб. Электронная музыка, но не техно. Заводные гитарные переборы. Слэп и басовый синтезатор, духовая секция без саксофонных соло, заставлявших Эверетта морщиться, когда он слушал богатейшую отцовскую коллекцию восьмидесятых. Четкие ритмы, но никакого бумс-бумс-бумс. А еще никакого бита, вроде хипхопа, трипхопа, драм-энд-бейса или грайма. Очень белая музыка. Похожая играла в его плеере. С каждым днем — температура падала все ниже, а цифры кода свивались в клубок, словно змеи — он все больше дорожил теми минутами, когда отбирал треки для Сен.

Стоя на куполе собора Святого Павла, хозяин Лондона Эверетт Сингх смотрел, как Сен улыбается и кивает в такт музыке. Неожиданно она нахмурилась и сняла наушники. В глазах заблестели слезы.

— Я дослушаю потом.

— Я надеялся, тебе понравится...

— Мне понравилось, Эверетт Сингх! Очень-очень! Именно поэтому я не могу! Это так похоже на дом, но это не дом, савви? Этот город, это волшебство, твой Лондон — не мой дом. Видеть эту красоту, слушать музыку и понимать, что назад пути нет! Что с нами случилось, Эверетт Сингх? Смогу ли я когда-нибудь вновь стать счастливой?

День погас, оставив над горизонтом лишь узкую алую полосу. Эверетт стоял в центре паутины из огней, улиц и рельсов. Здания отступили, обнажив светящиеся кости города, — и теперь Лондон походил на любую столицу, в любом из миров. Этот Лондон больше не

был его домом. Они оба, он и Сен, стали изгнанниками. Внутри у Эверетта все перевернулось.

Он подтянул кузнечика, парившего в воздухе вместе с чайками и дерзкими голубями, и пристегнулся.

— Прости меня, Сен.

— Послушай, твоя музыка тут ни при чем...

— Я знаю. Прости за все.

— Не за что извиняться! — выпалила Сен. — Как-нибудь переживу. Это наш путь. Мы принимаем то, что нам дается, и стараемся жить, сохраняя достоинство. Так говорит Анни.

Вслед за ним Сен оседлала свой дрон.

— Вперед, Эверетт Сингх! Я буду рядом.

Эверетт шагнул в холодный ночной воздух.

Они тихо опустились из темно-синих сумерек на тропинку между викторианскими надгробиями. Эверетт дважды облетел место посадки, чтобы убедиться, что на пути нет собачников. Люди с поводками в руках никогда не смотрят вверх.

Он мягко приземлился на утоптаный снег, Сен села рядом. Вокруг стояли каменные ангелы со снежными нимбами: склоненные головки, руки прижаты к груди.

— Давай спрячем их.

Дроны оттащили за часовню. Снег усеивали презервативы, окурки и шприцы, которых всегда хватает на задних дворах заброшенных викторианских строений. Кто-то слепил улыбающегося снеговика, в его руке торчала пустая пивная жестянка.

— Ладно, план такой: я забираю маму и Виктори-Роуз, вызываю дирижабль. К моему возвращению он будет в зоне эвакуации.

Эверетт позаимствовал выражение из шутера «Call of Duty: Modern Warfare».

— Капитан Анастасия подберет нас, а я перенесу в другой мир. Они опомниться не успеют, а нас и след простыл.

— В твоём плане кое-чего недостает.

— Чего?

— Ты сказал «я заберу».

— Сказал.

— А что буду делать я?

— Останешься тут и присмотришь за дронами.

— Я тебе пригожусь.

Эверетт подавил раздражение.

— Это Хакни.

— Твой Хакни.

— А в моем Хакни сопрут все, что плохо лежит, не успеешь оглянуться!

Сен насупилась.

— Не нравится мне это, — проворчала она, — но будь по-твоему.

Неожиданно Сен обвила руками его плечи и крепко поцеловала в губы. Для этого ей пришлось встать на цыпочки. Прежде чем Эверетт осознал, что случилось, она отпустила его.

— На удачу. И в знак любви.

Сен, маленькая и одинокая, казалась серым пятнышком на снегу, словно сама была созданием зимы. Когда Эверетт шел по дорожке под голыми сучьями, его губы еще хранили запах Сен: мед, абрикосы и ее фирменный мускусный аромат.

Родной дом буквально притягивал. Эверетт ускорил шаг, затем бросился бежать, не боясь поскользнуться на обманчиво гладком снегу. Он знал здесь каждый камешек и выбоину. И кладбище не пугало. Призраки, вампиры и восставшие мертвецы? Слишком глупо. Благонамеренные викторианцы спокойно спали в своих могилах.

В главные ворота, через Хай-стрит, по железнодорожному мосту, вдоль Коммон и на Роудинг-роуд. Он мог добежать до самого дома без передышки. Одна из карт Сен — путешественник, спешащий в ночи. Картинка изображала решительно настроенного мужчину в панталонах и шляпе по моде восемнадцатого века. Он шел по дороге, терявшейся за краем рисунка. Путешественник спешил, долгий путь отнял столько сил, что трудно вообразить, но дом был рядом, только руку протянуть. Он уже видел себя в конце Роудинг-роуд, видел себя внутри. Позвонить или обогнуть дом и войти через заднюю дверь, как всегда? Просто открыть дверь и войти? Мама подпевает радио, коверкая слова песни, Виктори-Роуз обедает. Что он им скажет? Бросайте все и идите за мной. Возьмите пальто и мелкие ценные вещи, которые можно продать. Ни паспорт, ни телефон, ни деньги не понадобятся. Скорее, вы в огромной опасности.

Поверят ли ему?

Поверят. Просто потому, что он вернулся. Этого достаточно. Если вы пойдете со мной, я все вам объясню.

Пар от его дыхания висел в воздухе. Эверетт бежал по центральной аллее между занесенными снегом надгробьями. Заметив перед воротами, выходящими на Стоук-ньюингтон-хай-стрит, силуэт на фоне желтых уличных фонарей, он остановился. Его одежда, осанка — все выглядело угрожающе. Фигура выступила на свет прожектора,

которые в целях безопасности установил муниципальный совет Хакни, и Эверетт сразу все понял.

— Нет, — прошептал он, развернулся и побежал.

Внезапно боль пронзила левое плечо. Что-то ужалило его, словно шершень. Запахло паленой тканью и кожей. Не останавливаясь, Эверетт повернул голову. Другой он, его враг, анти-Эверетт спокойно шел по тропинке, наставив на него палец, словно револьвер. Повинуясь инстинкту, Эверетт упал и перекатился по снегу. Приземление вышло не слишком мягким. Он вскрикнул, больно ударившись ребром об острый могильный камень. В темноте блеснул красный огонек. Сыну физика достаточно, чтобы узнать лазерный луч. Мгновение луч колебался, потом рубанул по нему, словно клинок. Эверетт перекатился за постамент с викторианским ангелом. Сучья осыпали тропинку.

Лазерный луч не проходит сквозь камень. Впрочем, лучше не экспериментировать. Эверетт шарил руками по снегу, пытаясь найти опору, чтобы встать. Бок болел. Синяк будет здоровенный, и хорошо, если обойдется синяком. Уноси ноги и не высовывайся, иначе останешься без головы.

— Я вижу тебя!

Его собственный голос дразнил и мучил. В каком из миров они разыскали другого Эверетта? Что ему сказали? Что обещали? Что с ним сделали?

Вспоротый воздух взорвался над головой, Эверетт пригнулся. Что-то просвистело прямо над ним, затем яркая белая вспышка оглушила его и швырнула на снег. Каменные осколки пропороли бок куртки. На месте, где когда-то стоял ангел, дымились обломки. От скульптуры остались лишь каменные ступни.

Вставай и уноси ноги!

Лазер шарил по небу. Сучья и ветки каскадом сыпались вокруг Эверетта на снег. Он вскочил и побежал, закрывая голову рукой.

— Я не оставляю от этого места камня на камне!

Думай, думай! Он — это я. Все, что знаю я, знает он. И наоборот. Это твое преимущество, пусть и небольшое. Тебе не одолеть врага в открытом бою. Нужно вывести его на открытое пространство, на людную улицу, где ты легко затеряешься в толпе.

Эверетт крался между деревьями, перебегал от могилы к могиле, кружным путем пробираясь к главным воротам и огням Стоук-ньюингтон-хай-стрит.

Со свистом пролетел снаряд. Эверетт, спрятавшись за каменным мавзолеем, успел заметить яркую вспышку. Деревья пылали, надгробия складывались, словно кости домино.

— Тебе не уйти! — прокричал анти-Эверетт.

Враг приближался. Он думает, как ты. Что ему нужно? Инфундибулум. А значит, убивать он не станет. Не захочет повредить «Доктор Квантум». Откуда ему знать, что планшетник на дирижабле? Еще одно преимущество. А есть и другое. Враг не подозревает, что он не один.

Услышав грохот, Сен вскрикнула. Красный луч заскользил по верхушкам деревьев, сбивая ветки и сучья. Сен не находила себе места от волнения. Она ясно слышала голос Эверетта. Почему он кричит? Когда деревья озарила вспышка и клубы дыма поднялись в небо, она не выдержала и оседлала дрон. Ваттметр стоял на двадцати процентах. Хватит и для полета, и для сражения. Перед тем, как завести машинку, Сен расстегнула куртку и одной рукой ловко перевернула верхнюю карту. Два рыцаря, один в черных доспехах, другой — в белых, со щитами и пиками. Будь моим врагом.

Самый главный, самый большой твой враг — ты сам.

Она поднялась над шпилем часовни из красного кирпича, чтобы оценить направление. Темнота, плотно растущие деревья и зазубренные каменные плиты. Ерунда, ей приходилось сажать двухсотметровую громадину в условиях похуже. Лазерный луч чертил небо. Сен направила дрон в самую гущу боя.

— Эверетт! Что случилось?

Он стоял на пересечении тропинок. Сен отправила дрон в бреющий полет.

Почему он не прячется? Почему вокруг не видно разрушений? Где он взял эту одежду? И зачем посреди зимы снял куртку и закатал рукава?

Неожиданно правое предплечье Эверетта открылось. Сен потянула рычаги на себя, схватила катушку с леской. Бери оружие и убирайся! Мгновенно оценив ситуацию, Сен отпустила трос и

спрыгнула в снежное месиво за секунду до того, как дрон полыхнул пламенем.

Она жестко приземлилась, ударившись о каменный постамент. Уноси ноги! Снаряд снес левые лопасти дрона. Эверетт, другой Эверетт, белый рыцарь, который противостоял черному рыцарю — ее Эверетту, — наблюдал, как горящий дрон рухнул на могильные плиты. Стиснув зубы от боли в боку, Сен размотала леску и хлестнула ей по воздуху, словно бичом.

Другой Эверетт обернулся на звук. Ветки, перерезанные нитью из карбо волокна, дождем осыпались вокруг. Не давая ему возможности опомниться, Сен еще раз полоснула бичом по воздуху. Аккуратная поросль молодых березок вдоль тропинки рухнула в снег, перерезанная нитью в двух метрах от земли. Телеграфный столб переломился надвое, его меньшая, верхняя часть повисла на проводах. Сен подтянула нить к себе и раскрутила над головой.

Другой Эверетт пригнулся, целясь в нее из пальца. Сен нырнула за надгробие. Лазер с шипением чиркнул по снегу. Сен вновь раскрутила нить над головой. Она действовала ловко и быстро, как ее Эверетт, ее черный рыцарь. Предплечье не-Эверетта открылось, Сен огляделась в поисках укрытия, и тут снаряд разнес надгробие в каменные щепки.

— Эверетт Сингх! — заорала она. — Эверетт Сингх, а ну говори, что ты ел на Рождество?

Эверетт видел, как дрон взмыл над деревьями, словно белый каменный ангел с надгробия. Затем последовала короткая вспышка — и взрыв. Он видел, как обломки дрона вращались в воздухе, прежде чем рухнуть на могилы. Он чуть не заорал, чуть не бросился на помощь, однако заставил себя пригнуть голову. Заставил на время забыть об ужасе, пронзившем сердце, раздиравшем глотку. Оставайся на месте. За секунду до взрыва что-то отделилось от дрона. Сен успела спрыгнуть, не может быть, чтобы с ней случилась беда!.. Обмирая, Эверетт пытался разглядеть что-нибудь сквозь решетку мавзолея.

С деревьев посыпались ветки, поросль молодых берез рухнула в снег как подкошенная, телеграфный столб повис на проводах. Он видел вспышки лазера, слышал взрывы. Эверетт пытался вычислить,

сколько снарядов осталось у анти-Эверетта. Затем кто-то дважды выкрикнул его имя. И вопрос: что ты ел на Рождество?

Когда он решил, что Сен погибла, Эверетт не заплакал. Он плакал сейчас. Вытерев слезы обшлагом, он дважды сглотнул, прежде чем ответить. Не хватало еще испугать ее.

— Фазана!

Голос дрогнул. Какая же ты умница, Сен! Один-единственный вопрос — и сразу три ответа: он жив, это точно он, он прячется.

— Макни из фазана, шафрановый рис и лепешки наан!

Эверетт пригнулся и побежал. Снаряд вонзился в мавзолей, за которым он только что стоял. Минус один.

— У меня есть оружие! — крикнула Сен.

За треском сучьев раздался вой снаряда. Минус два. Эверетт принялся швырять еще горячие камни, прожегшие дыры в снегу, в сторону врага. Лазерные лучи подстригали кустарник. Юный падуб занялся пламенем. Эверетт упал ничком за надгробием викторианского сахарного магната. В ушах стоял визг бича, рассекающего морозный воздух. Сен успела спасти леску! Страшное оружие, но Сен не впервой с ним управляться.

Лазер стрелял без остановки, однако Сен не давала анти-Эверетту разогнуться и прицелиться. Силы были равны, но долго это не продлится. Рано или поздно полиция заинтересуется тем, что творится на кладбище. Возможно, они уже в пути. Их появление на руку анти-Эверетту. Шарлотта Вильерс задействует свои связи. Им с Сен пора убираться отсюда, и чем скорее, тем лучше.

Внезапно, в снегу по щиколотку, Эверетт понял, что нужно делать. Решение было простым и блестящим. Правда, потребуются дополнительные расчеты.

Эверетт достал телефон. Сигнал на максимуме. Когда Теджендра подарил ему планшетник, вторым делом он синхронизировал его с телефоном. Первым — притащил планшетник к Рюну, чтобы похвастаться.

— Теперь я могу управлять им дистанционно, — заявил он другу.

— Ты приперся сюда, чтобы развлечься со своей мобилкой? — спросил Рюн. — Нашел чем удивить собрата-гика!

Подожди, Рюн Спинетти. Пять касаний экрана — и он сможет управлять «Доктором Квантумом», который находится в рубке

дирижабля, висящего над Уайт-харт-лейн. Ту же технологию Эверетт использовал, когда дал Сен прослушать плейлист. Теперь перед ним стояла задачка посложнее. Предстояло войти в базу Инфундибулума по медленной, дорогой и ненадежной телефонной линии. Нынешние координаты дирижабля еще хранились в памяти контроллера. Оставалось рассчитать свои собственные. Эверетт включил джи-пи-эс. Батарейка телефона почти разрядилась.

Любой портал открывается в обе стороны. Когда он открыл портал на Земле-2, ветер занес внутрь обрывок газеты. Вода хлынула сквозь портал из затопленного Лондона на Земле-8. Двух человек портал переместит без проблем, но тут нужна точность — портал не должен зависнуть в воздухе в десяти метрах над землей или открыться под нею, по соседству с мертвыми викторианцами. А делать расчеты придется под прицелом вооруженного лазером и пушкой двойника-киборга из параллельной вселенной.

Эверетт поднял голову. Тишина. Подозрительная тишина, как говорят киногерои. Из чего не следовало, что в жизни бывает иначе.

Он едва успел отпрянуть — помогли вратарские навыки. Прямо перед ним выросла темная фигура. Лазерный луч прочертил по щеке полосу. Эверетт рухнул за могильный камень, прижимая снег к обожженной коже.

То же вратарское чутье спасло анти-Эверетта. А возможно, он просто услышал звук, с которым нить рассекала воздух, или ощутил на коже холодок. Он кинулся в снег. Нить просвистела рядом, отрубив каменному изваянию руку и половину крыла. За ними, словно в замедленной съемке, от шеи ангела отделилась голова.

Сен вновь взмахнула бичом, снеся сантиметров десять плиты, за которую нырнул анти-Эверетт. Эверетт заметил, как фигурка в оранжевом летном комбинезоне метнулась к новому укрытию за мгновение до того, как из-под плиты высунулась рука и превратила крошку херувима в каменную пыль.

— Сен!

— Эверетт Сингх!

— Прикрой меня!

— Сейчас я прикрою его лилли диш, Эверетт Сингх!

Привалившись спиной к холодному камню, Эверетт занялся телефоном. Щека невыносимо горела. Никогда еще ему не было так

больно. На щеке наверняка останется шрам, ожог от настоящего лазера, не подделка, которую однажды в шутку прилепил на щеку Теджендра. Теперь никто не перепутает Эверетта с его двойником.

Он слышал, как свистел бич и взрывались снаряды. За каждым взрывом следовал свист. Эверетт боялся думать, что в следующий раз не услышит свиста лески. Хватит забивать голову дурацкими мыслями! Делай то, что должен. То, на что способен только ты.

Он запустил приложение «Матика», загрузил координаты джи-пи-эс. Сигнал появился и снова затух.

Лазерный луч превратил сук над его головой в щепки. Эверетт выставил локоть, закрываясь от ливня дымящихся веток. Сигнал снова появился. Эверетт загрузил координаты точки назначения, вышел из «Матики». Медленно, слишком медленно! Диаметр отверстия. Три метра. Продолжительность... Эверетт заколебался. Как далеко от него Сен?

— Сен!

— Оми!

Вспышка осветила ночь. Такими темпами от кладбища скоро не останется мокрого места. Зато теперь ясно, где она. Эверетт выставил десять секунд.

— Сен, белый свет!

— Что?

Эверетт нажал на кнопку. Белый свет залил херувимов, ангелов и скорбных младенцев Эбни-Парк. Слепящий белый диск возник между разрушенным кенотафом и мавзолеем. Сен проявилась оранжевой вспышкой, еле различимой на фоне белого сияния. Успела? Времени в обрез! Эверетт бросился к portalу. Краем глаза он заметил врага, который выпрямился за искалеченным ангелом и целил в него из пальца. Эверетт нырнул в белое сияние.

И рухнул на палубу «Эвернесс». Лазерный луч прочертил дугу на дальней стене, затем портал Гейзенберга закрылся. Шарки уже был на ногах, направляя огнетушитель на дыру, которую лазер анти-Эверетта прожег в обшивке. Лазерный луч перерубил кронштейн монитора; тот болтался в воздухе и искрил.

— «Дом освящения нашего и славы нашей, где отцы наши прославляли Тебя, сожжен огнем», — промолвил Шарки, поливая пеной пламя.

Капитан Анастасия опустилась на колени перед Эвереттом. Ее сильные нежные руки знали, где болит.

— Сен, аптечку.

— Нет времени! — поморщился Эверетт. Болели ребра, грудь, щека. Но Сен жива, и это главное. — Нас могут догнать!

Капитан Анастасия нахмурилась.

— Каждое перемещение оставляет след, — настаивал Эверетт. — Мы прыгнули сюда прямо из Эбни-Парка.

Понимают ли они всю серьезность положения? Или не могут прийти в себя от неожиданности?

— Нужно удирать, пока не поздно!

Белый слепящий свет заполнил капитанский мостик. В футе от пола, прямо напротив большого обзорного окна, возник светящийся диск. Шарки отбросил огнетушитель и схватил дробовик.

— Сен! — скомандовала капитан Анастасия. — Полный назад!

Сен заняла место у пульта управления.

Туман рассеялся, и внутри диска возникла темная комната с каменными стенами. Портал окружали столы, мониторы испускали голубоватое свечение. У металлического пандуса ждали солдаты в черном. За ними маячили фигуры в штатском, слишком хорошо знакомые всем в рубке: неряшливый Пол Маккейб в мешковатом пиджаке и Шарлотта Вильерс в костюме с иголки и смертоносном макияже.

— Давай, моя доркас! — взвизгнула Сен, всем весом навалившись на рычаги. — Давай, дилли-долли палоне!

Медленно, очень медленно «Эвернесс» тронулась с места. Двумстам метрам обшивки из углеродных нанотрубок, трюмам, батареям и балласту не так-то легко преодолеть инерцию. Медленно, очень медленно портал начал дрейфовать к обзорному окну. Впечатление было обманчивым: портал оставался на месте, двигался дирижабль.

Шарлотта Вильерс поняла, что происходит. Эверетт слышал, как она выкрикивает команды, но солдаты мешкали. Портал выплыл в окно и завис в воздухе. Командир, блондинка, которую Эверетт запомнил, подтолкнула пандус к краю, собираясь прыгнуть, но не успела. Сен давила на рычаги, с каждым дюймом уводя «Эвернесс» от

светящегося диска. Теперь солдаты висели между небом и землей, заключенные в кольцо слепящего света.

— Перемещаемся! — воскликнул Эверетт.

— Вам нужна медицинская помощь, — возразила капитан Анастасия.

— Вы не понимаете! — вспыхнул Эверетт и осекся, вспомнив ее тон и выражение глаз, когда он в прошлый попытался оспорить авторитет капитана. — Мэм, со всем почтением, нам необходимо прыгнуть. Они приставили к моей маме и сестренке своего агента.

— Это он, — сказала Сен. — Он, Эверетт. Из другого мира. Только... джуш. Со стрелялками внутри.

— Пора убираться отсюда.

Капитан Анастасия положила руку ему на грудь.

— Куда вы собираетесь перенести мой корабль, мистер Сингх?

Эверетт едва сдержался, чтобы не сбросить с себя руку. Капитан Анастасия почувствовала, как напряглись его мышцы. По словам Макхинлита, она изучала французские боевые искусства в Марселе. В его мире не было французских боевых искусств.

— Помните, как нас заманили в ловушку между Шарлоттой Вильерс и королевскими военно-воздушными силами? — спросил Эверетт.

В ста метрах от носа «Эвернесс» портал Гейзенберга обратился в белый твердый диск и, сверкнув в вечернем воздухе, исчез.

— Если Шарлотта Вильерс сумела выследить нас и открыть портал прямо на мостике «Эвернесс», то, возможно, прыгольвер оставляет такой же след? Что, если он обладает памятью обо всех открытых порталах? Возможно, он знает, где мой отец?

Эверетт с трудом встал на ноги. Никогда в жизни ему не было так больно, даже когда игроки другой команды исподтишка мутузили вратаря, пользуясь тем, что судья смотрел в другую сторону. Он казался себе солдатом на войне. Впрочем, так оно и было. Он на войне, и война продолжается. Теперь ему, и всем, кого он любил, всех, с кем сведет его жизнь, предстоит война до победы. Пятнадцать дней прошло с тех пор, как пропал Теджендра, всего пятнадцать дней, а он уже так устал.

— Я не владею этой технологией, Макхинлит не владеет. Мы должны вернуть прыгольвер туда, где его изготовили.

— Куда, мистер Сингх?

— В один из девяти миров Пленитуды.

Капитан Анастасия кивнула.

— Я не уверен...

Капитан Анастасия подняла бровь.

— Я думаю... мне кажется... я убежден, что прыгольвер изобрели в мире, который вы называете Земля-1.

Никто не вскрикнул, не отпрянул в ужасе, не вскинул рук. Шок ощущался в воздухе, словно электричество, словно перемена погоды.

— Земля-1 на карантине, — сказала капитан Анастасия. — Неотменяемом.

— Мы должны туда попасть!

— От чумы, от мора, глада нас спаси и сохрани, — пробормотала Сен. Сжав колоду в ладони, она приложила ее к сердцу.

— «И пошлю на вас голод и лютых зверей, и обесчадят тебя; и язва и кровь пройдет по тебе, и меч наведу на тебя», — отозвался Шарки.

— Все перемещения между остальными мирами и Землей-1 приостановлены пятнадцать лет назад, — сказала капитан Анастасия. — Портал Гейзенберга запечатан. Никто не знает почему. Вероятно, опасность и впрямь велика, если они держат на карантине целый мир. А вы предлагаете отправить туда мой корабль, мою команду и мою дочь?

— Да, — ответил Эверетт Сингх.

Больше вопросов не последовало.

Он и так уже потребовал слишком многого от капитана и ее команды, а конца испытаниям не предвиделось. Эверетт понимал, что в глубине души капитан Анастасия его поддерживает: единственный способ покончить с этим — пройти весь путь до конца.

— В любом случае, здесь оставаться больше нельзя, — сказала капитан Анастасия. — Мистер Сингх, уберите нас отсюда. Мистер Макхинлит, — обратилась она к механику в неповрежденный микрон, — готовьтесь к перемещению. Мистер Сингх, все в ваших руках.

Эверетт открыл Инфундибулум. Найти ту же точку на Земле-1 — футбольный стадион Уайт-харт-лейн — было нетрудно. Он перетащил

координаты в контроллер. Панель загорелась зеленым. Эверетт нажал на кнопку и сказал:

— Вууум.

На улицах Лондона стояла тишина. Тишина висела над Клэптон-коммон и Парк-мэнор, прерываемая лишь вороньей перебранкой.

Вопль сцепившихся котов со стороны Уингейт-эстейт оглушал, словно выстрел. Ворковали голуби, где-то совсем по-волчьи завывали псы. Ни уханья басов из кабин тюнингованных тачек на Стерлинг-вэй, ни рева реактивных самолетов, взлетающих из Хитроу или Сильвертауна. Закатное небо отливало январской синевой. Ни следа от реактивного самолета, ни единого движения ни на небе, ни на земле.

Сен крутила латунный трэкболл, направляя уцелевший дрон к Стэмфорд-хилл. Буддлея заполонила канавы и плоские крыши — лес высохших веток и порыжевшие сиреневые метелки. Буйные травы пробивались сквозь трещины в асфальте, корни деревьев коржили камни мостовой. Обломки усеивали тротуар; осколки вывесок; груды битого стекла. Витрины напоминали пустые глазницы скелета. Окна припаркованных машин покрывали мелкие трещины, обивка кресел позеленела.

Сен коротко вскрикнула и пустила дрон в свободный полет. Ее внимание привлек странный отблеск. Посреди улицы, нелепо выгнув руку, словно жертва убийцы, лежала кукла. От дождей ее синтетические волосы спутались, но хуже всего были глаза. В них застыла черная пустота.

«И тебя когда-то любили», — подумал Эверетт.

Из одной проекции в другую, из одного мира — в другой, из точки в точку. Географически «Эвернесс» возникла в тех же координатах другого мира: в ста метрах над Уайт-харт-лейн, но как же отличались эти два стадиона! Здесь крыша над трибунами просела, а местами провалилась. Один из прожекторов рухнул. На поле буйно разрослись травы и кусты всепроникающей буддлеи, среди зелени кое-где еще мелькала разметка. Сетка ворот порвалась, на перекладинах сидели вороны. Мертвый стадион в мертвом городе.

— Вызываю Лондон, вызываю Лондон, — повторял Шарки снова и снова. — «И сказал я: надолго ли, Господи? Он сказал: доколе не

опустеют города, и останутся без жителей, и дома без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет».

Капитан Анастасия отошла к большому обзорному окну и долго стояла, сцепив руки за спиной. Пустые улицы, пустые автомобили, пустые дома. Пустой город.

— Завтра, — наконец, решила она. — Никто не станет искать нас здесь, так что мы можем позволить себе выспаться. Всем марш в лэтти. Оставим загадки на утро.

Эверетт долго висел в гамаке без сна. Слишком много на него свалилось: миров, приключений, сражений. Другой он, Доппельгенгер, двойник. Кукушонок в чужом гнезде. Из всего, что сделала Шарлотта Вильерс, это было худшим. Эверетт верил, что найдет отца, в какой бы из миров Паноплии его ни занесло. Но взять двойника и превратить... во что? В киборга? Невыносимо было думать, что киборг спит в его кровати, живет рядом с мамой и Виктори-Роуз.

За ночь никто из команды так и не сомкнул глаз. Молчание звучало громче, чем рокот моторов или раскаты грома.

На завтрак Эверетт разболтал последние яйца. Команда молча поглощала яичницу, выглядывая признаки жизни в мертвом городе за окном и гадая, что его погубило.

— Капитан... — Тон Шарки заставил Эверетта оторвать глаза от окна. — Камеры в хвостовом отсеке.

Шарки переключил изображение на мониторы. Эверетту показалось, что ледяной ужас сковал его изнутри. Никогда еще ему не доводилось видеть ничего страшнее и невероятнее.

«Эвернесс» висел над стадионом, словно компас, носом к северу, хвостом к югу. На юге лежал район Лейтон, за ним — Собачий остров. В мире Эверетта это был настоящий город в городе, мир небоскребов, конференц-центров и офисов. Недавно он пролетал над ним вместе с Сен. Там был дом Эверетта.

Посреди Собачьего острова возвышался шпиль, черный, как нефть. Эверетт видел снимки небоскреба Бурдж-Халиф, но этот шпиль — скорее спираль, чем башня — был в пять, в шесть раз выше. На конце шпиль заострялся, словно нож, вонзенный в сердце доков. На максимальном разрешении экрана казалось, что его поверхность движется, словно какая-то текучая субстанция. Вокруг шпиля клубился темный нимб. Все в этом уродливом сооружении вызывало

протест: размер, заостренность, сама его геометрия. Очевидно, что шпиль и был причиной царящего вокруг запустения.

— Разворот, Сен.

Сен медленно развернула «Эвернесс» вокруг центра тяжести.

— Мистер Макхинлит, готовьте дрон.

Камера скользнула прочь от куклы. Сен направила дрон над заросшими дымоходами опустевшего Хакни-даунс и мертвого Далстона. Мой дом внизу, думал Эверетт. Разросшиеся кусты и голуби на чердаке, разбитые окна и пропитанные дождевой водой ковры. Он вспомнил, как однажды вернулся домой, а дверь стоит нараспашку.

Дрон летел прямо к башне. Эверетт научился замечать маленькие различия, которые делали другие миры непохожими на его мир. Здесь остовы автомобилей отличались обтекаемой формой, изяществом и низкой посадкой. А еще этот мир не знал линий электропередачи и антенн сотовой связи. Чем ближе дрон подлетал к району доков, тем больше попадалось современных домов в форме облаков или странных, прозрачных созданий, что водятся на дне моря. Встречались дома в виде цветов и семян, сотканые из паутины и стекла. Как и обычные дома из кирпича, бетона и стали, они были покинуты своими жителями; стекла разбились, обнажив прекрасные скелеты. Под запустением Эверетт видел мир высоких технологий. И все же что-то его разрушило.

— Куда делись люди? — спросила Сен.

Дрон начал снижаться над доками Собачьего острова. Ни строений, ни дорог, ни гостиниц, ни ресторанов, ни яхт-клубов — всю поверхность острова покрывала черная вязкая жижа, напоминавшая лаву. Как и лава, субстанция пребывала в постоянном движении. Языки расползались и сливались, образуя новые формы и вновь распадаясь. Пузыри, горные хребты, кубы, изящные трехмерные фигуры и орнаменты пейсли, водовороты и спирали, цветы и механизмы, миниатюрные города. Сен нажала на зум, и Эверетт увидел, что поверхность жидкости движется, что большие фигуры образованы мелкими, и все вместе кишит, словно рой насекомых. Фракталы, Множество Мандельброта, бесконечная бездна математики, в которую Эверетт падал в страшных снах.

Тогда он думал, что боится. Оказалось, до сегодняшнего дня он не ведал настоящего страха.

Сен заставила дрон взмыть вверх и лететь прямо к темной башне. Стало видно, что туманный нимб вокруг нее образуют черные птицы. Они врезались друг в друга, распадались на дюжину мелких птичек, сливались в странных крылатых существ, меньше всего напоминавших птиц. Птицы с числом крыльев больше двух или вовсе без крыльев — на их месте вращались лопасти вертолета. Птицы, умеющие делать то, чего не делают настоящие птицы. словно скворцы, они хищно вились вокруг дрона, осторожно летевшего сквозь стаю.

Наконец в фокусе возникла поверхность башни. Лица. Башня состояла из лиц. Мужчины, женщины, старые и молодые, дети, младенцы, миллионы и миллионы. Искажённые ужасом рты, застывшие в бесконечном вопле. Слышимый даже через слабые микрофоны дрона, вопль заполнил рубку «Эвернесс», проникая в душу.

— Теперь понятно, куда все делись, — сказал Эверетт.

Капитан Анастасия рванулась к пульту Шарки и вырубил звук, но Эверетт знал, что крик, летящий над мертвым Лондоном, отныне будет вечно стоять у него в ушах.

— «А сыны царства будут извержены во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов», — тихо промолвил Шарки. Его низкий голос трепетал от страха перед Божьим гневом. Или тем, что страшнее Божьего гнева.

— Мисс Сиксмит, отзовите дрон и заводите двигатели, — скомандовала капитан Анастасия. — Я хочу немедленно убратъся из этого жуткого места.

Он проснулся с криком. Ему снились огонь, снаряды, лазерные лучи. Могилы взрывались, кости взлетали в воздух. Ангелы падали вниз на горящих крыльях.

Это было явью.

— Эверетт?

Его разбудил стук в дверь.

— Минутку.

Эверетт Л с трудом отделил сон от яви. Сражение на кладбище. Грязь под ногтями, кладбищенская грязь. Посреди могил, деревьев и скорбящих викторианских ангелов он дал бой своему врагу, своему двойнику, Эверетту Сингху. Теперь он вспомнил все. Они удрали, проделав хитрый трюк с порталом Гейзенберга. Господи, как холодно! Неужели бросили топить? Эверетт Л коснулся радиатора и тут же отдернул руку. Батареи жарили вовсю, а он замерзал и умирал с голоду. После сражения на кладбище Эверетт Л запихнул в себя почти целую коробку хлопьев, но голод не отступал, а горячий душ, смывший грязь, дым, ошметки листьев и кровь из царапин, так и не смог растопить ледяную корку, сковавшую сердце.

В дверях показалась голова Лоры.

— Эверетт, к тебе пришли.

— Если это Рюн, пусть подождет.

— Это не Рюн.

— Я не настроен болтать с полицейскими в такую рань. Мне все равно, верят они мне или нет.

— Это не полиция. Вставай, она ждет уже двадцать минут.

Она. Эверетт Л живо вынырнул из постели, натянул шорты, свежую футболку и вьетнамки. Перед тем, как войти в гостиную, небрежно провел рукой по волосам.

Шарлотта Вильерс с удобством расположилась в кресле Теджендры. Лора сверлила ее неприязненным взглядом, до которого гостье в элегантных кружевных перчатках и маленькой шляпке с вуалью, казалось, не было дела. Она сидела, скрестив ноги в

лодыжках; ее сумочка в точности повторяла цвет красных туфель на высоком каблуке.

— Боснийцы говорят, что, если ставить сумку на землю, денег не будет, — заметил Эверетт Л.

В девяносто втором отец Алии Ведича бежал от резни в Сараево, пополнив диаспору югославских беженцев Стоук-ньюингтона. Здесь он женился, произвел на свет дочерей и Алию — лучшего друга Эверетта Л. Впрочем, так было в его мире. Здесь, на Земле-10, Алиа Ведич прошел мимо него на перемене, даже не взглянув в его сторону.

Шарлотта Вильерс улыбнулась, но сумку не подняла.

— Как насчет чая, миссис Сингх? Что за утро без чашки хорошего чая?

— Брейден, миссис Брейден, — поправила Лора.

— «Дарджилинг», — проронила Шарлотта Вильерс в закрывающуюся дверь и улыбнулась Эверетту. — Ну и светопреставление вы учинили на кладбище! Нам повезло, что теперь все можно свалить на недовольную молодежь из предместий. Вы разочаровали нас, Эверетт. Весьма разочаровали.

Она наклонилась к сумочке, вынула пудреницу, обозрела свой макияж и, кажется, осталась Довольна.

— Сядьте! Вы не на уроке. — Громко защелкнув пудреницу, гостью убрала ее в сумочку.

Эверетт Л только сейчас заметил, что стоит, и послушно присел на край дивана. В обществе Шарлотты Вильерс ни о каком комфорте не могло быть и речи.

— Как вы представились ей?

— Сказала, что я — социальный работник.

— Социальные работники так не одеваются.

— А зря. Вот в чем основная проблема этого грязного маленького мирка. Отсутствие классов. Вы позволили им бежать, Эверетт. Инфундибулум снова ускользнул от нас.

— Он открыл портал и юркнул туда, словно крыса в канализацию.

— Это нам известно. Мы бросились в погоню, и успей мы на двадцать секунд раньше, схватили бы их тепленькими.

Эверетт Л вспомнил любительское видео: дирижабль, зависший над Уайт-харт-лейн.

— Они все еще там?

— Конечно, нет. Они сразу переместились.

— Куда? Вы говорили, что можете отследить их.

— На Землю-1.

Сидя в уютной натопленной гостиной дома сорок три по Роудинг-роуд, Эверетт Л ощутил, как по позвоночнику прошла дрожь. Земля-1: мир призраков, проклятая планета, где обитают демоны и чудища. Мир, подвергнутый карантину на веки веков. Единственным, что долетало оттуда, были слухи. Эверетт слышал их все до одного. Правды не знал никто.

— Но...

— Мне надоели расспросы. Неужели вы еще не поняли, что наши запреты ничто для этих злодеев? Они летят, куда хотят. Ваш двойник умен, очень умен.

Эверетт Л почувствовал, как напряглась нижняя челюсть. Не стесняйся, напомни мне еще раз, что я полное ничтожество.

— У вашего двойника есть прыгольвер, мой прыгольвер, и он догадался, где я его взяла, — сказала Шарлотта Вильерс.

— Вы были на Земле-1?

Пришел черед Шарлотте Вильерс напрячь челюсть. Не в бровь, а в глаз? погоди, я еще достану тебя глупыми вопросами.

— Как бы то ни было, прыгольвер оказался в моих руках, — ответила Шарлотта Вильерс уклончиво. — А для вас есть новая работа. Сложная, возможно, опасная, но, по правде говоря, Эверетт, вы пока никак себя не проявили.

— Вы посылаете меня на Землю-1.

— Да.

— На Землю-1?

— Да.

— Навстречу ордам обезумевших нанороботов-убийц?

— Эверетт, какие бы слухи ни разносили по коридорам школы одолеваемые гормонами юнцы, уверяю вас, они далеки от истины. Мы все устроим. Я заберу вас на обследование. Мы не уверены, что вы оправились от психической травмы. Это займет пару дней. У меня на руках все необходимые документы.

— Кто вы? Вы не из Пленитуды.

Дверь гостиной отворилась. В одной руке Лора держала кружку, в другой — тарелку с тостами.

— «Дарджилинга» нет, Шарлотта.

— Мисс Вильерс.

— Надеюсь, «Эрл грей» сойдет.

При виде кружки с эмблемой «Тоттенхем Хотспурс» Шарлотта скривила губы.

— Тосты? Или, может быть, хлопья?

Шарлотта Вильерс посмотрела на тарелку с таким видом, словно ей предложили тосты с собачьим дерьмом.

— Набивать желудок с утра отвратительно, — сказала она. — Благодарю вас, миссис Брейден.

— Как ты, Эверетт? — спросила Лора в дверях.

— Благодарю вас, миссис Брейден, — повторила Шарлотта Вильерс.

— Все в порядке, мам, — сказал Эверетт Л. Во второй раз слово «мам» далось ему с меньшим трудом. — Можно мне тост?

Эверетта Л мучил голод. Лора поставила тарелку на подлокотник дивана и вышла. Шарлотта Вильерс опустила кружку с чаем на кофейный столик.

— Поверьте, Эверетт, я из Пленитуды. Я — пленипотенциар Земли-3 в этом мире.

— Как вы посмели... — Эверетт с трудом подбирал слова. От мысли, что его тело перекроили по чужой воле, его трясло. — То, что случилось со мной... Это был приказ Пленитуды?

Шарлотта Вильерс вздохнула.

— Во всех мирах политики одинаковы, Эверетт. Вокруг теорий, идей формируются группы — я не называю их партиями, скорее, это группы, объединенные общими интересами. И целями. Назовем их клубами, сообществами. Я и мой двойник Шарль — члены такого сообщества, или ордена, как и многие другие, в разных, во всех известных мирах. И мы ищем сторонников наших идей в этом мире, хотя официально он не принадлежит к Пленитуде. Поэтому моя деятельность, а равно ваша миссия и ваше присутствие здесь, до некоторой степени тайна. Такова печальная необходимость. Мы заботимся о безопасности Пленитуды и жизнях семидесяти миллиардов.

— Ваш двойник сказал, что за пределами известных миров есть силы, по сравнению с которыми мощь Трина покажется ничтожной.

— У нас есть свидетельства их присутствия в Паноплии, и если Инфундибулум попадет к ним в руки, речь пойдет о выживании человеческого рода. Вы должны понять всю важность вопроса, Эверетт. Я — математик. Удивлены? Магистресса математики и алгоритмики из Кэбот-колледж Кембриджа. Целый класс многомерных алгебраических групп носит мое имя. Ваш двойник оценил бы. Мое имя уже вписано в историю науки, но, чтобы присоединиться к сонму богов от математики, мне не хватило целеустремленности. Возможно, нужен мужской склад ума, возможно, мне хотелось от жизни большего, чем до конца дней преследовать пыльные теоремы по длинным коридорам абстракций. Вы можете не верить, что я служу Пленитуде, но поверьте мне, как ученый ученому: открыть путь в Паноплию — меньшее, на что способен Инфундибулум. Он угрожает самой реальности.

Тосты уже не казались Эверетту такими аппетитными.

— Я не знаю, чему верить, — сказал он.

Шарлотта Вильерс улыбнулась. Эверетт Л думал, что замерзал, когда лазеры высасывали из него энергию, но это было ничто по сравнению с абсолютным нулем ее улыбки.

— Тогда мы поладим. Потому что за нами правда. А если наши методы сейчас кажутся вам жесткими, то лишь потому, что еще не пришло ваше время стать одним из нас.

Шарлотта Вильерс опустила глаза на элегантные дорогие часы, игнорируя электронные часы в корпусе телевизора.

— Суть вашей миссии, Эверетт. Я понимаю, мы хотим от вас слишком многого, а вы молоды и неопытны. Итак, вы должны будете прикрепить к корпусу дирижабля устройство слежения. Всякий раз, когда ваш двойник перемещается, он оставляет след в квантовом поле. Мы знаем, куда он прыгнул, но не знаем, куда отправится после прыжка. Дирижабли очень мобильны. Вам предстоит вернуться на Землю-4, где Шарль передаст вам устройство. Это сведет на нет феномен квантовой запутанности, и мы сможем найти вашего двойника в любом мире Паноплии. Вам нужно лишь прикрепить устройство к корпусу. Мой двойник также позаботится о том, чтобы снабдить вас новым оборудованием от мадам Луны. Раз уж вы отправляетесь на Землю-1, вашему телу не помешают некоторые... усовершенствования.

Шарлотта Вильерс встала, опустила вуаль и поправила шляпку перед каминным зеркалом.

— Полицейские заберут вас ровно в пять. Они постараются убедить миссис Брейден, что вам ничего не угрожает. Вы вернетесь, как только завершите миссию. Пожалуйста, поблагодарите миссис Брейден за гостеприимство и посоветуйте ей держать дома «Дарджилинг», на всякий случай. Счастливо оставаться, Эверетт, и не подводите нас больше.

Он резко подскочил на месте, ничего не соображая со сна. Что, где? Где: в его собственном гамаке, который мерно раскачивался в такт колебаниям «Эвернесс». Что: крик. Тихое хныканье перешло в полный ужаса вопль. В первое мгновение Эверетт решил, что вопль исходит из его глотки. Он ошибался, прерывистое бормотание доносилось из соседней лэтти. Эверетт закутался в одеяло и постучал.

— Сен.

— Что?

— Как ты?

— Уходи.

— Не спишь?

— Все нормально.

— Мне показалось...

— Повторяю, все нормально.

Эверетт стоял, прижавшись лбом к карбоволокну. Дверь не была заперта.

— Ничего не нормально.

Сен сидела, закутавшись в одеяло, и выглядела очень маленькой при тусклом ночном освещении. В ее расширившихся глазах застыл ужас. В лэтти царил привычный беспорядок: груды мятой одежды вперемешку с проводами и бумажными клочками — набросками новых карт. Сен, словно тисками, сжимала в ладонях колоду. Ее любимцы — голые до пояса игроки в регби — хмуро смотрели с плакатов, кое-как прилепленных к стене. Пахло девичьим потом, застиранными простынями и мускусом — фирменным ароматом Сен.

— Что случилось?

Она казалась такой крошечной, что Эверетту захотелось обхватить ее руками за плечи, но он не решился.

— Мне приснился сон, понял? Миизи. — Сен вздрогнула, но виной тому был не холод, просочившийся из гулкого пространства дирижабля в теплую маленькую лэтти. — Я не хочу туда снова. Ни за что. Побудь со мной, Эверетт Сингх, чтобы я не заснула.

Эверетт заскочил к себе, прихватил одеяло и последний бумажный кулек манной халвы. Вместе с его фирменным горячим шоколадом халва безотказно поднимала моральный дух капитана Анастасии. Не мешало проверить, падка ли на халву ее приемная дочь.

Сен повела его в грузовой отсек. Из рта Эверетта шел пар. Со шпангоутов капал конденсат. Сен повернула циферблат на запястье. Платформа под ними накренилась и мягко поехала вниз. От холода у Эверетта захватило дух. Снаружи было темно, хоть глаз коли. Пока Эверетт опускался, ему казалось, что звезды вокруг него сияют, словно нимб. Сен остановила снижение.

— Садись. — Закутавшись в простыни и одеяла, она уселась на самом краю, болтая ногами в пустоте. — У тебя есть свое место, Эверетт Сингх?

— Место?

Сен похлопала ладонью рядом с собой. Эверетт сел и с опаской вытянул ноги над бездной. Звезды потрясали. Никогда раньше, даже в Пенджабе, когда они с Теджендрой гостили у родственников, он не видел таких темных небес.

— Твое место.

— Есть, но не здесь.

Горло сдавило. Душ — под льющейся сверху теплой водой в голову приходили самые светлые идеи; угол в саду, на самом солнцепеке, где можно было весь день болтаться в одних шортах с газировкой в руке; письменный стол напротив окна, откуда видна улица напротив... Ничего не осталось. Все отнял тот, кто выглядел как он, говорил как он, пах как он. А еще любил то, что любил он, смеялся над тем, над чем смеялся он, знал то, что знает он. И все-таки это был не он.

— Дом.

— Ясно...

Эверетту хотелось, чтобы его ответ прозвучал равнодушно, но нельзя потерять дом и семью, потерять целый мир, и унять дрожь в голосе, отвечая на такой вопрос.

— А это мое место, — сказала Сен, болтая ногами в воздухе. — Мне нравится, когда внизу пустота. Нравится чувствовать себя ничем не связанной, свободной от гравитации. Тут хорошо думать. Я слышала их, Эверетт Сингх. Тех людей в башне. Прямо в моей

комнате, они звали меня по имени, и был один голос, один из многих, и... я поняла, откуда они знают мое имя.

— Они далеко, Сен, между нами много миль.

Капитан Анастасия не меняла курса, пока черная башня не осталась далеко за горизонтом. И даже тогда она упрямо гнала корабль над безлюдной равниной. Они остановились, только когда Макхинлит потребовал, чтобы капитан пришвартовалась там, где можно стянуть немного энергии. Земля, что простиралась внизу, звалась Оксфордширом.

— Я была внутри, Эверетт. Поэтому они знают мое имя. Помнишь, ты сказал, что в других мирах есть мои двойники. А я стала спорить, что все это выдумки и я такая одна. Теперь я знаю, что ошибалась. Я слышала ее, Эверетт. Она там, внутри, она не может оттуда выбраться. И поэтому хочет умереть. Но и умереть она не может.

— Это был сон, Сен.

— Никакой это не сон! Ты видел лица, слышал голоса! Она там. Она — это я.

Сен закусила губу.

Эверетт выпростал из-под одеяла кулек с халвой.

— На, возьми, сам делал. Фисташки и кардамон.

Он зашуршал бумагой. Шуршание бумаги — самый дурацкий звук во вселенной. На мгновение темнота и безумие отодвинулись дальше.

— Эвереттова халва...

Сен отломил кусочек, но есть не стала.

— Я слышала еще кое-что. Тебя, Эверетт.

Он вздрогнул, и виной тому был не холод зимней ночи.

— Вот почему они закрыли этот мир на карантин, — промолвила Сен. — Как думаешь, тут кто-нибудь остался? Я боюсь, что если мы задержимся здесь, то рано или поздно окажемся внутри башни, и я буду так же кричать рядом с той, другой я!

— Не говори так.

— Зачем ты притащил нас сюда? — гнев зазвенел в голосе Сен, словно плеть. Эверетт знал, что никогда не привыкнет к резким стенам ее настроения. — Я ненавижу этот мир и боюсь его. Что мы здесь делаем?

— Я обещаю, надолго мы не задержимся.

— Того, что ты ищешь, здесь нет! Здесь нет ничего.

Как обычно, Сен озвучила страхи, терзавшие самого Эверетта.

— Есть. Должно быть.

— Как бы не так, Эверетт Сингх. — Сен откусила кусочек халвы, пожевала и скорчила гримасу. — Вкус не тот.

— Я всегда делаю халву одинаково.

— Ошибаешься. Вкус, он как оми со всем, что намешано в его голове. Так и ты намешал сюда того, чего боишься и что не можешь изменить. Намешал того, что горчит.

Сен подбросила остатки халвы в воздух.

— Прости, Эверетт.

— Он с моей семьей. С мамой и Виктори-Роуз.

Сен молчала. Конденсат на платформе начал замерзать.

— Он — это я, — сказал Эверетт. — Они что-то с ним сделали, обратив в моего злейшего врага. Что они сказали ему, как убедили? Нигде в Пленитуде люди не бывают такими от рождения. А моя мама, Виктори-Роуз, мои родные и друзья думают, что это я. Они считают, что я вернулся. А он просто пришел и отобрал мою жизнь. Всю без остатка. А кроме того, там, на кладбище, он победил нас.

— Вот еще! Это ты его обдурил. Бона трюк! Кто бы мог подумать, что ты откроешь портал прямо в рубке! Фантабулоза.

— И все-таки он победил, Сен. Я пришел за мамой и сестрой. Он знал, что я приду. Откуда? Потому что он — это я. Он поступил бы так же. Я пришел за ними, а ушел с пустыми руками. И теперь они не дадут маме и Виктори-Роуз жить спокойно. А знаешь, Сен, он не особенно старался. Ему ничего не стоит стереть с лица земли весь Стоуки. Он сделает нас одной левой.

Эверетт ощущал тепло и тяжесть Сен, ее волосы щекотали лицо.

— Я никогда об этом не думала. Не думала, что значит быть тобой. Странником между мирами. Раз — и в дамках, невероятно круто и все такое, но у меня всегда был корабль, мама, команда. Семья.

— Я верну их, — голос Эверетта окреп. — Всех. Маму, папу, всех. Ты спрашиваешь, зачем я вас сюда притащил? Потому что здесь все началось. Хватит убегать, хватит прятаться от дирижаблей, истребителей, Шарлотты Вильерс и моего двойника-убийцы. Мы

найдем то, что я ищу, и больше никогда не будем ни от кого убегать. Мы дадим им отпор.

— Больше нет халвы, Эверетт Сингх? — спросила Сен.

Он протянул ей кулек. Сен откусила и одобрительно кивнула.

— Видно, попался плохой кусок, зато этот бона. — Она встала и запахнула одеяло. — На твоём месте, Эверетт Сингх, я бы не расслаживалась, если не хочешь оставить на платформе свои дилли-долли ножки.

Люк начал закрываться. Эверетт подтянул ноги. Громкий лязг — и ночь, звезды и холод остались снаружи.

— Ты идешь? — окликнул ее Эверетт с винтовой лестницы.

— Ты иди, я скоро, — отозвалась Сен снизу.

— Сен, это был всего лишь сон.

— Нет, не сон. И я не хочу, чтобы он снова мне приснился. Иногда я остаюсь в трюме на ночь. Просыпаешься в Амексике, а щека нагрелась от обшивки, пахнет зеленью и океаном. Остайся со мной, Эверетт Сингх.

— Что?

— Ты не думай, я не стану к тебе приставать. Просто ляжем рядом. Не хочу возвращаться к себе. Не хочу оставаться одна.

Сен свернулась калачиком на полу, словно котенок.

— Я замерзла, Эверетт Сингх.

Эверетт осторожно опустился рядом и накинул на нее свое одеяло. Сен была права: вдвоем теплей и уютней. Он прижался к ней, гадая, правильно ли поступает, и что вообще правильно внутри «Эвернесс», одинокого дирижабля, затерянного на чужой враждебной территории. Но мир «Эвенесс» был единственным, доступным ему здесь и сейчас, и его правила лежали прямо перед ним. Он обвил рукой плечи Сен.

— Эверетт Сингх?

— Что? — Эверетт отдернул руку, словно его укусила змея.

— Когда ты постучался...

— Да.

— Когда ты слышал...

— Да, ты...

— Заткнись, Эверетт Сингх, и запомни: ты больше никогда этого не услышишь. Никогда и ни за что.

После ночи на жестком полу тело онемело. Проснувшись, Эверетт сначала не мог вспомнить, где находится, потом — как сюда попал. Затем вспомнил все разом: Сен болтает ногами над бездной, кусочек халвы падает во тьму; Сен кричит посреди ночи, Сен свернулась у него под боком, словно котенок.

Она ушла, и Эверетт продрог. Он вскочил на ноги — суставы скрипели, голова болела. У него еще ни разу в жизни не болела голова. Прогоняя остатки сна, Эверетт протер глаза и заметил Макхинлита, который удивленно разглядывал его поверх кружки с чаем. Механик налил вторую кружку и кивнул Эверетту.

— Давно ты здесь? — спросил Эверетт.

Крепкий чай обжигал нёбо. Эверетт сжал окоченевшими ладонями кружку с «Тоттенхем троджнс».

— Порядочно, — ответил Макхинлит.

— Ей приснился дурной сон. Она не хотела оставаться одна, боялась возвращаться в лэtti.

— Мне-то не рассказывай! Эта палоне чуток многовато о себе мнит, потому что мы команда, а не семья. Все ей кажется, будто она старше, чем на самом деле. Думает, будто сама со всем справится. Как бы не так! Вот мы все за ней и приглядываем. Саби, мистер Сингх?

Порывшись в одеяле, Макхинлит швырнул через верстак гаечный ключ.

— Раз уж забрел сюда, не поможешь маленько с электричеством? Может, на что сгодишься.

Однако клевавшему носом Эверетту никак не удавалось продемонстрировать свою полезность. Скорее наоборот. День выдался солнечный, а он был хмур, небо сияло чистотой, а его голова гудела, легкий морозец бодрил, а Эверетт засыпал на ходу. Когда он в третий раз уронил ключ, Макхинлит не выдержал:

— Ну и дырявые у тебя руки, малый! А ну-ка клади ключ на место и валяй, проветришься, походи по твердой земельке. Проку от тебя сегодня все равно ноль.

Еще одна фигура мелькнула в отверстии загрузочного люка, взметнулись полы длинного плаща, качнулось перо на шляпе: Майлз О'Рейли Лафайет Шарки собственной персоной.

— Принеси на обед чего-нибудь посытнее, — крикнул ему вслед Макхинлит, — а то подустал я маленько от сааг чанна, не в обиду кой-кому будет сказано.

Шарки легко спрыгнул на землю, отбросил трос, одним движением выхватил дробовик и бросил Эверетту.

— Не впервой с таким управляться?

Эверетт ловко поймал дробовик — разве мог он допустить, чтобы Шарки держал его за растяпу? — заправски передернул затвор и изящно разместил на стиге руки, словно какой-нибудь Винни Джонс из фильма «Карты, деньги, два ствола».

Шарки коснулся края шляпы.

— Ваша расторопность на кухне выше всяких похвал, сэр. Ибо сказано: «И дочерей ваших возьмет, чтобы они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы». Однако мои воззрения на этот предмет таковы: не называйте себя настоящим поваром, пока не приготовите то, что убили своими руками. Мужскую еду. А теперь на охоту!

Вдоль хребта в ряд высились ветряки. Кучки известняка белели посреди дерна рядом с кроличьими норами. Тощие овцы разбегались при виде Шарки. Ветер, за которым охотились лопасти ветряков, разогнал дрему. День выдался погожий, местность просматривалась на мили вперед. Длинный хребет переходил в поросшую кустарником равнину. На юг тянулись параллельные гряды холмов, на север простирались фермерские земли — или то, что от них осталось. Очертания полей еще просматривались, однако изгороди заросли дерном, а открытые пространства покрывал слой прошлогодней жухлой травы. Над заброшенными садами возвышались трубы и крыши. Некоторые крыши провалились, являя взгляду бревна перекрытий, словно ребра гниющего скелета. Вокруг стояла мертвая тишина: ни рева моторов с шоссе, что вилось вдоль холмов, ни пыхтения тракторов, ни мычания коров, лишь над головой свистел ветер в лопастях ветряков да каркали вороны.

— Кролик, — сказал Эверетт. Ярдах в двадцати кроличий дозорный потягивал носом воздух под бетонной опорой ветряка.

— Моя душа жаждет чего-нибудь более изысканного, — молвил Шарки. — Сюда.

По овечьей тропе они спустился в узкую долину. Шагах в двадцати обзор загораживали старые кусты и побеги сикомор. Их сучья торчали на фоне ясного январского неба. Шарки поднял руку, и Эверетт замер. Американец знаком велел ему оставаться на месте. В спутанных ветках мастер-весовщик заметил что-то, чего Эверетт не видел, как ни всматривался. Шарки поднял короткостволку и шагнул вперед. Что-то рванулось вверх у него из-под ног и закружилось над головой. Шарки дважды выстрелил, и на Эверетта обрушился душ из перьев. Шарки осклабился. Дымок еще висел над стволами.

— Вот такая манджарри мне по вкусу, — заметил Шарки. — Принесите, мистер Сингх.

Эверетт нашел птицу в кустах, где пышная зелень влажной низины уступала место тощей растительности холмов. Грудку фазана разнесло дробью, тельце обвисло, но еще хранило тепло и сочилось кровью. Перед тем, как засунуть птицу в карман своего необъятного плаща, Шарки внимательно осмотрел ее и остался доволен.

— У моего отца была одна теория, скорее, философия, или жизненное правило. Когда мы росли, мы ели только то, что отец убил собственными руками. А когда стали взрослыми — лишь то, что убивали сами. Все Лафайет Шарки рождались с удочками в руках, а как только переставали ходить под стол пешком, начинали охотиться. Добывали и готовили все, что летало, кралось или плыло. Отец верил, что, забирая жизнь живого существа ради его мяса, ты должен быть готов отдать свою. А если ту покупаешь мясо в лавке, это не просто позор для бессловесного создания, чью жизнь отобрали, чтобы ты набил свою утробу, а элементарная трусость.

— Мы часто готовили вместе с отцом, — сказал Эверетт.

— Мужчина должен уметь прокормить себя и друзей.

— Я готовил мидии. Мелко режешь и слегка припускаешь в сливочном масле лук-шалот, добавляешь чеснок и вино, опускаешь мидии, а они только что не пицат. Когда створки откроются, блюдо готово.

— Вы схватили суть, мистер Сингх, — улыбнулся Шарки.

— Еще я думаю, что, если ты что-то убил, ты обязан это съесть. Еще позорнее убивать ради убийства.

— Немало живых существ убивают ради убийства, — заметил Шарки и перезарядил дробовик.

Солнце стояло в зените зимнего дня. Шарки и Эверетт спускались в долину. Трижды Шарки останавливался и поднимал руку, ощущая чье-то присутствие в кустах, но больше не выстрелил.

— Шарки, тогда в Германии вы и впрямь были готовы сдать меня кьяппам?

— Да, мистер Сингх. Полагаю, мне давно следовало объясниться. Я — нехороший человек. Никогда не был хорошим, никогда им не стану, несмотря на слово Господа на моих устах и в сердце моем. Я творил дурные дела, мистер Сингх. Бесстыдные, ужасные. Майлз О'Рейли Лафайет Шарки, мастер-весовщик, солдат удачи, авантюрист и джентльмен. В каждой из этих ипостасей я грешил и предавал. Моя душа проклята, а сам я принужден бродить по свету, без надежды и дома. «Блуждающие звезды, для кого сберегли эту тьму, этот мрак».

— Я слышал, вы убили своего отца, потому что он ударил вашу мать.

— Где слышали?

— Сен сказала.

— Половине из того, о чем болтает эта палоне, не стоит доверять. «Которых уста говорят суетное, и которых десница — десница лжи». Главное понять, какой именно половине. Нет, мистер Сингх, есть немало грехов, которые могут отвести от родного очага. Я слишком долго бродил по свету, и мне уже поздно возвращаться домой. Капитан Сиксмит подобрала меня на улицах древнего Стамбула — солдата удачи, свободного художника, жадного до денег — и дала мне дом и надежду. Этот летучий корабль — лучшее, что уготовано для меня под небесами. За неимением остального я верен ему и никому не позволю его погубить. Я пойду на все, лишь бы он, как прежде, свободно парил в вышине. Это мой долг, моя амрийя, как говорят эти люди. Так что без обид, мистер Сингх.

— Без обид, мистер Шарки.

«Ты без колебаний предашь меня снова, — подумал Эверетт. — Сейчас я могу расслабиться, потому что опасность угрожает всей команде, но если придется выбирать между мной и дирижаблем, ты легко мной пожертвуешь. Без всякой личной неприязни. Просто поступишь в соответствии с твоим представлением о южной чести».

— Ш-ш-ш, — Шарки поднял руку.

Они вышли на дорогу, из-за разросшихся деревьев напоминавшую туннель. Шарки перемахнул через покосившуюся изгородь.

— Заяц.

— Где? — прошептал Эверетт.

— Здесь.

Эверетт проследил взглядом за пальцем Шарки. И впрямь заяц. Косой стоял на задних лапах, с подозрением вглядываясь в прищельцев, на дальнем краю поля.

— Отсюда из дробовика не достать, — заметил Эверетт.

— «Как утренняя заря — явление его».

Убрав дробовик, Шарки вытащил из потайного кармана изящный револьвер, отделанный серебром. Из другого кармана он достал длинный металлический штырь, который прикрутил к стволу. Коробка из-под сигар пряталась в браконьерском кармане, где раньше скрылся фазан. Один поворот — и коробка обратилась ружейным ложем. Шарки со щелчком соединил части, и у него в руках оказалось бижу ружьецо.

— Работа Эйзенбаха из Мюнхена. Лучший ружейный мастер в мире, да что там, во всех известных мирах.

Шарки, не торопясь, прицелился. Раздался выстрел. Заяц замертво рухнул в траву. «Оружейная пуля летит быстрее звука», — подумал Эверетт. Заяц не успел услышать звук выстрела, который убил его. Эверетт подобрал мертвого зверька. Мгновение прошло между жизнью и смертью. Эверетт увидел это мгновение, крохотное содрогание, последний рывок жизни, которую точный выстрел Шарки вышиб из заячьей головы. Бедняга просто не успел ничего понять. Смерть нельзя понять. Смерть — это отсутствие, пустота. Был — и нету.

Тушка еще хранила тепло, мех ласкал пальцы, кровь стекала на ладони. Отец Шарки прав. В его философии таился глубокий смысл: ешь только то, что готов убить собственными руками.

— Никогда не готовил зайца, — сказал Эверетт.

Тишина внушала ужас. Его голос прозвучал громко и фальшиво, будто оскорбляя каждое растение, облако и живое существо в округе. Двумя ловкими движениям ножа Шарки мастерски разделал тушку.

— Повисит пару дней и будет самое бона.

Шарки двинулся дальше, к заброшенному фермерскому дому, скрытому в непроходимых зарослях.

— Неплохо бы разжиться какой-нибудь дичью. У нас на Юге любят курятину.

Тихий низкий звук летел над покинутой Англией: лопасти ветряков со свистом рубили воздух. Эверетт поднял глаза. На миг ему показалось, что под брюхом «Эвернесс» что-то движется. Он помахал рукой, хотя Макхинлит вряд ли увидит его на таком расстоянии. Дирижабль нависал над холмами подобно дождевой туче.

— Не отставайте, мистер Сингх.

Коттедж был из тех, что сдаются на лето. В высокой траве пряталась мертвая «Ауди». Ветер поначалу робко отрывал от крыши куски черепицы, потом разошелся и за несколько зим довершил задуманное. Казалось, что на чердаке идет ремонт: со стен свисали обои, на столы и кресла осыпалась штукатурка. Стекла в окнах давно вылетели, и выцветшие занавески шевелил ветер. Пахло плесенью и гниющей шерстью ковров. Лужайки превратились в непроходимые джунгли. Что-то синее, раздувшееся и очень-очень мертвое плавало в заваленном листьями бассейне.

— Непохоже, чтобы тут водились куры, — заметил Шарки.

Они двигались резко. Они двигались быстро. Они неожиданно выскочили из-за угла. Эверетт заметил три темных, низко скользящих над землей тени, и тут же рядом прогремел выстрел Шарки. Дальше Эверетт действовал, не рассуждая. Передернуть затвор, снять с предохранителя, прицелиться, нажать на курок. Отдача едва не сшибла его с ног, но дробь отбросила нападавшего назад. Оставшиеся двое приближались. Эверетт замешкался. Шарки выхватил дробовик. Два резких хлопка подняли с деревьев стаи птиц.

— Как дела, мистер Сингх?

— Нормально.

Он стрелял, он убил. Убил, не задумываясь.

— Хороший выстрел, сэр.

Эверетт приблизился, чтобы рассмотреть, кого он убил. На близкой дистанции дробовик — устрашающее оружие, поэтому тела были сильно изувечены, но, по крайней мере, принадлежали существам из плоти и крови. Собакам, жилистым, оборванным и голодным. Лисья морда одной напоминала терьера, уши другой

выдавали овчарку. Третья, крупнее прочих, судя по кучерявой шерсти и висячим ушам, при жизни была пуделем. Впрочем, все трое гораздо больше походили на своих предков — волков.

Черная жидкость, сочившаяся из глаз, ушей и ноздрей терьера, образовала лужицу. Лужица двигалась, бурлила, словно рой насекомых, на глазах меняя форму. Это была не кровь. Эверетт отступил назад. Теперь жидкость вытекала из-других собак, очень осмысленно сливаясь в один поток. Вскоре озерцо кипящей черноты окружило труп терьера.

— Назад, мистер Сингх, — сказал Шарки. Эверетт отступил от копошащейся черной массы. — Сможете перезарядить?

— Смогу, сэр.

— Так не медлите!

Эверетт вставил патроны в патронник. Шарки держал оружие наготове в обеих руках. Теперь поверхность озерца бурлила, образуя объемные формы: крохотные ладошки, лисьи головы, птичьи крылья, открытые пасти. Жидкость, задрожав, приняла форму собачьей морды — и снова растеклась по земле. И снова приняла форму: волк, пес из ада, черный, громадный, готовый пожрать все на своем пути.

— «И на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным».

Шарки выстрелил, Эверетт замешкался лишь на мгновение. Пес взорвался фонтаном брызг. Теперь чернота капала с веток, пятнала фасад дома, стекала ручьями с брошенной «Ауди».

— «И очистит сынов Левия, и переплавит их как золото, и как серебро».

Капли сливались в ручьи, ручьи — в потоки, потоки устремлялись к мертвому терьеру. Поверхность лужи пузырилась, по ней пробегали волны, затем чернота вздрогнула и вытолкнула из себя адского пса.

— Отходи, Эверетт, я прикрою, — сказал Шарки. — Следи, чтобы я оставался между тобой и этой мерзостью. И не спускай с нее глаз.

Адский пес выпрямился. Шерсть встала дыбом, с черных клыков капала черная жидкость. Его рычание походило на треск разрываемой мертвой плоти.

— Не делайте резких движений, мистер Сингх. Убить я его не убью, но спокойно разгуливать не дам. Сколько у вас патронов?

— Четыре.

— У меня столько же, плюс то, что осталось в револьвере.

Немного, подумал Эверетт. Адский пес припал к земле, лапы напряглись перед прыжком.

— По моей команде беги. Беги, словно за твоей душой гонятся черти всех девяти миров!

— Но, Шарки...

— Только ты вытащишь дирижабль из этого проклятого места!

Адский пес прыгнул. Казалось, он заполнил собой все небо. Прыгнул и завис в воздухе. Эверетт знал, что Шарки обречен, и сам он обречен, и их гибель хуже смерти. Чернота поглотит и переварит их в своей утробе, как тех собак.

Резкий скрежет заставил его рухнуть на колени и прижать ладони к ушам. Адский пес взорвался и ливнем обрушился на плитки, двора.

Воздух сгустился, из него выступили фигуры в шлемах и медно-красных боевых скафандрах. Шестеро солдат окружили Шарки и Эверетта. Шарки отшвырнул дробовик и револьвер и поднял руки, кивком головы призывая Эверетта последовать своему примеру.

Двое солдат обследовали черные пятна. Один держал в руке какой-то прибор, другой целился в черную лужу из странного оружия, подобного которому Эверетту видеть не доводилось.

— Нулевая активность, мэм, — отрапортовал солдат со сканером. — Мертв, и надолго.

Второй солдат перекинул странное оружие на ремне через плечо.

Стоявший ближе всех солдат коснулся ворота, и шлем раскрылся, словно ротовой аппарат насекомого. Женщина, слегка за тридцать, широкое лицо, светлые волосы, черные у корней. Такую ожидаешь встретить у ворот начальной школы, на парковке супермаркета, но никак не в полном боевом снаряжении на заднем дворе деревенского дома. Особенно, если перед этим она разнесла на мелкие кусочки зловещую черную субстанцию, поглощающую души.

— Лейтенант Елена Кастинидис, двадцать седьмой отряд Эгистрии, округ Оксфорд, — произнесла крашеная блондинка. — Вы арестованы.

Эверетт сидел на каменном подоконнике средневекового окна и смотрел вниз на четырехугольник двора. Вечер протянул длинные тени от массивных стволов Феллоуз-гарденс через аккуратно постриженную лужайку и ровные дорожки. Последний солнечный луч коснулся шпиля и башен там, где колледж выходил на церковь Сен-Джайлз. В сумерках стало виднее защитное поле, полыхающее, словно северное сияние.

— Привет, пап, — прошептал Эверетт. — Вот я и в Оксфорде.

Церемониться с арестованными лейтенант Елена Кастинидис не собиралась.

— Раздевайтесь, — приказала она.

— Что? — удивился Эверетт.

— Раздевайтесь.

Ее тон не оставлял сомнений: больше лейтенант повторять не станет. Солдаты окружали Эверетта со всех сторон, ему оставалось лишь отвернуться от их командира. Шарки уже снял шляпу и приготовился скинуть плащ.

— «Блажен бедствующий и хранящий одежду свою, чтобы не ходить ему нагим, и чтобы не увидели срамоты его», — процитировал старший помощник.

Куртка, рубашка, шорты, злодейские сапоги из «Бона шмотка», леггинсы. Эверетт стоял в трусах, дрожа на пронизывающем ветру.

— Догола, — сказала лейтенант.

— Это называется совращением малолетних.

Солдаты загоготали.

— Снимайте по-хорошему, или придется вам помочь.

Лейтенант Кастинидис выдернула из-под пояса нож военного образца. Эверетт просунул большие пальцы под резинку, стащил трусы вниз и шагнул вперед. Он стоял голый и беззащитный, испытывая знакомый по школьной раздевалке ужас. Буйные сверстники, которые не стеснялись разгуливать нагишом, стегать друг друга полотенцами, с гиканьем запрыгивать на плечи, валить на пол и

возиться там, утробно хохоча и норовя дернуть приятеля за сосок. Душевые кабинки, где лучше стоять лицом к кафелю, чтобы то, чего стыдишься, не заметил сосед. Стоять и мучительно гадать, куда они спрятали твою одежду.

— Руки за голову.

Эверетт сцепил ладони на затылке. Солдат медленно и сосредоточенно водил сканером вдоль его тела, от мизинцев ног до макушки. Все это время второй держал свое странное оружие в двадцати сантиметрах от его носа. Эверетт старательно избегал взгляда за стеклом шлема. Затем сканер тщательно исследовал его одежду и обувь. Эверетт стоял, почти не дыша.

— Чисто. Никаких Нано.

Солдат опустил оружие и со щелчком закрепил в держателе на спине. Что за «нано»? Наан? Как пенджабский хлеб?

— Можете одеваться, — сказала лейтенант.

Эверетта не пришлось долго упрашивать. Он рывком натянул одежду, затем, прыгая на одной ноге, с трудом втиснул окоченевшие ноги в сапоги. Когда он расправлял бахрому на шикарней, напоминающей драгунский мундир куртке, руки дрожали. Оглянувшись на Шарки, Эверетт увидел, что тот уже облачается в плащ. Двое других солдат продолжали держать их обоих на мушке. Шарки надел шляпу, тщательно и неторопливо расправил перо и подтянул манжеты. К нему вернулось прежнее достоинство. Всегда сохранять невозмутимость под огнем неприятеля. Эверетт позавидовал такому хладнокровию — его самого душили стыд и гнев. Натянув на голову капюшон, он набросился на лейтенанта Кастинидис:

— Что это значит? Кто вы такие, черт побери?

Гнев Эверетта произвел на лейтенанта не большее впечатление, чем февральская морось.

— Вопросы тут задаю я, сынок. Я спрашиваю, ты отвечаешь. Грузовой дирижабль восемьдесят восьмого класса с Земли-3 над Астон-хилл.

— Видите ли...

— Наши радары засекли вас, как только вы сунулись на северо-восток Лондона. Мне нужно поговорить с вашим капитаном. Дайте ему знать.

— Ей, — поправил Шарки. — Капитану Анастасии Сиксмит.

Слова Шарки не произвели на лейтенанта никакого впечатления.
— Уходим.

Черные пятна на мощеных плитках двора солдаты осторожно обходили. Эверетт заметил, что Шарки оставил зайца и фазана на капоте брошенной машины. Добыча уже не внушала желания попробовать ее на вкус.

Капитан Анастасия была буквально в ярости. Она злилась на Шарки за то, что он позволил захватить себя в плен. Злилась на Шарки и Эверетта — за то, что привели на корабль кяппов. Злилась на вооруженных незнакомцев, которые держали на мушке ее команду и ее дочь. Злилась, что кто-то смеет командовать на ее собственном капитанском мостике. Но больше всего капитана Анастасию злило, что этот кто-то — женщина.

— Туда! — Лейтенант Елена Кастинидис коснулась открытого стекла шлема, и цифры сбежали вдоль пальцев в ладонь. Ничего себе, подумал Эверетт.

— Выполняй, — буркнула капитан Анастасия. Сен не двигалась с места. — Выполняй! — рявкнула капитан.

Сен налегла на рычаги. «Эвернесс» задрожала.

Лейтенант Кастинидис склонилась над рабочим столом Эверетта.

— Эту штуку я знаю, — она постучала по прыгольверу. — А вот эту вижу впервые. — Лейтенант ткнула в планшетник.

— Не трогайте, это мое! — вспыхнул Эверетт и тут же об этом пожалел.

«Лейтенант с первого взгляда узнала прыгольвер! Инстинкт не обманул меня, — подумал Эверетт. — Инстинкт никогда меня не обманывал».

— Я трогаю то, что считаю нужным, сынок.

Наверное, дело в униформе. Ли-Леанна-Леона и Усатый Миллиган так же вызывающе вели себя на кухне его матери. Нет, униформа ни при чем. Все кяппы одинаковы. Эверетт поймал себя на том, что начинает думать, как настоящий аэриш.

— Не стесняйтесь, ошибетесь клавишей, и окажемся где-нибудь на просторах Паноплии.

Наглая ложь. Портал открывался с пульта управления, доступ защищал пароль, но откуда было знать об этом лейтенанту

Кастинидис? Женщина отпрянула от стола и раздраженно уставилась на Эверетта.

— А вы кто такой?

— Эверетт Сингх, навигатор.

Он вспомнил, с какой гордостью Сен представилась пилотом «Эвернесс». Теперь Эверетт понимал ее чувства. Хотя какая-то компенсация за унижение во дворе заброшенной фермы. Сен бросила на него лукавый взгляд поверх рычагов. Бона оми.

Лейтенант Кастинидис подошла к большому обзорному окну и встала, сцепив руки за спиной. Эверетт заметил, как Шарки передернуло. Это место принадлежало капитану и хозяйке «Эвернесс». Дирижабль летел низко, в двухстах метрах над разоренной землей. Шоссе, заводы, деревни и поместья были отданы во власть природы. В мертвых окнах отражалось солнце.

У Эверетта захватило дух. На горизонте, словно северное сияние, переливался тусклый занавес. Он походил на бледную молнию, что протянулась через все небо, образовав сияющие столбы, почти незаметные на фоне заката.

— Что это?

— Оксфордское защитное поле, — ответила лейтенант Кастинидис. — До сих пор Нано не удалось проникнуть внутрь. С последней массовой атаки прошло больше года.

— Нано. Я уже слышал это слово.

— И еще не раз услышишь, сынок.

Лейтенант Кастинидис коснулась панели на грудной пластине.

— Двадцать седьмой отряд вызывает защитное поле. Мы подлетаем. Видите нас на радарах? — Пауза. — Да, дирижабль.

Теперь Эверетт разглядел за переливающимся занавесом город: низкое солнце освещало башни и шпили, крытые галереи и парки, отражаясь в реках, текущих навстречу друг другу.

— Малый вперед! — скомандовала капитан Анастасия, словно напоминая, кто здесь хозяйка.

Сен потянула рычаги на себя. «Эвернесс» медленно поплыла над безлюдными пригородами и ветшающими домами, приближаясь к городу с юго-востока, со стороны Темзы и лугов вокруг Крайсчерч-колледж. Впереди, словно жирная пленка на воде, переливалось защитное поле. Снаружи поля дома торчали, словно стиснутые гнилые

зубы, осколки черепов и костей. Внутри кипела жизнь; над деревьями возвышались ветряки, у их опор поедали скудную зимнюю растительность коровы; мелькали автомобили, пешеходы, велосипедисты; в окнах зажигали огни. С внешней стороны поле окружало черное кольцо замороженной жидкости. Эверетт уже видел сегодня такие же застывшие брызги на плитках во дворе фермы.

— ЭМП, — произнес Эверетт.

— Объясните, мистер Сингх, — потребовала капитан Анастасия. «Эвернесс» подплыла совсем близко к переливающемуся занавесу.

— Электромагнитное поле уничтожает данные компью... компутаторов. Оно может повредить... — Эверетт прикусил язык.

— Что повредить, сынок? — спросила лейтенант Кастинидис. Кивком головы она велела одному из солдат встать между Эвереттом и «Доктором Квантумом». Другой ловко выдернул Инфундибулум из розетки.

— Нет! — воскликнул Эверетт.

Шарки вскочил с места. Клик-клик-клик. Оружие к бою. Лейтенант Кастинидис вертела в руках планшетник и говорила в тыльную сторону запястья:

— Мы на месте, выключайте поле.

Стена мягкого света вспыхнула и погасла. Взглянув вниз, Эверетт увидел, как солдаты в боевом снаряжении выстроились вдоль границы, обозначенной черными кляксами. «Эвернесс» мягко заскользила над колледжами Оксфорда. Этот город всегда казался Эверетту доской для некоей сложной интеллектуальной игры; квадратные дворики, галереи, стены колледжей. Здешняя архитектура мало отличалась от архитектуры Оксфорда в его мире, но расположение колледжей было иным, а некоторых в его мире и вовсе не было. Сен вела дирижабль над куполом Рэдклифф-камеры, вдоль Броуд-стрит и тихих садилов к месту стоянки на Музейной улице.

— Готово, — сказал Шарки.

Лейтенант Кастинидис коснулась тыльной стороны ладони. Защитное поле за кормой дирижабля вновь ожило, призрачная стена перерезала пастбища и голые деревья напополам.

Эверетт подошел к мониторам, дал максимальное увеличение и пристально всмотрелся в черноту, прилипшую к защитной решетке, словно зимняя слякоть. Зона брызг; адский пес, обращенный в черную

жижу странным оружием, вероятно, сфокусированной версией защитного поля; бурлящая масса, стянутая злобной волной к ужасной черной башне. Одно к одному.

— Нано, — прошептал он. — Ну конечно! Нанотехнологии.

Солнце село. Навигационные огни «Эвернесс» вспыхивали над крышей часовни на фоне мерцающего защитного поля. Темнеющее небо за башнями, шпилями и крышами колледжей зажглось холодным огнем. И все же этот пустой, охваченный злобой мир, этот университетский город были прекрасны, словно последний отсвет молнии в грозу или одинокий голос, поющий во тьме.

Кембридж славится научными достижениями, но Теджендру отправили в Оксфорд. Он был гордостью семейства. Вы знаете, наш сын учится в лучшем университете мира! Сингх, мальчишка из пенджабской деревни, физик в Оксфорде! Неважно, что они не понимали, чем парень там занимался; важно где. И хотя впоследствии пути Теджендры и Оксфорда разошлись, для бебе Аджит и ее сестер учеба любимого сына и племянника в Оксфорде оставалась предметом гордости, а разочарование, что Теджендра не стал тамошним профессором, со временем сменилось надеждой, что сын пойдет дальше отца. Два Сингха в Оксфорде! Эту новость кумушки из пенджабской общины Тоттенхема готовы были обсуждать до скончания века.

И вот он здесь, второй Сингх. Смотрит из окна средневековой комнаты колледжа на прямоугольник двора. Вот только двор и колледж — не те, где учился Теджендра, а дверь закрыта на ключ.

Эверетт подошел к двери и потряс ее. Древний дуб, укрепленный снаружи. Посидите тут, пока у префекта не дойдут до вас руки, сказала на прощание Елена Кастинидис. Старинная комната, очень уютная, правда, немного похожа на учебную аудиторию. Эверетт со всей дури заехал по двери ногой, но силы были неравны: пятисотлетний дуб мог причинить ему куда больший ущерб.

За спиной раздался стук, и Эверетт резко обернулся. В окне, обрамленном двойной аркой, вниз головой висела Сен, сжимая ногами веревку. Эверетт изобразил на лице удивление: откуда ты взялась — и беспомощность: не видишь, заперто? Сен ухмыльнулась, вытащила из-за пазухи тонкую пластину в палец длиной и толщиной в лепесток и

просунула ее между рамой и замком. Эверетту не потребовалось долго объяснять. Он встал у окна и аккуратно протолкнул пластину обратно. В этом средневековом мраке леска была почти незаметна. Чуть зазеваешься — и пальца как не бывало. Сен взялась за ручку и резко дернула. Нить из карбо волокна рассекла замок точно посередине. Эверетт распахнул створки. Изящный кульбит — и Сен приземлилась рядом с ним.

— Фантабулоза, разве нет, Эверетт Сингх?

— Ты стянула отмычку Макхинлита?

— Стянула? — оскорбилась Сен. — Скажешь тоже! Аэриш никогда не крадут друг у друга. Позаимствовала, так будет вернее. От каждого по способности, каждому по потребности.

— Это Маркс, — сказал Эверетт.

— Нет, Макхинлит, — не расслышала Сен. — Или ты мне не рад? Пошли, Эверетт Сингх.

Сен взялась рукой за трос.

— Куда?

— Наверх и прочь отсюда. Кьяппы повели ма и Шарки через сад. Не рассиживайся, не то нас хватятся.

Сен коснулась приборчика на запястье и пулей взлетела ввысь. Эверетт еле успел просунуть руку в петлю и шагнуть с подоконника, прежде чем трос протащил его на два этажа вверх. Сен обмотала трос вокруг старинного каменного дымохода и зафиксировала блок за железный ламповый кронштейн. Как ей удалось проделать это в первый раз? От крыши до верхнего ряда окон, украшенных причудливым выступом, было добрых четыре метра. Сматывая трос, Сен наблюдала, как Эверетт озадаченно прикидывает высоту и рассматривает ненадежный водосточный желоб.

— Просто влезла, — гордо сообщила она. — Куда тебе, Эверетт Сингх, хотя, надо признать, сложен ты хорошо. Вперед!

И она понеслась вперед, почти не касаясь подошвами крыши, словно серебристый призрак или эльф на фоне мерцающего защитного занавеса. В его неверном свете крутые скаты выглядели устрашающе. Эверетт подошвами ощущал, как черепица разъезжается под ногами. Сен успела добежать до следующей крыши, а он все медлил. Сен оглянулась — одна нога на откосе, другая на подоконнике слухового окна — и нетерпеливо притопнула. Вперед, Эверетт Сингх, доверься

своему телу! Где твой хваленый вратарский инстинкт? Это не трудней, чем стоять на воротах. Только вниз не смотри.

Эверетт глубоко вдохнул. Помни слова Сен: вниз не смотри.

Он взглянул на Сен, которая стояла, уперев руки в боки, и побежал, всем телом ощущая покатый скользкий склон. Все равно, что играть в «Assassin's Creed», только в жизни.

Сен улыбнулась и побежала. Эверетт не отставал. Она остановилась у башенки девятнадцатого века, возведенной на крыше веком старше.

— Их повели сюда.

Сен ухватила за выступ над слуховым окном и откинулась назад, пытаясь рассмотреть фасад.

— Там внизу балкон. Только не вздумай за мной прыгать, Эверетт Сингх.

Не успел он возразить, как Сен уже преодолела половину расстояния до балкона, ловкая и стремительная, словно бледный паучок. Викторианская готика щедра на выступы и вмятины, но Эверетт извелся, наблюдая, как Сен подтягивается на кончиках пальцев, чтобы встать на карниз, такой узкий, что места на нем хватило бы только для мизинчиков ее крохотных ног.

— Почему вверх? — шепотом спросил Эверетт, когда Сен поднялась на каменную балюстраду, что опоясывала башенку. Она подмигнула ему и махнула рукой. Теперь он разгадал ее задумку. Сен привязала веревку к балюстраде и, продев ступни и ладони в петли, аккуратно опустилась на каменный балкончик.

— А для чего...

Привязав торбу к концу веревки, Сен раскрутила ее и швырнула конец Эверетту. Поймав веревку, он просунул ноги и руки в петли и прыгнул. Угол башни приближался с пугающей быстротой. Едва не задев его, Эверетт пролетел над успевшей пригнуться Сен, качнулся назад и снова вперед, пока Сен нажатием на запястный приборчик не остановила качание троса; Эверетт приземлился на балкон прямо у ее ног.

— Не уверен, что так было проще, — заметил он.

— Зато прикольное. Смотри сюда.

Стены и балкон украшал пышный готический орнамент. Окно располагалось в верхней части огромного зала, отражавшего

викторианское представление о средних веках: деревянные балки, гербы и портреты студентов, прославивших университет. Через стекло Эверетт увидел стол на помосте, напротив стола сидели двое. Эта черная стриженная макушка могла принадлежать только капитану Анастасии, а хозяином шляпы, лежавшей на боковом столике, был, вне всяких сомнений, Майлз О'Рейли Лафайет Шарки.

— Береги пальцы, — сказала Сен, вытаскивая отмычку Макхинлита и просовывая ее в щель между рамами.

— Как тебе удалось вынести все это из дирижабля? — спросил Эверетт.

Как раньше с ним и Шарки, лейтенант Кастинидис не стала церемониться с командой «Эвернесс». Раздеться догола, сплошное сканирование от макушки до пяток. Теперь Эверетт знал, что они искали.

— Нам, аэриш, обвести кьяппов вокруг пальца — раз плюнуть, — фыркнула Сен, вытянув нить. Раздался мелодичный звон расколотого металла. — Как и сухопутных крыс. Без обид, Эверетт Сингх.

Они осторожно открыли окно. Внутри вдоль стены шла узкая галерея, построенная, казалось, с единственной целью — заставить псевдо-средневековый интерьер выглядеть еще нелепее. Пол галереи покрывал толстый слой пыли, испещренный высохшими трупиками мух. Нога человека не ступала сюда с основания колледжа. Сен и Эверетт подползли к деревянным перилам. С левого края стола сидела лейтенант Кастинидис, без боевого снаряжения, но в плотно подогнанном комбинезоне. Камуфляжный рисунок переливался волнами. Казалось, лейтенант то появляется, то снова исчезает, растворяясь в воздухе. Там, на ферме, солдаты возникли, словно из ниоткуда, вспомнил Эверетт. Свет вспыхивал у нее на руках, лодыжках, шее и груди. Так вот что было под теми медно-красными скафандрами.

Рядом с лейтенантом сидел мужчина: резкие черты лица, редящие волосы и худые, даже костлявые руки. На нем был зауженный в талии мундир военного образца и брюки с аккуратными стрелками. Наряд незнакомца показался Эверетту старомодным и одновременно футуристическим. Под плечевой ремень был подсунут берет. Бляха на берете и нашивки на груди воспроизводили один символ: три звезды и корона над ними.

Эверетт плохо разбирался в воинских знаках отличия, однако по манере держаться — мужчина сидел очень прямо, сцепив костлявые руки — и по короне на бляхе он уверенно определил его в старшие чины.

Рядом с мужчиной сидела женщина средних лет в шелковой мантии с высоким воротом, пышными рукавами и широким поясом. Она походила на персонаж фэнтези, могущественную императрицу, но выглядела смертельно усталой. Все взгляды были обращены к ней. Четвертого человека за столом Эверетт не разглядел. В поле зрения попадали лишь смуглые руки. Эверетт сдвинулся вбок.

— О нет, — выдохнул он.

За столом сидел Теджендра.

— Шесть миллиардов, капитан Сиксмит.

Голос женщины в мантии звучал слабо и неуверенно в громадном пространстве зала, но ее слова ужасали, не оставляя надежды.

— Восемьдесят процентов населения... нет, не мертвы. Гораздо хуже. Трансформированы. Стали больше, чем люди, как говорят Нано, когда изволят с нами говорить. Превратились в нечто иное. Потеряны для человечества.

Мы достигли невероятных высот. Нашей культуре и технологиям завидовали все девять миров. Даже Земля-4, потому что и она была нашим созданием. Вероятно, нас погубила заносчивость, ибо многообразие миров, к которым открыли доступ порталы Гейзенберга, вскружило нам голову. Возможно, наше высокомерие оправдывает то, что мы были первыми, первым миром, изобретшим портал, — именно здесь, в этом колледже, капитан Сиксмит. И кстати, именно мы основали Пленитуду. Или все дело в том, что, осознав, как обширна Паноπлия, мы осознали, что до скончания века нам не исследовать все миры. За каждым новым миром скрывался следующий, и так до бесконечности. И тогда от неизмеримо больших величин мы обратились к безмерно малым.

— К нанотехнологиям, — прошептал Эверетт в ухо Сен. Они затаились у самого края балкона. — Манипулирование на уровне одиночных атомов, крошечных молекул, механизмов, меньше, чем мельчайшие вирусы...

— Эверетт...

— Репликатор, наноразновидность машины фон Неймана. Короче говоря, репликатор это наномашина, которая воспроизводит себя, копии воспроизводят копии, и так без конца. Совсем скоро количество копии переваливает за миллиарды, квинтильоны, они делятся каждую секунду. Поначалу медленно, затем все быстрее. Они способны пожрать целую планету. Экспоненциальный рост. Степени двойки — довольно страшная математика для реального мира...

— Заткнись, Эверетт, я не слышу дону.

— Мы создали опытный образец репликатора, — продолжала императрица, — причем на основе самых продуктивных естественных репликаторов, вирусов. Вам незачем знать подробности. Достаточно сказать, что успех репликатора превзошел наши ожидания, и мы утратили над ним контроль. Он обратился против нас, бросил нам вызов. Нет, не так. Вызов предполагает сознательное действие, злую волю. Репликатор лишь стремился создавать новые репликаторы. А поскольку в его основе лежал вирус, в поисках материала для воспроизведения он обратился к органической материи. К нам, капитан Сиксмит. Мы потеряли шесть миллиардов. Вы видели темную башню? Это все, что осталось от населения Лондона. Париж, Нью-Йорк, Пекин, Лагос, Каир — всех постигла та же участь.

— Видели, — промолвила капитан Анастасия.

— Ничего вы не видели! — неожиданно вспылила лейтенант Кастинидис. — Вы всматривались в лица? У нас у всех там есть близкие. Почти все, кого мы любили, о ком заботились. Мне было четырнадцать, когда пришли Нано. Там мои мама, папа, старшая сестра... Ничего вы не видели! Ничего!

— Благодарю вас, лейтенант, — вмешался худой военный. «Капитан Кожа-да-кости», — отметил про себя Эверетт, вечно придумывавший прозвища.

— Мы стояли на грани вымирания. Но мы сражались, капитан Сиксмит. Сражались с врагом, которого невозможно разглядеть. С врагом, которого, словно пыль, разносит ветер. Который поселяется внутри живого человека и выедаёт его изнутри. Этот враг способен принимать любое обличье. Мы придумывали все новое, все более совершенное оружие. И мы добились бы успеха, но нас осталось мало! Мы разрознены, разделены, нас загнали на острова, в глухие, труднодоступные места, где нам легче себя защитить. Оксфорд — наш передовой отряд. Здесь мы подобрались к врагу на максимально близкое расстояние, отсюда мы наблюдаем за ним, пытаемся разгадать его планы.

— Понятно, — прошептал Эверетт, — все эти люди, весь их опыт, все знания, теперь они принадлежат Нано. Система не может бесконечно усложняться, в какой-то момент — бабах!

— Я гляжу, тебя это заводит, цыпленочек, — прошептала Сен.

— Однажды мы говорили с Нано. Вернее, Нано говорили с нами, единственный раз транслируя свои мысли выжившим. *«Это говорит Нано. Мы — будущее планеты. То, что придет после нас. Время человечества истекло. Мы признаем, что являемся последним поколением вымирающего вида. Грядет эра Нано, и она будет длиться вечно. Мы признаем это с радостью, ибо сыграли свою роль в ее приходе. Цель Нано — распространить себя здесь и во всех прочих мирах, вобрать в себя все живое, стать конечным разумом»*. Шестьдесят слов. Двадцать секунд. А дальше только молчание — и медленное поглощение всех биологических форм.

— Что вы слышали о нас, капитан Сиксмит? Какие легенды ходят о нас в вашем мире? Чума, фатальное загрязнение среды, атомный взрыв, восстание машин, нашествие зомби?

Нано — все это вместе взятое, и еще хуже. Теперь вы понимаете, почему наш мир закрыли на карантин? Нельзя позволить Нано проникнуть в другие миры. Их не вместят не только девять известных, но все вселенные Паноплии.

— Именно поэтому грузовой дирижабль с Земли-3, материализовавшийся из чистого воздуха в районе Хакни, вызывает наше беспокойство, — вступил в разговор капитан Кожа-да-кости.

— Получается, ваши запреты можно обойти, — сказала капитан Анастасия с усмешкой.

Ее слова упали, словно камни в воду. Все глаза обратились к ней, а молчание, воцарившееся за столом, могло устроить даже такую смелую женщину, как капитан Сиксмит.

— Мы не просто запечатали ворота, — сказал капитан Кожа-да-кости. — Мы выбрали полную изоляцию, перекодировав порталы Гейзенберга. Любой, кто попытается проникнуть наружу — или внутрь, — вместо точки назначения отправится в зону конвекции Солнца. Нашего Солнца, в другой вселенной. Пять миллионов градусов справятся с любыми Нано. И не только с ними, — последние слова военный произнес с нажимом. — Итак, капитан, теперь я готов выслушать, почему вы не превратились в горстку пепла на поверхности Солнца.

Шарки скосил глаза на капитана Анастасию. Она еле заметно кивнула, что означало: «верь мне, я капитан». Верь мне, как верил

тогда, когда я бросила вызов мамаше Бромли над Гудвиновыми песками.

— Мы украли прыгольвер, — просто сказала она.

— Этот? — Капитан Кожа-да-кости вытащил оружие из потайного ящика стола и положил на покрытую трещинами дубовую столешницу.

— Вам прекрасно известно, что этот, — ответила капитан Анастасия.

— Украли?

— Украла, сэр. У пленипотенцира Пленитуды десяти известных миров.

Удивленный ропот прошелся по рядам военных и штатских.

— Почему ты не соврала? — прошипела Сен так громко, что Эверетт испугался.

— Какая разница? Им и так все известно, — прошептал он в ответ.

— Разница есть, так принято у аэриш. Земляные крысы не заслуживают правды.

И все-таки она соврала, подумал Эверетт. Прыгольвер украла не капитан Анастасия, это сделал он, Эверетт Сингх.

— Так что вопрос в другом, сэр: как сюда проник пленипотенциар? — мягко спросила капитан Анастасия. — У Пленитуды должны быть веские основания, чтобы позволять дипломатам разгуливать с таким оружием за пазухой.

— Для капитана коммерческого дирижабля вы весьма искушены в высокой политике, — заметил капитан Кожа-да-кости.

— Образованность весьма ценится среди моего народа.

— Мадам, вы сейчас не в том положении, чтобы шутить! — рявкнул капитан.

Императрица подняла руку.

— Довольно, генерал.

«Вот как, — подумал Эверетт, — значит, генерал Кожа-да-кости».

— Вы сказали, десяти известных миров? — спросила императрица.

Эверетт не видел лица капитана Анастасии, однако готов был поклясться, что она улыбнулась. Сен сжала кулачок: хоть тут мы их сделали!

— Земля-10 установила контакты с Землей-2 в начале этого года, — ответила капитан. — Пленитуда прислала на Землю-10 дипломатическую миссию.

За столом прозвучал новый голос. У Эверетта защемило сердце.

— Теперь понятно, откуда этот прибор.

Эверетт подтянулся к краю балкона, боясь, что скрип сапог или голубиное перо, упавшее сверху, его выдаст. Говоривший поставил на стол «Доктора Квантума». На Теджендре был простой темный пиджак и рубашка без воротника.

— Объясните, доктор Сингх.

— Это мобильный компьютер, немного усовершенствованный согласно стандартам девяти... простите, десяти миров, но ему далеко до наших технологий.

— Не могу понять, как... — раздраженно начал генерал Кожа-да-кости. Эверетту показалось, что его отцу — нет, не отцу, доктору Сингху — нравилось раздражать этого солдафона. Его отцу точно понравилось бы.

— Проблема прыгольверов в том, — перебил доктор Сингх, — что они выбрасывают вас в случайную вселенную.

У него был мягкий голос, мягче, чем у отца, а тон более мирный.

— Случайное попадание в наш мир математически настолько ничтожно, что его можно признать бессмысленным.

— Тогда как они попали сюда? — рявкнул генерал.

При резком, словно удар бича, звуке его голоса доктор Сингх поморщился.

— Направленным прыжком.

— Они использовали это... устройство?

И снова женщина подняла руку, и генерал замолчал.

— Выходит, они решили проблему навигации?

— Полагаю, что да, эгистер. Их язык программирования отличается от наших языков, но интерфейс весьма прост. Это семипространственное топологическое многообразие квантово-полевых матриц для нескольких миллиардов связанных параллельных миров.

Женщина повернулась к доктору Сингху и подняла бровь.

— По-вашему, кто-то... — генерал раздраженно жевал верхнюю губу.

— Пусть доктор Сингх закончит, генерал.

— Как скажете, эгистер, — процедил генерал Кожа-да-кости.

— Мне кажется... У меня нет экспериментальных данных, но мне кажется, что этот прибор, соответствующим образом настроенный, способен открыть портал Гейзенберга в любом месте, необязательно там, где есть другой портал. В любом месте любой параллельной вселенной. Во всей Паноплии, а не только в девяти... простите, десяти мирах Пленитуды.

— Всевышний, — прошептала лейтенант Кастинидис.

— «И поведу слепых дорогою, которой они не знают, неизвестными путями буду вести их; мрак сделаю светом пред ними, и кривые пути — прямыми», — промолвил Шарки.

— Капитан, это правда? — спросила эгистер капитана Анастасию.

— Да, мэм, — просто ответила та; одна женщина, облеченная властью, — другой.

— Как вы получили прибор?

Эверетт затаил дыхание: «Солжет? Осмелится сказать правду?»

— У моего народа есть понятие: гафферийя. Традиция давать кров беглецам и бедным странникам. Впрочем, иногда мы ее... нарушаем. Один юноша обратился к нам за помощью. Целый мир преследовал его, и все из-за прибора, который вы держите в руках, доктор Сингх. — Ничто в голосе капитана Анастасии не выдавало, что она узнала двойника Теджендры. На лице Шарки — Эверетт видел его профиль — застыло такое же каменное выражение. — Он был одинок, далеко от дома, в странном мире, где не знал ни единой живой души. У меня просто не оставалось выбора.

— Сейчас заплачу, Эверетт Сингх, — прошептала Сен.

— Сен.

— Что?

— Заткнись.

Генерал был готов вспылить, но эгистер снова подняла руку.

— Ваш... уникальный гость. Мы должны допросить его.

— Не забывайте, ему всего четырнадцать.

— Вы хотите, чтобы я поверила, будто единственная рабочая карта Паноплии находится в руках четырнадцатилетнего мальчишки? Помилуй нас Всевышний.

— Я даю вам слово, мэм. А верить мне или нет, зависит от того, насколько в вашем мире доверяют слову аэриш.

— Ваша история слишком фантастична.

Генерал больше не мог сдерживаться.

— Эгистер, прошу меня извинить, но обсуждать дальнейшее при посторонних опасно.

— Генерал...

— Я считаю, что необходимо применить Протокол безопасности номер четыре.

— Что это? — прошептала Сен.

— Почему мне знать? — прошептал Эверетт в ответ.

Он заметил, как доктор Сингх вздрогнул и выпрямился в кресле, словно что-то холодное коснулось затылка.

Лейтенант Кастинидис бросила тревожный взгляд на своего командира.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Лейтенант, проводите капитана и старшего помощника к их судну.

Ножки тяжелых кресел закрипели по средневековым деревянным половицам. Сен выудила из-за пазухи колоду «Таро Эвернесс», выдернула карту, крутанула между пальцами и очень, очень осторожно просунула в щель в полу галереи. Карта вращалась и вращалась, казалось, ее полет будет длиться вечно, наконец, она коснулась пола, и спустя мгновение на нее наступил сапог Шарки. Мастер-весовщик остановился, неуловимым движением подхватил карту и сунул в рукав своего объемистого плаща, затем посмотрел вверх и прищурился.

— Вы тоже идите, доктор Сингх, — сказал генерал.

Теджендра бросил тревожный взгляд на женщину в мантии. Она кивнула.

— Оставьте устройство, — буркнул генерал.

— Сен, — прошептал Эверетт, — одолжи мне датчик. Я пойду за па... за доктором Сингхом.

Эверетт выглянул из окна. За то время, пока они с Сен шпионили, лежа на полу галереи, погода успела измениться, и теперь с неба сыпал мелкий снежок. Капитан и старший помощник вместе с военным эскортом скрылись за лестницей. Двойник Теджендры, подняв

воротник, пересекал двор колледжа. Сен ловко закрепила прибор на запястье Эверетта.

— Поосторожнее с ним, оми. А я останусь. Нельзя выпускать компутатор из виду. Что-то не доверяю я этому тощему кяппу.

Эверетт шел за доктором Сингхом через голый, продуваемый ветром сад колледжа, а вокруг кружился снег. Оксфордское защитное поле мерцало над острыми крышами и башнями колледжа Каиафы.

— Доктор Сингх!

Ученый остановился в темной арке перед лестницей.

— Да?

Он всматривался сквозь снег в фигуру незнакомца.

— А вы моложе, чем я думал. Вы с дирижабля, верно? С Земли-3.

— Нет, — ответил Эверетт. — Не с Земли-3.

Двойник Теджендры вышел из тени каменной лестницы на свет, падавший от настенного фонаря. Теперь Эверетт мог его разглядеть. Теджендра Сингх из другого мира каждой черточкой напоминал отца, и в то же время это был не отец. Груз прожитых лет по-другому лег на плечи, жизнь прочертила на лице другие морщины, добавила седины в волосы, бороду и усы.

Доктор Теджендра Сингх прищурился, всматриваясь в юношу. В полосе света от фонаря мельтешила снежная крупа. Наконец Теджендра понял, кто перед ним стоит.

— О господи! — Его рука метнулась ко рту в жесте изумления и ужаса, словно при виде призрака. Почему бы нет, подумал Эверетт. Возможно, то, что мы называем призраками, и есть видения из параллельных миров.

— Я — Эверетт Сингх.

— Мальчик мой, конечно, это ты, — заволновался доктор Сингх. — Это невозможно, этого не может быть... Ты не мой... Ты мой...

— Мой отец — доктор Теджендра Сингх из...

— Отделения физики множественных вселенных Имперского университета, Лондон, — закончил ученый.

— Физического факультета Имперского колледжа, Лондон.

Вокруг кружился снег.

— Заходите, — неожиданно предложил доктор Сингх. — Я хочу... У меня есть вопросы. Заходите, вы замерзли.

Он шагнул под лестницу и открыл тяжелую деревянную дверь.

— Я не должен здесь находиться. Они думают, что я сижу под замком.

Теджендра Сингх улыбнулся, и сердце Эверетта оборвалось. Улыбка была настоящая, отцовская. Отец редко улыбался, но в такие минуты его лицо преображалось.

— Военные ведут себя так, словно они тут хозяева, — сказал ученый. — Разве могу я упустить случай насолить им?

Комната походила на ту, в которой заперли Эверетта: неровный пол, холод, сочащийся от каменных подоконников, деревянные панели на стенах, низкий потолок из шершавых деревянных балок. В глубине комнаты горел камин, почерневший от времени. Напротив камина стояли два кресла с высокими спинками. На небольшом приставном столике светился монитор, но нигде не было видно ни компьютера, ни ноутбука.

— Голография, — пояснил доктор Сингх, проследив за взглядом гостя. — Присаживайтесь.

Эверетт осторожно опустился в кресло. Кожа скрипнула. Неожиданно он почувствовал себя очень взрослым. Именно таким его воспитывал отец — образованным разумным человеком.

Доктор Сингх пристально на него посмотрел, затем отвел взгляд.

— Простите, это очень тяжело... вы так похожи... так похожи на нее. Сколько вам лет?

— Четырнадцать. В мае будет пятнадцать.

Доктор Сингх закрыл глаза. Эверетт видел, что глубокая рана не затянулась.

— В мае. Помню май тысяча девятьсот девяносто седьмого. Я был в последнем эшелоне, среди тех, кого власти пытались вывезти из Бирмингема до того, как город захватят Нано. Остальные были обречены. Нано были повсюду: в канализации, в небе... Они захватили Лондон так стремительно, потому что начали с крыс и голубей. Стоило им ассимилировать крыс и голубей, как канализация, метро и энергосистема оказались в их руках. Если ты находишься в десяти футах от крысы, ты находишься в десяти футах от Нано. Под землей и под небом. После резни на Нельсон-сквер мы осознали, что война проиграна. Сражаться с птицами и мышами? Мы называем это резней, но вообразите резню, в которой никого не убили. Однако они все равно

умерли — все те люди, что пришли поглазеть на львов, поболтать ногами в фонтанах, сфотографироваться на фоне памятника, покормить голубей. Голубей, инфицированных Нано. Люди, которые перестали быть людьми. Это и есть смерть.

Доктор Сингх замолчал, затем прямо посмотрел на Эверетта.

— Откуда вам знать? Вас здесь не было, вы еще не родились. Здесь вы никогда не рождались. После Нельсон-сквер они напали на лондонскую подземку. Все, кто спустился в метро в тот день, просто исчезли, ассимилированные Нано и утянутые в туннели. Все вокруг, на многие километры, было в черной слизи — все, что осталось от людей. Тогда такое количество жертв не укладывалось в голове, потом стало статистической погрешностью. Правительство начало строить планы эвакуации Лондона, а на Собачьем острове выросла башня.

Однажды в детстве Эверетт смотрел по телевизору фильм Дэвида Аттенборо о жизни живой природы. В фильме рассказывалось про тропический лес, инфицированный грибом. Зрелище оказалось слишком тяжелым для впечатлительного девятилетнего мальчика.

Грибок проник в мозг муравья, обратил его в зомби и, загнав муравья на самый верх травинки, нанизал его челюсть на стебель. Тут-то и началось самое страшное. Щиток насекомого съежился и осел, выеденный грибом изнутри, затем голова муравья раскололась надвое, и оттуда показался усик. Он рос и удлинялся, пока не стал в десять раз длиннее муравьиного тела. Хребет, шпиль. В конце концов, он взорвался, разбрасывая вокруг новые споры, повисшие в воздухе, словно дымок, заражая новых муравьев.

В тот миг девятилетний Эверетт узнал о мироздании одну важную вещь. Мироздание не было добрым, оно не ведало жалости и морали, в нем не было ничего человеческого. А затем Эверетт увидел другой хребет, другой шпиль, вознесенный над тем, что в его мире называлось доками, и этот грибок выедал изнутри тела лондонцев.

— Увидев башню, мы поняли: на сборы времени нет. Немедленная эвакуация. Восемь миллионов. И тогда начался хаос. Дороги встали, метро не работало — никто не осмеливался спуститься под землю. Полиция бездействовала, военные пытались организовать эвакуацию. Но у них ничего не получалось, и не могло получиться. Нам пришлось смириться с потерей целого города. Я был в списках тех, кого эвакуировали в первую очередь. Власти послали вертолет,

чтобы забрать Лору и переправить в Бирмингем. Там собирали ученых и их семьи.

— Лора, — произнес Эверетт, — моя мама.

— Твоя мама. Моя жена. Мы с коллегами дневали и ночевали в колледже, спали прямо на столах, пытались найти способ победить Нано. А Лора оставалась в Стоук-ньюингтон.

— На Роудинг-роуд, — кивнул Эверетт.

— Номер сорок три. Мы только что купили дом, ввязались в ипотеку. Полиция отбирала тех, кто был в списке, и отвозила на эвакуационный пункт в Финсбери-парк. Эвакопункт. Проведи какое-то время с людьми в погонах и начнешь говорить, как они. Позже, один из солдат, бывших там, рассказал мне, как все случилось.

Пробки протянулись от Гайд-парка до Хакни-уик. Ничего не двигалось, ничего не могло сдвинуться с места. Автомобильные сирены были слышны даже в Имперiale. На обочинах высились горы скарба, вещи скидывали с крыш, запихивали в салоны: никто не хотел бросать свое имущество. Вы думаете, выбор между сохранением жизни и спасением барахла очевиден? Как бы не так. Ваши вещи и есть ваша жизнь. Тот военный говорил, что никогда не видел такого столпотворения, машины подпирали двери магазинов. Когда я понял, что творится в центре Лондона, я попытался позвонить Лоре, сказать ей, чтобы лезла на крышу, куда-то, откуда ее быстрее увидят. Эвакуируемые по списку носили желтое, чтобы их было легче подобрать. Но Лора не отвечала, сеть была перегружена. Вертолет летел к эвакопункту, когда солдат заметил стаю скворцов. Она простиралась от горизонта до горизонта, словно облако. Не может быть, подумал он. Столько скворцов нет во всей Англии, не говоря уж о Лондоне.

Это были Нано. Они больше не нуждались в крысах и голубях. Нано впитали в себя все, чему могли научиться, и отбросили их, как ненужный хлам, как отработанное топливо.

— Мы видели скворцов рядом с башней, — сказал Эверетт. — И тогда мы решили бежать.

— Скворцы были последним, что видели многие. Трепетание черных крыльев. Они набрасывались на все, что двигалось. Падали с неба, словно черный снег. Солдаты видели, как Нано забирают людей. Глаза — последнее, что остается. Так говорят. Человеческие глаза

сдаются последними. У солдат были допотопные экземпляры ЭМП-ружей, они могли расчистить себе путь. Им удалось спастись. Лоре — нет. Она была беременна, на втором месяце.

За окнами падал снег, снежинка за снежинкой.

— Беременна мною, — сказал Эверетт.

— Да.

«Твои страхи были ложными, Сен. Тебя там не было. Там, в черной башне, был я. Ты никогда не рождалась в этом мире. Наверное, ты не зря считаешь себя особенной. Единственная и неповторимая Сен Сиксмит. Одна-одинешенька во всех мирах».

Сен распласталась на деревянном полу галереи, прижавшись к перилам. Возможно, говоривших смущал размер помещения, возможно, оставшись наедине, два высоких чина вспомнили о секретности; так или иначе, генерал и глава колледжа Каиафы понизили голоса, и Сен пришлось затаить дыхание, чтобы не пропустить ни слова.

— Вы знаете, кто этот мальчишка? — Генерал стоял напротив эгистера, уперев руки в стол и угрожающе нависнув над собеседницей. Впрочем, ее, кажется, не так-то просто было испугать.

— Сын доктора Сингха, — продолжил генерал, которому не требовался ответ.

— Ах! — Сен зажала рот обеими руками.

— Сын доктора Сингха никогда не...

— Не рождался здесь, в этом мире. — Генерал коснулся запястья. На столешнице возникло световое окно. Как ни вытягивала шею Сен, ей не удавалось ничего рассмотреть, однако по выражению на лице женщины она поняла, что та читает отчет лейтенанта Кастинидис.

— Чертовы кяппы, — прошептала Сен и от злости вцепилась зубами в кулачок. Не смей визжать, палоне!

— Он даже внешне похож. Это Эверетт Сингх.

— Значит, двойник доктора Сингха решил задачу, — сказала женщина. — Наш доктор Сингх знает?

— Нет. И пока пусть остается в неведении.

А вот и нет! Он узнает, узнает, узнает!

— Мастер, вам не кажется неправдоподобным, что ключ к Мультиверсуму, который мы искали больше сорока лет, попал в наш

мир на торговом дирижабле с Земли-3?

— А что вас смущает, генерал?

— Именно это, мастер. Если устройство настоящее, небо давно заполнили бы летающие объекты из параллельных миров. Иными словами, ключ существует в единственном экземпляре.

— Инфундибулум, он назвал его Инфундибулум.

— И этот Инфундибулум повсюду таскает с собой четырнадцатилетний сын двойника доктора Теджендры Сингха. Капитан дирижабля темнит. Без серьезных оснований никто не стал бы доверять самый ценный предмет в Пленитуде подростку.

— Вероятно, двойник доктора Сингха не хотел, чтобы он достался кому-то еще.

— Значит, ему угрожали. Возможно, он погиб. Юный мистер Сингх владеет единственным экземпляром устройства и находится в бегах. Очевидно, мальчишку преследуют те же силы, что охотятся за его отцом.

Лицо эгистера омрачилось.

— Конечно, мы отрезаны от Пленитуды пятнадцать лет, но кто бы мог подумать, что все изменится так радикально!

— Простите, эгистер, именно это и случилось.

— Что вы имеете в виду, генерал?

— Мы больше не отрезаны от Пленитуды, не отрезаны даже от Паноплии. Мы можем обойти карантин. Можем проскользнуть сквозь портал Гейзенберга и не сгореть на Солнце. Этому миру приходит конец, эгистер. Мы не способны победить Нано — они слишком умны, их слишком много. А нас осталось мало, и мы разобщены. Цепляемся за свои островки, суедемся в своих пузырях, надуваем щеки, рассуждая, как когда-нибудь отвоюем свой мир. Пора смириться с тем, что этого не будет. Нано не расправились с нами до сих пор только потому, что это не входит в их планы. Они уверены, что мы — последнее поколение людей на планете. Нас ждет вырождение. Мы установили карантин, чтобы спасти Пленитуду от Нано, но на самом деле заперли себя в клетке с тигром. А теперь у нас есть ключ от клетки, эгистер.

— Мы не имеем права рисковать, генерал. Если хотя бы один репликатор...

— Вы полагаете, я не понимаю, как мы рискуем? — Генерал склонился над эгистером. Сен затаила дыхание. — Я живу с этим чувством каждый час, каждую минуту, каждую секунду. Я встаю с ним и с ним засыпаю, если, конечно, мне удастся заснуть. Глядя на возвращающийся патруль, я всякий раз думаю, что увижу в глазах солдат, когда они снимут шлемы.

— Да-да, — пробормотала Сен. — Нано прячутся в глазах!

— Мелькнет в переулке лисий хвост, а я уже спрашиваю себя: не лазутчик ли Нано проник сквозь барьер, не захлестнет ли нас вскоре черная волна? Смотрю на птичку, сидящую на проводе, и гадаю: не шпионит ли она? А по утрам меня будит страх, что единственный репликатор — частичка пыли, перенесенная ветром — способна уничтожить миры.

Знаете, почему я не могу избавиться от этих видений, мастер? Я постоянно вижу перед собой глаза. Глаза жены. Вы видели, как Нано поглощают человека? Как чернота застилает живые глаза? Глаза — последнее, что остается, последнее, что хранит память о том, кем ты был, и ужас перед тем, кем тебе предстоит стать. Глаза моей жены, мастер.

— Все мы теряли близких, — хмуро промолвила эгистер.

— Спаси детей — последнее, что она мне сказала. Она принесла себя в жертву, чтобы спасти детей. Но я не в силах исполнить ее последнюю волю. Однажды Нано проникнут внутрь, и Оксфорд станет таким же, как Лондон, как Бирмингем, как все города в мире. Мы отгородились от Нано защитным полем и воображаем, будто способны уберечь наших детей. Однако придет день, и небо снова почернеет, и с него снова повалит черный снег. Так давайте спасем наших детей, эгистер! Это наш долг.

— Мы говорим лишь о спасении Оксфорда.

— О нашем спасении. Щит защитил нас от заражения. Мы можем покинуть этот мир, не нарушив карантин.

— Нам придется укрыться за пределами Пленитуды, — задумчиво промолвила эгистер. — Если Президиум узнает, нас будут искать по всем мирам. Нам нужен собственный мир.

— В шестьдесят девятом году университет Империял насчитал сотни миров.

— Их тысячи. Зонд пробыл в каждом не более пяти минут перед следующим произвольным прыжком.

— Прыжком? — пробормотала Сен. — А, ясно, прыжок, прыгольвер...

— Нам хватит и одного мира, эгистер. В архивах наверняка сохранились данные.

— Когда мы оставили Импераил, то утратили почти все, что знали о портале Гейзенберга.

«Ничего, ты что-нибудь придумаешь», — подумала Сен, прижимая лицо к деревянной решетке и пристально всматриваясь в лицо пожилой женщины. На нем читались разочарование, гнев, смирение и безнадежность. Сен попыталась представить, каково жить в мире, в котором у тебя нет ничего, кроме горстки пепла.

— Я знаю, — прошептала она. Сен снова была в спасательной капсуле, планирующей вниз под ударами шторма. В ее памяти навечно запечатлелась картина: горящий дирижабль на глазах обращается в пепел, и пепел уносит ветер. Руки капитана Анастасии обнимают ее... — О, дона, уж я-то знаю.

— Если вы раздобудете данные из архивов, я позабочусь об устройстве, — сказал генерал. — С точки зрения безопасности, оставлять устройство в руках нынешнего владельца — безумие. Если Нано до него доберутся...

— Вы хотите конфисковать Инфундибулум?

— Ах ты, миизи... — пискнула Сен.

Генерал так долго молчал, перед тем, как ответить, что Сен испугалась: вдруг он услышал ее возглас?

— Они не смогут нам помешать. К тому же они гражданские. Мы должны немедленно устранить угрозу.

— Мне ненавистна мысль о насилии, — поморщилась эгистер.

— Иногда без него не обойтись, — твердо промолвил генерал.

Сен слышала достаточно. Шарки знает, что она шпионила — он подобрал ее карту, — но нужно немедленно рассказать обо всем Анни. Капитан придумает, что делать. Сен подползла к окну и осторожно отворила его. Конец троса свернулся в снегу у подножия башни. От него вели следы, которые медленно засыпал снег. Сен с легкостью спустилась бы вниз по стене, только чего ради морозить руки? Она

порылась за пазухой, вытащила контроллер и пристегнула к запястью. Одно касание — и веревка расправилась.

— Хорошо быть запасливой, — со злобным удовлетворением пробормотала Сен, продевая руки и ноги в петли. — Я тебе покажу клетку с тигром.

— Инфундибулум, — произнес доктор Сингх. Он вертел слово на языке, взвешивая и проверяя на вкус. Ин. Фун. Диб. Бьюлум. Для отца английский был вторым языком, и его до сих пор забавляли некоторые слова. Англичане так привыкли к ним, что не замечают порой, как смешно они звучат. Слова на «ер»: свитер, клипер, рэпер. Слова на «ип»: клип, стрип.

На лице доктора Сингха играла знакомая Эверетту улыбка.

— Хорошее слово. Внутри больше, чем снаружи. Что это, карта семи измерений?

— Я сделал семимерную карту.

— Сделали?..

Эверетт едва не прикусил язык. Этот человек — не твой отец. Его тоже зовут Теджендра Сингх, но это другой Теджендра. Ты доверяешь его лицу, его голосу, улыбке, с которой он смакует английские слова. Возможно, он тоже болеет за «Тоттенхем хотспур», но где теперь «Тоттенхем хотспур»? Там же, где его жена, друзья и коллеги. Он пережил такое, чего не пожелаешь и врагу. Что, если годы, проведенные под властью Нано, изменили его?

Нет, я должен ему довериться, решил Эверетт. То, что я расскажу этому Теджендре Сингху, поможет найти настоящего Теджендру.

Настоящего? Они оба настоящие.

— Да, сделал.

На кухонном столе в доме лучшего друга, в ночь перед Рождеством, попивая грейпфрутовый сок из холодильника, чтобы не заснуть. С тех пор прошли века. Он стал другим. Казалось, новый Эверетт Сингх всю жизнь провел среди шаров с газом, мостков, кают и потайных лестниц «Эвернесс».

— Если вы это сделали, вы были бы...

— Величайшим физиком своего поколения.

Доктор Сингх уставился на него, не веря своим глазам.

— Вы не первый, кто произносит эту фразу. Если вы поймете теорию множественности миров, вы будете величайшим физиком во всех поколениях.

— Это был... — доктор Сингх помедлил, — ... я?

— Нет, не вы.

— Это я и хотел сказать. Я посвятил жизнь поискам ключа, вашего Инфундибулума. Я был ребенком в Батвале, когда открыли первый портал Гейзенберга — даже там мы слышали об этом, хоть и не понимали важности открытия. Иные миры, параллельные вселенные. Мне было пять, и я понял лишь одно: где-то есть другой я, ближе, чем кожа, и дальше, чем самые дальние звезды. Странное, но восхитительное чувство! Я думал о том, другом Теджендре: похож ли он на меня? Сидя в школе, гадал, в какой школе учится он. Ложась спать, размышлял, в какую постель ложится он. Чувствует ли он то же, что чувствую я? Я даже завел для воображаемого друга аккаунт в Насвязи.

— Это что-то вроде социальной сети?

— Да.

— У нас эта штука называется Фейсбуком, только она существует с 2004 года.

— Фейсбук, — повторил доктор Сингх, пробуя новое слово на вкус. — Отвратительно.

— Мой отец застал времена, когда о персональных компьютерах никто слухом не слыхивал.

— Теперь я вижу, где наши пути разошлись. В нашем мире первым действующим универсальным компьютером была аналитическая вычислительная машина Бэббиджа-Бозе в 1850 году.

У Эверетта закружилась голова.

— Мы так ее и не построили. Есть только наброски. Бэббидж не смог выбить деньги из правительства.

Несколько месяцев они с Рюном играли в онлайн-овую стимпанковскую альтернативку: отслеживали оборотней, сражались с вампирами, распутывали заговоры и, разумеется, летали на неправдоподобных дирижаблях над викторианским Лондоном, а мистер Бэббидж — искусственный интеллект, помещенный внутрь паровой аналитической вычислительной машины — помогал им бороться с преступниками всех мастей. Впрочем, Эверетт вскоре

остыл, обнаружив, что гораздо больше, чем компьютерные теории или игры с историей, остальных занимают очки авиаторов. А теперь перед Эвереттом открылся настоящий альтернативный девятнадцатый век с компьютерами.

— Вашему мистеру Бэббиджу следовало уехать в Бенгалию, — продолжил Теджендра. — Колката в те времена считалась центром исследований в области вычислений. Наваб Сирадж уд-Даула внедрил жаккардовый ткацкий станок в текстильном производстве, а от картонок, надетых на призму, было недалеко до компьютерных перфокарт.

— В моем мире британцы стерли бенгальское текстильное производство с лица земли, — сказал Эверетт. — Рай построили на костях бенгальских ткачей. Так говорил отец.

Эверетт, хоть родился и вырос на севере Лондона, никогда не забывал, откуда он родом.

— У нас Ист-Индская компания проиграла битву при Палаши, а расправившись с англичанами, наваб вытеснил и бывших французских союзников. Сто лет Колката была процветающим центром науки и коммерции.

— Доктор Сингх, помните, вы говорили о странном, но восхитительном чувстве? Я испытываю его сейчас.

Чудеса параллельного мира наконец-то сломали лед, заставив Эверетта перейти к главным вопросам.

— Хотите, я расскажу вам о другом Теджендре? По-моему, я должен вам рассказать. Он вырос в Батвале, как и вы. Его семья иммигрировала в семьдесят четвертом. Родственники верили, что ему уготовано великое будущее.

Доктор Сингх улыбнулся. Пенджабские родственники, пенджабские дедушки и бабушки, кто бы сомневался.

— Как и вы, он пошел в науку, в квантовую физику, хотя родители предпочли бы видеть сына хирургом. Не знаю, почему он выбрал эту область физики. Возможно, потому, что она задает самые главные вопросы. Возможно, потому, что ответы, которые она дает, заставляют задуматься. Может быть, стены между мирами не так уж прочны и иногда между ними возникают течи? Может быть, мечты и видения — всего лишь встречи с двойниками? Как бывает, гладишь кошку — и вдруг чувствуешь и видишь статическое электричество. Такие встречи

словно статика между мирами. Порой мне кажется, что понять другого человека невозможно. Меня назвали в честь Хью Эверетта — человека, который предложил многомировую интерпретацию квантовой теории. Разумеется, в нашем мире.

— Я тоже хотел назвать сына Эвереттом, — сказал доктор Сингх. — И хочу извиниться за моего двойника.

— Так вот, есть я, есть моя сестренка Виктори-Роуз. Думаю, она была не запланирована, так получилось... ну, вы знаете, как бывает. В прошлом году мои родители разошлись. Мне не в чем их упрекнуть. Я остался с мамой, но часто вижусь с отцом. И сейчас мне гораздо легче с ним общаться, чем когда он жил вместе с нами.

— Мне очень жаль, что так вышло с вашими родителями, Эверетт, — сказал Теджендра.

Представляю, о чем ты думаешь. Если бы твоя Лора осталась жить, могли бы ваши отношения закончиться разводом?

— За десять дней до Рождества отца похитили прямо напротив Букингемского дворца. Похитительницу зовут Шарлотта Вильерс, она пленипотенциар Земли-3 в моем мире.

— Пленитуда похитила вашего отца?

— Мне кажется... я полагаю, внутри Пленитуды есть тайное общество, которое хочет захватить контроль над десятью мирами.

— А если Инфундибулум попадет к ним в руки...

— Они смогут управлять всеми мирами.

— Или защищать их.

— Шарлотта Вильерс говорила, что на свете есть силы, угрожающие всей Паноплии, каждому из миров.

Теджендра глубоко вздохнул.

— Паноплия гораздо больше, чем вы думаете, Эверетт.

— Я знаю. Она у меня в «Докторе Квантуме».

Теджендра улыбнулся тому, как Эверетт назвал свой планшетник, но тут же посерьезнел.

— Нет, Эверетт, не знаете. У вас есть шифр, вы нашли способ открывать двери в любой из миров. Но вы и представить себе не можете, что ждет вас там. Когда мы строили первый портал, мы шутили, что теперь нужно искать того, кто построит второй, — а спустя три года установили контакт с Землей-2. До этого мы много раз запускали исследовательские зонды в случайные миры. Им нет конца,

Эверетт. Миры, где нет законов физики. Миры, где не знают различия между добром и злом. Миры, где нет людей, миры, где место людей заняли другие виды. Миры, откуда наши зонды так и не вернулись. И чем больше информации мы собирали, тем яснее понимали, как рискуем. Когда-нибудь наш зонд отследят — и двери откроются с той стороны.

— Доктор Сингх...

— Пожалуйста, зовите меня Теджендра.

— Доктор Сингх, вы слышали о прыгольвере?

— Я знаю, что технология случайного перемещения была использована при разработке оружия. Некоторые люди способны все на свете обратить в оружие. Ничего опасного, уверяют они, ведь это оружие — дело рук человека. Никого не убивает, просто отправляет далеко-далеко.

— Мой отец, ваш двойник, был отправлен далеко-далеко при помощи этого человеческого оружия. В него стреляла Шарлотта Вильерс. Она целилась в нас обоих, но отец оттолкнул меня. Мне удалось украсть прыгольвер, и я соединил его с Инфундибулумом. А теперь, Теджендра, я хочу знать, смогу ли я вернуть моего отца?

Некоторое время доктор Сингх смотрел на огонь. Эверетт видел, что он размышляет, прикидывает варианты.

— Если вы найдете его, то, несомненно, вытащите оттуда. Проблема в том, чтобы...

— Найти его. Он может оказаться в любом из десяти в восьмой степени миров.

— Исследования случайных перемещений проводились Имперским университетом задолго до того, как я пришел туда, но мне известно, что они применяли устройство, работающее на основе явления квантовой сцепленности. Его использовали для поиска потерявшихся зондов.

Сердце Эверетта внезапно дало сбой. Он выпрямился в кресле у камина, джентльмен напротив джентльмена.

— Устройство до сих пор существует?

— Его много лет не использовали. Но оно по-прежнему там, в университете. Нас эвакуировали в страшной спешке.

Глаза доктора Сингха встретились с глазами Эверетта.

— Нет!

— Я должен.

— Пожалуйста, не ходи!

— Это единственный способ найти отца.

— Прошу тебя, сын.

Стук, царапанье по стеклу. В тихой, натопленной комнате звук прозвучал, словно выстрел. И снова. Тук-тук-тук. Эверетт оглянулся. Личико Сен прижалось к высокому узкому окну. Она поманила Эверетта. Он покачал головой. Сен коснулась запястья, постучала по веревке и дернула подбородком, изображая стремительный подъем. Выходи. Срочно. Наверх. Очень важно.

Эверетт встал с кресла.

— Мне пора, Теджендра.

У двери он оглянулся. Теджендра оторвал глаза от огня. В них застыл ужас, словно он наблюдал, как его второй сын погружается в бесконечную черноту. Глаза — последнее, что остается.

Внутри «Эвернесс» хранилось немало секретов. Дверь в конце спиральной лестницы, соединяющей палубы, вела в широкую просторную комнату. Восемь вращающихся стульев окружали длинный стол; из большого панорамного окна открывался потрясающий вид на нос дирижабля. Эверетт неожиданно осознал, что никогда еще не смотрел на дирижабль сверху, только снизу. Зато теперь мог сколько угодно любоваться на герб с единорогами, присыпанный мелким снежком. Комната сияла чистотой — ни единой наночастишки пыли, как и везде на корабле Анастасии Сиксмит. Пахло чем-то неуловимо знакомым и невероятно банальным.

— Мебельная полировка? — спросил Эверетт.

— Почему бы нет? — ответил Макхинлит.

— Дивано в верхней кают-компании, — раздался голос капитана Анастасии в громкоговорителях.

— Карболоволокло зүши бона, если добавить маленько полироли. Все для клиента.

Команда собралась на совет. Пока они рассаживались, Сен успела шепнуть Эверетту, что это второй дивано на ее памяти. Первый созывался, когда голосовали за предложение Иддлера провезти контрабандный груз в Верхнюю Дойчландию.

— Бона решение, — кивнул Макхинлит.

Эверетту велели сварить два кофейника кофе, чтобы поддержать силы команды во время многочасовых обсуждений. Горячий кофе сырым снежным утром.

— Смогут ли они без вас разобраться с Инфундибулумом? — спросила Эверетта капитан Анастасия.

Настроение у всех было мрачное. Тихо тикали часы. К рассвету, когда Оксфордский форпост проснется, им нужен четкий план действий.

— Со временем они взломают мой пароль, — ответил Эверетт. — Я не облегчил им задачу, так что через миллиард лет справятся. Впрочем, если учесть, что они освоили компутаторы еще в девятнадцатом веке, могут успеть и за миллион.

— А еще скорее кяппы просто направят оружие тебе прямо в оцил, — заметила Сен. — Или мне.

Эверетт вспыхнул. Он совершенно упустил из виду этот вариант. Легко быть очень умным. Или слишком умным, а это все равно, что глупым. В школе его вечно донимали подобными остротами. Была одна девчонка, Дана Макклог, острая на язычок любительница найти бревно в чужом глазу. «Ты о себе слишком много воображаешь, Эверетт Сингх», — фыркала она.

— А как мы их остановим? Что наши бумкеры супротив их чудного оружия? — сказал Макхинлит.

— У нас найдется и кое-что посерьезней, — произнес Шарки, глядя исподлобья.

— А прыгольвер есть прыгольвер, — добавил Эверетт.

— Чтобы я больше ни слова не слышала про оружие, — оборвала капитан Анастасия. — Мы всегда побеждали врагов не числом, а умением. Наше оружие — мозги.

— «Ты идешь против меня с мечом и копьем и щитом, а я иду против тебя во имя Господа Саваофа», — промолвил Шарки, отхлебнув кофе. Зеленый отсвет скринсейвера падал ему на лицо. Эверетт внимательно всматривался в американца, пытаясь угадать, о чем тот думает. Настал ли день, когда ради благополучия «Эвернесс» можно пожертвовать благополучием Эверетта Сингха?

— Одно я знаю точно, — отрезал Макхинлит, — без того компутатора мы отсюда не выберемся. А мне не терпится унести диш из этой чертовой дыры.

— Мистер Сингх, ваш оте... доктор Сингх уверен, что следящее устройство осталось в Лондоне?

— Уверен, мэм.

— Просто офонареть, — сказал Макхинлит. — Без кяппов шансов добраться до Лондона и найти это чертово устройство — знать бы еще, на что оно похоже! — раз-два и обчелся. А потом придется драпать со всех ног, пока нано-чудища не выели тебе мозг изнутри. Ну, спасибо, оми, удружил, снова втравил нас черт знает во что.

Макхинлит прав, прав во всем. У них не будет козырей: ни знакомых крыш, ни тросов, ни возможности улизнуть в другую вселенную под носом у врага. Сен одной рукой потихоньку тасовала

колоду. Вытащив карту, она мельком взглянула на нее, заметила взгляд Эверетта и сунула карту обратно.

— Я только знаю, что должен это сделать, — сказал Эверетт.

— Фантабулоза кофе, мистер Сингх, — кивнула капитан Анастасия, отхлебнув глоток. — Как вам удастся?

— Все дело в пропорциях, — ответил Эверетт.

Капитан Анастасия, прикрыв веки, наслаждалась ароматом. Наконец она открыла глаза. К решимости и азарту в ее взгляде примешивалась изрядная доля хитринки.

— У нас есть то, что нужно им, у них — то, в чем нуждаемся мы. Поступим как истинные аэриш — заключим сделку.

Капитан Анастасия встала. Совет был завершен.

— Мистер Сингх, сегодня ночью спрячьте прыгольвер в лэтти и не сводите с него глаз. Мистер Макхинлит, мистер Шарки, удвоить внимание. Только имейте в виду, мистер Шарки, завтра утром вы должны быть на высоте — мне потребуются ваши феноменальные торгашеские способности. Придется оправдываться за деток-шпионов, которые успели наломать дров, и убедить кьяппов доверить нам Инфундибулум.

— «Кроткостью склоняется к милости вельможа, и мягкий язык переламывает кость», — промолвил Шарки.

— Никаких переломанных костей, — покачала головой капитан Анастасия. — Мы — торговцы, наше дело — барыш.

В сопровождении ароматов полироли капитан покинула кают-компанию.

— Ничего нового, — шепнула Сен Эверетту. — Даром, что в прошлый раз сотрясали воздух несколько часов, а она опять все сделала по-своему.

Капитан Анастасия обернулась на каблуках и бросила грозный взгляд на приемную дочь.

— Мисс Сиксмит, а ну-ка марш в лэтти и спать. Завтра летим в Лондон. Мы должны утереть нос этим военным. Покажем им истинный аэриш-шик.

Над восточным Лондоном возник круг света, яркий, словно новое светило на фоне вечеряющего неба. Птицы и нечто, похожее на птиц, попав в круг чужеродного света, вспорхнули с насиженных мест. Две

фигуры показались из дыры в небе: Эверетт Л на белом дроне и вслед за ним маленькая пожилая дама, вся в сером, кутающая руки в рукавах длинного платья. Она летела на втором, восстановленном дроне.

— Эге-ге-гей! — беззвучно крикнул Эверетт Л. Он летел на юго-восток к мертвым и прекрасным башням мертвого Лондона. Порыв ветра проник под очки, увлажняя глаза. На миг Эверетт ощутил радость от полета, на миг забыл, что все эти тысячи стеклянных окон — мертвы, что за ними никого нет.

— Умные малышки, — похвалил Шарль Вильерс, когда дроны — один рабочий, другой, расколотый снарядом пополам — внесли через портал. Полиция обнаружила второй, неповрежденный дрон, за часовней на кладбище. Шарлотте Вильерс пришлось снова повторять привычную ложь: секретная операция, вопрос национальной безопасности. Сержант Ус и Ли-Ли сомневались.

— Что это? — настаивали они.

— Экспериментальные военные дроны, — ответила Шарлотта Вильерс.

— На кладбище?

Хотя тогда ледяная улыбка Шарлотты Вильерс заткнула им рот, в следующий раз ей так легко не отделаться.

Обратно в туннель под Ла-Маншем, через слепящий свет портала — в еще более яркое сияние и низкую гравитацию Луны.

— Попробуем починить, — сказал Шарль Вильерс, рассматривая покореженный дрон. — Как думаете?

— Ничего сложного, — ответила мадам Луна.

Как всегда, Эверетт Л не видел, откуда она появилась. Неужели всякий раз она создает собственный портал?

Эверетт Л оглянулся на женщину, летевшую сзади. Она сидела ровно, скрестив руки, словно ангел. Подол длинного платья развевался на лету.

— Это мой личный охранник? — спросил Эверетт Л Шарля Вильерса, когда через дверь-которая-была-больше-чем-дверь тот завел его в новую, белую, как смерть, комнату, неотличимую от прочих. Судя по эху от шагов, комната была огромна. В ней стояла еще одна маленькая дама в сером с неизменной мягкой улыбкой на лице. — Она не даст Нано выесть меня изнутри?

— Что мой двойник рассказывала вам о месте, куда вы отправляетесь? — спросил Шарль Вильерс, когда они с новой мадам Луной — несмотря на сходство, ее невозможно было спутать со старой — сопровождали Эверетта Л от портала Гейзенберга.

— По ее словам, какие бы слухи ни разносили по коридорам школы одолеваемые гормонами юнцы, они далеки от истины, — ответил Эверетт Л.

— Так и есть, — согласился Шарль Вильерс, — истина много хуже.

И рассказал ему все.

В похожей на пещеру белой комнате глубоко под поверхностью обратной стороны Луны дама в сером показала Эверетту Л, что тринские технологии способны противопоставить Нано.

— Направьте туда ее, — предложил Эверетт Л.

— Я ведь говорил, что Трин не есть разум в привычном для нас понимании. Разуму Трина неведомы желания, он лишен честолюбия. Ему нет ни до чего дела. Инфундибулум безразличен ему, как результат футбольного матча. Людей мотивировать легче. У них есть чувство долга. За то, что Пленитуда сделала для вас, она потребует платы.

— Пленитуда? — переспросил Эверетт Л. — Или Орден?

Даже опустевший и заброшенный, этот Лондон поражал воображение. В мире Эверетта Л башни — следствие влияния Тринской архитектуры — были выше, но смелость и полет воображения здешних строителей выдавали культуру, уверенную в собственном совершенстве. Вершины башен разворачивались цветочными бутонами, взлетали птичьими стаями; крыши парили в воздухе; дворики изгибались, словно морские раковины; дома испуганными ангелами нависали над улицами. Ничто не казалось прочным и окостеневшим, все жило, двигалось, все переполняла энергия. Город походил на застывшее балетное па. Собор Святого Павла окружал почетный караул небоскребов, утонченных и изящных, словно турецкие клинки, замершие в приветственном салюте. Флит-стрит напоминала карнавал: фантастические строения в форме рыб, облаков, тропических деревьев, редких минералов и загадочных головоломок нависали над старинными домами, не заслоняя их.

Некоторые улицы казались Эверетту Л знакомыми, однако большинство поражали новизной: этот виадук в его мире никогда не пересекал Стрэнд, этот терминал на вокзале Чаринг-кросс — весь стеклянный, на изящных железных ребрах — никогда не был построен. Откуда взялся грандиозный оперный театр восемнадцатого века? А крытый рынок на Риджент-стрит? А изящные георгианские полумесяцы и круги из домов? Этот Лондон сочетал в себе изящество, гармонию и заботу о нуждах горожан.

Но стоило опуститься ниже, и в глаза бросались ржавеющие остовы автомобилей, груды скарба, обращенного непогодой в гниющий хлам, заросли кустарника и трава, пробивающаяся сквозь асфальт. Пустота за каждым окном, пустота везде и всюду. Молчание ужасало. Лишь гудели моторчики дронов да ветер шелестел между мертвыми зданиями.

Темная башня возвышалась на фоне горизонта, словно нож, воткнутый в сердце Лондона. Эверетт Л летел в другую сторону, однако башня притягивала, поражая взор, заставляя сердце болезненно сжиматься. По спине бежали мурашки, мошонку стянуло от ужаса.

Он летел над дымоходами и балконами Мей-фэр, а перед ним простирался Гайд-парк. Озеро Серпантин превратилось в топкое болото, заросло камышом, прихваченные морозом водяные лилии почернели. Там, где в мире Эверетта Л тянулись подстриженные газоны, здесь бушевали ежевика, буддлея и вербейник. Эверетт кружил над парком, ища место для посадки. Следовало заправиться перед долгим полетом в Оксфорд. Дополнительный блок питания везла мадам Луна — где она его прятала и как подзаряжала, было непостижимой загадкой тринских технологий. Открытые пространства Гайд-парка хорошо подходили для посадки и заправки.

— Почему в Оксфорд? — спросил Эверетт Л Шарля Вильерса.

— Эгистрия создала там свой форпост. Посмотрим, сколько им удастся продержаться.

— Вы можете просто переместить меня через портал.

— Они запечатали порталы.

— Так распечатайте, вы же Орден.

Долгий тяжелый взгляд Шарля Вильерса мог заморозить даже ледяное сердце Эверетта Л.

— Кое-что и Ордену не под силу. Порталы Гейзенберга на Земле-1 отправят вас прямо на Солнце.

Пришла очередь Эверетта Л погрузиться в холодное молчание.

— Тогда пусть будет Тоттенхем.

— Так-то лучше. А теперь давайте испытаем новое оборудование.

Эверетт Л легко, словно во сне, коснулся земли, снял очки, отстегнул стропы и привязал дрон к фонарному столбу, заросшему травой. Со всех сторон высились здания, а он стоял среди них один-одинешенек. Эверетт Л вытянул руки и крутанулся на пятках. Из горла вырвался крик: «Я здесь! Один посреди мертвого города! Я, Эверетт Сингх!»

Птицы вспорхнули с веток. Пар от его дыхания повис в морозном воздухе.

Мадам Луна приземлилась рядом, даже не задев травы. Она никак не отозвалась на крик Эверетта Л. Она вообще ни на что не отзывалась.

Над ним кружили птицы, усаживаясь на ветки. Если, конечно, это птицы. Нано могли принимать любые обличия, они забирались внутрь тел и носили их, как пиджаки. В этом мире ничему нельзя доверять. Вильерсы были правы: действительность оказалась куда страшней слухов.

Поверхность темной башни состояла из лиц. Эверетту Л хватило одного взгляда — теперь эта башня будет сниться ему по ночам. Только что он ощущал себя господином Лондона; внезапно на него накатила страх.

— Блок питания при вас? Давайте.

Мадам Луна не двинулась с места. Эверетт Л хотел повторить вопрос, но тут голова мадам Луны по-птичьи дернулась.

— Они близко.

Внезапно Эверетт Л ощутил себя маленьким и очень одиноким.

— Кто? Что?

— Дирижабль. Я вижу их на сканере дальнего действия. Странно. Какие-то помехи. Между мной и дирижаблем словно облако. И оно движется. Нет, это не облако, похоже на снег. Частицы. Насекомые, нет, это не насекомые. Эверетт Сингх! Защищайся! Нано идут!

Хотя слов было не разобрать, до мостика отчетливо долетали два рассерженных голоса. Один женский, визгливый, но твердый. Другой

мужской, низкий, с сильным акцентом уроженца Глазго. Макхинлит.

Эверетт поспешил вниз, наступая на пятки капитану Анастасии. Сен следовала за ним.

— Бона! Ссорятся! — воскликнула Сен.

— В моем мире сказали бы, что Макхинлиту не мешает полечить нервы, — заметил Эверетт.

— В моем тоже, — согласилась Сен.

На грузовой палубе, окруженные солдатами, стояли двое. Один из спорщиков был облачен в отлично подогнанную военную форму Эгистрии; камуфляжный рисунок переливался на свету. На другом была кожаная летная куртка поверх оранжевого рабочего комбинезона. Они стояли лицом к лицу, глаза в глаза, на расстоянии, когда чувствуешь дыхание оппонента. Вены бугрились на шее и лбу Макхинлита. Елена Кастинидис выпрямилась, словно статуя из льда, не отрывая глаз от механика и крепко сжав кулаки.

Заслышав стук каблуков по лестнице, все подняли головы.

— Макхинлит, что происходит?

Солдаты расступились, давая дорогу капитану Анастасии. Ее каблуки цокали, словно выстрелы. Эверетту уже случалось видеть, как грозно могут сверкать ее глаза. Капитан Анастасия подошла к спорщикам вплотную. Пар от дыхания клубился в воздухе. Макхинлит не сводил взгляда с лейтенанта Кастинидис.

— Эта девчонка маленько тырит нашу энергию.

— Мэм, прошу прощения, член вашего экипажа вдвое снизил подачу энергии к боевым костюмам.

— Во-первых, девонька, я не член экипажа, а механик. Механик первого класса, служил на дирижабле Его величества «Королевский дуб». Во-вторых, я — член экипажа, а вы — пассажиры на моем корабле.

Кто-то постучал Эверетту по плечу. Он оглянулся. За его спиной стоял Шарки.

— Вы кое-что забыли. — Шарки вытянул из-за пазухи «Доктор Квантума». — «Ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью». Не для того я его украл, чтобы вы бросали его без присмотра.

— Не волнуйтесь, мой оте...

— Он не ваш отец. Не хватало еще, чтобы они учинили на борту диверсию.

— Все равно у них нет пароля.

— Уверен, этим джентльменам не составит труда забраться внутрь и отследить пароль, — хмуро промолвил Шарки.

— Они смогут?

— Я смогу.

Эверетт выхватил планшетник из рук Шарки и прижал к себе.

— Капитан! — прогремел с верхнего мостика командный голос генерала. — У меня двадцать солдат, их защитным костюмам нужна подзарядка перед схваткой с Нано.

— Терпеть не могу этого оми, — прошипела Сен. — Так бы и пырнула ножичком.

Истая, беспримесная ненависть в голосе Сен свидетельствовала о серьезности ее намерений. Иногда горячность Сен пугала Эверетта. Для него, выросшего в добропорядочной образованной семье Сингх-Брейден, подобная несдержанность была в новинку. Он вспомнил, с каким кровожадным восторгом Сен наблюдала за кулачным боем у паба «Небесные рыцари», где Макхинлит и Шарки выясняли отношения с Бромли.

— Подзарядка, как же, за наш счет, — пробурчал Макхинлит. — А мне как прикажете управляться с дирижаблем?

— Вы получили энергию от нас, — заметила лейтенант.

— Вы сами нам ее предложили. Одной рукой даете — другой отнимаете.

Эверетт не видел лица капитана Анастасии, но мог вообразить, какая ярость бушует за стиснутой челюстью, раздувающимися ноздрями и напряженной спиной. Однажды ему уже пришлось наблюдать отблеск этой ярости, когда он посмел перечить капитану на пути к Гудвиновым пескам. Ее заставляли краснеть на собственном капитанском мостике!

— А теперь послушайте меня, мистер Макхинлит, — промолвила капитан Анастасия. — Этот корабль принадлежит мне. Вам здесь рады, лейтенант Кастинидис, как и вашему отряду. Будьте как дома, мой главный механик окажет вам всяческое содействие. Аэриш никогда не отказывают в гостеприимстве чужестранцам и нуждающимся.

Эверетт усмехнулся. Капитан Анастасия не преминула отпустить шпильку в адрес уважаемых гостей. У двадцать седьмого отряда хватало оружия, сканеров и защитных костюмов, но не было способа передвигаться по воздуху. Сейчас они представляли собой всего лишь груз. Эгистрия цеплялась за остатки могущественных технологий, приспособливая их к своим нуждам, однако фундамент этих технологий был разрушен Нано. Людей осталось слишком мало. Не хватало новых идей. Сияющие самурайские доспехи цвета бронзы пестрели заплатами и сварными швами. Доктора Сингха эвакуировали на вертолете, но, чтобы поддерживать машины в рабочем состоянии, требовались инженеры, техники и жидкое топливо. Люди были рассеяны и доведены до отчаяния.

Истинной причиной ссоры была не жадность Макхинлита, не самоуправство лейтенанта Кастинидис, а страх. Солдаты были напуганы. Макхинлит был напуган. Эверетт был напуган. Даже капитан Анастасия испытывала страх. С каждой секундой «Эвернесс» приближалась к сердцу захваченного Нано Лондона.

Мгновение Макхинлит и лейтенант еще пожирали друг друга глазами, затем отступили, сжимая челюсти и шумно дыша.

— Мистер Макхинлит, за мной, — приказала капитан Анастасия. — Верхняя кают-компания. Дивано.

Эверетт Л замер, парализованный идущим изнутри холодом. Он не мог сдвинуться с места, мышцы онемели, тело перестало слушаться. Нано идут.

Ему послышалось или в голосе мадам Луны прозвучал страх?

«Не замерзай, встряхнись. Поддашься холоду — и твое лицо будет беззвучно звать с поверхности темной башни. Делай то, чему тебя учили».

Эверетт Л сбросил на снег перчатки, летнюю куртку, теплые штаны и летные ботинки, за ними последовали шапка и очки. Остался он в тонком трико, которое обтягивало, словно вторая кожа, а покрывающие его схемы выглядели, словно татуировки.

— Я такого не ношу, — возмутился он перед отлетом.

На этот раз Шарль Вильерс с трудом сдержался.

— Ради всего святого, хватит ломаться.

Трико было похоже на подзаряжаемый костюм из «Evangelion: Neon Genesis». Под пронизывающим ветром и снегом в нем было на удивление тепло — Разум Трина равно искушен как в производстве тканей, так и в остальных технологиях.

— Помогите мне, мадам Луна.

Мадам Луна раскололась надвое.

От макушки до нижней точки торса, вдоль ног и внутренней поверхности рук возникли черные трещины. Изнутри пробился свет. Мадам Луна дернулась. Черты смазались и растеклись, из лица пожилой женщины превратившись в маску боевого робота. Тринские механизмы освобождали внутри мадам Луны пространство, достаточное для одного человека. Для Эверетта Л. Вместо мадам Луны на припорошенной снегом траве Гайд-парка стоял боевой доспех, белый на белом, раскрытый, словно раковина моллюска. Доспех засветился. Схемы на теле Эверетта Л мигнули в ответ. В последний момент Эверетт Л замешкался, не желая отдаваться на милость чуждой технологии. На темной стороне Луны было так клево воображать себя героем манги. Здесь, лицом к лицу с инопланетным разумом, стоял подросток. Мадам Луна использовала те же принципы, что и Нано. Никакие другие технологии не заставили бы механизмы перемещаться по воздуху, словно вода, изменять форму и назначение, перестраивать себя из маленькой пожилой дамы в боевого робота. Когда его голова окажется внутри шлема, не превратится ли он в такого же пленника, как те люди в башне?

Ему твердили, что Разум Трина не собирается выесть его изнутри, что тринские технологии безопасны. Но так ли это? Кроме него и мадам Луны, здесь нет никого с Земли-4. Кто может поручиться, что проник в тайну Трина. Все знают, что Разум Трина хранит свои секреты на темной стороне Луны, что внедрение инопланетных технологий перевернуло жизнь землян. А если все это время Трин лгал? Если идея, что Трин — лишь совершенный механизм без мозгов, — порождение его коварного Разума?

Шарль Вильерс наспиговал тринскими механизмами все его тело. Может быть, теперь и мысли Эверетта Л ему не принадлежат? Его убедили, что он выберется из скафандра, когда пожелает. Но если шлем захлопнется, а он случайно забудет кодовое слово? Сумеет ли он снять его?

Контакт с Нано через три минуты.

Нано надвигались с северо-запада, словно грозовой шторм. Эверетт Л остался один на один с грозными наноубийцами, а его единственным союзником был инопланетный боевой робот.

Оказалось, что принять решение совсем нетрудно.

Более не мешкая, Эверетт Л шагнул внутрь мадам Луны. Доспех неслышно захлопнулся. Однажды, увидев на уроке биологии венерину мухоловку, он, как любой мальчишка, был заворожен медленными и неумолимыми движениями цветка. С такой же неумолимостью вобрал его в себя тринский доспех. Ступни, икры, бедра. Эверетт Л вскрикнул от резкой боли, когда доспех соединился с его имплантами. Кончики пальцев удлинились, слившись с перчатками. Теперь скафандр был внутри него. Скафандр был им.

Шлем впечатался в лицо, словно инопланетный монстр в «Чужом». На миг Эверетт Л оглох и ослеп, однако спустя пару секунд видел и слышал не хуже прежнего. В мышцах и нервах пульсировала энергия. Захочу — и деревья вокруг превратятся в пеньки, захочу — сорвняю с землей Парк-лейн.

Его ступни промокли.

Небо почернело от летящих Нано. Не требовалось настраивать усовершенствованное Трином зрение, чтобы различить птиц и то, что на глазах превращалось в тварей, которые не могли, не должны были существовать. Эверетт Л выбросил руку навстречу ревущей наногрозе.

— Получите!

— Дважды в день, — пошутил Эверетт, заняв стул, который уже считал своим, за столом для совещаний. — Идем на рекорд.

Эверетт осекся. Хмурые лица команды отбили у него желание продолжать в том же духе. Он не имел права смеяться над корабельной историей и традициями. Эверетт уже не был пассажиром, он был полноправным членом команды, но не до конца. Возможно, ему никогда не удастся стать здесь своим.

— Сен, карты, — приказала капитан Анастасия.

Так вот для чего созвали дивано. Ритуал не предназначался для посторонних глаз. Для глаз оксфордских умников, недоверчивых и рациональных, способных посмеяться над варварскими предрассудками.

Сен медленно вытащила колоду из потайного места под сердцем, поцеловала и, что-то пробормотав, одной рукой перетасовала. Затем аккуратно положила на стол перед капитаном Анастасией. Та, тряхнув головой, одним движением разложила колоду через стол, еще пахнувший мебельной полировкой.

Внезапно Эверетт испугался. Он не мог заставить себя дотронуться до карт, ведь он и сам был из умников, недоверчивых и рациональных. Он не верил в магию, он верил в силу.

Несмотря на страх, в глубине души Эверетт гордился собой. Ему доверяют; хотя он не аэриш, но и не земляная крыса, не трюмный балласт. Он принадлежал двум мирам. Он был странником. Не таким, как все. А еще он знал правила. Три раза перетасовать, разложить крестом верхние шесть карт рубашкой вверх, последнюю — поперек той, что в центре.

— Это не магия, — сказала Сен в их первую встречу в вагоне электрички, когда задумала выманить у него «Доктор Квантум». Ни то ни се, за гранью здравого смысла. Видеть истинную природу вещей.

Затаив дыхание, Эверетт перевернул первую карту.

Мужчина, засыпанный камнями, из последних сил карабкался вверх. Сколько осталось до поверхности: мили, миллиметры? Мужчина не знал.

— Пузыри земли, — сказала Сен. — Враги насаждают, шансы победить туманны. Что-то рождается или перерождается. Пустая надежда. Следующая.

Небоскреб в классическом манхэттенском стиле, ступенчатый купол завершал острый шпиль. На нем — помещенный в треугольник зрачок, окруженный кольцом огня. Вылитый глаз Саурана.

— Высоты Андромеды, — сказала Сен и умолкла. Воспоминания о темной башне из лиц, башне, испускающей неумолчный, нескончаемый вой, были еще свежи в памяти.

Эверетт уже видел эти карты, уже переворачивал их в грязном вагоне электрички. Он видел, с каким мастерством Сен тасует колоду. Неужели она мухлюет? Манипулирует колодой — и сознанием членов команды, — добавляя в расклад свои надежды и страхи. Возможно, это не магия, а заклинание?

Следующая карта. Такой Эверетт еще не встречал. Мужчина сидит на крыше поезда и ухмыляется. В одной руке зажат бокал с

вином, в другой — целый свиной окорок. Подозревает ли он, что поезд вот-вот нырнет в глубокий туннель за его спиной?

— Гуляка, — объявила Сен. — Бона времена не могут длиться вечно, впрочем, как и мииз. Знаешь ли ты, что ждет тебя впереди? Следующая, Эверетт Сингх.

Младенцы в коконах свисают с веток фруктовых деревьев, женщины в платьях по моде восемнадцатого века собирают их в корзинки за спиной. Всмотревшись в карту, Эверетт заметил, что коконы сплетены из паутины, а у младенцев глаза насекомых и крохотные коготки.

Сен ойкнула.

— Паучьи детки. Кому доверять? Любовь меняет обличье. Бижусемена прорастают странными всходами.

Остались две последние карты, крест-накрест посередине стола.

Штормовое море и чайка на гребне волны, ее лапки касаются воды, поднимая брызги. Слепящий луч белого света из-за горизонта словно прожигает рисунок насквозь. Источника света не видно: маяк, сигнальный огонь, солнечный луч? Но птица упрямо летит к дому.

— Сияющая тропа. Дорога открыта, однако конца ей не видно. Знаешь ли ты, куда держишь путь? Солнце ослепляет идущих.

Эверетт перевернул последнюю карту.

Время волка.

Эверетта охватило искушение перевернуть карту обратно. Капитан Анастасия удержала его руку.

Солнце и планеты в волчьей пасти. Пожиратель миров. Время тьмы, время торжества злых сил. Такую карту капитан Анастасия перевернула перед схваткой над Гудвиновыми песками. Злые силы — это не Бромли. Настоящее зло — Шарлотта Вильерс и Орден, это они выбросили Теджендру в случайную вселенную, они обрекли Эверетта и команду «Эвернесс» на бесконечные скитания между мирами. Тьма до сих пор правит бал. Но господству злых сил придет конец, иные времена не за горами. Сияющая тропа укажет путь к свету. Птичка над гребнем волны похожа на «Эвернесс». Свет укажет им путь домой.

А ведь Сен никогда не толкует карты, внезапно понял Эверетт. Она лишь называет их. Карты — слова, но Сен никогда не строит из них предложения. Это делаем мы. Каждый из сидящих за столом домысливает сам.

А что думаешь ты, Эверетт Сингх? Каков твой расклад?

Лучше не пробовать. Это похоже на волну, которая смыкает замок, построенный на песке. Хотя то, что я думаю о реальности, не есть сам песок. Наши мысли испытывают реальность на прочность, и там, где тонко, там, где ты можешь дать слабину, ты можешь, напротив, стать сильнее. Вселенная рациональна, даже если порой тебя охватывают сомнения. Да, существуют правила. Но, кроме правил, есть люди, и они не подчиняются правилам. И будущее, которое пророчат карты, может устремиться по другому руслу.

«Ты видишь то, что хочешь видеть. Удача — дело наших рук», — сказала капитан Анастасия перед дуэлью с Бромли.

Пузыри земли. Высоты Андромеды. Гуляка. Паучьи детки. Сияющая тропа. Время волков.

Эверетт собрал карты и протянул колоду Сен, которая сунула ее за пазуху.

— Под нами восточный Лондон, — сказала капитан Анастасия. — Всем занять свои места. Полная готовность.

— Капитан.

Капитан Анастасия, выйдившая последней, остановилась в дверях.

— Хочу кое о чем спросить.

— Спрашивай, о чем хочешь, Эверетт.

Он прижал лоб и ладони к холодному стеклу. От дыхания на нем образовался конденсат. Окраины мертвого Лондона простирались внизу, засыпаемые легким снежком. В черно-белом цвете линии, проведенные людьми на земле, выделялись особенно четко: дороги, железнодорожные пути, кварталы, заброшенные сады, обратившиеся в непроходимые чащи. Глядя на Лондон сверху, можно было решить, что он до сих пор обитаем.

— Капитан, когда вы бросили вызов Ма Бромли...

— Право на личную сатисфакцию.

Капитан Анастасия никогда ни словом не обмолвилась о том, что произошло после того, как она в одиночку шагнула на мостик «Артура П.» навстречу превосходящим силам врага. Синяки пожелтели и исчезли, разорванное ухо зажило — недостаток сережек в одном ухе капитан с лихвой компенсировала избытком в другом.

— Когда вы остались одни, лицом к лицу с этими Бромли... вы испугались?

— Конечно, испугалась, — не медля, ответила капитан Анастасия. — Не за себя. За корабль, за всех вас. За то, что может случиться с тобой.

Эверетт смотрел на черно-белый городской ландшафт, исчезающий под брюхом дирижабля.

— Я должен идти.

— Не ходи, Эверетт.

— Мне нужно.

— Твой отец... доктор Сингх знает, что искать.

— Я должен увидеть, совместимо ли устройство с Инфундибулумом. Я пойму, если совместимо. Он не справится, потому что не знает Инфундибулума. Я должен быть там.

Лейтенант Кастинидис объяснила команде, что ждет их, когда они ступят на территорию Имперского университета. Нано непременно появятся.

— Когда мы бились с Бромли, я не боялся, честно. Наоборот, это было классно! А потом Шарлотта Вильерс выстрелила в отца, но все случилось так быстро, что я просто не успел испугаться. На кладбище, сражаясь с тем, другим Эвереттом, я думал, что играю в футбол. Смотри в оба, угадывай замысел противника, когда тут пугаться! Но теперь, всю дорогу от Оксфорда... и уже нельзя повернуть назад, и я знаю, что они придут... Доктор Сингх рассказывал мне о них. Глаза — последнее, что остается. И мне кажется, что я вижу, как это случится. Иногда лучше не думать. Когда начинаешь задумываться, тогда и приходит страх. И теперь я боюсь, капитан.

— Не боятся только дураки. Никогда не испытывать страха — разве в этом состоит храбрость? Быть храбрым — значит научиться бороться со страхом. А вот об этом неплохо задуматься. Иногда задумываться не так уж страшно. Это единственный способ победить страх.

— Спасибо, я буду стараться, капитан.

— Анни. Ты поймешь, когда ко мне следует обращаться так.

Капитан Анастасия открыла дверь.

— Займите ваш пост, мистер Сингх. Сегодня «Эвернесс» нуждается в каждом из нас.

— Есть, мэ.

Нано бушевали прямо над ним. Они перекачивались через голые ветки, словно черные волны, закручиваясь водоворотом визжащих крылатых тварей.

Эверетт Л привел скафандр в боевую готовность. Скафандр стал одним целым с его телом. В предплечьях возникли дыры, оттуда выползли дула. В каждом стволе по десять наноснарядов.

— Пли, — прошептал Эверетт Л.

От мощной отдачи его качнуло. Снаряды сами знали, куда лететь. Он смотрел, как они врезаются в гущу ревушей черной массы.

Давай.

Эверетт Л хлопнул в ладоши.

На мгновение электромагнитный импульс ослепил его. В наушниках так затрещало, что ему показалось, будто из ушей потекла кровь.

Обычные снаряды бессильны против Нано, говорила Шарлотта Вильерс. Они просто преобразуют их в себя, зато электромагнитный импульс уничтожит софт.

А как же сам скафандр? Как насчет его программного обеспечения?

«Мы доверяем мадам Луне», — ответил Шарль Вильерс.

Скафандр стоял на кромке засыпанной снегом поляны. Снег усеивали черные точки. Черный снег. Нано широкой полосой рухнули с неба там, где их настиг электромагнитный импульс. Небо очистилось. Эверетт Л не оплошал. Он нагнулся, чтобы оторвать липкую массу, добравшуюся до ног скафандра: безголовую тварь с четырьмя крыльями и двумя крошечными детскими ручонками.

Перед глазами возникли круги. Эверетт Л предпочитал не задумываться, что сделала мадам Луна с его глазными яблоками, но шлемные индикаторы представляли собой вращающиеся круги, как в стрелялках или футбольных стимуляторах. Пять контактов, низко и близко.

Лазеры в пальцах, получив мысленный приказ, пришли в боевую готовность. Кончики пальцев Эверетта Л стали одним целым с перчатками скафандра. Ему не хотелось думать, каким образом они срослись.

Пять адских псов, черных, как нефть, со смертоносными белыми зубами и слишком большим количеством лап. Пять вспышек, пять тварей, разлетевшихся на куски. Ни крови, ни костей, ни спекшихся микросхем. А наносборщики уже трудились, собирая растекшуюся массу.

Шарль Вильерс предупреждал его и об этом. Эверетт Л выставил вперед ладони, на них появились круглые отверстия. Чтобы перезарядиться, потребовалось не более двух секунд. Внешне ничего не произошло, не было даже звукового эффекта, как в компьютерных играх; он просто наставил ладони на черную массу, на глазах становящуюся жутким псом с оскаленной мордой, и электромагнитный импульс заставил ее взорваться черными брызгами.

Эверетт Л сжал кулаки, закрывая порты, чтобы перезарядиться. Железный человек Тони Старк, миллиардер и исследователь космоса, чья ракета потерпела аварию на Луне. Тринские технологии превратили его в супергероя, сражающего со злом. Тони Старк — это я. Я — Железный человек. Впрочем, вряд ли Тони Старку приходилось жрать собственное переработанное дерьмо.

Множественные контакты. Нано окружали. Двигаться в скафандре было легко, словно в собственной коже. Эверетт Л крутанулся на пятках, выпуская из пальцев два лазерных луча. Дымящиеся куски собачьей наноплоты промелькнули в воздухе. Раздался звуковой сигнал — генераторы перезаряжены. Смертоносное боевое искусство: поворачиваешься, прицеливаешься, стреляешь, а другая рука уже ищет на утоптанном снегу новую цель. Эверетт Л стоял в центре черного круга, словно кто-то разбрызгал чернила на белой бумаге.

Контакты. Еще и еще. Круги на снегу расширились. Сколько же их? Первая волна захлебнулась в урагане лазерных вспышек и электромагнитных импульсов. На подходе была вторая. Звуковой сигнал: генераторы к бою. Но за второй волной накатывала третья. Нано не останавливались, шестиногие твари упрямо продвигались вперед по останкам передовых отрядов.

Первая, третья, пятая. С каждым разом все ближе и ближе. Двух тварей Эверетт Л снял прямо в полете, после чего генераторы временно отключились. Еще одна, сзади. Дьявол, за ними не уследишь! Эверетт Л развернулся. Пес прыгнул. Слишком близко для лазера. Ужасные челюсти сомкнулись на лицевой панели скафандра,

обратились жидкостью и растеклись по корпусу, ища мельчайшее отверстие, чтобы проникнуть внутрь. Эверетт Л отодрал тварь от груди — она тут же обвилась вокруг руки, — стряхнул и отшвырнул. Тварь прямо в воздухе попыталась принять прежнее обличье. Он выставил вперед ладонь, электромагнитным импульсом обращая ее в черную слякоть.

Новые контакты. Нано. Дюжины.

«Дирижабль появится через сорок минут». Сообщение от скафандра каким-то образом поступало прямо в мозг. Эверетту Л это не понравилось. Что ж, по крайней мере, он больше не слышал тихого, сводящего с ума своей ровностью голоса мадам Луны.

Наверное, в небе будет легче. Он затеряется среди крыш, дымоходов, антенн и кондиционеров, тихо подлетит к дирижаблю и вцепится в него, словно муха в слона, а потом прикрепит устройство слежения. И тогда Шарль Вильерс откроет портал Гейзенберга и вытащит его из этого жуткого мира.

До привязанного к фонарному столбу дрона было два десятка шагов.

Что-то потянуло за правую ногу, и Эверетт Л опустил глаза. Черное щупальце обвилось вокруг ботинка. Эверетт приподнял ногу — щупальце не поддавалось. Тогда он с силой тряхнул ногой — щупальце упало в снег и тут же растворилось в чернильной жиже.

Теперь что-то тянуло его за левую ногу. Черные лоснящиеся усики ползли вверх по икре, а из земли выростали новые щупальца, подбираясь к колену. И вот они уже обнимают бедро. Эверетт шагнул вперед. Усики растягивались, рвались. Семнадцать шагов. Щупальца ползли по ноге, словно змеи. Эверетт Л выставил ладони вперед, запуская генератор. Адские псы приближались. Щупальца вновь вцепились в правую ногу. Эверетт Л попытался шагнуть вперед — щупальца не отпускали. И тут земля взорвалась. В мгновение ока щупальца обвили Эверетта Л до пояса. Дрон маячил у столба в семнадцати шагах. Которые ему уже не пройти.

Генераторы заряжены, сообщила приборная панель шлема. Эверетт Л прицелился в ноги. Горите в огне, чертовы щупальца. Нет, слишком близко, импульс может повредить скафандр. Эверетт Л зачерпнул пригоршню черной жижи. Щупальца все теснее сжимали бедра. Из-за деревьев показались адские псы. Они неслись сплошной

черной стеной. Первых Эверетт Л снес электромагнитным импульсом. Вторая волна тварей обрушилась на него. Трех он обратил в дымящуюся жижу лазерами, двух отбил кулаками. Генераторы зарядились. Эверетт Л снова прицелился в ноги. Он во что бы то ни стало должен пройти эти семнадцать шагов. Что-то с силой ударило в спину.

«Удар Нано», — сообщил скафандр.

Щупальца все крепче сжимали за талию. Псы шли в атаку. Лазеры прожигали воздух, электромагнитные импульсы разбрасывали Нано по снегу. Но их было слишком много, за ними не успеть. Зубы щелкали у самого шлема, покрывая стекло черными потеками слюны. Усики ползли все выше: от бедра к поясу, от пояса к груди, черным плетями обвивали руки. Руки уже не повиновались ему, он больше не мог целиться. Вскоре стекло перестало пропускать свет, и Эверетт Л оказался в полной темноте: ослепший, оглохший, парализованный.

«Датчики отказывают», — сообщил скафандр.

Стоя в полной темноте, Эверетт Л чувствовал мягкие шлепки Нано.

«Мы внутри наносубстрата».

Погребен внутри Нано. Должно быть, снаружи он напоминает египетскую мумию из Британского музея, шарообразный гроб. Гроб из сверкающего черного материала. А Нано продолжали его облеплять.

«Программное обеспечение не повреждено», — сообщил скафандр.

— Зачем мне оно?

«Скафандр способен поддерживать автономное существование».

— Сколько?

«Пока не сядут батареи».

— Сколько?

«В нынешнем состоянии семь месяцев».

Эверетт Л заорал, громко, отчаянно, во все горло. Чернота вобрала в себя крик, оставив его без ответа. Он попробовал шевельнуть хотя бы мизинцем. Попробовал при помощи мышц воздействовать на тринские технологии, вживленные внутри, пока не почувствовал, что сухожилия сейчас оторвутся от костей. Бесполезно. Он не мог сдвинуться с места и ничего не видел. Остался лишь голос

скафандра в голове, дыхание и стук сердца в груди. Заживо похоронен внутри мадам Луны. В пластмассово-металлическом гробу.

— Эверетт?

Голос не принадлежал скафандру. Это был его собственный голос, но исходил голос не от него.

— Что это?

— *Я получаю вибрации через наноматериал и обращаю их в звуковые сигналы.*

— Похоже на голос. Мой голос.

— *Твой, Эверетт Л Сингх.*

Темнота рассеялась.

«Наносубстрат очистил забрало шлема», — сообщил скафандр.

Эверетт стоял и моргал. Между ним и светом маячил какой-то силуэт. Он занимал собой почти весь обзор, заслоняя тусклые зимние сумерки. Наконец точки и вспышки в глазах угасли. На него смотрело лицо.

Его лицо.

— *Привет, Эверетт,* — сказала лицо.

Он. Это был он. Стоял в снегу, среди мертвых Нано, в таком же скафандре, как у Эверетта Л. Его рост, вес, тело, руки и ноги. Лицо и глаза. А вот здесь Нано просчитался: глаза были не его. Они состояли из множества крохотных черных ячеек, словно у стрекозы, и преломляли свет.

— Меня слышно снаружи? — спросил Эверетт Л.

— Да, слышно.

— Кто ты?

Его двойник смущенно улыбнулся и отвел глаза, совсем как Эверетт Л. Когда это Нано успел так его изучить?

— *В некотором смысле я и есть ты. Возможно, тебе неловко разговаривать с самим собой, поэтому я не претендую на имя Эверетт.*

— Но я уже встречал своего двойника и не испытал неловкости. Я был холоден и спокоен. Ты об этом не подозреваешь, и это мое преимущество.

— *Лучше называй меня Нано.*

— Ты похож на меня.

— *Не просто похож, Эверетт. Я и есть ты. В нашей базе была твоя ДНК, поэтому мы создали твой аватар. Мы решили, что тебе будет легче привыкнуть к тому, что выглядит, действует и звучит похоже. У нас есть твоя ДНК, к тому же ты был тут до нас.*

— Сними с меня эту липкую гадость, — мысленно обратился Эверетт Л к скафандру. Тринские технологии ожили, однако ничего не произошло.

— *Нет, Эверетт. Я видел, на что способно твое оружие. Я его почувствовал. Я чувствую все, что делается с любой моей частью. Ты можешь представить, как это больно? Словно тебя рвут на куски. Снова и снова.*

— Что тебе нужно от меня?

Нано пожал плечами.

— *Ты удивил нас. Твои технологии оказались нам не по зубам. Мы не способны тебя ассимилировать. Мы впервые столкнулись с*

подобным. Кто ты? Откуда?

И снова преимущество. Нано не подозревает о Разуме Трина, о Земле-4. Ему невдомек, что я не отсюда. Нано будет выжидать, изучать меня, пока я не умру с голода. Придется рискнуть.

— Я Эверетт Л Сингх. Я не из этого мира, я с Земли-4.

Двойник дважды моргнул стрекозиными глазами.

— *Я передаю информацию Сознанию Нано. Да, мы слышали о Земле-4. Мы обладаем коллективной памятью шестью миллиардов. Ах да, параллельные миры. Минутку...*

Двойник наклонил голову, словно прислушивался к разговору в шумной комнате.

— *Разум Трина. Технологии, основанные не на человеческой биологии. Поэтому мы не можем тебя ассимилировать.*

«Попробуй ассимилируй, — подумал Эверетт Л, — смешай меня с шестью миллиардами, преврати в чудовище со стрекозиными глазами. И это мое третье преимущество: я из другого мира».

Нано не сводил с него изучающего взгляда. В ответ Эверетт Л бесстрашно разглядывал своего двойника, отмечая различия. Прежде всего, глаза, но не только. Скафандр не слишком плотно облегал тело двойника, материал внизу потемнел сильнее, чем должен был потемнеть от растаявшего снега. Волосы, как в фильмах с компьютерной графикой, шевелились неестественно, словно под водой. Должно быть, Нано также сканировал его вдоль и поперек. Эверетт Л снова попытался привести в боевую готовность тринские технологии. И снова неудача. Откуда у Нано его ДНК? Если только...

Эверетт Л едва удержался от крика, внезапно осознав одну важную вещь. Храбрости нужна публика. Храбрость — это для других. Когда ты один, в чужом мире, и тебе противостоит коллективный разум шести миллиардов — когда-то бывших людьми, когда-то, в некотором смысле, бывших тобой, — о храбрости речи нет. Речь о выживании и о том, как перехитрить противника. А страх? Страху тоже нужна публика. Если ты остался один, тебе нечего бояться.

«Десять минут до прибытия дирижабля», — сообщил скафандр.

— *Если хочешь знать, я только что рассчитал, сколько времени нам потребуется, чтобы ассимилировать тринскую технологию. Порядка шести месяцев.*

— Есть идея получше.

— *Говори.*

— Мне нужна твоя помощь, чтобы освободиться от скафандра.

И снова Нано-Эверетт Л склонил голову набок, словно любознательная птичка.

— *Сознание Нано...*

— Вас шесть миллиардов, а я один!

Наноклон дважды моргнул, и внезапно давление на плечи Эверетта Л ослабло. Он посмотрел вниз и увидел, как наномасса стекает с него черными ручьями. Торс, бедра, ноги. Эверетт Л свободно стоял посреди утоптанного круга из снега и травы.

«Передвижение не ограничено», — сообщил скафандр.

— Уф, — выдохнул Эверетт Л и обратился к скафандру: — Предоставь мне выделенную линию.

«Мы на выделенной линии, — прошептал скафандр. — Семь минут до прилета дирижабля».

— Успею, — сказал Эверетт Л. — Синий. Лямбда. Серна. Лютик.

Четыре кодовых слова. Шарль Вильерс вбивал их Эверетту Л в голову до самого портала, откуда они с мадам Луной/боевым скафандром отправились на Землю-1.

Скафандр треснул от макушки до паха, панели разошлись. Эверетт Л выступил наружу, одинокий и беззащитный посреди поля битвы, усеянного мертвыми Нано, заглянул в ячеистые глаза своего двойника и произнес:

— Предлагаю заключить сделку.

Сен на тихом ходу вела «Эвернесс» над Гайд-парком и развалинами Альберт-Холла в сторону мертвых аудиторий, лабораторий и библиотек Имперского университета, к колокольне в сердце кампуса.

Эверетту казалось, что Земля-1 — его собственный мир, в котором увеличили громкость. Величественные здания мертвого Лондона были выше и мощнее, колледжи оксфордской крепости выглядели ниже и старше, дворики — сумрачнее, горгульи — злее.

Колокольня этого Имперского колледжа — университета, поправился Эверетт — поражала мощью. Она была выше Биг-Бена в его Лондоне. Зато здесь не было ни четырех каменных львов у

основания, ни ангелов, держащих символы знаний: книгу, треугольник, телескоп и весы — там, где колокольню венчал купол. Да и сам купол был меньше, а нога каменного ангела с расправленными крыльями никогда не опиралась о его вершину. Похоже — и в то же время непохоже. Совершенно непохоже.

— Не если, а когда, — сказала лейтенант Кастинидис. Ее отряд в полностью заряженных защитных костюмах приготовился к бою. Генерал занял место на командном мостике. Он собирался руководить операцией на расстоянии.

— А еще командир, — пробормотал Шарки, пока Сен выравнивала дирижабль, пытаясь одолеть порывы ветра.

— Дистанция высадки, — скомандовала капитан Анастасия.

Легкое касание рычагов — и громадина дирижабля замерла рядом с колокольней.

— Полная остановка.

«Эвернесс» неподвижно зависла над руинами великого университета. Эгистер колледжа Каиафы одобрительно кивнула. Ради ее статуса, но больше из-за искреннего восхищения дирижаблем и его командой, капитан Анастасия уступила пожилой женщине почетное место у большого обзорного окна.

— Мистер Макхинлит, опустите трап.

Ожили механизмы трюма, мостик под ногами.

Эверетта завибрировал.

— Вы готовы, доктор Сингх? — спросила эгистер.

Теджендра кивнул. Эверетт увидел в его глазах страх, но не только страх, еще смирение и хладнокровие. Теджендра Сингх никогда не сомневался, что ему еще предстоит встретиться с Нано лицом к лицу.

— И вы, мистер Сингх? — спросила капитан Анастасия.

Эверетт глубоко вдохнул.

— Бона.

— Еще одну чертову минуту. — Звучный голос Шарки зазвучал над мостиком. — «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня».

Взметнулись полы длинного плаща, и Шарки бросил Эверетту дробовик.

— Всех нас в конце ожидает двадцать второй псалом. А вот и сухие патроны.

Эверетт поймал дробовик и боезапас. Он надел старый комбинезон с флуоресцентной подсветкой. Лишнее освещение не помещает в обесточенных коридорах университета. Теперь Эверетт был полностью готов.

— Вперед, вперед, с надеждой в сердце, и никогда не будешь одинок, — произнес Эверетт.

— Не помню такого стиха, сэр, а я знаток слова Всевышнего, как Ветхого, так и Нового Заветов.

— В моем мире это гимн болельщиков футбольного клуба «Ливерпуль».

— Порой в безыскусных строках простой песни заключена мудрость, — промолвил Шарки, дулом дробовика поправил шляпу, отсалютовал генералу и покинул мостик. Смотрите все, Лафайет-Шарки бесстрашно отправляется в долину смертной тени в сопровождении верных друзей.

— Бона пути, мистер Сингх, — сказала капитан Анастасия.

— Капитан, позвольте Сен на пару слов.

— Только поторопитесь, мистер Сингх.

У подножия лестницы было пусто. Каждый на свой лад готовился к тому, что ему предстояло. Сен бросилась к Эверетту, словно обезумевшее животное, чуть не опрокинув его через перила. Ее голова прижалась к его груди. Ее странный мускусный запах усилился, разрывая Эверетту сердце.

— Эверетт Сингх, Эверетт Сингх, не уходи, не уходи, — колотилась Сен головой ему в грудь.

— Я должен, только я пойму, совместимо ли устройство.

— Эверетт Сингх, ну почему, почему?! Сен спасет твою диш, Эверетт Сингх, снова и снова, снова и снова. Ты всегда будешь в бегах, и Сен всегда будет с тобой, ты пилот Сен, ты капитан Сен. Не уходи, не уходи от Сен, там я не смогу тебя защитить.

Сен цеплялась за него, словно собачонка, но в ее объятии была сила стального каната. В этом Сен походила на «Эвернесс»: легкая, но способная выдержать любую бурю.

— Сен, осторожнее, дробовик заряжен.

— Давай помогу.

Ее тонкие пальчики в мгновение ока освободили Эверетта от дробовика, как когда-то едва не освободили от «Доктора Квантума» в вагоне электрички, идущей в порт Хакни. Сопротивляться было бесполезно.

Сен целовала его, целовала так, как в прошлый раз, когда ему предстояла битва с двойником из параллельного мира. Целовала отчаянно, привстав на цыпочки, совсем не по-детски, вся страсть и натиск. Дробовик выпал из ее пальцев.

— Сен, парламо палари.

— Конечно, оми.

— Эти мииз кьяппы...

— Особенно тот тип в ужасных кьяпппских шмотках...

— Он не глухой, но не парламо палари. Сен, если я не вернусь из этой барни...

— Нанте парламо, Эверетт Сингх, нанте.

— Сен, я прошу о благ.

— Все, что хочешь, Эверетт Сингх.

— Я говорю об амрийе.

— Амрийе? Ох, Эверетт Сингх, ничего себе благ!

— Да нет же, совсем бижу! Компутатор. Я зуши код. Если я не вернусь, введешь его и окажешься дома. Помнишь, ты рассказывала мне о шикарной палоне, подрядившейся перевезти для Иддлера торбу в Дойчландию, а тут откуда ни возмись нагрянули лилли? И ей ничего не оставалось, как пустить торбу вплавь, а самой дать деру? Саби?

— Саби, Эверетт Сингх.

— Компутатор не должен достаться никому. Без него доне Вильерс нет резона тебя преследовать. Вплавь, Сен, саби?

Сен подняла правую руку Эверетта к своим губам и поцеловала костяшки пальцев.

— Обещаю, Эверетт Сингх. Я принимаю твою амрийю.

— Бонару, Сен. Фантабулоза.

Он был на полпути к выходу, когда Сен окликнула:

— Эй, ружьишко не забыл?

Она бросила ему дробовик. Эверетт поймал его и перекинул через плечо.

— Эверетт Сингх! Аламо!

Эверетт Л вышел из скафандра и взглянул прямо в ячеистые глаза Нано.

— *Что ты можешь нам предложить?*

— Выход отсюда.

Его нанодвойник молчал так долго, что зябкий сырой воздух успел проникнуть в холодное сердце Эверетта Л. Ветер продувал тонкое трико. Эверетт Л вздрогнул и поежился. В последний раз он так продрог после футбольного матча в школе. В то утро, когда все изменилось.

— *Сознание Нано готово выслушать тебя.*

Его двойник не чувствовал холода. Он ничего не чувствовал.

— У меня есть задание, — сказал Эверетт Л. — Я работаю на Пленитуду.

— *Так называемое Правительство известных миров. Нам известно о нем. Оно нуждается в реформировании путем ассимиляции.*

— Скоро сюда прилетит дирижабль.

— *Нам и это известно.*

«Четыре минуты», — шепнул скафандр в ухо Эверетта.

— *Дирижабль летит из Оксфорда. Там расположен аванпост Эгистрии. Мы следим за ним, в свое время он тоже будет ассимилирован.*

— Я должен прикрепить к корпусу дирижабля жучок. Таково мое задание. А потом откроется портал, и меня заберут.

— *Все квантовые выходы запечатаны. Любой, кто захочет воспользоваться этим способом перемещения, окажется на Солнце. Весьма эффективный карантин.*

«Бубнит, как школьная математичка», — подумал Эверетт Л и чуть не прыснул со смеху.

— Я же здесь?

— *Не стану отрицать, Эверетт.*

— Поговорим о сделке. Я — ваш способ выбраться отсюда. Вы помогаете мне установить жучок, я вызываю портал и беру вас с собой. Крошечную частицу, чтобы никто не заметил. Тринские технологии сделали меня неуязвимым, но вы найдете материал... где-нибудь еще.

И снова Нано-Эверетт надолго замолчал. Эверетт Л уже видел дирижабль, приближавшийся с северо-востока. Вот так громадина! Он и не думал, что дирижабль такой большой, словно облако, ураган или гора. А Эверетт представлял собой отличную мишень посреди кольца из мертвых Нано. «Давай же, не тяни! Или тебе нужно согласие всех шести миллиардов, которых ты ассимилировал?»

— *Ты нас не проведешь. Думаешь, в своем мире ты сможешь нас уничтожить? Любая попытка избавиться от нас нанесет тебе непоправимый вред.*

— Что мешает вам найти кого-нибудь еще?

— *Ничего.*

— Тогда по рукам?

Эверетт Л поднял глаза. Дирижабль совершал маневр над Кенсингтон-гарденс. «Ты там, внутри, но ты не подозреваешь, где я», — мысленно обратился он к своему двойнику. У Эверетта Л оставались считанные секунды, чтобы заключить сделку. Ужасную сделку. Позволить Нано затеряться на просторах Пленитуды. Выпустить наружу страшнейший из вирусов. Вирус, который собирался завладеть всеми мирами. Совершал ли кто-нибудь худшее деяние? Какая разница, на кону была его жизнь.

— *По рукам.*

Нано-Эверетт поднял указательный палец. С пальца вспорхнула крохотная черная бабочка.

— *Будет немного больно.*

— Я не...

У бабочки было множество крыльев. Она спланировала ему на лицо и переползла на шею. Эверетт Л ощутил резкую боль в затылке, потрогал место рукой. Ничего. Значит, эта штука внутри. Ему не нужны были тринские сверхспособности, чтобы понять, где именно. Он чувствовал ее, крошечный шарик зла, свернувшийся рядом с позвоночником. «Что же я натворил? Ты сделал то, что должен был сделать. Заключил сделку ради того, чтобы выжить».

Дирижабль завис над Альберт-холлом, носом к колокольне Имперского университета. В этом мире Башня Королевы была массивнее и архаичнее, чем в мире Эверетта Л. Однако это была та же Башня, тот же колледж, и в одном из миров здесь работал Теджендра

Сингх, который изобрел то, ради чего люди готовы носиться как угорелые по параллельным мирам.

Одни и те же люди, места, перекликающиеся во вселенных. Его насильно сделали частью этой головоломки. Эверетт Л, гик и ботан, отличный голкипер, способный взять с игры почти любой мяч. Другие люди из других миров вовлекли его в свои заговоры, заставили принять ужасное решение: предать человечество в обмен на спасение собственной жизни.

Он почувствовал, как внутри него Нано прогрызает путь к позвоночнику. Его затошнило.

— Оно во мне.

Нано-Эверетт не ответил. Его лицо расплылось, словно тающее мороженое, глаза, рот, нос и щеки провалились. Еще мгновение лицо сохраняло память о чертах настоящего Эверетта Л, затем утратило форму, и все тело превратилось в черную жижу, смешавшись с наномассой на снегу. Словно тающий снег на прогалине, наномасса мгновенно впиталась в землю. Он снова был один.

У Эверетта Л остался рюкзак и одежда, дрон по-прежнему ждал у фонарного столба. Не забыть бы, что Нано-Эверетт обещал со временем взломать тринские технологии.

— Ты еще слышишь меня? — обратился Эверетт Л к скафандру.

«Я принимаю твои сигналы».

У портала Шарль Вильерс сообщил ему еще один код: код саморазрушения.

— Молись, чтобы не пришлось им воспользоваться, — сказал Шарль на прощание.

— Установи таймер на один час, — обратился Эверетт Л к скафандру. — Сапсан, фонарный столб, ультрамарин, арфа.

«Есть, Эверетт Сингх».

Эверетту Л казалось, что он предает боевого товарища. Ему было бы гораздо труднее произнести слова кода, оставайся скафандр в прежнем обликии мадам Луны.

Эверетт Л подтянул к себе дрон, оставив второй болтаться в воздухе, пока не сядут батарейки. Сначала он решил одеться потеплее, но не хотелось возиться с рюкзаком. А вот очки пригодятся, без них никак. Эверетт Л пристегнул стропы. Рычаги обжигали пальцы

холодом. Лопасты дрона завращались, шаг, еще шаг, и Эверетт Л взмыл в небо, унося измену на спине, рядом с позвоночником.

От мощного пинка лейтенантского сапога подгнившая дверь распахнулась. Солдаты Эгистрии выстроились в ряд вдоль узкого прохода. Между громоздких воинов в бронированных доспехах и каменным парапетом Эверетт прошел к своей позиции. Порядок передвижения продумали заранее: отряд прикрывал гражданских полем своих скафандров, но радиус его действия был невелик. Оторвись от солдат дальше, чем на три метра, и привлечешь Нано. Впрочем, скафандры давно устарели, к тому же люди не знали в точности, с помощью каких органов чувств Нано обнаруживают биологический материал. Никто не поручился бы, что помехи, создаваемые полем, способны обмануть врага. Люди все время меняли частоту оксфордской защитной решетки, однако Нано не отставали, постоянно изобретая новые способы добраться до бесценной человеческой плоти.

Заиндевшее дерево предательски скользило под ногами. Эверетт неловко спрыгнул с трапа, схватился за парапет и вскрикнул, когда приличный кусок известняка обрушился под его рукой на лужайку. На дирижабле он никогда не боялся высоты, но здесь, на вершине колокольни, все выглядело таким ветхим, трухлявым и ненадежным... Впрочем, если дерево выдержит отряд в тяжелом снаряжении, то уж его и подавно.

— Позвольте дать вам совет, сэр, — обратился к нему Шарки, когда Эверетт протискивался мимо. — Убивайте только по необходимости.

— Вашим оружием Нано не убить, — отозвалась лейтенант Кастинидис от головы колонны.

Динамики скафандра делали ее голос неотличимым от голосов других солдат, однако внешне лейтенанта можно было распознать по нашивке с именем на плечах, двум звездам на груди и голове Медузы на шлеме. «А ведь ты сама перевела рисунок, — догадался Эверетт. — В память о родителях или родной Греции. Взгляд Медузы способен обратить человека в камень. Взгляд Нано еще страшнее. Взгляд, глаза.

Глаза — последнее, что остается. Лучше не думать. Не рисовать в воображении страшных картин».

— Согласен, мэм, но слегка охладить пыл этих мерзостей можно, — ответил Шарки. — И причинить боль — надеюсь, сильную.

Отряд приготовился к штурму. Двое солдат впереди, за ними Теджендра и Эверетт, лейтенант Кастинидис посередине, еще двое солдат, Шарки и замыкающая двойка.

Сегодня Теджендра казался Эверетту особенно хрупким и уязвимым. Ему захотелось подбодрить доктора Сингха, поделиться тем, что придаст ему уверенности. Не оружием, оружие не делает тебя сильнее. Оружие — последний аргумент, когда других не осталось.

— Спускаемся, — скомандовала лейтенант Кастинидис. — Гражданские должны помнить, что своим присутствием только привлекают Нано. Беспрекословное повиновение! Слушать приказы, лишних вопросов не задавать.

Эверетт заметил, как Теджендра ухмыльнулся в спину лейтенанту Кастинидис. Он узнал эту гримасу: свойственное пенджабцам презрение к власти. Тупые вояки.

Узкая лестница лепилась к стенам колокольни. С тяжелой деревянной рамы в центре свисали колокола. Ступеньки угрожающе потрескивали под весом тяжеловооруженных солдат. Эверетт не стал прикасаться к перилам — одного раза достаточно.

— Смотрите, тут летучие мыши, — донесся сверху искаженный шлемом голос.

Тушки, обернутые в кожистые черные крылья, словно сухие листья, свисали с балок, ряд за рядом, ряд за рядом. Эверетт всмотрелся. Что-то не так, эти твари не похожи на млекопитающих.

Солдат слева прицелился и зарядил свое странное оружие. Электромагнитный импульс болезненно отозвался в теле Эверетта.

— Берегите заряды, — сказала лейтенант Кастинидис. — Как только мы применим оружие, нас обнаружат. Рядовой Уинкельман, сканируйте.

Самый нижний солдат — вторая женщина в отряде, Эверетт успел разглядеть ее до того, как солдаты натянули шлемы — подняла сканер и методично обвела внутреннее пространство башни.

— Пассивны, — доложила Уинкельман.

— Не мертвы.

— Но и не живы.

— Вперед, — приказала лейтенант Кастинидис.

Ни живы ни мертвы. Эверетт невольно затаил дыхание, спускаясь мимо дремлющих тварей. Неужели это все, что осталось от преподавателей и студентов, за которыми спасатели не прилетели? Он вспомнил Колетту Харт, которая была ему почти как сестра. Интересно, здесь она тоже работала вместе с Теджендрой? Была ли она в списке гениев, эвакуируемых в первую очередь, или то, что когда-то звалось Колеттой, свисает сейчас с балок в видедохлых наномышей?

Спуск занял немало времени. Еще один мощный пинок лейтенантской ступни, и сумрак башни пронзил луч света. Солдаты выскочили во внутренний дворик, бронзовые скафандры на белом. Над ними, почти заслоняя небо, висела «Эвернесс», подавляя размерами лекционные залы и исследовательские лаборатории.

Рядовой Уинкельман подняла сканер и обвела небо по окружности. Эверетт застыл.

— Регистрирую наноактивность.

Внутри у Эверетта все сжалось от страха.

— Активность вблизи близка к нулевой, почти на уровне помех. Опасаться нечего. Зато к северо-востоку, в районе Гайд-парка, большое скопление Нано.

— Включить поле, — скомандовала лейтенант Кастинидис. — Код триста восемьдесят семь.

Солдаты одновременно дотронулись до перчаток на левой руке. Силуэты в скафандрах сразу стали размытыми.

— Я бы отлично обошлась без этой громадины в небе, — сказала лейтенант Кастинидис и махнула рукой. — Мощность на максимум. Сияем, как рождественская елка.

Отпечатки следов на снегу.

Камеры. Не забудь про камеры. Камеры следят за тобой. В машине Шарлотта Вильерс прочла ему лекцию об устройстве дирижабля с Земли-3. Камеры по всему днищу, множество камер. Устройство дирижабля, управление дроном и тринским боевым скафандром номер сто один, секретные коды, краткий курс истории Земли-1 — упустишь хоть что-то, и никто не поручится за твою жизнь.

По словам Шарлотты Вильерс, камерами была утыкана нижняя часть и бока дирижабля. Они использовались при швартовке, заходе в доки и погрузочно-разгрузочных работах. Воздухоплателям гораздо чаще приходится смотреть вниз, чем вверх. Там, наверху, столько камер не нужно, а за верхним хвостовым стабилизатором есть участок, который с камер не просматривается. Мертвая зона.

— Главное, точная посадка, — наставляла его Шарлотта Вильерс. — Будем надеяться, в нужный момент что-нибудь отвлечет их от мониторов.

Эверетт Л взмыл вверх и какое-то время кружил над Марбл-арч и Паддингтоном. Ветер швырял в лицо острую крошку, но после зараженной земли дышалось на удивление легко. Над Бейсуотер он развернулся и взял курс на громадные хвостовые стабилизаторы дирижабля. Интересно, что они здесь забыли? Какая разница, надо сесть, прикрепить устройство, вызвать портал и дать деру. Дрон снизился над Кенсингтон-гарденс. При помощи усовершенствованного Трином зрения Эверетт Л сфокусировал взгляд на стабилизаторе. Цифры и чертежи пробежали по главному яблоку. Пять-шесть минут — и все будет кончено. Он навсегда уберется из этого ужасного места.

«Эверетт Сингх, я пришел за тобой».

Человек, захлопнувший дверь Хаксли-билдинг перед бушующим роем, успел защелкнуть замок. Впрочем, проникнуть внутрь для двадцать седьмого отряда Эгистрии оказалось не сложнее, чем для Нано. Один удар — и стекло разлетелось вдребезги. Солдаты рассредоточились по вестибюлю, прикрывая гражданских защитным полем.

— Доктор Сингх?

Теджендра разглядывал указатели, автоматы с напитками, доску объявлений, мониторы, кожаные диваны, низкие столики и журналы пятнадцатилетней давности. Пыль толстым слоем покрывала все вокруг, паутина висела в углах, между перилами лестницы и дизайнерской люстрой. Люстра, когда-то сиявшая световым водопадом, сейчас посерела. Никакой содранной краски, рассохшихся половиц, разбитых окон и вездесущей растительности мертвых городов. Словно дверь открыли после летних каникул, а не после пятнадцати лет забвения и наноапокалипсиса.

Запах. Именно он заставил Эверетта застыть на месте. Запах не был отталкивающим или затхлым — напротив, пахло свежо и сильно. Пахло Хаксли, только в сотни раз сильнее, чем обычно.

Эверетт знал, что каждому зданию присущ собственный запах: по-особому пахло в школьной раздевалке, на кухне у Рюна, у самого Эверетта в доме. Когда ты возвращался в Хаксли после каникул, запах накатывал и сбивал с ног. Память о запахах недолговечна, но очень сильна. Электричество, оберточная фольга, чернила для принтера, книги, сбежавший кофе, бумажные стаканчики, хвойный освежитель воздуха для туалетов. Мысли. Мысли тоже пахнут, вроде электричества, только тревожней. Так пахнет перед грозой, погожим летним утром, так пахнет первым снегом. Многократно усиленный запах, долгие годы запертый внутри Хаксли-билдинг, мгновенно перенес Эверетта в родной Имперский колледж. Колетт Харт размешивает в чашке низкокалорийный подсластитель для кофе. Пол Маккейб бубнит что-то с сильным северо-ирландским акцентом. Отец.

— Ничего не изменилось, — прошептал Эверетт.

— Что? — не расслышал Теджендра.

— Куда идти, доктор Сингх? — спросила лейтенант Кастинидис.

— Я присоединился к проекту на стадии завершения... Закончил университет, помогал обрабатывать массивы данных. Когда финансирование урезали, вернулся к собственным исследованиям.

— Доктор Сингх, вы знаете, где устройство? — спросила лейтенант Кастинидис.

— Мне кажется, в хранилище. В подвале.

Эверетт расслышал, как Шарки недовольно буркнул: «кажется ему».

— В моем мире первый портал Гейзенберга был тоже построен в подвале, — заметил Эверетт.

— В моем тоже, — улыбнулся Теджендра.

— Вперед, доктор Сингх, — приказала лейтенант Кастинидис. — А мы за вами. Далеко не отрывайтесь.

— Нужно придумать ему имя, — сказал Эверетт, идя за Теджендрой по мрачному центральному коридору, еще пахнущему средством для натирки полов. — Мы с папой всегда придумывали вещам собственные имена.

— У него есть имя — резонатор квантовой сцепленности.

— Я говорю об имени, не о названии. Вроде Инфундибулума.

Теджендра замешкался на пороге пожарной двери.

— Доктор Сингх! — Лейтенант Кастинидис теряла терпение. — Надо спуститься вниз, взять прибор, и обратно. В словесные игры будете играть, когда вернетесь на дирижабль.

«Знает ли она, зачем вообще нужен этот прибор без имени», — гадал Эверетт.

— Сюда и вниз по служебной лестнице, — сказал Теджендра. — Странно, все вокруг кажется меньше, чем я помню.

Рядовой Уинкельман снова включила сканер.

— Что-то происходит. Похоже на информационный поток со стороны Гайд-парка к темной башне, — доложила она.

— Ваша оценка?

— Понятия не имею. Никогда раньше с подобным не сталкивалась.

— «Поспешите на помощь мне, Господи, Спаситель мой», — пробормотал Шарки.

— Ладно, спускаемся, — решила лейтенант. — Дайте свет.

По обеим сторонам шлемов загорелись лампочки. Эверетт вспомнил старое ютубовское видео: концерт «Орбитал» в Гластонберри, братья Хартнолл с фонариками на голове. Глупая, банальная мысль. Такие приходят в голову, когда до смерти перепуган.

Первый солдат ногой распахнул дверь. Где-то в подвале вздохнул ветер. Лампочки на шлемах отбрасывали двойные озерца света на стены и лестницу. В компьютерных играх Эверетт никогда не любил красться в мрачных подземельях, каждую минуту ожидая, что фонарь выхватит из темноты что-нибудь ужасное.

Свет на шлемах пробивал путь в сплошной тьме, пока отряд методично прочесывал комнату за комнатой. Везде царил беспорядок: полки опрокинуты, бумаги разбросаны, пластиковые коробки перевернуты. Все, что могло пригодиться в войне с Нано, давно вынесли. Комната за комнатой, хранилище за хранилищем.

— Нано, мэ.

Все лучи сошлись в одной точке. Шарки вскинул дробовик. С потолка свисали сталактиты черной жижи. На полу бугрились лужицы замерзшей наномассы.

— Пассивны, — доложила рядовой Уинкельман.

— Что вы здесь хранили? — спросила лейтенант.

— И кто уничтожил этих тварей, хотелось бы знать, — пробормотал Шарки.

В следующем хранилище свет лампочек отразился от толстого металлического диска трех метров в диаметре, покрытого охлаждающими насосами и теплообменниками. Провода уходили в темноту. В центре диска была дыра размером с ладонь Эверетта. Он уже видел этот диск, эту дыру. На компьютере Рюна Спинетти. А настоящий диск был спрятан глубоко под Имперским колледжем, как этот был спрятан здесь, под Имперским университетом.

— Первый портал Гейзенберга.

— Лейтенант, — Шарки возвысил голос. — Слушайте, говорит джентльмен и конфедерат.

— Хватит с меня археологии, уходим, — буркнула лейтенант Кастинидис.

— Лейтенант. — Зычный голос американца отражался от темных пыльных стен. — Они не возьмут вас с собой.

— У нас мало времени.

— Генерал и эгистер. Они вас обманывают.

— Хватит, мистер Шарки.

По тревожному шороху скафандров Эверетт понял, что Шарки удалось заронить сомнения в души солдат. Звук не ускользнул и от ушей Шарки.

— Знаете, что они сделают, когда устройство попадет к ним в руки? Откроют портал и уберутся отсюда к чертовой матери.

— Невозможно. На Солнце...

— Но мы ведь здесь! Они заключили с нами сделку. Вы помогаете нам найти устройство, мы предоставляем им возможность побега. Что-то не припомню, чтобы они упоминали о вас.

— Вы лжете.

— «Господь да будет между нами свидетелем верным и истинным», — промолвил Шарки. — Тогда скажите, зачем они увязались за нами? С генералом понятно, а эгистер? Уважаемая дона — женщина многочисленных талантов, но среди них не числится талант военачальника.

— Еще одно слово, и я застрелю вас. Я не шучу, сэр.

Свет мельтешил и дрожал, однако Эверетту показалось, что на губах Шарки мелькнула улыбка. Больше слов не потребуется, сказано достаточно. Семена упали в благодатную почву.

— Мы должны выполнить задание и убраться отсюда. Где ваше устройство, доктор Сингх?

«Я недооценил вас, Майлз О'Рейли Лафайет Шарки, — подумал Эверетт. — Выбор не всегда стоит между мной и дирижаблем. Сейчас вы пытаетесь спасти обоих».

Комната в самом конце коридора представляла собой зловещий музей мертвых технологий. Дюжина списанных порталов, старомодных пыльных ворот в никуда. Свет лампочки выхватил в углу белые крылья какого-то гигантского насекомого, Эверетт успел испугаться, пока не сообразил, что перед ним дрон. С мотора и изящных крыльев свисала паутина. Эверетт уже видел такой в подвале под Имперским колледжем после фантастического полета над куполами и минаретами Лондона. Такой же, но не такой.

— Посмотрите на эти пылесборники, — сказал Теджендра. — Королева наук в одночасье стала золушкой. Когда-то нанотехнологии ценили, в них вкладывали деньги. Никто не вкладывал денег в исследования множественных миров.

Свет лампочек плясал на железных перекладинах. Аккуратно расставленные кубы, коробки, прямоугольники, на взгляд Эверетта, выглядели одинаковыми, но Теджендра уверенно двигался вдоль полок, тщательно рассматривая содержимое каждой емкости. Наконец он взял в руки коробку, формой и размером напоминавшую старомодную книгу в бумажной обложке.

— Кажется, он...

— Похоже на дисковод, — заметил Эверетт.

— Квантовый дисковод. Нужно подключить, проверить, работает ли.

У Эверетта сердце ушло в пятки. Ему не приходило в голову, что Паноптикон может не работать. Если ты нуждаешься в чем-то больше жизни, невозможно поверить в неудачу.

Лейтенант Кастинидис выступила вперед.

— Покажите мне.

Она повертела устройство в руке.

— Похоже, разъем стандартный. За последние пятнадцать лет мы не слишком продвинулись в технике.

— Нисколько не продвинулись, — подтвердил Теджендра.

Лейтенант открыла панель на левом запястье и вытащила кабель.

— Надеюсь, эта штука жрет не слишком много энергии. У нас на счету каждый ватт.

Теджендра подключил прибор и нажал на верхнюю панель. Внутри устройства загорелась крохотная синяя точка, и комнату заполнили звезды. Они медленно вращались, словно величественные колеса галактик возрастом в миллиарды лет.

— Ничего себе! — прошептал Эверетт в изумлении.

— Паноптикон, — произнес Теджендра. — Хорошее имя, не правда ли? Устройство, способное видеть везде. Нужно его подстроить.

Теджендра провел пальцем по металлической поверхности прибора, и голографическое изображение сжалось до размеров стола.

— Да, узнаю... — В свете Паноптикона Эверетт видел, что Теджендра улыбается. — Все звезды, все когда-либо открытые порталы.

— Это оно, — прошептал Эверетт.

— Лейтенант, активность Нано усиливается, — доложила рядовой Уинкельман. — Всплеск энергии в центре Гайд-парка. Очевидно, Нано направляются сюда.

— Нужно завершить проверку, — сказал Эверетт. — Возможно, недостает какого-то интерфейса. Не хочется за ним возвращаться.

— Я попробую добраться до системных файлов. — Теджендра склонился над Паноптиконом.

Внезапно их ослепила яркая вспышка. Когда к Эверетту вернулось зрение, в голографическом созвездии сияла новая звезда.

— Что, черт подери, происходит? — спросила лейтенант Кастинидис.

— Понятия не имею, — пожал плечами Теджендра. — Я ничего не трогал...

— Я знаю, — сказал Эверетт. — Открылся портал Гейзенберга. Здесь и сейчас.

— Что бы это ни было, теперь Нано в курсе, где мы, — сообщила рядовой Уинкельман. — Их активность зашкаливает.

— Мистер Сингх, проверка подождет. — Лейтенант Кастинидис выдернула провод. Звезды погасли. Упала темнота, полная и непроглядная. — Уходим. Гражданские в центре. Вперед!

Эверетт схватил устройство и бросился к двери. Чья-то рука в темноте успокаивающе легла на плечо.

— Не волнуйся, сынок, у тебя все получится, — сказал Теджендра.

Эверетт сунул Паноптикон во внутренний карман. Подсветка комбинезона сияла в темноте: слишком мало света, чтобы видеть самому; достаточно, чтобы быть увиденным.

— Нано прямо над нами, — доложила рядовой Уинкельман.

Эверетт Л отстегнул стропы. Приземление вышло жестким. Впрочем, едва ли он ожидал, что поверхность дирижабля спружинит под ним, словно батут. Отпустив трос, Эверетт Л смотрел, как дрон планирует к горизонту в свободном полете. Он упадет, когда сядет батарея, нет смысла его возвращать.

Размеры дирижабля потрясали. Корпус, слегка припорошенный снегом, изящно закруглялся. Если не знать, что дирижабль в полете, никогда и не подумаешь, что ты в воздухе. Единственное, что выдавало работу мощного механизма внутри, была легкая вибрация, которую Эверетт Л ощущал подошвами: дирижабль тихо гудел в такт пульсации моторов.

Хвостовой стабилизатор был размером с дом. Стараясь держаться подальше от движущихся частей, Эверетт Л присел и вытащил из рюкзака устройство слежения. Белое, как все тринские механизмы, запечатанное в пластиковый пакет. Эверетт Л зубами надорвал край пакета. На вид устройство напоминало компьютерную мышь. Впрочем, какая разница? Всего-то и нужно, что оторвать ленточку от клейкого основания и приложить прибор к корпусу. Негнувшимися пальцами Эверетт Л расчистил снег. Пара секунд — и дело было сделано.

Так вот ради чего ему пришлось пройти через ужасы и страдания, через смерть и холод. Чтобы приклеить пластиковую коробочку к корпусу дирижабля. Эверетт Л чуть не расхохотался. А если бы расхохотался, то не смог бы остановиться. Смех на грани рыданий выплеснул бы все напряжение и животный ужас, которые прятались

внутри. Когда-нибудь этот ужас вырвется наружу — и тогда он будет хохотать до упаду.

Оставалось нажать единственную кнопку на корпусе устройства. Она запустит механизм и передаст координаты Эверетта Л на Землю-4. Им останется только открыть портал.

Портал. Открыть портал Гейзенберга.

А зачем?

Нет, они не могут так с ним поступить! Они слишком много в него вложили, все эти дорогущие тринские технологии. Он слишком ценен. Его не бросят здесь одного. Не бросят? Вспомнились алые напояженные губы Шарлотты Вильерс под вуалью шляпки, тонкие и холодные. Эта бросит. Эта на все способна.

Крошечная точка возникла в воздухе рядом с ним и в мгновение ока превратилась в белый диск. Слепящее белое сияние перешло в тусклый лунный свет.

— Ненавижу! — крикнул Эверетт Л, подхватил рюкзак, сдвинул очки на лоб и нырнул внутрь диска.

Эверетт побежал. Коридор казался длиннее, а пол ненадежнее, чем на пути сюда. Сероватый прямоугольник лестничного пролета никак не хотел приближаться. И комнаты, столько комнат!.. Лампочки на шлемах тревожно метались. Рядовой Уинкельман резко остановилась, подняла руку и провела сканером перед собой. Отраженный свет плясал на забрале шлема. Эверетт увидел, как шлем недоверчиво качнулся.

— Нано!

— Где?

— Везде!

Солдат, бежавший впереди, бросился закрывать двери, пока отряд отступал к лестнице. Хранилища, забитые утраченными знаниями и историей, теперь населял ползучий ужас. Что-то черней самой черноты вздымалось между поваленных полок и мертвых системных блоков. Черное, словно жидкая ночь. А еще у него были ноги. Много ног, слишком много.

Раздались выстрелы, стены озарили вспышки.

— Чисто!

— Не оглядывайся, — прошептал Шарки за спиной у Эверетта.

Эверетт не послушался и оглянулся. Черная волна гналась за ними по коридору, вдоль стен и потолка, словно мерзкая блевотина. Лица. Внутри. Десять метров до лестницы, пять. Ступеньки. Вверх или вниз? Свет на площадке ослеплял. Эверетт замешкался.

— Вверх, вверх, вверх! — заорал солдат.

Эверетт запрыгал через две ступеньки, на последней споткнулся и едва не упал ничком. Лейтенант Кастинидис железной рукой в перчатке схватила его за шиворот и поставила на ноги.

Отряд уже выбегал из разбитых дверей Хаксли-билдинг, когда из лестничного проема вырос черный столб наномассы. Он возвышался, словно дерево, по стволу извивались змеи. Вершина распустилась лицами, словно многоголовый бог индусов, накренилась и рухнула на пол вестибюля. Не дожидаясь, пока масса начнет вздыбливаться, двое солдат отцепили от пояса гранаты и швырнули их в бурлящее месиво.

— Что это? — крикнул Эверетт на бегу.

— Гранаты с электромагнитным импульсом, — прокричал в ответ солдат.

Эверетт прижал к груди Паноптикон. Не то чтобы это помогло — электромагнитные волны прошли сквозь Эверетта, словно рентгеновские лучи, — но если гранаты могли навредить Нано, они могли сжечь и Паноптикон. Оставалось надеяться, что у прибора внутри стоит хорошая защита.

Гранаты взорвались с негромким хлопком, словно в игре «Halo». Оглянувшись, Эверетт увидел, как маслянистая волна наномассы застряла в дверях, а искаженные страданием лица навечно застыли в неумолчном крике.

«Эвернесс» нависала прямо над ним, однако наномасса была повсюду: она вытекала из водосточных желобов, капала с фальшивых викторианских горгулий, принимая их облик и взмывая в небо. Нанодемоны обрушивались на отряд с воздуха, солдаты отстреливались. При попадании импульса демоны взрывались, превращаясь в странные, похожие на воздушных змеев прямоугольники, которые, падая, разбивались, словно стеклянные.

— Запас мощности — сорок процентов, — доложила рядовой Уинкельман.

Елена Кастинидис бросила взгляд на запястье и посмотрела вверх. Удар ее кулака сшиб Эверетта на землю. Лейтенант прицелилась и

выстрелила. Осколки мертвых Нано со звоном посыпались вниз. Эверетт принялся с отвращением отряхиваться, а Шарки уже тянул его за собой. Елена Кастинидис замешкалась, чтобы прочесть информацию на запястье, и дважды нажала на табло. Эверетту показалось, что она чертыхнулась.

Они выбежали на лужайку. Подняв глаза, Эверетт заметил Сен у большого обзорного окна. Она стояла, приложив руки к стеклу, на лице застыли страх и беспомощность. Спуститься бы вниз, метким выстрелом из бумкера отправить в отключку плохих парней и молнией взмыть в небо, забрав с собой всех!..

Между ними бесновались черные крылья оживших нанотехнологий, но вид Сен, такой далекой, такой слабой и такой сильной, придал его ногам крепости, духу — стойкости, сердцу — огня. Без меня ты не сможешь вернуться домой. А значит, я иду к тебе.

И вот они у подножия башни. Долой дверь!

— Сюда, быстро, все внутрь! — Лейтенант Кастинидис втокнула гражданских в башню.

Едва Эверетт успел протиснуться мимо нее, как с неба обрушилась чернота. Лейтенант прикрылась локтем, и тварь вцепилась ей в руку. У чудища было лицо двухлетнего ребенка. Свободной рукой Елена оторвала его от себя, подбросила в воздух и выпустила заряд генератора. Тварь разлетелась на куски.

— Отличный бросок, — похвалил Эверетт. Ступеньки все не кончались. Выше и выше, круг за кругом. Затем глаза привыкли к темноте, и Эверетт увидел то, о чем успел забыть. Со стропил и балок, словно гирлянды, свисали тысячи Нано.

— Просто считай ступеньки! — крикнул Шарки.

Поворот, еще один. Икры сводило. Даже Шарки дышал с трудом. Но хуже всего приходилось Теджендре: он отдувался и закатывал глаза, из последних сил преодолевая боль.

— Я подстрахую! — крикнула лейтенант Кастинидис. — Я его не брошу!

Где-то наверху ударил колокол. Тихий высокий звук, пришедший из ниоткуда.

— О нет, — пробормотал Эверетт.

Деревянные стропила взорвались Нано. Колокола жалобно звонили, а вокруг них бушевал ураган.

— Отстреливайся! — заорал Шарки.

Эверетт скинул с плеча дробовик, о котором успел забыть.

— Гражданским держаться солдат! — крикнула лейтенант. — Мистер Шарки, помните мои слова? Не если, а когда!

Перестроившись на манер греческой фаланги, отряд пробивал себе путь вверх. Разлетающиеся от электромагнитных импульсов осколки Нано ударялись в колокола, раскачивая их. Лица, вокруг мелькали лица. Это походило на затянувшийся кошмарный сон. Ступенька за ступенькой, пролет за пролетом.

— Осталось мало энергии! — прокричала рядовой Уинкельман.

Что-то обрушилось прямо на голову Эверетта. Лейтенант Кастинидис прицелилась. Тварь с лицом старой женщины развернулась и бросилась на нее. Недолго думая, Эверетт вскинул дробовик и выстрелил. Наномасса разлетелась на осколки и тут же начала перестраиваться. На перчатке лейтенанта Кастинидис зажегся светодиод. Кончалась энергия.

— Отличный выстрел, мистер Сингх! — похвалила лейтенант Кастинидис. — Я почти на нуле. Переключиться на резервное питание и вперед! — скомандовала она отряду и подняла забрало. — По крайней мере, буду видеть, что под ногами. Доктор Сингх, как вы?

Теджендра остановился и согнулся наполовину, с трудом переводя дыхание.

— О боже... я не могу...

— «И стал я на песке морском и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диadem, а на головах его имена богохульные». — В голосе Шарки сквозил благоговейный ужас.

Эверетт обернулся. Летучие мыши были уничтожены, но снизу, по ступеням, стенам и вдоль перекладин, тянулись извивающиеся черные щупальца.

— Убираемся отсюда к чертовой матери! — крикнула лейтенант Кастинидис.

Эверетт побежал. Дыхание перехватывало, кровь глухо стучала в висках. Быстрее, еще быстрее!.. От балконной двери исходил свет. Свет — спасение, свет — надежда. Свет олицетворял «Эвернесс» и Сен. Тридцать шагов. Двадцать. Десять. Белый свет ослепил, в лицо

ударил холодный ветер. Солдаты уже взбегали по трапу. Дирижабль готовился взлететь в любую секунду.

— Давай сюда, Эверетт! — крикнул Шарки. Одной рукой он схватился за парашют, другой придерживал щегольскую шляпу.

— Я должен... — Эверетт оглянулся.

Теджендра упал. Лейтенант Кастинидис пыталась обвить его руками свои громоздкие плечи в защитном костюме. За спиной Теджендры извивались щупальца, разделяясь на мелкие усики.

— Сюда! — крикнул Эверетт.

Теджендра слабо улыбнулся.

— О, — пробормотал он еле слышно. На лице ученого появилось удивленное выражение. Затем на его груди возникла черная точка и, раскрываясь, словно оригами, начала расползаться в ширину. Жидкая маслянистая чернота Нано.

— Нет! — Лейтенант Кастинидис перерубила щупальца, пронзившие Теджендру насквозь, но из обрубков лезли новые завитки. — У меня кончилась энергия!

— Как странно, — промолвил Теджендра. Щупальца уже расползались по его шее. — Мне совсем не больно.

— Я ничего не могу сделать, — пробормотала лейтенант Кастинидис с изменившимся, смертельно бледным лицом.

— Эверетт... — взмолился Теджендра.

Эверетт понял сразу. Страшней этой просьбы не было ничего на свете. Он вспомнил слова Шарки: «Ешь мясо только убитых тобой зверей. Убивай только по необходимости».

Чья-то рука схватила его дробовик. Шарки выдернул короткостволку из пальцев Эверетта.

— На корабль, мистер Сингх.

— Теджендра...

— Эверетт, на корабль!

Он смотрел, как смуглое лицо Теджендры поглощает густая маслянистая чернота. Он смотрел в его глаза. Глаза говорили: я все понимаю. Эверетт обернулся и шагнул к свету. Он не услышал привычного: «За Данди, Атланту и святого Пио!» Шарки лишь тихо промолвил:

— «Да благословит тебя Господь и сохранит тебя. Да призрит на тебя Господь светлым лицом Своим и помилует тебя».

Раздались два выстрела.

С лицом мрачней тучи Шарки последним ступил на борт, и за ним втянули трап. Он не смотрел ни на Эверетта, ни на лейтенанта Кастинидис, ни на солдат. Американец прямоком направился на мостик, где молча занял место за своим монитором. Остальные последовали за ним.

Сен уже отводила дирижабль от колокольни. Черные щупальца вылезали из дверей, из световых люков на куполе, обвивались вокруг башни, словно змеи.

— Вы принесли его? — спросила эгистер колледжа Каиафы.

— Да, — ответил Эверетт.

— А где доктор Сингх?

Лейтенант Кастинидис покачала головой.

— Полный вперед, Сен, — ледяным тоном промолвила капитан Анастасия. — Уводи мой корабль из этого кошмара.

Тяжелые осколки каменной кладки дождем осыпали лужайку. Щупальца свивались друг с другом и стремились ввысь. Чернота поглощала башню, как недавно поглотила Теджендру. Ни жизнь, ни смерть. Эверетт ненавидел эту мерзость всеми фибрами души. Его руки дрожали от бессильного гнева.

Убивай только по необходимости. Карты не ошибались. Им не было дела до того, верил ли Эверетт Сингх в их предсказания. Пузыри Земли. Враги насаждают, шансы победить туманны. Острый шпиль Высот Андромеды. Темный туннель, готовый поглотить беспечного Гуляку. Отвратительные младенцы-пауки — Паучьи Детки. Тьма, поглощающая мир. Время Волка. Птичка над бушующим морем, летящая к недостижимому свету. Сияющая тропа.

Сияющая тропа. Луч света, пронзающий тьму. Свет, бьющий из-за горизонта. Свет, солнце.

Солнце.

Эверетт приблизил микрофон к губам.

— Мистер Макхинлит, у нас хватит энергии для прыжка?

Теперь башня напоминала готовый лопнуть дьявольский бутон. Щупальца уже дотянулись до «Эвернесс», они делились и извивались, выпуская все новые побеги.

Сен навалилась на рычаги. Медленно, очень медленно громадный корабль набирал скорость.

— Серединка на половинку, но если ты решил валить из этого ужасного места, я только «за»!

— Нет, мистер Макхинлит, напротив.

Наконец Эверетт понял. Он понял, почему тот, другой, Эверетт хотел его смерти. Понял, что чувствуешь, когда чужой отбирает твою жизнь и ломает ее по своему усмотрению. Теперь он знал цену ненависти. Горячими углями ненависть пылала в его груди. Чаще всего ненависть заставляет людей лишь бессильно сжимать кулаки, но если ты обладаешь властью, чтобы выплеснуть ненависть наружу, ты становишься опасен. Эверетт обладал властью. Абсолютной и беспредельной.

Он схватил Инфундибулум. На экране медленно вращались сияющие прозрачные полотнища. Нашел нужные координаты. Ничего сложного. Произвел вычисления. Проще простого. Точка отправления, точка прибытия. Ширина окна, период его открытия. Инфундибулум выдал готовое решение. Эверетту оставалось ввести код в контроллер.

Усики раскрылись, словно челюсти. Их верхушки, плоские, как щупальца кальмара, обратились вихрем крылатых тварей. «Эвернесс» удирала на всех парах: Королевский колледж музыки, Альберт-холл, Альберт-мемориал, белизна Кенсингтон-гарденс, прерываемая редкими посадками, проносились под корпусом дирижабля. «Эвернесс» преследовало наноторнадо.

Панель загорелась зеленым.

— Закройте глаза! — крикнул Эверетт. — Отвернитесь! Не смотрите на свет!

Он нажал на кнопку. Портал открылся в двадцати метрах над башней. С другой стороны портала сияло беспощадное светило. Место, куда любой, кто хотел покинуть этот мир или проникнуть в него, отправлялся, чтобы сплясать мгновенный обжигающий танец на поверхности Солнца. Эверетт обратил это свойство портала в оружие.

Такой яркой вспышки ему видеть не доводилось. Эверетт бросился на пол, прижав руки к лицу. Сквозь закрытые веки он видел кости своих ладоней. Запахло паленой кожей и волосами. Он перекатился по полу, спиной к большому обзорному окну.

Пять миллионов градусов жара ударило по Имперскому университету из отверстия диаметром в сто метров. Университет не просто взорвался — он расплавился, превратился в клубок плазмы.

Перестал существовать. Ничто не могло выжить в сердце светила. Пять секунд Эверетт Сингх обстреливал наномассу, затем портал закрылся. Исчезли башни, лужайки, корпуса и лаборатории; на их месте бурлила лава. Ни единого Нано, ни единого атома. Музеи, концертные залы, памятники — вся величественная викторианская архитектура Южного Кенсингтона была уничтожена. Плавающие автомобили кружили в воздухе, словно опавшие листья. От музеев Естественной истории, Виктории и Альберта, Музея науки остались лишь дымящиеся остовы. Альберт-холл напоминал раздробленный череп. Повсюду носились огненные торнадо. Над зоной взрыва поднималось облако-гриб из перегретого газа и дыма, внутри облака сверкали молнии. Две тысячи, три тысячи, четыре тысячи метров. Затем взрывная волна подбросила «Эвернесс», словно детскую игрушку, и швырнула в небо. Эверетт прилип к пульта управления; Шарки так сжал кресло руками, что костяшки пальцев побелели. Генерал и эгистер покатались по полу. Защитный костюм лейтенанта Кастинидис, используя последние крохи энергии, удерживал ее вертикально. Сен вцепилась в рычаги. В окне мелькали обугленные пни, заснеженный Гайд-парк, стена огня, продвигающаяся по Южному Кенсингтону.

Сен заметалась. Нельзя допустить, чтобы «Эвернесс» перевернуло вверх дном, но стоит переусердствовать с рычагами — и гондолы двигателей не выдержат нагрузки и оторвутся. Скелет из карбо волокна выстоит, однако кувырок на сто восемьдесят градусов может переломить дирижаблю хребет.

— Я не знаю, что делать!

Капитан Анастасия взвилась с пола и бросилась к рычагам. Шпангоуты «Эвернесс» стонали от напряжения.

— Надо использовать взрывную волну! — прокричала капитан Анастасия! — Придется развернуться!

— Мы упадем! — воскликнула Сен.

Словно удары мощных кулаков сотрясали дирижабль.

— Верь мне! — проорала капитан, заглушая стоны умирающего корабля. — По моей команде полный вперед! Дождемся затишья.

«Эвернесс» визжала, словно живое существо, но капитан Анастасия, вцепившись в пульт управления, прислушивалась к ветру, к

бушевавшей снаружи солнечной буре. Она словно прощупывала небо. Наконец в самом сердце урагана ее сенсоры что-то уловили.

— Право руля! — приказала капитан. — Левому борту приготовиться к развороту. Двигатели на полную мощность!

Сен орудовала рычагами, до предела отводя одни и подтягивая другие. Моторы взвыли. Вибрация сотрясла Эверетта до корней зубов. Капитан Анастасия отжала ручку управления. Эверетт почувствовал, что палуба под ним накренилась: «Эвернесс» разворачивалась боком к взрывной волне. Двадцать процентов крена, тридцать процентов... выдержит ли дирижабль поворот на триста шестьдесят градусов? «Эвернесс» трясло, «Эвернесс» качало, но массивный воздушный корабль медленно повернулся вокруг своей оси.

— Давай, милая!

На шее капитана Анастасии, сражающейся с ручкой управления, вздулись жилы. Затем ураган подхватил «Эвернесс», развернул хвостом к бушевавшей стихии, и дирижабль плавно заскользил по небу, подгоняемый адским ветром.

Позади остались Найтсбридж и пылающий Южный Кенсингтон. Языки пламени взмывали в небо на сотню метров. Гайд-парк был выжжен дотла, снег испарился, дымящиеся пни отмечали эпицентр взрыва. Облако-гриб поднялось выше темных туч, внутри по-прежнему сверкали молнии. С неба падала копоть, на лету обращаясь черными снежинками.

— Принимаю управление кораблем, мисс Сиксмит, — сказала капитан Анастасия в микрофон. — Доложите о состоянии дел, мистер Макхинлит.

— Хвала небесам, с виду мы все еще напоминаем дирижабль, хотя, черт побери, это более чем странно! Скажите мистеру Сингху, что он сжег все передние камеры и герб на носу. Но мы живы, а эти нечестивые твари нет, так что, в общем и целом, счет в нашу пользу. А еще я бы посоветовал убираться отсюда подобра-поздорову, мы и так подхватили изрядную долю радиации — это для тех, кто еще имеет планы на свои половые железы.

— В Оксфорд, — скомандовала капитан Анастасия, выравнивая рычаги. — Мисс Сиксмит, помогите мистеру Сингху.

Эверетт стоял, крепко сжимая кулаки. Грудь сдавило, в голове было пусто. Он ощущал себя чуждым всему. Он управлял Солнцем, он

уничтожил Нано. Губы сами прошептали строку из Бхагавад-гиты: «Теперь я стал смертью, разрушителем миров».

Оппенгеймер, создатель атомной бомбы, произнес эти слова после первого испытания своего детища. Эверетт призвал силы гораздо более могущественные, чем расщепленные атомы: квантовую природу самой реальности, и использовал их, чтобы открыть путь к сердцу светила в другой галактике. Другой образ из Бхагавад-гиты: Кришна в сиянии тысячи солнц.

Подбежала Сен. Эверетт отвернулся, выставив руку.

— Сен, оставь его, — сказал Шарки.

— Отец, — прошептал Эверетт.

— Весьма впечатляюще, мистер Сингх, но, к сожалению, наш договор аннулирован, — заявил генерал. — Я забираю Инфундибулум.

— Когда-нибудь это закончится? Что еще вам от меня надо? — крикнул Эверетт.

— Лейтенант Кастинидис, конфискуйте Инфундибулум.

Лейтенант подняла правую руку, оттуда показалось оружие, но лицо Елены оставалось бесстрастным. Всем своим видом она показывала, что действует только по приказу. Команда «Эвернесс» вскочила.

— Мы заключили сделку! — прогремела капитан Анастасия.

— Вы торговцы, мы солдаты, — ответил генерал. — Никаких сделок на войне.

Эверетт схватил «Доктор Квантум» с подставки и прижал к груди.

— Сами возьмите.

— Лейтенант, уважьте юнца.

— Эверетт, не глупи, — сказала лейтенант Кастинидис. — У меня оружие.

— И у меня. — Пальцы Эверетта заплясали по экрану. — Мне стоит только открыть портал в Оксфорде.

— Энергии не хватит, — сказал генерал. — Заберите у него прибор. Сломайте столько пальцев, сколько потребуется.

— Думаете, справитесь? Уверены? — спросил Эверетт.

— Эверетт Сингх, нет, — промолвила Сен. — Если ты это сделаешь, он победит. Тот, другой Эверетт. Анти-Эверетт. Ты становишься им. Твоим врагом.

Неожиданно генерал рванулся вперед и вцепился в планшетник, выворачивая Эверетту руку. Эверетт вскрикнул от боли и выпустил «Доктор Квантум».

— Не тебе со мной тягаться, сынок. — Генерал опустил взгляд на экран. — Надо же, и впрямь в Оксфорд собрался. Ах ты, засранец.

Генерал размахнулся и со всей силы ударил Эверетта в живот кулаком. Эверетт задохнулся и рухнул на палубу. Сен пронзительно вскрикнула и упала на колени рядом с ним. Эверетта вырвало. Мысли путались.

Его ударили. Его бил другой человек.

— Нужно убрать это, — генерал провел пальцами по экрану, стирая код.

— Если ты еще раз его ударишь, я вырву тебе сердце! — вскрикнула Сен.

— Ну, хватит, — буркнул генерал.

Лейтенант Кастинидис по-прежнему целилась в планшетник.

— Лейтенант? — удивленно промолвил генерал.

— Вы собирались взять с собой всех или только старших офицеров и начальство?

— Лейтенант...

— Я про ваш план спасения. Путь в обход карантина, бегство в глубины Паноплии. Собирались ли вы взять с собой в новый мир остальных?

— Лейтенант Кастинидис, откуда у вас такая информация?

— Я подсказал, сэр, — Шарки учтиво коснулся края шляпы.

Хотя Эверетт обрел способность двигаться, все кости и мышцы болели. Во время матчей ему приходилось получать болезненные удары от нападающих, но впервые его ударили намеренно. Боль была ни при чем. Он впервые столкнулся с насилием.

— «И познаете истину, и истина сделает вас свободными», — промолвил Шарки.

— Это мятеж, лейтенант.

— Это не мятеж, она выполняет приказ, — сказала эгистер. — Генерал, верните прибор законному владельцу.

— Вы не имеете права отдавать приказы! У нас действует протокол номер четыре, — сказал генерал.

— Кто-нибудь из присутствующих слышал о таком протоколе?

Елена Кастинидис перевела оружие на генерала.

— Предательница! — выпалил тот, обращаясь к эгистеру. — Мы же обо всем договорились! Вы согласились с каждым моим словом!

— Я не намерена отрицать. Да, лейтенант Кастинидис, я заключила сделку с командой дирижабля. Резонатор в обмен на беспрепятственный путь отсюда. Но мне хватило смелости изменить принятое решение.

— Смелости? Вы называете предательство смелостью? — фыркнул генерал.

— Смелостью, генерал. Отступить от того, что неправильно.

— Теперь вы обвиняете меня в трусости? — неожиданно разъярился генерал.

— Этот мир — мой дом, и я предпочту сражение позорному бегству. Нам нужен был шанс... — эгистер помедлила. — И мы его получили. Оружие. Мальчик нам его показал. Небольшие конструктивные изменения в оставшихся порталах — и мы зададим им жару. Начнем с того, что уничтожим их основные скопления. Верните прибор.

На мостике, словно электричество, повисло напряжение. Генерал не сводил глаз с лейтенанта Кастинидис. Она в упор смотрела на него.

— Да, лейтенант, я верю, вы исполните приказ.

Генерал резким движением сунул планшетник в руки Эверетту. Сен обнажила зубы и зашипела. Затем генерал аккуратно вытащил пистолет из кобуры и передал Елене Кастинидис. Лейтенант Кастинидис опустила руку, оружие втянулось внутрь скафандра.

— Капитан, есть ли на корабле запираемые помещения? — спросила эгистер.

— Ближе всех моя лэтти, мэм, — ответила капитан Анастасия. — Но у нас не принято запираяться.

— С вашего разрешения, капитан.

Капитан Анастасия кивнула.

— Лейтенант, проводите генерала в его каюту.

Лейтенант Кастинидис пристроилась за генералом на почтительном расстоянии. Он кивнул эгистеру и, не промолвив больше ни слова, удалился с прямой спиной и высоко поднятой головой, сохраняя последние крохи достоинства.

— Капитан Сиксмит, будем считать наш договор расторгнутым, — сказала эгистер. У подножия лестницы она обернулась к Эверетту: — Я желаю вам отыскать отца, но помните: Паноплия огромна.

Капитан Анастасия поправила пояс и манжеты.

— Кто-нибудь скажет мне, что за чертовщина тут творилась? — раздалось из микрофонов хрипкое карканье Макхинлита.

— Мы победили, — ответила капитан. — По крайней мере, не проиграли. Всем занять свои места. Мистер Сингх, можете отдохнуть в своей лэтти.

— Нет, мэм.

Живот по-прежнему болел. Генерал ударил его со всей силы, как взрослый взрослого. Эверетта сжигал стыд. Другой человек совершил над ним насилие. Впервые в жизни. Но я отплатил тебе, думал он, победил не силой, а умом.

— Очень хорошо, мистер Сингх. Принимайте управление кораблем, мисс Сиксмит. Я хочу поскорее убраться из этого ужасного места. Мистер Сингх, нет ли чего перекусить?

Они танцевали на Луне — Шарлотта Вильерс и Шарль, ее двойник. Комната представляла собой унылое, неотличимое от прочих тринских комнат белое пространство, но из-за низкой гравитации танцоры парили в воздухе, словно ангелы. На Шарле был строгий фрак, на Шарлотте — длинные перчатки, драгоценности и бальное платье. Она скользила посреди нетронутой белизны, а черно-белый шифон трепетал за спиной, словно крылья бабочки. Танец был поставлен специально для Луны, однако, по сути, оставался старомодным бальным танцем под тихую печальную мелодию. Никогда еще Эверетт Л не видел ничего красивее и одновременно уродливее.

Шарлотта Вильерс заметила его и мадам Луну на середине сложного па. Она легко освободилась из объятий партнера, вспорхнула в воздух и приземлилась прямо перед Эвереттом Л, легкая, словно пушинка. Над губой блестела капелька пота, прическа и макияж оставались безупречными. Шифоновые оборки медленно опустились на пол.

— Мистер Сингх.

— Я справился.

Неужели на алых губах промелькнула тень улыбки?

— Прекрасно. Вы доказали, что заслуживаете доверия. Ордену еще пригодятся ваши таланты, а теперь отдыхайте и восстанавливайтесь. Заслужили. Извините, мне нужно переодеться.

Шарлотта Вильерс мельком взглянула на своего партнера, который расправил фалды фрака и отвесил ей строгий поклон.

— Куда вы? — спросил Эверетт.

— Я отвезу вас обратно. Если помните, я изображаю социального работника.

— Я не вернусь домой?

— Нет, Эверетт. Необходима осторожность. Пока вы здесь, ваша семья может спать спокойно, не опасаясь вашего двойника. Вы прекрасно акклиматизировались, это нас радует. Юношам так мало нужно для счастья.

Шарлотта Вильерс отплыла от него в вихре шифона и вуали.

— А что будет с моими близкими здесь? — крикнул Эверетт Л. — Я хочу знать, как мама, как сестра?

Посреди белизны возникла черная дыра. Шарлотта Вильерс шагнула внутрь.

— Они знают, что я жив?

Дыра захлопнулась.

Шарль Вильерс смерил неприязненным взглядом грязное и изодранное трико Эверетта Л.

— Мистер Сингх, — окликнул его издали двойник Шарлотты, — где скафандр?

— Уничтожен, — ответила мадам Луна. — Наши силы оказались равны. Самоуничтожение было самой разумной стратегией.

Мадам Луна ждала Эверетта с этой стороны портала. Скрещенные руки, серые лицо и глаза не выражали никаких эмоций, но Эверетт Л чувствовал, что за ним наблюдают, наблюдают напряженно при помощи чувств, не имеющих ничего общего со зрением. Заметила ли мадам Луна, что внутри него притаился Нано? Знает ли о сделке, которую он заключил с врагом? Трин един — что, если для всех его составляющих не существует расстояний и границ между мирами? А если Трин знает, возможно, ему просто нет дела? Белый Трин, черные Нано — есть ли между ними разница? А мадам Луна и вовсе серого цвета... Возможно ли, что за те шестьдесят лет, что люди живут бок о бок с чужаками, Трин открыл им лишь то, что хотел открыть?

— Добро пожаловать на Землю-4, — провозгласила мадам Луна. — Прошу вас за мной. Пленипотенциар танцует.

Шарль Вильерс подошел к ним, на ходу стягивая белые бальные перчатки.

— Это было опасно?

— Нет. Трин и Нано несовместимы, — мягко ответила мадам Луна.

— Молодец, Эверетт. — Шарль легонько стукнул Эверетта Л перчаткой по руке. — Мой двойник ждет вас у портала.

Тук-тук. Царап-царап.

Нет ответа.

Теперь громче. Тук-тук-тук.

— Кто там?

В его тоне отчетливо слышалось: «я занят». Не «оми валяет дурака» — Сен знала, как это звучит, — а «оми занят делом».

— Можно войти?

— Если хочешь.

Сен прошмыгнула в дверь и удивленно разинула рот.

— Сколько звезд!

Тусклые синие звездочки медленно, словно пух от чертополоха летним вечером, плыли по воздуху. Их свет заливал лицо и руки Эверетта. Он управлял звездами, как дирижер управляет оркестром, мановением руки заставляя кружиться целые галактики. Эверетт нажал на коробочку, что стояла на складном столе, и звезды втянулись внутрь.

— Нет, верни, они такие красивые!

Одно нажатие на крышку устройства — Паноптикона, вспомнила Сен, язык сломать можно! — и звезды снова заполнили собой крошечную кабину. Сен примостилась тощей задницей на складном стуле у двери.

— Лучшая рождественская иллюминация во вселенной!

Эверетт двигал звезды, а Сен смотрела, как танцуют его руки. «Для земляной крысы у тебя неплохая координация, — думала Сен. — Тебе нет дела, как ты выглядишь со стороны, ты занят своими звездами. Любого оми нужно оценивать в деле. Парням не идет бездельничать. Все проблемы от парней, которым нечем себя занять. Во всех мирах», — решила Сен.

— Что это?

— Миры, куда прыгольвер выбрасывал людей.

— Миры...

Сен до сих пор не могла с этим свыкнуться. Для нее вселенная была звездами и лунами, за которыми наблюдаешь, задрав голову, когда летишь над облаками в ночную вахту. Вселенная — это то, что вне. Для Эверетта Сингха миры — всего лишь бусины, нанизанные на шнурок. Не вне, а над. Близко, как собственное дыхание.

— Значит, он работает.

— В общем и целом.

— О, Эверетт Сингх...

— Я вычислил все координаты. Вот, — Эверетт щелкнул пальцами, и вокруг них закружились звезды. — В одном из этих миров мой отец. Только я не знаю, в каком именно.

— Но ты говорил, что Папоп... ну, эта коробка... ты подключишь ее к прыгольверу и найдешь квантовое эхо.

Сен старательно подбирала слова. Пусть знает, она не какая-нибудь тупоголовая девица. Эти квантовые штуки были еще хуже миллионов, миллиардов новых миров и никак не хотели запоминаться. Должно быть, Эверетту приходится несладко — попробуй удержать в голове такие юркие словечки!

— Не выстраивается временная последовательность. — И снова Эверетт закрутил звезды, схватил одну и потянул, развернув звенья кода. — Вот прыжок из моего мира на Землю-1, — я могу это утверждать только потому что помню код. В остальных случаях мне неизвестно, когда был совершен прыжок, только куда.

Легким ударом он отправил звезды вращаться.

— Но он там?

— Да, он там.

— Значит, тебе придется всего-навсего обойти все эти синие точки. Проблема решена. Бона! А если по дороге мы заскочим куда-нибудь, где есть клевые шмотки...

— Я боюсь, Сен.

Она встала со стула, шагнула прямо в вертящиеся звезды и уселась рядом с Эвереттом на краешек гамака. Ткань прогнулась, заставив их прижаться друг к другу. Эверетт был большим, теплым и жестким. «А ведь ты и впрямь сжался от страха, оми», — подумала Сен.

— Я чувствую, что он жив и за ним есть кому присмотреть, однако утверждать наверняка... Эгистер сказала, что Паноплия огромна. Раньше я об этом не задумывался. Мы видели, как ужасен мир Нано, а ведь, вероятно, есть миры и похуже.

Сен взяла руку Эверетта в свою. Замерз. Столько времени просидеть сиднем, в одиночестве! В Оксфорде было холодно, но не так, как тогда, над ледяной пустыней.

«Эвернесс» пришвартовали на старом месте, дирижабль питала энергия ветряков. Эгистер пригласила Анни и Шарки на обед. По такому случаю американец прихватил с собой оба дробовика. Разве

можно доверять этим эгистерам? Сен гадала, как скоро они вернутся. Она не знала, чем закончилась история с генералом, но подозревала, что ничем хорошим.

Главный механик пьянствовал где-то в городе с солдатами. Сен надеялась, что на сей раз обойдется без драки. Сейчас «Эвернесс» принадлежала им двоим, а Эверетт не нашел ничего лучше, чем забиться в дыру и играть со звездами и галактиками. А палоне, между прочим, успела заскучать.

— Но ведь есть миры и получше, Эверетт Сингх! Миров так много, что среди них непременно найдутся бона и даже фантабулоза, и много-много мииз.

— Ты только что заново открыла принцип заурядности, — сказал Эверетт.

— Эй, ты считаешь меня заурядной?

Сен почувствовала, как Эверетт сжал ее руку.

— Это такой важный научный принцип. Мне рассказал о нем отец. Суть в том, что в нашей Земле, в нашей Солнечной системе, в нас нет ничего особенного. Мы не занимаем во вселенной почетного места, мы — не центр мироздания.

— За тебя не скажу, Эверетт Сингх, а вот я так очень особенная. И ты тоже ничего.

Сен показалось, что Эверетт всхлипнул.

— Я видел его глаза, Сен. Он хотел, чтобы я положил этому конец. Я не смог. Он не был моим отцом, но...

— Хотя меня там не было, я видела такое раньше. У нас в Хакни был один оми, стивидор, работал в четвертом Далстонском доке. Он не мог летать — какая-то проблема с ушами, полный мешигенер. Нельзя летать, если не умеешь держать равновесие. Зато дочка его — а он любил ее больше жизни — та летала на «Английской розе» помощником механика. Потом она погибла, несчастный случай с зарядным рукавом. Это произошло у всех на глазах — сначала она вроде как пустилась в пляс, а потом вспыхнула, только кучка пепла и осталась. Ты бы видел, Эверетт Сингх!.. Так вот, этот оми, его будто подменили. Ему стало не для чего жить. А однажды он поднялся в тот док, где дочка сгорела — все ему кричали, куда ты лезешь, дурак, — а он взял да и прыгнул с высоты. И тоже погиб. Но все знали, что он умер уже давно — когда умерла дочка. Смерть была в его глазах. Я

тоже заглядывала ему в глаза, Эверетт Сингх. Я разбираюсь в таких вещах. Ты говорил, что из-за этой черной дряни доктор Сингх потерял жену. Та смерть убила его внутри. Он умер тогда, вместе с женой. И потом просто ждал удобного случая, чтобы прыгнуть с высоты. Ты тут ни при чем, не вини себя.

Сен обвила Эверетта руками. Он не отозвался на ласку. Порой Эверетт был таким упрямым. Никакого воспитания!

— Я должен был сделать это сам.

— Нет, не должен. Сколько тебе лет? Четырнадцать. Шарки поступил правильно.

Гамак тихо качался в такт качанию дирижабля под порывами ветра. Северо-восточного. Сен доверяла своему погодному чутью. Скоро пойдет снег.

— Эверетт Сингх...

— Почему ты зовешь меня так? Эверетт Сингх, а не просто Эверетт.

— Понятия не имею. Некоторым людям нужно два имени, чтобы поставить их на якорь. А теперь серьезно, Эверетт Сингх, эта штука, солнцежар...

— Что?

— Штука, которой ты сжег Лондон.

— Солнцежар?

— А что? Уж лучше кузнечика. Да ладно, шутка... — Сен ткнула его пальцем под ребра и тут же спохватилась, вспомнив про синяк: — Ох, прости, Эверетт Сингх, совсем забыла. Я хочу спросить, когда ты направил его на Оксфорд, ты действительно собирался...

— Собирался что?

— Ну, ты был такой нафф... Ты применил бы оружие? Не оставил бы от Оксфорда мокрого места?

— Генерал был прав. Мне не хватило бы энергии.

В бледном синем свете Сен видела, что Эверетт смотрит прямо перед собой. А еще он притоптывал ногой — явный признак вранья.

— А если бы хватило...

— Да. Потому что я ненавижу всей душой: генерала, Нано, этот мир, Инфундибулум, все на свете. Я никогда не просил о такой участи. Я показал бы им всем, что такое ненависть. Она пылает так ярко, что можно ослепнуть. У меня не хватило духу выполнить просьбу

Теджендры, но я хотел показать им: смотрите, четырнадцатилетний слабак одним нажатием кнопки отправит вас жариться на Солнце! Ты сказала тогда, что если я это сделаю, то стану им. Другим Эвереттом. Так вот, Сен, я уже им стал. Я — это он, а он — это я. Поэтому я не смог победить его тогда, на кладбище. Поэтому он не смог победить меня. И ненависть, что живет в нем, она живет и во мне. Я видел эту зеленую панель, ощущал ненависть и внезапно понял, что не хочу быть таким, как он.

Сен крепче прижала его к себе.

— Аламо, Эверетт.

— Сен.

— Что?

— Я соврал.

— Вот удивил! Да я только и делаю, что вру.

Сен с удобством оперлась ему на грудь, болтая ногой в воздухе. До нее не сразу дошло, что Эверетт не имеет в виду кодекс чести аэриш: всегда лгать одним, но никогда — другим.

— Эверетт, ты же понимаешь, смотря кому врать...

— Я чуть не поддался искушению, Сен. Когда в твоих руках столько власти... Когда панель загорелась зеленым... Я соврал тебе. Хотел, чтобы ты думала, будто мне не пришлось выбирать. Нет, я колебался. Я почти поддался. Выбор был очевиден.

— Ты выбрал правильно, Эверетт!

— Да, но теперь я боюсь, что в следующий раз не устою. — Он поднял глаза на Сен. — А ты назвала меня Эвереттом. Причем трижды.

— Три, три, три, — пропела Сен. — Магическое число. Постучи по дереву три раза. Да, я и забыла, зачем пришла! Хочу кое-что тебе показать.

Сен вытащила из-за пазухи карту и положила прямо на прибор. Звезды погасли.

— Только что сделала. Как тебе? Бонару?

Карта изображала дирижабль, но не проворную воздушную акулу, на манер «Эвернесс», а громадину старого типа, вроде тех, что показывают в Кардингтонском музее. Этот дирижабль походил на большую серебряную сардельку. Он вылетал из-за края карты, направив нос вверх. Яркие солнечные лучи били ему в хвост. Лучи

Сен нашла в старом журнале, который они купили по случаю в свой последний прилет в Атланту. Там водились такие ретрофутуристические вещицы. Дирижабль Сен вырезала из учебника по истории. Сундук под ее гамаком был завален просроченной косметикой и старыми, искромсанными книгами и журналами.

— Красиво, — похвалил Эверетт. — Мне нравится Солнце.

Сен замотала головой.

— Нет, это не Солнце, это портал. Портал Эйншт... Гейзенберга.

— Ух ты! — В глазах Эверетта зажегся огонек. Давно бы так. — Как ты ее назвала?

— Сейчас, я еще не доделала. — Сен вытащила ручку из кармана и, аккуратно выводя каждую букву, вывела серебристыми чернилами название. Затем поднесла карту к губам, подула — звезды снова заполнили крохотную лэтти — и положила на место. Звезды погасли.

«Эвернесс».

— Правда, я умею придумывать названия?

Эверетт потянулся за картой. Сен стукнула его по руке.

— Это не твое, она принадлежит мне.

Сен прижала карту к губам — та пахла чернилами, невысохшим клеем, старой типографской краской и неведомым будущим.

— Что она означает? — спросил Эверетт.

— Еще не знаю, — пожала плечами Сен. — Увидим.

Вытащив из-за пазухи колоду, она вложила в нее новую карту. Каюту снова заполнили звезды: не настоящие звезды, а точки надежды посреди Паноплии.

— Эверетт, можно?

— Что?

— Подвигать звезды.

Он улыбнулся. Эверетт был из тех оми, что улыбаются редко, но если улыбаются, их улыбка согревает комнаты, души и сердца.

Сен протянула руку. Влево, вправо, к себе, от себя. Ее глаза расширились от восторга, а вокруг кружили мягкие, словно пух, шарики света.

— Куда ты решил нас забросить на этот раз?

— Как ты говоришь, еще не знаю. Один мир не хуже другого. Выбирай.

— Я?

— Почему бы нет? — В стылом ходе каюты пар выбивался у него изо рта. — Выбери мир. Любой.

Автомобиль был черный, полированный, сияющий маслянистым блеском. «Мерседес» представительского класса. Эверетт Л читал про эту модель. Модификация S65 AMG, двигатель мощностью шестьсот четыре лошадиных силы с двумя турбокомпрессорами. Прожорливый мотор, тот еще загрязнитель среды, но на больших скоростях ты нутром ощущал его мощь. Черный, маслянистый, сверкающий. Как Нано.

Они промчались по автостраде от портала в Фолкстоне в мгновение ока, зато теперь завязли в пробках, продираясь через Эдмонтон и Тоттенхем. За те два дня, что Эверетт Л провел в других мирах, здесь потеплело. Из-под колес «Мерседеса» летели черные брызги. Горы посеревшего снега высились по обочинам дорог, пешеходы с опаской ступали на заледеневшие утопанные колеи. Добро пожаловать на планету Хакни.

Стэмфорд-хилл заливали огни, кричащие магазинные вывески зазывали покупателей, из окна автобуса валил пар. Женщина с пятью собаками на поводках выходила с кладбища Эбни-парк, одной рукой из последних сил удерживая питомцев, тянувших в разные стороны, другой вцепившись в круглую шапочку. Именно из этих ворот, но в другом мире, Эверетт Л выскочил и припустил к остановке, пытаясь успеть на семьдесят третий автобус. Именно здесь его сбил такой же «Мерседес». Женщина, что сейчас сидела рядом с ним, тогда занимала его место на заднем сиденье, скромно сложив руки на коленях. Мужчина за рулем, вероятно, управлял и тем «Мерседесом».

Когда автомобиль поравнялся с воротами кладбища, Эверетт Л ощутил на затылке легкое покалывание. Зуд становился все сильнее. До смерти хотелось почесаться. Он заерзал на сиденье — не помогло. Не выдержав, запустил пальцы под воротник школьного пиджака и принялся скрести кожу ногтями, пока ему не начало казаться, что она вот-вот треснет.

Автомобиль миновал ворота и женщину с пятью собаками, и Эверетт Л почувствовал, как что-то скользнуло в ладонь.

Шарлотта Вильерс неодобрительно на него покосилась. В «Мерседесе» представительского класса и натуральной шубке тебе

будет трудно убедить Роудинг-роуд, что ты социальный работник. Эверетт Л дождался, пока она отвернется к окну, и разжал ладонь. Вон он, крошечный захватчик.

Долю секунды Эверетт Л преодолевал искушение хлопнуть ладонью по тыльной стороне Шарлоттиной руки. Между рукавом и перчаткой виднелся участок обнаженной кожи. Эверетт Л предвкушал удивление в глазах пленипотенциара, когда она почувствует, как что-то скользнуло под кожу. Увидеть бы, как эти холодные глаза затянет чернота, потому что Нано выест ее изнутри... Нет, Шарлотта Вильерс еще нужна. С ее помощью ему предстоит выбраться из этого мира и вернуться к своим. Голый затылок шофера между форменным пиджаком и фуражкой также выглядел удобной мишенью. Впрочем, не стоит. Двух аварий на одном месте многовато. Надо выждать. Этот мир принадлежал ему.

Когда черный автомобиль свернул на Носволд-роуд, Эверетт сжал кулак. Теперь налево, на Роудинг-роуд, мимо ярких домиков, но снежной каше, сжимая в руке нанопаучка. Ему никак не удавалось согреться. Теперь этот холод навсегда.

ГЛОССАРИЙ:

- аламо: влюблен, влюблена
амрийя: персональная клятва или обет, которые невозможно нарушить (из цыганского языка)
барни: бой, драка
бизу: маленький (от французского *bijoux*— «драгоценность»; в версии Сен — бижусенький)
благ: просить об одолжении, получать бесплатно
бона: хороший
бона ночи: спокойной ночи (от итальянского *buona notte*)
бонару: чудесный, замечательный
варда: смотреть, видеть (диалектное итальянское: *vardare* = *guardare*— смотреть)
дивано: собрание экипажа дирижабля у аэриш
дилли-долли: миленький, хорошенький
динари: деньги (вероятно, от итальянского *denaro*)
диш: задница
дона: уважительное обращение к женщине (итал. *donna*, лингва франка — *dona*)
доркас: нежное обращение, «тот, кому ты небезразличен» (*The Dorcas Society*: благотворительное общество дам в XIX в., занимавшихся шитьем одежды для бедных)
зо: быть частью сообщества аэриш («Как по-твоему, он зо?»)
зуши: стильный, нарядный (цыганское: *zhouzho*— аккуратный, чистый)
крис: поединок чести у народа аэриш (из цыганского языка)
кьяпп: полицейский (от итальянского *chiappare*— ловить)
лакодди: тело
лалли: ноги
лилли: полиция
лэтти: комната или каюта на дирижабле
манджарри: еда (итал. *mangiare*— есть, лингва франка *mangiarìa*)
метцы: деньги (итал. *mezzi*— средства)
мешигенер: дурацкий, безумный, сумасшедший (из идиш)

миизи: грубый, ужасный, презренный (из идиш)
нанте: нет (итал. *niente*)
нафф: страшный, тупой, бестактный
огли: глаза
оми: мужчина, мальчик
оми-палоне: женоподобный мужчина или гей
оцил: лицо (слово-перевертыш)
палоне: женщина, девочка (мн.ч. палонес)
рыльце: лицо
саби/савви: знать/знаешь? (от лингва франка *sabir*)
торба: сумка или рюкзак
фантабулоза: сказочно прекрасный, потрясающий
фрутти, фрутти-бой: в порту Большой Хакни слово имеет
пренебрежительное значение
цыпленочек: молодой человек, мальчик

ИМПЕРАТРИЦА СОЛНЦА

Точка слепящего света. Взрыв — и точка стала диском. Яркий диск обратился черным кругом ночного неба. На фоне неба возникла величественная и неповоротливая громада дирижабля. Загудели двигатели пропеллеров. Портал Гейзенберга вспыхнул и закрылся.

— Вуум, — прошептал Эверетт Сингх, щурясь на свет новой Земли, и отнял палец от дисплея. Еще один прыжок, еще одна проекция.

Мостик дирижабля тревожно закрипел. Вспыхнули желтые аварийные огни. Завыли сирены, завизжали клаксоны.

— Опасность столкновения! — прогремел механический голос.

Прямо на них надвигались...

— За Данди, Атланту и святого Пио, — прошептал Майлз О'Рейли Лафайет Шарки.

Цитировать Писание, особенно Ветхий Завет, было в обычае у американца, но если Шарки поминал конфедератских святых, значит, дело и впрямь было плохо.

...деревья. Деревья по курсу. Деревья прямо под ними. Деревья тянули к ним смертоносные сучья. Деревья были везде. «Эвернесс» падала прямо на древесные кроны!

— Но... не может быть, — потрясенно промолвил Эверетт. — Я же все просчитал!

— Сен! — воскликнула капитан Анастасия Сиксмит.

Только что она спокойно стояла у обзорного окна, брюки заправлены в сапоги, ворот белой рубахи поднят, руки привычным жестом сцеплены за спиной. Мгновение — и ее дирижабль терпит крушение.

— Вверх!

— Есть! — проорала приемная дочь капитана.

Сен Сиксмит — быстрая как тень, белая как снег — навалилась всем весом хрупкого тела на колонки управления. Когда гондолы носовых двигателей развернуло, «Эвернесс» вздрогнула, но дирижабль был слишком велик, для маневра ему требовалось много, слишком много времени.

— Давай, дилли доркас, давай, милая...

— Опасность столкновения, опасность столкновения, — не унимался механический голос с акцентом Хакни.

— Да заткните же его! — завопила капитан Анастасия.

Шарки убрал звук, но желтое безумие аварийных сигналов осталось.

«Мы не успеем, — внезапно понял Эверетт. — Не успеем». Он ощущал странное спокойствие.

Когда ты бессилен что-либо изменить, остается опустить руки и признать поражение.

— Мэм... мам., я не могу ее развернуть! — прокричала Сен.

Капитан Анастасия обернулась к Эверетту. За большим обзорным окном было зеленым-зелено. Этот мир состоял из зелени.

— Мистер Сингх, прыжок.

Эверетт перевел взгляд от убийственной гипнотической зелени на экран своего планшета «Доктор Квантум» и потрясенно уставился на цифры. «Интеллект размером с планету, а не знает, что делать», — как сказал однажды его отец.

— Я... мне нужно еще раз...

— Некогда, мистер Сингх.

— Но мы можем оказаться где угодно!

— Лишь бы подальше отсюда!

Шарки поднял глаза от монитора:

— Капитан, мы падаем!

Словно грозная длань Всевышнего тряхнула капитанский мостик. Эверетт вжался в опору, капитана Анастасию швырнуло о переборку. Сен цеплялась за рычаги, словно крыса за обломки кораблекрушения. «Эвернесс» издала протяжный стон, затрещало карбо волокно. С хрустом, словно кости, лопались ребра шпангоута, звенело разбитое стекло, дирижабль содрогался.

— Двигатель накрылся, — доложил Шарки и показал на монитор. По тону старшего помощника можно было подумать, что он лишился руки.

«Эвернесс» падала прямо на деревья. Зелень застилала обзор, с хрустом взрывались стекла. Тысячи веток норовили проткнуть все живое. Капитан Анастасия уворачивалась от щепок. Сен едва не снесло голову громадным суком. Весь мостик был засыпан листвой.

— Даю обратный ход! — крикнула Сен.

Хребет «Эвернесс» содрогнулся, где-то раздался оглушительный хруст. Удар был так силен, что у Эверетта заныли зубы.

— Мы теряем управление! — крикнула Сен.

— Брось, пропеллеры сожжешь! — крикнула в ответ капитан Анастасия.

— Если у нас еще остались пропеллеры, — невозмутимо заметил Шарки.

Капитан Анастасия сменила приемную дочь у штурвала.

— Мистер Сингх, верните нас на Землю-1. Или в мой мир. Куда угодно. Всем оставаться на местах!

— Нет! — воскликнула Сен, заметив, что рука матери тянется к кнопке сброса балласта.

— Давай же, милая, давай, красавица, — прошептала капитан Анастасия. — Была не была. — Она с силой нажала на красную кнопку.

«Эвернесс» вздрогнула. Сотни тонн воды изверглись из ее внутренностей. Хребет отчаянно закрипел. Дирижабль рванулся вверх, затрещали ветки. Эверетт слышал, как грохочет вода. Должно быть, снаружи это напоминало каскадный водопад. И снова скрип, и снова толчок вверх. Освобождаясь, ветки и сучья устилали мостик листвой. Дирижабль медленно поднимался. Металлические части скрежетали на пределе прочности. В какой-то миг «Эвернесс» завалилась набок, но снова выровнялась. И тут погас свет. Все обесточилось: мониторы, навигационные приборы, штурвал, связь. Экран «Доктора Квантума» мигнул и почернел.

Капитан Анастасия убрала палец с кнопки. На мостике повисло зловещее молчание.

— «И вот большой ветер пришел от пустыни и охватил четыре угла дома... и спасся только я один, чтобы возвестить тебе...» — продекламировал Шарки.

— Я предпочла бы услышать доклад о состоянии дирижабля, мистер Шарки, — сказала капитан Анастасия.

— Доклад? — проревел с лестницы Макхинлит. — Будет вам доклад! — Раскрасневшийся смуглолицый механик влетел на мостик. — Так вот что я вам доложу, капитан. Похоже, нам крышка. Слыхали хруст и чавканье? Это двигатели отвалились. У меня в камере из

стены торчит дерево, а в полу зияют шесть дыр. Мы угробили, ухайдакали, укокошили наш дирижабль — вот и весь доклад!

«Эвернесс» скрипнула, опустилась на пару метров и застыла. Из ветвей выпорхнула стайка птиц с ярким опереньем. Нет, не птиц. У этих радужных существ не было перьев.

— Где мы? — спросил Эверетт.

Капитан Анастасия крутанулась на каблуках. Черное лицо искажал гнев, глаза сверкали, ноздри раздувались. Ей потребовалось время, чтобы овладеть собой.

— Я думала, вы знаете, мистер Сингх. Вы же у нас всезнайка!

На щеках Эверетта вспыхнул горячечный румянец, перед глазами поплыло, заложило уши. Его сжигали стыд и злость. Это нечестно! Он не виноват. Он все рассчитал! Он не мог ошибиться. Он никогда не ошибается. Что-то не так с этим миром. Это единственное объяснение. Эверетту хотелось крикнуть капитану Анастасии, что он тут ни при чем, пусть винит во всем себя. Обидные, злые слова жгли глотку.

Анастасия Сиксмит повернулась к команде:

— Ничего, она у нас еще будет сиять, как новенькая, или мы не аэриш из Хакни?

Они спускались в трюм. Капитан Анастасия подтянула трос и проверила крепления его ремней. Эверетт не осмеливался смотреть ей в глаза. Вокруг царило разрушение. Сучья проткнули оболочку насквозь в полудюжине мест, расщепленные концы торчали, словно пики. Возле каморки Макхинлита корпус протаранила громадная рождественская елка, только не зеленая, а красная. От кроны пахло чем-то едким, смутно знакомым. Сломанные брусья и треснувшие ребра шпангоутов. Целая поперечная балка покачивалась в опасной близости от Эвереттовой головы. Тем не менее хребет дирижабля остался неповрежденным, иначе пришлось бы бросить «Эвернесс» в лесу на произвол судьбы.

Падая, дирижабль потерял три из шести двигателей. Тросы и кабели полопались. Второй пропеллер снесло с опорой — на его месте в корпусе зияла дыра. Головокружительное падение «Эвернесс» усеяло обломками несколько километров дремучего инопланетного леса.

Капитану Анастасии ничего не оставалось, как отправить поисково-спасательный отряд на триста метров вниз. Таких высоких деревьев Эверетту видеть не доводилось, а ноги непривычно легко отрывались от земли. Возможно, дело было в слабой гравитации. А еще Солнце здесь неподвижно висело в одной точке...

— Сен! — рявкнула капитан Анастасия.

— Уж и переодеться нельзя! — раздался голос Сен сверху.

Мгновение спустя она лихо соскользнула по тросу на пол трюма. «Ничего не попишешь, эффектно», — подумал Эверетт.

Из зимнего Оксфорда на Земле-1 дирижабль занесло во влажные тропики. Макхинлит завязал рукава оранжевого комбинезона на поясе, обнажив под майкой внушительную мускулатуру и шрамы на темной коже. Шарки сменил плащ с пелериной на рубашку без рукавов, кобура с двумя пистолетами болталась за спиной. В майке и брючках капри капитан Анастасия выглядела тощей и жилистой. И только Эверетт остался в чем был. Это усугубляло его вину. У него не было права подставлять кожу солнцу.

Для прогулки по тропикам Сен оделась вызывающе: башмаки на толстой подошве, регбийные гольфы, грубые рабочие перчатки, короткие золотые шорты, крошечный топ и повязка на буйных кудряшках белее снега.

— А ну-ка оденься! — прогремела капитан Анастасия.

Сен с независимым видом прошествовала мимо приемной матери. Макхинлит прикусил губу, чтобы не расхохотаться. Пристегиваясь, Сен послала Эверетту хитрую ухмылку. Словно солнечный лучик упал на его лицо. Улыбка означала: все хорошо, ты молодец, оми, друзья навек.

— Так мы будем искать двигатели или нет?

Встав на край люка, Сен коснулась приборчика на запястье и со свистом сиганула вниз, прямо в гущу деревьев.

— Сен, мы не знаем, что там внизу! — рывкнула капитан Анастасия. — Вот шальная!

Капитан последовала за приемной дочерью, Макхинлит и Шарки прыгнули за ней. Скрипела лебедка. Эверетт смотрел им вслед, пока они не исчезли в кронах. Улыбка Сен придала ему бодрости. Он шагнул с платформы, мгновенно ощутив, как натянулся трос.

Мелькали сучья и красные листья, сверху нависал корпус «Эвернесс». Эверетт охнул. Ребенком он видел старый фильм про кита, которого замучили злые охотники. Малыш Эверетт проплакал весь вечер и все утро. Мать пыталась утешить его, говорила, что теперь никто не убивает китов ради ворвани. И сейчас «Эвернесс» напоминала ему того кита: прекрасное существо, силой вырванное из привычной среды, загарпуненное, затравленное и беспомощное.

Эверетт больно стукнулся о ветку. Смотри под ноги. Нельзя терять бдительность. Любой прыжок основан на строгом расчете. Этого леса просто не могло существовать. Он рассчитал прыжок из одной системы координат в другую. Обычная сферическая геометрия. А что, если... если геометрия этого мира отличается от привычной?

— Не может быть, — прошептал Эверетт. Сквозь просвет внизу он увидел, как остальные сгруппировались над странным цилиндром, который свисал с массивного сука метрах в ста над землей. Эверетт не сразу сообразил, что перед ним оторванный двигатель.

Щеки коснулась ветка, и внезапно он узнал тяжелый мускусный запах. Гашиш. Смола. В древнем инопланетном лесу пахло, как на

заурядной вечеринке старшеклассников.

* * *

— Поберегись! — донеслось из пестрой листвы. Мгновение спустя сверху, метя прямо в грудь Шарки, обрушился сук. В последнюю секунду старший помощник отступил в сторону и невозмутимо коснулся пальцами полей шляпы. Сук рухнул на пахучую лиственную подстилку.

Сверху раздавалось лязганье инструментов и визг бензопилы. На головы дождем сыпались щепки и опилки.

— Готово!

Как только команда приземлилась, Сен послали на дерево с бензопилой и инструментами. Эверетт усомнился в мудрости такого решения, но Макхинлит объяснил, что ни один взрослый не справится с этим делом лучше маленькой проворной Сен.

Эверетт предпочел бы, чтобы Сен была рядом. Несмотря на душливую жару, атмосфера в команде оставалась прохладной. Шарки его не замечал, Макхинлит давал понять, что пройдет немало, а возможно, и очень много времени, прежде чем он забудет его промах. Капитан Анастасия делала вид, что они незнакомы, а Эверетт не решался смотреть в ее сторону.

— Спускаюсь! — крикнула Сен.

Макхинлит нажал кнопку на запястье. Раздался грохот такой силы, словно трехсотметровый ствол собирался рухнуть. Затем сверху показалось закругленное брюхо гондолы, опутанное тросами. Сверху, словно на диком мустанге, на гондоле двигателя восседала Сен.

— Детка моя! — причитал Макхинлит, обняв двигатель, словно старого друга. — Что с тобой сделали?

Вскрыв обшивку, Макхинлит и капитан Анастасия изучали внутренности прибора. Эверетт по-прежнему изнывал от чувства вины.

— Если нужна моя помощь...

Макхинлит и капитан Анастасия обернулись.

Выражение их лиц заставило его окаменеть. На опушке инопланетного тропического леса в параллельном мире, который просто не мог существовать, Эверетт был ранен в самое сердце. Пришлось отступить.

Он и не знал, что по силе ненависть не уступает любви и почти столь же редко встречается. Чувство, противоположное всему тому, что люди называют любовью.

Эверетту хотелось умереть.

— Мэм, вы же знаете, я не силен в латании дыр, — сказал Шарки. — «Лучше блюдо зелени, и при нем любовь, нежели откормленный бык, и при нем ненависть». Но сейчас я бы не отказался от быка. С вашего разрешения взгляну-ка я, что может предложить эта дикая местность предприимчивым плотоядным.

— Я мог бы... — начал Эверетт, но Шарки, выхватив пистолеты из кобуры, уже юркнул под сень хохочущего, свистящего, щебечущего и голющего тропического леса.

— Сен...

Она стянула волосы в хвост и сняла очки. Настоящая королева стимпанка. Он посмотрел на нее, тощую, потную, вымазанную машинным маслом, целиком поглощенную работой, забывшую обо всем на свете, кроме дирижабля, — и сердце Эверетта разбилось.

Ни разу в жизни он не чувствовал себя таким одиноким. Даже тогда, когда обманом проник через портал Гейзенберга на Землю-3. Тогда он был путешественником, странником между мирами. Здесь — обломком катастрофы. Тогда у него был план. Сейчас все его планы болтались в воздухе, распяты в трехстах метрах над землей. Вдобавок все вокруг его ненавидели.

Эверетт пытался вспомнить о тех, кто его любил, — о друзьях, о семье. И с ужасом осознал, что не помнит лица матери. Он помнил руки, платье, туфли, но не лицо. Не помнил лиц Виктории-Роуз, бебе Аджит, многочисленных пенджабских тетушек и дядюшек. Эверетт почти забыл друзей: Рюна, Колетту... На память приходили лишь ее ярко-розовые мартинсы и фиолетовые волосы. Они не виделись всего несколько недель, но эти недели вместили столько миров, столько новых людей, страхов и странностей! Слово между ним и теми, кого он любил, опустилось матовое стекло, позволявшее видеть лишь силуэты. И лишь одно лицо Эверетт помнил четко. Лицо отца, когда

Шарлотта Вильерс навела на Теджендру прыгольвер. Яркость этой картины смыла все остальные.

Никогда еще Эверетт не был так одинок. Его душили слезы. И пусть в слезах нет ничего постыдного, он скорее умрет, чем позволит команде заметить свою слабость. Отвернувшись, Эверетт бросился в глубь леса.

Вскоре дорогу преградила река. Склон обрывался так круто, что Эверетту ничего не оставалось, как заскользить вниз между валунами и обнаженными древесными корнями. Он позволил телу нестись вперед без оглядки. Просто бежать. В голове было пусто. Он не вернется, пока не придумает, как найти дорогу обратно. Здесь, на берегу, звук бензопилы почти не слышен. Всегда есть обратный путь.

Над ним возвышались деревья, которые не шли ни в какое сравнение с деревьями в его мире. Над деревьями синело небо. В расщелину между двух валунов стекал ручей. Глубокая чистая вода неудержимо манила, она была так созвучна его печали. Недолго думая, Эверетт скинул одежду, стянул сапоги и сиганул в пруд. Прохладная вода доходила ему почти до горла. Эверетт оттолкнулся от дна и повис, перебирая в воде ногами.

Вода развеяла его печаль. Эверетт был один, но теперь он не был одинок. Первый раз в жизни плавал голышом. Приятное ощущение. «Должно быть, так я плавал в мамином животе, когда еще не родился», — подумал он. Придет же такое в голову!

Эверетт подплыл туда, где солнце пробивалось сквозь красную листву. Луч упал на лицо. Он закрыл глаза, снова открыл.

Солнце.

Что-то здесь не так. Солнце било в лицо. Быть такого не может! Любое светило должно двигаться по небосклону! Здешнее висело ниже, чем раньше, но все так же неподвижно. В этом мире Солнце перемещалось не с востока на запад, а сверху вниз!

Его расчеты основывались на предположении, что Земля круглая. В то время как геометрия здешнего мира...

— Не может быть! — воскликнул Эверетт, чуть не выпрыгнув из воды. Странные крылатые создания испуганно спорхнули с веток. — Нет, это безумие!

В голове закружились формулы, теории, физические законы. Окружающий мир обретал смысл. Существовало единственное

объяснение тому, что он видел вокруг.

Нужно срочно вернуться и все рассказать команде! Он заставит их себя выслушать. Эверетт побрел к берегу.

Одежда, куда подевалась его одежда? Он оставил ее на берегу, придавив сапогами, чтобы не унес ветер.

Звук Шорох, шуршание. Смех? Эверетт прикрыл руками срам.

— Сен?

Хихиканье.

— Сен, ты забрала мою одежду?

Тишина, ни звука, ни шороха.

— Хватит дурачиться. Я должен кое-что тебе рассказать. Мегаважное.

— Вылезай и возьми сам!

— Сен!

Он не собирался сдаваться: если хочет, пусть сидит в кустах хоть до темноты!

— Ладно, если ты находишь это забавным...

Эверетт заставил себя опустить руки и вышел из воды. В кустах кто-то ойкнул. Он попытался представить, как выглядит со стороны. Кажется, неплохо. Даже отлично.

— Помнишь «Бона шмотку»? Повторим?

Из кустов вылетели носки.

— Лови!

— И поймаю.

Довольный девичий визг и шорох листвы. Он натянул толстые носки домашней вязки, такие, как у Сен. Голый, в носках, Эверетт ощущал себя по-дурацки.

— Лови! — снова донеслось из серебристых камышей. Мимо его головы просвистели сапоги.

— Сен, утомонись, это очень важно. Видишь ли, этот мир... он...

— А шрам-то зажил, — заметила Сен из-под кроны леса.

Эверетт успел забыть про шрам, который оставил на теле лазер врага в сражении на кладбище Эбни-Парк. Небрежное замечание Сен заставило его снова ощутить горечь поражения. Эту отметину ему предстоит носить до самой смерти. Их спор с анти-Эвереттом еще не окончен.

Длинные шорты болтались на ветке.

— Сен, кончай дурачиться! — крикнул Эверетт, прыгая на одной ноге.

— И зачем тебе столько вещей? — донеслось из нового укрытия.

Футболка повисла на колючем кустарнике. Сен успела оторвать рукава и укоротить низ. Новая длина по-прежнему не шла ни в какое сравнение с той, что носила Сен, но надеть такую футболку на Земле-10 не осмелился бы ни один уважающий себя оми.

Голый до пояса, Эверетт потянулся за футболкой.

Раздался треск, и нога ушла во что-то липкое. Резко запахло гнилью. Эверетт посмотрел вниз. Его левая нога по щиколотку увязла в полуразложившемся трупe. Пустые глазницы смотрели с черепа, обтянутого клочками почерневшей плоти. Гниющие внутренности зияли под лопнувшей кожей. Эверетт попытался вытащить ногу. Что-то мерзко чавкнуло.

— Сен! — вскрикнул он. — Сен!

— Мы так не договаривались, Эверетт Сингх! Возьми сам!

— Сен!

По его тону Сен поняла, что шутки кончились.

Ловко перепрыгивая через корни и поваленные стволы, она подбежала к нему:

— Эверетт, что случилось? О господи!

Нет, он не ошибся в расчетах. Этот несчастный оказался здесь, потому что кто-то выбросил его из другого мира с помощью прыгольвера.

Сен протянула руку:

— Я вытащу тебя, оми. Иди ко мне, Эверетт Сингх!

Уцепившись за ее руку, он выдернул ногу из мерзкой жижи. Теперь от него всегда будет пахнуть трупом, но ужас, холодный, всепоглощающий ужас внушало не это.

— Сен, ты видела? Это он?

Она поняла сразу:

— Нет, не он. Ты слышишь меня? Это не он.

Эверетт выдохнул. Его чуть не стошнило, но не от ужасного запаха, а от облегчения. Это был не его отец.

Сен что-то пробормотала на языке аэриш. Эверетт успел натаскаться в палари, но Сен говорила слишком быстро и тихо, к тому же любила вставлять диалектные словечки.

— Сен, повтори.

— Он одет как аэриш. Мне кажется, я его знаю. Это Эд Заварушка.

Эверетт не сразу вспомнил имя. Шарлотта Вильерс притащила своих кяппов в порт Большой Хакни, чтобы силой захватить Инфундибулум. Однако дорогу ей преградила толпа местных молодчиков, которым было не по нраву, что кяппы шастают по их территории. Тогда Шарлотта Вильерс направила прыгольвер на их предводителя, злобного коротышку по кличке Эд Заварушка, — и тот исчез. Тогда Эверетт впервые видел прыгольвер в действии.

Так вот куда попал бедолага Эд! А потом что-то в красном тропическом лесу его убило. В мире, где Солнце не подчинялось законам физики, да и сам он был чужд сферической геометрии.

— Сен, нам нужно срочно вернуться к команде. Вам следует кое-что узнать об этом месте. Нечто крайне важное.

Натягивая узкие лайковые перчатки, Шарлотта Вильерс обозревала Лондон с тридцать второго этажа Тайрон-тауэр. Снег короновал ангелов на верхушках готических небоскребов, укутал плащами и палантинами плечи львов, грифонов и мифических зверей, смотрящих сверху на бурлящую толпу. Снег осыпался с боков дирижаблей, которые отчаливали от башни воздухопорта Сэдлерз-уэллс. Заснеженные крыши поездов змеились вдоль эстакад. Снег похоронил велосипеды, урны и зарядные станции до следующей оттепели. Пешеходы с опаской скользили по обледеневшим тротуарам, подняв воротники пальто и натянув на лоб шапки. Из рта прохожих шел пар.

— Меня тошнит от зимы. Неужели нельзя перенести Президиум в теплые края?

Шарль Вильерс, двойник Шарлотты и пленипотенциар Земли-4, поднес указательный палец к ее сигарете в мундштуке из слоновой кости. Вспыхнуло пламя. Шарлотта поморщилась. Тринские технологии, кто бы сомневался, но Трин никогда не стал бы применять их так топорно.

Сдержанность. Самообладание. Тайна.

Шарлотта Вильерс восхищалась Трином больше, чем любой житель Земли-4, которая поглощала тринские изобретения с такой жадностью, что совсем забросила собственные исследования. Технологии пришельцев стали для жителей Земли-4 своего рода наркотиком, а Шарлотта Вильерс ненавидела любого рода зависимость, считая ее проявлением слабости, будь то алкоголь, наркотики, секс, власть или инопланетные технологии.

— В Северном полушарии Земли-8 в это время года очень комфортно, моя кора.

— Экологическая катастрофа с неконтролируемым парниковым эффектом, — фыркнула Шарлотта Вильерс — Нет, трущобный шик не для меня. — Она нервно закуталась в меховую накидку, но не от холода. Ее покорило словечко «кора». Придуманное на Земле-5

термин для определения особых отношений между двойниками — отношений более близких, чем между любовниками или близнецами.

Шарлотта Вильерс не переставала удивляться, неужели Шарль и впрямь ее двойник? Интеллектуально он ей не ровня. К тому же им до смешного легко манипулировать. Шарль Вильерс был ее коро лишь по определению. Из коллег-пленипотенциаров Шарлотта Вильерс уважала только двойников Иен Хир Фол и Ибрим Ходж Керрима.

Пленипотенциар Земли-2 был безупречным дипломатом и политиком в мире, где эти профессии редко сочетались. Однажды, в пылу борьбы, Шарлотта Вильерс чуть не выдала себя, когда ей пришлось навести оружие на Эверетта Сингха, который собирался улизнуть, воспользовавшись порталом Земли-10. В тот раз она выкрутилась, но Ибрим Ходж Керрима было не так-то легко провести и невозможно подкупить. Для того чтобы уменьшить его влияние в Президиуме, ей потребуется вся ее тонкость, хитрость и коварство. Однако она не сомневалась в успехе. Единственным соперником, равным ей, был Эверетт Сингх. Ее враг, ее добыча.

«Так или иначе, ты сам отдашь мне то, за чем я охочусь. Моя железная воля против твоего интеллекта, Эверетт Сингх».

Шарлотта Вильерс затянулась и выпустила изо рта колечко дыма.

— По крайней мере, на Земле-7 отменно готовят.

В дверь постучали.

— Войдите.

Вышколенный коридорный в мундире с высоким воротом прищелкнул каблуками:

— Ваше превосходительство, это те коробки, которые следует доставить на место?

— Они самые, Льюис, — ответила Шарлотта Вильерс.

— Мне забрать все или что-то оставить?

— Я полностью вам доверяю, Льюис, и понесу только личные вещи.

— Не беспокойтесь, мы обо всем позаботимся.

— Спасибо, Льюис.

Каждые полгода Президиум Пленитуды известных миров перебирался в новую параллельную Вселенную. Так воплощался принцип равенства и демократии. Шарлотта Вильерс считала этот обычай подачкой политкорректности. Она не возражала бы осесть на

Земле-2: отличная погода, превосходный шопинг, изысканная кухня. Или на Земле-5: элегантные конные экипажи, живописная архитектура, изящный крой одежды. Переезды утомляли, даже если домой, на Землю-3, возвращаешься через портал Гейзенберга. Шарлотта Вильерс пережила уже четыре переезда, и нередко оказывалось, что к следующему коробки еще не успели распаковать, а дела расставить на полках.

— Мне следует освежить мой английский, — сказала она. — Что за мерзкий язык? Словно рвота.

— Вам нужно это, кора, — ответил Шарль Вильерс протягивая ей чип размером с ноготь большого пальца. — Идет в комплекте со специальной оправой, вроде очков. Посылает сигнал прямо в мозг.

— Можете называть меня старомодной, но меня не вдохновляет идея, что какой-то чип будет хозяйничать у меня в голове! — возмутилась Шарлотта Вильерс. Ее мозг принадлежал только ей. Ее мысли были только ее мыслями, а ее тайны спрятаны глубоко.

— Есть вести от дирижабля?

Шарлотта послала своего агента, двойника Эверетта Сингха, на запретную Землю-1 с заданием прикрепить жучок к корпусу дирижабля «Эвернесс». Вместе с ним на Землю-1 отправился тринский боевой робот-скафандр. Вернулся мальчишка в одном трико и с рюкзачком на спине.

Шарль Вильерс проверил мобильник.

— Ничего.

— А он точно работает? — спросила Шарлотта.

— Это же Трин! — ответил ее двойник. — Тринские технологии не дают сбоев.

Шарлотта Вильерс подняла бровь. Они тут помешались на своих технологиях. Сама она предпочитала ставить на людей. Особенно на тех, кого можно запугать.

— А вы уверены, что он выполнил задание?

Мог ведь при появлении Нано бросить скафандр, дрон, жучка и дать деру. Шарлотта Вильерс слишком много знала о чуме, поглотившей Землю-1, чтобы задаваться вопросом, а сама бы она не струсилась? Нано поглотят вас, растворят, переработают, отнимут тело, мозг. Нано ничем не отличаются от языковых имплантатов с Земли-2, только в тысячу раз страшнее. Нано — это само насилие.

— Уверяет, что выполнил.

— Бывают лжецы, наглые лжецы и четырнадцатилетние подростки, — сказала Шарлотта Вильерс — Впрочем, у меня в заложниках его семья. Его настоящая семья.

Ночной снегопад разбавил влажную январскую серость. Эверетт Л Сингх смотрел, как фары за окном прорезают предрассветный полумрак. Выхлопные трубы дымили в морозном воздухе. Транспортная система, основанная на жидком топливе и двигателях внутреннего сгорания, до сих пор казалась ему нелогичной.

В стеклянной тюрьме на подоконнике гудел Нано. Эверетт Л наклонился, чтобы рассмотреть существо за стеклом. Прошлой ночью Лора едва его не застучала. Он не ложился, сжимая в кулаке нанопаучка, пока не погас свет, не затихли телевизор и электрическая зубная щетка. И только тогда спустился вниз. Тринские механизмы в его теле позволяли передвигаться тихо и быстро. Выходит, недостаточно тихо. Лора, которую разбудил шорох, обнаружила сына над полупустой банкой с арахисовым маслом.

— Эверетт, я понимаю, ты растешь и все такое, но запихивать это ложками...

Он глуповато улыбнулся и крепче сжал в кулаке нанопаучка.

— С тех пор как ты вернулся, ты вечно голоден. Тебе приделали лишнюю пару полых конечностей? И совсем не поправляешься. Ладно, только не забудь выключить свет.

Арахисовое масло лишь отчасти утолило голод, который терзал Эверетта Л днем и ночью, но на самом деле ему нужна была банка. Ополоснув ее, он разжал ладонь и, не дав паучку возможности опомниться, закрутил крышку. Именно поэтому он выбрал арахисовое масло. Органическое, фермерское, хрустящее (очень вкусное, даже если наворачивать его ложками), в банке с металлической крышкой. У остальных банок крышки были пластмассовые. Нано ничего не стоило выесть пластмассу и дать деру.

Нанопаучок ощущал его присутствие, передвигаясь внутри банки вслед за ним. Сенсоры размером с булавочную головку внимательно его изучали. Паучок безуспешно пытался процарапать гладкое стекло.

— Нужно было сделать это еще вчера, — произнес Эверетт Л вслух.

Мысленный приказ — и лазеры приведены в боевую готовность. Электромагнитный импульс выведет из строя все модемы, роутеры и сотовые телефоны в округе, зато нанопаучок будет мертв. Умрет то, что никогда не было живым. Он спасет этот мир, чужой для него, и станет его безымянным героем. И никто никогда не узнает. Все существа на планете будут обязаны жизнью ему, Эверетту Сингху.

Он уже приготовился силой мысли послать импульс боевым лазерам Трина, но что-то его удержало. Эверетту вспомнился заснеженный Гайд-парк, разнесенные в клочья адские псы и птичьи стаи вокруг. Его нанодвойник стоит напротив, чернота поглощает смуглое лицо. Глаза. Нано не умеют подделывать глаза — у двойника были мерцающие, фасетчатые глаза насекомого. Эверетт Л отчетливо представил, как черные щупальца обвивают ноги скафандра, давят, душат, заживо хоронят его под метровой толщей наноматерии. Он был слишком близок к смерти — к тому, что хуже смерти.

Тогда, чтобы вырваться из этого ада, Эверетт Л заключил сделку. В обмен на свободу помог Нано обойти карантин Пленитуды.

Нано всего лишь хотели выжить. Так же, как и он.

— Это ты меня надоумил? — шепнул Эверетт Л нанопаучку, скребущему банку изнутри. Внутри собственного тела он вывез споры Нано в цитадель Трина на темной стороне Луны, а затем на Землю-10. А что если Нано успели запустить щупальца в его мозг? — Эй, ты все еще во мне?

— Эверетт!

От неожиданности он подскочил на месте, банка выскользнула из рук, и только недавно обретенные рефлексy помогли Эверетту Л поймать ее на лету.

— Выходи, Эверетт! Не через десять минут, не через пять, а немедленно!

Дрожащими руками Эверетт поставил банку на подоконник. За окном сплошной серой пеленой валил дождь со снегом.

— Иду! — крикнул Эверетт Л, натянул куртку, схватил рюкзак с эмблемой «Тоттенхэм Хотспур» и, обернувшись к окну, прошептал: — Я убью тебя позже.

Ворота Эбни-Парк были закрыты на замок и перетянуты желтой лентой. Поговаривали о подростках, дешевом вине и еще более дешевом клее. Официальная версия не выдерживала критики — достаточно было увидеть следы взрывов, ровные срезы лазеров и того оружия, которое использовала девчонка с Земли-3. Нанюхавшись клея, шестнадцатилетние вандалы просто разгромили бы могилы. Однако газеты и радио упорно повторяли полицейскую версию событий. Никто и не думал оспаривать легенду, придуманную Шарлоттой Вильерс.

Эверетту Л пришлось топать в обход, поэтому на урок он опоздал.

— Вы редко пропускаете уроки, — заметила школьная секретарша, миссис Ядав, выписывая ему новый пропуск. Эверетт Л протянул ей справку.

— Из социальной службы? — спросила она с сочувствием.

«Нет, из параллельной Вселенной. Там я сражался с нанокошмарами и своим двойником, — подумал Эверетт Л. — А на подоконнике в моей спальне стоит пустая банка из-под арахисового масла, а в ней заперто то, что уничтожит ваш мир».

— Обычное дело, — сказал он вслух. Еще одна ложь Шарлотты Вильерс.

— Не такое уж обычное, — возразила секретарша. — Миссис Пэкхем в курсе?

— Конечно, — солгал Эверетт Л.

— Напишу ей на почту, — решила миссис Ядав.

Вынимая книги из шкафчика, Эверетт Л почувствовал под пальцами вибрацию металла, тихое гудение. Он отступил назад. Гудел не только шкафчик, гудела вся школа, поперечные балки вибрировали, словно гитарные струны. Новоприобретенные способности позволяли видеть электрические и магнитные поля. Ничего. Вибрация была у него в голове: это Нано гудел в стеклянной тюрьме на подоконнике в спальне на Родинг-роуд. Гудел у него в голове, в коридорах школы, на уроке математики.

— Мистер Сингх, вы с нами или на другой планете?

— Простите, сэр.

Гудение не прекратилось на перемене, возле аппарата с колой. Эверетт стоял между Чесни Дженингсом и Карлом Дербиширом — в его мире мелкие засранцы, любители травить гиков.

— А ну рассказывай, почему тебя забрала социальная служба.

И в этом мире ничего не менялось.

— Признавайся, твоя мамаша — педофилка?

Гудение сменилось оглушающим ревом, лазеры пришли в боевую готовность. Он поежился от холода — тринские технологии питались энергией его тела. Панели в предплечьях начали открываться. Собрав волю в кулак, Эверетт Л закрыл их.

— Отстань, — буркнул он.

— А что, если не отстану?

Эверетт Л направил энергию в правую ладонь, выхватил жестянку с колой из руки Карла — большой палец под дном, мизинец на крышке — и сжал. Алюминий треснул и сплющился, фонтан колы окатил Чесни Дженингса и Карла Дербишира. На их белых рубашках проступили коричневые пятна.

— Не смей трогать мою мать, — произнес Эверетт Л и швырнул плоский металлический диск в урну.

К большой перемене о происшествии знали все. Школа гудела: эсэмэски, записи в Фейсбуке, звонки, шепот по углам. Школьные мажоры — бездельники, которые даже бездельничать умудрялись стильно, провожали Эверетта Л взглядами. Мельком, через плечо, но это было признание.

— Как ты это сделал? Голыми руками? — спрашивал Нилеши Вирди, друг в обоих мирах.

— Это не я, а киборг, который похитил тело настоящего Эверетта, — отвечал он.

— Качаешься? — пристала к нему готка Эмма, царица школьных эмо-девчонок. Ее подружка Нуми протянула Эверетту Л жестянку с колой.

— А с диетической слабо? — Нуми вытащила телефон. — Давай, станем звездами Ютуба.

Эверетт Л вернул ей жестянку:

— Я не фокусник.

— Мы придем болеть за тебя! — крикнула Нуми ему вслед.

Разумеется, слухи дошли до миссис Пекхэм. На уроке литературы в дверях класса показалась ее голова:

— Эверетт, на пару слов. Ко мне в кабинет.

В кабинете пахло оконным пластиком и сандаловым деревом. На подоконнике стояла аромалампа. Золотисто-желтые стены в сочетании с ароматом сандала превращали кабинет в райский уголок посреди суровой зимы. Так и задумано, решил Эверетт Л. И коробка с бумажными салфетками на столе стояла здесь неспроста.

— Вам сказала миссис Ядав? — спросил он.

Этот урок Эверетт Л выучил после Эбни-Парка и сражения с Нано: бей первым.

— Видишь ли, Эверетт, — начала миссис Пэкхем, — школа Бон-Грин — сообщество, одна большая семья. Нет ничего удивительного в том, что мы друг за другом приглядываем, делимся радостями и горестями. Вмешательство социальной службы нельзя оставлять без внимания. Мы делаем одно общее дело. Чаю?

— Лучше кофе.

— У меня есть только без кофеина.

— Все равно.

— За последнее время ты многое пережил, Эверетт, а мы до сих пор толком ничего не обсудили. Сначала отец, затем полиция, а под Рождество ты и вовсе исчез. Ты никому ничего не рассказываешь. Возможно, я сама виновата, все это так не вовремя...

— А что, такое бывает вовремя? — спросил Эверетт.

Миссис Пекхэм предпочла не заметить издевки. На вид ей было лет тридцать пять, хотя для Эверетта Л все взрослые старше двадцати трех выглядели одинаково. Чтобы выделиться из учительской массы, миссис Пэкхем одевалась в яркие балахоны.

— Со мной ты можешь говорить обо всем, Эверетт. Никто тебя не осудит.

— Правда?

— Правда.

— Ладно, так и быть, расскажу. Я не настоящий Эверетт Сингх, а его киборг-двойник из параллельной Вселенной, тайный агент группы политиков Пленитуды известных миров. Вы слышали про Эбни-Парк? Моих рук дело. Мне ничего не стоит сровнять школу с землей.

Пару мгновений миссис Пэкхем молча взирала на Эверетта Л.

— Когда я говорила, что ты можешь говорить обо всем, я имела в виду твои чувства. И что ты чувствуешь по этому поводу?

— А как вы думаете, что должен чувствовать киборг-двойник из параллельной Вселенной?

Миссис Пекхэм поджала губы и зарылась в папку с пластиковыми файлами.

— Я слышала о твоих трюках на перемене. Меня тревожит не только физическая агрессия, но и вербальная. Возьмем хотя бы твои последние слова или твое исчезновение. Знаешь, что я думаю? Долгое время ты был единственным ребенком. Твоя сестренка, сколько ей? Три, четыре? Ты привык быть в центре внимания, а теперь неожиданно оказался единственным мужчиной в семье. К тому же ты был очень близок с отцом. Поверь мне, Эверетт, есть много других способов привлечь к себе внимание.

— Кажется, вы обещали, что не станете меня судить.

— А сейчас ты защищаешься. И вдобавок ко всему мне сообщили, что ты стал рассеянным на уроках. Это на тебя не похоже, Эверетт.

— За мной шпионят? — взвился он.

— Никто за тобой не шпионит, с чего ты решил?

«Стоп, — подумал Эверетт Л. — Скажу слишком много или, напротив, слишком мало, и она пошлет меня на обследование. Не хватало еще, чтобы доктора покопались в моих внутренностях».

— Нет, я не это хотел сказать, просто...

Нельзя ее злить. Решение пришло само. Он начал говорить об отце, своем настоящем отце, который погиб в нелепой аварии по дороге на работу. И некому жаловаться, и ничего нельзя изменить. Эверетт рассказывал, как злился на отца, который их бросил. О том, как снова и снова перебирал в уме поступки: свои, мамины, сестренки. Где они свернули не туда, как допустили, чтобы на светофоре отец оказался на пути у того грузовика? Он говорил об оставленности. Вспоминал, как внезапно понял, что смерть — это навсегда и что отец никогда не вернется. Говорил о притворстве. О том, как после его ухода они отдались с радостью повседневной рутине, старательно избегая любых намеков, чтобы не дать ужасу бытия прорваться из глубин, словно темной воде из-под льда.

Изображая того, другого Эверетта, он говорил о своих подлинные чувствах. Отца того Эверетта не сбивал грузовик, но чувства были похожи. Эверетт Л понимал своего двойника.

Наконец миссис Пэкхэм посмотрела на часы и сказала:

— К сожалению, нам пора.

Эверетт Л встал. Ему показалось, что дышать стало легче. За час в кабинете школьного психолога он и думать забыл про звук, который издавал Нано. В коридоре гудение вернулось, громче прежнего.

Пора положить этому конец.

— Эверетт!

Он оглянулся: школьники валом валили к воротам, пар от дыхания вырывался изо ртов, трещали звонки мобильных. На него смотрел Рюн. Друг того, другого Эверетта. Нужно что-то ответить. Подозрения Рюна усилились после той эсэмэски и Эвереттова наглого вранья, будто бы он потерял телефон. То сообщение выдало Эверетту Л местонахождение его врага и закончилось сражением в Эбни-Парке. А еще было вирусное видео с дирижаблем, зависшим над стадионом Уайт-Хартлейн. Тогда он пошутил, что это коммерческий грузовой дирижабль из параллельного мира, не подозревая, как близок к истине. Интересно, поверил ли ему Рюн?

Опасность подстерегала повсюду. Нельзя расслабляться.

— Я ухожу! — крикнул Эверетт Л. — До завтра!

— Надо поговорить!

— Потом!

Эверетт Л скользнул в толпу. Дженингсы как раз садились в машину. Надо же, мамаша приехала забрать домой своего деточку? Генераторы к бою! Направленный импульс — и систему зажигания автомобиля Дженингсов закоротило.

А теперь поднимай жирную задницу и толкай.

Эверетт Л бежал всю дорогу: через Собачью радость, вдоль Оукли-роуд, в обход Эбни-Парка по Сток-Ньюингтон-чёрч-роуд. Он позволил себе слегка, процентов на двадцать, увеличить скорость. Достаточно, чтобы поскорее добраться до дома, не выглядя супергероем. Тем не менее бегуны в облегающих костюмах провожали удивленными взглядами мальчишку в школьной форме с рюкзаком за спиной, который играючи обгонял их. Добежав до Сток-Ньюингтон-хай-стрит, он замерз и проголодался, но прежде ему нужно было завершить одно дело.

Толкнув входную дверь, Эверетт Л взлетел по ступенькам.

— Привет, Эверетт, как дела-спасибо-как-твои-мам? — донесся из кухни голос Лоры.

Банка... Банка исчезла!

Эверетту показалось, что его мозги сейчас расплавятся.

Куда она делась?

Может быть, закатилась под кровать? Он заглянул под кровать, в мусорную корзину, в шкаф, проверил за столом и лампой — везде, где могла поместиться стеклянная банка из-под арахисового масла.

Банка исчезла.

Сердце выпрыгивало из груди. От пробежки дыхание совсем не сбилось, но сейчас Эверетт Л дышал тяжело и отрывисто. Где угодно. Она может быть где угодно! Но в комнате ее нет.

«Нужно взять себя в руки, никто не должен видеть тебя таким». Тринские технологии бессильны там, где дело касается эмоций. Как любой человек, Эверетт боролся со страхом. Вдох — выдох.

Он спустился в кухню. Стоя в голубоватом свете, который лился из открытой холодильника, Лора выбирала, что засунуть в микроволновку. Виктория-Роуз сидела за столом и рисовала розовые и фиолетовые загогулины. По радио трещал Саймон Майо, Лора, как обычно, бубнила что-то свое на мелодию очередного хита леди Гага.

— Ужин будет после шести, но если ты проголодался, есть свежий хлеб, сделай себе бутерброд.

— Там, на окне, стояла банка с арахисовым маслом... — начал Эверетт Л.

— Я ее убрала. Я понимаю, ты растешь и все такое. С Рождества прибавил два дюйма, придется покупать тебе новую форму, но лопать масло прямо из банки! Не забывай, в нем много холестерина.

— Старая банка, пустая.

— Какая банка?

— Из моей спальни. Ты ее трогала?

Вопрос не успел слететь с губ, как он увидел ответ. Виктория-Роуз окунула кисточку в банку, вода тут же окрасилась розовато-лиловым. Банка с водой. Пустая банка из-под арахисового масла.

— Мам., эта банка... в ней что-нибудь было?

— Какой-то паучок. Зачем он тебе?

Эверетт Л не сводил глаз с кисточки.

«Посмотри на меня, Ви-Эр!» Больше всего на свете он боялся, что сестренка поднимет глаза — и они уже не будут глазами человека. Боялся увидеть блеск и черноту паучьих глазок Нано. Малышка высунула язык, поглощенная рисунком. «Посмотри на меня. Я должен видеть, должен знать наверняка!»

— Что ты сделала с пауком? — Усилием воли Эверетт Л заставил голос не дрожать. Кровь пульсировала за глазными яблоками. Он не имеет права себя выдать, он должен вести себя как обычный четырнадцатилетний подросток.

— Выбросила в сад. Убивать пауков — к дождю. Роган джош или терияки?

Лора ждала от него ответа.

— Лучше терияки. Все равно они не умеют готовить баранину лучше бабушки Аджит. Что ты рисуешь, Ви-Эр?

Малышка засияла и протянула брату свой розово-фиолетовый бумажный мир. Ее глаза. Круглые, карие англо-пенджабские глаза. От облегчения сердце чуть не выскочило из груди. Виктория-Роуз или Виктори-Роза, Лора Брейден или Лора Сингх — теперь ему было все равно. Они — его семья. И он будет защищать их до последнего ватта энергии.

— А давай-ка попробуем «Почувствуйте разницу» из «Сейнсбериз», от Джейми Оливера, не возражаешь?

Пока он занят пустой болтовней, расстояние между ним и Нано увеличивается. Эверетт Л старался не показывать виду, но его мутило, словно все внутренности обратились в слизь.

— Когда будет ужин?

— Я же говорю, если проголодался, сделай себе бутерброд.

— Просто хотел кое-что успеть до ужина.

Эверетт Л бросился в спальню и натянул первые попавшиеся под руку спортивные штаны, чтобы не пугать бегунов, которых он так легко обставил по дороге из школы.

— Я на пробежку, — объявил он на кухне.

Даже Виктория-Роуз на мгновение перестала лепить радужных чаек в бумажном небе

— Куда? — не поверила Лора.

— Завтра у меня игра, нужно подготовиться. Ты сама говорила, что скоро я весь дом объем, заодно сожгу лишние калории.

— На пробежку?

— Что тут такого? Многие бегают.

— Кажется, до меня дошло, — протянула Лора — Признавайся, у тебя есть девушка? И ради нее ты хочешь накачать мышцы? Я так рада, Эверетт!

— Ну, мам! — возмутился он. А впрочем, почему нет? Отличное прикрытие — У меня правда скоро игра!

— Ах, как романтично! Накачать мышцы, чтобы понравиться девушке! Ты побежишь мимо ее дома? А знаешь, тебе идет эта шапочка.

— Мам, я ушел. Теряки, и побольше.

Эверетт Л выскочил из дома. Его трясло от холода, мутило от голода. Он не отказался бы от дюжины маминых бутербродов, но образ нанопаучка, удирающего на крохотных ножках по покрытой изморозью траве, сверлил мозг. Теперь он знал, откуда взялось гудение в голове. Когда Эверетт Л, закованный в боевой тринский скафандр, готовился умереть самой мучительной из смертей, его нанодвойник похвастался, что через пару месяцев Нано ассимилируют тринские изобретения, а мадам Луна прошептала Эверетту Л в ухо, что анализирует и усваивает вражескую технологию. И теперь у него был собственный встроенный нанорадар.

Эверетт Л свернул на Родинг-роуд и активировал радар. Теперь он слышал электрические и электромагнитные волны. Сигналы сотовых телефонов и радиосигналы оглушали, в голове теснились сотни спутниковых каналов. Жужжание Wi-Fi, вопли Bluetooth, переговоры таксистов и службы доставки универмага «Теско». Пиратская дабстеп-станция вещала на частотах, выделенных для экстренных служб. Радио, телевидение, и над всем этим, словно голоса ночных птиц, переговоры воздушных судов, взлетающих и заходящих на посадку в лондонских аэропортах. Мир представлял собой какофонию звуков, которые пронизывали все вокруг.

И только Эверетт Л слышал их, вместе и в отдельности, и один за другим отключал все сигналы, пока в ушах не остался еле слышный комариный писк Нано.

Он свернул на Норсволд-роуд. На миг сигнал пропал, заглушённый автомобильными магнитолами и сотовыми телефонами. Выдыхая изо рта пар, хлопая в ладоши, чтобы согреться, Эверетт Л перепрыгнул через натянутые собачьи поводки. Та же женщина из службы выгула собак, что и в его мире. Сигнал возник снова. Судя по всему, паучок пересек забитую автомобилями Норсволд-роуд, направляясь в Стоук-Ньюингтон-коммон. Парк казался треугольником темноты посреди городских огней. Люди, дома, машины, магазины никуда не делись, но в темном городском парке ты был предоставлен самому себе.

Что-то зашуршало за парковой скамейкой. Он включил ночное видение Метис бультерьера, такого можно прикупить с рук за пару сотен фунтов и на прогулках изображать из себя. Собака рылась в картонках из-под фастфуда. Бультерьер без хозяина? Странно.

Бультерьер оторвался от картонок и в упор взглянул на Эверетта Л — не добрыми и печальными собачьими глазами, а черными злобными бусинками насекомого. Эверетт Л ответил на взгляд. Пес зарычал. Эверетт Л направил энергию в правую руку. Кожа на ладони разошлась, металл и нанопластмасса раскрылись, словно цветочные лепестки. Пес взвизгнул и бросился наутек через кусты и забор, но Эверетт Л не отставал. Бультерьер проскочил парк, выбежал на Ректори-роуд и принялся лавировать между машинами.

Однажды Эверетту Л довелось испытать на собственной шкуре, как опасно перебегать Стоук-Ньюингтон-хай-стрит в час пик. Шрамы

на теле никогда не дадут ему об этом забыть.

— Нет уж, хватит и одного раза, — прошипел Эверетт Л сквозь зубы и обеими руками послал электромагнитные заряды, вырубив двигатели всех автомобилей в округе. Спокойно переходя улицу, он заметил, как бультерьер перемахнул через ограждение кладбища Эбни-Парк.

— Ладно, будь по-твоему, — промолвил Эверетт Л. — Битва при Эбни-Парк, второй раунд.

* * *

На Стоук-Ньюингтон-хай-стрит одновременно заглохли четыре десятка автомобилей. Пока их водители выясняли отношения, кричали в телефонные трубки, давили на неработающие клаксоны, рылись на холоде под капотом, недоумевая, что, что, что это было, никто не заметил, как подросток в спортивных штанах поднял палец, и короткая вспышка перерезала дужку цепи, соединявшей створки кладбищенских ворот.

Холод и темнота обступили Эверетта Л, словно пальцы сомкнулись в кулак. Используя ночное видение, он разглядывал последствия предыдущей встречи с двойником. Безголовые, бескрылые ангелы; херувимы, от которых остались одни ступни. Гробницы и колонны лежали в руинах, землю усеивали ветки и сучья. Мусорный контейнер был наполовину пуст, словно уборщики, оценив масштаб разрушений, в сердцах бросили работу.

Ничто из увиденного его не обрадовало.

Эверетт Л снова уловил звук, тоньше, чем биение комариного сердца, но ему было достаточно.

— Я тебя вижу, — произнес он.

Звук уводил его в сторону от главной аллеи, туда, где прятались побитые морозом заросли ежевики, между гробницами и пнями, увитыми плющом, в круг викторианских могильных камней: колонны, херувимы, каменные свитки и плачущие ангелы.

Собака лежала на боку в середине круга. Эверетт приготовил оружие к бою. Пес не дышал. Он осторожно потрогал его носком

кроссовки.

Перед ним была пустая оболочка. Жизнь, высосанная до дна.

— Так, и что дальше? — спросил Эверетт Л, озираясь.

Он не заметил следов, которые уводили бы от трупа собаки, но вокруг ощущалось неясное напряжение. Он закрыл глаза и сосредоточился. Прямо под ним, под землей. Эверетт Л находился в самом центре Наноактивности.

При первом толчке Эверетт Л открыл глаза. С веток закапала вода. И снова земля под ногами дрогнула. Гудение Нано перешло в рев. Звук шел прямо из-под ног. Могильный камень накренился и треснул. Деревья закачались. Эверетт Л крутанулся на пятках. Трава перед колонной вспучилась, и оттуда показалась рука. Черные волокна обвивали мертвые кости, связывая их черными сухожилиями. С титаническим усилием скелет выпростался из земли. Наномышцы оживили гнилые викторианские кости. Череп, еще сохранявший остатки волос, повернулся к Эверетту Л. Пустые глазницы заполняли блестящие черные бусины.

— Что, поиграть со мной решил?

Еще один толчок, прямо под ним Эверетт Л чуть не потерял равновесие. Не успел он выпрямиться, как скелет бросился на него. Отпрянув — и снова его спасали вратарские навыки, — Эверетт Л приготовил лазеры к бою. Его словно окатило ледяным душем, под ложечкой засосало от голода, но сейчас ему был необходим весь арсенал, доставшийся в наследство от мадам Луны. Лазерный луч аккуратно снес скелету череп, над гладко срезанными костями корчились черные щупальца, но потеря головы не остановила противника. Следующим выстрелом Эверетт Л перерубил ему ноги, но скелет упрямо полз к нему, подтягиваясь на костяшках пальцев.

— Эй, сколько можно?

Лазер в правой руке, пушка — в левой. Электромагнитный импульс заморозил наносубстанцию, и в следующее мгновение скелет взорвался и разлетелся вдребезги кусками черного льда.

Из-под земли вставали скелеты, наномышцы обвивали их гнилые кости. Скелеты передвигались пугающе быстро. Эверетт Л уворачивался от жадных костлявых рук, рубя противника напополам, от макушки до ступней, но разрубленные щупальца снова соединялись, притягивая половинки скелетов. Он разносил их в прах

одного за другим, а черные щупальца наноматерии тянулись и тянулись из оскаленных челюстей зомби, закутанных в обрывки истлевших викторианских саванов.

Эверетту Л пришлось менять руки, давая возможность оружию перезарядиться. Огонь! Огонь! Еще огонь! Теперь-то тебе точно крышка, приятель. Он вертелся на месте, перерубая скелеты, словно стволы деревьев, затем давая по ним импульсный залп из пушки.

Наконец все стихло. Эверетт Л активировал радар. Ни следа Нано. Зомби были нейтрализованы. Он перешагнул через гнилые кости. Тот будет радости уборщикам на следующее утро.

Внезапно что-то рванулось к нему из груды костей: оскаленная челюсть, растопыренные пальцы. Это был крошечный детский скелетик, оживленный Нано. Эверетт Л в ужасе отпрянул, но уже в следующую секунду скелет черным льдистым стеклом осыпался ему на кроссовки.

Еще раз просканировать местность. Ничего. Эта планета могла спать спокойно. А теперь — терялки.

Шарлотта Вильерс вышла из портала Гейзенберга. За ней, в двух шагах позади, следовал ее двойник Шарль Вильерс. Шарлоттины каблочки цокали по металлическому пандусу. Хозяева с Земли-7 ждали у подножия: одинаковые улыбки, одинаковые рукопожатия.

— Добро пожаловать, фро Вильерс, — поприветствовал Шарлотту Иен Хир, плотный сидящий мужчина в брюках со стрелками и сюртуке поверх изысканного парчового жилета.

— Добро пожаловать, герр Вильерс, — произнес одновременно с ним Хир Фол, обращаясь к Шарлю. Он как две капли воды походил на своего двойника.

Шарлотта Вильерс помнила тонкости местного этикета: говорить только с тем, кто к тебе обратился; если в твоём языке есть прилагательные во множественном числе, как во французском, немецком или испанском, использовать только форму единственного числа; не удивляться, когда один из двойников договаривает фразу за другого; не обращать внимания на телепатический обмен мыслями между двойниками.

Иен Хир Фол были однойцевыми близнецами. Все чиновники на Земле-7 были однойцевыми близнецами. Все люди на Земле-7 были однойцевыми близнецами. Больше, чем близнецами, больше, чем клонами друг друга. Один разум в двух телах. То, что чувствовал один, чувствовал другой; то, что видел один, видел другой. Двойники даже на значительном расстоянии друг от друга находились в постоянном общении.

Ученые из других измерений давно изучали феномен двойников с Земли-7. Официальная теория гласила: их случай представляет собой феномен квантовой запутанности применительно к человеческой жизни.

Квантовая запутанность всегда завораживала Шарлотту Вильерс. Возьмите две частицы и, используя лазер, поместите их в одно квантовое состояние. Теперь частицы будут всегда связаны друг с другом, останутся единым целым, даже находясь в разных местах. Неважно, как далеко частицы разнесены в пространстве или времени,

любое воздействие на одну из них зеркально отразится в другой. Все в мире взаимосвязано. Эта истина наполняла Шарлотту Вильерс ощущением полноты и покоя.

В науке квантовая запутанность на атомном уровне давно считалась общим местом. Иное дело, когда речь шла о квантовой запутанности применительно к человеческим чувствам. Гадкий зануда Пол Маккейб с Земли-10 как-то похвастался, что его команде удалось распространить это явление на бактерии. Что бы он сказал о близнецах с Земли-7, которые использовали квантовую запутанность на уровне человеческого мозга! И никто не понимал, как устроен этот механизм. Если, конечно, не считать его природным феноменом.

Как бы то ни было, из двойников с Земли-7, — ах да, спохватилась Шарлотта Вильерс, они не жалуют термин «двойники», — выходили превосходные дипломаты, журналисты, путешественники и шпионы. Их способности связываться друг с другом в любом из миров были поистине безграничны. Однако они плохо переносили долгую разлуку, становились раздражительными, впадали в апатию.

Рядом с ними — «с ним», поправила себя Шарлотта, ибо Иен Хир Фол считали себя одной личностью в двух телах — стоял коротышка в неряшливом плаще и эта женщина, Харт. Что за возмутительный цвет волос! Совершенно недопустимый для официального лица. Впрочем, уж лучше она, чем ее босс Пол Маккейб. Доверять ей, конечно, нельзя — Шарлотта никогда не простит этой Харт, что она помогла Эверетту Сингху бежать на Землю-3, — но врагов лучше знать в лицо. Старая мудрость гласит, держитесь ближе к друзьям, но еще ближе — к врагам. Чем скорее этих растяп-ученых отстранят от политических переговоров и доверят принятие решений дипломатам, тем лучше.

— Шарлотта! — Ладонь у Пола Маккейба была вялой, словнодохлая рыба.

— Мисс Харт, — кивнула Шарлотта Колетте Харт.

— Удивительный новый мир! — воскликнул Пол Маккейб, не смущаясь явным пренебрежением собеседницы.

— Да уж, я встречала миры и попроще. Вам понравился Хейден, Колетта?

— Здесь очень красиво.

«А ты не слишком разговорчива, — подумала Шарлотта Вильерс. — Я не доверяю тебе, но ты доверяешь мне еще меньше».

Красота Хейдена, как все в этом мире, была двойственной. Прежде всего, местоположение: город стоял у слияния трех рек. На Земле-3 они звались Темзой, Сеной и Рейном, впадали в Ла-Манш и дальше, в Северное море. На Земле-7 Британия была полуостровом на западной оконечности Европы. А у слияния трех полноводных рек стоял Хейден — город каналов и островов, мостов и набережных, изящных готических площадей, церковных шпилей и тысячи колоколов. По узким извилистым улочкам катились электрические мопеды и тандемы, баржи перекликались гудками под грациозными мостами, юркие речные такси рассекали гладь трех рек.

— Хейден — кулинарная столица Пленитуды, — сказала Шарлотта Вильерс. — Я знаю превосходный ресторан на Лауденгат в квартале Вереел.

— А я вчера ужинал на Раандплац, — ответил Пол Маккейб. — Великолепно, но порции просто громадные!

— Здесь не привыкли готовить на одного, — заметил Шарль Вильерс.

Вспышка ослепительного света: портал Гейзенберга открылся. С пандуса спустился Ибрим Ходж Керрим. Один шаг перенес его из Англии у побережья Марокко в Англию, которая не была островом. Пардовый пиджак безукоризненного кроя, серебристое перо на тюрбане, аккуратно подстриженная борода, тщательный маникюр. Посол приветствовал коллег-пленипотенциаров и кандидатов на вступление в Пленитуду с Земли-10.

— А теперь, когда все в сборе... — начал Йен Хир.

— ...я покажу ваши апартаменты, — закончил Хир Фол.

На Земле-7 Президиум занимал целый остров, некогда бывший монастырем. С картин и колонн странные двухголовые святые и ангелы взирали на пленипотенциаров, пока Йен Хир Фол вел их тенистыми двориками под барочными куполами.

Шарлотта Вильерс ускорила шаг, чтобы оказаться рядом с Ибримом.

— До меня дошли слухи, что вы собираетесь предложить свою кандидатуру на выборах Примарха, — сказала она.

— Ваша прямота делает вам честь, мисс Вильерс.

— Я привыкла считать прямоту добродетелью. Под вашим мудрым руководством Пленитуду ждет процветание.

— Вы мне льстите.

— Насколько я понимаю, в Аль-Бураке знают толк в лестии.

— Мы предпочитаем похвалу от чистого сердца, мисс Вильерс.

— По-вашему, лесть несовместима с искренностью?

— Именно так, мисс Вильерс.

— Я просто хотела, чтобы вы знали, Ибрим, что я безоговорочно вас поддерживаю, — сказала Шарлотта Вильерс.

Мелкие служащие сновали туда-сюда, волоча неподъемные тележки с документами и прочим скарбом Президиума и его министров.

— А ваш Орден?

— Нас заботит только безопасность Пленитуды.

— Знаю я вашу заботу, мисс Вильерс. Она стоила мне сорока кавалеристов. Никто из них не вернулся, а ведь у каждого были семьи, дети, любимые... Я видел, что вы пытаетесь сделать с Землей-10. Я никогда вас не поддерживал.

— Ваша прямота поспорит с моей, Ибрим.

— Зато я искренен, мисс Вильерс.

Они остановились в крытой галерее над мостом, уступая дорогу группе клерков.

— Допустим, вы не нуждаетесь в нашей поддержке, Ибрим, — продолжила Шарлотта Вильерс, — но едва ли вы захотите иметь в нашем лице врагов.

— Объяснитесь, мисс Вильерс.

Иен Хир Фол и остальные ждали их на другом конце галереи.

— Мы располагаем дискредитирующей вас информацией.

— Это шантаж?

— Именно.

— Чего вы хотите?

— Не собираетесь вступать в Орден — не надо, но не мешайте моей — нашей — работе.

— Все хорошо, фро Вильерс? — начал Иен Хир.

— Герр Керрим? — продолжил Хир Фол.

— Мы просто отстали, — ответила Шарлотта.

Пленипотенциары двинулись дальше сквозь лабиринт Президиума.

Внезапно Иен Хир Фол резко встал перед огромными резными дверями.

— Итак... — начал Иен Хир, растворяя одну створку.

— ...перед вами Амберсаал, — завершил Хир Фол, открывая другую.

У Шарлотты перехватило дыхание. Каждый сантиметр стен был покрыт янтарем. Декоративные панно изображали ангельские деяния, вырезанные в прозрачном камне всех оттенков: от бледно-желтого до темно-коричневого. Низкое январское солнце лилось из окон на стены, и казалось, что комната утопает в меду.

— Великолепно! — промолвила Шарлотта Вильерс.

Пока остальные пленипотенциары изумленно взирали на тончайшую резьбу потолочного свода, к ней приблизился ее двойник Шарль.

— Он не с нами, — прошептала она ему в ухо. — Однако и не против нас.

— Плоская? — переспросила капитан Анастасия.

— Мы находимся на поверхности диска, — объяснил Эверетт. — Не уверен, сверху или снизу, мне нужно увидеть звезды, но, по большому счету, это неважно.

Макхинлит опустил конец троса, который привязывал к гондоле двигателя, и, недоверчиво косясь на Эверетта, достал из кармана диск несущего винта и продел в отверстие палец.

— Хочешь сказать, мой палец — Солнце?

— Вообще-то дырка побольше, а Солнце поменьше, но в общих чертах верно, — ответил Эверетт. — Мы находимся на диске Алдерсона.

— Объяснитесь, мистер Сингх, — произнесла капитан Анастасия. — По возможности медленно и подробно.

Эверетт всматривался в лица команды. Ради него Сен изо всех сил изображала заинтересованность. Макхинлит кисло хмурился — все, что говорил Эверетт, механик воспринимал как вызов. Шарки еще не вернулся с охоты. И лишь на лице капитана читался искренний интерес: поможет ли то, что ты сейчас скажешь, спасти мой дирижабль?

— Диск Алдерсона — это мегаструктура, — начал Эверетт. — Твердый диск из материи, окружающей Солнце, от орбиты Луны до орбиты Марса Разумеется, если бы здесь эти планеты существовали. Примерно девяносто миллионов миль от середины до внешнего края, полмиллиарда миль по длине внешней окружности.

— Это ты сейчас посчитал? — угрюмо буркнул Макхинлит.

«Можешь кривиться сколько угодно, но ты меня слушаешь», — усмехнулся Эверетт про себя.

— Ну да, прикинул в уме, — ответил он. — Представьте себе миллиард планет, похожих на Землю. Обе стороны обитаемы. На диске Алдерсона может разместиться одна тысяча квинтильонов человек. Толщина в две тысячи миль дает примерно две трети земной гравитации, вы наверняка уже заметили, насколько здесь легче ступать по земле.

— А как же Солнце? — спросила капитан Анастасия. — Смена дня и ночи? Наша планета перемещается вокруг Солнца, но если оно посередине...

— Значит, перемещается само Солнце, — ответил Эверетт.

Эверетта осенило, когда он плавал в пруду. Другого объяснения тому, что он наблюдал вокруг, просто не существовало. Порой бывает сложно принять новые миры или идеи, но математика не обманет. Они упали на громадный искусственный диск наподобие гигантского DVD. Диск опоясывал Солнце, и это Солнце двигалось.

— Двигать звезду проще, чем диск. Откровенно говоря, именно Солнце помогло мне разрешить загадку. Я заметил, что тени удлинялись, но Солнце не двигалось. Нет, оно не стояло на месте, Солнце перемещалось, но вертикально. Вверх и вниз. Простое гармоническое движение, наподобие маятника. Масса диска...

— Боюсь, вы нас окончательно запутали, мистер Сингх, — протянула капитан Анастасия.

— Короче говоря, день здесь длится около тридцати часов. Как только мы примем гипотезу о плоском диске, все становится на свои места. Обратите внимание, все ветки и листья повернуты в одну сторону, наклонены под одним углом. И теперь становится понятно, почему мы упали. Мы готовились приземлиться на вращающуюся сферу, а приземлились на неподвижный плоский диск...

— А какова вероятность, что этот... диск Алдерсона... природное явление? — спросила капитан Анастасия.

— Нулевая, — ответил Эверетт.

— Этого я и боялась. Что вы скажете о его строителях, мистер Сингх?

— Технология, которая способна на подобное, опережает наши на миллионы, десятки миллионов лет.

— Могли бы маленько помочь нам с нашим старомодным, вдребезги разбитым дирижаблем, — вздохнул Макхинлит.

— Десятки миллионов лет, — повторила капитан Анастасия. — Значит, не мы. Не человечество.

— Нет, человечество столько не протянет, — ответил Эверетт.

— Те люди... существа, которые его построили... вы уверены, что нам необходимо с ними встречаться? — спросила капитан Анастасия.

С края поляны донесся вопль:

— Сматывайтесь! Уносите ноги!

Из-за деревьев вылетел Шарки. Пистолеты болтались за спиной американца. На шее висела добыча. Эверетт не успел разглядеть, что именно, — Шарки несясь со всех ног, спасаясь от гибких клыкастых существ радужной раскраски, похожих на ящериц. Лавина мелких созданий, чей мертвый собрат свисал с шеи охотника, обрушилась на поляну.

— Тросы! — гаркнула капитан Анастасия. — Все наверх!

Сен и Макхинлит в мгновение ока защелкнули пряжки и скрылись в листве. Эверетт замешкался.

— Мистер Шарки! — вскричала капитан Анастасия.

По лицу мастера-весовщика было ясно: не успеет. Схватить свободный конец троса и пристегнуться.

— Шарки! — крикнул Эверетт и протянул руку. Шарки вцепился в нее, подтянулся и свободной рукой поймал трос. Поляна кишела юркими телами, радужными шкурками, острыми коготками. Эверетт нажал на кнопку. Заскрипела лебедка, и они с Шарки начали подъем. Мгновение спустя за ними последовала капитан Анастасия. Поначалу радужные существа подпрыгивали, тыкались мордами в подошвы американца, но спустя мгновение Эверетт и Шарки были уже вне досягаемости, а их преследователи рассеялись по импровизированному лагерю.

— Мой двигатель! — взвыл Макхинлит.

Капитан Анастасия нажала кнопку на запястье, лебедка потянула гондолу вверх, ящерицы попадали с гладких боков на кишачих внизу собратьев.

Шарки из последних сил вцепился в трос. Медленно, лицом к лицу, они с Эвереттом поднимались наверх.

— Весьма обязан, мистер Сингх, — бросил Шарки, отпуская трос.

Эверетт поморщился, разглядывая мертвое создание, прижатое к груди охотника: с человеческую руку длиной, о четырех лапах, с длинным хвостом и желтыми глазами рептилии. Гибкое, как ласка. Крошечные отверстия ушей сзади длинного закругленного черепа, оскаленные зубы. Передняя лапа была пятипалой, бледная кожа покрыта складочками, как у младенца, мягкая шкурка переливалась, словно бензиновое пятно в луже. Всмотревшись, Эверетт понял, что мягкость обманчива: тело существа покрывали чешуйки, глаже и

меньше змеиных, радужные на концах. Ему было неприятно дотрагиваться до кожи странного существа, а выражение его открытых глаз смущало — слишком разумное.

— Что это? — спросил Эверетт.

— Как что? Ужин, — ответил Шарки. — «Ибо алкал я, и вы дали мне есть».

* * *

— Не хочу никого обидеть, но на сегодня я перехожу в вегетарианство, — сказал Макхинлит, возвращая Эверетту миску.

Команда сидела локтем к локтю вокруг столика на камбузе. Ароматам лука, чеснока, тмина, перца чили, карри и кокосового молока не удавалось замаскировать запах мяса. Капитан Анастасия заглянула в миску и передала ее Сен. Та сглотнула. Эверетт не стал принохиваться и просто отдал миску Шарки.

Шарки сам освежевал добычу, отделил голову и хвост, а тушку принес Эверетту, который с трудом заставил себя к ней прикоснуться. Тонкие косточки хрустели под ножом. Даже после часа, проведенного в маринаде из лука, пасты масала и кокосового молока, мясо так и осталось резиновым и никак не желало накалываться на вилку.

Команда не сводила глаз со старшего помощника Шарки отправил в рот щедрую порцию мяса и принялся жевать. Жевал он долго, после чего вынес приговор:

— Бона манджарри. Чуть жестковато. Похоже на аллигатора.

— А это что, наан? — спросил Макхинлит.

Эверетт передал главному механику горячую лепешку.

— Я насадил лепешки на палочки и надул над огнем.

— Моя бабушка делала такие в угольной печи, — сказал Макхинлит. — Совсем маленько жара. Даст сто очков всем тандури Гована. А я, пожалуй, попробую ваш дхал, мистер Сингх.

Эверетт передал механику миску чечевичной похлебки с карри. Кажется, его простили. Пусть не сразу и не до конца, но все еще впереди. Они снова были командой, одни во враждебном мире, где

смерть и опасность подстерегали за каждым углом. Они снова были семьей.

— У моей бебе был рецепт халвы для особых случаев, — сказал Эверетт.

— И у моей, — ответил Макхинлит. — Она делала халву по любому поводу: фестиваль Холи, Рождество, кто-то сдал экзамены, собака оценилась, троюродная племянница выходит замуж. Зеленую, из нутовой муки, по вкусу как сливочная помадка с травами. Только после ее смерти я узнал, что она клала туда бханг, или, как говорите вы, белые, коноплю. Чего удивляться, что у нас, мальцов, ехала крыша, ходили и хихикали, как придурки.

— Впервые слышу, что ваша семья из Говане, — сказала капитан Анастасия.

— Я не говорил, а вы не спрашивали, — ответил Макхинлит. — Должно быть, я единственный из пенджабцев Говане не смыслю в готовке, о чем порой жалею.

«Я мог бы научить», — подумал Эверетт, но вслух ничего не сказал. В своем деле — механике и электричестве — Макхинлит ощущал себя как рыба в воде. Быть подмастерьем — не для него.

— Мистер Макхинлит, я вижу, ваша торба при вас, — заметила капитан Анастасия. — Немного музыки?

Макхинлит расстегнул медные застёжки потрескавшегося кожаного мешка. В кухне было слишком мало места, и ему пришлось отступить назад, на мостик. Главный механик растянул волюнку, заправил басовые трубки за плечи. От мощных звуков «Бравой Шотландии» на полках задребезжали тарелки и чашки. За ним последовали «Лох-Ломонд» и «В краю озер». Капитан Анастасия отбивала ритм кулаком по столу.

— Не фальшивить, сэр!

— На «Королевском дубе» я играл на официальных приемах, — подмигнул Макхинлит Эверетту. — Не какие-то там народные мелодии в эстрадной обработке, а самый настоящий пиброх!

— Спасибо, мистер Макхинлит, — сказала капитан Анастасия. — Твоя очередь, Сен.

— Ты внимательно смотришь? — спросила Сен у Эверетта, наклонившись над столом. Неожиданно она прищелкнула пальцами прямо у него под носом. В руке была карта: клоун в полосатом трико

на одноколесном цирковом велосипеде жонглировал планетами. Сен подняла вверх палец левой руки. Когда взгляд Эверетта вернулся к карте, она исчезла.

— Теперь ты должна вернуть карту обратно, — сказал он. — Это только половина трюка, самое сложное — вернуть ее. Престиж. Я видел в кино. Я смотрел внимательно.

Сен снова прицелкнула пальцами правой руки. В ладони лежал его айфон.

— Недостаточно внимательно, Эверетт Сингх.

Команда захлопала. Бледное лицо Шарки исказила болезненная гримаса.

— Но ты прав, карту нужно вернуть. Пошарь-ка в кармане.

Эверетт, ощущая себя полным болваном, извлек карту из кармана, а Сен уже отвешивала публике поклоны.

— Тогда, в поезде, — шепнула она Эверетту, возвращаясь на место, — мне ничего не стоило стянуть твой дилли-долли компутатор, а ты бы и глазом не моргнул. Вот тебе и престиж.

— Мистер Сингх, — сказала капитан Анастасия, — ваша очередь. Позабавьте нас.

Эверетт встал. Этого он и боялся, стоило Макхинлиту растянуть волюнку. Эверетт не обольщался насчет собственного умения петь, плясать и травить анекдоты. Однако, судя по суровому выражению капитанского лица, выбирать не приходилось: «Эвернесс» ждала, что каждый оми и каждая полоне поддадут жару. Чтобы всем стало зуши.

От его выступления зависело, простят ли его. Ужин и посиделки после ужина капитан Анастасия затеяла, чтобы сплотить команду. Разобщенность опасна. Кроме готовки, Эверетт владел лишь одним, нет, двумя умениями.

Он поменялся местами с Макхинлитом, стянул футболку, изуродованную Сен, и скатал ее в мягкий твердый шарик. Такими играли в футбол мальчишки в индийской деревне, откуда был родом его отец.

— Считаем вместе со мной, — сказал Эверетт и подбросил импровизированный мяч в воздух, поймал на колено, снова подбросил. Пятка, колено, пятка, колено. Десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать. Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять.

— А теперь задайте два числа. Больших. Я перемножу их в уме.

— Двадцать четыре и пятьдесят три! — крикнула Сен.

— Я просил большие. Скажем, три тысячи двести двадцать семь.

Эверетт поймал мяч головой.

— Пять тысяч три! — крикнула Сен.

— Шестнадцать миллионов сто сорок четыре тысячи шестьсот восемьдесят один, — сказал Эверетт, не сводя глаз с мяча.

— Ты сказал наоборот, — не поверила Сен.

— Можешь проверить.

Он принял мяч затылком, перекинул через голову и поймал в ладонь. Макхинлит застучал по клавиатуре ноутбука.

— Погодите маленько... Надо же, и правда.

— Как ты это делаешь? — спросила Сен.

— Тут есть свои хитрости, — ответил Эверетт. — Приходится округлять. Пять тысяч легче перемножить, чем пять тысяч три. Потом я просто добавляю три. Три тысячи двести двадцать пять перемножить легче, чем три тысячи двести двадцать семь. С пятерками проще иметь дело. К тому же мне всегда давался устный счет.

— Мы потрясены, мистер Сингх, — сказала капитан Анастасия.

— Мистер Шарки, а теперь мы готовы послушать какую-нибудь бодрую революционную песню. Взбодрите нас, от углеводов клонит в сон.

Шарки вскочил. Лицо американца посерело, а глаза выкатились из орбит. Опершись о стол, старший помощник сглотнул, согнулся пополам и схватился за живот.

— Разрешите, мэ., простите, мэ... — выдавил он и бросился вон.

— Мистер Макхинлит, кажется, ваши шотландские вариации сейчас как нельзя кстати, — сказала капитан Анастасия. — Играйте погромче.

Макхинлит старался вовсю, но даже ему было не под силу заглушить стоны и прочие звуки, доносившиеся из клозета. Спустя некоторое время взмокший и дрожащий Шарки вернулся. Эверетт с трудом удержался от улыбки.

— В оба конца, — доложил страдалец. — «Кусок, который ты съел, изблюешь, и добрые слова твои ты потратишь напрасно». Кажется, я и впрямь погорячился с этим мясом.

Эверетт открыл глаза: тело было напряжено, готово к бою. Он лежал в гамаке в своей лэtti. Кругом была темнота, хоть глаз коли. Эверетт посмотрел на часы. Половина восьмого. Обычно он поднимался в семь. Сутки в Плоском мире длились на шесть часов больше, чем в сферическом. Солнце здесь встанет лишь через два с половиной часа.

Плоский мир, усмехнулся Эверетт. Они с отцом всегда были фанатами Пратчетта. Теджендра не мог дожидаться, пока сын дочитает очередной том, чтобы схватить добычу и, хихикая, проглотить за вечер в своем кабинете.

Никто из команды дирижабля не поймет шутки с Плоским миром. И пусть. Это их с отцом шутка. Где бы Теджендра ни был, в любом из миров.

Когда выяснилось, что труп в лесу — не его отец, Эверетт едва устоял на ногах от облегчения. Ему было и радостно, и грустно. Кто мог поручиться, что его отец жив?

Качаясь в гамаке в полной темноте, Эверетт вспоминал, как Теджендра исчез, выброшенный в другой мир прыгольвером Шарлотты Вильерс. Вспоминал удивленное выражение, застывшее на отцовском лице.

Он видел перед собой лицо другого Теджендры на колокольне Имперского университета. За мгновение до того, как Нано поглотили его, в шаге от спасения.

Эверетт вспоминал лицо матери, когда он вернулся из школы перед тем, как отправиться в путешествие по мирам. С тех пор прошло чуть больше месяца, а казалось, что целая жизнь. Ее усталая, но отважная улыбка. Будь осторожнее, милый.

Эверетт видел свое лицо, вернее, лицо двойника другого Эверетта Сингха, которого Шарлотта Вильерс превратила в его врага. Стоя на снегу в воротах кладбища двойник смотрел прямо на него, а из его ладоней выезжали лазерные пушки.

Однако хуже всего была другая картина. Она без конца прокручивалась в его воображении: усталая, но отважная улыбка его матери, адресованная анти-Эверетту, который вернулся из школы. Будь

осторожнее, милый. Анти-Эверетт улыбался в ответ, но не Лоре, а ему, Эверетту: ну, и кто из нас победил?

Эверетт вылез из гамака. Сна и след простыл. Натянув одежду, он выскользнул в коридор, залитый тревожным зеленым светом аварийных ламп. Из клозета доносились стоны. Бедолага Шарки. Эверетт поднялся в верхнюю кают-компанию. Здесь царил разгром. Стекла выбиты, обшивка порвана, стол для дивано перевернут.

Луч света скользнул по обшивке, на миг ослепив его. Эверетт заслонил глаза рукой. Свет погас.

— Эверетт, ты? — спросил знакомый голос.

Зрение возвращалось к Эверетту: перед ним стояла капитан Анастасия с лампочкой на голове и ножом в руке. Резак аэриш, хочешь режь, хочешь сшивай. Скальпель для оболочки из нанокарбона. Капитан Анастасия в одиночку чинила свой корабль. Чувство вины поглотило Эверетта.

— Капитан... Анни.

«Зови меня Анни, — сказала она здесь, в кают-компании, перед сражением с Нано. — Ты поймешь, когда ко мне следует так обратиться».

— Анни, твой корабль... прости...

Глупые, неверные слова. Слова, которые не имели смысла. Слова — все, что у него было.

Даже в темноте Эверетт разглядел, как капитан Анастасия вздрогнула, будто он дотронулся до нее ледяной иглой.

— Ничего, все будет бонару, — сказала она — Мы обязательно ее починим.

— Давно вы здесь?

— Давно. Мне не спалось, а выспаться не мешало бы — кто знает, что принесет завтрашний день.

— Наверное, я никогда не стану настолько аэриш, чтобы понять ваши чувства к кораблю.

— Дело не в аэриш. Что ты чувствуешь, когда думаешь об отце?

И снова Эверетт увидел перед собой лицо Теджендры. На нем отразилось удивление, но и ликование, триумф. Вытолкнув Эверетта из-под дула прыгольвера, отец спас его.

— Значит, ты меня понимаешь, — вздохнула капитан Анастасия. На лице Эверетта отражались чувства в которых он никогда не

решился бы признаться. — Это самое дорогое, что у тебя есть. А сейчас, сэр, я бы не отказалась от горячего шоколада. Вашего фирменного.

— Есть, мэм

— Эверетт, постой... — Судя по тону капитана его простили, но не до конца. Ничего, все еще впереди. Когда они починят «Эвернесс». Семья капитана Анастасии снова была в сборе, а скоро и ее дирижабль будет на ходу. — Не шуми. Я здесь уже несколько часов. Слушай.

Капитан Анастасия прижала палец к губам.

Эверетт затаил дыхание. Постепенно, один за другим, он начал различать звуки ночи. Уханье, щебет, металлический скрежет, долгое шипение, переходящее в свист. Кто-то икал, рыгал, лаял и тихо всхлипывал. Какие-то крылатые создания с шумом влетали в разбитые окна, шелестели алые листья, мигали светлячки размером с футбольный мяч. Искры собирались в стайки, точно скворцы в вечернем зимнем небе, и кружились в хороводе. Откуда-то издали донесся стон мигрирующего кита.

— Всмотрись в темноту, — сказала капитан Анастасия. — Здесь нет Луны. Я люблю звезды и знаю их, как собственную кожу, но мне не хватает Луны. Я скучаю по ней.

— Они не могли позволить себе еще и Луну, — объяснил Эверетт. — Все планеты и звезды Солнечной системы пошли на строительство диска, да и то, боюсь, не хватило. Те, кто его построил, живут здесь очень давно, гораздо дольше, чем люди в своих мирах. Существа, которые разрушили наш лагерь, подозрительно похожи на динозавров. Представьте, что динозавры не вымерли. Что астероид не упал на Землю — сказать по правде, я не верю в теорию глобальной катастрофы, но неважно. Что, если они не вымерли, а продолжали эволюционировать? Научились использовать передние лапы, придумали орудия труда, язык, открыли огонь? Когда я думаю о строителях диска, то склоняюсь к разумным динозаврам. Перед людьми у них было шестьдесят пять миллионов лет форы.

— Эверетт, не пытайся все объяснить, просто живи. И да, где мой горячий шоколад?

— Сию секунду, мэм.

— И бона завтрак для команды. Особенно для мистера Шарки. Ему не мешает хорошенько подкрепиться.

И снова на охоту, но на сей раз не за мясом. Шарки промучился до утра, и, кажется, наука пошла ему впрок. Они охотились на металл, на двигатели. Колючие лианы и папоротники сворачивались от ударов мачете Шарки. Эверетт шел в трех шагах сзади, вдоль траектории падения, в сторону от реки, а лес становился все гуще. Куда ни кинь взгляд, видно не дальше нескольких метров. Глаз не различал отдельных деревьев — сплошной растительный покров. А еще звуки. Вокруг щелкало, тикало, скреблось, царапалось, жужжало и гудело. Порой глаз замечал в кронах движение, промельк крыльев гигантской бабочки размером с собаку, тень на фоне неподвижной листвы. Но Эверетту еще ни разу не удалось углядеть ничего определенного.

Компас не помогал — в Плоском мире не было полюсов, и стрелка праздно крутилась вокруг циферблата. На диске Алдерсона существовали только два направления: к Солнцу и от Солнца.

— Я всегда считал, что крупный предмет должен оставлять дыру не меньше своего размера, — заметил Шарки, щурясь на солнечный свет.

— Просто здесь все слишком быстро растет, — ответил Эверетт.

Он перелез через торчащий из земли корень и спрыгнул в тень. Внезапно что-то метнулось к нему — хохолок полупрозрачной плоти, что-то безглазое, серо-серебристое — и выбросило струю жидкости. В последнее мгновение Эверетт отпрянул. Листья, принявшие удар, окрасились коричневым и начали увядать прямо на глазах. Хрипло взвизгнув, существо скрылось в зарослях.

— Я бы советовал вам не наступать в тень и смотреть под ноги, мистер Сингх, — сказал Шарки и бросил Эверетту дробовик. — Кажется, вы умеете пользоваться этой штукой.

Они двинулись вперед, аккуратно обходя тени. Кожу покалывало. Эверетт испытывал неприятное чувство, что за ним наблюдают, причем наблюдает целый лес.

— Так что, этот мир и впрямь создан разумными рептилиями? — спросил Шарки.

— Точнее, динозаврами, которые эволюционировали. Возможно, внешне они не слишком отличаются от нас: ходят на двух ногах, смотрят вперед, у них есть руки, большие пальцы и прочее. Наверное, у них осталась чешуя.

— Я и говорю, люди-ящеры. И пусть лично мне это претит, я потрясен тем, что у кого-то — неважно, ящеров или нет — хватило мозгов, чтобы создать этот мир. И кстати, не пора ли им показаться?

— Этот мир велик, — ответил Эверетт. — Здесь могут затеряться цивилизации.

— Пусть так.

— А почему претит? — спросил Эверетт.

— Потому что Господь создал этот мир совершенным, а какие-то ящеры решили, будто могут переделать его по своему усмотрению, да еще прихватить остальные миры. Я называю это спесью, сатанинской гордостью.

Эверетт помалкивал, не имея привычки спорить о религии.

— Впрочем, мне доводилось видеть такое, чего Божьему миру не вместить, — продолжил Шарки, — и я полагаю, коли на то нет прямых указаний в Писании, человек волен поступать так, как подсказывает ему собственная мудрость. — Американец поднял руку: — Тихо!

Эверетт замер. Шарки начал медленно оборачиваться:

— Кажется, я что-то слышу.

— Что? — прошептал Эверетт, сжимая дробовик.

— Понятия не имею. — Шарки застыл. — «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам». — Затем показал дулом дробовика на обломанные ветки. Словно нора среди листвы.

Двигатель лежал на боку, возвышаясь над пером шляпы мастера-весовщика. Ветки смягчили падение, но обшивка пострадала. Американец всматривался внутрь гондолы.

— Кажется, лопасти не повреждены, — подвел он итог наблюдениям — А дальше пусть разбирается Макхинлит.

В лесу за их спиной затрещали ветки. Эверетт обернулся. Звук приближался. Каждую мышцу его тела сковал страх. Что-то надвигалось прямо на них, что-то очень большое.

— Шарки, это ведь не...

Эверетт успел увидеть его за мгновение до того, как существо пробило зеленый покров. Оно было синим и огромным. Настоящий

карнозавр из «Парка Юрского периода»!

— Бежим! — проорал Шарки.

Повторять не пришлось. Эверетту хватило мгновения, чтобы в подробностях разглядеть динозавра, который в вихре сучьев и листьев вломился на крохотную поляну. Громадный, словно дом. Длинная шея, крохотные бусины глаз, сильные задние лапы, острые клыки на коротких передних. Зубы. Господи, сколько зубов!

— Куда? — крикнул Эверетт.

— Куда угодно!

Эверетт посмотрел на дробовик в руке.

— Может быть...

— Нет, мы только разозлим его, — задыхаясь от бега, выдохнул Шарки.

— Похоже, его разозлили до нас... ой!

Эверетт запнулся о корень и растянулся на земле, а когда вскочил на ноги, над ним нависла голова размером с семейный хетчбэк. Господи, во всей Вселенной нет столько зубов! В лицо пахло смрадом от приставших к зубам остатков пищи. Над головой карнозавра возникло сияние, словно нимб из золотых шипов. Нимб вращался, вспыхивая в солнечных лучах, пробивавших лесной полог. Внезапно взгляд карнозавра обесмыслился, а голова откинулась назад. Он выпрямился, дернул головой, словно вытрясая из ушей муху, повернулся и побрел в глубь леса, не переставая мотать головой.

Ореол над ним исчез.

На Эверетта смотрело лицо. Широкие золотистые зрачки, черная щель радужки. Глаза защищала прозрачная мембрана век. Две прорези на месте носа. Узкая щель рта почти без губ. Крошечные ушки на массивном скошенном черепе. Серебристую кожу покрывали чешуйки, мягкие, как крылья мотылька. Узкая полоска индейского ирокеза начиналась над глазами и тянулась до затылка. Глаза моргнули, волосы встали дыбом, и Эверетт понял, что это не волосы, а перья. Хохолок вспыхнул всеми цветами радуги и снова поник. Ноздри раздувались. Нечеловеческое лицо. И никогда не было человеческим. Тем не менее в глазах странного существа светился ум. Губы двигались. Существо издало звук, напоминающий птичью трель.

— Ты пытаешься со мной говорить? — спросил Эверетт.

Хохолок снова встрепенулся. Воздух вспыхнул, и вокруг головы ящера возник такой же ореол, как вокруг головы карнозавра. Словно корона из жидкого золота

— Эверетт, по моему сигналу! Я выстрелю в упор! — крикнул Шарки.

Краем глаза Эверетт заметил, что Шарки прицеливается. Маневры американца не ускользнули от ящера. Золотое сияние дрогнуло, что-то просвистело в воздухе, и в двадцати сантиметрах от шеи Шарки завис кинжал.

— Я понял, понял, — сказал Шарки, но дробовик не опустил.

Странное существо повернулось к Эверетту.

— Я — Эверетт Сингх с Земли-10, — сказал он.

Ящер издал свист, который смутно напоминал фразу, произнесенную Эвереттом, но исполненную на флейте, и переморгнул прозрачными веками. Венчик над его головой развернулся, спустился вниз по чешуйчатой лапе и снова свернулся в кольцо вокруг Эвереттова лица.

— Что еще за... — рявкнул Шарки.

Ящер прицелкнул длинным тонким пальцем, кинжал придвинулся ближе к горлу Шарки, по шее потекла тонкая алая струйка.

— Все хорошо, — сказал Эверетт. — Просто... по-моему... ой!

— Ты уверен, Эверетт?

В голове зазвучали голоса. Его голоса. Четырнадцатилетний Эверетт, младенец Эверетт, произносящий свое первое слою. «Тоттенхэм», как уверял Теджендра. «Тедди», не соглашавшая Лора. Восторженный девятилетний Эверетт на экскурсии в планетарии. Шестиклассник, всегда дающий безошибочный ответ. Эверетт, пытающийся освоить палари, Эверетт и его жалкий пенджабский. Тысячи голосов звучали одновременно. Его голосов.

Странное существо подняло другой палец, по нему от головы Эверетта пробежало золотистое свечение и соединилось с медленно вращающимся ореолом над головой ящера.

Эта картина напомнила Эверетту Ганеши или Шиву Натараджа в ореоле из языков пламени.

Ящер издал звук, как если бы попугай пытался выговорить его имя. Эверетт Сингх. И еще раз, теперь гораздо разборчивее.

— Эверетт Сингх с Земли-10, — сказала странное существо. Голос походил на птичий щебет и куда больше напоминал пение, чем связную речь, но Эверетт его понимал.

— Вот это да! — выдохнул он.

Ящер склонил голову на один бок, затем на другой.

— Вот это да, — повторил он вслед за Эвереттом — Ты — Эверетт Сингх с Земли-10. — Затем посмотрел на Шарки и согнул палец. Кинжал вернулся к золотистому нимбу и растворился в мерцающей пыли.

— Ты выучил мой язык? — спросил Эверетт.

И снова существо склонило голову на один бок, затем на другой. Словно птица, подумал Эверетт. Умная птица, вроде сороки или галки.

— Да, — ответило существо. С каждым словом его голос все меньше походил на птичий щебет и все больше напоминал стоук-ньюингтонский говор. Хохолок встрепенулся и вспыхнул яркой синевой. — Я — Кахахахахас

— Шарки, надеюсь, теперь ты уверовал в разумных рептилий? — спросил Эверетт.

Тысячи колоколов Хейдена звенели над городскими крышами, раскат за раскатом, карильон за карильоном. Звон разносился от шпиля к шпилю, от башни к башне, все дальше и дальше, пока последний перелив Зииференкерк на Цепном острове не повис в золотистом вечернем воздухе.

Мягкие снежинки таяли, не долетая до плит внутреннего дворика под окном Шарлотты Вильерс. Солнечный свет отражался от стекол в свинцовых переплетах.

— Кто из них заслуживает доверия? — спросила она

— В нашей секции Азиз, ди Фрейташ, Тлало и те, что с Земли-10.

— Мало, Шарль, мало. По крайней мере, Ибрим Ходж Керрим нам уже не помеха.

— Вы предлагали ему присоединиться к Ордену?

— Неоднократно. Заявил, что не нуждается в нашей поддержке. Увы, но по крайней мере теперь мы знаем почему. Он сказал, что сотрудничество с нами может помешать его планам стать Примархом Пленитуды известных миров.

Шарль Вильерс подхватил конфету с фарфорового блюдца.

— А вам не приходило в голову, что это блеф?

— Глупости!

— Не все так честолобивы, как вы, кора. — Шарль Вильерс взял с блюдца еще одну конфету. — Эти особенно удались. Мне никогда не понять местных обычаев, но готовят здесь отлично.

Стук в дверь. Льюис, слуга Шарлотты Вильерс, внес кофе, недоумеая, почему в комнате повисло неловкое молчание.

— Спасибо, Льюис.

Шарлотта Вильерс сделала глоток. Превосходно. Интересно, как им удастся сделать так, чтобы вкус был не хуже запаха?

Телефон Шарля Вильерса зазвонил, он нажал на экран, открыл дверь в коридор, огляделся и запер дверь за собой.

— Я получил сигнал от устройства-шпиона.

— Оно работает!

— «Эвернесс» совершила прыжок. Мы знаем, где они.

— Отлично! К утру Инфундибулум будет у нас в руках.

— Вряд ли. Кажется, ваш прыгольвер выбирает миры не случайно.

— Что вы имеете в виду? — спросила Шарлотта Вильерс.

— Эту планету посещали до них, — ответил Шарль. — Исследовательские дроны с Земли-1.

До того как Нано превратили девяносто процентов населения Земли-1 в черную, маслянистую наномассу, на Земле-1 открыли портал Гейзенберга и посылали дроны в случайные миры, составляя детальную карту Паноплии.

— Что за планета?

Шарль Вильерс показал на экране своего телефона.

Чашка выпала из рук его двойника. Кофе расплескался по светлomu ковра.

— Господи помилуй, — выдохнула Шарлотта Вильерс.

Что и говорить, удар вышел отменный. С края штрафной, вопреки ветру, погоде и законам физики. Защитники команды Алых молча наблюдали, как мяч летит в ворота. Игроки Синих, судья мистер Армстронг, сторож мистер Мышковски — все не сводили глаз с мяча. Даже Кора Сарпон с изумлением взидала на дело своих рук. Такая удача выпадает раз в жизни. За такой удар Бекхэм и тот отдал бы душу. Мяч летел прямо в верхний левый угол Алых, вне поля зрения Эверетта Л.

На устах замер крик: «Го-о-ол!»

В последнее мгновение Эверетт Л краем глаза заметил мяч. Удар, который невозможно отбить, ни один вратарь на Земле на такое не способен.

Он привел в боевую готовность тринские механизмы и прыгнул. Кончики пальцев в перчатках коснулись мяча, уводя его от опасной траектории. Угловой.

Крик замер. Никто не двинулся с места. Казалось, что Кора сейчас разрыдается. К ней бежали подруги, чтобы обнять, утешить. Невероятный удар, и еще более невероятная игра в защите.

Эверетта Л мучила совесть. Напрасно он сжульничал. Сыграл бы чисто, было бы о чем говорить. Он смущенно кивнул Нуми и готке Эмме. Эмма щелкнула затвором.

— Мы делаем твою страничку на Фейсбуке! — крикнула она.

После происшествия с раздавленной банкой колы Нуми и готка Эмма таскались на каждый матч с участием Эверетта Л. Они были единственными зрительницами и сидели всегда позади ворот. Он не мог видеть их, но спиной ощущал их присутствие. Это раздражало. Эверетт Л подозревал, что подружки фотографируют его задницу.

Угловой бил Джейк Хьюз. Мяч летел прямо в руки Эверетту Л. Для того чтобы взять такой мяч и отдать пас Аише Хаддад, задумавшей контратаковать по правому краю, Эверетту Л не требовались тринские приспособления.

Командный дух Синих был сломлен, последние десять минут матча Алые просто задавили соперника. Это был настоящий разгром.

И с каждым голом Алых Эверетта Л все сильнее мучила совесть. Чем чаще он использовал тринские технологии, тем большего ему хотелось. К концу матча Эверетт Л ощущал свою вину не только перед Корой и ее подружками по команде Синих, но и перед всей Лигой школы Бон-грин.

— Отличный бросок, Эверетт! — крикнула Нуми, когда он забирал из-за ворот бутылку воды и полотенце.

— Мы назовем ее «Гиковские финты», — добавила готка Эмма.

— Лучше «Эверетт. Вид сзади»! — воскликнула Нуми. — Например, вид_сзади_эверетт. Facebook.com.

Покрасневший Эверетт Л заспешил к раздевалке. На самом деле ему нравилось иметь свой фан-клуб. Маленький, но верный.

Нуми стала все чаще возникать в поле зрения Эверетта Л. Прогуливалась неподалеку от его шкафчика, болталась в холле с торговыми автоматами, выходила из двери соседнего класса. Бросит взгляд — и была такова. Не обманывает ли он себя? Эверетт Л вспомнил, что, по мнению психологов, люди склонны толковать любую информацию таким образом, чтобы подтверждать свои убеждения. Он начал пользоваться своими тринскими способностями, чтобы отслеживать передвижения Нуми. Ему нравилось наблюдать за ней без ее ведома.

Нуми все еще смотрела ему вслед. Готки Эммы и след простыл, а Нуми медлила, обнимая себя руками, чтобы согреться. На ней была до смешного короткая юбка. И гольфы выше колен, которые совсем не грели. Впрочем, их и носили не ради тепла.

* * *

— Откуда это у тебя?

Эверетт Л знал, что Рюн — лучший друг его двойника. Ему не соврешь. С взрослыми — с Лорой — проще. Взрослые привыкли ощущать вину за поступки детей, считают, что какие-то вещи дети делают им назло, или винят во всем наркотики. А вот лучшего друга не так-то легко провести. Лучший друг знает тебя как облупленного, со всеми твоими странностями.

Рюн хмуро разглядывал шрамы на предплечьях друга, пока тот взбивал манга-челку при помощи полотенца. После горячего душа бледные рубцы четко выделялись на смуглой коже.

— Напоролся на колючую проволоку. Глупо.

— Где?

— В Энфилде.

— Ты был в Энфилде?

— Я же говорил, что многое забыл. Теперь вспоминаю.

— Я бы такого не забыл.

Эй, может, хватит вопросов? Эверетт Л натянул рубашку поверх бледных линий, соединявших плоть с плотью, поверх рубцов, словно затянутых жидким стеклом, и отвернулся от Рюна. Разговор окончен. «Ты знаешь, что я лгу. Наверняка решил, что я сделал это собственной рукой». Ему не хотелось, чтобы Рюн считал его ненормальным. Чтобы Рюн воображал, как, уединившись в закутке энсфилдской промзоны и закатав рукав рубашки, приятель проводит куском стекла по тонкой коже, покрытой мурашками: от запястья до локтя. Стекло оставляет на коже ровный и чистый надрез, кровь собирается на конце раны и тяжелыми бурыми каплями падает на пол. Эверетта Л передернуло. Ему хотелось крикнуть: «Я не такой!» Но он знал, что никогда на это не осмелится.

Эверетт Л брел домой, борясь с холодом и гадкими мыслями. Ему казалось, что стерильные тринские технологии заражены чем-то гнусным. Кладбище Эбни-Парк было вдоль и поперек перетянато желтыми ограничительными лентами. Не успели открыть для посещений, как, откуда ни возмись, новая напасть! Местная «Ислингтон-газет» вышла с заголовком: «Сатанисты оскверняют могилы!»

После битвы с Нано кладбище было усеяно обломками черепов и костей, словно в фильме ужасов. По радио местная викканская жрица утверждала, что всему виной бродячие собаки, барсуки или подростки. А вовсе не сатанисты (которых не существует) и уж точно не приверженцы викканства (респектабельного неоязыческого культа, приверженцы которого устраивают шабаши строго по расписанию с участием двух членов городского совета).

Эверетт Л спас этот мир, но сегодня эта мысль его не радовала. Он был изгоем человеком из пластика. Огородным пугалом.

Телефон издал сигнал. Входящая картинка; его задница в спортивных трусах с символикой Алых. Сейчас, под школьным костюмом, на нем была та же форма.

«Без трусов лучше», — пришло вдогонку.

У Эверетта Л отвалилась челюсть. Он быстро набрал эсэмэску. Эти местные мобильники такой отстой!

«Ты меня клеишь?»

«Размечтался», — пришел ответ, за ним — ссылка на страницу в Фейсбуке «Эверетт. Вид сзади».

— О господи! — Эверетт Л почувствовал, как медленно краснеет. Страница представляла собой коллаж из снимков его задницы в разных позах. Женщина, выгуливающая собак, удивленно смотрела, как Эверетт Л, прижав руку ко рту, хихикает, пялясь в экран телефона.

Новая эсэмэска:

«Обделался со страху?»

Внезапно Эверетт Л вспомнил: отец мчится на велике, пытаюсь совладать со страхом и удержать ногу на педали. Его настоящий отец. Покойный. В сердце кольнуло.

«Эй, ты еще здесь?»

Он быстро набрал ответ:

«Еще чего, ведь это мои лучшие трусы».

Остаток пути промелькнул, как в тумане. Эверетт Л испытывал странную смесь гордости и унижения. Он пользовался успехом. Кто-то считал его интересным!

Эверетт Л с разбегу влетел в заднюю дверь.

— Бутсы! — прогремела Лора.

Он скинул грязные бутсы у двери, швырнул рюкзак за стол и в носках прокрался к холодильнику. Хлеб, майонез, грудка индейки, помидор, огурчики (из-за них любой бутерброд кажется копией гамбургера), лист салата...

— Овощи мыл? — прокричала Лора ему в спину.

Где она? Одежда, в которой он победил зомби во второй битве при Эбни-Парк. Кроссовки и трико валялись на полу. Натянув трико и завязав шнуры, Эверетт Л спустился на кухню.

— Две пробежки в неделю? Ничего себе! — притворно удивилась Лора, наблюдая, как он засовывает футбольную форму в стиральную машину. — Вот так чудеса...

Его настоящая мама сказала бы так же, слово в слово. Чудеса? Эверетт Л порой спрашивал себя, хотел бы он жить в век чудес, когда разум и наука уступят место бессмысленным и случайным проявлениям магии.

— Ну и что?

— У тебя появилась девушка, вот что! — уверенно сказала Лора.

Эверетт Л по-особому покачал головой — уклончивый пенджабский жест, который мог означать как «да», так и «кто знает». Сейчас он означал «наверное». Эверетт Л не собирался обманывать Лору, но ни за что не признался бы, кто эта девушка.

— Я же говорила! — воскликнула Лора — Кто она? Я ее знаю? Ее родители состоят в комитете домовладельцев?

Эверетт Л был уже на полдороги к калитке.

Ему нравилось бегать. Он отключал тринские механизмы и позволял работать собственным мышцам и сухожилиям. Мышечное волокно пульсировало, сердце стучало, январский воздух, наполненный выхлопными газами, обжигал легкие. Его собственные легкие, не трансформированные, не улучшенные Трином. Эверетт Л, каков он есть.

Он бежал, пытаясь выдерживать темп. Ноги сами несли его через Стоук-Ньюингтон-хай-стрит, вдоль Стоук-Ньюингтон-черч-роуд, на Альбион-роуд. Здесь, в доме номер сто семнадцать, жила Нуми. Она сама ему сказала. Из окон лился свет, за шторами двигались тени. Тринские способности могли бы подсказать ему, есть ли среди них Нуми, но Эверетту Л не хотелось определенности. Лучше представить себе, что она случайно выглядывает в окно и видит Эверетта Л, стройного и подтянутого, бегущего ровно и красиво. Он замедлил бег, а через пять домов повернул обратно. Сбоку показался автомобиль. В приступе безумия Эверетт послал импульс в ноги, перемахнул через капот, ловко, словно кошка, приземлился на середине Альбион-роуд и как ни в чем не бывало продолжил бег. Автомобиль загудел, но Эверетт Л был уже далеко.

Ты это видела, Нуми Вонг? Размести это на своей страничке в Фейсбуке!

И ты, Шарлотта Вильерс. Видела, что я сделал с этим автомобилем? Больше тебе меня не поймать, не сбить с ног посреди

проезжей части. Ты можешь думать, что я работаю на тебя. Зря, я работаю на себя. За тобой должок, Шарлотта Вильерс.

Телефон завибрировал. Эверетт Л вытащил его из хитрого кармашка сзади.

Ни одной буквы, только знаки: «???!!!???».

Эверетт Л активировал тринские механизмы и рванул домой, пробиваясь сквозь вечерний трафик и ухмыляясь про себя. Наконец-то он согрелся. Он ощущал себя глупо и странно. Смутился, досадовал. Голова кружилась, словно он смотрел вниз с крыши самого высокого небоскреба. Надо признать, это было потрясающее чувство.

Его лайкнули Нуми и готка Эмма. Вампиры и эмо из окружения готки Эммы. Девчонки-харадзюки и те красотки, у которых на уме одна косметика. Команды Алых, Лиловых и Синих в полном составе. Спортсмены, презирующие гиков, преподаватели физкультурных дисциплин и еще сто двенадцать случайных посетителей. Мама Рюна Спинетти. Папа Рюна (а вот тут Эверетту Л стало не до смеха).

— Твой отец меня лайкнул, — сообщил он Рюну. — Считает, что у меня клевая задница.

Они сидели в подвале у Рюна. Работал телевизор, светились айпэды и смартфоны. Мать Рюна возилась на кухне, по лестнице в подвал полз восхитительный аромат, который не имел ничего общего с тем едким запахом еды из микроволновки, с которым у Эверетта Л ассоциировалась домашняя еда. Он неохотно принял приглашение Рюна, понимая, что отвертеться не удастся, как от визита к стоматологу. Рюну пришла игра «ФИФА 13», но Эверетт Л не обольщался: его ждет разговор о том, что случилось до и после Рождества. Он сомневался, что выдержит допрос с пристрастием. Тринские технологии не усиливали способностей к вранью.

— Отцу кажется, что это смешно, — ответил Рюн.

Эверетту Л нравился отец Рюна, неунывающий, смешливый, готовый все обратить в шутку. Передачу по телевизору, проделки собственной кота, статью в «Ислингтон-газет».

— Сатанисты оскверняют могилы, — прочел вслух мистер Спинетти, хихикая. — Как же, сатанисты!

Отец Рюна поставил высший балл снимку, на котором Эверетт Л смачно почесывал задницу. И не только отец Рюна. К тому времени, как миссис Спинетти позвала их к столу (что означало десятиминутную готовность), снимок собрал пятьсот лайков. Похоже, задница Эверетта Л входила в топ.

— На твоём месте я бы комментариев не читал, — заметил Рюн.

Мать Рюна снова позвала их, и на этот раз еда уже стояла на столе. Обжигающе горячая мусака домашнего приготовления. Ничего похожего на Лорину готовку. Из вежливости Эверетт Л с трудом

выждал несколько минут, перед тем как попросить добавки. А затем, чтобы не оставлять еду на блюде, доел то, что осталось.

— Вот это, я понимаю, комплимент, — похвалила его мама Рюна.
— Эверетт, в прошлый раз ты не видел случайно моего кольца?

— Кольца, миссис Спинетти?

— Миссис Спинетти? К чему эти церемонии?

Ловушки были везде. Эверетт Л понятия не имел, как следует обращаться к матери Рюна, но, к счастью, она сама его выручила, пустившись в объяснения:

— Видишь ли, я всегда оставляю его в одном и том же месте. Иначе с моей дырявой головой я никогда его не найду.

— Нет, не видел.

— Наверное, чертов кот спихнул его в канализацию.

* * *

После ужина сестра Рюна Стейси с подружками оккупировала игровую приставку, и приятелям пришлось убраться в комнату Рюна, представлявшую собой образцовую гиковскую берлогу. Везде и всюду пылились мониторы и системники.

Эверетт Л уже привык к местной топорной технике, но жить здесь все равно что спать в музее. И что его двойник нашел в этом Рюне Спинетти?

Он присел на необранную кровать, Рюн устроился в кресле рядом с огромным монитором, жевал губу, поглядывал на Эверетта Л исподлобья, тряс головой и вообще казался растерянным.

Ну, и что дальше? Бросишься мне на шею? Эверетт Л понятия не имел, как вести себя с Рюном. И тринские технологии были бессильны ему помочь.

— Ты был там, — внезапно выпалил Рюн.

— Что?

— Ты был там, я знаю. Иначе все лишено смысла.

— Не понимаю, о чем ты, — солгал Эверетт Л.

Он прекрасно все понимал, но признаваться не собирался. С каждым словом Рюн Спинетти загонял себя в угол. Что ему делать,

если приятель его двойника разгадал его тайну?

— Я видел своими глазами. Ты сам мне показал, на этом мониторе. Все эти параллельные миры.

Представьте, что ваш живот вскрыли и внутренности вывалились наружу. Что вы открыли дверь на высоте двадцати тысяч метров. Что кровь в ваших венах превратилась в ртуть, мозг высох, а сердце взорвалось, как умирающая звезда, обратившись в черную дыру. Удивительно, но, несмотря на шок, Эверетт Л сохранил способность соображать.

— Ну, показал, — буркнул он.

Всего два слова, но у него появилось время, чтобы хорошенько обдумать свои слова.

Глаза Рюна стали как две плоскости. Ни фильмам ужасов, ни порнушке было не под силу добиться подобного эффекта. Изумление на лице Рюна сменилось широкой ухмылкой:

— Энфилд, как же! Так я и поверил.

— Я был там, — сказал Эверетт Л.

— И на что это похоже?

— Это совсем не больно, — ответил он, ничуть не погрешив против истины. — Яркая вспышка, шаг — и ты уже там.

— Шаг через эти... как их... ворота?

— Портал Гейзенберга.

Наконец до Рюна по-настоящему дошло. Он разинул рот и обхватил себя за плечи. Его сотрясала нервная дрожь.

— О господи, ты был в параллельном мире! Ты! В параллельном мире! Как? Где?

— У моего отца есть приятель в Имперском университете, он отвечает за программы и прочее.

Чем дальше, тем страшнее.

— Где ты был?

— На Земле-3, — честно ответил Эверетт Л. — Всего параллельных проекций девять. Десять, если считать ваш, наш мир.

— Это там, где Британия больше похожа на Испанию или Марокко?

«Знать бы, что еще показал тебе мой двойник».

— Нет, это Земля-2. На Земле-3 нет нефти.

Ему показалось, что Рюн сейчас свалится с кресла.

— Нет нефти, нет нефти, — повторял тот словно заведенный. — Но как же они... Уголь! Круто! Стимпанк!

— Круче Электричество. Тесла-панк.

Эверетт Л никогда не был на Земле-3, но не решился назвать мир, откуда был родом, — Землю-4. Рюн ни за что не поверил бы, что она отличается от его мира лишь наличием тринских технологий и тем, что телеведущий мистер Портилло занимает там кресло премьер-министра.

— А еще на Земле-3 есть дирижабли.

— То самое видео! — воскликнул Рюн, отвернулся к монитору и застучал по клавиатуре. Видео все еще висело на Ютубе.

Картинка без конца дергалась, на заднем плане люди обменивались на редкость глупыми замечаниями, как всегда бывает, если увиденное выходит за пределы понимания.

«Это для Олимпиады», — упрямо повторял кто-то снова и снова. Рюн остановил ролик: на экране застыл нос дирижабля.

— Это воздушное судно двадцать седьмого типа Королевских ВВС, — солгал Эверетт Л, успевший выдумать целую историю. — Оно меня охраняет.

Глаза Рюна чуть не вылезли из орбит.

— Я нашел отца. Они забрали его, потому что не хотели, чтобы его исследования попали в плохие руки. Для перемещений между мирами нужны два портала, а отец нашел способ совершать прыжок из любого. Могущественная империя зла хочет наложить лапу на его изобретение. Если это случится, опасность угрожает всем мирам, в том числе нашему, но есть и другая сила, нечто вроде специального подразделения, которое призвано нас защитить.

Самую наглую ложь нелегко отличить от правды. Словно снежинка, упавшая на гребень горы, она может закончить жизнь в том или другом океане. В океане правды или океане лжи. А еще она собирает вокруг себя другие снежинки, обращаясь в лавину. Эверетт Л удивился, как легко дурачить Рюна Спинетти. Легко и приятно.

— Они держат отца у себя, а меня отправили обратно. Дали мне корабль, не здесь, в другом мире, но в случае опасности мне ничего не стоит его вызвать, — добавил он и вытащил телефон.

— Это же твой телефон, — сказал Рюн.

— В нем специальное приложение.

— Давно?

— С тех пор, как меня вернули сюда.

— В первый день четверти? Я думал, ты вернулся раньше.

Иногда лавина лжи способна накрыть самого лжеца.

— Это часть легенды.

— Выходит, ты писал ту эсэмэску?

— Какую?

— Ту самую.

Эверетт Л вспомнил сообщение на экране «блэкберри» Рюна: «Передай маме я в порядке. Отец в порядке».

— Кто ж еще? Так ты передал?

Рюн покачал головой:

— Ты же сказал, что потерял телефон! Так этот тот или другой?

Одна ложь питает другую, разбухая и становясь жирнее.

— Ладно, дело не в приложении.

Ситуация выходила из-под контроля. Эверетт Л не мог просто сказать: слушай, хватит расспросов. Ты только что признался, что побывал в параллельном мире, и хочешь избежать расспросов?

— Но сообщение пришло со старого номера, — настаивал Рюн.

— Его переадресовали, — ответил Эверетт Л.

Если у них есть телефон, способный звонить в параллельный мир, неужели трудно поверить, что они переадресовали эсэмэску? Лавина накрыла Эверетта Л, он начинал верить в собственную выдумку.

По пути в ванную в колшату заглянул отец Рюна и кивнул на экран:

— Дирижабль еще в топе?

— Был на прошлой неделе. — Эверетт Л ухватился за возможность сменить тему. — На этой неделе в топе моя задница.

— Уже семьсот лайков, — заметил мистер Спинетти.

Эверетт Л поморщился:

— Мистер Спинетти...

— Не заводись из-за ерунды.

— Она за тобой бежит, — сказал Рюн, когда в двери ванной щелкнул замок

— Скорее выслеживает.

— Теперь так принято. Пригласишь ее на свидание?

Эверетту Л нравилось быть в центре внимания, но до сих пор он не задумывался о последствиях. Целоваться с Нуми Вонг? От этой мысли Эверетт Л почувствовал радостное возбуждение. Конечно, Нуми странная, но очень хорошенькая. Что в своем мире, что в этом, ему всегда нравились странные девушки, особенно если при этом они выглядели клево. К тому же ему самому странности не занимать. Убийца нанозомби, спаситель мира. Как близко ее можно подпустить? Кого будет целовать Нуми — тринского биоробота, боевую машину? Способен ли он вообще завести девушку? Эверетт Л был не прочь.

— Пока я держу ее на расстоянии.

— Смотри, девчонки быстро перегорают, если их не поощрять, — с видом знатока заявил Рюн и покачал головой: — Даже не верится! Ты был в параллельном мире, а мы болтаем о Нуми Вонг!

Еще парочка вопросов — и тщательно выстроенная конструкция лжи рухнет. Пора сматываться.

— Семьсот пятьдесят, — объявил отец Рюна выходя из ванной.

— У тебя что, и в туалете Фейсбук? — спросил Рюн.

— А что, у кого-то иначе?

— Ну, знаешь, даже для тебя это перебор!

Стоя между Рюном и его отцом, Эверетт Л тайком вытащил из кармана телефон и активировал приложение. Настоящее, не то, которое якобы вызывает дирижабли из параллельных миров. Эверетт Л использовал его первый раз в жизни.

Спустя десять секунд его телефон зазвонил. Приложение, которое набирает твой собственный номер. Эверетт Л принял звонок.

— Привет, мам нет, конечно, смогу. Минут через десять-пятнадцать. Ничего, я знаю как. Пока, — пробормотал он в трубку и сказал Рюну. — Мама приболела. Мне нужно идти. Как думаешь, твой отец...

— Конечно, сможет.

Эверетт Л был дома уже через семь минут. Отцу Рюна доставляло особое удовольствие ездить напрямик, закоулками. Эверетт Л помахал рукой отъезжающему автомобилю. Ему нравился отец Рюна, пусть он и лайкнул в Фейсбуке его задницу.

А вот собственное вранье ему не нравилось. Вранье и девчонки. Словно в его жизни киборга и тайного агента и без них мало сложностей.

На ступеньке сидела крыса и в упор смотрела на него. Обычное дело для Стоук-Ньюингтона, но эта совсем обнаглела, сидит себе прямо напротив входной двери! Сидит, нагло скрестив лапки, пялится черными, словно бусины, глазками, шевелит усами.

— Кыш! — крикнул Эверетт Л.

Крыса не шелохнулась.

— Кыш, крыса!

Он шагнул вперед. Крыса сидела на крыльце как ни в чем не бывало.

Интересно, чем питаются эти наглые твари?

— Кыш! — Эверетт Л замахал руками.

Крыса полировала лапками усы.

Это было какое-то безумие!

Эверетт Л бросился вверх по лестнице. Он был уже на верхней ступеньке, когда крыса шмыгнула в кусты.

Все зло от вранья, девчонок и обнаглевших крыс.

Колокола пробили десять, и восточный ветер закружил колючую снежную крупу по площадям и узким улочкам Хейдена. Снег льнул к углам и фасадам зданий, что тянулись вдоль Сант-Омерхауплац, забивался в резные украшения старинных домов на набережной и каменные складки статуй, украшающих собор Братьев Христос

Персоналу кафе «Белый медведь» давно не терпелось разойтись по домам, но посетительница настаивала, что у нее назначена встреча. Подняв воротник пальто, Шарлотта Вильерс грела руки о чашку с горячим шоколадом. Вот уже двадцать минут на площади не было видно ни единого живого существа. Официанты притопывали, грели ладони в подмышках и, забыв о приличиях, жались к газовым обогревателям.

Ибрим Ходж Керрим появился со стороны моста Гроотсканал. Одет он был по холодной северной погоде: теплое пальто, шарф, ушанка, завязанная под подбородком. Пленипотенциар уселся за столик Шарлотты Вильерс

— Внутри не нашлось мест?

— Свежий воздух бодрит. Заказать вам горячий шоколад? Лучший во всей Пленитуде известных миров.

— Пожалуй, да. Спасибо.

Карильон собора Братьев Христос отбил четверть часа.

— Христианство, даже в его лучших проявлениях, всегда вызывало у меня недоумение, — заметил пленипотенциар. — Тяжелая, кровавая религия, придающая излишнее значение личному. Что уж говорить о его местном варианте... два Христа, один вознесен на небеса, другой послан с посольством царства Божьего к вратам ада... Придумать же такое!

— Я не религиозна — ответила Шарлотта Вильерс — Иррациональное зерно, которое содержат все религии мира, для меня неприемлемо, но, учитывая местные обычаи, здешние верования меня не удивляют.

— У вас тоже есть двойник, — сказал Ибрим Ходж Керрим.

Официант в белоснежном фартуке принес новому посетителю чашку и кофейник горячего шоколада.

— У каждого есть двойник, — сказала Шарлотта Вильерс — Просто вы еще не встретили своего.

— Надеюсь, мой обитает в более... правильном мире.

— Из принципа заурядности этого никак не следует.

— Но в одном я с вами соглашусь, мисс Вильерс.

— Неужели?

— Это лучший напиток во всех Десяти мирах, но едва ли вы пригласили меня сюда в метель, чтобы угостить горячим шоколадом в пустом кафе.

— Я пригласила вас чтобы угостить горячим шоколадом в пустом кафе и напугать, — сказала Шарлотта Вильерс, отпив глоток.

— Напугать?

— Мой двойник Шарль установил жучок на дирижабле мальчишки Сингха.

— Разумеется, уведомить об этом Тайный совет вы нужным не сочли.

— Разумеется. Жучок весьма точно отслеживает прыжок и место назначения.

— И где он сейчас?

Шарлотта Вильерс опустила чашку.

— Эверетт Сингх обнаружил Джишу.

Ибрим Ходж Керрим что-то тихо сказал на родном языке. «Молишься, — подумала Шарлотта Вильерс — Просишь своего Господа о помощи? Самое время».

— Если вы хотели напугать меня, то весьма преуспели. Кто об этом знает?

— Только Шарль. И тот болван с Земли-10, Пол Маккейб. Он друг семьи, его не обманешь.

— Если мальчишка проник в Колесо мира Джишу, каждой планете Пленитуды угрожает неминуемая гибель. Джишу, Инфундибулум и портал Гейзенберга!

— Мы должны действовать, — сказала Шарлотта Вильерс. Снег мел по мостовой Сант-Омерхауплац. — Послать туда десант и захватить Ин- фундибулум. Жучок позволит нам определить место высадки с хирургической точностью.

— Хирургической. Какое кровавое слово! — промолвил Ибрим Ходж Керрим

— Если ради захвата Инфундибулума придется перебить всю команду дирижабля, значит, так тому и быть!

— Нам?

— Тайный совет будет колебаться и увиливать от принятия решения, пока корабли Джишу не зависнут в небе над нашими городами.

— Кажется, у меня не остается выбора, кроме как примкнуть к вашему Ордену, — промолвил Ибрим Ходж Керрим — Но я не могу допустить гибели солдат с Земли-2.

— Это будут мои люди, — сказала Шарлотта Вильерс, плотнее запахивая воротник.

— У меня есть два условия. Первое: если ваши люди не справятся, я буду вынужден доложить обо всем Президиуму.

— Разумеется. Безопасность Десяти известных миров превыше всего. Они справятся.

— Второе: ваши солдаты никогда не покидали пределов своего мира, а до последнего времени не подозревали о существовании иных миров. У них мало опыта.

— Чего вы хотите?

— Вы сами их поведете.

«А ты умен, Ибрим Ходж Керрим, — подумала Шарлотта Вильерс. — Загнал меня в угол. Если у меня получится, об этом никто не узнает, а если нет, избавишься от соперницы. Но не надейся, у меня получится. Ты объявляешь мне войну? Что ж, когда я вернусь, тебе придется со мной считаться».

— Мне потребуется снаряжение. Доступ к военному portalу. И экстренная эвакуация. Чтобы вернуть людей в случае непредвиденных обстоятельств.

— Экстренная эвакуация?

— Можете думать обо мне что хотите, Ибрим, но бесполезных жертв я не хочу.

— Я рад, что вы это понимаете. — Пленипотенциар отодвинул чашку и встал. — Отправляйтесь немедленно, нельзя терять ни секунды.

— Пленитуда может на меня положиться, — ответила она

Шарлотта Вильерс смотрела, как Ибрим Ходж Керрим исчезает в снежном вихре. Оставив на столе несколько шиллингов, она направилась через площадь к мосту Ненин. Снежинки впивались в щеки и губы, колокола собора Кристенбрудер пробили половину часа. За спиной Шарлотты официанты переворачивали стулья и опускали жалюзи на окнах кафе.

Нет, никогда ему не понять людей. Настоящий инопланетянин, живой динозавр! А им хоть бы что.

Макхинлит держался надменно.

— Сколько-сколько там ха? — фыркнул он.

Эверетт повторил. При звуке своего имени существо, которое звали Кахахахахас, подняло голову. Очень человеческая реакция. Моргнуло прозрачными веками. Совершенно нечеловеческая.

— Язык сломаешь. Будешь просто Кахс, — решил механик и снова обратился к двигателю.

Макхинлит оглаживал двигатель пальцами, злобно шипя или нежно воркуя — в зависимости от результатов. Существо по имени Кахахахахас — или Кахс — разглядывало механика «Эвернесс», склоняя голову то вправо, то влево.

Капитан Анастасия излучала подозрительность:

— Что мы о нем знаем? Как оно выучило наш язык? Что у него вокруг головы? Откуда оно вообще взялось и что здесь делает?

Капитан Анастасия не ждала ответов, что устраивало Эверетта. Пока они дожидались остальных, странное существо узнало о нем много разного, а он не узнал о нем почти ничего. Кроме того, что народ Кахс — кажется, новое имя пристало крепко, — называл себя Джишу, два слога, словно птичий щебет, а штука вокруг головы Кахс — микророботы, которые умеют принимать любую форму, воздействовать на чужой мозг — как с тем карнозавром — и читать мысли. На поляне стояла невыносимая жара, но Эверетт поежился: знать бы, что это странное существо успело выудить из его головы?

Сен не скрывала враждебности:

— Оно мальчик или девочка?

Маленькая мушка-робот отлепилась от нимба над головой Кахс и закружилась перед Сен.

— Понятия не имею. Да какая тебе разница? — спросил Эверетт.

— Оно не позволило карнозавру перекусить меня напополам, этого достаточно.

— Большая, — заявила Сен, отмахнувшись от мушки.

— Бона краля, — сказала рептилия.

Странное существо делало успехи не только в палари, но и в стоук-ньюингтонском сленге.

— Лучше бы оно оказалось мальчиком, — уныло подытожила Сен.

На Кахс были прочные сапоги до колен, тело опоясывали ремни с множеством карманов. И больше ничего. Эверетт не настолько разбирался в физиологии рептилий, чтобы знать, куда смотреть, да и смотреть не собирался. Возможно, у рептилий были видимые половые органы. Возможно, после шестидесяти пяти миллионов лет эволюции они размножались, как ящерицы в лаборатории. Кахс, напротив, весьма заинтересовали особенности человеческой физиологии, видимые под одеждой.

Мушка-робот приземлилась на груди капитана Анастасии. Макхинлит и Шарки напряглись, не говоря уже о Сен.

— Что значат эти физиологические особенности? — раздался голос Кахс. Нимб крутился вокруг головы ящера. Эверетт решил, что нимб усваивает информацию из внешней среды и передает ее Кахс.

— Расслабьтесь, оми. А также полоне, — сказала капитан Анастасия. — Это женские половые органы. С их помощью мы выкармливаем своих детенышей молоком. На палари их зовут титьками, грудью — на английском У них много прозвищ, придуманных мужчинами, которые исторически считают их привлекательными и возбуждающими.

— Тить-ки. Тить. Ки.

— Пусть только тронет мои, и я всажу ему нож куда следует, — прошипела Сен.

Теперь мушка-робот кружилась вокруг лица Макхинлита. Он отмахнулся, мушка отлетела, но ненадолго. Взревев, Макхинлит подпрыгнул, схватил мушку и сдал в ладони. Раздались вопли и проклятия на пенджабском. Механик разжал ладонь. Кровь сочилась через грубую перчатку. Золотое лезвие метнулось через поляну и соединилось с нимбом над головой Кахс.

Ящер издал рассерженный птичий свист.

— Досвистишься у меня, птичка! — рыкнул механик в ответ.

Хохолок Кахс востропнулся, рептилия спрыгнула с поваленного сука, на котором сидела. Эверетт шагнул вперед, примирительно

поднял руки: остыньте, ребята!

— Назад, мистер Сингх! — Капитан Анастасия оттолкнула Эверетта и заняла его место. — Никаких драк. Мистер Макхинлит, двигатель нужно доставить на корабль. Кахс, не возражаете, если мы используем ваши ножи? Поможете нам очистить тропу?

Ноздри Джишу раздувались, бесцветная мембрана век опустилась и вновь поднялась.

— Помогу.

* * *

План Макхинлита был прост. Обвязать двигатель канатами, канаты прикрепить к стволу. И толкай себе потихоньку-помаленьку. По пять метров за раз. Итого сто пятьдесят раз.

Бицепсы Эверетта горели огнем, плечи сводило, в груди кололо. Скрутило даже мышцы живота. Но Макхинлит снова и снова кричал: «Вперед!» И Эверетт тянул. Тянул изо всех сил. Тянул, пока ладони не стали кровоточить. Тянул, пока перед глазами не заплясали красные точки.

— Перерыв!

Эверетт рухнул на землю и лежал на спине, тяжело дыша. В вышине солнечный свет дробился о красные листья.

Осталось шестьдесят метров.

Он поднялся с земли.

Ящер в своей странной птичьей манере склонил голову на один бок, затем на другой.

— Ты утомлен, Эверетт Сингх. Тебе нужно восстановить силы.

«Я знаю, что мне нужно, — подумал Эверетт, отсоединяя конец троса и крепя его к другому стволу. — Быть лучше всех. Я должен трудиться вдесятеро больше остальных членов команды, и тогда, возможно, я наконец-то обрету душевный покой».

Он затянул трос вокруг ствола, морщась от боли в раненых ладонях.

— Перерыв, Эверетт. Это приказ, мистер Сингх. — Рядом стояла капитан Анастасия. Ее черная кожа блестела от пота. — Тебе не нужно

ничего никому доказывать, — прошептала Анастасия ему в ухо и добавила громко: — Сен, перерыв.

— Но, мам...

— Перерыв, я сказала! Кахс! — крикнула капитан Анастасия. Ноздри рептилии, не привыкшей выполнять команды, возмущенно затрепетали. — Очистите нам путь.

— А где волшебное слово?

Капитан Анастасия возмущенно округлила глаза.

— Пожалуйста, очистите нам путь.

— А ящерка-то все больше напоминает Эверетта, — пробормотал Макхинлит.

Эта рептилия присвоила не только его акцент, но и манеру выражаться. Капитан Анастасия права: не слишком ли много Кахс про нас знает?

Работа Кахс представляла собой занятное зрелище. Нимб превратился в диск с острым краем, мгновенно обрабатывавший растительность в труху и алый сок. Ошметки красных листьев кружились над Эвереттом и Сен, словно снежинки. После того как путь был расчищен, Шарки, Макхинлит и капитан Анастасия вернулись к работе.

— Почему бы сразу не оттащить двигатель к дирижаблю? — фыркнула Сен. — Хоть какой-то прок от этого ящера!

— От нее есть прок.

— От нее?

— Прости, я оговорился.

— Ты сказал «от нее», — прошипела Сен. — Что ты про нее знаешь? Что она тебе сказала?

Эверетт и сам не знал, почему ему казалось, что Кахс — женского пола. Разве только сама Кахс заронила эту мысль, когда сканировала его мозг. Женщина, причем очень юная. Эверетта пугала ревность Сен. С этими девчоночьими играми он был знаком по школе. С этим водись, с тем не водись, наши — не наши.

— Не бери в голову, — сказал он Сен. — А вот что действительно любопытно, так это откуда берется энергия. Не может же она возникать из пустоты! Это противоречит законам физики.

Эверетт не любил научно-фантастические фильмы. Космические корабли, преодолевающие пространства за столько-то парсеков.

Свистящий звук, которым сопровождался их старт в безвоздушном пространстве. Люк Скайуокер на «Крестокрыле», проделывающий акробатические трюки, не боясь перегрузок, которые должны были бы вырвать ему позвоночник. Юркие космические истребители.

Парсек — единица расстояния, а не времени. Закон сохранения импульса. Космические истребители и нанороботы не могут двигаться по волшебству. Нет никакого волшебства, есть физика.

Несмотря на это, Эверетт до сих пор не понимал, как работает портал Гейзенберга.

— А это важно? — деловито спросила Сен.

— Если признать, что физические законы — не пустой звук, значит, где-то здесь есть электричество, и Джишу имеют к нему доступ. Возможно, оно прямо у нас под ногами. Если они построили диск Алдерсона, то должны были его электрифицировать.

— Господи, Эверетт Сингх, о чем ты только думаешь?

— Я думаю, что если Джишу знают способ подключаться к электричеству, то что мешает нам?

— А, вот оно что... — протянула Сен.

Раздались крики. На полянку выскочил Шарки, за ним Макхинлит и капитан Анастасия.

— Они вернулись! — проорал Шарки. — *Sauve qui peut*^[5]!

Кахс издала короткий пронзительный свист. Хохолок встрепелся, делая ее еще выше. Режущий диск снова обратился в нимб. Щелчок — и из больших пальцев выползли острые закругленные лезвия.

Теперь Эверетт разглядел, кто гнался за Шарки, Макхинлитом и капитаном Анастасией. Рептилии, обратившие в бегство Шарки, вернулись. Однако на сей раз их было больше. Бурный поток радужных зверьков затопил двигатель, облепил тросы.

Сен взвизгнула и растянута на земле.

Эверетт попытался поднять ее, но его накрыло лавиной. Зубки, крошечные острые зубки, зубки и коготки!

Кахс стояла на пути ревущего потока. Подняв руки, она издала долгий мелодичный звук. Древний лес замер, прислушиваясь к ее песне. Радужные рептилии встали как вкопанные, опустившись на задние лапки и поджав передние. Эверетт чуть не расхохотался. Вылитые сурикаты. Инопланетные радужные ящерки-сурикаты,

тысячи сурикатов! Лес наполнила песня Кахс. Тысячи ящериц ответили ей, а затем, мелькнув на прощание радужными шкурками, исчезли.

— Вам повезло, — промолвила Кахс, — что они — мои сестры.

— Что-то я не заметил сходства, — сказал Шарки.

— Мы из одного выводка, — объяснила Кахс. — И хотя мы принадлежим к разным видам, но все происходим из яиц Императрицы Солнца.

— Я знала, что она девчонка! — вспыхнула Сен. — Эверетт Сингх, я запрещаю тебе с ней водиться. Раз и навсегда.

— Они... они вроде примитивной формы тебя? — спросил Эверетт, игнорируя Сен.

Кахс переморгнула, перья на хохолке покраснели и снова опали.

— Какая гадость... все это... секс.

Кахс спрятала лицо в ладонях.

— Откуда ей... — начала капитан Анастасия.

— От меня, — ответил тихо Эверетт, дотронувшись до головы. — Расскажи нам, — попросил он вслух.

— Сестер много — останется только одна, — промолвила Кахс.

Собственный акцент и интонации в устах Джишу сбивали Эверетта с толку.

— У нас много обличий, но существует правило: побеждает сильнейшая. Ваш дилли... дирижабль потерпел крушение над лесом, который мы зовем Яслями. Из моего выводка в живых осталось только двое. Я найду мою сестру и приму бой. А после того, как убью ее, стану наследницей Трона Правителей Солнца.

— Еще и принцесса, — прошипела Сен.

— Не всем же становиться принцессами, некоторые ими рождаются, — пробурчал Эверетт.

Сен гневно раздула ноздри:

— Это что, камешек в мой огород?

По лицам остальных читалось: а чего ты хотела, принцесса?

— Мир поделен между выводками Правителей Солнца. Они не так умны, как я или вы, но на редкость упрямы. Проблема в том..

— ...что вы не единственный выводок в этих... Яслях, — сказал Эверетт.

— Каждая Клада держит выводок в древнем лесу, — продолжила Кахс — И если вы дружите с Правителями Солнца, значит...

— ...враждуете со всеми остальными, — заключил Эверетт.

— Таков обычай Джишу.

— Теперь мне все ясно, — перебила ее капитан Анастасия. — В этом мире нас ничего не держит, поэтому чем быстрее мы отсюда уберемся, тем лучше. Спасибо за гостеприимство, Кахс, но нас ждут дела. Надеюсь, к закату мы поднимем двигатель на борт. Все за работу! И вы, мистер Сингх и мисс Сиксмит. Кромсай, Кахс.

— Лучше ей не знать, — шепнула Сен Эверетту, когда они вернулись к работе, — что мы съели одну из ее сестер.

— Я не ел! — возмутился Эверетт.

— Ты только приправил ее карри, — хмыкнул чуткий на ухо Макхинлит. — Держи! — Пряча улыбку, механик швырнул ему перчатки. Похоже, Эверетт был окончательно прощен.

Он схватился на конец троса. Осталось пятьдесят пять метров.

* * *

Цикады? Крупные насекомые, что громко стрекочут по ночам в теплых краях?

В то лето дом они снимали неподалеку от Кушадасы. Большая спальня для Лоры и Теджендры, место у очага для маленького Эверетта. Ему нравилось там спать. В те времена Виктории-Роуз не было даже в проекте. Эверетт дремал в своем алькове, слушая стрекотанье средиземноморских насекомых, которые пели об одном: теплый вечер, ароматы шалфея и розмарина, море цвета бирюзы в конце аллеи. Проснулся он от собственного вопля: что-то упало ему на лицо. Что-то колючее, когтистое, длиннопалое.

Схватив матрас, он с воплем влетел в родительскую спальню и с разбегу врезался в стену.

Оказалось, что это цикада, просто цикада, но от того, что ночной ужас обрел имя, он не стал менее пугающим. До сих пор Эверетта бросало в дрожь от одного вида крупных членистоногих, закованных в хитиновую броню.

Эверетт с воплем вывалился из гамака. И снова заорал от боли в мышцах и сознания, что где-то рядом в темноте ползает большой жук. Включив свет, он увидел золотистого паучка, который со всех ног удирал к двери.

— Иди-ка сюда.

Эверетт схватил паучка за лапку и поднес к лицу. Не насекомое. Не успел он выдохнуть, как снова заорал — тварь еще и кусалась. Эверетт швырнул в паука рабочей перчаткой Макхинлита, накрыл перчатку сверху, ощущая гудение под тяжелой тканью, натянул вторую перчатку и, на миг разжав тиски, схватил пришельца свободной рукой.

Отжав дверь лэtti плечом, он зашагал на камбуз, где хранились банки, бутылки и прочие емкости.

— Легок на помине...

За кухонным столом сидели Макхинлит, Шарки и капитан Анастасия. Перед каждым стояла банка с золотистым шпионом внутри.

— Присоединяйтесь, мистер Сингх, — пригласила капитан Анастасия.

Эверетт отыскал банку с металлической крышкой, стряхнул паучка внутрь и захлопнул крышку, не давая шпиону вдохнуть воздух свободы. Лапки-проволочки скреблись по стеклу.

— Какого черта!

Капитан Анастасия приложила палец к губам.

Визг, огласивший двухсотметровое пространство дирижабля, мог поднять мертвого. Сен с выпученными глазами влетела на камбуз, зажимая ладонью горлышко стакана.

— Полный аншлаг, — заключила капитан Анастасия. — Леди и джентльмены, у нас незваные гости.

Сен перевернула стакан и ловко шлепнула об стол. Золотистый паучок извивался и бился о стенки.

— «Придет же день Господень, как тать ночью...» — промолвил Шарки.

— Мистер Сингх, приведите Кахс, есть разговор, — сказала капитан Анастасия.

Капитан Анастасия грохнула банку об пол трюма, отступила назад и скрестила руки на груди. Робот внутри тщетно царапал стены стеклянной тюрьмы. Эверетт уже видел такое выражение на лице капитана, когда она собиралась вышвырнуть за борт его самого как шпиона Иддлера.

— Мы нашли ваших бижу приятелей, — сказала капитан Анастасия.

Кахс присела на корточки, выгнув конечности под углами, невозможными для человеческого тела, и долго всматривалась в банку.

Неожиданно Шарки выхватил дробовик и приставил дуло к затылку Джишу. Нимб Кахс вспыхнул алым.

— Тихо-тихо, — сказал Шарки.— «Вот приходит день Господа лютой, с гневом и пылающею яростию...» Спорим, ящерка, что я разнесу тебе голову раньше, чем ты выхватишь свои кинжалы?

Кахс подняла руки. Пугающе человеческий жест.

— Я могу объясниться?

Члены команды сгрудились вокруг Джишу и банки с золотистым паучком. Кахс поочередно задержала взгляд на каждом, дольше всех — на Эверетте.

«Я не предатель, — мысленно сказал ей он. — И если ты можешь читать мои мысли, ты должна знать: я тебе верю».

Чуть раньше Эверетта послали одного в темный, галдящий на разные голоса лес. Задрал голову, он смотрел на свет, который лился из люка. Шарки приложил руку к шляпе. Эверетт узнал этот жест. Он снова враг, снова угрожает безопасности дирижабля.

Эверетт бродил по лесу, снова и снова выкликая Кахс

— Кахс! Кахахахаха!

Визг, уханье, бормотание, треск ветвей.

Внезапно вдали, словно звездная пыль, мелькнул золотистый проблеск.

— Эверетт Сингх?

— Кахс, капитан Анастасия просит тебя подняться на борт. Там есть трос.

— Идем!

Эверетт был уверен, что Кахс не подсылала паучков-шпионов. Иначе разве согласилась бы она подняться на борт, разве позволила бы Шарки приставить к своему затылку дробовик? А вот Шарки себя

переоценивает. С этими нанороботами она способна на большее, чем метать ножички.

— Это не ее шпионы, — сказал он вслух, — неужели не ясно?

— Я учту ваше мнение, мистер Сингх, — сказала капитан Анастасия, — но позвольте Кахс говорить за себя.

Кахс подняла банку и поднесла так близко к лицу, что стекло затуманилось от дыхания.

— Они не мои шпионы.

— Не опускайте оружие, мистер Шарки. Объяснитесь, Кахс.

— Я поняла сразу, но вряд ли сумею объяснить вам. Это что-то вроде ауры, запаха. Вы не способны его почувствовать.

— Слушайте ее больше! — хмыкнул Шарки.

— Но почему? — взвился Эверетт. — Если Кахс шпионка, зачем она сдалась?

— Хотела забрать своих ботов, — сказал Макхинлит.

— Если она способна читать мои мысли, наверняка ей несложно общаться с ними дистанционно!

Сен, по привычке тасовавшая колоду Таро одной рукой, как принято в Хакни, мельком посмотрела на верхнюю карту и недовольно скривила губы. Эверетт успел разглядеть улыбающуюся толстуху на троне. Он забыл название карты.

— Я могу показать, — промолвила Кахс.

Капитан Анастасия взглянула на Шарки — тот кивнул, на Макхинлита — механик поджал губы. На Сен.

— Пусть покажет, — заявила Сен. — Я ей верю.

— Хорошо, мы смотрим, — сказала капитан Анастасия.

— Разойдитесь, — попросила Кахс и выпрямилась, став на голову выше Шарки, затем открыла и перевернула банку.

Золотистый паучок кинулся наутек, но не тут-то было. Вокруг шпиона образовалось кольцо роботов Кахс. Паучок остановился, кольцо сжималось.

Эверетт затаил дыхание.

Паучок пытался прорвать осаду, но роботы Кахс не давали ему выскочить за пределы круга, постоянно перестраиваясь. На полу грузового отсека «Эвернесс» закипело настоящее сражение.

Словно Наполеоновские войны, восхитился Эверетт. Артиллерийский огонь и рукопашная. Только в масштабе насекомых.

Коготь за коготь.

Робот-шпион храбро сражался, но вскоре ему пришлось уступить превосходящим силам противника. Умирая, роботы Кахс дергали лапками. Эверетт видел, как крошечные мандибулы рвали шпиона на части, пока от него не осталось мокрого места. Это были всего лишь машины, но зрелище выглядело отталкивающим.

Наконец роботы Кахс соединились с нимбом, и он снова засиял всеми цветами радуги. Глаза Джишу были закрыты. Шарки так и не убрал дробовик от ее затылка. Внезапно Кахс открыла глаза и воскликнула:

— Этого я и боялась! Анастасия Сиксмит, Королевы генов знают, что вы здесь!

— Почему я должен верить... — начал Шарки, но капитан Анастасия перебила его:

— Королевы генов?

— У Колеса мира стоят шесть Клад: Рожденные водой, Поющие штормам, Королевы зерна, Королевы генов, Укротительницы астероидов и Повелительницы Солнца. Каждая Клада отвечает за одну из важнейших функций: воду, погоду, биологию, сельское хозяйство, защиту от космических угроз. Солнце принадлежит моей Кладе, Повелительницам Солнца. Колесо мира устроено так, что все Клады зависят друг от друга, но порой между ними возникает соперничество. Здешним лесом управляют Королевы генов, здесь повсюду их роботы. Они знают о вашем корабле, знают, что он из другого мира, и собираются заявить на него права.

— Мистер Макхинлит, Сен, кровь из носу, а чтобы дирижабль был на ходу! Мистер Шарки, мистер Сингх, как хотите, но до рассвета вы должны отыскать последний двигатель. Я намерена убраться отсюда как можно скорее. Кахс, простите мое недоверие. Прошу, помогите моей команде.

По хохолку Кахс пробежала рябь.

— Сен, — позвал Эверетт, когда все разошлись по местам — Что это была за карта?

— О чем ты, Эверетт Сингх?

С Сен так всегда: никогда сразу не признается.

— Я видел, как ты тасовала колоду.

Эверетта всегда удивляло, как можно спрятать целую колоду в крошечных шмотках Сен. Всякий раз она извлекала карты откуда-то из-за пазухи, словно по волшебству. Веселая толстуха на троне. Эверетт прочел название: Императрица Солнца. Он вздрогнул. Неужели совпадений не бывает? Неужели то, что мы называет совпадениями, — лишь протечки между мирами?

— А теперь растолкуй.

— Щедрая хозяйка, — ответила Сен. — Неожиданный визит или приглашение. Остерегайся могущественных властителей.

— Выходит, вас осталось двое?

— Ненадолго. Скоро останется одна.

Искатели потерянного двигателя продвигались в глубь дремучего леса. Первая гондола оторвалась раньше всех, поэтому лежала дальше прочих. Шарки уверенно шел впереди — покоритель новых земель, шляпа лихо заломлена набекрень, над плечом торчит дуло дробовика, — но Эверетт понимал, что они двигались наобум. Оставалось рассчитывать, что им повезет и они случайно наткнутся на оторванную гондолу. В лесу нет опознавательных знаков.

Впрочем, Кахс уверяла, что не даст им заблудиться. Ее нимб был внешней памятью, фиксировал каждый их шаг, а кроме того, хранил массу полезных знаний о выживании в здешнем лесу. О растениях, жуках, птицеядцах и прочих существах, мелькавших в палеозойских тенях и способных укусить, отравить, обжечь, ослепить, заразить или просто убить. Не говоря о выводках Повелительниц Солнца, враждебных им Кладах и сопернице Кахс, с которой ей предстояло сразиться за трон Повелительниц Солнца.

У бедолаги Эда Заварушки просто не было шанса уцелеть в этом лесу, если только он не погиб сразу, шлепнувшись с километровой высоты, как недавно «Эвернесс».

— А сколько вас было в самом начале?

— Три-четыре тысячи.

У Эверетта захватило дух: смерть, поставленная на поток!

— Это... это ужасно! Это мегасмерть.

Вместо ответа Кахс просто склонила голову набок, словно говоря: нет, тебе никогда нас не понять.

— Как может что-то умереть, если оно не рождалось?

— Но они рождались!

— Ты думаешь о мегасмерти всякий раз, когда мастурбируешь?

Эверетт споткнулся о несуществующий корень:

— Э... что?

— Это принято среди самцов приматов.

— Нет... я... я никогда...

— Правда? Да ты уникален!

— Кахс, оми о таком не говорят.

— Почему? Странно. Разве тебя волнует смерть миллионов сперматозоидов? Ты начинаешь ценить их, когда они становятся живыми мыслящими созданиями. Так и выводок. Тысячи особей вылупляются в садках, но только некоторым суждено стать Джишу. Разница лишь в том, что вы, приматы, делаете это внутри, а мы снаружи. Самый быстрый из сперматозоидов или самый сильный из помета — не все ли равно?

Эверетту было неловко. Что она успела прочесть в его голове? Ему казалось, что Кахс разглядывает его гениталии в лупу.

— А сколько тебе лет? — спросил он, меняя тему. Подальше от обычаев, принятых среди самцов приматов.

— Почти шестьсот дней.

Эверетт погрузился в вычисления. День здесь длится около тридцати часов. Значит, Кахс, по человеческим меркам...

— Два года!

— Когда численность выводка уменьшается до сотни, происходит первая трансформация, мы обретаем нимб и становимся Джишу. Я все еще расту, но на моем счету уже двенадцать убийств.

Эверетт только учился распознавать эмоции рептилий, совершенно не похожие на человеческие, но, судя по цвету хохолка Кахс, она лучилась от гордости.

— Я понимаю тебя, но это так странно! Вы похожи на сирийских детей или африканских подростков с автоматами. Хотя откуда мне знать, что они чувствуют, — я всего лишь видел их по телевизору. Жизнь для вас не имеет ценности.

— Ты глубоко заблуждаешься, Эверетт. Жизнь для Джишу бесценна. Нам суждено прожить недолго, поэтому каждое мгновение для нас словно горящее пламя, драгоценность или цветок. У нас есть для этого особое выражение, но его нельзя перевести. — Кахс издала печальный свист. У Эверетта заныло в груди. — Представь бурю, самую сильную бурю на свете, бурю, что срывает землю с костей земли. Бурю, что рычит и завывает день и ночь. Но когда ветер стихнет, облака разойдутся и на небе проглянет солнце, тогда звучит песня. И снова хмурится небо, ветер крепчает, и буря снова рвет и мечет до скончания века. — И Кахс еще раз пропела невыразимо

печальную мелодию. — Это и есть песня в сердце бури. Вы, приматы, проживете дольше нас. К тому времени, как тебе исполнится тридцать, я буду мертва. Если мой враг не доберется до меня раньше. Мир — колесо чудес.

Эверетт вспомнил, что Кахс уже использовала это выражение, словно благословение или молитву.

— Мы живем быстро и трудно. И с самого начала знаем, что все конечно. Каждое переживание, каждое событие может стать последним, поэтому я должна испытать его до последней капли. Это справедливо и для вас, но ваша жизнь длиннее, поэтому вы воображаете, будто способны жить вечно. Ни одна жизнь не длится вечно, Эверетт. Никому не скрыться от бури. Наш взгляд на мир мудрее вашего.

Спереди донесся торжествующий победный клич. Эверетт увидел, как шляпа Шарки взлетела в воздух над дулом дробовика.

* * *

Гондола лежала в центре поляны, в кольце сломанных сучьев и раздавленных веток. Эверетт посмотрел вверх, на колодец в кронах, прорубленный падающим двигателем. В вышине синело небо. Великий лес звенел голосами, звуки наслаивались друг на друга, расширяя круги. Живые создания разговаривали друг с другом. Все излучало опасность, но одновременно внушало восхищение.

«Я пытаюсь рассуждать, как Джишу, — подумал Эверетт. — Жить, словно каждый день — последний».

Нановолокно считалось материалом легким, но прочным, именно такой подходит для дирижабля. При падении ветки и сучья разорвали обшивку, и теперь Шарки методично исследовал гондолу в поисках трещин.

— Давай поговорим о тебе, — обратилась Кахс к Эверетту. Джишу притулилась на пне, ковыряясь когтем большого пальца в хохолке и внимательно изучая то, что извлекала оттуда. — Ты уже запускал свою сперму в женскую особь Сен?

Тут даже Шарки перестал возиться с двигателем.

— Что? — воскликнул Эверетт. — Ты совсем очумела! Ей только тринадцать, ну, почти четырнадцать.

— Самки приматов неспособны зачать в этом возрасте?

— Нет, но... у нас есть свои правила. Тебе должно исполниться хотя бы шестнадцать.

Сен, истинная аэриш, к тому же дочка капитана, славилась прямолинейностью и острым языком. На словах она была гораздо, гораздо смелее Эверетта, но он понимал, что это просто бравада. Сен была слишком горда, хладнокровна и хорошо воспитана своей приемной матерью, чтобы пуститься во все тяжкие. Сен Сиксмит, неприступная и прекрасная принцесса.

— Какие глупые правила! Джишу времени зря не теряют.

— Я вовсе не хочу... Не говори так про нее.

— А я думаю, хочешь. Я видела!

— Ничего ты не видела...

— Нет, видела!

Кахс подняла боевой коготь и осторожно коснулась лба Эверетта

— Как ты могла! — возмутился он.

— Это мой мир. Что хочу, то и делаю. Лучше объясни, что это такое.

— Сен мне нравится. Мы дружим. Она мой товарищ.

Кахс переморгнула прозрачными веками.

— Я люблю, когда она рядом, — продолжил Эверетт. — Иногда она меня сильно раздражает. Порой понимает меня лучше всех на свете, порой упрется, с места не двинешь. И поступает мне назло. На все у нее свои законы, какие-то дурацкие игры, а в правила меня не посвящает, где там! Вечно дуется, а я ходи, думай, чем ее прогневал. Воображает себя крутой, а сама — обычная девчонка. Глупая, приставучая, но она не выходит у меня из головы!

— Ох и влип же ты, оми, — заметил Шарки.

— Так ты хочешь запустить в нее свою сперму? — с невинным видом спросила Кахс — Что-то я ничего не поняла.

— Позволь я отвечу, моя чешуйчатая подруга — сказал Шарки. — Вы создали этот мир, и, что греха таить, ваше создание впечатляет, а мы, приматы... видишь ли, мы всего лишь придумали одну смешную штуку, которую называют любовью. Что ж, двигатель в порядке.

Нужно поскорее убираться из этого чертова места не в обиду вам будет сказано, мэм.

* * *

Оранжевый дымок рванулся в просвет между деревьями. Тащить гондолу к дирижаблю никто не собирался. У капитана Анастасии родился новый план. После сигнала Шарки Макхинлит соберет всю оставшуюся энергию, Сен запустит скрипящие пропеллеры, и «Эвернесс» сама подлетит к месту падения последнего двигателя, а после того, как его установят, снова станет славным бона дирижаблем из Хакни.

Заслонив глаза ладонью, Эверетт смотрел на кружок ясного неба вверх.

— Скоро они прилетят?

— Капитану виднее, — ответил Шарки. — Торопить даму неприлично.

Однако и он время от времени поглядывал наверх в надежде увидеть в просвете массивный корпус «Эвернесс».

Внезапно раздался странный звук. Словно где-то трезвонили в тонкий звоночек. Казалось, он шел отовсюду.

На миг Кахс словно парализовало. Каждая мышца ее тела напряглась, впалый живот сжался в тугий узел, глаза и ноздри расширились, а зрачки почернели. Серебристо-синий нимб вспыхнул короной острых лезвий, когти больших пальцев вылезли наружу.

— Кахс..

— Вооружайтесь, приматы, — тихо промолвила Джишу.

От ее тона по позвоночнику Эверетта пробежал холодок.

Шарки бросил Эверетту дробовик. Они тревожно оглядывались по сторонам. И снова из-за деревьев донесся тонкий звон. На сей раз он не остался без ответа. Лезвия на нимбе Кахс пришли в движение, издав чистую мелодичную трель.

— О господи, — прошептал Эверетт. Неужели это то, о чем он думает?

— Мой враг нашел меня, — сказала Кахс — Пришло время битвы.

Соперница Кахс — почти полная ее копия — выступила на свет из-под полога леса. При виде людей нимб новой Джишу оцетинился лезвиями, но Кахс вывела длинную мелодичную фразу на своем языке, и лезвия сложились внутрь, а нимб стал такого же серебристо-синего цвета.

— Не вмешивайтесь, — предупредила Кахс. — Что бы ни случилось.

— Но предохранитель все же снимите, мистер Сингх, — прошептал Шарки.

— Кахс! — крикнул Эверетт.

Он не собирался кричать, так получилось. Кахс взглянула на него, и почти в то же мгновение ее соперница атаковала.

Ураган сверкающих лезвий пронесся над поляной. Кахс перекатилась через себя и выбросила руку вперед. Ее нимб образовал щит, отразивший лезвия. С шипением соперница обратила лезвия в дротики. Силой мысли Кахс рассеяла щит и выпустила навстречу дротикам кинжалы, принявшие удар на себя.

Эверетт едва успел отскочить в сторону — дротик вонзился в землю в миллиметре от его ноги. Соперница Кахс издала боевой клич: кинжалы сражались в воздухе, словно рой обезумевших насекомых. Кахс ответила, бросившись на соперницу с когтями. Соперница отпрянула, когти оставили на ее боку рваную рану.

Джишу снова разошлись по краям поляны.

Дробовик дрогнул в руке Эверетта.

— Я выстрелю, — прошептал он.

Шарки отвел ствол в сторону.

— А ты способен отличить одну от другой? Это не наша война.

Отозвав назад свои кинжалы, Джишу обратили их в мечи: длинный и короткий, они сошлись в воздухе, а сами рептилии сцепились врукопашную на земле. Кровь хлестала из ран, наносимых когтями, Джишу оскальзывались на пропитанной кровью земле.

У Эверетта голова шла кругом от скорости, с которой наносились удары. Шарки прав: при всем желании ему не отличить одну рептилию от другой. Над головами сражающихся Джишу звенели клинки. Внезапно Эверетт понял: победит тот, кто первым утратит

концентрацию. Мгновенное промедление — и меч, направленный нимбом, довершит дело.

Джишу снова разошлись, огласив поляну пронзительными воплями, от которых птицы взмыли с веток. Окровавленные рептилии тяжело дышали. Эверетт не мог отвести от них глаз, сердце колотилось как бешеное, в висках стучало. Это было самое ужасное, но и самое завораживающее зрелище в его жизни! Одну из соперниц ждала смерть, возможно, Кахс — разумное существо, к которому он успел привязаться. И все-таки Эверетт был не в силах отвести от них взгляда, сдерживаясь, чтобы не кричать, как на трибуне Уайт-Хартлейн. Он ненавидел себя за это.

Короткий меч отразил удар длинного и ринулся вниз. Шесть перышек слетело с хохолка. Если бы Джишу вовремя не заметила выпада, меч разрубил бы ее голову напополам.

В таком темпе, с такой яростью сражение не могло длиться долго. И, словно поняв, что финал близок, Джишу решили взять оружие в руки. Шар на цепи, утыканный шипами, и массивный меч против двух пар загнутых когтей. Зазвенел металл. Жуткий визг и пронзительный свист наполнили воздух. Однажды Эверетт слышал, как кричит кролик в пасти лисицы, но даже в этом предсмертном вопле не было столько ненависти.

«Хватит, прекратите!», — хотелось крикнуть Эверетту, но он не мог говорить, не мог двигаться. В школе ему доводилось наблюдать стычки между одноклассниками, и он ненавидел драки всей душой. Ребята, которых он хорошо знал, его друзья, превращались в отвратительных, злобных незнакомцев. И все же те школьные короткие драки проходили по правилам. Здесь правил не было, бой продолжался до смерти одной из соперниц.

Эверетт вскрикнул, когда острые когти оставили три кровавых полосы на животе Джишу — той, чей хохолок недавно потрепали. Была ли это Кахс? Он не был уверен.

Другая Джишу, сбив с ног и опрокинув соперницу навзничь, навалилась на нее сверху, целясь в горло коротким мечом. Истекающая кровью Джишу попыталась сбросить ее, но силы иссякли, влажные от крови пальцы скользили, а в глазах отразился предсмертный ужас.

Внезапно Эверетт понял, что должен делать.

— Кахс!

Он швырнул дробовик по скользкой от крови траве. В то мгновение, когда меч проткнул кожу на горле раненой Джишу, она схватила дробовик, прижала дуло к боку соперницы и нажала на курок. Выстрел подбросил Джишу в воздух, кровавые ошметки разлетелись по поляне.

И словно заклятие спало с Эверетта. Он с криком упал на колени. Его рвало. И продолжало рвать, когда Джишу поднялась с земли, приблизилась к тому, что недавно звалось ее соперницей, и вонзила когти — снова и снова, снова и снова — в искромсанную плоть.

— Кахс..

Джишу подняла голову. Ее лицо было застывшей кровавой маской.

— О господи... — прошептал он.

Перед ним стояла сама смерть. Жестокая кровавая смерть, не знающая жалости. Эверетту еще не доводилось заглядывать смерти в лицо. Когда двойник Теджендры погиб на колокольне Имперского университета, Шарки спас его от этого зрелища. Эверетт слышал смерть — два коротких выстрела из дробовика. А сейчас смерть, не знающая милосердия и надежды, смотрела прямо на него. И Эверетт ненавидел ее всей душой.

— «Теперь иди и порazi Амалека, и истреби все, что у него; и не давай пощады ему, — скороговоркой пробормотал Шарки, — но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла».

Джишу втянула когти, над головой снова засиял нимб. Оружие мертвой соперницы поднялось в воздух, словно комариный рой, и соединилось с ее нимбом. Нимб вспыхнул. Джишу пошатнулась, закрыла глаза, ее тонкие губы скривились, словно от боли или от новых, незнакомых слов.

— Теперь я знаю всё! — воскликнула Кахс, открыв глаза — Я ... я и есть всё!

Она провела рукой по лицу, с изумлением разглядывая запекшуюся кровь и грязь.

— Вода! — крикнул Эверетт, передавая ей фляжку.

Кахс перевернула фляжку над головой. Никто не смотрел в тот угол поляны, где лежало растерзанное тело.

— Всё! Всё, что видели, чувствовали, знали остальные Джишу. Вся их память, весь опыт теперь мои. Я такая одна, и я — это они. Я — Кахахahahас Хархаввад Эксто Кадкайе, принцесса Повелительниц Солнца! Спасибо тебе, Эверетт Сингх. Сияющий трон перед тобою в долгу.

Кахс пошатнулась. «Переваривает информацию», — подумал Эверетт.

— Идем со мной! Ты должен пойти со мной. Я покажу тебе Палатакахапу, дворец моей матери. Я никогда не была там, но я вижу его перед собой как наяву, и он прекрасен. Я вызову флаер, я могу! Целый флот! Уходим, скорее! Терпеть не могу этот лес!

— Тихо-тихо, — сказал Шарки, вытирая насухо свой дробовик. — Все это очень мило, но пока мы не ушли, хотел бы я знать, куда подевался чертов дирижабль?

Шарлотта Вильерс затянула пояс френча, поправила берет и со щелчком пристегнула кобуру к портупее. Кто знает, что ждало их на той стороне портала? Зайцев следовал за ней по пятам. Сменив кургузую форму спецназа Земли-10 на ладно скроенный китель, он стал выглядеть почти прилично.

Ибрим Ходж Керрим оказался человеком слова. Лучшее вооружение, которое могла предоставить Земля-2. Доступ к секретному portalу Гейзенберга на подземном этаже Тайрон-тауэр, официально закрытом на ремонт. Спецподразделение с Земли-10 и личный телохранитель Зайцев.

Спецназовцы распахнули двойные двери камеры отправки и выстроились в шеренгу. Ее двойник Шарль и техперсонал за мониторами активировали портал. Круг диаметром двадцать метров в центре камеры вспыхнул и заискрился холодным синеватым излучением Черенкова. Персонал портала знал, что введенные координаты находятся за пределами Пленитуды.

Шарлотта Вильерс повернулась к двойнику и подняла руку — к левому предплечью крепилось реле экстренной эвакуации. Проверка, контрольная проверка. Шарль Вильерс кивнул. Огромная камера загудела. Шарлотту Вильерс охватил трепет предвкушения. Миллиарды и миллиарды параллельных миров лежали перед ней. Больше, чем звезд на небе. Есть от чего ощутить собственное ничтожество. Что такое человеческая жизнь по сравнению с мирами? Но мальчишка Сингх перемещался из Пленитуды в Паноплию, из Паноплии в Пленитуду с дерзостью воришки, удирающего по лондонским крышам. В прошлый раз не вернулся ни один из солдат, которых она послала в великую бесконечность. Теперь все будет иначе.

— Готово, мадам Вильерс, — доложила оператор портала.

Шарлотта оценила ее аккуратный макияж и то, как сидела на ней форменная фуражка. Оператор безуспешно делала вид, что не боится увидеть на той стороне портала нечто, что навеки лишит ее покоя и сна.

Шарлотта Вильерс обернулась. Спецназовцев была дюжина, в грубом, но удобном камуфляже с Земли-10. Командир, суровая блондинка по фамилии Соренсен, командовала «смирно».

— Вольно, — сказала Шарлотта Вильерс — Вы уже прошли инструктаж, но добавлю еще кое-что. Через несколько секунд мы совершим прыжок. Мой двойник ввел координаты, позволяющие нам переместиться прямо внутрь дирижабля. Мостики и переходы там узкие, поэтому разделимся на два отряда. Помните про тросы. Ступайте осторожно — гравитация там меньше земной на треть. Сразу после перемещения вы можете ощутить дезориентацию. Команда дирижабля вооружена стандартно для аэриш. Их оружие может вывести из строя, но не смертельно. Если команда окажет сопротивление, разрешена стрельба на поражение. — Шарлотта Вильерс перевела дыхание. — Теперь о Джишу. Существует минимальная вероятность того, что мы их там встретим, но, в случае чего избегайте контакта. Их цивилизация старше нашей на шестьдесят пять миллионов лет. Мы не должны их рассердить. Ваша задача — любой ценой изъять Инфундибулум и вернуться на точку высадки, где я активирую реле. Оператор, теперь мы готовы.

Оператор отжала рычаг, и камеру затопил ослепительный свет от огромного металлического кольца посередине. Призрачные фотоны, подумала Шарлотта Вильерс. Отблеск конечной реальности за пределами Пленитуды и Паноплии. Когда свет погас, за порталом возник длинный хрупкий мостик на фоне ячеек с газом

— Готово, мадам Вильерс, — доложила оператор.

— За мной! — командовала Шарлотта Вильерс и уверенно шагнула в другую Вселенную.

* * *

Коснувшись палубы «Эвернесс», Шарлотта Вильерс перешла на бег. За ее спиной спецназовцы рассеялись по мостикам и переходам. В громадном пространстве дирижабля хватало мест, куда можно спрятать небольшой планшетник с Земли-10. Так она сказала

солдатам, но в глубине души была уверена: Инфундибулум в командной рубке. И она никому его не доверит.

Шарлотта Вильерс не отказалась бы увидеть, как мальчишка Сингх управляется с Инфундибулумом. Он талантлив, изобретателен. Возможно, ей стоило похитить его вместо отца. Однако, если он станет между ней и Инфундибулумом, она с радостью разрядит в него обойму. Ей придется так поступить. Нельзя допустить, чтобы его таланты служили врагу.

Завыли сирены. Она не рассчитывала, что их не заметят, но небольшая фора им бы не помешала.

— Зайцев! — рявкнула Шарлотта Вильерс. Телохранитель не отрывался от нее ни на шаг. — Настоящее оружие только у конфедерата. Американец, без конца цитирует Библию. Найди его и нейтрализуй.

Она показала вниз. Судя по схеме коммерческого дирижабля, которую Шарлотта Вильерс тщательно изучила перед операцией, место мастера-весовщика было в трюме.

Оставшись одна, Шарлотта Вильерс огляделась: перед ней были мостики, винтовые лестницы и командная рубка.

Мощный удар сбил ее с ног. Изумленная, сбитая с толку Шарлотта Вильерс огляделась. Что-то — вернее, кто-то — маленький, юркий и очень-очень злобный — обрушился на нее сверху. Ясно, девчонка Сиксмит. Шарлотта Вильерс что было силы пнула мерзавку в живот. Девчонка вскрикнула и откатилась назад. «На, получи. Не ожидала, что я буду сражаться по-взрослому?» Сен вырвало. Шарлотта Вильерс сгребла Сен за шкуру и грубо швырнула на пол. Задыхаясь, девчонка судорожно дергалась, словно перевернутый на спину краб. Шарлотта Вильерс поправила берет.

— Ты не на шутку меня разозлила, козявка — Шарлотта Вильерс подняла ботинок, готовясь обрушить его на грудную клетку Сен, раздавить цыплячьи косточки, вырвать сердце. Удар ногой в плечо заставил ее отлететь назад.

— А уж как ты меня разозлила! — Капитан Анастасия замерла в боевой стойке: сжатая и открытая, собранная и расслабленная — и очень-очень опасная.

Откуда она взялась? Трос — вот оно что.

— Я гляжу, с детьми ты умеешь обращаться. А как насчет мамаш?
— Капитан Анастасия прицелкнула пальцами: давай, покажи, какая ты крутая.

— Нет времени выяснять отношения, — отрезала Шарлотта Вильерс и выхватила из кобуры тяжелый револьвер.

Внезапно двухсотметровое пространство дирижабля потряс удар. Шарлотта Вильерс пошатнулась и промазала. Воспользовавшись замешательством врага, капитан Анастасия подхватила раненую приемную дочь, пристегнулась и в мгновение ока взмыла вверх. Шарлотта Вильерс снова прицелилась. И снова удар. Дирижабль трясло все сильнее. Шарлотта Вильерс повисла на перилах мостика и включила переговорное устройство на воротах:

— Что, черт возьми, происходит?

— Оно снаружи! — проорал Зайцев. — Оно... огромное, господи, какое оно большое!

Снизу, из трюма, перекрывая сирены, донеслись звуки выстрелов. И следом дикий вопль лейтенанта Соренсен:

— Джишу! Да их тут тысячи!

В начале собрания директриса миссис Абрахамс предупредила, что у нее есть важная информация. После исполнения межконфессионального гимна, чтения Тони Моррисон и стандартных объявлений миссис Абрахамс сказала:

— В школе появились крысы. — Директриса подождала, пока смешки в дальнем конце зала утихнут. — Крыс немного, но сами они не уйдут. Мы вызвали службу по борьбе с вредителями. Против крыс они используют яд. Ловушки с ядом отмечены черно-желтыми квадратами. Ни в коем случае не прикасайтесь к ним и не берите в рот. А также не приближайтесь к живым и мертвым крысам. Особенно к живым. Крысы не безобидные пушистые создания. У крыс нет мочевого пузыря, поэтому они постоянно мочатся. Крысиная моча является разносчиком лептоспироза — болезни, которая поражает почки, мозг и может привести к летальному исходу.

В зале зафыркали и заурчали. «Как будто бы в обычное время опасность заразиться меньше», — подумал Эверетт Л.

— Напоминаю еще раз, крысы — паразиты, и школа собирается избавиться от них раз и навсегда, так что массовые протесты, сбор подписей в Фейсбуке, петиции в общество по защите прав животных и прочие акции защитников маленьких пушистых созданий будут проигнорированы. Направьте вашу энергию на отборочные тесты.

Миссис Абрахамс покинула сцену, школьники разбрелись по классам.

Нуми перехватила его у кабинки. У нее была прическа, как у героини манги.

— У тебя прическа, как у героини манги, — сказал Эверетт Л.

— Плюс за наблюдательность. — Нуми провела рукой по скульптурному гелевому завитку.

В конце коридора торчали готка Эмма и ее эмо-подруги, изо всех сил делавшие вид, будто гуляют сами по себе. Эверетт Л махнул им рукой. Они захихикали, но, кажется, не смутились.

— Мне нравится, — сказал Эверетт Л.

— Трюк с машиной, — спросила Нуми. — Было клево. Но как?

— Быстрота реакции, — ответил Эверетт Л. — Точный расчет.

Ее способ выражаться был заразителен. Нуми закивала, словно он сообщил ей ключ к тайнам Вселенной, и пошла рядом, прижимая рюкзак к груди. Эверетт Л заметил, что на ней снова были гольфы выше колен. Он всегда хотел, чтобы у его девушки были гольфы выше колен. Что-то щелкнуло в сердце, но это были не тринские механизмы. Внезапно Нуми остановилась. Эверетт Л чуть в нее не врезался. Нуми протянула ему жестянку с колой:

— Давай еще раз.

— Нет, — ответил он, но, когда ее губы разочарованно поджались, его сердце остановилось. — Ладно, только не здесь.

Они пересекли крытый коридор и встали у запасного класса. Подружки-эмо следовали сзади на приличном расстоянии.

— Давай сюда.

Нуми протянула ему жестянку.

— Это быстро.

— А ты не против? — Нуми показала на телефон.

— Против.

Мгновение спустя Эверетт Л расплющил жестянку в металлический диск толщиной с монету. Все вокруг было залито колой. Нуми отпрыгнула в сторону, но ее глаза сияли.

— Ну, ты даешь, Эверетт!

Он был на седьмом небе. Сейчас Эверетт Л легко перемахнул бы не только через автомобиль, но через континенты, планеты, галактики. Ему начинало нравиться это ощущение.

— Мы опоздаем к первому уроку, — сказал он.

— Да-да-да. — Нуми была словно в трансе. — Офигеть! Вот так круть! — Она отвернулась и пошла к подругам. — Это было клево, Эверетт!

Нуми училась в художественном классе, поэтому их расписания никогда не совпадали. Девчонки из десятого художественного класса считались чудачками и славились независимостью суждений. От них вечно пахло краской и глиной.

— Уроки делаем вместе, — бросила Нуми через плечо.

— Что?

— Искусство плюс наука. Я скину эсэмэску.

На первый урок Эверетт Л опоздал, за что удостоился насмешливого комментария от учителя, но ему было все равно. Он все еще парил между мирами. Нуми роняла слова, словно купюры в пятьдесят фунтов. Эверетт Л помнил каждое. До сих пор девушки редко вступали с ним в разговор.

Однако главной его задачей было по-прежнему избегать Рюна. На уроках не особенно пристанешь с расспросами, или Рюн узнал все, что хотел, но его поведение изменилось. Нельзя сказать, что Рюн чурался старого приятеля, но держался он холодно и неуверенно. Совсем как Нуми. Словно Эверетт Л в одночасье стал рок-звездой. Однако с Рюном он хотя бы догадывался, в чем дело. Не успел Эверетт Л выйти за ворота как пришла эсэмэска от Нуми: «Уроки делаем вместе».

Стрелка на карте упиралась в кафе на Грин-лейнз. Эверетт Л знал это место. Там стояли диваны с благотворительной распродажи, а на стенах висела беспомощная мазня с абсурдно дорогими ценниками. Раньше Эверетт Л никогда не замечал там Нуми. Впрочем, раньше он вообще ее не замечал, пока Нуми не сделала снимок его задницы в воротах.

Нуми ждала его на потрескавшемся кожаном диване. Она успела переодеться: башмаки, длинные гольфы. Ему нравились ее гольфы. Крохотный клетчатый килт, жакетик в тон. Нуми даже накрасилась, совсем чуть-чуть. Эверетт Л не любил размалеванных девушек, ему казалось, избыток косметики придает им испуганный вид. Но у Нуми косметики было в меру, только глаза стали глубже и таинственнее.

— Отлично выглядишь, — заметил он, плюхаясь на соседний диван.

— Плюс за наблюдательность, — сказала Нуми. — За прикид минус.

Эверетту Л было самому неуютно в школьной форме, но, сняв пиджак, развязав галстук и расстегнув верхнюю пуговицу рубашки, он почувствовал себя вполне сносно. Обычно он не вылезал из толстовки и узких джинсов — та еще униформа. Хорошо девчонкам говорить, им проще выглядеть стильно.

Нуми попросила официанта с дредами принести вьетнамский кофе. Эверетт Л впервые о таком слышал, но название показалось ему изысканным, и он заказал себе такой же. Разлитый по высоким

бокалам кофе оказался очень сладким и с привкусом кардамона. Нуми поджала под себя ноги.

— Двигай сюда! — Она похлопала по дивану рядом с собой.

— Займемся домашним заданием? — Эверетт Л уселся рядом и открыл планшетник. Нуми захлопнула крышку:

— Потом.

Он ощущал, как колотится сердце. Мышцам и нервам в его теле хотелось выскочить вон из кафе и пулей рвануть по Стоук-Ньюингтону, используя каждый джоуль тринской энергии.

— Расслабься. — Нуми положила ладонь на грудь Эверетту А и толкнула его на спинку дивана. — А теперь говори: ты — супергерой?

— Тебе правда интересно?

Нуми подалась вперед. От нее приятно пахло.

— Говори.

— Я — киборг, двойной агент из параллельного мира, занял место настоящего Эверетта Сингха.

— Вранье! — Нуми с силой толкнула Эверетта Л в грудь.

— Вранье. Я тренировался.

— Научи меня. Нет, серьезно. Я тоже хочу стать сильной. — Нуми взяла его руку и заставила пощупать свой бицепс. — Цыплячья коленка

— Мне нравится.

— Правда?

Из-за косметики ее глаза казались очень большими.

— Правда.

Эверетта Л забросили на Луну, переделали в киборга, превратили в секретного агента и оставили один на один с Нано, но никогда еще он не ощущал себя таким беспомощным, как сейчас на диване рядом с Нуми Вонг. Какие уроки — это было настоящее свидание!

В кафе заиграли «Little Lion Man».

— Эту я слышал, — сказал Эверетт Л.

Нуми кивала и стучала ногой в такт каждой песне.

— Нравится «Мамфорд энд Сане»?

— Я не сказал «нравится», сказал «слышал».

— А что тебе нравится?

— То, что обычно нравится парням.

И Эверетт Л пустился в долгий рассказ о группах, которые любил. О некоторых Нуми слышала впервые в жизни — в этом мире их либо не существовало, либо они давно распались. О том, за что он их любит, как слушает, слушает, слушает некоторые песни снова, снова и снова ради того незабываемого чувства, когда музыка начинает вести тебя за собой, поднимает вверх, и ты становишься равен богам. Так же и с классикой. Только кажется, будто классика — беспорядочное нагромождение нот. В самый важный момент ты начинаешь различать мелодию, и если слушаешь снова, снова и снова, она уже не кажется тебе бессмысленным набором звуков.

Стереосистема словно подключилась к его голове, потому что теперь в кафе играли те песни, о которых он говорил (не классику — это было бы слишком), а потом Эверетт Л заметил, что официант с дредами прислушивается к их разговору и ставит нужные треки. Ему было хорошо с Нуми, к которой в иные времена и в иных обстоятельствах он не осмелился бы даже приблизиться. В тепле, с чашкой горячего вьетнамского кофе (когда уже принесут вторую?), слушая, как дождь стучит в окно. Он говорил, говорил, говорил, как не говорил никогда в жизни и ни с кем в этом мире, и опомнился, только когда понял, что Нуми свернулась калачиком на диване и давно молчит. «Прости, я тебя заболтал». Она кивнула; все вы, парни, одинаковые.

Резкий вопль разрушил идиллию. Парень с дредами с криком вылетел из кухни:

— А ну, вон отсюда!

Эверетт Л увидел, как крыса прошмыгнула под диванами и выскочила под дождь, в дверь, открытую очередными посетителями.

— Чертова тварь! Простите за беспокойство. Кофе за счет заведения.

* * *

Вьетнамский кофе и воспоминания о том, как Нуми помахала ему кошачьей лапкой на прощание, вдохнули в него новые силы. На Барма-

роуд он остановился проверить Фейсбук. Тысяча двести лайков. А затем прочел последние комментарии:

«Эй, придурок, ты точно гомик!»

«Мы еще доберемся до тебя и твоей семьи, паки. Слава Британской национальной партии!»

«Можешь читать себя крутым, Эверетт Сингх, а по мне, никакой ты не крутой. Если бы на свете не осталось парней кроме тебя, я бы и тогда с тобой не пошла»

«Голкипер хренов».

«И трусы у него с барахолки».

«А его папашка сбежал в Далстон к своему голубому дружку-турку».

Эверетту Л показалось, что его с размаху ударили в живот. Он похолодел, но не от страха — от злости. Холод стал жаром, жарче, чем все тринские механизмы. Он размахнулся, чтобы швырнуть телефон в стену, разбить, растоптать, не оставить мокрого места, но вовремя одумался. Это хороший телефон, и другого у него нет. И дело не в телефонах, а в людях. В людях, которые прячутся под никами и плюются ядом. Любого из них он победил бы в честном бою, заставил бы корчиться от боли и страха. Но все его уникальные способности были бесполезны. Прикрывшись псевдонимами, эти люди говорили, что хотели, не боясь расплаты.

Этот мир был похож на Фейсбук. Несмотря на все свои таланты, Эверетт Л был бессилен против тех, кто сломал ему жизнь. Шарлотта Вильерс и ее гнусный двойник были далеко, но даже через миры дергали за ниточки. У Шарлотты Вильерс была его семья, его настоящая семья. Настоящая власть — это не лазеры и пушки. Настоящая власть — возможность манипулировать людьми.

Эверетт Л вспомнил о Нуми. О меховой шапке с ушками, которую она натянула, выйдя из кафе. О прощальном взмахе ладошкой с поджатыми, словно кошачьи коготки, пальцами. Мяу-мяу.

На душе стало теплее.

Он услышал его, как только открыл дверь. Плач. Плакал взрослый. Страшный звук. Эверетт Л заглянул в гостиную. Мама сидела на диване перед телевизором. Там шло вечернее игровое шоу. Лора притворялась, что увлечена происходящим на экране, но Эверетт Л видел, как вздрагивают ее плечи.

— Как ты?

Лора обернулась, изобразила на лице удивление:

— А, это ты, Эверетт. Как тихо ты вошел!

Эверетт Л включил свой тринский радар: ни следа Виктории-Роуз.

— А где Виктория-Роуз?

— Кормит уток с наной Брейден. — Лора взглянула на Эверетта Л, шмыгнула носом, и ее лицо просветлело. — Все в порядке, Эвви.

— Что случилось?

Он помнил, как его настоящая мама сдерживала рыдания, потому что знала, что если расплечется, то уже никогда не остановится. Помнил, как на похоронах Лора все-таки не выдержала и разрыдалась. Он стоял рядом с Колеттой, читавшей из Бхагавадгиты. Стоял и не знал, должен ли обнять маму, и если обнимет, не разрыдается ли сам. Боялся, что люди начнут перешептываться. Прилично ли четырнадцатилетнему сыну обниматься с матерью? Осудят ли его, если он так и будет стоять столбом? Эверетт Л жалел, что тогда у него не хватило духу обнять Лору. Жалел не меньше, чем о злополучном решении отца в то утро поехать в университет на велосипеде.

— Ничего, просто навалилось. Посиди со мной, Эверетт, милый.

Лора похлопала по дивану ладонью, Эверетт Л присел на краешек.

— Мне не хватает его, Эверетт. Глупо, правда? Мы давно не живем вместе, но это ощущение, что его нигде нет... Я все время спрашиваю себя, что я сделала не так?

Эверетт Л тихонько взял пульт и выключил звук телевизора.

— Это грех, но знаешь, иногда мне кажется, что лучше бы он умер. По крайней мере, я знала бы наверняка. Но думать, что его нет... был и вдруг не стало. Понимаешь, я не могу перестать надеяться. Нет ничего хуже надежды.

— Я знаю, что он жив, — сказал Эверетт Л.

— Твои слова да Богу в уши. Хотелось бы мне быть такой уверенной.

На самом деле он не знал наверняка. Шарлотта Вильерс рассказала ему все про Теджендру из этого мира: про то, как он изобрел Инфундибулум, как его похитили, как полицейские выставили его сына лжецом. Про то, как Теджендра оттолкнул сына из-под дула прыгольвера и вместо него перенесся в случайную Вселенную. Случайную — вот в чем суть. Миллионы миллионов случайностей подстерегали Теджендру в параллельных мирах. Миллионы миллионов случайностей могли погубить его. Но могли ведь и спасти!

Он подвинулся ближе к Лоре.

— А когда пропал ты... Прости, Эвви, все говорят, что не надо тебя торопить, что со временем ты сам все расскажешь. Но никто не спросил, каково тогда пришлось мне. Потерять двух близких людей, одного за другим! Ты просто пошел в гости к Рюну и не вернулся... Поневоле задашься вопросом, что ты сделала не так, если такое случилось с тобой?

— Но я же вернулся, — сказал Эверетт Л.

— Вернулся, — улыбнулась Лора.

Она положила руку ему на плечо. Он придвинулся ближе. Яркие фигуры двигались по яркому экрану.

«Вернулся? Как бы не так. Я — фальшивка. Кукушонок в чужом гнезде. Я — не твой сын и теперь даже не сын собственной матери. Порой я боюсь задумываться о том, что со мной сделали. И я знаю, как бывает, когда обычный день превращается в худший день твоей жизни. Без спросу, без предупреждения».

— А еще этот ужасный январь никак не кончится, — сказала Лора. — Эта бесконечная темень. Ты хороший мальчик, Эверетт.

«Если бы», — подумал Эверетт Л.

— Когда нана приведет Ви-Эр?

— Они еще собирались заскочить в «Макдоналдс».

— Хочешь, я что-нибудь приготовлю, а ты просто посидишь тут?

— Правда? Ты готовишь лучше меня, Эверетт.

«Мой двойник, не я».

— Сиди здесь и никуда не уходи.

По пути на кухню Эверетт снова услышал за спиной плач. «Вы мне больше не враги, — внезапно подумал он. — Лора и Виктория-Роуз. И даже ты, мой двойник, другой Эверетт».

На подоконнике сидела крыса. От неожиданности Эверетт Л отпрыгнул от холодильника. Крыса сверлила его взглядом. Он ударил по стакану. Крыса сидела на подоконнике и смотрела на него как ни в чем не бывало.

— Вот нахалка...

Эверетт Л открыл заднюю дверь и замахнулся на крысу. Та спрыгнула с подоконника и, отбежав на несколько метров, обернулась и снова уставилась на него. Эверетт Л рванулся к ней — крыса юркнула в дверь и уселась на траве, буравя его черными бусинами глазок.

— Что за ерунда? — пробормотал Эверетт Л и с воплем кинулся на крысу. Та юркнула в дверцу для кошки. Эверетт выбежал вслед за ней, но внезапно встал как вкопанный.

Крысы. В урнах, на стенах, в сломанных стиральных машинах и гниющих диванах, которые жильцы выбрасывали на помойку. В разбитых цветочных горшках и кадках, на треснувшем бетоне. Дюжины черных глазок, следящих за Эвереттом Л... Он включил тринский радар, испытывая уже знакомое чувство, будто распадаешься на части, сжал кулаки, готовясь активировать оружие. В мгновение ока серые твари исчезли, как умеют исчезать только крысы.

Он ждал под диплодоком. В огромном вестибюле гуляли сквозняки. Десять минут до закрытия, а народу хоть пруд пруди. Школьники с громадными рюкзаками толпились у сувенирного прилавка, рассматривая удивительные объекты под потолком. Кости и чучела. С потолочных балок свисал длиннорукий скелет: гиббон, решил он, или другая обезьяна, из тех, что любят раскачиваться на ветках. Если обводить пространство взглядом, непременно упруешься в диплодока — сердце главного вестибюля. Удивительно, до чего у него маленькая голова. Он снова посмотрел на часы. По громкой связи объявили, что до закрытия музея осталось пять минут. Интересно, успеют ли все посетители выйти?

Ему потребовалось собрать всю храбрость, чтобы решиться позвонить. Набрать номер университета, попросить соединить с доктором Колеттой Харт. В ожидании ответа он успел проговорить про себя заготовленное приветствие и сочинить сообщение, которое оставит на автоответчике, но, когда телефон наконец-то ответил, все заготовки вылетели из головы. Рюн запнулся и пробормотал что-то бессвязное.

— Кто это? — рявкнула Колетта Харт в трубку.

— Рюн Спинетти. Я друг Эверетта Сингха. Как и вы.

Долгая пауза

— Чего вы хотите?

— Давайте встретимся. Я хочу кое-что прояснить.

На сей раз пауза длилась еще дольше.

— Хорошо. Главный вестибюль Музея естествознания прямо перед закрытием

— Где именно? — спросил он, но Колетта Харт уже повесила трубку.

Войдя в вестибюль, Рюн понял, что задал глупый вопрос.

— Он ненастоящий, — произнес незнакомый голос. — В музеях по всему миру, по меньшей мере, дюжина таких же.

Колетта Харт. Выше и моложе, чем он воображал, но его воображение было бессильно нарисовать фиолетовые волосы.

Рокерские ботинки на толстой подошве. Она протянула руку. Рукопожатие вышло крепким.

— Ладно, Рюн, пошли отсюда. У меня сильнейшее дежа вю — сразу после Рождества мы встречались здесь с Эвереттом.

— Я знаю, вы ели суши. А еще вы дали ему флешку.

— Любишь суши?

— Очень.

В такси Колетта задала ему множество каверзных вопросов, ответить на которые был способен только близкий друг Эверетта. В кафе она попросила отдельную кабинку, и Рюну пришлось оставить обувь за раздвигающейся дверью. Он поджал большой палец, пряча дырку в носке. В кабине было тепло и тесно, и Рюн ощущал себя неловко рядом с почти незнакомой женщиной. Колетта заказала чай и копченый угорь нигири, Рюн попросил крабовые роллы.

— Ты видел то, что было на флешке? — спросила Колетта.

— Эверетт показал мне.

— Зря он это сделал.

— Параллельные миры существуют.

— Существуют, да. Ты не копировал информацию с флешки?

— Нет.

— Хорошо. Спасибо и на том.

Рюн с трудом поднес чашку к губам. Сердце колотилось, руки тряслись. Он боялся звонить, испугался, когда Колетта ответила, со страхом соврал родителям о том, куда собрался после школы. Боялся в метро, боялся, поднимаясь по ступеням Музея естествознания. Боялся в такси, в кабине с бумажными стенами. Наверное, в самом сердце страха должно быть место, где тихо и спокойно, как в центре циклона, но его не было. Страх рождал еще больший страх.

— Когда Эверетт исчез, он был в одном из параллельных миров.

— Откуда ты знаешь?

— Он сам мне сказал.

— Что именно?

— Что его отец возглавляет особый отряд, защищающий десять миров Пленитуды. Что отец на нелегальном положении, как в программе защиты свидетелей, а он, Эверетт, состоит в специальном подразделении, вроде американских «Морских котиков», только с

дирижаблем. И что он может по телефону вызвать дирижабль из другого мира, однако...

— Однако что?

— Я ему не верю.

Колетта Харт закрыла глаза и вздохнула:

— Избави нас, Господи, от любопытства юных и резвых. Рюн, зачем ты мне позвонил?

— Потому что вы работали с его отцом. Вы должны знать правду.

— Почему ты решил, что Эверетт тебе лжет?

— Не знаю.

— Как ты думаешь, я скажу тебе правду?

— Может быть.

— А если я скажу, что Эверетт не лгал?

— Ладно, однако...

— Снова «однако»! Вот заладил!

— Но есть еще сообщение!

Рюн вытащил телефон.

— «Передай маме: я в порядке. Отец в порядке», — прочла Колетта.

— Однако...

— Опять?

Принесли еще суши, свежий чай и комбучу для Рюна.

— Первый вопрос: зачем Эверетт прислал его мне, если сам появился на следующий день?

— А второй?

— Второй: когда я показал сообщение Эверетту, он сказал, что не посылал его. Затем сказал, что не помнит и вообще потерял телефон. Есть еще третий вопрос. И четвертый. Он всегда стеснялся заходить в душ, когда там кто-то есть, а теперь не стесняется. И у него все тело в странных шрамах, вроде линий, на руках и ногах. Я никогда таких не видел. И четвертое: с тех пор как он вернулся, я его не узнаю. Ведет себя, словно чужой, словно другой человек.

— Чего ты от меня хочешь, Рюн? — устало спросила Колетта.

— Я думал, вы знаете, что происходит.

— Ас чего ты взял, что можешь мне доверять? Видишь меня первый раз в жизни, соглашаешься пойти со мной в кафе. Ты ведь ничего про меня не знаешь, Рюн. Кто я, на кого работаю. А ведь я могу

оказаться очень опасной. Могу похитить тебя, убить. Кто-нибудь знает, где ты?

Голос у Колетты стал грубым и резким, как тогда по телефону. Внезапно Рюн осознал, что всю жизнь прожил среди нормальных людей: добрых, честных, надежных, и поэтому самонадеянно решил, что и остальной мир таков.

— Эверетт доверял вам, а я доверяю ему.

— Тогда я скажу тебе правду, а правда заключается в том, что если ты узнаешь ее целиком, то окажешься в смертельной опасности. Мы с отцом Эверетта состояли в группе, которая занималась поиском параллельных миров. Первый контакт мы установили с Землей-2.

— Это те, что послали сюда дрон?

— Земля-2 состоит в Федерации параллельных вселенных, называемой Пленитудой известных миров. Всего их девять, мы — десятые. Сейчас мы находимся в процессе вступления в федерацию. Это долгое, сложное дело, тут завязаны политика, дипломатия — то, в чем я не сильна и чего не люблю, но в последнее время мне приходится часто путешествовать между мирами. Ты уронил суши, Рюн.

Он и не заметил, как палочки разжались. Колетта улыбнулась:

— Можешь не верить, но сегодня утром я завтракала в кафе на Земле-7. Пленитуда переносит туда свою штаб-квартиру с Земли-3.

— Эверетт был на Земле-3! — воскликнул Рюн. — Там нет нефти и...

— И есть дирижабли, — продолжила Колетта, — прекрасные, прекрасные дирижабли. Когда ты позвонил, я только-только вернулась с Земли-7. Пленитуда сильна, но это всего лишь горстка миров посреди миллиардов миров Паноплии. Целая мультивселенная. И среди миллиардов и миллиардов миров есть те, которые угрожают как Пленитуде, так и нашему миру. Да и сама Пленитуда неоднородна, ее фракции, группы, партии преследуют собственные интересы, иные из этих партий могущественны и опасны. А есть те, кто спит и видит, как бы заполучить то, что изобрел отец Эверетта.

— Карту Паноплии.

— Инфундибулум. В плохих руках это страшное оружие. И мы не должны допустить, чтобы оно попало в плохие руки. Эверетт находится в опасности, в опасности я и его отец. И если я расскажу

тебе все, ты тоже окажешься в опасности. Чем меньше людей об этом знают, тем лучше. Чем меньше знаешь ты, тем лучше для тебя.

Нет, так нельзя! Пусть это глупо — задавать вопросы, не задумываясь, что готов услышать в ответ. Колетта просто перевела стрелки. Доверься мне, это для твоего же блага. Но это не ответ!

— Но Эверетт мой друг!

Колетта мягко накрыла своей ладонью его ладонь.

— Вот и будь ему другом. — Она крепко сжала его руку. — Не оставляй его, не тормози своими «однако». Держи свои вопросы при себе. Но будь начеку, будь ему опорой.

Принесли аккуратно сложенный счет. Колетта положила карту на лакированный поднос..

— А вы ему друг, Колетта?

Рюн прямо взглянул ей в глаза. Решиться было нелегко, но теперь он знал, что Колетте можно доверять.

— Друг, хотя он еще не знает об этом И всегда была ему другом Если заметишь в нем что-нибудь странное, звони мне. Стань моими глазами, Рюн.

Он кивнул. Колетта набрала номер.

— Вызову тебе такси. До Стоуки путь неблизкий.

— Спасибо за суши.

— Не за что.

Рюн обулся и в ожидании такси присел на скамейке у двери кафе. Колетта Харт растворилась в ночи, фиолетовая шевелюра затерялась в толпе. Колетта не сообщила ему ничего нового, но после разговора с ней Рюн наконец-то выучил урок. Если раньше он сомневался, то теперь сомнения ушли: он был крепко напуган.

* * *

Она его не слышала, не замечала. Холодный ветер с дождем хлестал по георгианским улицам и площадям Фицровии. Колетта подняла воротник и опустила голову, поэтому не увидела мужчину, вставшего из-за столика киприотского кафе напротив. Между ними было еще шестеро прохожих. Он делал вид, будто его, как и

остальных, раздражает колючий ветер в лицо, а она просто шла, смотря прямо перед собой. Она была любительницей, он — профессионалом.

Колетта свернула к Тоттенхэм-Корт-роуд, он отстал, но не выпустил ее из виду. Она вставила карту Ойстер в автомат на станции Уоррен-стрит и не заметила, не услышала, не заподозрила, что между ними всего шестеро прохожих. Он провел рукой по сканеру, и умный чип, вживленный в кончик пальца, обманул прибор и впустил его внутрь.

Дождь со снегом заметал старинные переулки и каналы Хейдена на Земле-7, и мужчина, откинувшись на спинку удобного кожаного кресла у камина, закрыл глаза, наблюдая, как его двойник в другом мире преследует Колетту Харт по темным лондонским улицам.

Шарлотта Вильерс палила по фигуркам, парящим на фоне баллонов с газом. Капитанский мостик был прямо перед ней, а на нем — ее добыча. Месть капитану Анастасии Сиксмит будет еще слаще, когда верные ей спецназовцы разнесут в клочья эти смехотворные газовые шары.

Джишу. Они не входили в ее план. Объяснение было одно: рептилии охотились за тем же трофеем. Кошмар Ибрим Ходж Керрима — миллиарды Джишу, опережающих нас в развитии на шестьдесят пять миллионов лет, и миллион открытых дверей в Пленитуду. Миры взорвутся.

В корпусе дирижабля то здесь, то там возникали дыры, которые проделывали Джишу. Неслись вопли. Ее солдаты вступили в бой и терпели поражение. Инфундибулум — единственное, что имело значение. С револьвером в руке Шарлотта Вильерс бросилась на мостик. Кто-нибудь выключит эту чертову сирену?

— Мэм, мэм, они проникают сквозь стены! — Голос Соренсен в наушниках сорвался на визг. — Они везде!

Автоматная очередь в трюме, оборвавшийся крик. Краем глаза Шарлотта Вильерс отмечала стремительные, словно в танце, выпады воинов Джишу. Господи, вот это скорость! И снова дирижабль потрянуло, а ее швырнуло на перила. Сверху со стуком упал какой-то предмет. Человеческая голова. Шарлотта Вильерс удержала рвотный позыв. Безголовое тело свисало с мостика. Нет времени. До цели всего несколько метров.

— Соренсен! — Ответом было молчание. — Зайцев! Доложите обстановку!

— Никого, кроме меня. Вырезали всех.

— Макклелланд, Акуола, Чамберс?

— Всех.

Осталось четверо. Впервые в жизни Шарлотта Вильерс ощутила холодное бессилие страха. Она не знала, что делать дальше. Но у нее нет права распускаться. Ее дело — отдавать приказы. Неважно,

хорошие или плохие, лишь бы не молчать. Шарлотта активировала переговорное устройство под подбородком

— Всем отступить на мостик, забираем Инфундибулум и убираемся из этого чертова места!

* * *

— Держу, я держу тебя!

Вспышки. Полет: газовые шары, словно полные луны; руки, обхватившие ее тело. Грохот, пальба, крики. Жесткое приземление, заставившее ее вскрикнуть от боли.

— Терпи, Сен, терпи, родная.

Дыры в обшивке. Яркий свет. Вспышки. Кто-то плакал. Она узнала собственный голос. Боль внутри и снаружи. Снаружи горел каждый миллиметр кожи, каждая мышца. Внутри словно что-то сломалось. Боль в сердце: эта полоне, Вильерс, раздавила ее как таракана. Боль была везде, единственное спасение от боли — смерть.

И снова вспышка.

— Терпи, родная, терпи, дилли доркас. Мы почти на месте.

Мир вокруг рушился. Вниз по ступенькам: боль, снова боль. Спасение в темноте, там тепло и нет боли.

— Терпи, Сен, не отключайся!

Темнота Свет. Темнота. Свет. Не хочу в темноту! Нет!

Распахнулась дверь.

— Макхинлит! Аптечку!

И снова тишина. Она заставила себя открыть глаза Обзорное окно. Щупальца. Живые машины. Сжимают, сжимают дирижабль в объятиях.

Темнота.

И снова свет, снова боль. Значит, жива. На палубе, лежит на спине. Над ней — смуглое лицо Макхинлита. Шипение спрея. Холод... и боль уходит.

— Тихо-тихо. Иисусе Кришна! Я этой сучке...

Дирижабль тряхнуло. Щупальце за спиной Макхинлита раскрылось, а в центре — кальмар.

— Что...

— Ш-ш-ш.

Выстрелы. Движение на фоне щупальцев.

— Будет маленько больно, полоне.

Рука Макхинлита на ее плече, рывок — и боль, которую не вместить целой Вселенной. И снова темнота.

Черное лицо мамы над ней.

— Солнце. Жар. Солнцежар.

— Сен, молчи! Ты серьезно ранена.

— Солнцежар. Земля-1. Черные твари...

— Капитан, — голос Макхинлита, — в прошлый раз Эверетт спас нас от этих черных мерзавцев. Сен, полоне, ты сможешь?

— Видела, как делал он.

— Нет, Сен. Макхинлит, помоги ей.

— Это наш корабль! — В голосе Макхинлита звенела ярость.

— Мистер Макхинлит, держите себя в руках! — Голос капитана обдавал ледяным холодом — Это мой корабль, и я спасу его. Но сейчас главное — моя дочь. Помогите ей, мистер Макхинлит.

Пауза, шипение.

— Есть, мэм.

Страшный удар выбросил ее из спасительной темноты. Дверь распахнулась, на мостике стояли Джишу. Палуба накренилась, дирижабль трянуло и дернуло вверх. Макхинлит кричал, мама кричала. Джишу пели. Но громче всех была темнота, и она ответила ей, позволила ей захлестнуть себя с головой.

* * *

Солдат умер прямо у нее на глазах. Бездыханное тело с грохотом рухнуло на мостик, все еще сжимая автомат. Воздух между Шарлоттой Вильерс и мертвым солдатом сгустился, словно марево, и перед ней возникли три Джишу, каждая сжимала в руке какой-то жезл. Палец одной из рептилий удлинился и протянулся к трупу. Шар на конце жезла обратился дюжиной металлических копий, копы поднялись в

воздух и вонзились в тело. Джишу согнула руку, и копья исчезли, соединившись с жезлом

Шарлотта Вильерс крепко сжимала в руке револьвер, но даже абсолютной чемпионке имперских игр по стрельбе было не под силу тягаться с тремя врагами сразу.

Время словно остановилось. Так вот как выглядит смерть. Мгновение, которое длится вечность.

Джишу направила жезл на Шарлотту Вильерс

За спиной рептилии на мостике возник Зайцев.

Все было кончено.

— Прости, — промолвила Шарлотта Вильерс. Нажимая на кнопку реле, она поймала взгляд Зайцева. Портал Гейзенберга открылся. Она взглянула в лицо человеку, которого предали, бросили на верную смерть, — и нырнула в яркий свет.

Корабль Повелительниц Солнца сделал разворот над местом падения «Эвернесс». Ошибиться было невозможно: поляну усеивали сучья и ветки, оторванные верхушки деревьев протянулись на километр от точки падения. Не было только самой «Эвернесс». Дирижабль исчез.

Из наблюдательного пузыря по левому борту воздушного катамарана Повелительниц Солнца Эверетт с ужасом смотрел вниз. «Эвернесс» пропала, словно ее и не было. Словно она переместилась, совершила прыжок.

Сен всегда наблюдала за манипуляциями Эверетта, умная и внимательная обезьянка. Ей было незачем самой рассчитывать прыжок — требовалось лишь вспомнить координаты и нажать на кнопку. Брошенные и забытые в Плоском мире.

Нет, Сен никогда бы их не бросила. Капитан Анастасия никогда не отдала бы такого приказа. Если только им не угрожала смертельная опасность и не оставалось ничего другого. «Если» — какое гадкое, скользкое словечко!

* * *

От гула в небесах древний лес содрогнулся. Шарки инстинктивно потянулся за дробовиком. «В твоём мире, — подумал Эверетт, — нет реактивных самолетов и ракет — ничего, что перемещалось бы быстрее скорости звука. Куда тебе узнать сверхзвуковой хлопок?» Спустя мгновение воздушный катамаран Повелительниц Солнца приземлился на поляне, бесшумно, словно стрекоза. Эверетт не понимал, за счет чего он держится в воздухе. Газ, крылья, реактивный двигатель? Нет. Но ведь не волшебство же, не антигравитация, что тогда? Возможно, волшебство, притворившееся наукой? Вроде машины времени или телепортации. Как бы то ни было, приземление летучей машины, которая развернулась на земле, словно оригами, впечатляло.

Нимб Кахс стал серебристо-зеленым, что выдавало возбуждение. Воздушный катамаран словно прикоснулся к земле легким поцелуем. Опустился пандус. При виде людей нимбы пилотов-Джишу ошетинились кольцом лезвий, но Кахс пропела короткую песню, и пилоты сложили руки в жесте, похожем на молитвенный, затем обернулись сначала к Кахс, потом — к Эверетту и Шарки. Американец закинул дробовик за плечо и поклонился. Эверетт, не имеющий понятия об этикете рептилий, замешкался.

— Мы полетим туда и выясним, куда делся ваш дирижабль, — сказала Кахс Джишу расступились, давая им дорогу.

«А ведь это первые взрослые Джишу, которых ты видишь», — подумал Эверетт. Кахс гордо прошествовала мимо него. Однако все эти знания есть в твоём нимбе: мудрость твоего выводка, мудрость всех Джишу.

— Бона судно, — прошептал Шарки, когда флаер поднялся в воздух. Сквозь боковой иллюминатор Эверетт видел, как застенчивые падальщики терзают труп поверженной Джишу. Вот и все, принцесса. Над деревьями флаер развернулся, переходя в полетный режим. Кахс с гордым видом уселась у прозрачного обзорного пузыря по правому борту. В центре, где сходились корпуса воздушного катамарана, пилоты водили руками над висящей в воздухе проекцией леса. Легкое движение запястьем — и катамаран безо всякого усилия взмыл над местом падения «Эвернесс».

* * *

— «Ибо ты — чужеземец и пришел сюда из своего места», — прошептал Шарки.

Эверетт смотрел прямо перед собой. Он не знал, что делать. Ни одной стоящей идеи. Его интеллект изменил ему.

Пилот Джишу что-то пропела. Кахс сидела в другом отсеке, но Эверетт и Шарки отлично ее слышали.

— Мы засекли четыре объекта. Три воздушных судна принадлежат Королевам генов, четвертый — дирижабль.

— «Эвернесс», — выдохнул Эверетт.

Их не бросили! Дирижабль никуда не переместился вместе с теми, кто был ему дорог. Их взяли в плен Королевы генов, но с этим мы как-нибудь разберемся. От облегчения у него закружилась голова.

Услыхав его шепот, Кахс подняла голову. Эверетт не узнавал ее. Физически это была Кахс, минус нескольких сантиметров хохолка, плюс новые боевые шрамы. Но она стала другой. Так бывало с его школьными приятелями после драки. Словно насилие пятнало их кожу, меняло их природу.

— Значит, летим за ними и обрушим праведный гнев на их чешуйчатые задницы. Прошу прощения, мэм, пардон, ваше высочество, — сказал Шарки.

— Мы летим на императорской прогулочной яхте, — возразила Кахс, — а они на боевых крейсерах. Да они нас в клочья искромсают!

— Но мы не можем бросить своих! — воскликнул Эверетт.

Хохолок пилота тревожно приподнялся.

— Мы их не бросим, обещаю. Ради тебя, Эверетт, — сказала Кахс. — Если бы не ты, я никогда бы не стала принцессой, а лежала бы сейчас мертвая в лесу.

Кахс подняла ладони. По ее жесту палуба разошлась, и оттуда показались механические руки. Они помогли Кахс облачиться в богато украшенную тунику и тяжелое ожерелье из драгоценных камней.

— Одежда для женщины — всё, — важно заявила Кахс, восхищенно разглядывая себя. — Я должна предстать перед моей матерью в надлежащем виде.

* * *

Лица Джишу. Их ноздри раздувались, веки перемаргивали. Так близко, что можно щекой почувствовать дыхание, ощутить на языке сладкий мускусный вкус. Сен вскрикнула и рванулась вверх, молотя руками по воздуху. Джишу отпрянули, тревожно засвистели.

— Тихо, тихо.

Руки на ее плечах. Пульсирующая боль. Сен вспомнила, как Макхинлит взял ее за плечо, не переставая бубнить проклятия, адресованные Шарлотте Вильерс. «Будет маленько больно, полоне».

Он сделал что-то с ее плечом, а потом Сен провалилась в блаженную тишину, где не было боли. Она повредила плечо? Нет, не она, эта полоне, Вильерс. Сен ощущала себя раздавленной, нечистой. Чужие руки вышибли дух из ее тела.

Средняя Джишу опустила жезл к лицу Сен.

— А ну-ка убери эту чертову штуку от моей маленькой полоне! — рявкнул Макхинлит, брызгая слюной.

— Тихо, тихо.

Мамин голос.

На конце жезла светилась янтарная сфера размером с кулак. Сфера коснулась ее лба, и Сен увидела...

Города-леса. Небоскребы из живых деревьев. Фабрики, летающие объекты, наполовину живые, наполовину механические. Деревянные храмы извергали потоки воды и мальков Джишу. В степях паслись птеродактили размером с дома. Живые океанские волны. Живые облака. В голове Сен пели и трубили миллионы голосов.

Джишу отвела янтарную сферу от ее лба. Песня замерла.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросила Джишу, которая стояла в центре.

— Хорошо? — взорвался Макхинлит. — Если не считать сломанных ребер, внутреннего кровоизлияния, вывихнутого плеча и контузии. Лучше не бывает!

Джишу не удостоила его ответом.

— Вы украли мой язык! — воскликнула Сен, вспомнив Кахс — Это напоминает мне... — Сен запнулась.

— Кого? — Джишу склонила голову набок. Вылитая Кахс!

— Волшебство, — закончила Сен, краем глаза заметив усмешку на губах матери.

— Я — Джекашек Раштим Бешешкек, — сказала средняя Джишу. Сен узнала свой голос, манеру, акцент. — Это Деддешрен Шевейямат Бешешкек. — Джишу, стоявшая справа, сжала пальцы и наклонила голову. — И Келакавака Хинрейю Бешешкек. — Левая Джишу повторила жест правой. — Вы находитесь под защитой ее высочайшеи маркизы Хархада. Не дергайся, полоне.

Три Джишу провели жезлами вдоль тела Сен. Их разговор напоминал птичье воркованье.

— Твоя ДНК для нас чужая, — сказала Джекашек. — Мы не сумеем исправить все.

— Мам? — хныкнула Сен.

— Что вы намерены делать? — спросила капитан Анастасия.

— Мы ее вылечим, — ответила Джекашек, переморгнув.

Сферы на концах жезлов обратились золотистой пылью и ручейками яркого света стекли на лицо Сен.

— Что? Нет...

Пылинки забились в нос и в уши. Сен моргнула — пыльца скользнула в слезные протоки. Сглотнула — и вот уже першит в горле. Пыльца устремилась в желудок. Мгновенная паника — и внезапно боль исчезла. Волны тепла омывали ее тело, словно рябь от камней, брошенных в ручей.

— Ах, — простонала Сен.

Вниз, через легкие, живот, бедра, ступни. Вверх, к сердцу, наполняя жаром каждый клапан, словно в паровом двигателе. В горло, как теплая ракия из фляжки Шарки во время перелетов над студеной Балтикой. В руки, рождая силу в каждой мышце. Пальцы покалывало, словно Сен играла на рояле. Спазмы сотрясали ее тело. А затем золотистые ручейки втянулись в янтарные сферы на концах жезлов.

Голова кружилась, словно у пьяной. Боль исчезла, совсем. Шатаясь, она встала. Капитан Анастасия поддержала дочь за плечо.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да — Сен ощущала слабость и тошноту. — Нет! — Кашель пришел из глубины легких, рвотный спазм вытолкнул наружу комок жуткого вида мокроты.

— Черная! — воскликнула Сен, ужаснувшись тому, что шлепнулось на палубу ей под ноги.

— И кто теперь будет это убирать? — возмутился Макхинлит.

— Твоя респираторная система была забита копотью, — сказала Джекашек.

Годы путешествий через дымовое кольцо, опоясывающее Лондон, не прошли даром. Смог, копоть, дым и пар. Сен сглотнула, сглотнула еще раз.

— Я чувствую воздух на вкус! — Она облизала губы. — Бона! Какой чистый! Теперь я понимаю, почему Эверетт все время кашляет.

— Мы также нашли врожденную деформацию в одном из твоих сердечных клапанов, — сказала Джекашек. — Этот дефект в будущем сократил бы твою жизнь. Мы починили клапан. Однако есть еще дефект, который мы не стали трогать: дисбаланс дофамина, норэпинефрина и серотонина в мозге, вызывающий иррациональное поведение. Это связано с влечением и привязанностью к особи противоположного пола. Его зовут Эверетт Сингх. Если хочешь, мы избавим тебя от этого нарушения.

Что там они болтают про ее сердце и про Эверетта? Неважно: за окном было на что посмотреть!

Сен прижалась к стеклу. «Эвернесс» покоилась в объятиях трех огромных летающих механизмов — первым на ум приходило слово «машины», но для машин они двигались слишком живо и грациозно. Гигантские усики, снабженные присосками, крепко сжимали дирижабль. Картинки замелькали перед мысленным взором Сен: щупальца извивались в громадном чане с черной маслянистой жидкостью. Королевы генов строили машины, наполовину живые, наполовину механические. В голове Сен раздавались крики: щупальца извивались от боли. «Тебе больно?» спросила Сен, разглядывая громадные бронированные члены летающей машины.

Каждый день, каждый час, каждую минуту. Боль никогда не уходит.

Сен и сама ощущала ноющую боль в том месте, куда медицинские технологии Джишу не добрались. Зато туда добралась Шарлотта Вильерс со своим железным кулаком. Ты — ничто, пустое место, и я могу растереть в пыль тебя, ничтожную козявку.

Сен знала, что эта рана никогда не затянется. И будет пылать каждый день, каждый час, каждую минуту. «Пока я не вырву из груди твое поганое сердце, — прошептала Сен. — И знай, полоне, это амрийя».

Города без конца и края.

Загипнотизированный видами, Эверетт утратил всякое представление о пространстве и времени. Из иллюминаторов «Эвернесс», застрявшей в кронах деревьев, он не видел кромки леса и лишь теперь понимал, что Ясли — всего лишь парк, точнее, сквер посреди бесконечных равнин, башен из стекла и металла и громадных пирамид размером с земные города, таких высоких, что их вершины терялись в облаках. Сотни флаеров проносились в небе, подобно комариным роям. На диске Алдерсона могли поместиться триллионы городов, и все равно места было хоть отбавляй.

Императорская яхта неслась на сверхзвуковой скорости, фермы сменялись башнями, башни — городами-пирамидами, и начинало казаться, что они не летят, а стоят на месте.

Никогда еще он не чувствовал себя так далеко от дома.

— Забавно. Примерно как чирей в заднице.

Эверетт не расслышал, как подошел Шарки. Для своего роста американец был легок на ногу. Шарки пришлось покинуть место в углу, где команда яхты устроила туалет. Джишу не разделяли присущей людям стыдливости при отправлении естественных надобностей. Главное — гигиена, а что процесс происходит на виду у капитанского мостика, никого не волновало. Кроме Эверетта. Волновало его и то, чем их собираются кормить. Все вокруг вызывало тревогу и страх.

— Думаю, они используют электромагнитные силы, — сказал Эверетт. — С точки зрения аэродинамики эта штука ничем не лучше кирпича, но откуда тогда берется скорость? Мы движемся быстрее скорости звука, но совсем ее не ощущаем. Должно быть, это что-то вокруг нас, что-то невидимое делает нас более обтекаемыми. Силовые поля? Может быть, они используют их для полета или как магниты, если у них есть сверхпроводящие магниты комнатной температуры. Стало быть, магнитная левитация, а если они создали сверхпроводящую сеть под всем Плоским миром... — Эверетт запнулся. — Я говорю слишком быстро?

— И слишком много.

Он вспомнил слова капитана Анастасии: «Не пытайся все объяснить». Эверетт знал за собой этот грех: когда он испытывал страх, его рот не закрывался, его захлестывали идеи, ибо только в мире науки Эверетт ощущал себя в безопасности.

— Прости, как-то навалилось... Капитан, Сен, отец. Мне кажется, я должен что-то делать, но я не знаю что. Я не знаю, что делать, Шарки.

— Может быть, стоит расслабиться и позволить другим вытащить тебя из беды? Сен, Макхинлит, капитан — с ними Джишу еще наживут себе неприятностей. Все образуется, Эверетт. Капитан за всем присмотрит. Лучше давай расскажу тебе одну байку. Я уже упоминал, что я — нечестивый шестой сын шестого сына. Есть такое южное суеверие: если седьмой сын седьмого сына — ангел во плоти, то шестой сын шестого рожден для зла, а шестому сыну шестого сына шестого сына, буде таковой родится, суждено стать антихристом.

— Число зверя, — кивнул Эверетт.

— Верно, мистер Сингх. «Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть». Таково слово Божие. И хотя его завет не сходит с моих уст, живу я не по слову Господа, да и вера моя не слишком крепка. В Стамбуле капитан подобрала меня в Эминёню, на самом дне. Мою голову оценивали в пять тысяч османских лир. Дивный город Стамбул, пуп земли, но жди беды, когда в каждой ладони спрятан кинжал. У меня был контракт с Высокой портой, дельце из тех, что поручают иностранцу, а после тайно вывозят его из страны. Только мой наниматель решил, что дешевле будет отплатить мне той же монетой. В узком переулке Султанахамета убийцы подошли ко мне очень близко. К счастью, я был начеку. Один из них нашел могилу в заливе Золотой Рог. Господь милостив, но я понимал, что мое везение кончилось. Я переправился в Хайдарпашу — видел бы ты дирижабли, парящие над азиатской стороной Босфора в золотистом закатном мареве! На свете нет более величественного зрелища! Не обижайся, Эверетт, но твой мир, насколько я успел заметить, довольно уныл. Блеклый, лишенный красок, страстей. Капитан поняла, кто я такой, стоило мне войти в бар, но ничего не сказала. Даже виду не подала. Я знал, что она ищет мастера-весовщика, а я немало поработал на линии

Атланта — Мехико. Она взвесила меня, как я в свое время взвесил вас, сэр. И когда мы отчалили и поплыли над мечетями, минаретами и зимним Босфором, я заплакал, мистер Сингх. Я плакал, как ребенок. Плакал, как взрослый мужчина. Что-то раздирало меня изнутри, я был удручен тем, что совершил, удручен тем кем стал за эти годы. Я плакал, как маленький ребенок, Эверетт. Дирижабль стал моей новой семьей. Вот только турки, мои бывшие наниматели, не прощают долгов. Я успел пересечь Балтику дюжину раз, побывал во всех трех Америках, Исландии, Санкт-Петербурге, старушке Верхней Дойчландии. Я привык к своей лэтти и к таверне «Небесные рыцари», стал ленив... и пропустил удар. Откуда мне было знать! Кинжал прошел в дюйме от моих почек, когда капитан бросилась мне на помощь. Она сражалась как львица, сэр, как истинная львица! Их было четверо, я валялся на полу в луже крови, а она в одиночку разделала их под орех! Все было кончено к приходу Макхинлита, а он, сам знаешь, если его хорошенько накрутить, бывает малость не в себе. Иногда нам это на руку, иногда работает против нас.

— У нас сказали бы, что Макхинлит не умеет держать себя в руках, — сказал Эверетт. — У него нервы не в порядке.

— Зато в порядке мозги, — ответил Шарки. — Я встал, вытер кровь, и снова капитан не сказала ни слова. Даже не спросила, за что молодчики с кривыми кинжалами хотели выпустить мне кишки. Она знала, знала с самой первой минуты в баре «Хезарфен Челеби»! Может быть, поэтому и взяла меня на корабль. У капитана слабость к бродягам.

Эверетт вздрогнул, вспомнив, как отплатил капитану Анастасии за ее доброту.

— Сам посуди, Сен, Макхинлит — он был механиком задолго до моего прихода, — потом я.

— Да, помню, Макхинлит говорил, что служил во флоте, — кивнул Эверетт. — Механиком на «Королевском дубе». А почему он ушел?

— Любовь, что ж еще, — ответил Шарки. — Во флоте Его величества таких отношений не поощряют, впрочем, их не жалуют и в Писании. Ему предложили выбор: отказаться от любви или уйти. Он выбрал любовь.

— А почему на флоте...

— Соображай, Эверетт.

— А.. — Наконец-то до Эверетта дошло. — О...

— Мы — корабль потерянных душ, — промолвил Шарки. — Все в каком-то смысле сироты: и оми, и полоне. Даже капитан. Она своими глазами видела, как ее дирижабль сгорел в небе.

— Анни рассказывала мне про «Фэйрчайдд».

— Она до сих пор видит, как он горит. У капитана амрийя: не отказывать тому, кто попросит о помощи. Она не отвергла меня, хотя знала, что я худший из грешников, лжец и наемный убийца. Она не отвергла тебя. Тебе необязательно быть хорошим, чтобы заслужить ее расположение.

— Макхинлит, — промолвил Эверетт. — Я и подумать не мог...

— А ты и впрямь много болтаешь, Эверетт, — сказал Шарки. — Порой лучше помолчать. «Время раздирать и время сшивать; время молчать и время говорить».

Но порой молчать слишком страшно! Ты замолкаешь, и память услужливо подсказывает: вот он бросает Кахс дробовик, вот драка двух рептилий становится смертным боем. «Эвернесс» врежется в лесной полог, ломая ветки, протыкая обшивку. Генерал со всей силы, как взрослого, ударяет его в живот. Он сжигает Имперский университет, упиваясь безграничной властью. Смотрит в лицо другого Теджендры, а щупальца Нано протыкают его насквозь, и то, что происходит у него на глазах, хуже смерти. Его двойник, анти-Эверетт, стоит на снегу кладбища Эбни-Парк. Отец выталкивает его из-под прицела прыгольвера, последний взгляд — и отец исчезает. Одно цепляется за другое, нет времени, чтобы осмыслить то, что происходит, ты просто отражаешь очередной удар. Потеря за потерей, боль за болью.

— Как же я все это ненавижу!

А еще есть время говорить. Джишу подняла голову от штурвала и переморгнула. Кахс в роскошном одеянии принцессы обернулась.

— Я хочу, чтобы отец вернулся! Чтобы вернулись Сен, и капитан, и дирижабль! Чтобы никто не угрожал маме и Виктории-Роуз. Хочу домой. Я ни о чем таком не просил! Я просто искал отца! Я не просил его давать мне Инфундибулум, строить портал Гейзенберга и открывать... всех. Я отлично прожил бы без вас! Я устал, не знаю, что делать. Мне страшно! Все время, каждый день, каждое мгновение.

Каждое утро я счастлив только первые две секунды после пробуждения, а потом на меня обрушивается все это! Я так устал бояться!

— И я, Эверетт, — промолвил Шарки. — И я.

Все слова были сказаны. Краем глаза Эверетт увидел, как Шарки сжал губы, а взгляд американца потяжелел. Сомнений быть не могло: их ждало новое испытание! Эверетт проследил за взглядом американца, и его сердце упало.

Огромный черный овал висел над бескрайними городами. Их воздушный катамаран неся прямо к нему. По мере приближения овал превращался в круг, черную дыру в ткани мира. Эверетт скрестил пальцы и приложил к стеклу. Двадцать — двадцать пять километров в ширину.

Нет, не дыра в ткани мира — дыра сквозь мир, от одной стороны диска Алдерсона до другой!

Воздушный катамаран принялся петлять между городами-пирамидами. Черная дыра впереди была похожа на грозовой фронт, выползающий из глубин мира. А потом катамаран завернул за его край и устремился вниз. Эверетт припал к иллюминатору. Они неслись с ошеломляющей, сводящей с ума скоростью. Под ногами мелькали стены, усеянные балконами и террасами, галереями и окнами. Солнечный луч медленно скользил по стенам, внизу зияла темнота — Эверетт видел ночное небо на другой стороне диска. Во тьме, посередине цилиндра бушевала гроза. Молнии сходились вокруг чего-то огромного в самом центре цилиндра. Объект напоминал плывущую гору. Другая гора, перевернутая вверх тормашками, соединялась с первой основанием. Плывущая двойная гора из снов безумного средневекового зодчего: при вспышках молний Эверетт различал фантастические башни, парящие арки и контрфорсы, шпили и минареты, торчащие над бездной. Готический замок шириной в километр, висящий в центре неугасающей грозы.

— Это какой-то «Warhammer», — выдохнул Эверетт.

Шарки кивнул, хотя название игры было для него пустым звуком. Их объединяли изумление и ужас. Лицо американца озарили молнии. Все на катамаране ощущали страх. Страх делал их равными, страх роднил. Катамаран со свистом рушился в бездонную бездну. Эверетту казалось, что он перестал ощущать силу тяжести. Так и есть! Как и в

центре Земли, в центре бездны массы уравнивались. Мрачный готический замок парил в свободном падении.

Катамаран обогнул тончайшие, словно сотканые из паутины, зубцы башен. Эверетт посмотрел на Кахс. Ее лицо в свете молний казалось ему незнакомым. «Все это так же ново для тебя, как и для меня, — догадался он. — Нимб дает тебе знания, но бессилён поделить опытом. Перед тобой твой новый дом».

Узкие, словно лезвия ножа, мосты соединяли замок со стенами цилиндра. Катамаран закладывал петли вокруг. Эверетт и Кахс прильнули к стеклу, жадно всматриваясь в иллюминаторы и понимая, что у мостов нет перил. Впрочем, никакой опасности не было: гравитация подхватит упавшего и будет подталкивать вверх и вниз, как Солнце в центре Плоского мира, пока не опустит туда, откуда он упал.

Катамаран резко ушел вверх и пришвартовался к узкой каменной опоре, протянувшейся через бездну. Спускаясь по трапу, Эверетт сдуру взглянул под ноги. Далеко-далеко внизу темнота была усеяна звездами. Рука Шарки опустилась ему на плечо.

— Осторожнее, мистер Сингх.

Дворцовая охрана — алые хохолки и нимбы — расступилась, приветствуя принцессу Кахахахахас. Кахс повернулась и совсем человечески поманила Эверетта и Шарки за собой.

— Слова из какой песни ты цитировал, когда мы спускались в бездну, кишащую Нано? — спросил Шарки.

Эверетт вспомнил не сразу.

— «Вперед, вперед, с надеждой в сердце, и никогда не будешь одинок».

Стражники выстроились вдоль крутого спуска к сияющим воротам.

— Напомни мне их еще раз.

* * *

Сен отхлебнула из кружки и невольно поморщилась.

— Слишком много чили, — вздохнула капитан Анастасия. — Угадала?

— Да нет, все нормально, мам.

— Только Эверетт умеет варить фирменный Эвереттов шоколад.

Сен примостилась на откидном сиденье в капитанской лэtti. Прошло уже немало времени с тех пор, как капитан Анастасия ответила на условный стук в дверь, означавший на палари: есть разговор.

— Нет! — Сен подняла палец. — Правило номер один!

Правило номер один гласило: никаких оми. Чисто женский разговор. Сен отодвинула кружку.

— Мой шоколад не так уж плох, — сказала капитан Анастасия.

— Да., нет... возможно. Да не знаю я! — выпалила Сен, заерзав на узком сиденье. — Почему мы сидим и пьем шоколад, когда эти чешуйчатые полоне захватили дирижабль, продырявили корпус и тащат нас неизвестно куда? Я помню, ни слова про оми, но Эверетт и Шарки понятия не имеют, где мы, и нам нужно срочно что-нибудь делать!

— Например? — Капитан Анастасия отхлебнула из кружки.

— Откуда мне знать? Что-нибудь. Ты у нас голова, ты за все отвечаешь. Как в тот раз, в Тромсо.

Снежный буран, пришедший со стороны Свальбарда и Земли царя Александра, вырубил воздушное сообщение от Нарвика до Хельсингера. И как раз в это время в Санкт-Петербурге вспыхнули беспорядки среди чухонцев. Команда «Эвернесс» — маленькой нахалке Сен только что исполнилось десять — залегла на дно и попивала горячий пунш, пока пулеметные очереди разносились над деревянными избами Тромсо.

Спустя пять дней к капитану Анастасии заявили потрепанные окровавленные сепаратисты, умолявшие вывезти их в Англию. Повстанцы обещали заплатить золотом. Тогда мастером-весовщиком был Роберто Хеннинджер. Он и Макхинлит были против и с пеной у рта отстаивали свою правоту, но капитан Анастасия знала о свирепости царских казаков.

На шестой день буран сместился в сторону Верхней Дойчландии, и «Эвернесс» взяла курс на запад, но была немедленно остановлена боевой императорской флотилией. Они перевернули дирижабль вверх дном, не тронули только цистерны с балластом, куда капитан

Анастасия засунула безбилетников, выдав каждому по воздушному шлангу для дыхания.

— Да, переохлаждения не избежать, — сказала им капитан. — Выбирайте: предпочтете переохладиться в моих цистернах с балластом или в сибирских лагерях?

Всю дорогу до Англии мятежники пытались согреться. Капитан Анастасия высадила их на побережье страны англов, подальше от глаз таможенников, и забрала свое золото.

— Аэриш везучие. Если бы тот казачий капитан смотрел не вверх, а под ноги...

— Что мешает нам придумать такой же хитроумный план? Мы должны дать им отпор. Их всего три!

— Плюс три полных корабля.

В лэтти было темно хоть глаз коли — иллюминатор закрывало металлическое щупальце. Три воздушных кальмара цепко сжимали дирижабль в объятиях. Капитан Анастасия всякий раз морщилась, когда щупальца скрежетали, царапая ее легкокрылую ласточку, ее «Эвернесс».

— Ты не видела, что сделали Джишу с теми кьяппами, а я видела. Они не продержались и двух секунд.

Рептилии аккуратно убрали останки спецназовцев. На опыты, решила капитан Анастасия. Дирижабль провонял кровью, и запах выветрится не скоро.

— Но мы не можем просто сидеть! — объявила Сен.

— А мы не просто сидим, а пьем шоколад и ведем беседу.

Сен недовольно заерзала на сиденье.

— Не понимаю! Капитан Анастасия Сиксмит, моя мама...

— Сен, — резко прервала ее капитан Анастасия, — ты забываешься.

— Прости, но...

— Говори.

Капитан Анастасия прекрасно знала свою приемную дочь: нужно лишь надавить на правильную точку, и откровения польются рекой.

— Видишь ли, мам, эти Джишу, они не только вытащили из меня палари, они словно вложили в меня...

— Что? — Глаза капитана Анастасии округлились.

Сен в страхе отпрянула. До сих пор ей довелось трижды видеть приемную мать в гневе, и зрелище наполнило Сен восхищением и ужасом. Это была пробуждающаяся стихия: львица, выпускающая когти.

— Прости, прости, я неудачно выразилась, я не хотела тебя пугать!

— Если они навредили тебе, я отыщу их в любой Вселенной...

— Нет, они не сделали мне ничего плохого, правда! Это было похоже на поток в обе стороны. Они получили что-то от меня, а я — от них. Я кое-что видела, мам.

— Что?

— Сражения. Они сражаются, только успев вылупиться. Их миллионы, а выживает одна или две. Но это еще не всё. Тут всем заправляют большие семейства. Как Бромли в Хакни. Их шесть, забыла их имена — Сен закрыла глаза — Нет, не помню. Но я их видела — Сен потеряла лоб. — Сейчас. Океаны, такие громадные, что никто никогда их не переплывал. Одни управляют бурями. Живые города. Поля без конца и края. Другие изменяют траекторию астероидов и взрывают планеты, третьи управляют Солнцем. Если ты управляешь Солнцем, ты управляешь всем. Я видела их, и они без конца сражались! Видела города, ставшие золой; поля, выжженные дотла; волны высотой в тысячу футов. Они поворачивают реки, и целые океаны исчезают. Они срывают с орбит камни размером с города. Я слышала, как целый мир гудит, словно кимвал. Солнце... я видела, как Солнце зависло над одной стороной диска, и на другой ночь длилась сотни лет. Мам, они ведут тысячи, миллионы войн!

Сен умолкла, ее лицо было белым как мел.

— Тебе плохо? — спросила капитан Анастасия.

— Нет, все бона. Просто это было так живо и ярко! Мам, когда динозавры вымерли у нас?

— Шестьдесят — семьдесят миллионов лет назад, — ответила капитан Анастасия. — Можно уточнить, у Макхинлита есть компутатор...

— Шестьдесят, семьдесят, неважно. Пойми, это чистое безумие! Рептилии опередили нас на миллионы лет, поэтому плоских миров могла бы быть сотня, а не один. Они не остановились бы, пока не захватили все девять, нет, десять миров! Как нас называет Кахс?

Приматами. Едва ли она шутит. Джишу могли стать божествами, но не стали. Почему?

Сен не сводила взгляда с приемной матери, словно желая телепатически передать ей свою мысль.

— Войны всякий раз отбрасывали их назад, — ответила капитан Анастасия.

— Они создают этот мир, а затем разрушают его до основания. Их планета слишком велика, всегда кто-нибудь выживет и выползет из нор, и все начинается сначала. Главное, успеть первыми. Мне кажется, племя Кахс...

— Повелительницы Солнца, — перебила капитан Анастасия.

— Повелительницы Солнца воюют против всех. В последний раз они едва не уничтожили на планете все живое, включая самих себя. И теперь мир висит на волоске, любая случайность может нарушить равновесие.

— Например, случайный дирижабль, — сказала капитан Анастасия.

Сен кивнула.

— Не хотела бы я оказаться на пути у молодчиков, которые швыряются астероидами и гасят Солнце, — начала капитан Анастасия, — но, с другой стороны...

— У нас появляется шанс — закончила Сен.

— Поражение Повелительниц Солнца может стать шансом для аэриш, — продолжила капитан. — Покажем им, на что способны приматы.

— И пусть Эверетт не думает, что он один такой умный, — воскликнула Сен и тут же хлопнула себя по губам — Первое правило!

* * *

Вокруг были только Повелительницы Солнца. Они щебетали, будто птичий вольтер. Сверкающие нимбы тысяч цветов и оттенков.

Когда Кахс и ее гости вошли, все головы повернулись к ним. Словно волна прошла по громадному залу, нимбы вспыхнули, изучая

странных новых существ. Щебет стих. В дальнем конце зала что-то шевельнулось в ярком свете, исходявшем от трона.

Эверетт чувствовал, что все глаза направлены на него. Он выпрямился, подтянул мышцы живота, сжал ягодицы. И неважно, что на нем была грязная, засаленная футболка с оторванными рукавами. Рядом с ним Шарки набрал воздуха в грудь. Главное — держаться с достоинством.

— Подойдите, — раздался голос, который шел отовсюду. Когтистая лапа в сиянии трона поманила их.

— Уже выучила палари, — бодро заметил Шарки. — Теперь держи ухо востро.

Эверетт и Шарки шли вслед за Кахс. Двигаться неспешно и с достоинством в условиях слабой гравитации оказалось непросто, но Эверетт пытался идти в ногу с Шарки. Зал приемов походил на громадную половину яйца. Такая архитектура невозможна на планете с более сильной гравитацией. Звезды и созвездия терялись на потолке, так высоко, что выглядели настоящими. Сияющий трон занимал острую оконечность яйца. Он и впрямь сиял. Эверетту пришлось прищуриться, чтобы разглядеть длинные шипастые выступы, словно стеклянные пушинки чертополоха. Трон завис над полом. Темный силуэт на троне, казалось, не принадлежал рептилии.

— Люк Скайуокер и Хан Соло, — шепнул Эверетт Шарки. Они успели пройти половину пути, и с каждым шагом уверенность Эверетта в себе возрастала. — Пришли за наградой после того, как взорвали «Звезду смерти».

— Если тебе так спокойнее, притворимся, что я оценил соль шутки, — прошептал Шарки в ответ.

Вслед им с обеих сторон несли шипящий шепот.

— Мои сестры ревнуют, — объяснила Кахс — В Колесе мира такого не случалось десять тысяч дней.

— Так много принцесс, — прошептал Эверетт Шарки.

— Принцесс всегда много, — ответил американец. — Одна из проблем монархий. Можешь мне поверить, я знавал некоторых близко. Очень близко. В ветхозаветном смысле, саби? И все до единой бесприданницы. Забавно.

— А где мужчины? — спросил Эверетт. — Ты заметил хотя бы одного?

— Видишь юрких мини-Джишу, которые вертятся под ногами?

Эверетт давно смотрел на изысканно одетых миниатюрных рептилий ростом до колена, которые прятались под вышитыми юбками, перемаргивая огромными веками на чужаков.

— Я решил, это их домашние животные.

— А я так уверен, что это местные оми. Зачем много парней, если требуется всего лишь sprysnut' кладку? Этот мир принадлежит женщинам.

Сияние, исходившее от трона, блекло с каждым шагом. Теперь Эверетт смог разглядеть Императрицу. Она была наполовину выше Кахс и гораздо мускулистее. Крошечные чешуйки на бицепсах, бедрах и животе жирно поблескивали, под кожей играли рельефные мышцы. Хохолок, словно радужные дреды, ниспадал до середины спины, изогнутые боевые когти покрывала скань. Во лбу Императрицы сияли самоцветы и золотые цепи, инкрустированные в кожу. Эверетт не сразу сообразил, что нимбом Императрицы служит ее трон, некогда поглотивший нимбы менее удачливых соперниц. Кахс говорила, что Джишу не живут долго, но императорский род очень древний. Нимб к нимбу, память к памяти, жизнь к жизни. Миллионы жизней. Настоящий трон должен быть размером с замок. Возможно, так оно и есть.

— Выше голову, мистер Сингх, — промолвил Шарки, заметив, как с каждым шагом его напарника покидает мужество.

Императрица наклонилась и раздула ноздри. Эверетт набрал воздух в легкие, позволяя кислороду разнестись по венам, воспламенить их, наполнить энергией. Обычно он делал так перед матчем, на пути от раздевалки к воротам.

— Мать Божия и святой Пио, — прошептал Эверетт старинное семейное проклятие и боевой клич Шарки.

— Помните о манерах, сэр. — Шарки расправил перо на шляпе. — Позвольте говорить мне, это мой хлеб. Немного старомодной южной галантности смягчит любое сердце.

— Вам приходилось бывать на пенджабской свадьбе, мистер Шарки? — спросил Эверетт.

— Вы ставите меня в неловкое положение, сэр.

— Тогда скажу по-другому: вы тут не единственный, кто разбирается в старомодной галантности.

Эверетт замер перед парящим в воздухе тронном. Императрица Солнца смотрела на него из самого сердца сияющих лучей. Все его мелкие уловки для придания себе храбрости улетучились под этим вопрошающим взглядом. Эверетту захотелось повернуться и бежать куда глаза глядят, главное — подальше отсюда. Это существо заставляло Солнце плясать под свою дудку. Никогда еще Эверетт не ощущал себя до такой степени млекопитающим. Маленьким трусливым мальчишкой. Он выпрямил спину, сложил ладони в намасте и коротко кивнул. Шарки взмахнул шляпой и отвесил театральный поклон.

— Ваше величество, Майлз О'Рейли Лафайетт Шарки к вашим услугам, — продекламировал американец.

— Эверетт Сингх, вратарь, математик, путешественник, странник между мирами, — произнес Эверетт, повторяя формулу, придуманную однажды при знакомстве с американцем, когда тот собирался выбросить его за борт дирижабля.

Императрица не шелохнулась. Довольно долгое время она не произносила ни слова «Я понимаю твою тактику, — подумал Эверетт. — Хочешь, чтобы мы ощутили себя мелкими визгливыми приматами. Должен признаться, у тебя получается».

Огромный зал приемов замер в молчании. Ни звука, ни шороха когтя по блестящему гладкому полу.

Императрица Солнца переморгнула.

— Добро пожаловать, странник между мирами. Я — Гапата Хархаввад Эксто Кадкайе. Добро пожаловать в мои земли, владения и города.

Слабый тонкий голос Императрицы показался Эверетту пугающе знакомым.

— Вы проделали долгий путь. Насладитесь же гостеприимством Повелительниц Солнца!

Императрица говорила голосом его матери. Эверетт не знал, что расстраивало его больше: то, что Императрица похитила дорогие его сердцу воспоминания, или то, что он не сразу узнал голос Лоры. Так или иначе, ничего отвратительнее ему слышать не приходилось.

— Дочь рассказала мне о вас — Кожа Кахс вспыхнула нежно-бирюзовым, хохолок побагровел. — Когда зонд проник сюда из другого мира, мы поняли, что скоро за ним последуете вы. И вы

появились, неся дар, о котором Правительницы Солнца и не мечтали. Мы ценим дары. Обмениваясь дарами, идеями, заложниками и членами семьи, мы демонстрируем свою культуру, не так ли? А равно признательность и добрую волю.

Голос Эверетта был холоден, словно ледяная глыба в его сердце:

— Я знаю, чего вы хотите. — Краем глаза он заметил кивок Шарки: смелее. — Вы хотите, чтобы мы отдали вам Инфундибулум.

— «Хотеть» — слишком нейтральное слово, — промолвила Императрица, и у Эверетта похолодело внутри — таким тоном Лора пользовалась, когда злилась и хотела, чтобы Эверетт это знал. На миг боль заслонила гнев. — В ответ на нашу доброту мы рассчитываем получить от вас дар. Вознаграждение. Королевы генов — грубые неотесанные создания, ни манер, ни культуры, но они уважают закон. Они заявили права на вас и ваш корабль, потому что он приземлился в лесу, который они упрямо и злонамеренно, вопреки мнению других Клад, считают своим. Однако согласно Конвенции Гедрегеда Ларсвил вот уже восемь тысяч лет Ясли — ничейная территория. Возможно, за пределами Внешних колец так не думают, но стоит ли считаться с мнением варваров, живущих вдали от света Солнца? Едва ли их можно назвать разумными существами. Моя уважаемая дочь Кахахahahас заявила, что вы согласны принять покровительство моей Клады и стать нашими почетными гостями.

Бирюзовый оттенок кожи Кахс побурел. Гордится, догадался Эверетт. Самая юная из тысяч принцесс в этом зале превзошла остальных. Интересно, каковы на цвет зависть и негодование? Эверетт подумал, что главная битва Кахс еще впереди.

— Наши адвокаты оформят иск. Высокий магистериум рассмотрит его. Мы ожидаем решения в течение часа. Решения магистериума принято уважать, но на всякий случай мы уже послали за вашими друзьями военный флот. Это их эскорт, почетный караул. Королевы генов славятся мелочностью и недружелюбием. Ваши друзья и корабль будут здесь к рассвету.

— А взамен... — начал Эверетт.

— Мы хотим изучить Инфундибулум, — промолвила Императрица Солнца. Эверетт узнал этот мягкий тон — его мама использовала его, когда собиралась попросить о чем-нибудь неприятном

— Если они способны выучить наш язык еще до нашего появления здесь, это все равно что отдать им его, — пробубнил Шарки.

— И что мне делать? — прошептал Эверетт, чувствуя, что все глаза прикованы к нему.

— Эверетт, тебе решать.

— Но ты старше по званию. Ты взрослый.

— Инфундибулум твой.

— Ради спасения дирижабля ты был готов отдать его Шарлотте Вильерс!

— Я всегда поступаю так, как лучше для «Эвернесс», но Инфундибулум принадлежит тебе. Тебе и решать. «То изберите себе ныне, кому служить...»

— Но если я отдам им Инфундибулум...

— Никто не обещал, что решение будет легким. Думай, Эверетт. Императрица ждет.

Эверетту оставалось лишь сохранить лицо, когда игра проиграна. Ты мал и напуган, но ты приказываешь мышцам распрямиться и гордо поднимаешь голову. И пусть тебя окружают враждебные и могущественные инопланетяне, а перед тобой на сияющем троне сидит правительница, которая заставляет Солнце плясать под свою дудку, это не повод поджать хвост и уползти с поля под улюлюканье зрителей.

— Ваше величество, — произнес Эверетт как можно громче и отчетливее, — я почту за честь разделить Инфундибулум с вами.

Резкий стук в дверь. Три удара.

— Войдите.

Шарлотта Вильерс нанесла последние штрихи макияжа. При виде гостя ее глаза слегка расширились от удивления — косметика скрыла остальное.

— Вот уж кого не ждала, — произнесла она. — Пришли позлорадствовать? Вас это не красит.

— Дюжина трупов — не повод для злорадства, — ответил Ибрим Ходж Керрим. Посол был одет для холодной хейденской зимы: тяжелые перчатки, теплый шарф вокруг горла, поднятый воротник парчового пальто. В правой руке он держал трость — ее серебряным набалдашником посол стучал в дверь. Очевидная тяжесть трости навела Шарлотту Вильерс на мысль.

— Вкладная шпага? — Она обернулась к гостю. — Считаете меня опасной?

— Сегодня нам всем угрожает опасность, — ответил Ибрим Ходж Керрим — Я предлагаю вам свою поддержку. Президиум следует хорошенько напугать.

— Это будет несложно. — Шарлотта Вильерс выпрямила спину и надела шляпку. — Опустить вуаль или поднять? Решено, предстану перед ними с открытым забралом. Я принимаю вашу поддержку, Ибрим.

— Я поддержу вас во всем, что вы скажете Президиуму.

— Я скажу им правду.

— И то, что вы вернулись из мира Джишу единственная из отряда?

— Вы обвиняете меня в том, что я бросила своих солдат? Обвиняете меня в трусости?

— Это было бы слишком большой подлостью. Однако должен отметить, у вас отличный инстинкт самосохранения. Я признаю, что одобрил операцию, а вы подтвердите, что с вами были силы Аль-Вурак, а не ваши спецназовцы. Вы уже объявили родным?

— О них позаботится Маккейб. Это ваша цена?

— Моя цена — процветание и безопасность Пленитуды известных миров.

— Так я вам и поверила! — вспыхнула Шарлотта Вильерс. — Вы будете добиваться моей отставки и исключения из Тайного совета!

— Президиум уже предложил исключить вас, — ответил Ибрим Ходж Керрим, — но мне удалось убедить их в вашей лояльности Пленитуде. Чрезвычайные обстоятельства требуют особого подхода. Что до меня, я предпочел бы запереть вас здесь. — Посол сжал рукоять трости. — Да хранит вас Господь, Шарлотта. — На прощание Ибрим коснулся набалдашником трости драгоценного камня на тюрбане. Дверь за ним захлопнулась.

Не думай, будто твоя шпажонка тебя спасет! Обвинять ее в трусости! Она задрожала от ярости. Вильерсы не прощают подобных оскорблений. Да как этот холеный буракиец посмел вообразить, что она бросила отряд ради спасения собственной шкуры? Она приняла страшное, но единственно верное решение. Кто-то должен был вернуться и предупредить Пленитуду! Не ее забота, как Пленитуда будет защищаться — Шарль уже ведет переговоры с Разумом Трина на темной стороне Луны. Однако даже Трину будет не под силу отразить вторжение Джишу. Если бы у нее был Инфундибулум! Перед его силой Джишу — прах, возметаемый ветром.

Шарлотта Вильерс вздрогнула, вспомнив слова Ибрим Ходж Керрима. Обвинять ее в трусости!

«Ничего, скоро ты за все ответишь. Когда придет время, моя рука не дрогнет».

В дверь постучали, на сей раз вежливо и почтительно.

— Мадам Вильерс... — начал один мужской голос

— ...Президиум ждет, — продолжил другой, почти неотличимый от первого.

— Я готова.

Опустить вуаль или поднять? Опустить, решила Шарлотта Вильерс. Хотя бы для начала.

Двойники распахнули перед Шарлоттой Вильерс двойные двери. По маленькой деревянной лестнице она поднялась в зал совета. Перед ней возвышались ряды скамей, составленные в виде подковы, словно в лектории. Все скамьи были заняты: парики и монокли делегатов с Земли-5, тюрбаны и кружевные чалмы аль-буракийцев, шелка и замысловатые прически представителей Земли-6.

— Шарлотта Вильерс! — объявил женский голос

— Пленипотенциар Земли-3 на Земле-10, кандидате на вступление в Пленитуду, — добавил второй голос, неотличимый от первого.

Шарлотта Вильерс рассматривала амфитеатр, пока последние члены Президиума занимали места. Хорошо, что она решила опустить вуаль и теперь может наблюдать, сама не став объектом наблюдения. Ибрим Ходж Керрим сидел рядом с коллегами, расстегнув пальто и размотав шарф. Он отвесил ей самый небрежный из поклонов. Поль Маккейб расположился на самом верху, на гостевой галерее, под плафоном с сердитыми херувимами. Этой Харт нигде не было.

Шарлотта дождалась, пока все глаза обратятся к ней. Это был театр, но не снов, а кошмаров. Трепещите, такого спектакля вам видеть не доводилось.

Молчание стало звенящим.

Шарлотта Вильерс подняла вуаль и оглядела ряды лиц.

— Я принесла вам чрезвычайно дурные вести, — промолвила она.

Фургон с надписью «Крысомор» простоял за школой целых два дня, пока мистер Калшо не заглянул в окно кабины. Спустя полчаса на место прибыл другой фургон борцов с грызунами и сразу за ним — полицейская машина. На перемене вокруг фургона собралась маленькая толпа.

— Он умер, — заявила Нуми. — По ошибке выпил крысиный яд. Труп уже начал разлагаться.

Эверетту Л довелось сражаться с Нано и викторианскими зомби, но его удивляла одержимость Нуми загробной тематикой. На их счету было уже три свидания. Дело ни разу не дошло до домашнего задания, впрочем, Эверетт Л давно понял, что это предлог. Ему разрешалось проводить Нуми домой, разумеется, не в школьной форме, и то, если Нуми устраивал его прикид. Она подсунула Эверетту Л адреса сетевых магазинов, раз уж ему лень торчать в примерочных. Но — никаких объятий и поцелуев.

— Расходитесь! Что, звонка не слышали? — рявкнул мистер Калшо. — Не на что тут смотреть!

Крысоморы открыли заднюю дверь фургона. Нуми чуть шею не свернула, выглядывая, что там внутри. Рюн и Эверетт побрели на биологию.

— Э... — промычал Рюн.

Эверетт Л заметил, что в последнее время Рюн начинает так каждую фразу, словно извиняется, или смущен, или хочет сообщить плохую новость. С того вечера, когда Эверетт Л сочинил ложь, которая не была до конца ложью, Рюн изменился. Он словно все время был настороже: шутил, обсуждал с Эвереттом Л игры, фильмы, комиксы и футбол, но постоянно себя контролировал, сопровождая каждое слово или действие мычанием.

— Э... это как-то связано с тобой?

— Я не убивал крысомора, если ты об этом.

— Знаю, просто... э... крысы...

«У меня есть теория насчет крыс, — подумал Эверетт Л, — но я не стану с тобой делиться, да тебе и не понравится».

— Не все дерьмо в этом мире связано со мной, — сказал Эверетт Л.

Хотя это дерьмо точно с ним связано. Эверетт Л перестал сомневаться с той минуты, как в переулке за домом крысы бросились врассыпную, стоило ему активировать тринские механизмы. Война с Нано продолжалась.

— Э... ты встречаешься с Нуми? — спросил Рюн.

— Мы вместе делаем уроки.

— Так я и поверил.

— Не хочешь — не верь.

— Ты уже... э...

— Целовался?

— Типа того.

— Сегодня.

— Ясно.

Эверетт Л лгал. Никакого свидания не будет, хотя мысль о Нуми, уютно свернувшейся калачиком на диване, заставляла его сгорать от желания. Но сегодня вечером ему снова предстоит стать киборгом на службе Пленитуды известных миров. Киборгом, который направится на поиски исчезнувшего крысолова.

Полиция уже оттаскивала фургон эвакуатором.

И внезапно Эверетт Л понял, что прячется за мычанием и неловкостью Рюна.

Испуг.

* * *

Испуг.

Рюн понял, что боится, после бессонной ночи, проведенной в попытках разобраться в своем отношении к Эверетту.

Он был испуган.

Рюн вернулся домой на такси. Мама не стала спрашивать, как прошел вечер с друзьями, Стейси с подружками в розовом заняла приставку, папа, как обычно по вторникам, отправился играть в «Подземелья и драконы», что всегда казалось Рюну чрезмерным

фанатизмом. Он не вслушивался в мамины слова, Фейсбук пестрел случайными сообщениями и фотками, телевизор и радио бормотали что-то бессмысленное. Рюн пытался переварить то, что узнал от Колетты Харт. А вернее, то, чего не узнал. Как ловко она ушла от ответов на все его «однако»!

Выходит, и Колетта была испугана.

Осторожно, здесь водятся драконы. Места, куда человечество и не надеялось проникнуть. Кто устоит перед знаком «Проход запрещен»?

Рюн так и не смог заснуть в эту ночь. Несколько раз сон почти сморил его, но снова и снова неотвязные мысли заставляли вскакивать с постели.

«Я его не узнаю, — сказал он КоLETTE. — Ведет себя словно чужой».

А что, если и впрямь чужой?

Часы на мобильном показывали двадцать минут четвертого.

Эта мысль крепко засела у Рюна в голове. Раз существуют параллельные миры, значит, в них живут двойники. Настоящий Эверетт отправился в параллельную Вселенную, а домой вернулся другой Эверетт. Анти-Эверетт. Кукушонок в гнезде. Идеальный тайный агент, неотличимый от настоящего Эверетта. Впрочем, тут он просчитался. Дурацкие небылицы. Шрамы, которых не было.

В половине четвертого мысль окончательно оформилась, но тут же на смену ей пришла другая. Рюн покрылся холодным потом. А куда, в таком случае, делся настоящий Эверетт?

Выходит, Колетта Харт хотела предостеречь его? Заронить в душу сомнения, позволить самому сделать вывод? Если кукушонок Эверетт заподозрит, что Рюн проник в его тайну, ему несдобровать.

Он должен знать наверняка.

Рюн был испуган и очень устал. Он ненавидел притворство, и у него не слишком получалось, а сейчас он вынужден с утра до вечера играть роль, причем на трех сценах сразу!

Рюн никогда не верил актерам: они казались ему ряжеными кривляками. А теперь ему самому предстоит кривляться на сцене, потому что от этого зависит его жизнь.

Прежде всего, он должен убедить мир, включая собственных родных, что он знать не знает ни о каких путешествиях в параллельных мирах. Потом убедить всех, и Эверетта в том числе,

будто ему невдомек, что его друг — тайный агент темных сил, на которые намекала Колетта Харт. Играть роль всегда и везде. Это нечестно! К тому же это самая утомительная вещь на свете! Рюн понимал, что неважно справляется с ролью.

И, наконец, третье. Что, если Эверетт окажется настоящим? Они ведь друзья неразлей-вода. Рюн не собирался бросаться ему на шею, как девчонка, но его холодность должна ранить настоящего Эверетта. Именно сейчас он нуждается в старом проверенном друге.

Рюн ненавидел уловки. Его мир был прост и честен.

Он был испуган, очень устал и постоянно настороже. К утру Рюн решил, что будет следить за Эвереттом. Это несложно, ведь Эверетт влюблен в Нуми Вонг и ничего вокруг не замечает. Рюн рассуждал о девчонках теоретически: влюбляешься, потом встречаешься. Девчонки в его жизни были абстракцией, недостижимой и недоступной, как планеты, что вращались вокруг далеких звезд. В другое время его задело бы, с какой легкостью Эверетт променял его на Нуми: гуляет с Нуми, болтает с Нуми, ходит на свидания (которые никакие не свидания), пьет с Нуми дурацкий (даже звучит отвратительно) вьетнамский кофе. Впрочем, так даже удобнее: пока эти двое заняты только собой, никто не помешает ему узнать правду.

«Жаль».

Прочтя эсэмэску, Эверетт Л почувствовал себя виноватым. За то, что подвел Нуми. Испортил ей вечер. За то, что в школе весь день старался не попадаться ей на глаза. За то, что Нуми напрасно прождала его рядом с турецкой барахолкой, где они обычно встречались. За эсэмэску, которую ей отправил: «Ничего не получится, семейные дела». За ее разочарование.

Он ощущал вину, глядя, как Нуми с Эммой пересекают переулок, в конце которого он прятался. Вину за то, что лгал ей в самом начале их отношений, если это можно назвать отношениями. Впрочем, как ни назови, а лгать вообще нехорошо. Особенно Нуми.

Девять видов вины.

Нет, даже десять. Он чувствовал себя виноватым за все, что приходилось скрывать от Нуми, Рюна, Лоры и остальных.

Эверетт Л топтался в переулке, который вел к заброшенному сараю, где хранились старые велосипеды. Сарай называли «Мальшом Кидом» — по имени заядлого курилки из комиксов.

Стоя среди окурков, он активировал тринский радар и снова нырнул в электромагнитный гул Стоук-Ньюингтона, вычлняя полицейские волны, переговоры таксистов, службы доставки и пиратские радиостанции. Наномашины использовали радиоволны для связи: тихий гул у него в голове был их переговорами. Ни с чем не сравнимый звук — звук, с которым думали Нано.

Нано пугали его. Пугали до дрожи. Уверенно круша гнилые викторианские кости, в глубине души Эверетт Л испытывал страх. Нано забирают все, что ты считаешь своим. Что может быть хуже, чем сознавать — или не сознавать, — что ты безмозглый дрон с пульсирующим комком черной слизи вместо мозга.

А еще они были умны, пугающе умны. Разумеется, его нанодвойник с Земли-1 уже знает, что Эверетт Л нарушил обещание. Собака и зомби на кладбище были отвлекающими маневрами, вторжение готовили существа, которые проникали везде и всюду, маленькие, юркие и бессловесные. Крысы.

«Нас с крысами разделяет не больше десяти футов», — однажды сказал отец маленькому Эверетту, когда, прогуливаясь вдоль Риджентс-канала, они заметили крысу, которая выбралась на берег, потеряла лапкой усы и исчезла в высокой траве. В десяти футах от крыс, в десяти футах от Нано.

А он еще считал себя умником, несчастный глупец!

Он должен рассказать обо всем Шарлотте Вильерс. Техническая мощь Пленитуды сокрушит страшного врага. Но тогда ему придется признаться в сделке с Нано. Шарлотта Вильерс не захочет, чтобы все узнали о ее тайной операции на карантинной Земле-1, но на свете есть вещи поважнее ее махинаций и интриг! Пленитуда в опасности. Но что она сделает с его семьей? Эта мысль пугала Эверетта Л больше, чем Нано.

— Курение приводит к раку, — раздался голос из-за спины.

От неожиданности тринское оружие пришло в боевую готовность. Эверетт Л усилием воли закрыл оружейные порты в руках и ладонях.

— Покуриваем?

Сторож мистер Мышковски стоял рядом.

— Я не...

— Так я и поверил. Мне пора закрывать ворота.

Враг ждал, отступить было некуда.

* * *

Сигналы были слабыми и неразборчивыми. Ему пришлось некоторое время ходить кругами, чтобы засечь слабое гудение. Эверетт Л надеялся, что за ним никто не наблюдает. Постепенно в мозгу сложилась картина: крысами кишел весь район Стоук-Ньюингтона, но линии сходились в одной точке. Нанести удар в самое сердце врага; разве не так рассуждают герои киношных боевиков?

Сколько блокбастеров видели Нано?

Эверетт Л следовал за невидимыми радиоволнами вдоль Стоук-Ньюингтон-чёрч-стрит. Кажется, все нити стягивались вокруг Гринлейнз. Внезапно он вспомнил о Нуми: сидит небось, свернувшись клубочком на диване в кафе «Наяда», рядом другой парень потягивает

вьетнамский кофе, а диджей Эйдан ставит музыку его жизни. От отвращения Эверетта Л чуть не вырвало.

Узкий переулок на задах викторианских домиков на Клиссолд-кресцент носил название Эден-террас. Местные садовники развели за заборами из сетки огороды, которые мокли под хмурым январским дождем. Здесь активность Нано оглушала. «Пора», — подумал Эверетт Л, — приводя в действие тринские боевые механизмы и чувствуя кожей, как заряжаются лазеры.

Сигналы исходили от сарая в пятом по счету огороде. Обычный сарай рядом с мусорными баками, слепленный из старых дверей, досок и оконных рам. На грядках догнивали остатки урожая. Из земли гордо торчали ярко-зеленые побеги брюссельской капусты. Садовые скульптуры и дешевые гипсовые Будды покосились, ржавые колокольчики и свитки с молитвами уныло свисали с крыши в безветренном воздухе.

Внезапно Эверетт Л вспомнил, что целый день не видел крыс.

Короткая вспышка — и с висячим замком на калитке было покончено, задвижка сарая вызвала не больше трудностей. Бей сильно, бей быстро. Если бы у него остались эти милые крошки — тринские наноснаряды, но он использовал их, сражаясь с Нано на кладбище Эбни-Парк.

Слишком много битв позади.

Дула вылезли из ладоней.

— Эверетт Сингх?

Эверетт Л крутанулся на пятках и больно стукнулся о садовую лейку, свисавшую с крюка

— Твоя семья живет в этом сарае?

Нуми стояла, подбоченившись и укоризненно качая головой. Уж лучше б накричала. В конце Эден-террас в такой же позе, призванной выражать крайнюю степень презрения, маячила одна из ее подружек-шпионок.

— Зачем эта ложь, Эверетт Сингх?

— Нуми...

Его ладони. Дула все еще торчали у него из ладоней. Сосредоточься. Усилием воли Эверетт закрыл оружейные порты.

— Я многого не требую, — произнесла Нуми. — Честность, искренность, забота — Сегодня, когда Эверетт Л утратил ее навсегда,

она выглядела необычайно красивой. — Что здесь происходит? Мужской клуб по интересам? Смотрите порно? — Нуми подняла руку в мигенке. — Нет, ничего не желаю знать. Ты меня разочаровал.

Гудение Нано перекрывало голос Нуми. Тринские механизмы перешли в спящее состояние.

— Я могу объяснить, — начал Эверетт Л, но она, не дослушав, уже шла к калитке. Объяснить? Это значило показать Нуми то, что спрятано у него внутри, и то, что притаилось за дверью сарая.

Телефон издал сигнал, когда Нуми свернула с Эден-террас.

«Разжалован».

— Я еще вернусь, — сказал Эверетт Л, обращаясь к двери сарая. — И тогда тебе не жить.

Активировав тринские механизмы, он пронесся по Грин-лейнз, быстрее, чем любой бегун или велосипедист, и дождался Нуми с подружкой у двери кафе.

Нуми нахмурилась:

— Но как?

— Прости, — сказал Эверетт Л.

Нуми кивнула подружке, та отошла и с кислым видом уставилась в витрину аптеки.

— Я веду странную жизнь, — сказал Эверетт Л. — То, что я оказался здесь раньше тебя, банка из-под колы, прыжки через машины и тот сарай связаны между собой.

Молчание Нуми убивало его.

— Я умею делать такие вещи, которых никто не умеет. Поэтому я не такой, как все.

— Так перестань их делать, — сказала Нуми.

— Не могу, они часть меня, физическая часть. Я даже маме не могу признаться.

— Если ты гей, я не против. Это даже прикольно.

— Я не гей! — воскликнул Эверетт Л, затем повторил тише. — Я — не гей.

— Жалко, мы бы вместе придумывали тебе наряды. Ты оборотень?

— Что? Нет! Хотя в какой-то степени... Нет, оборотней не существует. Может быть, мне не следовало заводить подружку.

— Кто сказал, что я твоя подружка?

Нуми испытывала его терпение. Он и так уже сказал больше, чем собирался.

— Мы встречались, болтали, и я решил...

— Что?

— Ты мне очень нравишься! И я хочу, чтобы все было по-старому.

Некоторое время Нуми молча его рассматривала, затем хмыкнула, отвернулась и вместе с подружкой скрылась за дверью аптеки.

И как ее понимать? Эверетту Л хотелось кричать. Это да или нет?

Телефон снова пикнул.

«Ты снова в строю».

«Из-за вас я чуть не поссорился с Нуми, — думал Эверетт на фоне непрерывного гудения над крышами и спутниковыми тарелками Гринлейнз и Стетхэм-грин. — Теперь вам несдобровать».

— Мадам Вильерс, как вы считаете...

— Мадам Вильерс, что нам делать...

— Мадам Вильерс, спасите нас...

— Мадам Вильерс.. мадам Вильерс..

Шарлотта Вильерс рывком опустила вуаль и протиснулась сквозь толпу встревоженных пленипотенциаров. Сами себя спасайте. Вы — лидеры десяти миров, вы — сила. Если бы Зайцев был здесь! Он бы живо расчистил ей путь в толпе перепуганных политиков. Он бы позаботился, чтобы ей оказали уважение, подобающее ее статусу. Шарлотта Вильерс не оказала ему того уважения, которое он заслуживал. Она увидела это в глазах телохранителя, перед тем как сверкнули кинжалы Джишу, а потом привела реле в действие и спустя мгновение стояла в сводчатом подвале Тайрон-тауэр. Кроме нее, все это видела команда, которая обслуживала портал.

«Я обошлась с тобой скверно, Зайцев. Надеюсь, в последний миг тебе хватило ума понять, что у меня не было другого выхода».

Дорогу ей преградил симбионт с Земли-5. Длинные, украшенные драгоценностями руки и ноги тайве обхватывали тело хозяина — хранта, а питающий палец впился тому в шейную артерию.

— Мадам Вильерс! — объявил тайве тонким певучим голосом. Шарлотта Вильерс даже не оглянулась. — Мы не одобряем ваших художеств, но Земля-5 не собирается уклоняться от участия в поимке этого злодея Эверетта Сингха!

Шарлотта Вильерс улыбнулась про себя. Если ей удалось сделать мальчишку Сингха самым разыскиваемым преступником в мультиверсуме, она уже одержала победу.

Язык палари славился изощренной системой ругательств, и Сен пользовалась ею виртуозно и без стеснения. В доках старого Хакни капитану Анастасии доводилось слышать любые непристойности, обидные клички и кощунства, но на этот раз проняло даже ее.

Сен зализывала ожог на предплечье.

— Доркас, ты бы прикрылась, — сказала капитан Анастасия.

Метнув в приемную мать грозный взгляд, Сен надвинула на глаза защитные очки. Ее лицо было перемазано машинным маслом и гарью, волосы пропахли жженой изоляцией. Вместе с капитаном они чинили проводку второго двигателя. Сложная, муторная и опасная работа с применением электроинструментов и сварки. Обычно Сен любила чинить неисправности, лихо орудуя инструментами, как Шарки дробовиком, но сегодня ремонт напоминал хирургическую операцию, которую делают безнадежному больному. Дирижабль был изранен вдоль и поперек, третий двигатель пропал безвозвратно. А вместе с ним пропали мастер-весовщик и странник между мирами. Шарки и Эверетт.

Сен с головой ушла в работу, чтобы не думать ни про Шарки с Эвереттом, ни про израненную «Эвернесс». Когда она вспоминала про них, ей казалось, что под ногами разверзается бездонная пропасть, и она летит туда в звенящей пустоте. Корабль — ее дом, ее приют, ее душа — никогда уже не будет прежним. Шарки и Эверетт никогда не вернутся, а ей суждено навсегда застрять в этом отвратительном мире. Сен латала, варила, тянула провода.

— Поберегись!

Сен посмотрела вверх. Высоко-высоко, в одном из отверстий, проделанных Королевами генов, показалось лицо Макхинлита. Больше чем копать во внутренностях дирижабля, Сен любила на пару со старшим механиком чинить обшивку снаружи, с дикими воплями и улюлюканьем носясь вверх-вниз на тросах.

Сильнее всего Сен мучила не потеря двигателя и не дыры в обшивке — самое большое отвращение ей внушали стальные усы, сжимающие бока «Эвернесс». Корабль напоминал картинку, которую

Сен видела в энциклопедии: олень в объятиях удава. Кольца сжимались все сильнее, в спокойных глазах благородного животного застыло равнодушие — предвестие скорого конца. При мысли об отвратительных полуживых-полумеханических щупальцах Сен вздрогнула, словно обшивка дирижабля была ее собственной кожей.

— А ну дуйте сюда! — крикнул Макхинлит.

— Глаза б не глядели! — выругался Макхинлит, когда Сен и капитан Анастасия показались на балкончике. Зацепив трос за щупальце воздушного калмара, державшее дирижабль сверху, механик приземлился рядом. Сен поймала себя на том, что не может отвести глаз от полуживых-полумеханических созданий.

В центре каждого металлического клубка лязгали автоматические манипуляторы, таращилось полдюжины стеклянных глаз, а прямо под щупальцами крепились прозрачные пузыри, в которых находились пилоты Королевы генов. Второй калмар обхватил правый борт дирижабля, третий вцепился в носовую часть. Ветер внизу лениво шевелил верхушки деревьев. Они все еще висели над лесом. «Эвернесс» была слишком крупной рыбой — так просто не выудишь.

— Ненавижу, — буркнула Сен, обхватила себя за плечи и ойкнула — раны еще саднили.

— Что случилось? — спросила капитан Анастасия.

Сен видела, что приемной матери тяжело смотреть на любимый корабль, распятый, словно могучий кит, которого загарпунили суетливые человечки.

— А вот что... — Макхинлит вытащил из кармана оранжевой робы белое яйцо размером с кулак и протянул капитану. Одна сторона яйца была скошена.

— Что это?

— Понятия не имею. Штуkenция крепилась в хвостовой части. Ясно как дважды два, что это не деталь обшивки грузового дирижабля.

— Интересно, кто ее сюда прикрепил, — сказала капитан Анастасия.

Сен схватила яйцо и швырнула на пол, словно обожглась.

— Пластик!

— Нет, только не это, — вздохнула капитан Анастасия.

— А как иначе эта Вильерс забросила бы своих солдатиков прямо к нам в рубку? — хмыкнул Макхинлит. Земля-3, не знавшая нефти, не

знала и пластмассы, а стало быть, устройство принадлежало другому миру.

— Дай сюда, Сен, — скомандовала капитан Анастасия, поднесла яйцо к глазам и прищурилась. — Вот мерзость... Но как ей удалось... Неважно. — Капитан уронила яйцо и вдавила каблук в пол. Пластик хрустнул.

— Зачем? — воскликнула Сен. — Эверетт разберется...

Капитан Анастасия спихнула осколки носком сапога. Снежными хлопьями скорлупки закружились над красной листвой.

— Эверетт разобрался бы, но его с нами нет. Это мой дирижабль, ей и без того больно.

— Не говори так, Эверетт не.. — Сен запнулась. Произнести «умер» означало допустить такую возможность, но Эверетт не мог умереть! Он — странник между мирами. Эверетт слишком умен, ловок и отважен, чтобы позволить медлительной и тупой смерти одержать верх. Нет, смерть быстра, точна и не щадит никого. Живя среди аэриш, быстро учишься ее уважать. Твои друзья разбиваются, дирижабли сгорают, капитаны пропадают в буран. Смерть не обходит аэриш стороной.

— О господи! — выдохнул Макхинлит.

Сен и капитан Анастасия подняли глаза от осколков. Тело Макхинлита напряглось, словно у гончего пса.

— Мало нашей ласточке неприятностей! Выходит, это еще не конец.

Сен взглянула туда, куда показывал старший механик. Далеко за кормой, почти скрытое стабилизаторами хвостового оперения, возникло облако черных точек. Сен сразу поняла, что на самом деле они огромные, просто очень далеко. Точки стремительно приближались, и спустя несколько секунд стали различимы их силуэты.

Капитан Анастасия достала из кармашка на поясе монокуляр, настроила и поднесла к глазам. Челюсть у капитана отвалилась.

— Мам, дай мне.

Капитан Анастасия молча передала ей прибор. Сен настроила фокус. Трехпалубные воздушные корабли: две палубы сверху, одна внизу, острые, словно кинжалы. Десять, одиннадцать, двенадцать... двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять. Громадные, каждый в

половину длины «Эвернесс». Никаких баллонов с газом, никаких крыльев, но двигались они так, будто небо принадлежало им. Воздух дрожал, словно знойное марево, свет вспыхивал в иллюминаторах. Сен увеличила изображение и поняла, что марево — рой куда более мелких летающих объектов. Нанороботы, целые тучи. И у воздушных кораблей были свои нимбы.

Королевы генов не остались равнодушны к прибытию незваных гостей. Джишу за стеклом зашевелились. Корпус «Эвернесс» вздрогнул — щупальца еще крепче впились в добычу. Сен схватилась за поручень балкончика. Двухсотметровый корпус издал душераздирающий скрип. Сен почувствовала, как ее центр тяжести смещается.

— Негодяи, вы разорвете дирижабль пополам! — крикнула капитан Анастасия. — Вы ее убьете!

— Кто это? — спросила Сен.

— Народ Кахс, — ответила капитан. — Больше никому.

— Правительницы Солнца знают про Инфундибулум, — сказал Макхинлит.

И снова «Эвернесс» застонала — Королевы генов пытались придать скорость неуклюжему летающему цирку.

— Эверетт! — воскликнула Сен. — Только он мог рассказать им. Значит, он жив!

— А с ним и Шарки, — добавил Макхинлит.

Капитан Анастасия отобрала прибор у Сен и принялась переводить стеклышко с Повелителей Солнца на воздушных кальмаров и обратно. Туда-сюда, туда-сюда.

— Мисс Сиксмит, вы знаете Эверетта ближе остальных. — Сен напряглась. Шутки кончились, если капитан обращалась к ней так формально. — Помните, я велела ему спрятать Инфундибулум? Куда он его спрятал?

— Эверетт такой нафф, когда дело касается уборки! Я знаю, где лежат все его вещи.

— Тогда ступайте и принесите лше Инфундибулум. Я собираюсь совершить прыжок. Мистер Макхинлит!

— Слушаю, мэм! — Старший механик никогда не забывал о субординации.

— Приготовьте спасательную шлюпку.

— Капитан, при всем уважении, я не понимаю, что вы задумали!

— Через несколько минут мы окажемся в гуще сражения, и наши барни с Бромли покажутся вам пикником в воскресной школе! Я боюсь, что Королевы генов скорее уничтожат Инфундибулум, чем согласятся отдать его Повелительницам Солнца.

Сен разинула рот и округлила глаза.

— Они не посмеют! — воскликнула она.

— Полоне, люди поступают так сплошь и рядом, — хмуро промолвил Макхинлит, сжав челюсти.

— Они не люди, но не сомневайтесь, именно так они и поступят, — сказала капитан Анастасия. — Я капитан этого дирижабля, и я люблю его больше жизни, но мой первейший долг — забота об экипаже. Мы покидаем «Эвернесс».

— Нет! — воскликнула Сен. — Не смей! Нет! Корабль...

— Я — его капитан, а вы, мисс Сиксмит, обязаны беспрекословно подчиняться моим командам. Мистер Макхинлит?

— Есть, мэ

— Меньше слов — больше дела!

От полета на летательных аппаратах Джишу захватывало дух. С той минуты, как флагман императорского флота вывел корабли из доков в стене, Эверетт так и не сдвинулся с места. Как и прогулочная яхта, воздушные корабли Повелительниц Солнца представляли собой катамараны: две палубы, скрепленные по нижнему контуру, однако боевые фрегаты имели еще одну палубу под двумя основными. Конструкция напоминала острый коготь плотоядного динозавра, занесенный для удара. Вероятно, так и было задумано. Название фрегата развеивало остатки сомнений: «Смерть, приходящая из небесной синевы».

Мостик находился слева по борту, в нижней части палубы. Со всех сторон, даже снизу, Эверетта окружало стекло. Красные кроны мелькали под ногами с такой скоростью, что кружилась голова. Пилотам Повелительниц Солнца нравилось летать очень низко и быстро.

«Мистер Сингх, — спросила капитан Анастасия, — в вашем мире что-нибудь может с этим сравниться?»

Тогда они пролетали над дымовым кольцом вокруг Лондона, направляясь к месту дуэли с дирижаблем семейства Бромли «Артур П.».

«Нет», — ответил он.

То, что Эверетт ощущал теперь, было за гранью восприятия. Безмолвие зимних пейзажей внизу захватило его тогда на борту «Эвернесс». На «Смертельной синеве» — пора уже придумать название покороче — Эверетт чувствовал, что летит. Парит в небе легко и свободно. Если ты умеешь летать, тебе больше нечего хотеть.

Шарки все это великолепие нисколько не впечатлило.

— Ну кто делает иллюминаторы в борту боевого фрегата? — проворчал американец и, твердо решив вздремнуть, скрючился на странной кушетке, приспособленной под анатомические особенности рептилий.

«Хорошо небось спится, с чистой-то совестью», — огрызнулся Эверетт про себя. Он не мог простить американцу, что тот переложил

всю тяжесть решения на его плечи. Да, Инфундибулум принадлежал ему, Эверетту, и только он вправе решать, как с ним поступить, но Шарки взрослый, Шарки опытный! Дело взрослых — принимать решения и нести ответственность. Нельзя перекладывать бремя выбора на подростка. Надейся на себя и ешь только то, что убил собственными руками. У Эверетта не было выбора, но снова и снова выбирать приходилось именно ему! Его мучила совесть. Он оказался плохим парнем. Какая разница, что он не виноват? Внутри он ощущал себя нечистым. Эверетт Сингх — предатель миров. Возможно, Шарки собирался преподать ему этот урок: иногда взрослым приходится переходить на темную сторону.

Эверетт злился. Хуже всего было сознавать, что без Шарки он не справится, и когда они прибудут на место падения «Эвернесс», им придется действовать сообща.

Птичьи голоса Джишу стали звонче: что-то случилось. Эверетт припал к стеклу. Скорость полета опьяняла. Впереди показался темный предмет размером с насекомое, но не прошло и нескольких мгновений, как прямо по курсу обозначился силуэт дирижабля. «Эвернесс» напоминала отвратительную картинку из фильма Дэвида Аттенборо — прекрасная гусеница, парализованная ядом, опутанная паутиной, пожираемая заживо. Эверетт уже различал металлические щупальца тигровой окраски, постоянно менявшие цвета: красный и синий, малиновый и зеленый, красный и белый.

Он потряс Шарки за плечо. Американец с воплем вскочил с кушетки, и в следующую секунду в лоб Эверетту уперлись два ствола.

— Прости, брат! — Шарки убрал дробовик. — Нечистая совесть.

— Мы нашли «Эвернесс».

Кахс спустилась с верхней палубы и присоединилась к Шарки и Эверетту. Воздушные кальмары пытались удрать со своей добычей, но неуклюжесть «Эвернесс» не оставляла сомнений, что эту гонку выиграет императорский флот.

— Мы послали им приветствие и известили принцессу Джекашек о решении высокого магистериума.

— И каково решение? — спросил Шарки.

Американец спал чутко, словно кошка. Эверетт разбудил его пару минут назад, а Шарки снова был бодр и готов к сражениям.

— Отныне вы считаетесь почетными гостями Императрицы Солнца в ранге дипломатических посланников вашей проекции в Колесе мира Джишу.

— «Потому что странники мы пред Тобой и пришельцы... как тень дни наши на земле, и нет ничего прочного», — мрачно промолвил Шарки.

Корабли Повелительниц Солнца снизились и окружили флотилию Королев генов. Воздушные кальмары продолжали движение, сжимая «Эвернесс» в объятиях щупальцев.

— Что происходит? — спросил Эверетт.

— Принцесса Джекашек обдумывает решение магистериума, — ответила Кахс.

Движение под ногами заставило Эверетта опустить глаза. В нижней палубе открылись дюжины крошечных люков, словно соцветия люпина или гиацинта. Воздух наполнился движением нанороботы. Каждый из кораблей императорского флота сопровождали тысячи нанороботов.

— А что теперь?

— Принцесса Джекашек отвергла решение магистериума, — ответила Кахс. — Теперь мы вправе применить силу.

— Нет! Вы же убьете их! — вскрикнул Эверетт.

Рой нанороботов атаковал воздушных кальмаров. Перестроившись, роботы образовали острия копий размером с семейный автомобиль, нацеленные прямо в щупальца. В ответ щупальца выбросили побеги, отражая атаку градом огня. Удар Повелительниц Солнца был точен: два изувеченных щупальца рухнули вниз. Объятия, сжимавшие дирижабль, ослабли. Нанороботы рассеялись и обратились облаком мечей, нацеленных на щупальца. Такие же мечи отделились от щупальцев и устремились навстречу противнику. В воздухе закипела битва.

Выпад, удар, защита, бросок, обманное движение, снова выпад. В пространстве между двумя флотилиями происходили сотни поединков.

— «И произошла на небе война: Михаил и ангелы Его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них», — благоговейно промолвил Шарки.

Американец с восторгом взирал на битву, но Эверетт смотрел только на «Эвернесс». Оставшиеся неповрежденными щупальца все

крепче сжимали выпирающие бока дирижабля.

— Они его раздавят! — воскликнул Эверетт.

Ему предстояло во всех подробностях увидеть гибель друзей. Вдруг что-то промелькнуло перед иллюминатором, Шарки бросился на Эверетта и опрокинул его на стеклянный пол. Уши сразу заложило, а переднее стекло исчезло, разрубленное надвое наномечом.

— Ничего себе! Спасибо.

Ветер сбивал с ног, заставлял глаза слезиться. Эверетт с трудом поднялся с пола.

— Сюда, скорее!

Кахс протягивала руку с лестницы на верхнюю палубу. Команда почтительно расступалась перед принцессой. Сверху битва предстала перед Эвереттом и Шарки во всей красе.

Звенели мечи. Один из кораблей Повелительниц Солнца медленно снижался, окутанный дымом. Первый кальмар исчез, но два оставшихся продолжали сжимать «Эвернесс» в смертельном объятии. Еще одно щупальце рухнуло в кроны деревьев. От этого зрелища невозможно было оторваться, но Эверетт уже знал, чем все закончится. Он видел сражение двух принцесс. Таков обычай Джишу.

Тогда, бросив Кахс дробовик, Эверетт прервал поединок. У него не было иного выхода. Иначе Кахс непременно погибла бы. Он поступил правильно, но на душе скребли кошки. Должен быть другой выход, более правильный, более достойный.

— Шарки, ты весовщик, ты должен знать, можно ли забраться на дирижабль через люк?

— Люк можно открыть снаружи, но он находится в днище.

— Кахс, ты здесь за главную?

— Как у члена королевской семьи, у меня высшее офицерское звание на корабле.

— Можешь ли ты подвести нас под днище дирижабля?

Кахс обменялась птичьими трелями с пилотом на мостике.

— Могу.

— Я добуду вам Инфундибулум.

Эти оми такие предсказуемые. Сен направилась в лэтти Эверетта, сдернула простыни на пол и вытащила из-под одеяла закутанный в старую футболку предмет. Может быть, Эверетт Сингх и умник, но в некоторых вопросах дурак дураком. Футболка, гамак, да и вся лэтти пропахли Эвереттом. Сладковатый, медово-кислый запах ношеной одежды. Сен прижала Инфундибулум к груди, словно регбийный мяч.

«Эвернесс» снова тряхнуло, Сен отбросило к перегородке. Она ощущала каждый скрип и скрежет по корпусу, словно царапали ее собственную кожу. Ее расплющат, словно яйцо, словно череп легендарного небесного рыцаря Гаджера Ри, который пьяным уснул на железнодорожных путях.

Еще один дирижабль обречен на смерть.

Память перенесла ее в спасательную шлюпку, Сен снова видела горящий корпус «Фейрчайлд» на фоне грозовых облаков. Дирижабль горел, горел, горел, пока парашют не раскрылся, заслонив ужасное зрелище.

Она проклята, она притягивает несчастья, как шпиль Крайсчерч Спитлфилдс — церкви, куда ходили аэриш, — притягивает молнию. Она — Темная дона, святая покровительница козлов отпущения, удачи и погоды. Сен — разрушительница дирижаблей.

Сен остановилась, чтобы бросить прощальный взгляд на свою лэтти. Шмотки, косметика, грязное белье, журналы, коробка, где она хранила идеи, вырезки и всякую мишуру для новых карт. Она с трудом удержалась, чтобы не прихватить коробку с собой. Игроки в регби смотрели со стен, воображаемые бойфренды, мускулистые спортивные боги. «Спасай свою шкуру, Сен», говорили они.

Последний взгляд, но не последнее дело на дирижабле. У главного трапа она притормозила. Здесь все еще пахло кровью. Королевы генов излечили ее тело, но душа у Сен болела. Распахнув дверцу оружейного шкафчика, Сен вытащила бумкер и зарядила его. Больше она никому не позволит обойтись с собой, как эта полоне Вильерс.

Сен загрохотала вниз по трапу. «Эвернесс» трясло, хребет дирижабля скрипел, сверху сыпались обломки.

«Эвернесс» умирала. Так вот как все закончится: трое в крошечной спасательной шлюпке, одни посреди чужого, враждебного мира.

— Нет!

Свободной рукой Сен вытерла набежавшие слезы, но они все равно текли.

— Сен!

Капитан Анастасия стояла в люке спасательной шлюпки — медного яйца, висящего над пустотой. Макхинлит открывал аварийный люк. Не хватало только Сен. Нет, она останется здесь, а они ее не бросят. На свете нет ничего важнее дирижабля!

— Сен!

— Я иду, мам, иду!

Вниз по трапу, мимо грузового отсека, мимо батарей, которые она так и не починила, мимо каморки Макхинлита. Рейсы на холодный север, пропеллеры, сражающиеся с полярными ветрами. Теплые ночи Амексики, проведенные в укромном месте у двери грузового люка, среди ароматов можжевельника и шалфея.

Чувства переполняли Сен.

Внезапно между Сен и спасательной шлюпкой возникла стройная и гибкая фигура Джишу. В руке рептилия держала жезл.

— Сен, отдай Инфундибулум мне, — сказала Королева генов голосом Сен.

Джекашек. Джишу, которая ее излечила, забрав ее голос и язык. Джишу, которая вложила ужасную историю своего народа ей в голову.

— Нет, ты его не получишь.

— Сен, Повелительницы Солнца убьют всех. Иначе они не могут. Они управляют Солнцем, ты сама видела.

Бесконечные войны, восстановление и снова разрушение. Яркие картины мелькали в голове Сен. Ей внушали, что миллионы лет Повелительницы Солнца стремились стать единственными хозяйками Колеса мира.

— А мне плевать, тебе ясно? Все вы одинаковые. А это мое, и я никому его не отдам.

Джишу зашипела и наставила жезл на Сен, но пальцы Сен оказались проворнее. Не успели нанороботы исполнить волю хозяйки, а Сен уже нажала на курок бумкера. Туго набитый мешочек ударил в узкую грудь рептилии, жезл с грохотом упал на палубу. Раскинув руки и выпучив глаза, Джишу попятилась и с пронзительным свистом рухнула в щель спасательного люка.

Сен некоторое время таращилась в открытый люк, затем с воплем отбросила бумкер. Он прокатился по палубе и упал в люк следом за рептилией.

— Сен! — Капитан Анастасия протягивала ей руку. — Все хорошо, иди ко мне!

— Мам, я...

— Иди ко мне!

Сен нырнула в мягкое гнездышко спасательной шлюпки, в последнее мгновение подхватив с палубы жезл. Капитан Анастасия запечатала дверцу и нажала на кнопку запуска.

— Сдалась тебе эта чертова штука! — Макхинлит кивком показал на жезл. Янтарная головка светилась то золотым, то шоколадным.

— Сама не знаю, зачем я ее взяла, — ответила Сен. — Что-то словно подсказало мне. Словно она сама со мной заговорила.

От жезла по руке потек теплый ручеек, а в голове словно заиграли рождественские колокольчики. Жезл устанавливал связь с тем, что Джишу поместили в ее голову.

— Ма, я выстрелила, я ее..

— Ты сделала то, что должна была сделать, Сен. Главное, ты жива.

Кнопка запуска под пальцем капитана загорелась красным. Шлюпка завибрировала. Сен вытянула из кармана шорт колоду и несколько раз перетасовала. Шлюпку немилосердно трясло. Дирижабль издавал мучительные стоны, ребра шпангоута с хрустом ломались одно за другим. Рука капитана медлила над кнопкой.

— Чего мы ждем? — рявкнул Макхинлит. — Если дирижабль рухнет, мы погибнем вместе с ним!

Сен подтянула колени к подбородку. Это снова происходило с ней. Мягкая кожа, безопасный гель, запах меди и смазки, удары, тряска и полное неведение, что делается снаружи. Это снова повторилось в ее жизни, и Сен была бессильна этому помешать.

— Поговорите со мной, — обратилась Сен к колоде и перевернула верхнюю карту. «Два плохих кота»: силуэты котов с подкожными шприцами вместо когтей в открытом багажнике. Коты означали удовольствие, за которое впоследствии придется расплачиваться. Рискованное удовольствие. Какая-то бессмыслица. Карты перестали с ней разговаривать. Она разучилась читать их. А всему виной то, что

теперь помещалось в ее голове. И этот жезл, при каждом взгляде на который в мозгу начинала звучать музыка.

Шлюпку тряхнуло, раздался скрежет металла. Сен, Макхинлит и капитан Анастасия переглянулись, прислушиваясь к лязганью снаружи. Словно кто-то процарапал обшивку дирижабля вдоль всего корпуса.

— Что происходит? — рявкнул Макхинлит. — Что, черт подери, происходит? — Его глаза расширились, дыхание участилось. Механик шагнул к люку и попытался оттолкнуть капитана Анастасию.

— Моя волынка! Я должен ее забрать!

Сен вцепилась Макхинлиту в ногу и оттащила его от люка. Смуглая кожа старшего механика посерела, руки затряслись.

— Простите меня, я... маленько... боюсь замкнутого пространства.

Шлюпку и дирижабль сотряс мощнейший удар. Рука капитана Анастасии все еще медлила на кнопке. Раздался ужасный треск, словно души разрывались надвое. Удары и снова скрежет. Затем наступило молчание.

— Ма...

Капитан Анастасия приложила палец к губам.

Тишина.

Сен затаила дыхание. Макхинлит затаил дыхание. Капитан Анастасия затаила дыхание. Сен мучительно вслушивалась в тишину.

Глухой удар. Тонкий скрип. Макхинлит округлил глаза.

— Пойдите, это же...

Капитан Анастасия зашикала на него. Затем одними губами произнесла «Лебедка».

Тишина. И снова тоненький скрип. Удар. «Закрывают», — подумала Сен. Ей казалось, что стук ее сердца заглушает остальные звуки. Что это? Шаги?

Шаги. Две пары ног.

Капитан Анастасия изо всех сил навалилась на рычаг. Дверца люка с шипением отошла. Сен схватила жезл. Теперь она знала, как им пользоваться: нанороботы облекали ее мысли в физические формы.

Капитан Анастасия распахнула дверцу люка. Столбы света пробивались сквозь многочисленные дыры в обшивке дирижабля, будто сквозь своды собора, разрушенного торнадо. Перед дверцей люка спасательной шлюпки стояли Эверетт и Шарки.

Сидя на широком подоконнике, Шарль ждал Шарлотту в ее кабинете. Окно выходило на темные воды Оудешаанс-канал, припорошенные снегом. Двойник встретил Шарлотту аплодисментами.

— Вы сыграли на них, как на рояле, кора. — И снова Шарлотту Вильерс резануло фамильярное обращение. — Мы раскрыли карты. Теперь глаза всей Пленитуды прикованы к нам. Ордену будет сложнее скрывать свои истинные намерения.

«А мне — контролировать Инфундибулум», — вздохнула Шарлотта Вильерс про себя, но вслух ничего не сказала. Шарль Вильерс поднял бровь. «Порой мы бываем так похожи», — подумала она.

— А как успехи с Тринем? — спросила Шарлотта Вильерс, снимая перчатки.

— Трин непросто мотивировать. Ему чужды человеческие эмоции. Трину нет дела до наших дразг. — Шарль Вильерс лениво потянулся к вазе с фруктами на столике у окна, взял апельсин и вонзил ноготь в кожуру, выпустив фонтанчик сока. — Даже если мы убедим Трин, что должны действовать сообща, их помощь ограничится Землей-4. Зачем Трину спасать остальную Пленитуду? Разум Трина никогда не выказывал интереса к Десяти известным мирам.

— Значит, придется нам искать прибежища на Земле-4, — сказала Шарлотта Вильерс.

Шарль Вильерс снял кожуру и ловко разобрал апельсин на дольки.

— И еще: мы потеряли связь с дирижаблем.

— Джишу?

— Или команда дирижабля. Но я ставлю на Джишу. И теперь им ничего не стоит совершить прыжок прямо к нам на порог. — Шарль Вильерс положил в рот дольку.

Раздался стук. В дверь вошел мужчина в бархатном фраке, скроенном по местной моде, и поклонился.

— Эббен Хир, рада вас видеть.

Вошедший был членом Ордена, одним из самых юных и наименее влиятельных, но он — или его двойник — мог проникать туда, куда пленипотенциару или члену Тайного совета путь был заказан.

— Есть новости?

— Мой двойник следит за теми, о ком вы просили.

Эббен Хир открыл кожаный портфель, вытащил фотографию и положил рядом с фруктовой вазой. Задумчивый Пол Маккейб, маленький и неряшливо одетый, стоял на пешеходном переходе на Экзибишн-роуд, совершенно не подозревая о слежке. Шарлотта Вильерс слышала про квантовые технологии, позволявшие двойникам с Земли-7 передавать информацию или картинки. Сейчас она смотрела глазами двойника, установившего мысленный контакт с Эббен Хиром.

Сама технология казалась Шарлотте Вильерс отвратительной — никакой приватности, ничего святого. Эббен Хир загрузил еще картинки: Пол Маккейб садится в такси, пересекает внутренний дворик колледжа, читает лекцию. Ничтожество Пол Маккейб.

— А вот кое-кто поинтереснее, — сказал Эббен Хир.

Колетта Харт: оглядывается через плечо на ступенях Музея естествознания, словно почувствовала слежку; стоит рядом с мертвым динозавром, жмет руку какому-то подростку.

— Что за мальчишка? — спросила Шарлотта Вильерс.

— Не знаю, — ответил Эббен Хир. — Тут его можно рассмотреть ближе.

Колетта Харт и незнакомый подросток входили в ярко освещенный японский ресторан.

Шарлотта Вильерс постучала наманикюренным ногтем по картинке.

— Мне знакома эта школьная форма. Мальчишку я вижу впервые, но он из школы Бон-грин. Там учится Эверетт Сингх. Интересно, какие делишки у миссис Харт с этим подростком? Она не так глупа, чтобы не знать о моем шпионе.

Шарлотта Вильерс привстала с удобного кресла и всмотрелась в картинку.

— Похоже, доверять мисс Харт больше нельзя, — сказал Эббен Хир.

— Мисс Харт совершенно не заслуживает нашего доверия! Измена — серьезное преступление. Нам следует действовать

решительно. Спасибо, Эббен Хир, ваша информация бесценна.

Хейденец коснулся указательным пальцем пряди волос на лбу.

— Простите, фро, но, возможно, моему двойнику пора обратно? Я ощущаю признаки болезни разобщенности — не сплю ночами, испытываю приступы паники и головокружения, порой забываю, в каком из миров нахожусь. Моему двойнику там еще хуже. И еще: поймите меня правильно, фро, но тот мир — я знаю, вы там пленипотенциар, и все же... Мне там решительно не нравится!

— Потерпите, Эббен, еще немного. Вы — простите, не вы, ваш двойник — нужны мне. Я хочу знать, откуда взялся тот мальчишка Школа Бон-грин в Стоук-Ньингтоне. Пусть выяснит, и вы оба свободны.

Эббен Хир закрыл глаза, его губы зашевелились. Шарлотта Вильерс понимала, что он обменивается мыслями с двойником в другом мире. Она поежилась. Все миры Пленитуды по-разному пришли к открытию портала Гейзенберга: на Земле-3 портал открыли ученые, на Земле-5 обнаружили зоны, в которых проекции разных миров накладывались друг на друга, на Земле-7 причиной стала квантовая природа ее жителей.

— Хорошо, я это сделаю.

«Я» означало «мы». Мы это сделаем.

— Спасибо. А теперь, Шарль, соберем малый совет Ордена. Однако не в этой проекции, не обижайтесь, Эббен Хир. В моей резиденции, и как можно скорее. Но прежде мне хотелось бы побеседовать с Эвереттом Л Сингхом.

Рюну Спинетти нравилось воображать себя сыщиком. Нравилось, что люди не догадываются о том, что ты кое-что про них знаешь. Нравилось наблюдать за ними, оставаясь незамеченным. О том, как совершенствоваться в профессии детектива, писали на сайте «Стань сыщиком самостоятельно». Никогда не позволяй объекту слежки догадаться, что ты его пасешь. Используй отражающие поверхности: витрины, стекла машин, даже лужи. Следуй за отражениями. Рюн засиделся допоздна, читая про использование мусора для сбора информации, полезной для сыщика. В статье упоминались резиновые перчатки, гулкие пустые гаражи и китайские палочки для еды. Рюн от души надеялся, что ему не придется копаться в мусорной корзине Эверетта.

Бэкс, подружка Нуми, которая следила за Эвереттом, была никчемной сыщицей. Не видать ей работы в воскресном таблоиде как своих ушей. Правило первое: смешайся с толпой. В черных леггинсах с белым орлом и высоких шнурованных ботинках на каблуках Бэкс выделялась в толпе не меньше Далека. Неудобно, чтобы вести слежку, зато удобно следить. Но если Бэкс заметит, что он идет за ней, Рюну несдобровать. Его карьера сыщика бесславно закончится на сайте «Осторожно, маньяки!».

Интересно, эта Бэкс с кем-нибудь встречается?

Рюн следил за Бэкс, которая следила за Эвереттом у огородов. Эверетт никогда не упоминал про это место. Может быть, участок принадлежит его деду? Рюн навел на резкость «телевик» семейного фотоаппарата. На сайте «Стань сыщиком самостоятельно» утверждалось, что бинокль менее подозрителен, чем камера. У Бэкс классная задница, но она без конца жует резинку. Рюн считал, что люди, жующие резинку, выглядят глупо. Затем к Бэкс подошла Нуми, и ему пришлось уносить ноги.

Когда Рюн вошел, отец играл в «Word of Tanks».

— Пап, мне нужны деньги.

— Сколько?

— Сорок фунтов.

— Ничего себе!

— Хочу купить бинокль с ночным видением

— Бинокль с ночным видением?

Последовали наводящие вопросы: отец пытался окольными путями выяснить, зачем сыну понадобился бинокль.

— Настоящий бинокль с ночным видением, — повторил Рюн. — Продают на сайте «Бешеный авиасофт».

— Ну, если настоящий...

Про себя Рюн издал победный вопль. Он знал отцовские слабые места — тот и сам не откажется повозиться с новым прибором.

— У них магазинчик на Хайбери-роуд. Так я сбегая?

— Что, прямо сейчас?

— Они работают до семи.

Мама ничего не спросила, когда после ужина он выскользнул за дверь с биноклем на голове. На улице было слишком светло, поэтому, найдя брешь в ограде Клиссорд-парка, Рюн просочился внутрь. Вечерами там тусовались пьяницы и наркочилеры. С биноклем Рюн прекрасно видел их, оставаясь невидимым, — зловещие призраки маячили у эстрады и теннисных кортов.

— Отлично, — сказал он себе.

Парк светился, как фантомная зона из комиксов про Супермена. Уличные фонари взрывались подобно звездам, автомобильные фары прорезали темноту. Рюну казалось, что он слышит, как они рассекают воздух, словно световые мечи из «Звездных войн».

В конце Эден-террас он снова нацепил бинокль. Белые квадраты окон, путаница грядок, дорожек, сараев, бочек с водой и бамбуковых шестов. Кошка уставилась на него горящими глазами.

Замок был срезан. Отлично, теперь не придется использовать кусачки, которые ждали своего часа в рюкзаке. На земле он заметил застывшие брызги расплавленного металла

— Странно, — произнес Рюн, закрывая калитку.

Мертвые помидорные кусты и гнилые листья кабачков предательски скользили под ногами. Замок на сарае тоже был срезан.

Что ты там прячешь? Звездные врата между мирами? Если Доктор Кто поместил Тардис внутри телефонной будки, почему Пленитуда известных миров не может установить портал в садовом сарае?

Рюн неуверенно потянулся к щеколде. Если в сарае портал Эверетта — или псевдо-Эверетта, — то зачем ему понадобилось срезать замок? И почему металл оплавился? Он слышал стук собственного сердца. Никогда еще Рюн не испытывал такого страха. Он нервно сглотнул и распахнул дверь.

Бинокль позволил Рюну разглядеть творящийся внутри кошмар в мельчайших подробностях.

Обнаженное тело мужчины было утыкано пульсирующими черными трубками. Распластанное вдоль стены, оно висело, словно громадный бледный паук в центре паутины из черных нитей, покрывавших каждый сантиметр сарая. Густая черная жидкость капала на пол и мгновенно впитывалась. Из разинутого рта мертвеца тянулся клубок щупальцев. Концы щупальцев сочились черной вязкой жижей. Грудь была рассечена от горла до пупка, треснувшие ребра удерживались нитями такой же черной субстанции. Там, где должно быть сердце, что-то шевелилось. Крыса, слепленная из пяти разных крыс. Прибор ночного видения не позволял пропустить ни единой подробности. Крыса о пяти головах повернула к Рюну пять голов. Из пяти глоток раздалось шипение. В темноте вспыхнули сотни крысиных глаз. Сотни полукрыс, соединенных в один черный клубок, зашипели сотнями глоток, и, словно повинаясь сигналу, труп открыл глаза. Черные фасетчатые глаза насекомого. Плети из глаз мертвеца взметнулись в воздух, пытаясь дотянуться до Рюна.

Рюн не мог даже пикнуть. Он отпрянул, подскользнулся на гнилом стебле. Черные щупальца соединились, и над Рюном нависло лицо человека, превращенного в живую липкую грязь. Рюн узнал пропавшего крысомора. Лицо смотрело прямо на него.

Кто-то грубо схватил Рюна за капюшон парки и рывком дернул назад. Рюн орал, пересчитывая грядки спиной. Еще одно мерцающее лицо вплыло в поле зрения. Лицо Эверетта.

— Если тебе дорога жизнь, никогда не трогай эту черную дрянь!

— Эверетт, ты?

Что не так с его руками?

Черное лицо метнулось к Эверетту — тот выбросил вперед правую ладонь. Лицо взорвалось, как раздавленный фрукт, на миг застыло в воздухе и стекляшками осыпалось на землю. В сарае с шипением бились черные крысощупальца. Эверетт выбросил вперед

обе руки. В приборе ночного видения полыхнуло белое пламя. Шипение смолкло. Эверетт снова подцепил Рюна за капюшон и выволок на Эден-террас.

— Как ты?

— Я... это... Что? Этот... он... ты...

— Идти сможешь?

— Попробую.

Болело все. Разум отказывался принимать реальность происходящего. Этого не могло, не должно было быть!

— Быстрее, я еще не закончил.

Через прибор ночного видения Рюн наблюдал, как круглые пластиковые штуковины всосались в ладони Эверетта. Затем из его указательных пальцев выползли, на ходу раскрываясь, какие-то металлические штыри. Эверетт отошел к сараю. Яркие белые вспышки ослепляли Рюна. Он сдернул бинокль и увидел Эверетта, который брел к нему на фоне горящего сарая. Эверетт протянул ему руку — пальцы снова стали обычными. Могучая сила подхватила Рюна с земли.

— Скоро приедут пожарные.

— Эверетт...

— Не сейчас. Зачем ты... Ладно, некогда.

Каждый шаг давался с трудом. Внезапно до Рюна дошло, что до сих пор ему ни разу не довелось испытывать настоящей боли. В конце улицы он остановился.

— Система видеонаблюдения...

— Я обезвредил камеры на пути сюда, — сказал Эверетт. — В последнее время я всегда так делаю. Пошли к тебе домой, ты все еще не в себе. И еще — ты должен кое о чем узнать.

Одно Рюн знал твердо: ему окончательно расхотелось быть сыщиком.

— Можно мне посмотреть?

В теплой комнате царил уютный полумрак. Рюна окружали знакомые вещи на стенах, полках и мониторах, но ужас, пережитый в сарае, не отпускал. Слишком много всего случилось, слишком быстро и неожиданно. Начиная с Эверетта. С того, что Рюн теперь о нем знал.

— Это личное, — ответил Эверетт Л. — Все равно что показать свои внутренности.

— Еще недавно ты не стеснялся.

— Недавно я спасал твою задницу. Или ты хочешь, чтобы Нано поселились у тебя в мозгах, как у того крысомора?

Эверетт Л рассказал ему про Нано, но информация не укладывалась у Рюна в голове, продолжая с грохотом вращаться, словно камни в барабане стиральной машины с джинсами. Нано прибыли из параллельного мира и хотели захватить его мир. Эти Нано были плохими парнями.

— Ладно, уговорил, — вздохнул Эверетт Л.

Он стянул футболку, уселся на кровать рядом с Рюном и вытянул руки вперед. Линии, которые Рюн заметил в душе, потемнели и разошлись. Внутри, в открывшихся полостях, Рюн заметил паукообразные белые механизмы. Механизмы выехали из рук Эверетта Л, затем со щелчком встали на место.

— Здесь должны помещаться наноснаряды, но я использовал их на Земле-1. Чтобы перезарядиться, мне нужно вернуться на Землю-4.

Никогда в жизни Рюн не видел ничего прекраснее и в то же время отвратительнее. Его затошнило. Захотелось дотронуться до этих блестящих белых штуквин. Рюн протянул руку, но Эверетт Л шлепнул его по пальцам. Рюн вскрикнул и потер ушиб.

— Ты мне чуть палец не сломал!

— Извини. Впрочем, что толку извиняться. Больше никогда их не трогай.

— Болит? — спросил покрасневший Рюн.

— Все время, — ответил Эверетт Л, — каждую минуту. самого главного ты все равно не увидишь. Я стал быстрее, сильнее и

выносливее, я вижу и слышу то, о чем ты не подозреваешь. Я быстрее, сильнее и лучше всех в этом мире.

— Видишь? Ты можешь раздевать людей взглядом, как Супермен?

— Не могу, я проверял, — ответил Эверетт Л. — Но есть другие способности. Я слышу радиоволны. Так я отслеживаю Нано.

На лестнице раздались шаги. Подростки застыли. В ванную или в комнату? Шаги приближались. Не успел Эверетт Л натянуть одежду, как в комнату вошел отец Рюна, бросил недоуменный взгляд на приятеля сына, который запихивал футболку в джинсы, и спросил:

— Все нормально?

— Нормально, — ответил Рюн.

— Отлично. Э, Рюн, тебе нужен бинокль? Могу я его позаимствовать ненадолго?

— Я заметил, — сказал Эверетт Л, когда отец Рюна удалился с биноклем в руках, — что ты перестал мычать.

«Хочешь знать, когда и почему?» — усмехнулся про себя Рюн. Когда увидел, как инопланетные механизмы выехали из ладоней Эверетта. Теперь Рюн знал наверняка. Этот Эверетт не был его лучшим другом, он был двойником из параллельного мира, не просто двойником: киборгом, шпионом. Связался с плохими парнями, втерся в доверие к матери и сестре его друга. Пытался убить настоящего Эверетта. Обманом протащил с Земли-1 чужую нанотехнологию, выедающую мозг, и умудрился утратить над ней контроль.

— Колетта была права, — прошептал Рюн.

— Что?

Рюн не заметил, что говорит вслух.

— Колетта, приятельница твоего отца, ну, то есть отца твоего двойника..

Как легко ошибиться, перепутать оригинал с подделкой! Особенно если ответ зависит от того, в каком ты сейчас мире.

— Ты виделся с Колеттой? Зачем?

— Она ничего мне не сказала. Только предупредила об опасности.

— Да, это опасно. Я опасен.

— Я знаю.

Эверетт Л рассказал ему про политику Пленитуды и Ордена, про Шарлотту Вильерс и ее двойника Шарля. Про их агентов в этом мире, про то, кому можно доверять, а кому нельзя, но некоторых вещей Рюн

так и не понял. Он подозревал, что Эверетт Л сам блуждает в потемках.

— Я не знаю, что мне делать, — внезапно произнес Эверетт Л.

— Сражаться с Нано, — сказал Рюн.

— Да нет, наверное. Не с Нано. Нет, с Нано! Должен ли я признаться Шарлотте Вильерс? Если я признаюсь, что она сделает с моей настоящей мамой? С мамой твоего друга? С Нуми? С тобой? С нами? Я не знаю, что мне делать!

Рюн понимал, что, несмотря на суперспособности, сейчас Эверетт Л особенно остро ощущал свое бессилие.

Извечная проблема супергероев. Ты управляешь энергией Солнца, но тебе не побороть голод. Забрасываешь на орбиту небоскребы, но не способен одолеть коррупцию. Читаешь в душах людей, но не в силах победить гомофобию.

Супергерою нужен враг. Бэтмен против Джокера. Фантастическая четверка против Галактуса. И будь враг хоть Поглотителем миров, в конце концов над ним можно одержать верх! Но настоящие проблемы не решаются кулаками. Настоящие суперзлодеи — те, кто переделал Эверетта, забросил в чужой мир и сделал своим агентом И против них у Эверетта не было оружия. Против тех, кто носит костюмы и заседает в кабинетах. Уничтожь одного — другой тут же займет его место.

— Я хочу, чтобы это закончилось! — крикнул Эверетт Л.

— Тише, Эв, тише, мои услышат...

— Я не просил, чтобы в меня вживили эти штуки, — продолжил Эверетт Л шепотом. — Я ненавижу их. Они рвутся наружу, они делают меня... грязным. Я никогда не очищусь, никогда не буду в безопасности, в тепле! Я хочу, чтобы мне вернули меня прежнего! Хочу, чтобы это закончилось, хочу домой!

— Эверетт... Эв... тише.

— У меня никого нет, это ты можешь понять? Никому меня не понять! Я хочу ненавидеть его, другого, твоего друга. Это из-за него я стал таким. Но я не могу его ненавидеть! Потому что он — это я. И я один, и никто не знает, как мне плохо!

— Эверетт, теперь я знаю.

— Нет, не знаешь, откуда тебе знать? Никто не может знать, что со мной происходит!

— Я знаю, что с тобой происходит. Я знаю тебя.

Заподозрив, что под маской Эверетта скрывается его ДВОЙНИК, Рюн начал искать отличия.

Оба Эверетта были страшными умниками, но никогда не выпячивали свой ум. Оба были робки и стеснительны, и оба храбры, если потребуется. Однако тринские технологии, подарившие Эверетту суперспособности, сделали его самоуверенным и высокомерным. И Рюну это нравилось. Его старому другу Эверетту никогда не хватило бы духу пригласить Нуми на свидание. Он просто хакнул бы страницу «Эверетт: вид сзади», не дожидаясь, пока какой-нибудь чужак начнет выставлять оценки его заднице. Его старый друг Эверетт никогда не стал бы мыться в общей душевой после игры.

Однако обратной стороной самоуверенности этого нового Эверетта был гнев. Гнев был топливом, которое его питало. Каждый раз, когда в его руках открывались отверстия, каждый раз, когда он использовал инопланетное оружие, гнев переполнял его.

Теперь Рюн знал, что должен делать. Он не делал так ни разу в жизни, но как только мысль пришла в голову, назад пути не было. Он осторожно обнял друга за плечи. Тело Эверетта Л было жестким, словно натянутая струна, и холодным, очень холодным. Мышцы напряглись, потом расслабились. Несмотря на духоту, Рюн поежился. Тело его друга сотрясало в конвульсиях.

— Все хорошо, — повторял Рюн. — Все будет хорошо.

Шарлотта Вильерс с удобством устроилась в кресле миссис Абрахамс: сумочка на столе, руки на коленях, ноги скрещены в лодыжках.

— Мисс Вильерс забирает тебя, — сказала миссис Абрахамс тоном человека, привыкшего командовать, но вынужденного подчиняться в собственном кабинете.

— Я верну его, как только мы закончим, — сказала Шарлотта Вильерс. — Ты готов, Эверетт?

— Могу я сначала принять душ?

— Лучше в учительской душевой, — с тонкой улыбкой обратилась к директрисе Шарлотта Вильерс. — Безопасность прежде всего.

Для миссис Абрахамс это стало последней каплей. Еще и оскорбление учительской душевой.

Эверетт Л запер за собой дверь и вытащил телефон. Сообщения, контакты. Сначала Нуми: «Сегодня не приду — занят поисками отца». Честность, искренность, забота. Эверетт Л выучил урок. Ну, почти выучил.

Сообщения, контакты. Теперь Рюну: «Я у ШВ. Используй GPS». Палец медлил над кнопкой. Что, если Шарлотта Вильерс отслеживает его контакты? Тогда она давно знает про Рюна. Все усложнялось, когда в дело вмешивались другие люди: Рюн, Нуми, Лора, Виктория-Роуз. Что нужно Шарлотте Вильерс? Новая секретная миссия за пределами этого мира? Ему не помешает свидетель.

Отправить.

Такси ждало у ворот школы.

— А где «мерс»? — спросил Эверетт.

— Я потеряла шофера, — ответила Шарлотта Вильерс, изучая свое лицо в зеркале пудреницы. Эверетт Л успел заметить в сумочке крошечный пистолет. Едва ли это вышло случайно.

— Я собиралась на обед, — продолжила Шарлотта Вильерс. — Ты голоден? Плотный обед — начало хорошего дня.

Шофер преодолевал обеденную пробку от Стоук-Ньюингтон-чёрч-роуд до Альбион-роуд. Эверетт Л смотрел на фасад дома, в котором жила Нуми.

— По крайней мере, теперь мне не нужно добираться сюда из промозглой дыры в Кенте. Мы построили новый портал, ближе к средоточию власти.

Раньше Шарлотте Вильерс не приходилось бывать пленипотенциаром в недавно отрытом мире, но оказалось, что местными политиками на удивление легко манипулировать. Покажи им портал Гейзенберга, позволь заглянуть за край мира и осознать собственную ничтожность перед лицом мультиверсума — и они сразу становятся ручными.

Шарлотта Вильерс захлопнула пудреницу.

— Пленитуда в опасности.

Эверетт вздрогнул. Она знает про Нано.

— Твой двойник предал нас, — продолжила она, и у Эверетта отлегло от сердца. Двойник. Не он, а его двойник.

— Твой мир, мой, этот мир. Все десять миров в опасности. Ты схватываешь на лету, поэтому изложу вкратце. В наших мирах динозавры вымерли десять миллионов лет назад. Вообрази мир, где этого не случилось. Шестьдесят пять миллионов лет динозавры эволюционировали. Что из этого следует?

Не успевший оправиться от изумления Эверетт Л соображал туго. Еще одна угроза? Страшнее, чем Нано? О чем она говорит? Разумные динозавры?

— Из этого следует, что перед нами у них шестьдесят пять миллионов лет форы.

— Умница. В двадцать раз дольше, чем история человечества как вида. Это очень, очень много.

Они буксовали на забитой автомобилями Эссекс-роуд.

— Пойдите, раз они такие крутые, почему они до сих пор не здесь?

— Умница, хороший мальчик. Потому что они агрессивны и порочны, разобщены и воинственны. Всякий раз, когда какая-то группа одерживает верх, остальные объединяются и уничтожают ее. Цивилизация Джишу тысячи раз погибала и восставала из пепла. Десятки тысяч раз.

— Джишу?

— Мне придется посвятить тебя в тайную историю Пленитуды. В самом начале, еще до великого карантина, когда не было никакой Пленитуды, а были лишь Земля-1 и Земля-2. Земля-1 посылала зонды в случайные миры. Им удалось открыть сотни проекций. Одной из них был мир Джишу. Зонд пришлось разрушить, но увиденного оказалось достаточно, чтобы навсегда забыть туда дорогу. Твой двойник случайно набрел на Джишу в поисках отца и позволил рептилиям завладеть Инфундибулумом.

— Наверное, у него не было выбора, — сказал Эверетт Л.

— Я не ослышалась? Ты ему сочувствуешь?

— Он мой двойник. Он — это я, я — это он. Возможно, речь шла о жизни и смерти.

— Тебе виднее, ведь это ты — его двойник.

Они медленно двигались по Пентовилль-роуд.

Велосипедист в желтом жилете встал рядом с такси на светофоре.

— Куда мы едем?

— На обед. Президиум обеспокоен, хотя в любом случае мы не в силах помешать вторжению Джишу.

— Даже с помощью Трина? — Произнеся это слово, Эверетт Л внезапно ощутил встроенные механизмы отдельно от собственного тела. — Мадам Луна их остановит.

— Мы над этим работаем.

Наконец-то до Эверетта Л дошло. Мадам Луна, Земля-4, его дом.

— А как же моя мама, Виктория-Роза, бебе Сингх, бабушка Брейден?

— Не тревожься, мы защитим их, Эверетт.

Эверетту Л захотелось выскочить из машины и с криком бежать куда глаза глядят. Но маленькая кнопка на двери горела красным — он был заперт внутри салона с Шарлоттой Вильерс.

— Ты должен остаться здесь, Эверетт. Если начнется вторжение, настоящий... — Шарлотта Вильерс осеклась. — ... Другой Эверетт вернется за своей семьей. Ты должен быть начеку.

— Мама, Вики-Роза, — произнес Эверетт Л.

— Орден о них позаботится.

Велосипедист втянул велосипед на тротуар и принялся лавировать между прохожими. Флотилия автобусов выползла со стороны станции

подземки. После нескольких дождливых дней наконец-то развиднелось и порывистый ветер высушил дороги и тротуары. Солнце отражалось от стеклянной пристройки к вокзалу Кингс-Кросс и от кричащих вывесок дешевых ресторанчиков бангладешской кухни. Вокзал Сент-Панкрасс выглядел куском Готэма, пустившим корни на северо-востоке Лондона.

Эверетт попытался представить, что голубое небо над ним кишит кораблями захватчиков: дирижабли, звездолеты, «Звезды смерти» из «Звездных войн», космические корабли-носители, миллионы юрких истребителей. Треногие летательные аппараты, гигантские Годзиллы. Интересно, на чем летают высокоразвитые рептилии?

— Я не верю.

— Напрасно, Эверетт. Джишу скоро появятся. Будь начеку. На этот раз никаких проколов.

Такси юркнуло на Юстон-роуд и свернуло налево, к Тоттенхэм-Корт-роуд.

— Куда вы меня везете?

— Ты любишь японскую кухню? — вместо ответа спросила Шарлотта Вильерс — Твой приятель Рюн любит. — Такси остановилось рядом с маленьким японским ресторанчиком. Кошка Манэки-нэко махала лапкой в окне у двери. — По крайней мере, должен... Кстати, вот и он.

Дверь открылась. В дверях ресторанчика показался Рюн. Он выглядел бледным и напуганным. Коренастый крепыш с прилизанной шевелюрой вышел за ним следом. Костюм сидел на незнакомце как-то криво.

— Куда вы меня привезли? — спросил Эверетт Л.

— На обед, — ответила Шарлотта Вильерс — Всего лишь на дружеский обед. Твой друг Рюн не предатель, но любопытство завело его слишком далеко. Сыщик из него никакой, иначе он давно заметил бы слежку. Ящик Пандоры нельзя закрыть. Хорошо хоть ты не проболтался своей подружке. Кстати, Нуми — не настоящее имя. Я всегда подозревала, что вы, мальчишки, доверяете только приятелям. Видишь ли, я люблю быть уверена в тех, с кем работаю. В тебе, в твоём друге Руне, в твоей подружке Нуми. В Колетте Харт... Рюн встречался с ней, а ведь я не велела. Мы можем не только защитить, но и лишить защиты.

— Если вы приблизитесь к Нуми, я убью вас!

— Не убьешь, Эверетт, не пугай. Видел моего коллегу? Его имя Хир Доде. Он с Земли-7. Наверняка ты слышал о двойниках с Земли-7. Все, что он видит, слышит, чувствует и думает, он разделяет со своим двойником Эббен Хиром. Вот только Эббен Хир сейчас не на родине — он на Земле-4. А точнее, на северо-востоке Лондона, в Стоук-Ньюингтоне, на Родинг-роуд, у дома номер сорок три. Ты быстр, Эверетт, но не быстрее квантовой запутанности. А теперь, когда между нами больше нет недомолвок, закажем суши.

Эверетт и Сен чувствовали себя звездами первой величины.

«Добро пожаловать, гости из другой Вселенной!»

Они продвигались по десяти километровой королевской дороге, сидя в шелковом паланкине на спине иноходца-зауропода. Дорога спиралью спускалась внутрь одного из громадных черных зиккуратов, которые Эверетт разглядел еще во время полета на императорской воздушной яхте. Вдоль дороги стояли тысячи Джишу, и по мере продвижения процессии цвет их хохолков волнообразно менялся с красного на оранжевый. Кахс восседала в богато украшенном седле на затылке зауропода, приветствуя восхищенные толпы поднятием руки и хохолка. Процессия растянулась на часы. Эверетт и Сен успели вздремнуть, привалившись друг к другу, словно котята.

«Наши друзья — странники между мирами — почтили игру своим присутствием!»

Их усадили в королевской ложе на арене для игры, напоминавшей баскетбол, только колец, установленных вокруг площадки, было десять. Эверетт вбросил мяч, дюжина рук взметнулась в воздух. Джишу сшибались телами и яростно атаковали. Кахс успела сменить дюжину цветов и просвистеть целую арию, а Эверетту никак не удавалось сосредоточиться на игре. Он думал о сезонных билетах на северную трибуну Уайт-Хартлейн, о жарких футбольных спорах по дороге от стадиона до квартиры отца, где их ждала традиционная совместная готовка.

«Хозяин Мультиверсума и его спутник наслаждаются культурными достижениями великого народа Повелителей Солнца!»

Десять тысяч Джишу исполнили длинный изысканный танец с разноцветными веерами, массивными куклами на палках и громадными светящимися деревьями у подножия города-зиккурата Палапахедра. Каждая пирамида представляла собой единое строение, целый город, причем количество подземных уровней заметно превышало количество наземных. Самодостаточное, самоуправляемое, населенное сотней миллионов Джишу. По дороге сюда на израненном дирижабле Эверетт успел потерять счет этим черным пирамидам.

— Какой я вам спутник? — фыркнула Сен.

«Приматы отправляются на сафари!»

На воздушных саях они скользили над морем — шире, чем любое из земных морей. Сен заколола волосы назад, натянула очки для сварки и судорожно вцепилась в край плота. Ниже, быстрее, ближе! Она подгоняла пилота, который не понимал слов, но прекрасно ощущал ее возбуждение. В этом небольшом, по меркам Колеса мира, внутреннем море водились редкие образцы. Эверетту приходилось видеть компьютерную имитацию морских чудищ времен динозавров: щелкающие челюсти, длинные шеи, громадные плавники, но эти представители местной фауны посрамили бы не только древних земных рептилий, но и огромных земных китов. Над поверхностью, высматривая добычу, кружили птеродактили. Внезапно в глубине мелькнула тень; из воды, подняв тучу брызг, вынырнула голова чудовища, и огромная пасть схватила с дюжину крылатых тварей. Обходя опасность, пилот заложил крутой вираж. Сен издала радостный визг.

«Инопланетяне восторгаются мощью Повелительниц Солнца!»

Они стояли в зале внутри залы внутри залы, в самом сердце императорского дворца. Чтобы попасть сюда, Эверетту и Сен пришлось миновать множество коридоров и комнат, причем каждая следующая была больше предыдущей. Или инфундибулярнее, подумал Эверетт. Как Тардис.

В самом большом зале располагалась модель мира Джишу. Они шагнули на поверхность парящего в воздухе диска — из-за слабой гравитации каждый шаг уносил Эверетта на несколько метров вперед. В центре сияла модель Солнца. Вокруг диска на висящих в воздухе консолях стояли техники Джишу, которые управляли механизмами. Техники уменьшили свечение Солнца, и люди увидели в полом центре кольца вертикальные прямоугольные пластины. Каждая размером с Землю, прикинул в уме Эверетт. На северном и южном полюсах серебрились какие-то сложные призрачные механизмы. Ничто не могло просуществовать дольше мгновения в такой близости от кипящей поверхности светила. «Должно быть, они используют то же силовое поле, которое поднимает в воздух их корабли и дворцы», — размышлял Эверетт. «Двигатели управляют Солнцем», — с гордостью объяснила Кахс. Это было ее наследие: умение заставлять Солнце

плясать. «Но ведь и я так могу, — подумал Эверетт. — Когда-то, на Земле-1, я направил разрушительную энергию Солнца на Имперский университет в Лондоне».

Теперь он понимал, что перед ним не просто модель, а система управления. Одно прикосновение — и можно сжигать космические корабли и двигать небесные тела. Холодный пот прошиб Эверетта: он слишком хорошо понимал, что для Джишу разобрать Инфундибулум — плевое дело. Инфундибулум, который отец доверил ему одному! «Прости меня, папа, у меня не было выбора».

Когда Кахс повела их обратно по матрешечным комнатам и коридорам, Эверетт прошептал на ухо Сен:

— Больше не могу. Ненавижу все это.

— И я, — прошептала Сен в ответ. — Не хочу быть принцессой. Все принцессы такие нафф!

* * *

Тук-тук. Скрежет-скрежет.

— Да?

Тук-тук-тук.

— Открыто.

Дверь отворилась. От неожиданности глаза у Сен полезли на лоб. Она вскрикнула, успев прикрыть ладонями маленькие грудки. На Сен были только трусики.

— Эверетт Сингх! Откуда мне было знать, что это ты?

— Прости, прости, пожалуйста. — От смущения Эверетта бросило в жар. Дверь лэтти с грохотом захлопнулась у него перед носом — Теперь можно?

Дверь снова отворилась. На Сен была регбийная футболка.

— Только здесь не прибрано.

Кахс предложила каждому члену команды пугающе роскошные апартаменты в Гостевой башне, но Эверетт, Сен, капитан Анастасия, Макхинлит и Шарки решили ночевать на дирижабле.

Только отсюда они не могли видеть свой истерзанный воздушный корабль. «Эвернесс» представляла собой жалкую пародию на

дирижабль: хребет деформирован, мостики и трапы покривились, потолки прогнулись, двери перекосило, обшивка зияла дырами. Из трех оторванных двигателей установили только один, над вторым еще предстояло покорпеть, третий был безвозвратно утерян. При взгляде на «Эвернесс» у Эверетта щемило сердце. Решение оставаться на борту было еще и проявлением верности, выражением любви.

Иллюминатор в лэтти треснул, деревянные панели на потолке расщепились, но гамак висел ровно. Из шкафа вываливались яркие шмотки, все поверхности были уставлены баночками, со стены смотрели игроки в регби. Эверетт подвинул какую-то деревяшку и уселся на откидное сиденье. Янтарный шар на конце деревяшки покрылся рябью, словно желе. Эверетт вскрикнул и отшвырнул деревяшку. Сен ловко подобрала ее с пола. Золотистая, коричневая, желтовато-оранжевая поверхность перестала рябить и замерла.

— Так вот он какой, — сказал Эверетт. — Можно потрогать?

— Он не любит, когда его касаются чужие. — Сен аккуратно убрала жезл в угол. — Кто угодно, кроме меня.

— Ты можешь им управлять?

Сен кивнула:

— Могу, но не хочу. Он не отпускает меня, он все время у меня в голове.

— У меня такое же чувство, — сказал Эверетт.

— Я знаю.

— Сен, я отдал им Инфундибулум!

— Тебе пришлось, Эверетт. Ты не мог поступить иначе. На твоём месте любому из нас пришлось бы так поступить.

— Но это неправильно!

— Я скажу тебе, что ты не виноват, если ты скажешь, что я тоже не виновата.

— Тебе пришлось застрелить ту Джишу. Капитан... Анни сказала, что у тебя не было выбора.

— Все случилось слишком быстро — сказала Сен. — Я даже не успела подумать. Нажала на курок — бумкер выстрелил. Быстро, и в то же время так медленно. Если бы я могла отмотать время назад! Теперь я — убийца, Эверетт Сингх. И мне никогда от этого не очиститься. Теперь я всегда буду чувствовать себя грязной.

Пришвартованная «Эвернесс» кренилась под порывами ветра. Здесь, в стволе шахты, ветра дули либо сверху, либо снизу.

— Я тоже убийца, — сказал Эверетт. — Правда, сам я не убивал, но дал оружие Кахс, а она убила другую принцессу.

— Если бы не ты, Кахс погибла бы. Думаешь, другая Джишу приняла бы Эверетта Сингха и мистера Майлза О'Рейли Лафайет Шарки с распростертыми объятиями? Да она бы вас в капусту изрубил! Ты все сделал правильно. Мы все сделали правильно.

— Но я чувствую иначе!

— Вот и зря.

— Кахс носится с нами как с писаной торбой, а я думаю только о том, что лучше бы отец никогда не давал мне Инфундибулум. И почему я сразу его не уничтожил? И тогда Джишу, которую ты убила, была бы жива, и солдаты Шарлотты Вильерс, и Теджендра с Земли-1, и Эд Заварушка! Тот Эверетт, мой двойник, ходил бы в школу, общался с друзьями, встречался с девушкой, играл в футбол, а вы с Анни жили бы и горя не знали на своей Земле-3. Конечно, Шарлотта Вильерс похитила бы отца, но она не стала бы его обижать, а когда получила бы Инфундибулум, отпустила бы восвояси.

— Ты правда так думаешь? — выпалила Сен с горящими от ярости глазами. — Плохо ты знаешь эту Шарлотту! Я повидала таких шустрых в порту Большой Хакни, они никогда своего не упустят. Ты поступил правильно, Эверетт. Ты — настоящий герой.

— Никакой я не герой! Если бы я был героем, разве сидели бы мы в разбитом дирижабле, окруженные триллионами рептилий, которых я своими руками отправил завоевывать новые миры? Если бы я был героем, разве допустил бы я, чтобы все пошло наперекосяк? Чтобы все вокруг меня страдали и умирали?

— Эверетт... — Сен встала, на лице застыла решимость. — Пошли, сегодня ты спишь со мной.

— Что?

Сен молча улеглась в гамак.

— Ложись рядом, места хватит. Помнишь, на Земле-1 мне приснился страшный сон?

— Тебе снилось, что ты была внутри той жуткой башни.

— И я попросила тебя остаться со мной до утра.

— Да.

— А сегодня ты нуждаешься во мне, но у оми не принято просить о таком, поэтому прошу я: останься со мной, Эверетт Сингх.

Крюки закрипели, когда Эверетт скользнул внутрь гамака. Сен была тощей и жилистой, как дворовая собачонка. Она бесстрашно оплела его тело руками и ногами. Ее худенькое тело пылало жаром, и скоро прерывистое дыхание, с хрипом вырывавшееся из груди Эверетта, сменилось тихими всхлипами. Он не испытывал ни смущения, ни стыда. Иногда оми нужно выплакаться, а Сен была такой теплой, такой близкой.

Она погладила его по голове:

— Вот и славно, Эверетт Сингх.

Дирижабль снова качнуло. В иллюминаторе промелькнула арка слепящего света между стеной шахты и дворцом. Вздрагивая в тощих руках Сен, Эверетт Сингх знал, что, куда бы его ни занесло — в триллионы и триллионы миров Паноплии, — он никогда уже не будет одинок.

Ее волосы были такими мягкими и пахли Сен.

— Сен?

— Что, Эверетт Сингх?

— Просто... твой запах...

— Хочешь сказать, я вонючка?

— Да нет же! Мне нравится.

— Тогда ладно, Эверетт Сингх.

Эверетт теснее прижался к Сен.

— Сен.

— Что еще, Эверетт Сингх?

— Твоя футболка...

— Что с ней не так?

— Ты не могла бы ее снять?

Сен хмыкнула:

— Ничего себе! Все вы, оми, одинаковые. Нет, Эверетт Сингх. Ты — мой новый бонафренд.

— Это что-то вроде бойфренда?

— И не надейся! С ума сойдешь с этими оми, на ходу подметки рвут! Это значит лучший друг. Парни из Хакни слишком заняты собой, слишком зуши. Смотрят в зеркало чаще, чем на тебя.

— Значит, лучший друг.

— Лучший друг, с которым я сплю.

— И много у тебя таких друзей?

— Не много. Мы с Джири...

— С каким таким Джири?

— Что ты там блеешь? Неужели ревнуешь, Эверетт Сингх?

Джири — полоне. И нечего так на меня смотреть, все вы, оми, одинаковые.

— Ты сама меня позвала, Сен.

— Я помню, Эверетт Сингх. Надо же, сними футболку!

— А что здесь такого?

— Запомни, когда я говорю «нет», это не значит «да, потому что ты — это ты», или «да, но не сейчас, может быть, на днях». «Нет» — значит «нет».

Сначала возник свет. Яркий белый луч пробился сквозь щель в центре камеры, откуда управляли Солнцем, ударил в купол и разбился на сотни лучиков. Затем центральный луч расширился, обратившись радугой. Голографическая модель мира Джишу раскололась на шесть секций, которые плавно разошлись от расширяющейся щели. Сен взвизгнула, когда твердая на вид секция проплыла мимо нее.

— Не забывайте, мы — аэриш из Хакни, — сказала капитан Анастасия.

Эверетт втянул живот и расправил плечи, как учили на уроках по актерскому мастерству, где заставляли проделывать дурацкие согревающие упражнения. Мог ли он подумать, что старые навыки пригодятся?

Свет слепил глаза. Щурясь, Эверетт разглядел возникший из щели предмет: сияющий трон. Образец величия народа Императрицы. Свет был холодным, очень холодным.

Императрица Солнца сидела на троне. Сияние исходило из его бесчисленных выступов. Когда на свет стало больно смотреть, яркость упала, а щель в полу закрылась. По пологому настилу Императрица спустилась на пол. Джишу благоговейно воздели руки, и камеру заполнил взволнованный щебет. Хохолки поднимались и опускались, меняя цвет от золотого до синего.

Эверетт почувствовал, как пальцы Сен сплелись с его пальцами. Ее ладошка была маленькой, теплой и сильной. Проснулся он рано — внутри шахты посреди Плоского мира биологические часы сбились, — выскользнул из гамака Сен и прокрался в свою лэtti. Никто его не видел, но Эверетта мучило чувство вины. Он все еще переживал события вчерашнего вечера: Сен сама его позвала, но он злоупотребил ее доверием. Бонафренд, с которым можно по-дружески прикорнуть в гамаке. Ему хотелось большего.

Императрица подняла изукрашенный коготь — из пола вырос высокий пюпитр. Джишу, не мудрствуя, в точности скопировали свой Инфундибулум с Эвереттова планшетника.

— Хоть бы серийный номер стерли, — буркнул Макхинлит.

Императрица Солнца коснулась экрана. На ее лицо упал свет. Императрица переморгнула, затем пропела короткую фразу на языке Джишу.

— Удивляется, как ее угораздило получить эту работу, — ехидно заметила Сен.

Кахс поспешила к матери. Ее длинные пальцы забежали по экрану.

— О господи, — шепнул Эверетт.

Сен сжала его руку.

Императрица Солнца смотрела на него. В ее глазах он видел силу, злобу и ненависть длиной в десятки миллионов лет.

— Императрица благодарит тебя, — произнесла Повелительница Солнца с интонацией его матери. — Ты сослужил нам великую службу. Отныне имя Эверетта Сингха будет прославлено моим народом в веках.

Затем она вернулась к парящему в воздухе трону.

— Зачем он вам? — спросил Эверетт.

Со всех сторон раздалось шипение. Никто еще не осмеливался обращаться к Императрице напрямую.

Императрица Солнца резко обернулась и грозно посмотрела на Эверетта. Ее ноздри раздувались. Но Эверетт больше не боялся.

— Ради блага и безопасности моих подданных. Чего еще может желать монарх?

— Теперь, когда он у вас, мы можем вернуться домой?

— Вы — мои гости. И вольны уйти, когда захотите.

Императрица заняла место на троне. Свет ослепил команду. Когда Эверетт снова открыл глаза, трон исчез, а щели в полу словно и не бывало. Поддельный Инфундибулум стоял на подставке.

— Занавес, — промолвила капитан Анастасия. — Пора приводить «Эвернесс» в порядок и убираться из этого чертова мира подбру-поздорову, не в обиду вам будет сказано, принцесса.

— Ты посмел первым обратиться к моей матери! — прошипела Кахс Эверетту. — К моей матери!

— А нечего было говорить голосом моей, — буркнул Эверетт.

— Ты еще не слышала, как я иногда обращаюсь к моей матери, — прошептала Сен.

— Твоя мать не глухая! — прогремела капитан Анастасия.

— Отличные шмотки!

Сен швырнула Эверетту одежду. Куртка, шорты, сапоги.

— Переодевайся!

Она уже успела облачиться в любимую рваную футболку, серые леггинсы, полусапожки и куртку военного покроя в стиле аэриш.

— Зачем? Что случилось? — спросил Эверетт, придавленный ворохом одежды.

— Мы отправляемся домой.

— Куда?

— Домой. — Капитан Анастасия просунула голову в дверь лэтти.

— На Землю-3. Как только Макхинлит зарядит батареи для прыжка.

— А как же мой отец? — воскликнул Эверетт. — А Шарлотта Вильерс? В конце концов, Пленитуда? Это безумие!

Капитан Анастасия шагнула в коридор, расправила пояс на бриджах, пристукнула каблуком.

— Позволь считать твоё последнее замечание проявлением неконтролируемой подростковой агрессии, — ледяным тоном заметила она. — Я должна починить мой корабль.

— В технологическом смысле Джишу опережают нас на шестьдесят пять миллионов лет. Они способны починить все, что угодно!

— Но не дирижабль и уж точно не «Эвернесс». Я отведу ее домой, где с ней умеют обращаться.

— Но...

— Никаких «но», мистер Сингх. Я отведу «Эвернесс» домой, на ее родину, в Бристоль. Там ее быстренько приведут в чувство и сделают зуши. В истинном бристольском стиле! Мы избавились от того бижу жучка, так что Шарлотта Вильерс нам теперь не помеха. Поэтому одевайтесь потеплее и займите свое место в рубке, мистер Сингх. Мы отбываем в самое ближайшее время.

С этими словами капитан Анастасия Сиксмит взлетела по громыхающему покосившемуся трапу на капитанский мостик, будто подросток в предвкушении вечеринки.

В голове Эверетта, пока он натягивал леггинсы и шорты, вертелись десятки, сотни, тысячи возражений. Любой прыжок

оставляет след в квантовой реальности мультиверсума, и об их возвращении тут же станет известно Шарлотте Вильерс. Она отправила спецназ в Плоский мир — неужели ее остановят несколько сотен километров западного побережья Англии? И потом, для того чтобы залатать дыры, потребуется куда больше средств, чем можно собрать благотворительной гаражной распродажей или быстрым краудфандингом.

При мысли о Шарлотте Вильерс челюсти и кулаки Эверетта непроизвольно сжались. Тоже мне храбрость — напасть на четырнадцатилетнюю девчонку! Тоже мне благородство — удрать, бросив солдат на произвол судьбы! Капитан Анастасия ни за что не оставила бы свою команду в беде. Капитан не покорилась, даже истекая кровью. А тут еще Сен... Хорошо, что он не видел ее раненой. Джишу починили ее, запустив наномашинны в каждую мышцу, вену и клетку, изменив и перестроив ее тело. Теперь Сен способна управлять жезлом Королевы генов. Надолго ли? Больше всего на свете Эверетту хотелось оказаться подальше от этого искусственного кровавого мира, от бесконечных войн и соперничества. Земля-3 была теперь и его домом, но он не испытывал радости от возвращения домой.

Джишу завладели Инфундибулумом!

Эверетт затянул ремни на сапогах и поднял голову. Что за шум?

Сердитый голос Макхинлита. Механик «Эвернесс» даже просыпался по утрам не в духе. Женский голос, еще более грозный. Голос его матери Лоры. Кахс.

Эверетт бросился вниз, в трюм. Впереди — с жезлом наперевес — неслась Сен. Макхинлит стоял, предостерегающе вытянув руку. Нимб Кахс воинственно вздыбился, расщепился на острые алые кинжалы и снова опал.

— Эверетт Сингх! — воскликнула Кахс. — Убери от меня этого человека! Убери от меня своих людей! Теперь я знаю, для чего моей матери нужен Инфундибулум!

* * *

— Пятьдесят миллионов лет мы сражались друг с другом. Война за войной. Гибель цивилизаций. И до сих пор ни одной стороне не удавалось одержать окончательную победу.

Члены команды сгрудились вокруг Кахс. Макхинлит присел на корточки, капитан Анастасия скрестила на груди руки, Шарки угрюмо выглядывал из-за ее плеча. Эверетт сидел на верхней ступеньке трапа, поджав колени к подбородку, Сен примостилась рядом, положив жезл на колени. Кахс обвела людей долгим пристальным взглядом.

— Но так было до сих пор. Пока моя мать не придумала, как сделать, чтобы Повелители Солнца победили, а все остальные проиграли.

— Используя Инфундибулум, — подсказала капитан Анастасия.

— Да.

— А точнее? — спросил Эверетт.

— Мы — повелители Солнца. Мы можем зажечь его, потушить или заставить сиять ярче.

— Что она имеет в виду? — спросил Шарки.

— Солнечную вспышку, — ответил Эверетт. — Вы можете запустить в обратном направлении устройства, которые заставляют Солнце подниматься и опускаться. Вы направите вспышку в сторону от Плоского мира, простите, мира Колеса. Или вокруг него.

— Мы способны на большее, — сказала Кахс — Мы способны зажечь новую звезду.

— Что это? — спросила Сен.

— Взрыв, — ответил Эверетт. — Обычно нейтронные звезды...

Его перебил возглас Сен:

— Но это значит...

— Полное уничтожение всего живого, — кивнула Кахс. — Триллионы смертей. Мир превратится в безжизненную пустыню на десятки тысяч дней.

— Или несколько сотен лет, — перевел в уме Эверетт.

— Но тогда вы тоже умрете... — начала Сен.

— Им пришлось бы куда-нибудь спрятаться, — сказал Эверетт. — Вот в чем слабость вашего плана: раньше вам было некуда спрятаться.

— А теперь моя мать получила то, чего ей не хватало для окончательной победы.

— Пленитуду, — промолвил Эверетт. — Вы отправитесь куда угодно. Вторгнетесь в чужие миры, дождетесь, пока Солнце снова погаснет и мир Колеса станет вашим.

— Таков ее план.

— Но спустя несколько сотен лет мы научимся с вами сражаться! Наверное, даже побеждать. Вы готовы к такому риску?

— Мы ничем не рискуем, — просто ответила Кахс.

Истолковать ее слова иначе было невозможно. Правители Солнца собирались истребить все десять миров. И оружие они получили из рук Эверетта.

Все молчали. Сложно найти слова, когда человечеству только что вынесли смертный приговор. Разум Эверетта отказывался верить в слова Кахс, произнесенные спокойным голосом его матери.

Первой пришла в себя капитан Анастасия.

— Зачем вы рассказали нам об этом, Кахс? — спросила она. — Что мы можем сделать?

— У вас есть настоящий Инфундибулум, — ответила Кахс — Это все, что я знаю.

— Солнцежар! — выпалил Макхинлит, кошачьим движением вскочив на ноги. — Я же говорил, надо было использовать его раньше! Поджечь им маленько пятки. Открыть портал прямо в камере управления. Тогда бы они увидели, что такое настоящая власть над Солнцем!

— У нас не хватило бы энергии, — ответила капитан Анастасия. — К тому же мы находились слишком близко.

— И что с того? — возразил Макхинлит. — Наши пять жизней — невелика цена.

Хохолок Кахс из зеленого превратился в фиолетовый.

— Эверетт, о чем он говорит?

Эверетт молчал.

— Эверет, что такое солнцежар? — Кахс подступила к нему и склонила голову набок. — Это оружие?

Пот градом струился по спине Эверетта. Он скосил глаза на капитану Анастасию. Она покачала головой. Кахс крутанулась на пятках, по очереди всматриваясь в лица команды.

— Вы что-то от меня скрываете? Вы угрожаете моей матери и сестрам? — Нимб вспыхнул серебристо-черным, ошетинился острыми

лезвиями.

— Нет! — воскликнула Сен, обеими руками сжала боевой жезл Королев генов и направила его на Кахс. Янтарная сфера отделилась от верхушки жезла и застыла перед лицом рептилии.

Кахс издала воинственное шипение.

— Сен, — сказала капитан Анастасия, — убери эту штуку.

— Я не могу, она сама!

— Сен...

— Она повинуется моим чувствам, а не мыслям!

«Эвернесс» трянуло, словно дирижабль провалился в воздушную яму. Команда покатила по полу. Эверетт больно стукнулся о переборку. Чудовищный грохот потряс «Эвернесс». В воздухе заискрило.

— Не прикасайтесь ни к чему! — возопил Макхинлит.

Мониторы погасли. Макхинлит рванул в свою каморку.

— Мы потеряли кожух силового разъема! — донеслось оттуда.

Шарки, приложив ладонь ко лбу, всмотрелся в иллюминатор.

— И не только, — мрачно процедил он. — Еще и дворец. Он исчез.

Стайки скворцов кружились в небе над Грин-парком. Низкое зимнее солнце отражалось от окон автобусов и машин на Пиккадилли. Шарлотта Вильерс подняла вуаль, подставляя лицо живительным лучам. Прохожие таращились на ее старомодный наряд. Мотайте на ус, неряхи. Учитесь одеваться изысканно и строго.

Она обернулась к облупленной черной двери в стене из красного кирпича, сняла перчатки и приложила ладонь. Замок щелкнул, дверь беззвучно отворилась. Шарлотта Вильерс сделала шаг вперед — дверь за ней закрылась, снова щелкнул замок. Лишь несколько человек во всех десяти мирах могли сюда войти.

Порыв влажного ветра качнул ее шляпку. Где-то внизу по рельсам прогрохотал поезд — шахты и туннели усиливали звук. Каждый день тысячи пассажиров перемещались между станциями Грин-парк и Гайд-парк-корнер, даже не догадываясь, что едут мимо заброшенной станции Даун-стрит, которую официально закрыли в тысяча девятьсот тридцать втором. И открыли восемьдесят лет спустя для второго на Земле-10 портала Гейзенберга.

Лифта пришлось ждать целую вечность. Кабинка была тесной и шаткой — работы на станции еще шли полным ходом. Во время Второй мировой войны здесь заседало британское правительство. Шарлотта Вильерс медленно спускалась вниз в старом лифте. Интересно, зачем этим людям с Земли-10 туннели и поезда? Впрочем, все лучше, чем сырая нора под Ла-Маншем. И до «Фортнум-энд-Мейсон» рукой подать.

Раздался звонок, двери разъехались. Аппаратная располагалась на нижнем этаже шахты. Шарлотта Вильерс настояла, чтобы команду отправки, ставшую свидетелем злополучного финала спецоперации, перевели сюда. На операторе Ангхарад Прайс — Шарлотта Вильерс запомнила ее имя — была небесно-голубая униформа Земли-3 и форменная фуражка. Шарлотта Вильерс с одобрением отметила ее прическу волосок к волоску, безупречный маникюр и макияж.

— Мы собираемся отослать Эббен Хир Фол на Землю-7, — доложила Ангхарад Прайс. — Хотите к ним присоединиться?

— Нет, я ненадолго возвращаюсь в мой мир, — ответила Шарлотта Вильерс. — Это гадкое место выводит меня из себя.

— Сейчас я введу координаты, — сказала оператор Прайс.

— Вы оказали мне неоценимую услугу, господа Хир, — промолвила Шарлотта Вильерс. Агенты-двойники поклонились. — Наслаждайтесь временем, которое вам предстоит провести вместе.

— Нам очень не доставало друг друга — начал Эббен Хир.

— Ужасно, ужасно не доставало, — продолжил Хир Фол.

Их голоса звучали устало, а руки и лица побледнели и исхудали. Слишком много времени они провели порознь, слишком далеко друг от друга. Неужели разлука их погубит? А когда один умирает, впервые подумала Шарлотта Вильерс, что происходит с другим?

Вспыхнул свет. Портал Гейзенберга занимал всю ширину туннеля.

— Приготовьтесь, Эббен Хир Фол, — сказала оператор Прайс.

Свет погас. Портал Гейзенберга открылся в штаб-квартире Президиума. Двойники устремились внутрь, с каждым шагом обретая уверенность и силу. Портал открылся — портал закрылся.

— А теперь на Землю-3, — промолвила оператор Прайс.

Свет от монитора делал ее лицо грубее, инопланетнее. В самом прямом смысле. «Интересно, что эта Прайс знает о мире за облупленной черной дверью, — подумала Шарлотта Вильерс. — Забавно, я доберусь до дома гораздо быстрее тех болванов на Пиккадилли. Быстрее, но не ближе».

И снова станция-призрак задрожала от грохота проходящего мимо поезда.

— Три, два, один.

Ангхарад Прайс отжала рычаг. Портал Гейзенберга вспыхнул.

Мигнул.

И погас.

И снова вспыхнул.

И мигнул. Безумные тени плясали на стенах туннеля.

— Что случилось? — Шарлотта Вильерс похолодела от страха. Ей ни разу не приходилось видеть, чтобы портал вел себя подобным образом.

Глаза Ангхарад Прайс метались от монитора к монитору.

— Что-то мешает квантовому резонансному полю, — сказала она.

— Но это невозможно!

Портал Гейзенберга погас. Экраны заполнили цифры.

— Массивное квантовое перемещение. — Глаза Ангхарад Прайс расширились от ужаса — Прямо над нами.

Шарлотту Вильерс отделяли от Пиккадилли десятки метров, но она посмотрела вверх, словно могла разглядеть сквозь толщу земли, что творилось в надземном Лондоне.

— Это невозможно, — повторила Ангхарад Прайс. — Множественные перемещения. — Пятьдесят... — На мониторах по очереди загорались тревожные красные надписи. — Тысяча. Несколько тысяч. Не только здесь — во всех мирах Пленитуды. Двадцать тысяч... Миллион... Мисс Вильерс, два с половиной миллиарда перемещений!

— Как, еще одни инопланетяне?

Эверетт Л и Рюн сидели на скамейке. Клиссолд-парк — отличное место для разговоров по душам: открытое, людное. Целеустремленные девушки с хвостиками на голове совершали пробежки по аллеям. Мужчина средних лет кидал собаке теннисный мяч, используя катапульту. Одинокие отцы катили коляски, подростки выделявали пируэты на горных велосипедах.

— Суперразвитые динозавры с планеты, на которую астероид не падал, — ответил Эверетт Л.

Рюн поднял воротник теплой куртки. День выдался холодный, но ясный.

Такси довезло их до школы, но Эверетт Л и Рюн не зашли в ворота. Окна кабинета миссис Абрахамс выходили на улицу. Эверетт Л использовал тринское зрение, чтобы выяснить, заметила ли она. Заметила. Теперь наказания не избежать. Он может сколько угодно истреблять нанопаразитов, это его не спасет: в субботу их с Рюном точно оставят после уроков.

— Моя жизнь была такой простой, — сказал Рюн. — Раньше, до тебя. До него, другого тебя. Как думаешь, мы уничтожили всех Нано?

— Я и раньше так думал, — ответил Эверетт Л, вытягивая ноги и пряча глаза.

Внезапно Рюн вскочил со скамейки. Его лицо побледнело и вытянулось:

— Меня сейчас вырвет.

Рюн согнулся над рододендронами. Эверетт Л старался не прислушиваться к звукам из-за кустов. Рюн вернулся, вытирая рот салфеткой.

— Черт возьми, какая-то зелень. Наверное, те суши протухли.

— Дело не в суши, а в людях, — сказал Эверетт Л. — Суши тут ни при чем.

— А ведь она даже не угрожала мне! Ни разу не сказала, типа, теперь твои родители покойники.

— А зачем? Достаточно, чтобы ты знал: она не шутит. И ни перед чем не остановится.

У Рюна дернулась щека.

— У нее неплохо получается.

— Рюн, она уже проделала такое со мной. Стерла в порошок, отправила порошок на Луну и там слепила обратно. А потом выложила мне все без утайки.

Рюн глубже зарылся в воротник.

— Похоже, мы вляпались.

— По самые уши, — кивнул Эверетт Л. — Знаешь, за что я ненавижу ее больше всего? Она смеется над нами, понимает, что у нас связаны руки. Потому что за нами стоят наши семьи.

— Но кое-что мы можем сделать, — сказал Рюн. — Семья настоящего... другого Эверетта. Мы должны позаботиться о его матери и сестре. Ладно, я вляпался в это, потому что сунул нос не в свое дело, но они-то? Они ни в чем не виноваты!

Эверетт Л вытащил телефон и вскочил со скамейки.

— Ты куда? — удивился Рюн.

Эверетт зашагал вперед, ускоряясь с каждым шагом

— Есть еще один человек, о котором я должен позаботиться, — бросил он через плечо.

Она сидела на диване с потрескавшейся кожаной обивкой, поджав под себя ноги, с чашкой вьетнамского кофе в руке. На ней была смешная шапка с ушками, которая очень ей шла. Нуми задумчиво слушала болтовню одной из подружек. Все это делало ее невыразимо милой и желанной. Неужели нельзя выглядеть менее сногсшибательно?

«Сейчас я войду, и все уже никогда не будет, как прежде», — подумал Эверетт Л. Ее подружки сильно осложняли задачу, хотя, с другой стороны, свидетели ему не помешают.

Эйдан, бариста с дредами, кивнул ему. Колокольчик у двери звякнул. Эверетт Л остановился рядом с диваном

— Ты все еще стоишь, — напомнила Нуми, когда подружка договорила. — Школьная форма? Нет, Эв, только не это. Минус за прикид.

Эверетт Л онемел. Ему казалось, что сердце взорвется, если к нему прикоснуться. Никогда он не испытывал такой боли. По сравнению с этим викторианские нанозомби — пара пустяков.

— Нуми, есть разговор.

Она хлопнула по дивану рядом с собой.

— Не здесь.

Ее глаза удивленно расширились. Она была особенная, она была ни в чем не виновата, а в нем заключалось все зло мира. Они стояли у стеклянной витрины. Хорошо, теперь ее подружки все услышат.

— Даже для тебя это перебор, Эв.

— Нуми, я больше не хочу с тобой встречаться.

— Эверетт, ты таблеток наглотался?

Нет, так нельзя. Если она начнет спорить, потребует объяснений, он сломается. Нужно бить наверняка, разить насмерть. Быстро и жестко.

— А что, должен? Ты всегда за всех решаешь? Словно у меня нет своей головы на плечах. Или все должно быть по-твоему? И я должен говорить, когда ты мне позволишь? «Ах, Эверетт, у тебя ужасный прикид, будь зайкой, сядь рядом».

— Позволь напомнить, это ты хотел со мной поговорить.

— Нет, не позволю, сейчас говорю я. Ты не замечала, что вечно всех перебиваешь, словно твое мнение самое важное и все на свете обязаны знать, что ты думаешь. И что это за плюсы и минусы? Я не нуждаюсь в твоих оценках.

— Эверетт...

— Заткнись! — гаркнул он.

Нуми отпрянула. Эйдан поднял голову. Подружки Нуми затаили дыхание.

— Ты, ты, ты, кругом ты! Я долго не замечал, но даже твой сайт говорит больше о тебе, чем обо мне. Кто тебе сказал, что у тебя есть право меня фотографировать? Писать обо мне? Словно я кукла, которую ты наряжаешь. Словно меня можно водить за собой на веревочке.

Голова горела, сердце билось гулко и ровно. Не так уж это сложно, совсем наоборот.

— И вот еще что: ты подделка. Все в тебе фальшивое. Нуми — что за имечко? Тебя ведь зовут Наоми. Наоми Вонг. Фальшивое имя, фальшивая одежда, фальшивые мысли. Все в тебе ненастоящее.

Злые слова лились легко и свободно. Подружки Нуми смотрели на него, открыв рот.

— Эверетт, это жестоко.

— Мне все равно. Это не я, это ты жестокая. Все твои странные игры без правил. Нет чтобы прямо сказать, чего ты от меня хочешь. Нет, это ты жестокая, ты ненормальная!

Нуми прикрыла рот ладошкой. В глазах читался ужас.

— Ты любишь, чтобы последнее слово оставалось за тобой. Так вот, сегодня у тебя не будет такой возможности. Я ухожу. И не смей ничего говорить.

Он повернулся и вышел.

— Эверетт! — крикнула Нуми ему вслед. — Эверетт!

Теперь Нуми спасена. После такого она не подойдет к нему и на пушечный выстрел. Спасена от происков Шарлотты Вильерс и Ордена, которые способны отыскать тебя в любом из миров, растоптать, искалечить, уничтожить.

Он все сделал правильно, но это было хуже смерти. Тьма поглотила его, тьма, подобно Нано, выедала его изнутри. Он все

сделал правильно. Он сделал худшую вещь на свете. Занес в этот мир Нано. И теперь должен исправить зло, которое причинил. Он будет отслеживать и уничтожать Нано до самого конца. Все зашло слишком далеко, и сказанного не воротишь.

Самое ужасное, что его слова были правдой. Нуми и впрямь такая: эгоистичная, себялюбивая, поверхностная, любит играть в свои глупые игры. Иногда ее странности выводили Эверетта Л из себя, но именно они делали Нуми такой желанной. Она раздражала его, она его восхищала. Порой смешила, а порой заставляла сердце выпрыгивать из груди.

Эверетту Л стоило огромных усилий не оглянуться. Он должен быть уверен, что Нуми никогда его не простит. Теперь он для нее чудовище. Но главное, она спасена.

Эверетт Л шагал вперед. Его глаза были как черные дыры в небе, а в сердце бушевала гроза.

«Ты научила меня еще кое-чему, Шарлотта Вильерс. Теперь я знаю другое название тьмы. Имя ей: гнев». От гнева потемнело в глазах.

Темнота была настоящей.

Автомобили, грузовики, автобусы, велосипеды на Грин-лейн остановились. Посреди бела дня на город упала тьма. Эверетт Л поднял голову.

Тишина — это не отсутствие звуков. Тишина, прочная на ощупь, тишина осязаема. Тишину можно услышать. Шарлотта Вильерс услышала тишину, когда лифт остановился и она открыла дверцы. Лондон затопила тишина. Никогда в жизни ей не приходилось слышать ничего ужаснее.

Дверь распахнулась от прикосновения ее ладони. Шарлотта Вильерс вышла в тишину. Пиккадилли стояла. Ни автобусы, ни грузовики, ни такси не двигались с места. Стояли курьеры на мотоциклах и велосипедисты, офисные служащие и праздные гуляки, китайские туристы и регулировщики. Все живые существа на Пиккадилли — на ногах или колесах — смотрели вверх. В толпе щелкали вспышки фотоаппаратов. Тысячи рук одновременно потянулись к тысяче телефонов и планшетников, делая фотографии, снимая видео.

Внизу, разрушая тишину, прогремел поезд метро. И внезапно Лондон обрел голос. Телефоны звонили, пешеходы орали в трубки, радиоприемники надрывались криком, сирены гудели. Люди задавали друг другу один и тот же вопрос: что, что, что это такое?

— Это город-корабль Джишу! — крикнула Шарлотта Вильерс всем, кто мог услышать ее. — Они не только в Лондоне, они везде!

Люди глазели на нее из машин. Репортеры по радио подтверждали слова сумасшедшей женщины на тротуаре.

— Этому миру конец! Джишу пришли!

Зрелище, которое предстало перед их глазами, убивало всякую надежду. Там, где, сияя тысячами окон, недавно парил дворец Императрицы Солнца, зияла пустота. Ничего, пустой воздух. Эверетт видел булавочные головки огней на дальней стороне шахты. Изыщные мостики, перекинутые от дворца к стенам колодца, болтались в пустоте, словно оборванные нити. Молнии беспрепятственно соединялись над бездной.

— Куда он делся? — спросила Сен.

Кахс стояла у большого обзорного окна, прижав руки к треснувшему стеклу.

— А как ты думаешь? — ответила она голосом холодным, как лед.

Эверетт вздрогнул. Таким тоном его мама однажды сказала ему, что они с отцом решили расстаться, что он ушел и больше не вернется.

— Моя мать приступила к завершающей стадии операции. Исчез не только ее дворец — все города Правителей Солнца. Вторжение началось. Она бросила меня...

Эверетта словно пронзило молнией.

— Солнце!

— Да, — промолвила Кахс, отворачиваясь от окна. — Механизм взрыва активирован одновременно с исчезновением городов.

— Мистер Сингх, немедленно уберите нас отсюда! — воскликнула капитан Анастасия.

— Он не сможет, — ответил Макхинлит со странным безразличием человека, которому нечего терять. — Не хватит энергии.

Эверетт прикоснулся к экрану Инфундибулума — кнопка «Пуск» осталась серой.

— Перемещение невозможно, — доложил он.

— Мистер Сингх, мы требуем объяснений, — с преувеличенным спокойствием промолвила капитан Анастасия.

— Сигнал дойдет до Солнца за восемь минут двадцать секунд, — ответил Эверетт. — Это скорость света. Еще столько же потребуется, чтобы взрыв докатился до нас

— Дворец пропал почти две минуты назад, — сказала капитан Анастасия. — Значит, огонь доберется до нас через четырнадцать. Ничего, справимся. Мистер Макхинлит, сколько у нас энергии?

— Кот заплакал, — ответил Макхинлит.

— Придется обходиться тем, что есть. Сен, заводи двигатели. Джентльмены, за работу. Нужно подготовить молниеотвод. Кахс, мы не откажемся от помощи, если не возражаете, мэм. Мы опускаемся сюда. — Капитан Анастасия показала на синие электрические дуги над бездной.

— Но так нельзя! — воскликнула Сен.

— Мисс Сиксмит, вы слышали команду! — рывкнула капитан Анастасия. — Джентльмены, рептилии, чего вы ждете?

* * *

— Улавливатель молний, — рассуждал Эверетт вслух, преследуя Макхинлита по бесконечным мостикам, переходам, лесенкам, ведущим на самый верх дирижабля. — Это похоже на то, как вы заряжали батареи в грозу?

— Вроде того, — ответил Макхинлит.

Они ползком протискивались по мостику под баллонами с газом.

— А если у нас не получится, дирижабль сгорит?

Макхинлит озадаченно уставился на него:

— Малый, ты соображай, что на кону! Солнце вот-вот взорвется и поджарит наши диш.

С этими словами механик юркнул вниз, ловкий, словно краб. У Эверетта, пытавшегося поспеть за ним, судорогой свело бедро. Макхинлит приземлился на площадке под двумя огромными медными колесами, вделанными в потолок.

— А теперь тяни что есть мочи!

И Макхинлит повис на колесе.

Часы Эверетта издали сигнал.

— Шесть минут до Большого взрыва на Солнце.

По пути сюда Эверетт поймал себя на том, что придумывает название тому, что предстояло. Этот мир рушился у них на глазах, а он

опять за свое!

Макхинлит грохнул кулаком по обшивке:

— Слушай, я правда не нуждаюсь в обратном отсчете, будь он неладен!

— Извините.

— Нечего извиняться, лучше тяни!

Эверетт вцепился во второе колесо и повис на нем всем весом. Колесо даже не шелохнулось. Набрав в грудь побольше воздуха, он снова навалился на колесо. Мышцы свело от боли.

— А-а-а!

С протяжным скрипом колесо поддалось.

— Давай-давай-давай! — подбадривал Макхинлит.

Часы снова издали сигнал. Четыре минуты до Большого взрыва на Солнце. Макхинлит поднял руку:

— Мы движемся! Движемся! Слава Иисусу и Кришне, мы движемся!

* * *

Сен кончиками пальцев чувствовала тихую вибрацию двигателей. Долгожданную дрожь, свидетельство того, что ты находишься внутри дирижабля — живой, дышащей машины с сердцем льва. Вибрация едва ощущалась, но корабль снова ожил. Сен сняла руки с рычагов. Это напоминало колдовство — исцеляющими прикосновениями она пробуждала громадный механизм к жизни, как недавно ее исцеляли Королевы генов. Однако Сен медлила. Сияющие арки внизу ослепляли, парализовали ее волю.

— Вниз, мисс Сиксмит, — приказала капитан Анастасия. Она стояла у большого обзорного окна, сцепив за спиной руки, расставив ноги. Поза означала: я снова хозяйка и капитан этого дирижабля.

Сен протянула и снова отдернула руки от рычагов. Она видела перед собой горящий «Фэйрчайлд» — таким, каким видела его много раз в ночных кошмарах. Видела, как вихрь у Азорских островов закрутил дирижабль ее родителей, как молнии били сверху и снизу. Видела смертоносную дугу и огонь, пожирающий обшивку.

И теперь это снова должно случиться у нее на глазах. Нет, она не станет подвергать «Эвернесс» такой опасности! Но тогда...

— Мисс Сиксмит, двенадцать минут до того, как новая звезда сожжет нас дотла!

Так или иначе огня не миновать. Сен всхлипнула. Эверетт говорил, что порой правильного выбора просто не существует. Все зло на свете было здесь, под ее пальцами.

— Сен, не заставляй меня отнимать у тебя рычаги!

Нет, она не могла коснуться рычагов, не могла предать «Эвернесс»!

— Сен, послушай. Я была пилотом «Фэйрчайлд». Это я привела ее в грозу! Я совершила ошибку, из-за меня погиб дирижабль. Я больше не могу прикоснуться к рулям. Только ты способна вытащить нас отсюда. Ты лучше меня управляешь дирижаблем. Только ты спасешь «Эвернесс»!

— Нет! — вскрикнула Сен и вцепилась в рычаги.

Медленно, почти незаметно, «Эвернесс» со скрипом двинулась с места, расходуя последние крохи энергии.

* * *

У него ничего не получалось. Каждая мышца разрывалась от боли, пот струился градом, а чертово колесо и не думало слушаться.

— Живее, мистер Сингх! — орал Макхинлит.

Из последних сил Эверетт налег на медное колесо. Ему казалось, что мышцы сейчас треснут. Наконец раздался долгожданный щелчок.

— А теперь сматываемся! — крикнул Макхинлит, закрепив тросы. — Тут будет маленько жарковато, когда мы врежемся в молнии.

— Вы делали так раньше? — спросил Эверетт.

— Ни разу. Но у меня сильное воображение. У Макхинлитов это в крови. А ну марш вниз!

Последние метры по узкому проходу Эверетт полз на карачках, тело свело от боли. Вниз уходили бесконечные пролеты ступеней.

— О господи!

— Давай, давай, ты молодой, сильный. — Макхинлит обогнал Эверетта и, перепрыгивая пролеты, рванул вниз. Часы издали сигнал. Еще на две минуты ближе к Большому взрыву на Солнце.

* * *

— Мам, энергии пятнадцать процентов.

— Держи ровнее.

Сен вела дирижабль туда, где сходились две арки. В большом обзорном окне бушевало электричество. Черный силуэт капитана выделялся на голубом фоне.

«Эвернесс» тряхнуло. Сен орудовала рычагами. Ее чутье, врожденный дар аэриш чувствовать направление ветра, думать в трех измерениях, читать в атмосфере, снова был при ней. Она потянулась за колодой, которую прятала за пазухой, перевернула верхнюю карту.

«Императрица Солнца».

Сен швырнула карту на пол. Еще одна попытка: одинокое дерево, окруженное круглой стеной, высилось на вершине холма. «Холм одинокого дерева». Стена защищает дерево от мира или мир защищается от дерева стеной? Люди и события кружились в хороводе.

Неужели Таро снова с ней разговаривают? И Джишу не повредили ее умению читать колоду? А возможно, то, что могут сказать ей карты, она давно знает сама? Спасай корабль, Сен Сиксмит!

— Молниеотвод готов, — доложил неожиданно возникший сбоку Макхинлит.

Эверетт проскользнул на свое место рядом с Сен, кивнул ей, послал еле заметную, нежную и изможденную улыбку и зарылся в компутатор.

— «Господь Бог твой среди тебя: Он силен спасти тебя».

Теперь и Шарки был на месте.

«Эвернесс» снова тряхнуло, на этот раз сильнее. Все металлические поверхности искрились. Уголком глаза Сен заметила Кахс. Нимб принцессы Джишу стоял торчком, цветом напоминая молнии.

— Веди нас в самый центр грозы, — приказала капитан Анастасия.

— Есть, мэм.

Сен взялась за ручку управления. Со скрипами, стонами и содроганиями «Эвернесс» отозвалась на прикосновение. За большим обзорным окном стояла стена из молний. Каждая мышца в теле Сен тянула ее свернуть в сторону, уносить ноги, но она упрямо держалась заданного курса.

«Эвернесс» подбросило вверх. Сен взвизгнула, но рук от штурвала не отняла. Теперь дирижабль трясло не на шутку. Они были в самом центре плазменного потока.

— Заряжаемся, мистер Макхинлит, — скомандовала капитан Анастасия.

Механик отжал медный рычаг, и рубка наполнилась молниями. Искрил каждый винт и каждая заклепка, огни святого Эльма танцевали на каждом приборе. Кругом трещало и шипело электричество.

— «И отверзся храм Божий на небе, и явился ковчег завета Его в храме Его; и произошли молнии и голоса и громы и землетрясение и великий град», — промолвил Шарки.

— Постарайтесь ни к чему не притрагиваться, — сказала капитан Анастасия.

— Есть, — буркнул Макхинлит.

— Капитан... — Спокойный голос Эверетта почти потерялся в грохоте, но его тон заставил все головы повернуться к нему. — Солнце только что взорвалось.

— Сколько нам осталось? — спросила капитан Анастасия.

— Восемь минут двадцать шесть секунд, — ответил Эверетт.

— Состояние заряда батарей? — снова спросила капитан Анастасия.

— Двадцать процентов, — ответил Макхинлит.

— Сен, не менять курса.

«Эвернесс» швыряло из стороны в сторону. Сен вскрикнула, ее левая нога утратила опору, она с трудом удерживала штурвал.

Шарки изучал оставшиеся в строю мониторы.

— Молния прожгла корпус насквозь в районе шестой секции.

— Прежний курс, Сен.

— Тридцать три процента, — доложил Макхинлит.

— Мистер Сингх, приготовьтесь. Я хочу, чтобы мы совершили прыжок, как только зарядятся батареи.

— Есть, мэм. Две минуты после взрыва.

Капитан Анастасия чертыхнулась про себя.

* * *

Молнии танцевали вокруг Эверетта, пока он заряжал Паноптикон, Инфундибулум и прыгольвер. Медленно и аккуратно. Одно неверное движение — и случится катастрофа. Дутовой разряд мог в любое мгновение сжечь процессор. Мертвый процессор означал неминуемую гибель всей команды. Медленно и аккуратно. И стараться не думать о стене огня, которая несется сюда со скоростью света. Эверетт слишком хорошо представлял себе ее мощь. Ему уже довелось прикоснуться к поверхности Солнца, сделав светило своим оружием, и сила этого оружия потрясла его.

Скоро Солнце этого мира взорвется, и жара будет достаточно, чтобы мгновенно превратить все вокруг в свободно парящие атомы: деревья, живых существ, моря, реки, озера, города, камни. Способна ли прочнейшая материя Плоского мира противостоять энергии Большого взрыва на Солнце? Повелительницы Солнца верили, что когда лава остынет, они вернутся и снова заселят этот мир.

А пока все вокруг гило, сгорало в свете, несущем смерть.

Паноптикон ожил. Эверетт смотрел, как экран заполнили координаты. Тысячи координат, миллионы. Больше, чем звезд на небе. Вся Пленитуда. Вторжение. Его мир, его дом. Эверетту было важно это знать. Он ввел координаты Земли-10. В небе каждого большого города висели города-корабли Джишу, а Палатакахапа, дворец императрицы, заслонял небо над Лондоном. Над его Лондоном.

— Четыре минуты после взрыва, — промолвил Эверетт.

Следующим ожил Инфундибулум. Эверетт переводил взгляд от Паноптикона к Инфундибулуму и обратно.

— Шестьдесят два процента, — пропел Макхинлит.

— Молния прожгла корпус в верхнем и нижнем квадранте, — доложил Шарки.

— Курс прежний, Сен.

Эверетт посмотрел на Сен, которая сражалась с непокорным, трещащим по швам дирижаблем. Ее лицо было искажено, мышцы натянуты, словно канаты, пот заливал глаза.

— Мэм, есть идея, — сказал Эверетт.

— Надеюсь, хорошая, мистер Сингх, — отозвалась капитан Анастасия.

Наконец ожил контроллер прыжка. Эверетт ввел в него координаты с Паноптикона. Загорелась кнопка «Прыжок».

— Прыжок через пять...

— Осталось четыре минуты, Эверетт, — сказала капитан Анастасия. — Ты не успеешь.

— Три...

Стена смертоносного света катилась к ним по бескрайним просторам Плоского мира, обращая все живое в пар. Миллиарды жизней.

— Два. Один.

Эверетт нажал на кнопку. Свет надмирного пространства залил мостик.

И погас.

Никакого вуум.

«Эвернесс» исчезла. «Эвернесс» появилась.

Дворец Палатакахапа висел в холодном январском воздухе над Лондоном, величественный и ужасный. Шпили и башни тысяч соборов, шипы и острия, как у морских чудищ, ребра и трубы, словно изящные, отвратительно гладкие тела киношных пришельцев. Железная корона шириной в несколько миль: от Эктона до Кэнэри-Уорф, от Хэмпстеда до Стретхэма. Чтобы у жителей не осталось сомнений, кто здесь теперь правит. Три миллиона лондонцев накрыло тенью.

— Радио обезумело, — сказал Шарки. — Сплошные вопли.

— К черту радио, мистер Шарки, — приказала капитан Анастасия.

Они отпрянули, когда истребитель проскочил в опасной близости от «Эвернесс», заставив дирижабль завибрировать.

— Аэропланы! — фыкнула Сен. — Ненавижу их.

— Им нет до нас дела, — пожала плечами капитан Анастасия.

Команда прильнула к большому обзорному окну. Зрелище потрясало. Какое затертое слово, подумал Эверетт. Нас всё потрясает: навороченный телефон, трейлер нового фильма или последняя модель кроссовок. Но куда этим мелочам до летающего дворца из параллельной Вселенной разумных динозавров! Вот это действительно потрясало.

«Эвернесс» зависла над стадионом Уайт-Хартлейн. Эверетту пришлось действовать быстро, но аккуратно: поместить дирижабль подальше от летающего дворца, чтобы избежать столкновения, и поближе к Стоук-Ньюингтону, чтобы вырванные с корнем мосты и обрубленные куски камня были на виду.

От «Эвернесс» до северо-восточного сектора дворца, занимавшего три больших обзорных окна, было примерно полкилометра. Эбни-Парк, Стоук-Ньюингтон, Клиссолд-Парк, стадион «Эмирейтс», школа Бон-грин лежали под тенью Императрицы Солнца.

— Там внизу моя мама, — прошептал Эверетт. — Моя сестра, тебе и двоюродные братья. Все мои друзья...

— А моя мама внутри, — промолвила Кахс и переморгнула. Ее нимб стал обсидианово-черным. — Я чувствую их, Эверетт. Я слышу их здесь. — Она коснулась маленьких ушей. — Все, что ходило, плавало, летало и ползало. Один краткий вскрик — и все было кончено. Обернулось пеплом, пепел стал пылью, пыль — атомами. Все истории и песни, все здания и стихи, игры и картины, вся мудрость и знания. Шестьдесят пять миллионов лет нашей цивилизации. Мы — последние из Джишу.

Пока Кахс говорила от хохолка к подбородку, а затем вокруг глаз протянулись темно-фиолетовые полосы.

— Кахс, твое лицо..., — сказал Эверетт.

— У вас это называется плакать.

Капитан Анастасия поманила их к себе.

— Итак, — прошептала она, — изложи свой план, Эверетт.

— Помните Эбни-Парк? — спросил Эверетт. — Сен, ты помнишь, как мы удрали оттуда?

— Ты вызвал портал карманным компутатором, и мы запрыгнули внутрь, — ответила Сен.

Эверетт поднял телефон.

— Джишу скопировали Инфундибулум. С точностью до детали. Это означает...

— Что ты можешь контролировать их Инфундибулум, — закончил Макхинлит. — Но корабли города Джишу везде, их чертова уйма! А ты здесь, в своем мире, малый. А что будет с нашим миром?

— Кораблями управляют из одного центра, — ответил Эверетт. — Поэтому они переместились одновременно.

— И тебе нужно лишь послать команду одному... — начал Шарки.

— Чтобы исчезли все! — Эверетт потряс телефоном. — И я уже поймал сигнал.

— Исчезли куда? — спросила капитан Анастасия твердым и ровным голосом — Куда ты хочешь их послать?

— Обратно, — сглотнул Эверетт.

Хохолок Кахс встал, лицо изменило цвет, но за мгновение до этого ее нимб выпустил в Эверетта стрелу. Вспышка, резкий металлический звук — и стрела ушла в потолок. Сен сжала кулак. Бумеранг вернулся

в ладонь. Взмах рукой — и бумеранг соединился с гудящим роем нанороботов на конце жезла Королев генов.

— Ты не пошлешь мой народ в огонь. Мою мать, моих сестер. Ты не пошлешь их назад, — промолвила Кахс.

— Не смей прикасаться к Эверетту! — крикнула Сен.

Кахс зашипела и приняла боевую стойку. Сен сжала жезл обеими руками и подняла над головой.

— Я умею управлять этой игрушкой не хуже тебя. И здесь есть только одна принцесса, и она — не ты.

— Я выпущу тебе кишки, самка примата! — взвизгнула Кахс.

— Мистер Шарки, отставить! — гаркнула капитан Анастасия.

Выстрел дробовика в замкнутом пространстве рубки оглушил всех. Сверху на Эверетта посыпались щепки и дробь. В воздухе завоняло. Шарки выпустил заряд одного дробовика в потолок, дуло другого американец наставил на Кахс.

— Я не потерплю никаких выпущенных кишок и никаких принцесс на моем корабле! — прогремела капитан Анастасия. — Хватит насилия, хватит крови и убийств. Мистер Сингх, попрошу вас запомнить: я против геноцида. Вы хотите послать на гибель миллиарды, истребить целую расу, за исключением Кахс. Посмотрите на нее, перед вами последняя из Джишу. Эверетт, если ты так поступишь, ты будешь ничем не лучше Императрицы Солнца. Должно быть другое решение. Думай, Эверетт, думай скорее!

Сен сжимала жезл над головой, по нимбу Кахс пробегала рябь, Шарки уверенной рукой держал рептилию на мушке.

Думай, Эверетт, думай.

Эверетт переводил взгляд с Паноптикона на Инфундибулум, с мобильного на прыгольвер.

В голове было пусто.

Десять миров. Миллиарды жизней. Человеческих и Джишу.

Все молчали. Казалось, время остановилось.

Думай, Эверетт, думай!

И он придумал. Как просто! Оказывается, решение все время было под носом.

— Я попробую, — сказал Эверетт. — Нужен всего один звонок.

— Мой народ, — промолвила Кахс.

— Я не стану посылать их обратно, обещаю.

— А что ты сделаешь?

— Пошлю их куда-нибудь еще. Я передам команду Инфундибулуму Императрицы и направлю все корабли Джишу в случайные параллельные Вселенные.

— Приступайте, мистер Сингх, — приказала капитан Анастасия. Кахс зарычала.

— «И воспламенится гнев мой, и убью вас мечом», — промолвил Шарки.

— Они будут жить, — сказал Эверетт.

— Обещаешь? — спросила Кахс.

— Никто не может этого обещать, — ответила капитан Анастасия.

— Не знаю, что это значит, но снаружи темнеет, — заметил Макхинлит.

— Что? — Эверетт бросился к большому обзорному окну.

Тень от флагманского города-корабля Повелительниц Солнца была так огромна, что лондонские фонари включились автоматически. А теперь, прямо на глазах Эверетта, город погружался во тьму: улица за улицей, район за районом. Ислингтон, Кэнонбери, Боллз-Понд-роуд, Шеклуэлл, Альбион-роуд, Стоук-Ньюингтон-хай-стрит.

— Моя мать подключилась к вашей энергетической системе, чтобы удерживать дворец в воздухе, — сказала Кахс.

— Нет! — воскликнул Эверетт. — Нет, нет, нет!

Уровень сигнала на экране начал уменьшаться, осталось одно деление, затем пропало и оно.

— Нет! — Эверетт беспомощно уставился на мертвый телефон.

— Ваша горячность пугает меня, мистер Сингх, — заметила капитан Анастасия.

— Я потерял сигнал. Теперь я не могу подключиться к Инфундибулуму удаленно, только из центра управления.

— Значит, переместимся туда, — сказала капитан Анастасия.

— Это должен сделать я.

— Я иду с тобой, Эверетт, — заявила капитан Анастасия.

— Я с тобой до конца времен, — просто сказал Шарки.

— И я, — добавил Макхинлит.

— И я тебя не брошу, — закончила Сен. — Мы — команда.

— Мне нужен ваш... как его...

Небритый юноша в желтом шлеме уставился на Шарлотту Вильерс, словно она свалилась ему на голову прямо с корабля Джишу.

— Мопед, или как там его.

Это был маленький легкий мотоцикл с грузовым местом позади сиденья. «Домино», доставка пиццы. Шок от появления в небе над Лондоном инопланетного корабля прошел, и Пиккадилли снова пробудилась к жизни. Сотни автомобилей и тысячи пешеходов одновременно решили, что им необходимо как можно скорее вернуться домой, к родным и любимым. И подальше от Лондона. Моторы ревели, сирены гудели. Улица превратилась в одну огромную пробку. Того и гляди начнется паника.

Шарлотта Вильерс не собиралась терять время. Возможно, Эверетт Сингх уже добрался до Стоук-Ньюингтона. На сей раз солдаты ей не понадобятся. Не понадобится его вероломный двойник, не придется запугивать семью настоящего Эверетта. Когда она расскажет ему, что знает, как победить Джишу — о чем Эверетт даже не догадывается, — он сам отдаст ей то, в чем она нуждается. Однако придется торопиться. Нужно как можно скорее убираться с Пиккадилли.

В пяти машинах сзади Шарлотта Вильерс заметила испуганного разносчика пиццы на мопеде.

— Мне нужен твой мопед!

— Он не мой, он принадлежит фирме, — попытался возразить юноша с сильным русским акцентом, крепко вцепившись в руль.

— Молчи, тупица! На кону судьбы Вселенных! — Шарлотта Вильерс вытащила из сумочки револьвер. — Мне нужен твой мопед.

Юноша поднял руки и отступил.

Оказалось, что шустрым и проворным мопедом на удивление приятно управлять. Шарлотта Вильерс приподняла юбку на пару сантиметров, вдавила педаль газа и заскользила вдоль тротуара, отчаянно сигналив и заставляя пешеходов бросаться врассыпную. Прихлопнув шляпку на макушке опустил вуаль, на полной скорости

огибая автомобили, пугая клаксоном миллионы тупых баранов, испуганных, потерянных, не соображающих, что делать. Мимо статуи Эроса на Пиккадилли-серкус и сияющих огней витрин, вдоль Шафтсбери-авеню, под театральными навесами, где публику еще зазывали сиянием неона. Над ее головой под днищем корабля Джишу пробежали синие молнии.

Шарлотта Вильерс ехала с севера на восток Лондона от Оксфорд-стрит к Теобальд-роуд, от Финсбери к Шордитчу, все ближе и ближе к Стоук-Ньюингтону, преследуемая ароматом пепперони и сыра из ящика позади сиденья.

Булавочная головка яркого света обернулась диском, диск превратился в портал. Команда «Эвернесс» переместилась в центр управления Солнцем. Портал Гейзенберга закрылся. Шарки обвел пространство дулом дробовика. Капитан Анастасия приняла боевую боксерскую стойку. Сен грозно сжимала жезл.

— Как-то тут маленько пустовато, — заметил Макхинлит. — Негде спрятаться старому нервному шотландцу пенджабских кровей.

Шарки швырнул ему второй дробовик.

— Главное, держи конец с двумя дырками от себя.

— Где он? — Эверетт стоял в центре камеры. — Где Инфундибулум?

Исчезло все: пульта управления, операторы, модель Солнца и механизмы, которым было суждено его разрушить. Тонкая подставка, на которой лежал Инфундибулум, сам планшетник. Ничего не осталось.

Члены команды внимательно изучали голые стены.

— Может быть, оно внизу, под полом, откуда в тот раз появилась Императрица? — предположила Сен.

— Сен, у тебя ведь есть с ними... связь, — сказала капитан Анастасия таким тоном, словно жевала собачьи какашки.

Сен прижала ладонь к полу.

— Я что-то чувствую, и мне это не нравится. Враги, Королевы генов... — Сен вскочила, глаза расширились. — Они все мертвы! Господи, все до единой!

— Сен, дай руку, — сказала капитан Анастасия. Это был жест любви, надежды, утешения. — Все хорошо, Сен.

— Может быть, Кахс? — спросил Шарки. — Она королевских кровей и все такое.

— Как можно доверять ящерке? — возмутился Макхинлит. — Да она только и ждет повода заманить нас в ловушку.

— Кахс осталась на мостике, — сказала капитан Анастасия. — Эверетт...

— Как же я сразу не догадался! — воскликнул Эверетт.

Пока Сен пыталась мысленно связаться с Джишу, он разглядывал свой телефон. Мобильная сеть недоступна, но есть и другие способы соединить планшетник и телефон. Все зависит от того, насколько точно Повелители Солнца скопировали «Доктор Квантум».

Он несколько раз прикоснулся к экрану и чуть не вскрикнул от радости, когда на нем зажглась иконка: «Доступные устройства». Каждый из членов команды сжимал свое оружие, Эверетт сжал свое — телефон.

— Блютуз! Ура!

— Блюз... туз? — переспросил Макхинлит.

— Это такое устройство, — ответил Эверетт.

— Странный и извращенный план, — сказал Макхинлит.

Шарки поднял руку.

— «У меня заныли кости — значит, жди ты Джишу в гости»^[6], — произнес американец, показав дулом на дверь.

— Эверетт, сколько времени тебе нужно? — спросила капитан Анастасия.

— Войти в Инфундибулум и прописать код.

— Сколько? — рявкнула капитан Анастасия.

— Пять-шесть минут.

Взрослые смотрели друг на друга. Капитан Анастасия покачала головой:

— Шарки, Макхинлит...

— Есть, мэм, — ответили оба.

— Сен, охраняй его.

— Мам?

— Охраняй его. Всех можно заменить, кроме Эверетта.

Теперь и он слышал топот когтистых лап и слаженный хор птичьих голосов. Никогда еще Эверетту не доводилось прислушиваться к пению птиц с таким чувством.

Ослепительная вспышка затопила камеру; пылающие атомы взорвались, образовав круг белого света. Кахс шагнула из портала Гейзенберга и присела на корточки. Ее нимб вращался, словно циркулярная пила.

— Как тебе это удалось? — воскликнул Эверетт.

Кахс показала боевым когтем на его телефон, затем на свою голову:

— Ты меня недооцениваешь, Эверетт Сингх. Эти ваши устройства не такие уж хитрые штуки. Капитан, мои сестры изрубят вас на куски. Мы — из одного яйца, мы одной крови, мы принцессы, и я сама с ними разберусь, а вы спасайтесь!

— Но твой народ... — начал Эверетт.

— Хватит, Эверетт Сингх! — прошипела Кахс — Мы плохие, мы совершили худшее деяние в истории, но мы не заслуживаем смерти. Повелители Солнца еще обретут свой путь. Может быть, в иных мирах.

Склонив голову на человеческий манер и коснувшись хохолка по обычаю Джишу, Кахс выскочила в коридор.

— Кахс, стой! — воскликнул Эверетт.

— Код! — скомандовала капитан Анастасия.

Пальцы Эверетта порхали над экранной клавиатурой. Промахиваясь, он шипел и чертыхался. Эти неуклюжие смартфоны, придуманные для тупиц, которым бы только тыкать пальцем в экран! Код прыжка прост, арифметическая функция в мгновение ока сгенерирует координаты для каждого из городов-кораблей. Однако самое сложное — вовремя смыться. Готово. И, наконец, последнее. Закрывать дверь и повесить замок. Он должен удостовериться, что Повелители Солнца навеки останутся в миллиардах миров, куда он их отправит.

— Эверетт, — сказала капитан Анастасия.

— Еще немного.

Разумеется, на проверку нет времени. У него только один шанс, все три выстрела должны попасть в цель с первого раза.

Неожиданно он услышал... нет, не звук. Тишина Эверетт не знал, как объяснить, но тишина была громче, чем все звуки и голоса в камере управления.

— Кахс.

Он знал. Неважно как, он знал. Что-то ушло. Что-то, зародившееся на поляне в тени древнего леса, ставшего пеплом вместе с прекрасными и ужасными созданиями, которые жили в нем веками. Что-то, соединившее людей и Джишу. Ушло навсегда.

— Кахс!

— Эверетт, — мягко промолвила капитан Анастасия.

— Простите... Да. Нет. Портал появится через...

И снова слепящий свет портала Гейзенберга открылся на гостеприимном мостике «Эвернесс».

— Вперед, я еще должен послать код! Задержка пять секунд. А потом команду, которая сотрет все файлы Инфундибулума с компьютеров Джишу. Чтобы не дать им вернуться. Но даже если они вернуться, мы будем готовы к встрече. Вперед!

Сен последней шагнула в портал, Эверетт оставался снаружи. Грохотали когтистые лапы, птичий хор превратился в яростный визг. Он нажал на клавишу, и в то же мгновение воины Джишу ворвались в камеру управления. Их нимбы оцетинились острыми лезвиями. Эверетт успел заметить летящий к нему смертоносный металлический вихрь. Сен подняла жезл и запустила его в Повелительниц Солнца, затем обеими руками схватила Эверетта за пояс и втянула на мостик. Падая, он больно стукнулся о палубу.

Портал Гейзенберга закрылся.

— Три, — продолжал считать Эверетт, поднимаясь с пола, — два, один...

Тысячи людей молча стояли на Грин-лейнз, задрав головы. Школьники с ранцами, матери с младенцами в колясках, девушки с пластиковыми магазинными пакетами, дорожные рабочие в комбинезонах со светоотражающими полосками, бегуны и древние старушки. Стояли автомобили, грузовики, автобусы и велосипедисты. Впереди на дороге с ужасным скрежетом столкнулись две машины, водители и пассажиры выскочили на дорогу. Люди высыпали из кафе, магазинов и офисов. Служащие с верхних этажей глазели из окон.

Эверетт Л не мог отвести глаз от того, что висело в небе. Черные сталактиты, башни, купола, бойницы, миллионы сияющих окон, тысячи готических соборов, десять тысяч замков из Диснейленда, слепленные в один ком и перевернутые вверх тормашками. В мгновение ока мир тысяч, миллионов людей по всему Лондону перевернулся. Чем бы они ни занимались, что бы ни чувствовали, их проблемы, игры, заботы, невзгоды и разбитые сердца — все вмиг обесценилось. Осталась эта штука в небе, огромная, как Солнце.

Эверетт Л сжал кулаки, пробуждая силы Трина. Энергия наполнила его тело. Он разжал кулаки — энергия ушла. До этой штуки над Лондоном было несколько миль. Что он мог ей противопоставить? Лазер, электромагнитные пушки, несвойственные людям скорость и остроту чувств. Все это делало его не опаснее для захватчиков, чем любого прохожего на Грин-лейнз. Эверетт Л был бессилен против Джишу, но он не мог бездействовать. Он твердо решил стать героем!

— Сдохни, Шарлотта Вильерс, — пробормотал Эверетт Л.

Что бы ни случилось, больше он не станет действовать по ее указке.

Его телефон прозвонил «Swedish House Mafia» — рингтон Рюна.

— Это Джишу? — спросил Рюн.

— Да, это они.

— Эта штука размером с...

— Рюн, я должен позвонить маме. Неизвестно, сколько продержится сеть.

— Да-да, конечно.

— Рюн, хватай своих и вывози из Лондона.

— Но папа на работе...

— Делай, что сможешь. Прости, Рю, я должен позвонить маме. Буду на связи.

Эверетт Л набрал номер Лоры.

— Эверетт, где ты? С тобой все в порядке? Быстро возвращайся домой.

— Мам, Вики... Виктория-Роуз у бебе?

— Нет, она со мной, дорогой. Эверетт, домой!

— Скоро буду. Мам, надо выбраться из Лондона и отсидеться у тети Стейси.

На Земле-4 сестра Лоры жила в Бэзингстоке — Эверетт считал городок таким серым и скучным, что в этом даже была какая-то прелесть. Теперь он представлялся ему самым безопасным местом на свете. Последним местом, которое способно заинтересовать пришельцев. Однако сначала придется выбраться из Лондона а это будет непросто.

Автомобили сталкивались, ссоры вспыхивали тут и там. Витрина благотворительного магазина треснула и раскололась. Вопили сирены, автомобили тщетно пытались объехать пробку. Одному велосипедист снес зеркало заднего вида. Вспыхнула еще одна свара. Старушка всхлипнула, женщина закричала на ребенка. Испуганные голоса звучали все громче. Паника распространялась от человека к человеку, и внезапно люди на Грин-лейнз стали одним целым: толпой. Все хотели одного — поскорее выбраться отсюда, поскорее оказаться дома. Где-то вдребезги разлетелась еще одна витрина.

Над головами Эверетт Л заметил испуганное лицо Нуми на ступеньках кафе «Наяда».

— Мам, я скоро буду. У меня тут дело...

— Эверетт...

— Не волнуйся, я скоро буду.

Эверетт Л закрыл глаза, собирая силы, и одним махом взлетел на крышу соседнего автомобиля.

— Эй! — проорал водитель «Пежо» нахальному мальчишке, который запрыгал по крышам автомобилей.

— Какого черта?

— Что он делает?

— Это невозможно...

Впрочем, на Эверетта Л почти никто не смотрел, все были заняты собой, ругались, пихались, толкались, тянулись... К чему? Он не видел ничего, никакого спасительного якоря, к которому они могли бы припасть. Испуганная женщина, застрявшая в дверях магазина с коляской для близнецов, рыдала в голос. Улица покрылась битым стеклом.

Зачем они это делают? В небе висит корабль инопланетных захватчиков, а они громят все вокруг. Он перепрыгивал с машины на машину, быстрый, сильный и легкий.

— Эй, малый...

— Остановите его кто-нибудь...

— Это невозможно...

Эверетт Л спрыгнул с крыши «Мини» напротив кафе и бросился к Нуми, раздвигая толпу. Бритоголовый парень в кожаной куртке поверх толстовки с силой оттолкнул его. Эверетт Л стоял как скала. Парень удивился и снова попытался столкнуть его с места. Эверетт Л легким движением ладони отпихнул его назад. Затем, используя тринскую энергию, руками, словно воду, развел толпу в стороны.

— Нуми!

При звуке своего имени она подняла глаза. Эверетт Л стоял рядом.

— Как ты?

— Они меня бросили, — ответила она, со страхом глядя на него.

— Они сбежали.

— Я отведу тебя домой, — сказал Эверетт Л. — Нуми, все, что я говорил тебе... мне пришлось так сказать. Но это неправда. Я просто хотел тебя защитить.

— Эверетт, не сейчас

Толпа ударилась в панику. Нет ничего страшнее толпы. Плачущая старушка, насмерть перепуганная мамаша с близнецами. Как ему хотелось спасти их всех! Но всех спасти нельзя. Вот и еще одна сторона силы: чувство вины.. Перед теми, кого ты не спас.

— Нуми, обними меня за шею.

Она молча повиновалась. Эверетт Л прижал ее к себе и запрыгал по крышам брошенных автомобилей.

Нуми с изумлением смотрела на него:

— Эверетт... это невозможно. Люди так не могут.

— Молчи и держись крепче.

Эверетт Л прыгал по крышам автомобилей между мечущимися, перепуганными до смерти лондонцами. Перекресток Грин-лейнз и Ньюингтон-грин представлял собой беспорядочное скопление машин и людей, безуспешно пытающихся выбраться из ловушки. Эверетт запрыгнул на крышу автобуса, и в это мгновение погас свет. В толпе раздались вопли.

— Тпру, — сказал Эверетт Л и повторил Нуми: — Держись крепче!

Включив ночное видение, он вскочил на крышу белого фургона, с него — на крышу грузовика. Пробежал вдоль провисшего тента, спрыгнул на крышу такси, затем на тротуар.

— Альбион-роуд.

— А теперь опусти меня, Эверетт.

Вокруг мигали экраны мобильных телефонов. Телефон Эверетта прозвонил «Miami 2 Ibiza». Снова Рюн.

— Я на двадцать пятой магистрали. Тут над Хемел-Хэмпстед еще один такой же. Свет погас. У меня очки с ночным...

Телефон отключился. Из-за ночного видения казалось, что глаза и зубы Нуми неестественно блестят. По Альбион-роуд бродили инфракрасные призраки.

— Я вижу твоих родителей и могу отвести тебя к ним.

— Эверетт! — Нуми легонько ударила его в грудь кулачком, словно кошачьей лапкой. — Спасибо, что спас меня, но я не хочу быть девушкой, которую всегда нужно спасать. Тебе плюс. И минус.

— Что?

Даже сейчас, в темноте, среди обезумевшей толпы, когда корабли Джишу нависали над Лондоном, Европой, возможно, над всем миром, слова Нуми казались худшей из бед.

— Заключим сделку, Эверетт. Когда-нибудь, не завтра, не в этом году, когда все это закончится, я тебя спасу. — Нуми подняла руку, ее личико в инфракрасном свете было очень серьезным.

— По рукам.

— И еще вопрос: кто ты?

Эверетт Л сглотнул. Признаться оказалось нелегко.

— Честность, искренность, забота?

— Да.

— Помнишь, на первом свидании я назвался киборгом, двойным агентом из параллельного мира?

— Двойником настоящего Эверетта Сингха? Нет... Эв.

— Да, и поэтому я...

Нуми в темноте попыталась закрыть его губы ладонью.

— Я не хочу в это верить, но, похоже, придется.

— Никому не говори. Это небезопасно.

Нуми постучала пальчиками по его губам.

— Ш-ш-ш.

— Нуми, то, что я сказал тогда...

— Мне никогда еще не было так больно, Эверетт.

— Я хотел обидеть тебя, оттолкнуть...

— Я еще не совсем тебя простила. Процентов на семьдесят. Но сейчас не время, Эверетт.

— Я приношу людям одни несчастья.

— Ш-ш-ш. Теперь я знаю, что параллельные миры существуют. Вот это да! Ужасно странно, но не страннее того, что происходит сейчас. И вот еще... Новый Эверетт нравится мне больше старого. А сейчас мне пора.

Нуми отняла пальцы от его губ. Вкус соли и вишни. Мир вокруг него рушился. Скоро Лондон станет пеплом и все его жители погибнут, но слова Нуми наполняли его сердце любовью и надеждой. «Новый Эверетт нравится мне больше старого».

— Мам! — крикнула Нуми. — Пап!

Инфракрасные фигуры обернулись. Огоньки мобильных телефонов заплясали вокруг Нуми.

— А ты куда, Эверетт?

Его мама, Виктория-Роуз! Они не знают, где он, жив ли, вернется ли к ним. Он должен вывезти их из Лондона, но телефон молчал, были сирены, гудели истребители, корабль Джишу искрил синими молниями. Ему непременно нужно домой!

— Мама, — произнес Эверетт Л и бросился бежать. Он использовал энергию Трина до предела, сжигая все жировые отложения. Холодок уже подкрадывался к сердцу. Эверетт Л бежал быстрее олимпийских чемпионов, перепрыгивая автомобили, штурмуя отвесные стены, словно завзятый паркурщик, неся стрелой по

темным переулкам, определяя направление только с помощью ночного видения.

— Я иду к вам!

Уолфорд-роуд. Стоук-Ньюингтон-хай-стрит. Он обогнул парк, где недавно охотился за Нано, свернул на Родинг-роуд. Внезапно все вокруг залил яркий свет. Свет ослепил его. Эверетт Л заморгал. Корабли Джишу исчезли. Он смотрел в чистое январское небо.

Дирижабль — настоящая развалина, а не дирижабль — в небе на северо-востоке. Он солгал Рюну про дежурный дирижабль, который в случае опасности спасет его, прилетев из другого мира. Ложь оказалась правдой. Дирижабль из другого мира висел над стадионом Уайт-Хартлейн. Еще один фанат «Спурс». Сомнений быть не могло. Его двойник очистил небо Лондона от Джишу.

«Мы еще встретимся, — подумал Эверетт Л. — А сейчас у меня есть дела поважнее». Его мама, нет, не его, другого Эверетта. А впрочем, неважно. Лора стояла рядом с машиной, прижав ладони к лицу, плача от радости при виде сына.

Когда бы мы ни встретились, мы больше не будем врагами.

— Мама, — произнес он.

Шарлотта Вильерс щурилась на яркий солнечный свет. Слабое зимнее солнце ласкало щеки, небо сияло безоблачной синевой. Она не сомневалась, что в тот же миг остальные корабли Джишу исчезли из всех десяти миров. Как и в том, кого за это благодарить.

А мальчишка-то хорош. Возможно, не хуже ее самой.

Фонари вокруг Стоук-Ньюингтон-коммон погасли. Шарлотта Вильерс въехала на украденном мопеде в центр парка, вытащила из сумочки изящный монокуляр и принялась изучать небо. На алых губах появилась улыбка. Вот он, дирижабль, висит над футбольным полем. «Эвернесс» буквально разваливалась на глазах, держась в воздухе на одном честном слове.

«Кажется, вас ждет основательный ремонт, капитан Сиксмит, — подумала Шарлотта Вильерс, — а значит, я знаю, где вас найти».

Были сирены, мелькали синие полицейские мигалки и темно-зеленые мигалки военных. В небе сновали вертолеты. Пахло гарью. Люди высыпали из домов и застрявших в пробках автобусов в палисадники и парки, снимали на камеры, телефоны и планшетники чистое январское небо.

«Отныне все изменится. Политикам больше не удастся скрывать тайну. Скоро выйдет наружу правда о том, что этот мир — лишь одна из миллиардов параллельных проекций Паноплии. Век Пленитуды подходит к концу. И я воспользуюсь потрясением, которое испытало человечество, я расширю влияние Ордена и сделаю этот мир своим. И не только этот, все известные миры. Люди поймут, что мультиверсум огромен, больше, чем они способны вообразить, а десять известных миров — не более чем задворки Паноплии».

Внезапно люди увидели настоящую реальность, глубокие тени, что лежат за привычным миром, — и испугались. Испуганными людьми легко управлять. «Ты спас Пленитуду, Эверетт Сингх, но теперь ты представляешь для нее главную угрозу. Ты объявил мне войну, и я позабочусь о том, чтобы тебе не нашлось места в десяти известных мирах. Я легко настрою Президиум против тебя. Пленитуда

известных миров будет охотиться за тобой днем и ночью, без устали, без пощады, до конца. Вот увидишь, кто одержит верх».

В центре Стоук-Ньюингтон-коммон, стоя в людском кольце, Шарлотта Вильерс опустила монокуляр и медленно и отчетливо хлопнула в ладоши.

— Браво! — воскликнула она. — Браво!

Толпа, понятия не имеющая, кому адресованы аплодисменты, тем не менее присоединилась. Люди хлопали в ладоши, кричали, свистели и махали руками чистому небу над Лондоном.

На горизонте сверкнула вспышка. Шарлотта Вильерс снова поднесла монокуляр к глазам. Дирижабль исчез. Пора возвращаться на Даун-стрит. В другом мире ее ждало заседание Ордена.

Сен прошмыгнула в дверь лэтти, на ходу начесывая африканскую гриву гребнем с длинными зубьями. Под курткой майка до пупка, золотые шорты поверх леггинсов — прикид, позаимствованный из Эвереттова мира. Золотистая торба, бледно-зеленые тени и помада дополняли образ, призывая: идем со мной, Эверетт Сингх.

— Ничего себе, — сказал Эверетт. Она казалась ледяным ангелом, холодным и горячим.

Сен приосанилась, повела плечами и выпятила зад.

— Как тебе мой боевой раскрас?

Эверетту не хотелось признаваться, что в новом образе Сен выглядит немного устрашающе и не по годам взрослой.

— Собралась куда-то?

— Возможно. Бристоль бона. Не такой бона, как Хакни, но это потому, что я полоне из Хакни, а не из Бристоля.

В чистом небе над Лондоном Земли-10 капитан Анастасия показала ему карты Земли-3. Пока истребители королевских ВВС закладывали виражи над последним, потрепанным и медлительным, инопланетным захватчиком, Эверетт произвел вычисления и, используя последние крохи энергии, открыл портал Гейзенберга на Земле-3, в трехстах футах над Портисхедом.

— И здесь их нет! — воскликнула Сен и усмехнулась: — Можно подумать, кто-то сомневался...

— Они ушли, — сказал Эверетт.

И это было правдой.

— А теперь потихоньку-полегоньку, — сказала капитан Анастасия. Голос звучал утомленно, от усталости лицо посерело.

Сен аккуратно сдвинула рычаги — неохотно, скрипя и постанывая, «Эвернесс» отозвалась на прикосновение.

Капитан Анастасия медленно вела свой дирижабль над Эйвоном. Клифтонский подвесной мост проплывал под ногами Эверетта. Ему довелось побывать в параллельных мирах, в мире Джишу, выходящем за пределы человеческого понимания и ныне обращенном в пылающий алый диск, но в Англии он никогда не бывал западнее заправочной

станции «Ли Деламер» на 4-й магистрали. Дирижабли скользили над рекой, причаливали в доки. Трещало радио: шутки, приветствия от других капитанов и диспетчеров. Основные каналы надрывались, до сих пор переживая внезапное инопланетное вторжение и столь же неожиданное избавление от пришельцев. Откуда они взялись, кто они, куда исчезли? Премьер-министр собирался выступить с экстренным сообщением в семь часов вечера. По тайным радиочастотам аэриш высказывались самые дикие предположения. На фоне всего этого появление капитана Анастасии Сиксмит не осталось незамеченным, особенно теми, кто надеялся нажиться на ремонте покореженной «Эвернесс». Прожекторы и сирены дирижаблей, словно крики одиноких морских чудищ, неизвестных науке, приветствовали ее возвращение домой.

— Ты собираешься выйти в этом? — спросил Эверетт.

Сен округлила глаза:

— Ну, начинается. Да, в этом. Между прочим, ты — не моя мать.

— А где твоя мать?

— В гостях у своей.

— А Шарки с Макхинлитом?

— Макхинлит точит лясы с местными механиками. Шарки не любитель гулянок. Пошли со мной, Эверетт Сингх. Я покажу тебе Бристоль. Ты заслужил. Самое меньшее, чем я могу тебя отблагодарить, — это купить тебе выпивку. Ты пьешь пиво? Неважно, выпьешь. Будь зуши! Надень шмотки, которые я тебе купила. Будем смотреть бои на кулачках. Бонару!

Сен никак не удавалось растормошить Эверетта.

— Прости, Сен. Иди одна. Я никак не могу выбросить их из головы.

Сен устроилась на откидном сиденье у двери.

— Кого их?

— Их. Джишу. Ведь я едва не послал их на верную смерть. Я собирался отправить их в огонь. Капитан остановила меня. Как я мог? Что я за человек?

— Ты этого не сделал.

— Но мог бы! И она права: если бы я поступил так, то стал бы ничем не лучше Императрицы Солнца.

— Императрица плохая, она злодейка. Она убила их всех. Я знаю, Эверетт, чувствую. Сейчас уже меньше, но это еще не ушло. Боюсь, оно останется со мной навсегда.

— Ты сама сказала: она злодейка. А я, выходит, герой?

— Мы здесь, мы живы. Инфундибулум у тебя. Джишу исчезли. И мне неважно, куда ты их зашвырнул. Ты победил их, Эверетт, а значит, ты — герой.

— Мне не нравится то, что происходит во мне, Сен. Как в школе, когда твои приятели дерутся. Я чувствовал это, когда Кахс убила свою соперницу. Они все еще твои друзья, но они меняются и никогда не станут прежними.

— Я люблю драки, — сказала Сен и добавила, заметив, как он расстроен. — Извини.

— И тебе кажется, что по-настоящему ты не знал их. Сен, теперь я такой же, как они. И никогда не стану прежним. И я больше не знаю, кто я.

— Эверетт, ты всегда останешься собой, уж мне-то поверь.

— Это как с моим двойником. Раньше я не понимал его злобы, его ярости.

— Я хочу обнять тебя, Эверетт, но обещаю, что не помнешь мою прическу.

Эверетт протянул руку, Сен встала и распахнула объятия.

— Я недостойн тебя, Сен.

— Ерунда.

— Нет, не ерунда. Помнишь, как я попросил тебя снять футболку? Я не должен был так говорить. Это неправильно, это нехорошо.

— Нехорошо? — Сен притворилась обиженной.

— Я не об этом. В моем мире девочки твоего возраста... мы не должны...

— Запомни, Эверетт Сингх, это я сказала «нет». Никаких «должны — не должны». В палари нет такого слова.

— Я нехороший человек.

— Все мы хорошие и плохие, старые и молодые, герои и злодеи. Так устроено Создателем.

— Не там, откуда я родом.

— А там, откуда родом я, есть место и черному, и белому. Пошли. Эверетт покачал головой:

— Мне нужно все обдумать.

— Так и будешь сидеть один-одинешенек в пустом холодном дирижабле? Нет, это неправильно. Пошли со мной, Эверетт Сингх. Хотя давай-ка сделаем одну вещь.

— Какую?

Сен ловко вытащила из-за пазухи колоду, перевернула карту. «Императрица Солнца». Веселая толстуха сидела на троне, сжимая по жезлу в каждой руке.

— Я уберу эту карту, выкину ее из колоды. Все, что вложили в мою голову Королевы генов, я поместила в нее.

Эверетт даже не пытался представить себе, как подобное могло происходить физически, но для Сен это было непререкаемой истиной. Так она видела мир.

— Когда она уйдет, карты снова заговорят со мной. Выброшу ее в море. Так ты идешь, Эверетт Сингх?

Он покачал головой.

— Ладно. А знаешь, давай обнимемся! Иначе я никогда отсюда не уйду.

Эверетт встал. Болело все, снаружи и изнутри. Он не сопротивлялся, когда Сен обхватила его руками. Она была маленькой, тощей, а еще костистой, как дирижабль, но и теплой, ласковой, страстной. Эверетт прижал ее к себе. Сен крепко вцепилась в него. Он знал, что она не разожмет рук. Эверетт вдыхал ее сладкий, мускусный запах и думал о Повелителях Солнца, разлетевшихся по миллиардам параллельных миров. Возможно, в тех мирах тоже есть люди, а он взял и забросил к ним инопланетных захватчиков. Правильного выбора не существовало. Ради своего народа он пожертвовал жителями случайных миров. Сделал то, что должен был сделать. Во всем виновата Императрица Солнца, из-за нее Эверетту пришлось делать выбор.

Но ты не истреблял цивилизацию, Эверетт Сингх. Ты неповинен в геноциде и экоциде. Ты не собирался завоевывать миры.

Кахс...

Эверетт зарылся лицом в волосы Сен.

— Эй, я же предупреждала насчет прически, — пробормотала она.

— Ладно, уговорила.

— Что?

— Пошли.

— Ура! — Сен разжала объятия и выскочила в коридор. — Это будет здорово, Эверетт! Бары, клубы, бои на кулачках...

— Только не бои.

— А чем тебе не нравятся бои? Большие дядьки мутузят друг друга. Бона. Обещаю, ты их полюбишь. Так, дай-ка я на тебя посмотрю.

Сен оттолкнула Эверетта и принялась рыться в шкафу, выкидывая шорты, рубашки, носки, леггинсы и футболки.

— Я приведу тебя в порядок.

— Сен!

Его тон заставил Сен поднять глаза;

— Что?

— Ничего, просто.

Легким и нежным, словно утренний туман, поцелуем Эверетт прикоснулся к ее серебристо-зеленым губам. Сен расширила глаза, затем тряхнула головой и расхохоталась.

— Стой спокойно, Эверетт Сингх, сейчас я сделаю из тебя зуши. Увидишь, что такое настоящий бристольский шик!

Пол Маккейб ушел последним. Члены комитета давно разошлись, а он все вертелся в кабинете Шарлотты Вильерс, восторгаясь видом из окон на Темзу, дирижаблями, скользящими над, Лондоном, качеством ее фарфора.

— Мин?

— Цин. Канси.

Он ничего не смыслил в фарфоре Срединного царства.

Даже когда она поблагодарила его за вклад в дискуссию, ясно дав понять, что он отнимает ее личное время, Пол Маккейб не ушел, а стал рассматривать гравюры на стенах.

— Они с Земли-5, — сказала Шарлотта, о чем тут же пожалела — гость с утроенной энергией принялся изучать уличные сцены нового для него мира.

— Мне нравится, как художник карикатурно изображает разные человеческие типажи, — заметил он.

— Это не карикатуры, — бросила Шарлотта Вильерс. — На Земле-5 живет пять видов людей.

Нельзя открывать рот, иначе он проторчит до утра. Какой редкий зануда! Должно быть, друзья — если они у него есть — боятся приглашать его на вечеринки. Первым приходит — последним уходит.

— А сейчас у меня есть неотложные личные дела...

Льюис подал гостю пальто, шарф и перчатки, вызвал такси и держал дверь открытой, пока не убедился, что тот вошел в лифт.

— Льюис, вы сокровище.

— Спасибо, мэм.

— Сегодня вечером вы мне больше не нужны.

Шарлотта Вильерс едва устояла перед желанием стереть с чашек отпечатки сальных пальцев Пола Маккейба.

Она слышала, как Льюис запер за собой дверь, как загудел лифт. Сегодняшнее собрание комитета превзошло ее ожидания. Ничто так не способствует взаимопониманию, как нападение инопланетян. Земле-3 потребовалось мало времени, чтобы прийти в себя. Газеты уже называли случившееся «тридцатиминутным вторжением». Города в

небе: реальность или массовая галлюцинация? Случайное наложение миров? Кто возьмется объяснить, что случилось в эти безумные полчаса? Впрочем, что бы ни случилось, теперь все позади. Фонари загорелись, небеса очистились, а январские счета продолжают приходить, работы невпроворот, да и погода оставляет желать лучшего.

Шарлотта Вильерс смотрела в окно на огни ночного Лондона: поезда метро, люди на улицах и в ярко освещенных ресторанах и театрах, сигнальные огоньки речных судов на Темзе, силуэты дирижаблей высоко над подсвеченными ангелами лондонских башен. Ничего не изменилось — все стало другим.

На Земле-4 Джишу встретили сопротивление. Через портал Гейзенберга Разум Трина отправил миллионы клонов мадам Луны биться с воинами Джишу. Шарлотта Вильерс даже не пыталась представить себе масштаб кровавой резни. На Земле-3 газеты и не уставали гадать, почему корабли-города исчезли. Шарлотта Вильерс, а теперь и Орден знали почему. А вскоре узнает и Президиум.

Часы пробили одиннадцать.

Пора.

Апартаменты Шарлотты Вильерс представляли собой двенадцать светлых просторных комнат в прибрежном жилом комплексе в Сатерке. Соседняя со второй гостевой спальней комната была заперта и запечатана. Войти туда не могли ни уборщица, ни даже Льюис. Только сама хозяйка.

Шарлотта Вильерс вытащила из сумочки ключ. Небольшую комнатку чуть больше чулана почти целиком занимало металлическое кольцо. Ступени красного дерева вели внутрь. Рядом располагался пульт управления из такого же потемневшего дерева. Клавиши из слоновой кости, медный пульт управления. Шарлотта Вильерс смахнула пыль и, не снимая перчаток, набрала несколько символов. Металлическое кольцо заполнил слепящий свет. Она надела темные очки. Внутри светового кольца возникла элегантная гостиная: массивная мебель, тяжелые портьеры, тепло и приглушенный свет.

Шарлотта Вильерс поднялась по ступеням внутрь. Портал Гейзенберга за ее спиной закрылся.

В гостиной она огляделась. Тепло шло от угольного камина. Свет пламени отражался в хрустале графинов. На стенах висели

потемневшие портреты предков. Холодный ветер за витражным окном клонил ветки. Пахло пчелиным воском, старым деревом, дымом от камина и книгами.

Дворецкий в полосатых брюках и сюртуке заглянул внутрь, увидел Шарлотту Вильерс и с важным видом вошел в гостиную.

— Я заметил свет. Добро пожаловать домой, мадам Вильерс. Сколько лет, сколько зим!

— Спасибо, Бейнс. И впрямь, давно это было.

— Надеюсь, все прошло успешно?

— Если считать отражение инопланетной агрессии разумных рептилий успехом, то да.

— Звучит страшновато, мадам. Слава богу, мы здесь избавлены от потрясений. В нашей проекции такого не случается.

— Да будет так и впредь, Бейнс.

Старинные часы пробили четверть часа. Шарлотта Вильерс сняла темные очки и сунула в сумочку.

— Я спешу, Бейнс.

— Я приготовлю чай к вашему возвращению.

— Что бы я без вас делала, Бейнс! Я раздобыла потрясающий рецепт горячего шоколада и просто обязана поделиться им с вами.

* * *

Восемь минут. По лестнице для слуг Шарлотта Вильерс спустилась в старую кухню. Дела Пленитуды заставили ее пропустить два последних сеанса, и она давно перестала считать Кембридж своим домом. Ее домом была квартира в Сатерке, теплая, удобная, обставленная по ее вкусу. Домом был Лондон, Земля-3. Эту проекцию, в которой она родилась и откуда отправилась в большой мир воплощать в жизнь идеи отца, Шарлотта Вильерс теперь называла про себя Землей-3а.

Лаборатория занимала старую кухню, буфетную и винный погреб. Свет мигал; преобразование еще не завершилось, питаясь энергией трещины между мирами. Шарлотта Вильерс знала, что ее соседи по тенистому академическому пригороду постоянно жалуются на перебои

с электричеством. Всегда ночью, в двадцать три минуты двенадцатого, каждые шесть недель и два дня.

Бейнс поддерживал здесь чистоту, но никогда не дотрагивался до предмета в центре лаборатории, накрытого бархатной тканью. Шарлотта Вильерс отдернула бархат. Портал представлял собой пустую рамку, две стойки, две перекладины, обмотанные проводами. Дверь, ведущая в никуда. Дверь, ведущая куда угодно. Экран коммутатора за увеличительной линзой моргнул и погас. В соседних домах замигали лампочки. На столе в тяжелом медном подсвечнике стояли пыльные оплывшие свечи. Шарлотта Вильерс одну за другой зажгла их. Вокруг стола собиралась энергия. Пыль поднялась в воздух. Волоски на затылке встали дыбом.

«Заверши мой труд, — произнес перед смертью ее отец, лежа в кровати с балдахином в мрачной спальне наверху. — Все, что я сделал, лишь проблеск. Тени теней. Слабый проблеск. Ты должна пойти дальше».

«То, что ты сделал, папа, — подумала Шарлотта Вильерс, — не просто тени теней. Я ушла из дома, я видела чудеса и ужасы, миры, которые невозможно вообразить и в которые невозможно поверить. Я видела власть, абсолютную власть. Власть, скрытую в уравнениях, с помощью которых ты зажигал свой волшебный фонарь и показывал мне слабые отблески иных миров. Я видела Плерому».

Одна минута.

Пламя свечей клонилось в сторону портала, испускающего синий призрачный свет.

— Прости, любовь моя, — прошептала Шарлотта Вильерс. — Меня так долго не было.

Часы остановились в двадцать три минуты двенадцатого.

Шарлотта Вильерс надела черные очки.

Портал вспыхнул ярко-синим.

Лицо Шарлотты Вильерс было в нескольких сантиметрах от синевы. Лазурные молнии в расщелине между проекциями потрескивали, отражаясь в стеклах очков. Ветер иных миров отбросил волосы с лица.

Трещина, нора между мирами, между всеми существующими мирами. Рана, в которой соприкасаются и перетекают друг в друга все

проекции. А внутри, в самой ее середине, Плерома — сердце реальности. И в самом сердце Плеромы — Лэнгдон Хейн.

Шарлотта Вильерс помнила ночь, когда они впервые открыли портал. Дело жизни ее отца, оставшееся незавершенным из-за рака, съевшего его кости и мечты, было наконец-то близко к завершению. Годы исследований и самоотречения. Таких математиков, как она, ее колледж выпускает раз в столетие. Он был инженером, который сумел воплотить свои теории в металл, электричество и в силы фундаментальной физики. Один щелчок тумблера откроет путь к другой Земле, отблески которой отец когда-то показывал Шарлотте в своем Квантовом фонаре. Земле, почти неотличимой от нашей. Потребуется годы исследований, чтобы понять разницу. Один щелчок — и один шаг сквозь портал Вильерса.

Она помнила возбуждение и радостную дрожь, которая их охватила. Неужели это возможно? Они решили, что сделают этот шаг вместе, взявшись за руки. Но кто останется у пульта управления?

«Иди ты», — предложила она.

«Нет, ты, это твоя идея», — не согласился он.

Тогда они решили бросить монетку, довериться судьбе. В круг света шагнул он.

Часы остановились в двадцать три минуты двенадцатого.

— Лэнгдон?

Он был тут. Лицо, погребенное под складками бесконечной синевы, словно лицо пловца в воде или лицо ребенка, укутанного в теплое одеяло холодной ночью. Ночью, холоднее всех ночей на свете, пойманный в сеть между мирами. Она могла бы коснуться его лица, но никогда этого не делала. Перешагни порог — и тебя затянет в омут Трещины, разбросает между мирами Паноплии. И тебе не видать даже этого слабого утешения, раз в несколько недель, ровно в двадцать три минуты двенадцатого, когда Лэнгдон Хейн шагнул внутрь портала и смешался с Плеромой, квантовой реальностью, что составляет фундаментальную основу мультиверсума. Нигде и везде.

Шарлотта Вильерс провела ладонью над его лицом.

— Любовь моя, — промолвила она.

Он улыбнулся. Он не слышал ее, но мог читать по губам и глазам. Его губы сложились в слова: «Я люблю тебя». Потом синий свет

вихрем завертелся, подхватил его и унес в случайную параллельную вселенную, призрак, бормочущий в стенах мира.

— Я верну тебя, любовь моя, — прошептала Шарлотта Вильерс.

Теперь она понимала, в чем заключалась ошибка, и знала, как ее исправить. Предположения ее отца были неверны в своей основе. Миры взаимодействуют не при помощи грубой внешней силы, а посредством тонкой настройки энергии, как музыкальные инструменты в оркестре настраиваются, чтобы звучать в тон. Первый портал пробил дыру в Плероме, но, как оказалось, Плеромой, самой тканью реальности, можно управлять. Все подвластно математике. Инфундибулум — инструмент настройки мультиверсума. Эверетт Сингх и его отец не сознавали последствий своего изобретения: прыжки между мирами возможны лишь потому, что Инфундибулум получил доступ к Плероме. Этот инструмент мог освободить из Плеромы Лэнгдона Хейна, и он же был способен управлять ею.

Порыв ветра потушил свечи, портал вспыхнул и закрылся. Свет моргнул. Перезагружаясь, загудел компутатор.

Часы показывали двадцать пять минут двенадцатого.

Шарлотта Вильерс набросила тяжелый бархат на рамку.

Ее ждали дела. Пленитуде грозит катастрофа, и этим нужно воспользоваться. Сейчас Орден могущественен и сплочен. Никогда еще их шансы на захват власти не были так высоки. Ибрим Ходж Керрим слишком много знает. Его следует устранить от дел. Отныне Эверетт Сингх — враг номер один во всех Десяти известных мирах. Работы неупрочен, и быстрота — залог успеха.

Этой же ночью она вернется на Землю-3. После того как выпьет чаю, который заварил для нее Бейнс. В следующий раз она привезет ему новый рецепт горячего шоколада. Кухня Земли-7 — это нечто особенное.

— Я верну тебя, — сказала Шарлотта Вильерс, обращаясь к прямоугольнику тяжелого бархата. — Я обещаю.

* * *

Бесшумное электротакси высадило ее у входа в Хакни — высокой кирпичной стены трущоб Бетнал-грин. Водитель ни за что не соглашался ехать дальше.

— Да и вы смотрите в оба, дамочка. Сборище чертовых пиратов, вот кто эти аэриш.

— Non piratas, sed pilotous, — сказала Шарлотта Вильерс на чудовищной смеси классических языков — шутка, настолько выше понимания простого таксиста, насколько возвышались над ней покрытые копотью своды древней постройки: этаж на этаж, глыба на глыбу. Говорили, что новые ярусы целыми блоками возводились внутри старых, трущоба на трущобе.

— Что вы сказали?

Не пираты, а пилоты. Так шутка звучала смешнее, хотя все равно слабовато. Мертвые языки не слишком подходят для каламбуров.

— Спасибо, я учту.

Над головой прогрохотал поезд — сводчатые помещения усиливали звуки. Искры посыпались сверху.

В своем мире Шарлотте Вильерс не доводилось бывать в Великом порту Хакни. Импровизированный рынок раскинулся в арке ворот. Здесь торговали одеждой по местной моде, безделушками, горячей едой, пивом с пряностями, краденными вещами и контрабандой из Америк и Высокой Бразилии. Янтарь в руках торговца привлекал взгляд. Возгласы на местном арго, уханье современных ритмов. Зрелище завораживало. Лабиринт палаток и прилавков незаметно переходил в территорию порта. Шарлотта Вильерс осознала, что находится в порту, только когда кирпичные своды над головой сменились пришвартованными дирижаблями, а солнечный луч, проникший между двумя массивными корпусами, упал ей на лицо.

— Мне нужен дирижабль, — обратилась она к цветущей жизнерадостной матроне, закутанной в шали и хлопотавшей у прилавка с горячим варевом — Что это?

— Лобскауз, дона. Матросское рагу. Хотите бижу миску?

— Нет, спасибо.

Шарлотте Вильерс не хотелось признаваться, что пахло варево отвратительно. По крайней мере, пока толстуха не объяснит ей, как добраться до портовой конторы. Причальный мастер, краснолицый, в

костюме с искрой и бриллиантовой запонкой на вороте сорочки, провел линзой над монитором и прокрутил цифры вниз.

— Только вчера вернулся из Кобенхавна. Двадцать седьмой док. Хотите карту?

— Пожалуйста.

— С вас еще две монеты.

Шарлотта Вильерс протянула ему деньги с Земли-3. Ей уже удалось обмануть железнодорожного кассира и таксиста — что уж говорить про скупающего портового служащего.

Карта, еще теплая после принтера и воняющая свежими чернилами, привела ее на задворки старого Хакни, в лабиринт кривых улочек, ночлежек, пабов и забегаловок, втиснутых между складами и караван-сараями, словно извечный вопрос аэриш: бабло, бабло, у вас не найдется лишней монетки для бедного оми?

Вокруг Шарлотты Вильерс сновали автопогрузчики, прямо над ее головой скрипучие канатные тельферы транспортировали массивные грузовые контейнеры, а высоко над этим хаосом возвышались дирижабли, пришвартованные к спицам-причалам по четыре, словно лепестки цветов из стали и нанокарбона. Их мостики сияли огнями, люки были распахнуты, а брюхо покрывали короны и розы, единороги и драконы, свастики и глаза. Гора, орлы и ангелы, мадонны и скелеты: пантеон аэриш, народа воздухоплавателей.

Двадцать седьмой док оказался тридцатиметровым стальным деревом посреди скопища складов. На краю опущенного грузового люка сидел высокий мужчина в длинном плаще с пелериной и в шляпе с дерзко заломленным черным пером. Худощавое лицо с козлиной бородкой, в глазах — острый ум. Ошибиться было невозможно в любом из миров.

Шарлотта Вильерс улыбнулась:

— Этот дирижабль называется «Эвернесс»?

— Так и есть.

— Я ищу его хозяина.

Высокий мужчина с козлиной бородкой сдвинул шляпу на затылок.

— Вы уже нашли его, мэм. Майлз О'Рейли Лафайет Шарки, хозяин и капитан дирижабля «Эвернесс».

СВЕТ!

Свет! Свет был вокруг, свет обнимал его, свет сиял сквозь него так интенсивно и долго, что ему начинало казаться, что свет отбелит органы внутри его тела. Запечатлен в свете. Стал светом.

Начальный свет. Тот, что сияет между галактиками. Как долго он здесь пробыл? Бессмысленный вопрос. Здесь не было времени. И пространства. Он был везде и нигде. Он был всем и ничем.

Затем свет раскололся, словно оконное стекло от удара бомбы, и на него обрушилась тьма. Он падал во тьму. И тьма была благом. Великая, мягкая, бесконечная тьма.

«Так вот на что похожа смерть!» подумал он.

Он жив?

Значит, жив.

Показатели жизненно важных функций в норме, первый министр. Разумеется, нет никакой уверенности, что там внутри.

«Я слышу вас! Я пытаюсь с вами заговорить. Слушайте! Вы меня слышите?»

Как долго он здесь пробыл?

Технически в состоянии Планка нет ни времени, ни пространства. Так что ваш вопрос лишен смысла.

Прошу вас, профессор, объяснитесь. Я не ученый.

Девять дней после кризиса. Мы ни в чем не уверены. Определенно не человек. Все, что у нас было, это слабый резонанс. Мы зацепились за него и выделили структуру. С тех пор мы пытались совместить ее с нашим миром.

Структуру... А откуда он?

Из другой Вселенной.

Из другой Вселенной. От ваших слов меня бросает в дрожь. Пойдите, его губы движутся/

— Я слышу вас

Сестра, промойте ему глаза!

Мягкие влажные прикосновения к векам смыли засохшие корки.

Я первый министр Эсва Аариенсис с Объединенных островов. Вы находитесь в больнице.

Он открыл глаза. Закричал. Свет: настоящий свет. Он болезненно прищурился. Флуоресцентные лампы на потолке, лица смотрят на него сверху вниз. Мужчина в костюме с высоким воротом, хорошо одетая женщина, еще одна в белом монашеском одеянии. И снова свет: большое окно. Он попытался привстать на локтях, свет неудержимо влек к себе. Башни, небоскребы, шпили, сверкающее стекло, инверсионные следы летательных аппаратов, клочья высоких облаков, световые арки во всю ширину высокого голубого неба.

— Где я?

Вы на Земле.

— На Земле? А как быть с этим? — Он недоуменно повел рукой.

Выше небоскребов, аэропланов, облаков и таинственного движущегося света в небе висел еще один голубой мир, такой огромный, что ладонью не заслонить. Мир морей и зеленых лесов, желтых пустынь, белых снегов и гигантских облачных спиралей.

Тише, тише.

У вас шок.

Теперь вы в безопасности.

Как вас зовут..

Вы помните, как вас зовут?

— Меня зовут, — произнес он, все еще не в силах отвести глаз от нового мира в небесах, — Теджендра Сингх.

ГЛОССАРИЙ ПАЛАРИ

аламо: влюблен, влюблена.

амрийя: персональная клятва или обет, которые невозможно нарушить (из цыганского языка).

барни: бой, драка.

бижу: маленький (от французского bijoux — «драгоценность»; в версии Сен — бижусенький).

благ: просить об одолжении, получать бесплатно.

бона: хороший.

бонару: чудесный, замечательный.

варда: смотреть, видеть (диалектное итальянское: vardare = guardare — смотреть).

дивано: собрание экипажа дирижабля у аэриш.

дилли-дилли-долли: миленький, хорошенький.

диш: задница.

дона: уважительное обращение к женщине (итал. donna, лингва франка — dona).

доркас: нежное обращение, «тот, кому ты небезразличен».

зо: быть частью сообщества аэриш («Как по-твоему, он зо?»)

зуши: стильный, нарядный (цыганское: Zhouzbo — аккуратный, чистый)

кьяпп: полицейский (от итальянского chiappare — ловить).

лилли: полиция.

лэтти: комната или каюта на дирижабле.

манджарри: еда (итал. mangiare — есть, лингва франка tnangiarìa).

мешигенер: дурацкий, безумный, сумасшедший (из идиш).

миизи: грубый, ркасный, презренный (из идиш).

нанте: нет (итал. niente).

нафф: страшный, тупой, бестактный

огли: глаза

оми: мужчина, мальчик

оцил: лицо (слово-перевертыш).

палоне: женщина, девочка (мн. ч. палонес).

рыльце: лицо.

саби/савви: знать/знаешь? (от лингва франка *sabir*).

торба: сумка или рюкзак.

фантабулоза: сказочно прекрасный, потрясающий.

фрутти, фрутти-бой: в порту Большой Хакни слово имеет пренебрежительное значение.

notes

Примечания

Примечание автора: в конце книги имеется словарь наречия палари. Палари (подари, парларе) — реально существующий тайный язык, развивавшийся параллельно с английским. Его корни уходят в семнадцатое столетие, тогда это был воровской жаргон. В разное время он был жаргоном рыночных и уличных торговцев, ярмарочных и театральных актеров, бродячих кукольников и гей-субкультуры. Жаргон палари (от итальянского *parlare* — говорить) включает слова, заимствованные из разных источников: итальянского и французского языков, лингва франка (смешанный язык, на котором некогда говорили в средиземноморском регионе), а также идиш, цыганского и гэльского. Многие слова заимствованы из жаргона кокни, где слово могло образовываться путем замены на рифмующееся с ним слово или путем перестановки букв задом наперед (*прим. перев. первой и второй книг*: такие слова мы старались заменять на русские эквиваленты, учитывая к тому же, что они, как правило, входят в современный английский молодежный жаргон; а слова, происходящие из иных языков, по возможности оставлять как можно ближе к оригиналу).

У всех у нас есть свой язык (*хинди; прим. перев.*).

У. Шекспир. «Гамлет», акт I, сцена 3 (пер. М. Лозинского).

Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.

5

Спасайся, кто может! (фр.)

Шарки переиначивает строчку из шекспировского «Макбета» (пер. Ю. Корнеева).